

ИМПЕРИЯ В
ЛИТЕРАТУРЕ

ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФАШИЗМ

Михаил КРЫСИН

ИМПЕРИЯ В ЛИТВИ И Л

Чем если не фашизмом в действии можно назвать «борьбу за независимость» под знаменами Третьего рейха латвийских, эстонских и литовских полицейев и легионеров? Эти «борцы за независимость» в годы нацистской оккупации делили людей на «пригодных» и «непригодных для германизации», на «арийцев» и «неарийцев», на «сверхчеловеков» и «недочеловеков», громили дома «жидов и коммунистов», расстреливали тысячами ни в чем не повинных людей. И сегодня в странах Балтии, как в Германии 1930—1940-х годов, людей делят по национальному признаку, на «граждан» и «неграждан», выбрасывают из их домов и запрещают родной язык.

Эволюции прибалтийского фашизма с довоенных времен до наших дней посвящена книга историка М.Ю. Крысина.

Установленный в 2004 году в эстонском местечке Лихула памятник бойцам 20-й Добровольческой дивизии СС под давлением международной общественности был снесен, но уже в 2005 и 2006 годах в Синемаяэ и Мехикоорма появились еще два новых памятника эстонским эсэсовцам. А в начале 2007 года в эстонском парламенте обсуждалось решение о сносе памятника советским солдатам-освободителям в Таллине...

ISBN 978-5-9533-1852-5

9 785953 1318525

ВСЧЕ

**ИМПЕРИЯ-РУ
ЛИТЕРАТУРА-РУ**

Михаил КРЫСИН

ПРИБАЛТИЙСКИЙ
ФАШИЗМ.
ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Москва
«Вече»
2007

ББК 63.3(0)6
К85

Крысин М.Ю.

К85 Прибалтийский фашизм. История и современность /
Михаил Крысин. — М.: Вече, 2007. — 576 с. —
(Империя.RU).

ISBN 5-9533-1852-9

ISBN 978-5-9533-1852-5

Чем если не фашизмом в действии можно назвать «борьбу за независимость» под знаменами Третьего рейха латвийских, эстонских и литовских полицаев и легионеров? Эти «борцы за независимость» в годы нацистской оккупации делили людей на «пригодных» и «непригодных для германизации», на «арийцев» и «неарийцев», на «сверхчеловеков» и «недочеловеков», громили дома «жидов и коммунистов», расстреливали тысячами ни в чем не повинных людей. И сегодня в странах Балтии, как в Германии 1930—1940-х годов, людей делят по национальному признаку, на «граждан» и «неграждан», выбрасывают из их домов и запрещают родной язык.

Эволюции прибалтийского фашизма с довоенных времен до наших дней посвящена книга историка М.Ю. Крысина.

ББК 63.3(0)6

ISBN 5 9533-1852 9
ISBN 978-5-9533 1852-5

© Крысин М.Ю., 2007
© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
<i>Глава 1</i>	
Рождение прибалтийского национализма	9
<i>Глава 2</i>	
Демократия под свастикой	26
<i>Глава 3</i>	
Чья оккупация страшнее?	84
<i>Глава 4</i>	
Прибалтика в планах нацистов	111
<i>Глава 5</i>	
Теория и практика народовбивства	124
<i>Глава 6</i>	
Литва: кровавая вакханалия первых дней оккупации	131
<i>Глава 7</i>	
Латвия: «Здесь людей казнили за то, что они были невиновны...»	178
<i>Глава 8</i>	
Эстония: образец «окончательного решения» еврейского вопроса	220
<i>Глава 9</i>	
Рейхскомиссариат «Остланд»: анатомия оккупации	249
<i>Глава 10</i>	
Работоторговцы XX века	269
<i>Глава 11</i>	
Литва: «Народ, не достойный носить оружие»	297

<i>Глава 12</i>	
Латвия: «Свои права на проживание в новой Европе мы должны доказать...»	336
<i>Глава 13</i>	
Эстония: «Спасибо Гитлеру за освобождение от большевизма...»	381
<i>Глава 14</i>	
Последние дни рейхскомиссариата «Остланд»	418
<i>Глава 15</i>	
Националистическое сопротивление в республиках Прибалтики (1944—1952)	437
<i>Глава 16</i>	
Прибалтика и «холодная война»	476
<i>Глава 17</i>	
Из Советского Союза в Европейский союз	506
Источники и литература	554

ВВЕДЕНИЕ

К началу XXI века мир, кажется, стал забывать о том, что такое фашизм. Вторая мировая война уже более 60 лет как стала историей. Прилавки книжных магазинов заполнили книги об истории Третьего рейха и его лидеров, истории вермахта, войск СС, спецслужб нацистской Германии. Возрос интерес к «той стороне» фронта, к истории тех, кто воевал против Советского Союза. И это естественно: людям требуется заполнить пробелы в истории, которых много накопилось в советское время, когда официальная историография старалась «не загружать» читателей биографиями нацистских преступников... Но помогло ли это нам лучше понять, что такое фашизм? Или в нас просто проснулся нездоровый интерес к «запретной теме»?

Фашизм — это прежде всего дискриминация одного народа другим, деление людей на «первый», «второй» и «третий сорт», на господ и рабов, на сверхчеловеков и недочеловеков. Это же служит оправданием для уничтожения тысяч или миллионов людей, войн во имя завоевания «жизненного пространства», на которых греют руки воротилы бизнеса... Фашизм — это идеология, в основе которой лежит «закон джунглей», слепой фанатизм и одновременно жестоко-рациональная жажда наживы за счет другого — «иностранца», «недочеловека», «раба».

Каким же еще словом можно назвать то, что латвийские, эстонские и литовские полицаи и легионеры, сражавшиеся под знаменами Третьего рейха, называли «борьбой за независимость» прогив большевизма? Когда в годы нацистской оккупации делили людей на «пригодных» и «непригодных для германизации», на «арийцев» и «неарийцев», на «сверхчеловеков» и «недочеловеков», громили дома «жидов и коммунистов», расстреливали их семьи в Саласпил-

се, Клооге или XI Каунасском форте, а вместо родного — латвийского, эстонского, литовского, русского языка — вводили немецкий? И как назвать ту идеологию, которая в 1990-е годы стала господствующей в странах Балтии? Когда сегодня людей по национальному или иному признаку делят на «граждан» и «неграждан», как в годы нацистской оккупации, выбрасывают из домов и заставляют забыть родной язык?

Все это можно назвать одним и тем же словом — фашизм.

...Еще в годы войны националисты (читай — фашисты) Эстонии, Латвии и Литвы заявляли, что они отстаивают свой суверенитет. Но так ли это было в действительности? Документы свидетельствуют, что ни Гитлер, ни оккупационные власти рейха никогда не собирались предоставлять прибалтийским республикам независимость, да и сами они надеялись, максимум, на предоставление автономии в рамках рейха... В то же время в составе Советского Союза республики Прибалтики имели гораздо более независимый статус союзных республик и, в том числе, формальное право выхода из Союза (что и было сделано в начале 1990-х годов). Следует особо отметить, что прибалтийские республики вошли в состав Советского Союза без каких-либо нарушений международного права, о чем также свидетельствуют документы той эпохи. Так что винить Советский Союз в том, что он якобы вероломно захватил Прибалтику, и представлять вхождение в состав Советского Союза как «советскую оккупацию» неверно — цифры и факты не позволяют. Причем цифры и факты эти в последние годы не раз публиковались, и поэтому известны не только советским, но и западным историкам...

Так почему же прибалтийские «борцы за независимость» в годы войны бросились в объятия гитлеровской Германии и охотно сотрудничали с оккупантами? (Отсюда, собственно, и пошло само слово «коллаборационист» — от французского «collaboration» — «сотрудничество»). Во Франции так называли тех, кто в 1940—1944 г. сотрудничал с германскими оккупационными властями.) Почему эти люди не сражались против фашизма бок о бок с партизанами, несмотря на идейные разногласия, как это было в той же оккупированной Франции?

Факты говорят о том, что созданные при фашистской оккупации органы самоуправления, полиция, латышские, эстонские и литовские части СС были добровольными соучастниками геноцида своего собственного народа, не говоря уже о русских, евреях, поляках... Те же факты (упрямая вещь эти факты!) — не оставляют сомнения в том, что прибалтийские коллаборационисты были готовы принести фашистам любые жертвы, вплоть до последнего гражданина своей стра-

ны, обещая немецким властям поголовное уничтожение прибалтийских евреев, тотальную военную мобилизацию, любое количество людских ресурсов для военной промышленности. О какой борьбе за независимость, в таком случае, может идти речь?

Бороться с мифами можно только с помощью фактов. Справедливо заклеив коллаборационистов как соучастников преступлений нацизма и обосновав это огромным количеством фактов, советская историография, тем не менее, предпочла обойти стороной вопрос о причинах этого явления. Подобные чересчур щекотливые темы предпочитали не обсуждать. Именно это и открыло простор для откровенных фальсификаций — таких как миф «Ледокола», миф о послевоенной «советской угрозе», о Советском Союзе как «тюрьме народов», а также о борьбе этих народов «за независимость» против большевизма.

Пришло время дать ответы на вопросы, которые давно назрели. Причем — аргументированные ответы, а не разжеванную кашу из советских хрестоматий по истории.

Кто были истинные хозяева прибалтийских коллаборационистов? Каковы мотивы этого явления в республиках Прибалтики в годы Второй мировой войны? Ради чего все это делалось? Очевидно, основной целью было противостояние Советам и желание вернуть себе власть и собственность, отнятые в годы советской власти, причем — даже ценой немыслимых человеческих жертв и самой независимости своих стран, которые должны были стать германскими колониями со всеми вытекающими отсюда последствиями. Достаточно лишь посмотреть, кем были до войны те люди, которые впоследствии сотрудничали с оккупантами, и их мотивы станут ясны. Политика всегда вращалась вокруг денег и собственности... Как известно, Германия и не думала предоставлять суверенитет прибалтийским республикам, да и сами правящие круги Прибалтики как в 1918, так и в 1939—1940 годах неоднократно просили Гитлера нарушить этот «суверенитет» и принять их под протекторат рейха, а позднее, в годы Второй мировой войны, как настоящие бизнесмены, назначали цену в человеческих жизнях — несколько десятков тысяч латышей, литовцев, эстонцев в качестве «пушечного мяса» — за «независимость по образцу протектората Богемии и Моравии»? Национально-освободительные лозунги предназначались для простого народа, понятия не имевшего, о чем беседовали их самозванные лидеры в узком кругу с высшими чинами нацистских спецслужб и оккупационной администрации. В действительности борьба за независимость являлась лишь борьбой правящей верхушки за передел собственности и возвращение себе былых привилегий при германском «новом порядке».

Впрочем, это утверждение применимо и к сравнительно недавнему периоду в истории стран Балтии — к 1980—1990-м годам. Послевоенная борьба прибалтийских националистов за независимость ничем принципиально не отличалась от той борьбы, которую вели их предшественники на стороне Гитлера. Сменились хозяева, поменялись методы, но сущность осталась той же... Их идеология — обыкновенный фашизм...

В начале 1990-х годов долгожданная независимость была получена. Чего же еще не хватает этим господам, детям бывших полицейев и эсэсовцев, вернувшимся из Америки, Англии, Канады, Швеции, Австралии?

Ответ на все эти вопросы нужно искать в самой истории прибалтийского фашизма в лицах, цифрах и фактах.

ГЛАВА 1

РОЖДЕНИЕ ПРИБАЛТИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Первая германская оккупация

В течение XX века Прибалтика дважды побывала под германской оккупацией. Впервые большая часть Прибалтики была оккупирована кайзеровскими войсками в годы Первой мировой войны. В ходе немецкого наступления летом — осенью 1915 года немецкая армия вторглась на территорию нынешней Латвии. Одновременно, к августу 1915 года, немцы заняли большую часть Польши и таким образом открыли себе путь на Литву. 18 августа 1915 года немцы овладели Каунасом (Ковно) и продолжили наступление на Вильнюс (Вильно). В результате очень скоро вся юго-западная, западная и северная части Литвы (включая город Каунас) оказалась под немецкой оккупацией.

На всей оккупированной территории Белоруссии, Литвы и Курляндии в июне 1915 года по приказу фельдмаршала Гинденбурга была создана так называемая «Область восточного управления». Армейское командование сосредоточило в своих руках практически всю власть, а гражданское управление было частично возложено на органы самоуправления, создававшиеся из местных прибалтийских немцев (в основном помещиков, или «баронов»). Их пресса объявила Прибалтику территорией будущей германской колонизации и потребовала, чтобы земли латышских крестьян были переданы немецким колонистам. Так, в одной только Курляндии предполагалось поселить около 60 тысяч семей немецких поселенцев. Проводилось онемечивание местного населения. В первую очередь это кос-

нулось языка: официальным языком делопроизводства и обучения в школе был провозглашен немецкий. Все материальные ценности и природные ресурсы этих областей считались военной добычей и беспощадно вывозились в Германию. С населения собирались непосильные налоги и платежи, как установленные еще царским правительством, так и введенные оккупационными властями. Проводились широкомасштабные реквизиции. Не удивительно, что одним из следствий немецкой оккупации стали потоки беженцев, устремившихся из прифронтовых районов в глубь России перед приближением германских войск. Если накануне войны в 1913 году в Курляндии, например, проживало около 800 тысяч жителей (из них 600 тысяч латышей), то в сентябре 1915 года по переписи, проведенной оккупационными властями, там оставалось всего 250 тысяч человек.

Но помимо развала хозяйства еще одним следствием германской оккупации стало образование на территории Прибалтики послушных немцам органов самоуправления — «зародыша» будущего правительства Литвы. После капитуляции Германии, с одобрения оккупационных властей, образованные на ее территории органы местного самоуправления получили статус «независимых правительств».

На занятой немцами территории Литвы местные националисты в сентябре (октябре) 1917 года создали так называемую Литовскую тарibu (совет) во главе с Антанасом Сметоной, находившуюся под контролем германских властей. То, что в стране стояли кайзеровские войска и оккупационная администрация, не мешало им считать Тарibu прообразом правительства независимой Литвы. Тем не менее когда Германия и Советская Россия начали мирные переговоры в Брест-Литовске, Тарibu не без влияния оккупационных властей вдруг вспомнила о том, что когда-то Литва была самостоятельным государством. Чтобы сохранить свою «независимость» от революционных событий в России под защитой немецких штыков, 11 декабря 1917 года она провозгласила восстановление Литовского государства и приняла акт «О вечных союзных связях Литовского государства с Германией», который предполагалось закрепить военной конвенцией о транспортном сообщении, таможенным союзом и введением единой валюты. Но общественность Литвы воспротивилась этому акту, сочтя его предательством национальных интересов. В результате 16 февраля 1918 года Литовская тарibu была вынуждена принять новый акт «О независимости Литвы», в котором о военной конвенции с Германией уже упоминалось. В нем лишь содержался призыв к правительствам

Германской и Российской империй признать восстановление независимого Литовского государства. О действительной независимости, конечно же, по-прежнему не могло быть и речи, поскольку все эти заявления издавались с ведома германских оккупационных властей! Не удивительно, что уже 4 июля 1918 года Тариба приняла решение провозгласить Литву монархией и пригласить на литовский престол принца Вильгельма фон Ураха графа Вюртембергского, который после коронации должен был принять имя короля Миндаугаса II.

Латвия была оккупирована кайзеровскими войсками лишь частично. В результате августовских боев 1915 года в руки немцев перешла большая часть Курляндии (северо-западная часть Латвии, образующая выдающийся в Балтийское море полуостров), а в следующем месяце началось продвижение кайзеровских войск в направлении Даугавпилса (Двинска). 13 октября кайзеровские войска овладели городом Илуксте и подошли вплотную к Даугавпилсу, однако форсировать Двину и занять город им так и не удалось. В конце 1915 года немцы предприняли еще одно наступление на Ригу, так как попытка взять город с моря в августе того же года закончилась неудачей, но наступление было остановлено в 20—30 километрах от Риги, в Тирельских болотах у озера Бабите.

В результате находившиеся в прифронтовой полосе Курляндская и Лифляндская губернии в течение трех последующих лет были почти полностью разорены войной. В оккупированной части Латвии немцы не рискнули создавать какие-либо органы самоуправления — вся власть находилась в руках немецких военных комендантов. Из неоккупированной части Латвии все бывшие царские чиновники бежали сразу после Февральской революции. Не случайно в течение трех последующих лет, с 1917 по 1920 год, советская власть здесь устанавливалась дважды. Хотя Временное правительство Керенского назначило исполняющим обязанности комиссара по Лифляндской губернии адвоката Красткална, через несколько месяцев Рижский Совет рабочих депутатов взял всю власть в свои руки, а Красткалн был арестован и отправлен под конвоем в Петроград. После Октябрьской революции большинство солдат латышских полков, созданных еще царским правительством, — знаменитые «латышские стрелки» — перешли на сторону большевиков.

В Эстонии, куда кайзеровские войска не дошли в 1915 году, после Февральской революции появилось на свет множество националистических партий. Крупнейшей из них стал «Демократический блок», который возглавляли Иван Поска, будущий диктатор Эсто-

нии Константин Пятс и будущий лидер парламентской оппозиции Ян Тыниссон. В то время ни эстонские националисты, ни правительство Керенского не были заинтересованы в отделении Эстонии от Российской империи, о чем свидетельствуют многочисленные документы. Но, опасаясь развития революционных событий, националисты выдвинули лозунг автономии и выдвинули свой проект самоуправления. Так был создан Губернский земский совет (эст. — Маапяэв), председателем которого стал Иван Поска. Закон о выборах в Маапяэв был составлен так, что обеспечивал представительство только высшим слоям населения.

Установившаяся в декабре 1915 года линия фронта в Прибалтике не претерпела практически никаких изменений вплоть до 21 августа 1917 года, когда Корнилов сдал немцам Ригу. 29 сентября того же года группа эстонских офицеров царской армии сдала германским войскам острова Сааремаа и Муху, в результате чего попала в плен большая часть солдат 1-го эстонского полка. Пятс, Тыниссон и Поска поддержали корниловский мятеж, однако после его подавления расклад сил оказался не в их пользу. В советах рабочих и крестьянских депутатов начали набирать влияние большевики. В ноябре 1917 года они провозгласили создание так называемой «Эстляндской коммуны» в Нарве и Нарвском уезде. Вскоре после этого администрация Ивана Поски была смещена, дела губернского комитета принял большевик Виктор Кингисепп, а «Эстляндская коммуна» стала фактическим правительством Эстонии. Она провела ряд преобразований в экономике, административном устройстве и прочих областях. Были конфискованы помещичьи земли и переданы в ведение советов трудящихся, отменена ежегодная арендная плата «баронам» (помещикам, в основном из прибалтийских немцев) за пользование землей, введен рабочий контроль на предприятиях и т.д. Любопытно, что официальное делопроизводство и преподавание в школах на эстонском языке были впервые введены в Эстонии не националистами вроде Пятса и Тыниссона, а большевиками.

Националисты были обеспокоены тем, что власть ускользала у них из рук. В январе 1918 года по инициативе Константина Пятса и бывшего подполковника царской армии Йохана (Ивана Яковлевича) Лайдонера они направили в Стокгольм «инострannую миссию». Глава миссии Ян Тыниссон представил германскому послу в Стокгольме докладную записку, адресованную правительству Германии, с просьбой о немедленной оккупации Эстонии. Одновременно Пятс и Лайдонер установили прямой контакт с командованием германских войск, направив в немецкий штаб в г. Куресааре своего уполно-

моченного. По их указанию офицеры размещенной в Хаапсалу эстонской воинской части открыли немцам фронт. В результате этого кайзеровские войска с острова Сааремаа высадились в континентальной Эстонии и были брошены прямо на Таллин, вместо того чтобы двинуться на соединение с немецкими войсками, наступавшими с юга на Пярну.

Германское министерство иностранных дел в январе 1918 года через эстляндское рыцарство предложило лидерам эстонских националистов провозгласить независимость, чтобы под предлогом помощи ввести в Эстонию войска. Но провозгласить «независимое правительство» относительно легко, гораздо труднее удержать власть в своих руках. И с этой целью националисты начали создавать в Тарту, Вильянди, Мярьямаа и других городах свои вооруженные отряды. Предводитель дворянства Деллингсхаузен собирал в имениях седла и конскую сбрую для организуемого в Вильянди кавалерийского полка под руководством эстонского офицера Питки (будущий главком военно-морского флота в независимой Эстонии). В имении Пюсси Вирусского уезда отряды немецких помещиков открыли стрельбу по крестьянам, явившимся конфисковать имение в сопровождении двух красногвардейцев. Примерно в то же время органы ЧК раскрыли подпольную организацию эстонских националистов и немецких баронов в Эстонии, которая собирала подписи под обращением к кайзеру Вильгельму II с просьбой прислать в Эстонию германские войска. Они также передавали в Германию шпионские сведения о расположенных в Эстонии русских войсках и готовили мятеж с целью провозглашения независимости под защитой немцев.

Одновременно Пятс и Лайдонер пытались искать поддержки у стран Антанты, в то время являвшихся противниками Германии, и с этой целью направили своих эмиссаров в Петроград — в посольства Англии, Франции и США — и за границу. В феврале 1918 года Лайдонер отправился в Петроград, где помогал организовать шпионаж в эстонских частях Красной армии в пользу Антанты, и в Мурманск, где при поддержке английских и американских интервентов начал формирование «Эстонского легиона». Он посылал своих офицеров в качестве представителей и к белогвардейским генералам все с той же просьбой о помощи. Пятсу и Лайдонеру было неважно, откуда они получат эту помощь — от Германии, стран Антанты или белогвардейцев, — лишь бы найти союзников в борьбе с Совстами. Точно такую же картину можно было видеть в Прибалтике в 1944 году накануне отступления вермахта и освобождения Прибалтики частями Красной армии...

Мечта кайзера Вильгельма II: «Балтийское герцогство»

В феврале 1918 года началось широкомасштабное германское наступление по всему фронту от Балтийского моря до Карпат. На петроградском направлении в Прибалтике действовали 8-я армия под командованием генерал-полковника Г. фон Кирхбаха (9 пехотных и 1 кавалерийская дивизии) и армейская группа «Д» (4 пехотных и 2 кавалерийских дивизии) из группы армий генерал-фельдмаршала Г. Эйхгорна. Они должны были разбить войска русского Северного фронта (1-я, 5-я и 12-я армии) и, овладев Псковом и Нарвой, создать плацдарм для наступления на Петроград. Немецкий 68-й (Северный) армейский корпус должен был нанести вспомогательный удар с Моонзундских островов на Таллин и Нарву.

18 февраля кайзеровские войска заняли Даугавпилс (Двинск), а 21 февраля — Минск. Вооруженной силы, способной сдержать их натиск, на фронте не было, так как старая российская армия была дезорганизована и охвачена революционным движением. Незадолго до того, 28 января (10 февраля) 1918 года, новый главнокомандующий Л.Д. Троцкий издал преступный приказ о прекращении войны и демобилизации. (Уже на следующий день Ленин дал указание о его отмене.) Интервенты встретили сопротивление лишь на отдельных участках фронта — северо-восточнее Риги, на подступах к Цесису, Валмиере и Валге, где отважно сражались 6 полков латышских стрелков и несколько красногвардейских отрядов — всего около 6 тысяч человек. К 23 февраля германские войска вышли на подступы к Таллину, Пскову и Полоцку; под их контролем оказалась практически вся Прибалтика, включая территорию Литвы, Латвии и Эстонии. В этих условиях 3 марта 1918 года советская делегация была вынуждена подписать в Бресте мирный договор с Германией, по которому все эти территории и другие западные районы бывшей Российской империи оставались под немецкой оккупацией.

Буквально через несколько дней после заключения Брестского мира, 8 марта 1918 года, в Митаве (современная Елгава) по инициативе оккупационных властей собрался так называемый «Курляндский ландтаг» из 80 делегатов, избранных в основном из прибалтийских немцев. Он провозгласил создание «Курляндского герцогства» «под скипетром германского императора и прусского короля Вильгельма II». 15 марта кайзер Вильгельм подписал акт о признании «самостоятельности» Курляндского герцогства под своей властью. Месяцем позже так называемый Совет прибалтийских земель (объеди-

ненный ландесрат Лифляндии, Эстляндии, города Риги и острова Эзель) из 58 делегатов объявил о создании «Балтийского герцогства», в состав которого вошло также герцогство Курляндское. Совет объявил об отделении Эстонии и Латвии от России и установлении персональной унии «Балтийского герцогства» с Пруссией. Правителем этого государства-анахронизма стал принц Генрих Гогенцоллерн, брат Вильгельма II.

На территории «Балтийского герцогства» были запрещены все партии, профсоюзы и общественные организации, закрыты газеты и журналы. В качестве единственного официального языка для делопроизводства и обучения в школах был введен немецкий язык, Тартуский университет в Эстонии был объявлен немецким. Все это было частью целого комплекса мер, направленных на германизацию и колонизацию Прибалтики и включение ее в состав Германской империи. Однако экономическая эксплуатация этих земель началась еще до полной аннексии. Оккупанты вывозили из страны все мало-мальски ценное — вплоть до древесины и чернозема. Доходило даже до вывоза в Германию рабочей силы, хотя и не в тех масштабах, как это делали позднее гитлеровцы. Ущерб, нанесенный Эстонии в годы первой немецкой оккупации, превысил 190 миллионов рублей золотом; в Литве оккупанты за три с половиной года отобрали у крестьян более 620,5 тысячи тонн зерна, вырубали около 20 % лесов, сожгли 1200 деревень, 2 тысячи хуторов и 50 местечек; не менее беспощадному ограблению подверглись также Латвия и Белоруссия.

Жестокость немецких властей вызывала сопротивление. В Литве с 1915 года против интервентов действовали «лесные братья» — в одной только Ковенской губернии их насчитывалось до 20 тысяч. В Латвии и Эстонии сопротивление проявлялось в основном в форме стачек и саботажа среди рабочих, отказов от выполнения повинностей среди крестьян. В некоторых уездах Латвии и Эстонии действовали отряды латышских и эстонских «лесных братьев», причем в то время многие из этих партизанских отрядов находились под непосредственным руководством созданного в августе 1918 года Оргбюро (позднее — Центрального бюро коммунистических организаций оккупированных областей при ЦК РКП(б)). Оккупационным властям то и дело приходилось проводить карательные экспедиции, в которых участвовали прибалтийские бароны со своими «дружинами» и вооруженные формирования местных националистов. Например, в таллинских тюрьмах находилось больше 5 тысяч заключенных; захваченные большевики, пленные красноармейцы и партизаны подвергались пыткам и казням.

Но «Балтийскому герцогству» было суждено просуществовать всего несколько месяцев. В ноябре 1918 года в Германии произошла революция, и 11 ноября командование кайзеровской армии было вынуждено подписать перемирие во французском городке Компьене.

Одним из тех, кто особенно тяжело переживал поражение Германии, был молодой ефрейтор 16-го Баварского резервного пехотного полка Адольф Гитлер, проходивший лечение в военном госпитале в Пазевалке. «Я знал, — писал он, — что все потеряно. Лишь глупцы, лжецы и преступники могли надеяться на снисходительность противника. ...И тогда я понял, чему должен посвятить себя. Я решил заняться политикой». Это роковое для всего мира решение было принято в ночь с 10 на 11 ноября 1918 года, как раз накануне подписания перемирия в Компьене.

В действительности условия перемирия, которое так остро переживал молодой Адольф Гитлер, были довольно великодушными. Как ни странно, страны Антанты все же проявили снисходительность и настояли на том, чтобы германские войска остались на занятых ими территориях бывшей Российской империи, включая Литву, часть Латвии и часть Эстонии. Правительства Англии и Франции объясняли эту меру необходимостью поддержания «порядка» на этих землях, где новые национальные правительства еще не имели реальной власти, в то время как у самой Антанты не было лишних войск, которые можно было бы направить для оккупации Прибалтики после ухода оттуда немецких войск. Но истинной причиной этого шага был страх перед «красной заразой». Таким образом, до своей эвакуации в декабре 1919 года немецкие войска выступали союзниками держав Антанты, создавая «санитарный кордон» против распространения революции из Советской России. Впоследствии их пребывание в Прибалтике было одобрено Версальским мирным договором 1919 года — до тех пор, пока Антанта будет считать это необходимым.

В тот же день, когда командование кайзеровской армии подписало перемирие в Компьене, главнокомандующий германскими войсками на Восточном фронте фон Кирхбах отдал приказ о начале частичной эвакуации. Однако в связи с разложением дисциплины в своих войсках фон Кирхбах и его штаб были не уверены в боеспособности оставшихся частей, и поэтому в декабре 1918 года приступили к формированию новой так называемой «Железной дивизии» из немецких солдат-добровольцев, служивших в частях 8-й армии. Добровольцам, изъявившим желание вступить в нее, были обещаны жалованье, премиальные и земля для поселения в Латвии. Германия явно не собиралась отказываться от своих прежних планов колонизации Прибалтики.

Но одна дивизия не могла контролировать всю Прибалтику и выполнять роль «санитарного кордона» против революции, в то время как созданные при оккупации органы самоуправления рушились. Так, «Балтийское герцогство» распалось сразу же после капитуляции Германии. Правда, прибалтийские бароны все же предприняли попытку сохранить его, создав в начале ноября 1918 года в Риге регентский совет во главе с бароном фон Пиларом, в который вошли представители латвийских и эстонских немцев. Однако он просуществовал недолго. Страны Антанты, равно как и Германия, понимали, что в их интересах оградить Прибалтику от революции. Поэтому по условиям Компьенского перемирия германское командование обязывалось передать гражданскую власть в этих районах местным националистическим правительствам, которые были созданы еще в период оккупации. 19 ноября 1918 года в Риге был подписан акт, которым была оформлена передача власти временным правительствам Литвы (во главе с Августусом Вальдемарасом), Латвии (во главе с Карлисом Ульманисом) и Эстонии (во главе с Константином Пятсом). Предполагалось, что с помощью займов и субсидий, полученных от Англии, Франции и Соединенных Штатов, а также с помощью германских офицеров, эти правительства смогут создать собственные армии, чтобы противостоять Советской России. Командование германских войск было по-своему заинтересовано в создании белогвардейских и местных националистических вооруженных формирований для борьбы с революционным движением и создания «санитарного кордона» против Советской России в случае вынужденной эвакуации своих войск. Германские военные власти не только взяли на себя материально-техническое обеспечение «Эстонской дивизии» и содействовали созданию «Балтийского ландесвера» в Латвии или белогвардейского Северного корпуса в Пскове, но и предоставили националистическим правительствам Литвы, Латвии и Эстонии займы на организацию собственных вооруженных сил.

Немецкие авантюристы в Прибалтике: Добровольческий корпус фон дер Гольца

В связи с революционными событиями в Германии и ее капитуляцией Советская Россия сочла возможным аннулировать навязанный ей Брестский мир и начала открытую военную и политическую борьбу за освобождение от германской оккупации Эстонии, Латвии и Литвы, а также Белоруссии, Украины и Закавказья.

В городах и селах Латвии уже в ноябре — декабре 1918 года проходили массовые выступления против германских интервентов и правительства Ульманиса, предпринимавшего все усилия, чтобы удерживать немецкие войска в стране как можно дольше. На территориях Курляндской, части Лифляндской и Витебской губерний в декабре 1918 года была провозглашена Латвийская социалистическая республика, правительство которой возглавил профессор Ф.А. Розинь (Азис). На помощь Советской Латвии двинулись части Красной армии. За две недели с небольшим, с 18 декабря 1918 по 3 января 1919 года, они заняли города Валку, Валмисеру, Цесис и Ригу. К концу января на территории всей Латвии (за исключением Лиепай с окрестностями, куда бежало под защиту войск оккупантов правительство Ульманиса), была вторично установлена советская власть. Таким образом, в течение ближайших нескольких месяцев в Латвии существовало два правительства — одно, во главе с Ф.А. Розинем, находилось в Риге, а другое, во главе с Ульманисом, — в Лиепаяе.

Ради того чтобы сохранить свою власть и оградить страну от «революционной заразы», правительство Ульманиса готово было обратиться за помощью хоть к самому дьяволу, поэтому просьбы об оказании военной помощи были направлены обоим бывшим враждующим сторонам — как Германии, так и странам Антанты. Правительство Ульманиса обратилось с предложением о сотрудничестве к командиру немецкого VI-го резервного корпуса Рюдигеру фон дер Гольцу и одновременно заключило соглашение с германским представителем о формировании так называемого «Балтийского ландесвера».

Почти в то же время, в декабре 1918 года, в Ригу прибыла британская эскадра, на борту которой находились представители английского и американского командований. 18 февраля 1919 года по инициативе военных миссий стран Антанты между националистическими правительствами Латвии и Эстонии была достигнута договоренность о военном союзе против Советской России и координации совместных действий. 1 марта того же года аналогичный договор был заключен между правительствами Латвии и Литвы, в соответствии с которым правительство Ульманиса предоставило последней заем на 5 миллионов немецких марок.

Американцы также не остались в стороне. Вслед за немцами и англичанами в марте 1919 года в Лиепаяю прибыла специальная американская военная миссия во главе с подполковником Уорвиком Гринном для непосредственного руководства контрреволюционными силами в Прибалтике. Один из членов миссии, Грант-Смит, докладывая госдепартаменту США о своих наблюдениях, писал, что

«правительство Латвии исключительно слабо и не имеет полномочий от латышского народа. Оно было бы немедленно сброшено в случае народных выборов. Это самозванное правительство». Не лучшим образом он оценивал и боеспособность латышских частей, сформированных правительством Ульманиса (по крайней мере в начальный период). Вследствие этого миссия Грина была вынуждена сотрудничать и с бывшими врагами — с немецким штабом фон дер Гольца, так как его войска составляли единственную боеспособную силу в Латвии.

Добровольческий корпус фон дер Гольца («фрейкор», от немецкого *Freiwilligenkorps*) был сформирован в январе 1919 года, после того как месяцем раньше германские войска официально покинули Прибалтику, сохранив в своих руках лишь район западнее линии Каунас — Вентспилс. Подобные части создавались на основе секретного распоряжения Верховного командования сухопутных войск (ОХЛ) от 10 ноября 1918 года. Их главной задачей ставилось подавление революции как в самой Германии, так и в Прибалтике. Формированием корпуса фон дер Гольца еще с ноября 1918 года занималось вербовочное бюро «Балтика», с центром в Берлине и филиалами во многих городах. Корпус был набран в основном из солдат и офицеров частей бывшей 8-й немецкой армии, воевавшей в Прибалтике. В его состав входили VI резервный корпус германской армии, которым командовал лично Рюдигер фон дер Гольц, и «генеральное командование особого назначения 52» (позднее преобразованное в «Шяуляйскую бригаду») — формирование, действовавшее в Северной Литве, в том числе против армии Литовского националистического правительства Слезявичуса.

Среди других частей корпуса фон дер Гольца находилась и печально известная добровольческая «бригада Эрхарда». Ее командир, капитан Герман Эрхард (1881—1971), впоследствии прославился как один из участников «капповского путча» в Германии, когда в 1920 году группа генералов, полигиков и бизнесменов предприняла попытку установления военной диктатуры. В числе заговорщиков помимо Эрхарда были генералы фон Люттвиц и Людендорф, финансисты Стиннес, Крупп и Рёйш во главе с Вольфгангом Каппом — никому не известным тогда генеральным ландесдиректором в правительстве Восточной Пруссии, являвшимся, однако, членом наблюдательного совета «Дойче Банка». Тогда части «бригады Эрхарда» вошли в Берлин и учинили зверскую расправу над рабочими, однако всеобщая стачка сорвала их планы. После этого Эрхард, подобно «кондотьерам» прошлых времен, неоднократно предлагал свою военную помощь другим политическим авантюристам в раз-

ных землях Германии — в Саксонии, а затем в Баварии, помогая подавлять революционные выступления. Впоследствии многие из бойцов «бригады Эрхарда» присоединились к создававшимся тогда в Баварии штурмовым отрядам Национал-социалистской партии и принимали участие в «Пивном путче» в Мюнхене в 1923 году.

Любопытно, что эмблемой, украшавшей каски солдат Эрхарда, была свастика. В походной песне бригады даже были такие слова: «Свастикой украшен шлем стальной...» Этот символ встречается во многих мировых культурах — в индуизме, буддизме, а также у языческих славянских племен; его изображение находили при раскопках древних развалин Трои, Египта и Китая. В древнегерманской мифологии свастика, как одна из рун, была символом бога-громовержца Тора. Однако еще с XIX века в Австрии и в Германии она стала олицетворять национализм и антисемитизм. Именно в этом последнем значении свастика была заимствована Гитлером как эмблема национал-социалистской партии. По мнению известного американского журналиста Уильяма Ширера, много лет изучавшего историю Третьего рейха и видевшего своими глазами приход нацистов к власти, Гитлер, без сомнения, встречал этот символ на эмблемах некоторых антисемитских партий в Австрии и на касках солдат бригады Эрхарда, вступивших в Мюнхен в 1920 году во время «капповского путча».

Свастика, кстати сказать, являлась одним из государственных символов в Эстонии и Финляндии в годы Гражданской войны и после провозглашения ими независимости. Кое-кто утверждал даже, что сам капитан Эрхард впервые увидел этот «нордический» символ именно здесь и сделал его эмблемой своей бригады. В годы советско-финской войны солдаты Красной армии могли часто видеть черную свастику с белым контуром на крыльях финских самолетов и башнях захваченных танков. Не удивительно, что Финляндия после этого воспринималась не иначе как страна-сателлит нацистской Германии и «пособница фашизма». Так или иначе, выбор этого символа национализма и антисемитизма по-прежнему наводит на самые мрачные догадки.

Помимо «бригады Эрхарда», VI резервный корпус фон дер Гольца к марту 1919 года включал в себя так называемую «Железную дивизию», немецкую 1-ю гвардейскую резервную дивизию, подразделения 45-й резервной дивизии и части «Балтийского ландесвера» (Балтийский полк и балтийские отряды самообороны), сформированные на основе соглашения Временного правительства Латвии с германским командованием от 7 декабря 1918 года из числа латышей, прибалтийских немцев, русских белогвардейцев и не-

мецких добровольцев. Формально «Балтийский ландесвер» находился в подчинении правительства Ульманиса, однако фактически верховное командование осуществлял штаб немецкого VI корпуса. К марту 1919 года общая численность войск фон дер Гольца в Курляндии и Северной Литве составляла примерно 25 тысяч человек, а позднее — 40 тысяч человек, причем они имели хорошее вооружение, включая самолеты и бронепоезда. Впоследствии объединенные силы фон дер Гольца и латышских националистов достигли 80 тысяч человек.

Одновременно с формированием «Балтийского ландесвера» и «Железной дивизии» была проведена принудительная мобилизация латышей, проживавших на территории Эстонии. Из них был сформирован «Валмиерский батальон» (позднее развернутый в полк). В захваченных уездах Северного Видземе (Лифляндия) чуть позднее были проведены аналогичные мобилизации, в результате чего были сформированы «Цесисский полк», «Партизанский полк» и «Отдельный кавалерийский эскадрон» из латышей. Все эти части составили Северо-Латвийскую бригаду под командованием бывшего офицера царской армии капитана Земитана. Латышские националистические части в Эстонии были подчинены главнокомандующему Эстонской армии генералу Лайдонеру, однако они также были вынуждены координировать все свои действия со штабом фон дер Гольца.

Именно так рождалась легенда о «боевом братстве» немцев, латышей и эстонцев, в годы Гражданской войны плечом к плечу сражавшихся против Советов. Впоследствии, в годы Второй мировой войны, гитлеровцы не переставали напоминать об этом при проведении каждой новой мобилизации в Прибалтике.

3 марта 1919 года фон дер Гольц начал наступление против Красной армии. Незадолго до того германские войска заняли Кулдигу, а 24 февраля части «Балтийского ландесвера» захватили Вентспилс. К концу марта 1919 года, в ходе целого ряда военных операций, объединенные силы немцев и латышских националистов захватили большую часть Курляндии.

Однако, рассчитывая присоединить территорию Латвии к Германии (ведь местные земли были обещаны немецким солдатам-добровольцам!), генерал фон дер Гольц 1 апреля совершил переворот и сверг правительство Ульманиса, которое начало слишком явно ориентироваться на Великобританию. Вместо него у власти было поставлено марионеточное правительство во главе с латышским черносотенцем А. Ниедрой. В июне 1919 года страны Антанты предприняли попытку восстановить правительство Ульманиса, но уже через три дня оно вновь ушло в отставку. В результате войска фон дер Голь-

ца продолжали одновременно вести боевые действия как против Советской Латвии, так и против оставшихся верными Ульманису латышских войск.

Тем временем с севера на Советскую Латвию наступали эстонские войска, а с юга — польские легионеры Пилсудского. В феврале 1919 года армия Эстонского временного правительства захватила города Валку и Руиену. Силы Красной армии, противостоявшие им на Курляндском фронте, были сравнительно невелики — около 7 тысяч человек пехоты и 500 человек кавалерии, имевших 184 пулемета и 22 орудия. В их числе были некоторые части латышских стрелков, а также «Интернациональная дивизия» и «Интернациональный легион имени Карла Либкнехта», в которых, кстати, сражались многие бывшие немецкие солдаты.

При участии латышской бригады Балодиса и при поддержке английской эскадры с моря в мае 1919 года корпус фон дер Гольца прорвал фронт и окружил Ригу. 22 мая части Красной армии были вынуждены оставить город и отступить к восточным границам Латвии — в Латгалию, где советская власть удерживалась до января 1920 года. Захватив Ригу, германские войска развернули наступление в направлении Латгалии, но потерпели поражение (22 июня около Цесиса) от эстонских и латышских националистов и вскоре покинули Ригу (при этом оставив за собой Курляндию). Тем временем в ходе совместных действий войск латышских и эстонских националистов против правительства Советской Латвии вспыхнула спровоцированная латышскими германофилами латвийско-эстонская война.

Страны Антанты увидели угрозу своим интересам в германском наступлении. Немецкий командующий фон дер Гольц слишком «распоясался» — начал сеять раздор в лагере антисоветских сил, свергать правительства... 3 июля 1919 года под нажимом стран Антанты фон дер Гольц был вынужден подписать перемирие. Его войска должны были до 5 июля 1919 года покинуть Ригу и отступить за Двину (Даугаву). Несколькими днями позже (14 июля 1919) в Лиепаяе создано новое Временное правительство Латвии во главе с Ульманисом, в которое вошли представители партии «Крестьянский союз» и меньшевики Латвийской социал-демократической рабочей партии, а также представители немецких баронов. 26 августа на совещании в Риге с участием представителей Латвии, Эстонии и Литвы страны Антанты добились заключения соглашения о совместных действиях против Советской России. На основании этого соглашения в 1918—1920 годах США поставили в Латвию вооружение и обмундирование на сумму 5 миллионов долларов; Великобритания —

на сумму 1,3 миллиона фунтов стерлингов. «Балтийский ландесвер» вышел из-под контроля германского командования и перешел в подчинение вновь созданного правительства; немецких офицеров сменили британские. Устранив конкурента в лице немцев, страны Антанты стремились поставить новое Латвийское правительство под свой контроль.

В это время фон дер Гольц предпринял новый политический маневр: 1 сентября 1919 года он передал свои войска в Курляндии в подчинение белогвардейской Русской Западной армии, сформированной еще в декабре 1918 года при помощи немцев из русских военнопленных в Германии и эмигрантов под командованием бывших офицеров царской армии. Немецкие офицеры корпуса фон дер Гольца заняли все руководящие посты в ее штабе. В начале октября 1919 года Русская Западная армия насчитывала примерно 51—55 тысяч человек, из которых 40 тысяч составляли немецкие солдаты и офицеры. Главнокомандующий Западной армии П.Р. Бермондт-Авалов сформировал собственное Западное центральное правительство (Русский западный правительственный совет) в Елгаве во главе с графом А.А. Паленом, а 8 октября 1919 года, вопреки приказу Юденича, предпринял новый поход на Ригу и 10 октября захватил ее предместья. Однако 1 ноября Латвийская армия Ульманиса, которая находилась теперь под командованием английских офицеров и насчитывала к этому времени около 20 тысяч человек, перешла в контрнаступление. Потерпев поражение под Ригой, войска Бермондт-Авалова были вынуждены в начале декабря отступить в Германию вместе с действовавшими в ее составе немецкими «Железной дивизией» и «Германским легионом» (только Конный полк перешел из ее состава в Северо-Западную армию Юденича). В середине декабря 1919 года, в соответствии с ультимативным требованием стран Антанты, последние германские войска были выведены из Латвии и Литвы.

Образование независимых государств в Прибалтике

11 сентября 1919 года правительство РСФСР предложило всем трем республикам Прибалтики заключить мирные договоры. Первым на этот призыв откликнулось правительство Эстонии, которое 17 сентября 1919 года начало мирные переговоры с советским правительством в Пскове. Но эстонская делегация потребовала вывода всех частей РККА за линию Петроград — Дно — Великие Луки — Витебск — Орша и ликвидации Балтийского флота. Эти условия оказались не-

приемлемыми, и переговоры были прекращены. Правительство Эстонии выжидало, чем закончится поход Северо-Западной армии Юденича на Петроград, в котором участвовали и эстонские националисты. Однако уже через несколько дней после разгрома Юденича под Петроградом (21 октября) эстонская делегация была вынуждена вернуться за стол переговоров, которые на этот раз завершились подписанием мирного договора в Тарту 2 февраля 1920 года.

В апреле 1920 года, вопреки давлению Антанты, переговоры о мире начало также правительство Латвии, подписавшее 11 августа в Риге мирный договор с Россией.

7 мая 1920 года в Москве начались советско-литовские переговоры, которые завершились 12 июля того же года, когда правительство Гальвануаскаса подписало в Москве советско-литовский мирный договор. Надо признать, что Советская Россия стала первым государством, признавшим независимость Литвы, а также справедливость ее притязаний на Вильнюс и Виленскую область, города Гродно, Лида и Ошмяны, оккупированные к тому времени Польшей. Договор был подписан в самый разгар советско-польской войны. Уже через два дня после его подписания Красная армия освободила Вильнюс от польских войск. 8 августа 1920 года между командованиями РККА и литовской армии было заключено соглашение о передаче Вильнюса Литве. 27 августа туда вступили литовские войска, которые удерживали город от поляков и после успешного польского контрнаступления против Красной армии.

Такова история возникновения независимых республик Литвы, Латвии и Эстонии в самом кратком изложении, без претензий на детальный анализ. Однако даже из этой общей картины становится очевидным: во-первых, что идеи национализма зародились именно в момент кризиса Российской империи и в основном среди высших слоев общества — дворянства, помещиков (среди которых было немало и прибалтийских немцев), предпринимателей, духовенства, военных. Во-вторых, прибалтийские «борцы за независимость» уже тогда готовы были отдать свои страны и народы под чью угодно оккупацию — лишь бы не допустить установления в них советской власти.

Эстонские, латвийские и литовские националисты охотно шли на сотрудничество со всеми, кто был против советской власти, — как между собой, так и с бывшими воюющими странами — с Российской империей и Временным правительством Керенского, с белогвардейскими генералами, с Великобританией и США, кайзеровской Германией и бандами фон дер Гольца. Их не отпугивали ни колонизаторские планы Германии, ни экономическая экспансия стран Антанты, ни вероломство немецких наемников или своих же

соседей-националистов. (Достаточно вспомнить, сколько конфликтов происходило между Латвией и Эстонией, между Литвой и Латвией или между латвийскими и литовскими националистами и «добровольцами» фон дер Гольца!)

Их пугала лишь Советская Россия, единственная из стран, кто не имел и не мог иметь экспансионистских планов, по крайней мере в то время — до экспансии ли было в разгар Гражданской войны и интервенции?

Да и зачем было правящей верхушке стремиться к независимости от Германской или от Российской империй, которые уважали их право собственности и их привилегии? Им нужна была независимость только от революции и от Советов, чтобы не делиться властью и собственностью со своими народами.

Таким образом, борьба за независимость в действительности была прежде всего борьбой правящей верхушки за сохранение своих привилегий от советской власти. Если с любым из оккупантов они могли еще как-то договориться и выбить себе определенные привилегии (пусть хоть ценой страданий всего народа!), то с Советами никакой компромисс невозможен. Они хорошо знали — их власть и собственность будут отняты немедленно. Национализм оказался выгоден прежде всего им, так как он позволял объяснить все социальные проблемы притеснением малой нации со стороны другой, «великой», позволял сплотить весь народ по национальному признаку против «инородцев», несущих «хаос и революцию». Разумеется, и ошибки, допущенные советской властью в Литве, Латвии и Эстонии в 1918—1919 годах в аграрном вопросе, в значительной степени оттолкнули местное крестьянство от нее и от идей интернационализма и социализма. Это создало благодатную почву для националистической идеологии, которая усиленно пропагандировалась в республиках Прибалтики с 1920 по 1940 год.

Такой экскурс в историю дает возможность по-новому осмыслить причины коллаборационизма в Прибалтике в 1941—1945 годах. С одной стороны, это позволяет понять, почему националистические правительства Эстонии, Латвии и Литвы были готовы заключить союз хоть с самим дьяволом, лишь бы не допустить установления в своих странах Советской власти. С другой стороны, это во многом объясняет и то, почему значительная часть жителей республик Прибалтики как в годы Гражданской, так и в годы Великой Отечественной войны встала на сторону Советской России. Эта картина во многом схожа с той, которая наблюдалась в годы Великой Отечественной войны. По сути, в Прибалтике с 1940 по 1945 год шла вторая гражданская война.

ГЛАВА 2

ДЕМОКРАТИЯ ПОД СВАСТИКОЙ

Литва: кто же теперь друг, а кто враг?

Отношения Советской России с Литвой после заключения мирного договора 1920 года развивались достаточно неплохо. 7 октября 1920 года между Литвой и Польшей, при участии западных держав, был заключен Сувалкский мир. Страны Антанты были вынуждены признать город Вильнюс (Вильно) и Виленскую область литовской территорией. Но это продолжалось недолго. Через два дня, 9 октября, сформированные из уроженцев Виленской области польские части под командованием генерала Л. Желиговского вновь захватили Виленский край. Вся акция была представлена как внутренний мятеж. В Вильнюсе был провозглашено марионеточное государство «Срединная Литва». Правительство Литвы, только что переехавшее из Каунаса в Вильнюс, было вынуждено вновь бежать в Каунас. В итоге, по условиям перемирия от 29 ноября 1920 года, выработанным при участии Желиговского, Лиги Наций и литовского правительства, Вильнюс вошел в состав Польши.

В течение двух последующих лет страны Антанты упорно пытались склонить Литву к унии с Польшей и втянуть в антисоветский блок, в обмен на передачу ей Вильнюса и Клайпеды (так называемый «план Гиманса»). И именно дружественная позиция Советской России помогла Литве отстоять свою независимость от попыток стран Антанты навязать ей унию с Польшей. Советская сторона не признала ни демаркационную линию, принятую на конференции послов стран Антанты в Париже 15 марта 1923 года, которая закрепляла Вильнюс и Виленский край за Польшей, ни аналогичное решение Совета Лиги Наций от 3 февраля того же года. Правительство РСФСР заяви-

ло, что конференция послов и ее решения «не имеют для России и ее союзников никакой силы». В заключенном между СССР и Литвой 28 сентября 1926 года договоре о ненападении и нейтралитете было записано, что советское правительство по-прежнему признает Вильнюс и Виленскую область территорией Литвы. Со своей стороны, Литва стала единственной из республик Прибалтики, которая заключила подобный договор с Советским Союзом.

Другую территориальную проблему новой Литвы составляли город Мемель (Клайпеда) и Мемельская область. Так как на Парижской мирной конференции 1918 года Германия была вынуждена отказаться от своих прав на эту территорию, которая некогда входила в состав Восточной Пруссии, а в 1920—1923 годах была отдана под управление стран Антанты и оккупирована французскими войсками, литовское правительство продолжало требовать возвращения ей Клайпеды и Клайпедской области, населенных преимущественно литовцами.

Впрочем, в начале 1923 года Литве удалось вернуть себе Мемельскую область без какой-либо помощи извне. 10 января в город и область вступили переодетые в штатское литовские военные и добровольцы (в основном молодежь из военизированной организации «Шаулю Саюнга» — «Союз стрелков»). Они инсценировали восстание, в ходе которого один французский солдат был убит и двое ранено. «Повстанцы» заняли город, а затем и всю область. После этого созданная «повстанцами» директория объявила о присоединении Клайпеды к Литве. Хитрость и остроумие плана заключались в том, что он почти полностью повторял действия Польши по присоединению Вильнюса в 1920 году.

Правительства Франции и Польши выразили протест и даже послали к Клайпедке военную эскадру. Но очень скоро французские войска были вынуждены эвакуироваться. Англия не поддержала их, так как именно в это время (11 января 1923г.) французы ввели свои армейские части в Рурскую область Германии, что вызвало явное недовольство англичан. 16 февраля 1923 года конференция послов приняла решение о передаче Литве суверенных прав на Клайпеду и Клайпедскую область (на условиях автономии и права использования клайпедского порта Польшей).

Это была своего рода запоздалая компенсация Литве за потерю Вильнюса. Тем не менее впоследствии при возникновении конфликтов Англия и Франция всякий раз стремились оказать на Литву, требуя уступок то в пользу Польши, то в пользу Германии. Дважды, в 1927 и в 1938 годах, между Польшей и Литвой грозила вспыхнуть война, и оба раза на помощь Литве приходил Советский Союз.

Эстония: «лагеря для лодырей» и коррупция

В Эстонии, как и в Литве, после провозглашения независимости была принята Конституция, которая вступила в силу с 1920 года и закрепила ее суверенный статус. Согласно ее положениям Эстония становилась парламентской республикой, а высшим законодательным органом страны становился однопалатный парламент — Государственное собрание, перед которым правительство должно было отчетываться. В стране практически до 1940 года продолжали действовать законы, принятые еще во времена царского правительства. Конституция давала гражданам независимой Эстонии лишь некоторые из демократических прав и свобод (и это не говоря уже о том, что при капитализме каждый имеет ровно столько прав, сколько может купить). Например, положения Конституции грубо нарушали свободу совести, право участия в организациях и т.п. К тому же, даже эти ограниченные «демократические свободы» сводились на нет «военным положением», установленным в стране в начале 1920-х годов.

Современные политики Эстонии утверждают, что к 1940 году «экономическое положение в стране было стабильным, трудовая занятость высокой, жизненный уровень приближался к уровню жизни Швеции и Норвегии, будучи при этом выше, чем в Финляндии. В Эстонии существовала традиционная для западных стран многопартийная система, и... говоря языком марксистских историков, ни экономическая, ни политическая ситуация в 1940 году в Эстонии не подтверждали наличия революционной ситуации, соответствующей классической формуле «низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-старому».

Так ли это было в действительности? Факты полностью опровергают эту радужную картину. Вот лишь некоторые из них. В 1920-х годах рост заработной платы эстонских рабочих резко отставал от роста цен. Номинально заработок увеличивался, но реальная зарплата в 1924—1928 годах была даже намного ниже уровня 1913 года. Кодекс законов о труде, действовавший в Эстонии, был принят еще царским правительством, однако даже он не всегда соблюдался. В марте 1926 года Государственное собрание Эстонии приняло закон о компенсации за земли, отчужденные у помещиков на основании аграрного закона 1919 года, причем сумма компенсации превышала ту сумму, которую крестьяне когда-то уплачивали помещикам при освобождении от крепостной зависимости. Согласно новому закону, крестьяне, поселившиеся на отчужденных землях, фактически на 60 лет превращались в должников

помещиков и их банкиров-посредников (именно такой срок потребовался бы на выплату компенсаций за землю при среднем доходе эстонского крестьянина).

Что же касается «многопартийности» и «демократизма» государственного строя Эстонии, то здесь тоже есть над чем задуматься. Например, крупнейшей оппозиционной партией Эстонии с 1930 года являлся «Союз ветеранов освободительной войны» (называвшийся также партией «вапсов»). Руководителями его являлись Сирк, Ларка и еще мало известный в то время доктор Хялмар Мяэ, возглавивший в годы гитлеровской оккупации так называемое «Эстонское самоуправление». «Вапсы» в своей политической борьбе добивались создания фашистской диктатуры по образцу германских нацистов и играли на недовольстве крестьян, безработных, квартиросъемщиков, мелкой буржуазии и интеллигенции. В своей деятельности они открыто ориентировались на Германию и в особенности на национал-социалистов Гитлера, а ее лидеры непосредственно сотрудничали с немецкими спецслужбами.

Правящей партией в течение долгого времени был «Союз земледельцев», вопреки названию представлявший в основном интересы крупных собственников и ориентировавшийся на Англию и США. Его лидерами являлись Константин Пятс и генерал Йохан Лайдонер. «Лояльную» оппозицию представляли «Народная партия» Яна Тыниссона и Социал-демократическая партия во главе с Августом Рэем. Существовали и более мелкие партии: «Христианско-демократическая» и «Трудовая», «Партия домовладельцев», объединявшая купцов и фабрикантов во главе с Мазинем, националистические военизированные организации «Молодые орлы» и «Скауты», молодежные организации «Домашние дочери», «Объединение сельской молодежи», «Союз молодых христианок» и т.п. Коммунистическая партия в Эстонии была запрещена еще с 1920 года, и даже членство в ней каралось смертной казнью.

Политические страсти в Эстонии достигли своего накала в 1934 году, когда вступила в действие новая Конституция, вводившая в стране пост президента с практически неограниченными полномочиями. Это был лакомый кусок, и политики спорили, кому он достанется. Кандидатами на президентский пост были выдвинуты Пятс, Лайдонер, Рэй и Ларка. Лидер «Народной партии» Тыниссон играл в оппозицию и нередко выступал с обвинениями в нарушении «демократических принципов» в адрес своих соперников. Каждый хотел стать диктатором.

Но в последний момент лидеры правящей партии испугались, что кандидат от «вапсов» может обойти их. Действующий премьер-

министр страны Константин Пятс и его давний друг генерал Лайдонер решили опередить их и 12 марта 1934 года совершили военный переворот. В тот же день в Таллине было введено военное положение, которое было вскоре распространено на всю Эстонию. Предлогом для этого стала деятельность «вапсов», которые, как утверждала пресса, тоже готовили переворот с целью установления своей диктатуры в стране. За антиправительственную прогерманскую деятельность партия «вапсов» была закрыта, а часть ее руководителей арестована. Правда, наказание оказалось на деле не таким уж страшным. Впоследствии их амнистировали и выпустили на свободу, а многие бывшие руководители «вапсов» даже вернулись в политику и тесно сотрудничали с правительством Пятса.

Уже на следующий день после переворота все эстонские политики были вынуждены принять этот переворот как неизбежность. Даже «оппозиционер» Тыниссон поспешил заявить о своей лояльности новому режиму, охарактеризовав произошедшие накануне события как «государственную необходимость», которая отвечает «интересам народа». В середине апреля 1934 года Государственное собрание было отправлено «на летние каникулы», а после их окончания распущено вообще. Все эти меры — иначе как грубым нарушением демократии их назвать нельзя — были, опять же, проведены под видом «защиты демократии» (от «вапсов»), хотя Пятс впоследствии заимствовал почти все их лозунги. Как метко отмечалось в «Истории Эстонской ССР» в советском изложении, «Пятс украл у дубинщиков дубинку».

Годом позже, в марте 1935 года, в Эстонии была официально введена однопартийная система. Все политические партии были запрещены, а вместо них была создана единственная правящая партия «Изамаалиит» («Союз Отечества»). Парламент с 1934 по 1938 год не собирался. Лишь в 1936 году на основе «народного голосования» была принята новая Конституция, которая должна была вступить в силу с 1938 года. Она была еще более авторитарной и фашистской, чем даже конституционный проект «вапсов».

Референдум по поводу конституции, как и выборы нового парламента, стали чистым фарсом. Например, при подготовке референдума был издан секретный циркуляр правительства органам исполнительной власти на местах, в котором говорилось, что «к голосованию не надо допускать таких лиц, о которых известно, что они могут голосовать против национального собрания... Их надо немедленно препровождать в руки полиции». На выборах в парламент кандидатов могли выставлять только «общественные комитеты» из членов «Изамаалиита» или «Кайтселиита» (военизированной организации

наподобие Национальной гвардии), к тому же под строгим контролем полиции. В 50 округах из 80 выборы вообще не проводились под тем предлогом, что в них все равно выдвинуто по одному кандидату, а значит, и выбирать незачем. Однако там, где выборы состоялись, число голосов, поданных за правительственных кандидатов, составило менее 50 % (например, в Таллине и Вильянди — 10—20 %). Согласно новой Конституции, парламент отныне состоял из двух палат: первая палата (Государственная дума) была выборной, вторая (Государственный совет) — состояла из людей, которых назначал сам президент или которые входили туда по должности (в том числе епископы, члены правительства). Президент мог в любое время распустить Государственное собрание или отменить принятые им законы. Так в Эстонии были ликвидированы последние остатки демократии.

Процесс обнищания народа тем временем продолжался. В 1937 году было продано с аукциона рекордное число разорившихся крестьянских хозяйств — 7923. Сумма задолженности крестьянских хозяйств в 1940 году составила 150 миллионов крон. Зато правительством поощрялась скупка земель крупными собственниками: некоторым из них удавалось сосредоточить в своих руках по 3—4 и более усадеб, общей площадью от 100 до 600 гектаров. Например, барон Врангель сосредоточил в своих руках в уезде Вирумаа более 1 тысячи гектаров земель. Таким же путем большинство помещиков вновь восстановило свои владения. Права народа также все более ограничивались, чему служили принятые новым парламентом «Закон об обществах и союзах», «Закон о профессиональных обществах работников и их союзах», «Закон о собраниях» и др. Вся их деятельность должна была строиться «в государственном духе»: любое неодобрение политики правительства вело к их запрету. Полиция имела право под этим предлогом закрыть любую газету или общество. Права профсоюзов были фактически упразднены: любые их акции протеста квалифицировались как «наносящие вред народному хозяйству» или «направленные на достижение политических целей». На основании «Закона о городах» и «Закона об уездах» полномочия бургомистров, волостных и уездных старшин были расширены настолько, что даже в царской России власть этих должностных лиц не простиралась так далеко.

В довершение всего в 1938 году были созданы так называемые «лагеря для лодырей» — лагеря для принудительного труда безработных. В них заключали на срок от 6 месяцев до 3 лет всех «шатающихся без работы и средств к существованию». Там для них был установлен тюремный режим, 12-часовой рабочий день и телесные

наказания розгами. Говоря о «лагерях для лодырей», так и хочется вспомнить известную детскую сказку, где полицейский в «стране дураков» обвиняет Буратино в совершении «страшного преступления», которое заключалось в том, что тот «беспаспортный и безработный субъект». Что было дальше, всем известно — Буратино бросили... не в лагерь, а в пруд. Однако шутки шутками, а вполне реальные «лагеря для лодырей» в Эстонии, по сути, были прототипом концлагерей и гетто, созданных позднее гитлеровцами по всей Прибалтике.

В то же самое время коррупция среди правительства Пятса достигла невиданных размеров, сравнимых разве что с коррупцией в Соединенных Штатах Америки в 1920-е годы. Причем разграбление страны чиновниками осуществлялось на законных основаниях. Например, генерал Лайдонер задолжал государству сумму в 207 478 крон (!), но в 1935 году секретным решением правительства этот долг был погашен. В стране постепенно складывалось новое дворянство — так называемые «100 семей», сосредоточившие в своих руках всю власть и собственность, совсем как в некоторых «банановых республиках» Латинской Америки.

Латвия: «Если выбирать между советской властью и фашизмом, то лучше выбрать фашизм»

В Латвии в феврале 1922 года также была принята Конституция, в которой Латвия провозглашалась «демократической республикой». В том же году были проведены выборы нового парламента — сейма. Провозглашенные в Конституции принципы «демократии» были нарушены уже при подготовке к выборам: избирательные списки кандидатов от профсоюзов были отклонены, а политическая полиция арестовала большую часть коммунистов, профсоюзных лидеров и других «инакомыслящих». Все партии, принявшие участие в выборах (а их было около 20), играли на националистических лозунгах. В результате из 100 депутатских мест 38 получили социал-демократы (меньшевики), 17 — «Крестьянский союз» Ульманиса, остальные места разделили между собой другие партии.

Постоянно сменявшие друг друга правительства Берга — Ульманиса (1931), Скуениекса (1932), Блодниекса (1933) и другие последовательно проводили курс на милитаризацию страны и ориентировались на антисоветский западный блок, а с 1933 года — на гитлеровскую Германию. В этом были едины все партии — «Крестьянский союз», «Национальное объединение», «Прогрессив-

ное объединение». Даже ЦК Латвийской социал-демократической партии в декабре 1928 года постановил, что «если выбирать между советской властью и фашизмом, то лучше выбрать фашизм».

Особенно активно ориентировались на нацистскую Германию лидеры партии «Крестьянский союз». Осенью 1933 года Карлис Ульманис, позабыв об обиде, некогда нанесенной ему немецкими наемниками фон дер Гольца, посетил с визитом Германию и был принят Гитлером. Вскоре после этого, в декабре 1933 года, на одном из съездов «Крестьянского союза» уже открыто прозвучали слова о необходимости переворота в стране. 15 мая 1934 года фракция Ульманиса попыталась протолкнуть в сейме законопроект об изменении государственного устройства. Когда им это не удалось, лидеры «Крестьянского союза» приняли окончательное решение свергнуть существующее правительство.

В ночь с 15 на 16 мая 1934 года в Латвии произошел военный переворот при поддержке армии и военизированной организации «Айзсаргов» («Стражей отечества» — организации, созданной по образцу нацистских штурмовых отрядов). Было сформировано новое правительство во главе с Ульманисом. Несмотря на прогитлеровскую ориентацию последнего, есть сведения, что правительства Великобритании и США обещали моральную поддержку лидерам «Крестьянского союза» накануне переворота. Поддержку заговорщикам оказали также национал-социалистская организация латвийских немцев во главе со Штельмахером¹ и латышская фашистская организация «Угункруст» («Огненный крест») во главе с Густавом Целминьшем, в 1933 году переименованная в «Перконкруст» («Громовой крест»). Не лишним будет напомнить, что «Перконкруст» уже в начале 1930-х годов прославился своим откровенным антисемитизмом и еврейскими погромами, а официальной эмблемой организации была свастика.

На следующий день айзсарги устроили в Риге большое «аутодафе» по примеру нацистов. На кострах жгли книги, объявленные запрещенными, подобно тому как это было в Германии. С первых же часов своего существования правительство Ульманиса объявило в стране военное положение сроком на 6 месяцев, которое впоследствии растянулось на 6 лет. Все политические партии и организации в стране были запрещены. Военное положение давало формальное право подавлять все выступления против нового правительства.

¹ См., например, газету этой партии «Национал-социалист» — «Nationalsocialists», официальной эмблемой которой был германский «имперский» орел со свастикой в когтях.

Так, 16 мая была расстреляна демонстрация коммунистов, а 17 мая была подавлена силой оружия стачка рабочих-деревообрабочиков. Вzbунтовались также некоторые армейские части, много солдат и офицеров было арестовано. Всего в ходе путча военные, полиция и айзсарги арестовали около 10 тысяч человек. Был создан ряд концлагерей для «инакомыслящих» (в основном коммунистов и профсоюзных деятелей). Один из них находился в Лиепае, другой — в Калциемских каторжных каменоломнях.

Говоря об истоках нацизма в Прибалтике и, в частности, в Латвии, можно процитировать слова академика Яниса Дзинтарса:

«...Они (нацистские идеи в Латвии. — *М.К.*) не упали с воздуха. В 1920—1930-е гг. воспитывался этот самый фашистский дух. А после ульманисовского фашистского переворота долбили каждому в голову, что если ты латыш — ты лучше всех. Особенно ты лучше евреев и лучше славян».

Экономическое положение большинства населения Латвии тем временем продолжало ухудшаться, а во времена диктатуры Ульманиса стало просто отчаянным. Цены на продукты, одежду, обувь, дрова, а также квартирная плата с 1934 по 1939 год продолжали расти быстрее, чем доходы населения. Вопреки утверждениям апологетов независимости сельское хозяйство довоенной Латвии было убыточным для мелких крестьянских хозяйств. За пять лет, с 1930 по 1934 год, в Латвии было продано с молотка 17 тысяч крестьянских хозяйств, то есть по 3400 хозяйств в год, а за следующие пять лет, с 1935 по 1939 год, — 26 тысяч хозяйств, то есть по 5200 в год.

В 1939 году правительство Ульманиса издало «Закон о предоставлении работы и распределении рабочей силы», согласно которому без разрешения Центрального управления труда рабочий не мог сам выбирать работу. В соответствии с законом, предприятиям Вентспилса, Даугавпилса, Лиепая, Елгавы и Риги запрещалось принимать на работу людей, которые в течение последних 5 лет (то есть со дня переворота 1934 года) не жили постоянно в перечисленных городах. Центральное управление труда в принудительном порядке отправляло рабочих на лесо- и торфоразработки и в кулацкие хозяйства. Зарплата была нищенской — 1—2 лата в день — и позволяла лишь с трудом существовать. Вся страна фактически была превращена в большой концлагерь, и не удивительно, что среди рабочих нередки были случаи самоубийств. Не легче было и положение малоземельных крестьян. Налоги с крестьянских хозяйств составляли 70 % бюджета государства в 1938—1939 годах И большая часть этих денег ушла за рубеж в 1939—1940 годах. Как только в 1939 году было заключено соглашение о вводе советских войск на территорию Лат-

вии, члены правительства и крупные предприниматели, опасаясь распространения «красной заразы», начали переводить свои капиталы в зарубежные банки.

Таково было внутривосточное положение в странах Прибалтики к началу новой мировой войны.

Что делать в Прибалтике «Индийской секретной службе»?

«Прибалтийские государства, — говорил Уинстон Черчилль, — были самыми яркими антибольшевистскими странами в Европе. Все они грубыми методами создавали общества и правительства, главным принципом которых была враждебность ... к России...». Так, с первых же лет своего независимого существования, республики Прибалтики превратились в плацдарм для разведывательной и подрывной деятельности целого ряда стран против Советского Союза. С начала 1920-х годов, а фактически с начала интервенции, здесь обосновались резидентуры разведок Великобритании, Германии, США, Франции, Финляндии, Швеции, Японии. Центром большинства иностранных резидентур стала Латвия.

Первыми, кто освоил этот плацдарм, были англичане. В 1920-х годах здесь действовала агентура не только «Секрет Интеллидженс Сервис» (СИС), но и разведотделы отдельных британских министерств, а также сотрудники Скотланд-Ярда. Не остались в стороне даже спецслужбы Британской Индии — так называемая «Индийская секретная служба» (Indian Secret Service, сокр.: ISS). Спрашивается, что делать спецслужбам Британской Индии в Прибалтике?

Все они собирали развединформацию о Советской России и Красной армии (ведь Британская Индия граничила с советской Средней Азией!). В составе английской разведки СИС был создан специальный русский отдел, наиболее активная резидентура которого находилась в Риге. Прикрытием для британской разведки служили паспортное бюро дипломатического представительства Великобритании в Риге и представительство Латвийского акционерного банка. По данным закордонных источников Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ, на британские спецслужбы работало большинство официально аккредитованных в Латвии английских дипломатов: посол в Риге Эфксон, второй секретарь посольства Никелсон, сотрудник посольства Дж. У. Берри. Руководителем широко разветвленной английской резидентуры в Риге являлся бывший полковник Белой армии Роман Сулаков, который с 1922 по 1939 год

занимал официальную должность в упомянутом паспортном бюро. В 1939—1940 годах, после ввода советских войск в Латвию, он стал действовать под «крышей» коммерческой фирмы «Роман Судаков», представлявшей интересы нескольких иностранных компаний во всей Прибалтике. Рижская резидентура СИС имела свои филиалы также в Каунасе и Таллине, — под видом представителей фирмы «Роман Судаков» в Литве и Эстонии. Сам Судаков часто выезжал для встреч с резидентом английской разведки в Эстонии Гиффи, официально занимавшем пост сотрудника британского консульства в Таллине.

С британскими спецслужбами сотрудничали многие из высокопоставленных военных и гражданских чиновников Латвии, придерживавшихся проанглийских взглядов (что, впрочем, не помешало им со временем переориентироваться на гитлеровскую Германию). Среди них были начальник генштаба Латвийской армии генерал Розенштейн, начальник информационного отдела генштаба (фактически — разведывательного отдела) полковник Фридрихсон, начальник агентурного отдела политической полиции Латвии Штиглиц и другие. (Кстати, Штиглиц в период немецко-фашистской оккупации занимал пост префекта полиции города Риги и руководил массовыми арестами и расстрелами коммунистов и евреев.) В Эстонии еще со времен Гражданской войны с британскими спецслужбами сотрудничали видные политические деятели, такие, как лидер «Народной партии» Ян Тыниссон и лидер эстонских социал-демократов Рэй.

В 1920 году в Риге был создан центр американской разведки, сразу же включившийся в активную работу против Советской России. Прикрытием для него служили Общество Красного Креста, филиал молодежной организации ИМКА, центр которой находился в США, Администрация американской помощи голодающим (АРА) и другие организации, в основном работавшие на территории Латвии, а также многочисленные пункты помощи, клубы, миссии, союзы, размещавшиеся в небольших городках вдоль границы с Россией. Отсюда было удобно вести сбор сведений о РСФСР, вербовать агентуру из местных жителей, поддерживающих родственные и деловые связи с советской стороной. Одним из резидентов американской разведки был Майес Сплицкий — директор акционерного общества «Норд-кредит», являвшегося отделением «Северного банка». Другим резидентом был корреспондент «Чикаго Трибьюн» Доналд Дэй.

Не остались в стороне и разведки других стран. Спецслужбы Франции также открыли на территории прибалтийских государств

в 1920-е годы ряд резидентур для шпионажа против Советской России. Например, аппарат французского посольства в Риге работал под непосредственным руководством 2-го бюро французского генштаба, ведавшего разведкой.

Своих агентов в Латвии имела японская разведка — ими являлись редактор газеты «Латвис» («Латыш») и член профашистской организации «Перконкруст» Вейсманис, а также служащая ресторанов «Янис Берзиньш» и «Альгамбра» Куликовская. (Впоследствии «перконкрустовец» Вейсманис сотрудничал и с гитлеровцами в период немецкой оккупации Латвии.)

Шведскую разведку в Латвии представлял военно-морской аташе шведского посольства в Риге. Он получал информацию от своего резидента — доцента Рижского университета Даго Троцика, который в свою очередь имел сеть агентов, проводивших разведывательную работу под прикрытием научной деятельности.

В игру вступает абвер

С середины 1930-х годов у английских, американских, японских и других спецслужб появился в Прибалтике серьезный конкурент — Германия. В июне 1935 года между Англией и Германией было подписано морское соглашение, на основании которого Гитлер объявил всему миру, что отныне Балтийское море является «внутренним морем Германии». Правительства Эстонии, Латвии и Литвы предпочли промолчать, не представив никакого протеста. Тем самым Прибалтика фактически была провозглашена сферой интересов германского рейха, а англо-германское морское соглашение 1935 года можно расценивать как договор о разграничении сфер влияния. Англия «подарила» немцам Прибалтику, зная, что те сумеют успешно использовать этот плацдарм против Советского Союза.

Германская военная разведка (абвер) имела в своем составе 3 управления: «Абвер-1» (занимавшееся собственно разведкой), «Абвер-2» (саботаж и диверсии) и «Абвер-3» (контрразведка). Абвер имел свои филиалы как в рейхе, так и на оккупированных территориях — 33 полевых разведпункта (Abwehrstelle) и подпункта (Abwehrnebenstelle). Они находились в каждом из 21 военного округа, при каждой группе армий и военно-морской базе и в административном отношении подчинялись местному военному руководству. Всей разведывательной работой против СССР руководил центр под названием «Abwehrstelle Koenigsberg». (Он был создан сразу после Первой мировой войны на основе кайзеровской секретной службы и назывался первоначаль-

но «Abwehrstelle Ostreussen», но после прихода Гитлера к власти был переименован.) Этот орган возглавляли майор фон Даванц (до сентября 1939), затем полковник Кип (сентябрь 1939 — март 1942) и полковник Нонци (март 1942 — май 1945). В сферу деятельности этого разведпункта входили Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония и, конечно, Советский Союз. Абверштелле «Кёнигсберг» имела свои филиалы — абвернебенштелле «Инстербрук», «Летцен», «Эльбинг» (Эльблонг, Польша) и «Варшава». После нападения на Советский Союз личный состав абверштелле «Кёнигсберг» был направлен на укомплектование абверкоманд и абвергрупп при 3-й танковой армии, 9-й, 11-й и 18-й армиях (в составе групп армий «Центр», «Юг» и «Север», соответственно).

В нейтральных странах и странах-союзниках Германии такие филиалы абвера назывались «военными организациями» (Kriegsorganisation, сокр.: КО). Так, например, в Финляндии действовала «Kriegsorganisation Finland» (сокр.: КОФ), которую возглавлял корветтен-капитан (капитана 3-го ранга) Александр Целлариус (род. в 1898 г.). С 1936 года он занимался вербовкой агентуры для абверштелле «Кёнигсберг» в Хельсинки и Таллине, и за успехи в этом деле был скоро повышен в звании до фрегатен-капитана (капитана 1-го ранга). В июне 1939 года Целлариус был назначен офицером связи абвера при штабе эстонской армии и одновременно — при штабе финской армии. В следующем месяце он возглавил уже упомянутую военную организацию «Финляндия», созданную с согласия финской разведки. Эта организация должна была заниматься сбором сведений о советских частях в Ленинградском военном округе, а позднее также на территории Эстонии (с июля 1940 г. входившей в состав Прибалтийского Особого военного округа). Между собой сотрудники абвера чаще называли эту организацию «Бюро Целлариуса».

Помимо абвера в республиках Прибалтики действовал целый ряд обществ, клубов и частных лиц, вполне легально занимавшихся прогерманской и профашистской пропагандой. На территории Прибалтики, главным образом в Латвии, активно проводили прогитлеровскую агитацию такие общества, как «Немецко-балтийский трудовой центр», «Немецко-балтийское народное объединение», «Орден балтийского братства», «Союз молодежи» (Jugendverband), которые объединяли главным образом прибалтийских немцев и, по свидетельствам современников, фактически являлись прибалтийским филиалом национал-социалистической партии.

Все эти организации непосредственно контролировались «Великогерманским балтийским союзом» в Кёнигсберге. Там были даже

открыты курсы для подготовки активистов «Союза» в качестве нацистских агитаторов, которых часто возили на экскурсии в рейх «для знакомства с национал-социализмом».

Возглавлял этот союз Альфред Розенберг, будущий министр по делам оккупированных восточных территорий, один из давних соратников Гитлера и идеологов нацизма, а также автор такого идеологического опуса, как «Миф XX века» — второго по значимости (и по своей бредовости) после гитлеровской «Майн Кампф».

Философ из общества «Туле»

Альфред Розенберг родился 12 января 1893 года в семье башмачника. Его детство прошло в эстонском городе Ревеле (нынешнем Таллине), в то время входившем в состав Российской империи, именно поэтому будущий рейхслейтер довольно сносно говорил по-русски. Одно время он был студентом Рижского политехнического института, но впоследствии перевелся в Московский университет, где учился на архитектора. Он окончил его как раз в том же году, когда в России подряд разразилось две революции — Февральская и Октябрьская. По словам одного из биографов Гитлера, в то время Розенберг, «будучи молодым и не интересовавшимся политикой студентом, занимался Шопенгауэром, Рихардом Вагнером, проблемами архитектуры и индийским учением о мудрости».

В дни Октябрьской революции 1917 года молодой Розенберг как раз находился в Москве и стал очевидцем происходивших там событий. Видимо, все это порядком напугало его, так как его взгляды круто изменились. Вернувшись в феврале 1918 года в Ревель, он изъявил желание вступить в германскую армию, когда немцы заняли город. Но в армию его не взяли как «русского»...

Обиженный Розенберг, спасаясь от революции, вместе со своими родителями перебрался в Париж, а затем — в Мюнхен, где находилась местная штаб-квартира белой эмиграции. В первое время он вращался в кругах белых эмигрантов, но одновременно, будучи этническим немцем, завязывал контакты и с некоторыми баварскими «тайными обществами». Увлечение всевозможными мистическими учениями привело Розенберга в антисемитское оккультное общество «Туле», построенное по образцу тайных масонских лож. Это общество хорошо известно всем любителям «оккультной истории» нацизма и окутано множеством загадок. Одна из них связана с его основателем — неким Рудольфом фон Зеботтендорфом. Дело в том, что Зеботтендорф, которого считают чуть ли не пророком нацизма, окончил свое земное су-

ществование в тот же самый день, когда была подписана безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии. 9 мая 1945 года он утонул во время купания. Любителям всего загадочного, видимо, не приходит в голову, что этот несчастный случай мог быть простым совпадением или даже самоубийством человека, «заикленного» на антисемитских идеях и вдруг увидевшего их крушение. Большинство других «загадок», связанных с обществом «Туле», было порождено в основном самими же его членами. вроде Розенберга, чересчур увлекавшимися мистикой. Тем не менее, никакие «окултные силы» не пришли ему на помощь в Нюрнберге и не спасли от виселицы...

Именно здесь, в Мюнхене, вращаясь среди подобных «интеллектуалов», Розенберг познакомился со многими колоритными личностями, стоявшими у истоков национал-социалистической партии. Одной из этих личностей был прибалтийский барон фон Шейбнер-Рихтер, с которым Розенберг познакомился еще в Риге, и который так же, как и сам Розенберг, бежал из России от революции. Другой — один из основателей нацизма, чье имя впоследствии было начисто забыто — некий Дитрих Эккарт, постепенно спивавшийся богемный поэт и публицист, каких было много в Германии в те годы. Благодаря Эккарту Розенберг познакомился и с Гитлером. В партию они вступили почти одновременно — в конце 1919 года.

Таким образом, Альфред Розенберг с самых первых дней участвовал в нацистском движении в Германии. В ноябре 1923 года он принял участие в так называемом «пивном путче» в Мюнхене. Путч провалился, и Гитлер оказался в тюрьме за попытку переворота вместе с несколькими другими «соратниками». Однако Розенбергу тогда удалось избежать скамьи подсудимых. В следующем году он стал главным редактором официального печатного органа НСДАП — газеты «Фёлькишер Беобахтер» и, таким образом, на какое-то время остался единственным идеологом партии. (Говорят, Гитлер как-то в шутку заметил, что «Фёлькишер Беобахтер» следовало бы снабдить подзаголовком «Прибалтийское издание» — настолько заметно было в ее содержании балтийское происхождение Розенберга.)

Впоследствии Розенберг поднялся на самую верхушку нацистской иерархии: с 1 апреля 1933 года возглавил Внешнеполитическое управление НСДАП, в 1934 году стал рейхслейтером НСДАП, а с 20 апреля 1941 года официально занял пост «уполномоченного по изучению проблем восточноевропейского пространства». В июле 1941 года его аппарат был преобразован в «Министерство по делам оккупированных восточных территорий».

На первых порах Розенберг, по некоторым свидетельствам, даже оказывал влияние на Гитлера. И это не удивительно — архитектор,

увлекающийся Вагнером и индийской философией, без особого труда произвел впечатление на недоучившегося ефрейтора, который не смог поступить даже в художественную школу. Считается, что именно Розенберг был автором идей о «тождественности коммунизма и всемирного еврейства», а также о праве «германской нации» на свое жизненное пространство на Востоке, добавив их к мировоззрению Гитлера. В последующие годы, по всей видимости, это влияние заметно ослабевало по мере того, как Гитлер проникался верой в собственную «историческую миссию». Как замечает американский историк и журналист Уильям Ширер, Гитлер все чаще позволял себе подшучивать над своим бывшим наставником, в частности, говоря о его псевдофилософских опусах.

«Апогеем его (Розенберга) сочинительства, — пишет далее Ширер, — явился 700-страничный труд, озаглавленный “Миф XX века”. Книга эта являла собой нелепос нагромождение незрелых идей о превосходстве нордической расы — идей, выдававшихся в нацистских кругах за ученость. Гитлер часто в шутку говаривал, что пытался прочесть ее, а Ширах (имперский шеф гитлерюгенда. — *Авт.*), воображавший себя писателем, заметил однажды, что Розенберг “продал больше экземпляров книги, которую никто не читает, чем какой-либо другой автор”».

В довершение этих слов остается лишь добавить, что не только сама эта книга, но даже ее заглавие содержало ошибку — слово «Миф», которое в немецком языке принято в исконной, греческой, орфографии — «Mythos», было написано на латинский манер — «Mythus». Куда уж было спорить с таким грамотеем!

Разумеется, идеи Розенберга, особенно относительно «жизненного пространства на Востоке», под которым подразумевалась не только Россия, но и Прибалтика, не вызывали восхищения в Прибалтике, по крайней мере среди здравомыслящих людей. Однако тогдашнее руководство прибалтийских республик явно не относилось к этой категории, так как предпочитало видеть главную угрозу в лице Советского Союза, а гитлеровскую Германию вопреки здравому смыслу считало своим естественным союзником.

Деятельность «прибалтийских братьев» в Латвии

Одним из тех, кто еще в 1930-е годы разглядел угрозу Прибалтике со стороны Германии, был Артур Стегманис — некогда 1-й секретарь посольства, а затем посол Латвии в Берлине. с 1939 года ру-

ководивший специальным ведомством по выполнению латвийско-германского соглашения по репатриации немцев из Латвии.

«Отношения между Германией и буржуазной Латвией были очень сложными, как бывают отношения между двумя диктатурами, — рассказывал Стегманис после войны. — ...Среди лидеров тогдашней Латвии было много тех, кто склонялся к сотрудничеству с Германией. Однако они упускали из виду тот факт, что фашистская Германия имела собственные планы касательно Прибалтики. Посещая по служебным делам Ригу, я не раз имел случай докладывать министру иностранных дел Мунтерсу о своих впечатлениях по поводу немецкой политики...».

К тому же и сам латвийский президент Ульманис был хорошо знаком с германской политикой экспансии в Латвии еще по событиям 1919 года, когда весной его собственное Временное правительство было свергнуто солдатами Рюдигера фон дер Гольца, а осенью того же года латвийские войска были вынуждены оборонять Ригу от немецких войск. Но с другой стороны, разве не немецкие оккупационные власти позволили сформировать ему правительство в 1918 году? Да и кто еще, кроме Германии, мог защитить капиталистический строй в Латвии от Советов?

Переубеждать правительство Ульманиса было бесполезно — голоса людей вроде Стегманиса там просто не хотели слышать. Поэтому не случайно многие в Латвии приходили к выводу о том, что правящие круги видят в Гитлере союзника. Так, в манифесте, опубликованном подпольной типографией Латвийской компартии в мае 1935 года, говорилось: «Сам переворот Ульманис провел при прямой поддержке Гитлера... Ульманис преследует рабочие организации. Латгальских рабочих и крестьян Мурина, Бондаренко и Ворслага, которые агитировали против угрозы войны, Ульманис осудил на смерть, а гитлеровских шпионов — “прибалтийских братьев” — на 1—6 месяцев ареста». Слова насчет «прямой поддержки» со стороны Гитлера, возможно, были преувеличением, однако явная ориентация Ульманиса на фашистскую Германию оставалась очевидной.

31 декабря 1935 года правительство Ульманиса приняло решение закрыть все иностранные общества на территории Латвии, включая и немецкие. Однако это не коснулось обществ этнических прибалтийских немцев (фольксдойче), постоянно проживавших в Латвии. Например, «Орден балтийского братства» (о котором упоминалось в коммунистическом манифесте) продолжал существовать и после 1935 года, проводя свою пронацистскую агитацию. Аналогичную организационно-пропагандистскую работу продолжали

организации этнических немцев «Движенцы» и «Система». Наибольшую активность развивали «Движенцы», распространявшие свое влияние на большую часть молодых прибалтийских немцев. Они создавали нелегальные группы по 5—12 человек, устраивали нелегальные собрания под видом «пивных вечеров» и «благотворительных балов», а при случае — проводили военное обучение под прикрытием «обществ туризма и спорта». Как и организация «Айзсаргов», они, по сути, представляли собой аналог штурмовых отрядов, существовавших в Германии с начала 1920-х годов. В их «спортивных обществах» существовала строгая военная дисциплина, отличники учебы посылались в Германию на стажировку, а по возвращении становились руководителями отдельных групп. Существовали и латышские аналоги фашистских организаций, также ориентировавшиеся на Германию, как, например, организация «*Latvijas vasi savieniba*» во главе с Рюдигером.

В одной только Риге в 1939 году насчитывалось 66 обществ прибалтийских немцев. «Главным штабом» прогерманской пропаганды к тому времени было «Германо-латвийское народное сообщество». Оно являлось официальным учреждением и занималось тем, что пересылало из рейха местным латвийским немцам «расовые паспорта» для подтверждения их расовой принадлежности (введенные в Германии после прихода Гитлера к власти). Излюбленным приемом прогерманской пропаганды подобных обществ было «напоминать правителям буржуазной Латвии, что именно германской интервенции те были обязаны сохранением капитализма в стране». Под этим лозунгом, например, проходило в начале 1939 года торжественное празднование 20-летнего юбилея босв германского добровольческого корпуса за Ригу.

Практически все организации прибалтийских немцев поддерживали постоянный контакт с германским посольством в Риге. Неофициально они были связаны и со спецслужбами рейха — как через посольство, по линии германского МИДа, так и по линии Внешнеполитического управления НСДАП во главе с Розенбергом и Иностранной организации НСДАП во главе с гаулейтером Вильгельмом Боле. Непосредственно работой обществ прибалтийских немцев руководили германский посол в Риге Котце, подчиненный ему представитель РСХА при посольстве Шенкельберг и 2-й секретарь посольства, ведавший делами НСДАП в Латвии, Ганс Крегер. Многие из активистов этих организаций также являлись кадровыми разведчиками.

Помимо дипломатических представительств, разведка рейха использовала для сбора информации и прогерманской пропаганды

многие торгово-промышленные фирмы или представительства в Прибалтике, в том числе расположенные в Латвии филиалы фирм «Железо и сталь», «Хельмслинг и Гримм», «Родлауэр и К^о», «Вольдемар Майор» и другие. Немцы имели ряд источников-осведомителей в государственном аппарате Латвии. Например, в МИДе Латвии долгое время служила некая госпожа Хинце, кадровая немецкая разведчица. Другой германский агент работал в качестве личного курьера у министра иностранных дел Латвии Мунтерса.

Все эти факты показывают, что решение Ульманиса от 31 декабря 1935 года фактически обеспечило германской разведке монопольное право вести профашистскую агитацию и разведку против СССР с территории Латвии. По многочисленным свидетельствам, даже после 1935 года германская разведка в Латвии «работала в режиме максимального благоприятствования, почти не заботясь о конспиративных играх».

В 1939 году сотрудничество Латвии со «странами оси» стало приобретать все более официальную форму. Так, например, Латвия первой признала оккупацию Абиссинии фашистской Италией. 7 июня 1939 года Германия заключила договоры о ненападении с Латвией и Эстонией. Как писала подпольная газета Компартии Латвии «Циня», «с подписанием этого пакта фашистская Латвия официально примкнула к оси Берлин — Рим... Правительство Ульманиса — Мунтерса — Балодиса добровольно отдает Латвию под протекторат Гитлера, обязуется сдать в аренду свои порты (Лиепая) и другие стратегически важные пункты гитлеровской Германии». В июле 1939 года председатель Палаты труда Латвии Эгле и генеральный секретарь Палаты Клейнхоф посетили Германию. Вместе с группой латвийских немцев из 35 человек во главе с Р. фон Радешким они присутствовали на 5-м съезде национал-социалистской организации «Сила через радость» в Гамбурге, где присутствовал также Герман Геринг. Консул Латвии в Гамбурге сообщал, как будто даже с гордостью, что латвийские немцы, как и представители «фольксдойче» из других стран, были одеты в униформу с рунами СС, участвовали в общем параде, и вообще «группа держалась очень воинственно».

Абвер в Эстонии

В Эстонии германские спецслужбы обосновались еще со времен окончания Первой мировой войны, развив там бурную деятельность. Согласно сохранившемуся отчету французского посольства о деятельности германской разведки в Эстонии (отчет был направлен во

2-е бюро французского Генштаба в конце 1939 г.). Германия в годы Гражданской войны послала в Эстонию группу агентов разведки, чтобы вербовать офицеров Российской армии в отряд Бермондт-Авалова, сформировавшийся в Германии (впоследствии он стал называться Русской Западной армией, хотя в его состав входили в основном немецкие части, включая небезызвестную «Железную дивизию»). В 1920—1923 годах Германия «избрала путь широкой пропаганды» в Эстонии (указания по ее проведению готовились в Берлине при участии бывшего чиновника русской полиции, а впоследствии агента германской разведки Беранского).

В 1939 году в Эстонии насчитывалось уже около 160 германских обществ и ассоциаций, которые занимались распространением прогерманской пропаганды и идей национал-социализма. В этом им оказывал помощь целый ряд газет, выходивших на немецком языке, в том числе «Revaler Zeitung» в Таллине (редактор Вриз), «Dagpaper Zeitung» в Тарту (редактор Меден) и «Aufstieg» (редактор — Эрнст Туурман). Кроме того, распространением национал-социалистской идеологии в Эстонии вплоть до начала Второй мировой войны вполне легально занимались прибалтийские немцы Георг Таубе, Вальтер Мюлен, Теодор Таубе, Эдуард Штакельберг, Андрей Юкскюль, Георг фон Раух, Мансдорф, Борис Мейснер и многие другие.

Правительство рейха всячески способствовало такой деятельности. Так, 12 мая 1933 года в гавань Таллина с дружеским визитом прибыл германский броненосец «Эмден». В действительности визит носил прежде всего пропагандистский характер: на борту броненосца и на берегу устраивались вечера пропаганды, обставленные нацистской символикой, с соответствующими речами в честь фюрера и т.д. А в ноябре 1933 года в Таллин прибыла делегация крупнейших немецких экономистов, среди которых было два офицера разведки. Они должны были вести коммерческие переговоры, а попутно ознакомиться с некоторыми крупными трудами и тщательно изучить Эстонию. В Нарве еще с 1928 года была установлена немецкая радиостанция «для контроля над русской деятельностью».

Немецкая военная разведка (абвер) к 1935 году имела в Таллине как минимум одну резидентуру (действовавшую под прикрытием германского посольства) и 4 агентов в подчинении «Абверштелле Кёнигсберг». Один из этих агентов принадлежал к «Союзу балтийских немцев», другой — капитан в отставке, коммерсант — являлся человеком, близким к правительственным кругам в Эстонии. Все они занимались сбором сведений о частях Красной армии в Ленинградском военном округе. В августе 1936 года отделу иностранных ар-

мий Востока в составе ОКВ (Верховного командования вермахта) потребовалась информация о техническом переоснащении РККА. В связи с этим агентура абвера в Эстонии получила задание активизировать свою деятельность и привлечь к ней бывших офицеров армии Юденича и их родственников, проживающих в Эстонии. Вербовку новой агентуры в Таллине и Хельсинки проводили под видом военных дипломатов полковник абвера Рессинг — с 1935 по 1939 год, капитан Кернер и капитан фон Бонин — с 1936 по 1939 год, фрегатен-капитан Целлариус — с 1936 по 1944 год. Так была создана новая резидентура абвера в Эстонии во главе с Борисом Энгельгардтом, бывшим полковником царской армии, который впоследствии сам стал заниматься вербовкой новой агентуры.

Германская разведка имела множество сторонников и официальных агентов и среди эстонских националистов. Еще в июне 1923 года председатель Эстонского парламента Ян Тыниссон сам связался с немецкой разведкой «в целях объединения стран Прибалтики для консолидации сил против России». К концу 1930-х годов прогерманскую группировку составляли: начальник канцелярии президента Эстонии Эльмар Тамбек, заместитель начальника генштаба эстонской армии полковник Рихард Маазинг, начальник разведывательного отдела генштаба полковник Виллем Саарсен, председатель палаты депутатов Отто Пукк, министр иностранных дел Карл Сельтер, его помощник Оскар Эпик, чиновник МВД Оскар Ангелус и некоторые другие. (Впоследствии, в годы немецко-фашистской оккупации, Эпик и Ангелус занимали высокие посты в так называемом Эстонском самоуправлении, а Отто Пукк и бывший премьер-министр и председатель Государственной думы Эстонии Юрий Улуотс изображали националистическую оппозицию, время от времени также предлагая свои услуги оккупантам.)

О прогерманских настроениях своих коллег, так же как и о сотрудничестве прибалтийских немцев с разведслужбами рейха, в эстонских официальных учреждениях было известно. Как показал судебный процесс, проходивший в ноябре 1934 года над группой из 25 германских агентов во главе с Виктором цур Мюленом, которым было вынесено обвинение в шпионаже в пользу Германии, эстонское правительство относилось к такой деятельности очень снисходительно. Все подсудимые получили наказание в виде денежных штрафов на разные суммы; никто даже не был заключен в тюрьму. И это в то время, когда за одно лишь членство в Компартии Эстонии выносились смертные приговоры!

Осенью 1935 года в штабе Эстонской армии одержала верх группировка пронацистски настроенных офицеров во главе с полков-

ником Маазингом, начальником 2-го (разведывательного) отдела Генштаба. С этого времени сотрудничество с разведывательными и военными ведомствами рейха стало развиваться по официальным каналам.

Весной 1936 года полковник Маазинг, а вслед за ним и начальник штаба Эстонской армии генерал Рээк приняли приглашение руководства вермахта посетить Берлин. В ходе своего пребывания там они установили деловые отношения с шефом абвера адмиралом Канарисом и другими высшими офицерами военной разведки, а также заключили соглашение о взаимном обмене информацией. Абвер обязывался оснастить эстонскую разведку оперативно-техническими средствами; Маазинг и Рээк, со своей стороны, дали согласие на использование территории Эстонии для работы против СССР. В распоряжение эстонской разведки была предоставлена фотоаппаратура для производства снимков советских военных кораблей с маяков Финского залива, а также устройства радиоперехвата, которые были использованы вдоль всей советско-эстонской границы. Для оказания технической помощи в Таллин были направлены специалисты отдела дешифровки ОКВ. Помимо этого, в Эстонию стали часто отправлять немецких офицеров в качестве «стажеров», «отпускников», «изучающих иностранные языки» и т. п., которые в обязательном порядке посещали эстонские части. Все чаще стали посещать Эстонию целые подразделения германских ВМФ и ВВС.

В апреле 1939 года начальник Генштаба Эстонской армии генерал Рээк был вновь приглашен в Германию по случаю дня рождения фюрера и связанных с этим торжеств. Однако помимо официальной части, визит должен был способствовать углублению взаимодействия между эстонской и немецкой разведслужбами. В результате этого сотрудничества в 1938—1940 годах абверу удалось при помощи 2-го отдела Генштаба Эстонской армии забросить в СССР несколько групп шпионов и диверсантов. В составе отдела, кроме того, было создано специальное отделение во главе с капитаном Кальмусте, которое занималось разведкой. Вдоль границы Эстонии и Советского Союза продолжали функционировать 4 радиостанции, которые осуществляли радиоперехват радиogramм; одновременно из радиоточек велось слежение за работой радиостанций на территории СССР.

Руководители абвера с 1936 года регулярно, один раз в год, приезжали в Эстонию. Когда срочно требовалось передать необходимые сведения, с обеих сторон направлялись специальные курьеры, а иногда для этого использовались военные атташе при эстонском и немецком посольствах.

Главкомандующий Эстонской армией генерал Лайдонер признавал впоследствии: «Начальник немецкой разведки Канарис посетил Эстонию в первый раз в 1936 году. После этого он навещался сюда дважды или трижды. Я принимал его лично. Переговоры по вопросам разведывательной работы велись с ним руководителем штаба армии и начальником 2-го отдела (генералом Рээком и полковником Маазингом). Тогда было установлено более конкретно, какие сведения требовались для обеих стран и что мы можем дать друг другу...» «Нас интересовали сведения о дислокации советских военных сил в районе нашей границы и о происходящих там перемещениях, — продолжал далее Лайдонер. — Все эти сведения, поскольку они имелись у них, немцы охотно сообщали нам. Что касается нашего разведывательного отдела, то он снабжал немцев всеми данными, которыми мы располагали относительно тыла и внутреннего положения в СССР».

7 июня 1939 года между Германией и Эстонией был заключен пакт о ненападении; тогда же был заключен аналогичный пакт с Латвией. В связи с этим английская газета «The News Review» писала, что «нацисты уже рассматривают Эстонию как государство, которое политически и экономически в их руках». Уже через несколько дней после заключения пакта в Эстонии с 4-х дневным визитом (26—29 июня) побывал начальник генштаба сухопутных войск Германии генерал-лейтенант Франц Гальдер. Он выяснял мобилизационные возможности СССР, уточняя данные относительно транспорта, людских ресурсов, запасов вооружения, производственных мощностей военных предприятий, состояния авиации и т.п.

В эти же дни, в июне 1939 года, с согласия президента Эстонии Пятса и генерала Лайдонера абвер учредил при генштабе Эстонской армии должность «офицера связи», назначив на нее специалиста по Прибалтике, капитана Целлариуса (тогда же он занял аналогичный пост при генштабе финской армии, а в июле 1939 г. создал «Бюро Целлариуса» со штабом в Хельсинки). Агентами «Бюро Целлариуса» в Хельсинки являлись бывший генерал Российской императорской армии Добровольский, бывшие царские офицеры Пушкирев, Алексеев, Соколов и Батуев, а также эстонские националисты Веллер, Хорн, Аксель Кристиан и Кург, являвшиеся резидентами «Бюро» в Хельсинки.

18 июля 1939 года адмирал Канарис снова побывал в Эстонии в сопровождении начальника управления «Абвер-1» (разведка) Ганса Пикенброка и начальника управления «Абвер-III» (контрразведка) Франца Бентивеньи. (Последний должен был проверить работу подчиненной ему группы «ЗФ», осуществлявшей в Таллине закордонные мероприятия по линии контрразведки.)

Вот что рассказывал об этом визите генерал Лайдонер: «Последний раз Канарис посетил Эстонию в июле 1939 года. Речь шла главным образом о разведывательной деятельности. С Канарисом я довольно подробно разговаривал о нашей позиции в случае столкновения между Германией и Англией и между Германией и СССР. Он интересовался вопросом, много ли Советскому Союзу потребуется времени для полной мобилизации своих вооруженных сил, и каково состояние его транспорта (железнодорожного, автомобильного и гужевого) ...»

Как свидетельствует германский посланник в Эстонии Фроо-вейн, в это время правительственные и военные круги Эстонии чрезвычайно интересовал вопрос о перспективах будущей войны. Сообщая о своей беседе с генералом Рээком, имевшей место в эти же дни, Фроо-вейн писал, что эстонское правительство желает знать, возьмет ли Германия на себя контроль над Балтийским морем в случае войны, и даже предлагал в этом свою помощь. «Генерал Рээк, — по словам германского посланника, — признал, что Эстония также может легко оказать содействие в этом деле. Например, Финский залив очень легко заминировать против советских военных кораблей, не привлекая никакого внимания. Имеются и другие возможности».

Советская сторона, разумеется, была недовольна таким положением, когда на эстонской границе, особенно в Нарве, постоянно появлялись немецкие офицеры, да и не только немецкие... Полпред Советского Союза К.Н. Никитин 30 августа 1939 года в беседе с министром иностранных дел Эстонии Сельтером отметил эти факты. «...Я указал Сельтеру и на то, — записал в своем служебном дневнике Никитин, — что посещение японцами эсто-советской границы, как это имело место текущим летом и весной, не дает должного спокойствия, какое необходимо двум добрососедским державам, ибо это граница эсто-советская и японским генералам здесь как будто бы делать нечего. Сельтер проглотил эту пилюлю и обычным своим мертвым тоном протянул: “Да, эти туристы шумят, что в Нарве много исторических мест, что там туристам есть что посмотреть, а на самом деле там и смотреть-то нечего. Я им и то говорю: “Идите в Аренсбург (Куресаре) и смотрите там”».

Затем Никитин указал Сельтеру на военные приготовления Эстонии, которые явно координировались с германским генштабом. «Я его спросил, — пишет Никитин: — “Зачем же вы готовитесь к войне, когда вам ни с той, ни с другой стороны не угрожают?” Сельтер сказал: “Ну, все готовятся, так и мы готовимся. На всякий случай”».

А приготовления были нешуточные. Никитин записал в своем дневнике: «Из конфиденциальных кругов через торгпредство полу-

чены сообщения о том, что эстонцы упорно укрепляют левый берег реки Наровы. Эстонцы думают, что СССР теперь воспользуется моментом и отрезет от них пограничные русские районы, двинув против них Красную Армию. С этой целью они отнесли свои укрепления на левый берег реки Наровы и готовятся допустить захват территории до правого берега реки, а левый держать. Сообщают, что у эстонцев оружия хватает на 120 тыс. человек, что же касается обмундирования и вообще амуниции, то этого у них есть лишь на 60 тыс. человек».

Литва и «ультиматум Риббентропа»

Литва была единственной из прибалтийских республик, чьи отношения с Германией складывались не всегда гладко. Юозас Урбшис, бывший генеральный секретарь МИД, а с конца 1939 года — министр иностранных дел Литвы, так характеризовал их: «Конечно, отношения между Литвой и Германией имели особенность. Она заключалась в прямых территориальных притязаниях Германии. Если по отношению к Латвии и Эстонии Германия внешне придерживалась дипломатических норм, то к нам прямо предъявлялись претензии. Антилитовская линия проводилась и в веймарскую эпоху, но Гитлер, придя к власти, резко ее усилил. Стала активно действовать его агентура в Литве — национал-социалистская партия в Клайпеде. Клайпедские нацисты, базируясь на Кенигсберг и Тильзит, готовили акты саботажа и террора. Знаменитый процесс Неймана — Засса показал, как далеко зашли провокационные действия Германии. И все это завершилось ультиматумом Риббентропа».

«Ультиматум Риббентропа» был вручен Урбшису (в то время исполняющему обязанности министра иностранных дел Литвы) гитлеровским министром иностранных дел 20 марта 1939 года. В нем содержалось требование о возвращении Мемеля и Мемельской области Германии; в противном случае было обещано, что местные «фольксдойче» поднимут беспорядки, а если хоть один из них будет убит в ходе этих беспорядков, то в Литву вступят части вермахта. 21 марта литовское правительство было вынуждено принять условия ультиматума, а 22 марта состоялось подписание германо-литовского договора о воссоединении Мемельской области с Германией.

Посланник Литвы в Москве Ю. Балтрушайтис сообщил о подробностях этих переговоров наркому иностранных дел СССР

М. М. Литвинову 29 марта 1939 года: «Риббентроп обращался с Урбшисом весьма грубо, вручив ему проект соглашения и потребовав немедленного подписания. Когда Урбшис стал возражать, Риббентроп заявил, что Ковно будет сровнен с землей и что у немцев все для этого готово».

Однако правительство Литвы решило извлечь из этого свою выгоду и обратить потерю Клайпеды в свою пользу. 4 мая 1939 года литовский посланник в Берлине Казис Шкирпа по поручению правительства Литвы обсудил вопрос о возвращении Литве Виленской области в случае германо-польской войны с начальником отдела Прибалтики в МИД Германии В. Грундхерром. А уже 20 мая 1939 года между правительствами Литвы и Германии были подписаны четыре договора: о товарообмене, о платежах, пограничном сообщении и сооружении литовского водного порта в Мемеле. Это означало переориентацию Литвы на союз с Германией.

Невольно напрашивается логическая связь: если после столь недружественного ультиматума по поводу Мемельской области между Германией и Литвой вдруг наметилось сближение, то как германскому МИДУ удалось расположить к себе литовское правительство? Не был ли подписан 20 мая 1939 года еще и секретный протокол, по которому Германия обязывалась вернуть Литве Виленскую область в случае германо-польской войны? А если так, то значит, первый раздел Польши намечался между Германией и Литвой...

От «Восточного пакта» до пакта Молотова — Риббентропа

Почему республики Прибалтики так искали дружбы с гитлеровской Германией? Из страха перед Советами или по каким-то другим причинам? Наконец, если в Эстонии, Латвии и Литве действительно осознавали угрозу, исходящую от германского фашизма, то была ли у них возможность обеспечить свою безопасность?

Идея такого договора о коллективной безопасности и взаимопомощи впервые была выдвинута правительствами Советского Союза и Франции в декабре 1933 года. Проект договора, получившего название «Восточный пакт», в Советском Союзе рассматривался как коллективная гарантия на случай агрессии со стороны фашистской Германии. Предложения присоединиться к этому договору были сделаны Финляндии, Чехословакии, Польше, Румынии, Эстонии, Латвии и Литве. Но тогда Англия выставила ряд условий (в том числе перевооружение Германии), а Соединенные Штаты не одобрили

идею договора вообще. Польша и Румыния также отказались присоединиться к этому альянсу, не желая никаких гарантий со стороны СССР. В результате пакт так и не был заключен.

Весной 1939 года идея заключения так называемого «Восточно-го пакта» вновь стала предметом обсуждения. 21 марта 1939 года британский посол в Москве Сидс вручил наркомун иностранных дел СССР проект декларации Англии, Франции и Польши. Советский Союз одобрил эту идею, но поставил условием, чтобы в нем участвовали также страны Прибалтики, скандинавские и балканские страны. В итоге переговоров Англия снова отказалась от своего предложения, так как «рассчитывала на такое соглашение, которое позволило бы втянуть СССР в войну с Германией и в то же время избежать оказания ему помощи». Но была и другая причина для отказа британской стороны от первоначального проекта. Как свидетельствует в своих мемуарах Уинстон Черчилль: «Препятствием к заключению соглашения служил ужас, который эти самые пограничные государства испытывали перед советской помощью в виде советских армий, которые могли пройти через их территории, чтобы защитить их от немцев и попутно включить их в советско-коммунистическую систему. Ведь они были самыми яростными противниками этой системы. Польша, Румыния, Финляндия и три прибалтийских государства не знали, чего они больше боялись, германской агрессии или русского спасения». «Финляндия и Эстония, — пишет Черчилль, — даже утверждали, что они будут рассматривать как акт агрессии гарантию, которая будет дана им без их согласия. В тот же день, 31 мая, Эстония и Латвия подписали с Германией пакты о ненападении. Таким образом, Гитлеру удалось без труда проникнуть в глубь самой обороны запоздалой и нерешительной коалиции, направленной против него».

Националистические правительства республик Прибалтики предпочли гарантии со стороны Германии из страха перед установлением советской власти. Их не смущали откровенные высказывания Гитлера о колонизации Прибалтики, хотя они не были тайной ни для кого. Они боялись лишь Советского Союза, не имевшего в то время никаких экспансионистских планов в отношении прибалтийских государств.

Этот страх перед агрессией со стороны Советского Союза был ничем не обоснован, так как многосторонний характер этого договора исключал такую возможность даже гипотетически. К тому же до сих пор ни одному историку еще не удалось найти документов, которые доказывали бы, что Сталин при всех его диктаторских замашках собирался аннексировать Прибалтику до 1940 года. Напро-

тив, как-то в беседе с французским послом 10 апреля 1933 года нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов подчеркнул, что для СССР в Прибалтике «так же нежелательна польская экспансия, как и германская. Мы заинтересованы в сохранении независимости всех прибалтийских государств и особенно Литвы». (Как раз в первые месяцы своего пребывания у власти Гитлер высказывал идею «территориального обмена», предлагая польскому правительству вернуть Германии Данцигский коридор в обмен на присоединение к Польше всей Литвы!)

А тем временем Германия уже давно и всерьез задумывалась об аннексии прибалтийских государств. 18 февраля 1935 года на конференции рейхслейтеров, гаулейтеров и фюреров СА и СС, группенфюрер СС Юлиус Шауб заявил: «Наш отказ от подписи под Восточным пактом остается твердым и неизменным. Фюрер скорее отрубит себе руку, чем подпишет акт, ограничивающий справедливые и исторически законные притязания в Прибалтике, и пойдет на отказ германской нации от ее исторической миссии на Востоке».

Будущий чиновник оккупационного аппарата в Прибалтике в 1941—1942 годах Петер Клейст, в то время занимавший высокий пост в германском МИДе, в своем официальном меморандуме от 2 мая 1939 года писал, что Германия в данный момент добивается нейтралитета республик Прибалтики, то есть «решительного отхода их от Советского Союза» (о том, что означал в действительности этот «нейтралитет», уже говорилось выше). «В случае войны, — писал Клейст, — нейтралитет прибалтийских стран для нас так же важен, как и нейтралитет Бельгии или Голландии; когда-то позже, если это нас устроит, мы нарушим этот нейтралитет, и тогда, в силу заключенных нами ранее пактов о ненападении, не будет иметь места механизм соглашений между прибалтийскими государствами и Советским Союзом, который ведет к автоматическому вмешательству СССР».

Лишь после провала идеи «Восточного пакта», не найдя общего языка ни с Англией и Францией, ни с прибалтийскими республиками, Советский Союз был вынужден в спешном порядке заключить Договор о ненападении с Германией от 23 августа 1939 года. В секретном дополнительном протоколе к нему были разделены сферы влияния в Восточной Европе, включая и Прибалтику. В частности, в нем говорилось, что «северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами». Таким образом, Литва первоначально должна была остаться в сфере влияния Германии.

Как результат этого соглашения, 20 сентября 1939 года был подписан «Договор о защите между Германским рейхом и Литовской республикой», в котором говорилось, что для обеспечения «взаимно дополняющих интересов обеих стран» и «не в ущерб своей самостоятельности, Литва становится под защиту германского рейха». С этой целью предусматривалось также заключение двусторонней военной конвенции. Так Германия без лишних проволочек закрепила свой военный и политический контроль над Литвой.

Это не могло не обеспокоить Москву, так как создавало плацдарм для возможной агрессии против СССР в Прибалтике. В ходе очередного визита Риббентропа в Москву в конце сентября 1939 года Сталин потребовал, чтобы Литва была также включена в сферу влияния Советского Союза. Рейхсминистр иностранных дел, по его же собственным словам, позвонил Гитлеру прямо из Кремля, чтобы запросить указаний по этому вопросу. «Некоторое время спустя, — пишет Риббентроп, — он (фюрер) сам позвонил мне и заявил — явно не с легким сердцем, — что согласен включить Литву в сферу советских интересов». В результате в секретном дополнительном протоколе к советско-германскому «Договору о дружбе и границе» от 28 сентября 1939 года говорилось, что «территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как, с другой стороны, Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии».

Решение Гитлера пожертвовать Прибалтикой, занимавшей важное место в экспансионистских планах нацистов, ради того чтобы «успокоить» Советский Союз и заручиться его нейтралитетом, стало неожиданностью для многих в Германии (тем более, что и протокол был секретным). Даже ввод советских войск в Польшу вызвал недоумение у многих военных. Один из офицеров абвера, Гельмут Гросскурт, записал в своем дневнике, что в верхушке вермахта царило подлинное возмущение по поводу того, что немцы дали «большевикам возможность беспрепятственно продвинуться вперед», а начальник генштаба сухопутных войск генерал Гальдер назвал 17 сентября 1939 года (день вступления Красной армии в восточные районы Польши) днем «позора немецкого политического руководства».

Лишь ограниченному кругу людей было известно, что это решение являлось лишь тактическим маневром (подобно тому как Гитлер «уговорил» румынского диктатора Антонеску пожертвовать Северной Буковиной и Бессарабией в пользу СССР и Северной Трансильванией в пользу Венгрии в 1940 году). Не случайно уже осенью 1939 года командование вермахта получило распоряжение под-

готовить печально известную директиву № 21 (план «Барбаросса»), предусматривавшую вторжение в Советский Союз. Гитлер надеялся вернуть все, что было отдано, и получить еще больше — захватить не только всю Прибалтику, но и весь Советский Союз.

Пакты о взаимопомощи с республиками Прибалтики

Пакт Молотова — Риббентропа от 23 августа 1939 года поверг в растерянность правящие круги Эстонии, Латвии и Литвы, которые опасались, что Германия их бросила на произвол судьбы. Обо всем, что происходило вслед за этим, красноречиво говорили события в Эстонии, чье правительство наиболее активно сотрудничало с военными и разведывательными ведомствами рейха, а впоследствии проявило максимум усилий по созданию антисоветского военного блока под покровительством Германии.

Вскоре после заключения советско-германских соглашений, в сентябре 1939 года, правительство СССР предложило правительствам Эстонии, Латвии и Литвы заключить договоры о взаимной помощи. Последние были вынуждены начать переговоры в Москве, которые завершились подписанием соответствующих договоров: 28 сентября — с Эстонией, 5 октября — с Латвией, а 10 октября — с Литвой.

Правительства стран Прибалтики были, разумеется, далеко не в восторге от идеи размещения на латвийской территории советских военных баз и всерьез опасались распространения «красной заразы». Хотя в то же время некоторых и привлекали выгоды расширения экономических связей СССР. Так что решение было непростым...

В республиках Прибалтики всерьез подумывали о том, не начать ли военные действия против Советского Союза немедленно. В особенности агрессивную позицию заняла Эстония, чьи связи с гитлеровской Германией были наиболее тесными. Ее правительство даже проводило некоторые подготовительные мероприятия, о чем с тревогой докладывал заместитель наркома внутренних дел СССР И.И. Масленников наркому обороны СССР, маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову 27 сентября 1939 года.

Масленников писал: «По данным Ленинградского пограничного округа, в прилегающей к СССР пограничной полосе Эстонии, под видом проведения осенних маневров, происходит сосредоточение полевых частей эстонской армии. В г. Нарва прибыло несколько войсковых подразделений, которые приведены в боевую готов-

ность. Офицеры группами проводят рекогносцировку местности вблизи границы. В районе Усть-Нарова отмечено передвижение танков. В 5 км южнее г. Нарва, против участка 7-го Кингисеппского пограничного отряда, и на линии деревень Поптово — Турок, против участка 9-го Псковского пограничного отряда, установлены орудия в направлении территории СССР. В начале октября сего года назначен призыв в армию личного состава запаса 1909—1916 годов рождения, а приписанных к артиллерийским частям — в возрасте до 40 лет». И далее в том же документе сообщалось: «На текстильных фабриках г. Нарва уволено большое количество рабочих, что вызвало возмущение и недовольство населения. Рабочие заявляют, что если им не будет предоставлена работа, они организованно перейдут на территорию СССР. Трудовое крестьянство эстонских пограничных сел высказывает симпатии к СССР и выражает желание о присоединении Эстонии к Советскому Союзу».

Сразу же после того как стала известна новость о заключении советско-германского договора о ненападении, правительство Эстонии постаралось выяснить все его детали. Конечно же, через немцев...

«Пятс предложил мне послать кого-либо из военных немедленно в Берлин, — рассказал впоследствии генерал Лайдонер, главнокомандующий эстонской армией, — чтобы постараться узнать через военные круги, а если можно — через адмирала Канариса истину по этому вопросу. Я предложил послать туда полковника Маазинга, как наиболее известного Канарису. В тот же день или днем позже Маазинг вылетел в Берлин и очень быстро вернулся обратно. Особенных результатов он там не достиг, так как адмирал Канарис заявил ему, что относительно договора Германии с Советским Союзом он ничего сказать не может. По возвращении из Германии Маазинг был настроен пессимистически. Во время доклада о результатах поездки в Берлин он заявил мне, что лучше было бы нам до заключения пакта начать войну с СССР».

Вслед за Маазингом в Берлин отправился сотрудник политической полиции Эстонии, прибалтийский немец, барон Андрей Юкскюль с тем же поручением — выяснить, может ли Эстония по-прежнему надеяться на поддержку Германии. Но и ему не удалось узнать ничего определенного. Руководство рейха держало в тайне содержание секретных протоколов к советско-германскому договору от 23 августа 1939 года. Лишь в середине сентября в Таллин прибыл руководящий работник абвера доктор Клее, который несколько раз встретился с Пятсом и гуманно заверил того: война с Советским Союзом лишь отложена по стратегическим соображениям, но подготовка к ней продолжается.

Тем не менее в Госсовете Эстонии 26 сентября 1939 года всерьез обсуждался вопрос о войне с Советским Союзом. Но в итоге от военных действий было решено отказаться. В связи с этим генерал Лайдонер признавал: «...Нельзя сомневаться, что если мы с Россией не достигнем соглашения, то будет война. Этот проект договора не ультиматум. До сих пор с нами обходились вежливо». Но, констатировал он далее: «Известное время мы, определенно, можем сопротивляться. Как долго может продолжаться — сказать трудно, может быть, несколько месяцев или дольше. Однако конец ясен. Хотя Россия, возможно, и не очень сильна в военном отношении, она все же в состоянии выставить против нас достаточное количество войск. ...Кроме всего прочего, трудно начинать войну, когда тебе предлагают договор о помощи. Это было бы таким пропагандистским козырем для России, воздействие которого нетрудно представить... Нас ставят в такое положение, что мы должны сделать первый выстрел».

По единодушному мнению членов правительства и Госсовета, помощи ждали только от Германии, но после заключения советско-германского договора от 23 августа 1939 года рассчитывать на нее было трудно. «...Реальным противовесом России могли бы быть Польша и Германия, и никто другой, — подчеркивал посланник Эстонии в Москве Август Рей. — Британская мощь сюда не дойдет — у нее много дел в других местах. Также не в состоянии сделать это и Франция. Теперь и Германия нейтрализована пактом с Россией. Как представляется, Россия еще разрешает торговаться с собой, и это указывает на то, что Германия не хочет усиления России на берегах Балтики... Германия хочет "status quo". Ничуть не следует полагать, однако, что Германия слаба по отношению к России, хотя Россия и получила большую часть Польши... Россия могла бы потребовать от нас большего, и мы считали, что так и будет сделано. Молотов пояснил с величайшим миролюбием, что мы вам ничего не навязываем, ни коммунизма, ничего, все сохранится — ваша внешняя политика, правительство, парламент и т.д. Если вы не желаете выполнить эти минимальные требования, тогда мы будем вынуждены использовать другие пуги. Молотов сказал, что он гарантирует согласие Германии. Останется ли все это так — трудно сказать. Если Германия не будет слишком разорена, то равновесие сохранится. Мы — оптимисты и надеемся, что какой-то противовес найдется».

И все же, как говорится, надежда умирает последней. Эту надежду лидеры Эстонии видели в лице Германии, и посланник Рей был не одинок в этом. «Будем надеяться, что и в будущем Германия

не пожелает того, чтобы мы были уничтожены, — обнадежил собравшихся Пятс. — В нынешних условиях Германии самой пришлось пойти на уступки, иначе бы ей пришлось тяжело».

Ему вторил член Госсовета Маурер: «...Я оптимист в отношении скорого окончания войны. Германия не пожертвует Прибалтийскими государствами».

«...Молотов заявил достаточно ясно, что Германия нам помочь не сможет, — подытожил министр иностранных дел Сельтер. — Однако я думаю, что чем сильнее Германия на Востоке, тем лучше для нас».

Опасность такой двойной игры — с советским правительством и с секретными службами Германии — отметил лишь один Ян Тыниссон. «Дружественные отношения с Германией стоили нам дорого, — предостерег он. — Если Россия будет в безопасности, тогда у нас будут лояльные отношения с ней. При определении судьбы Прибалтийских государств Германия сейчас не играет сколько-нибудь значительной роли. В конце войны у Британии определено будет что сказать о Прибалтике. Россия не хочет конфликта с Британией, это ясно. Также мы должны выиграть время и найти другие возможности для определения правильной позиции. Мы должны избегать того, чтобы нам приписывали дружественные отношения с Германией. В будущем это приобретет большое значение. Соглашение с Россией сейчас менее опасно, чем дружба с Германией».

Примерно в то же время в Эстонию приехал один из директоров концерна «ИГ Фарбениндустри» Фриц Тер-Меер, который лично встретился с Пятсом. «В частном разговоре со мной, — вспоминал позднее сам Пятс, — директор не скрывал, что Германия и после заключения договора с Советским Союзом продолжает старую политику по отношению к СССР. В Германии, по его словам, все больше и больше распространяется мнение, что природные богатства Советского Союза должны быть доступны только ей. В Германии прекрасно понимают, что Россия их добровольно не уступит, и придется бороться. Без борьбы не обойтись, и надо ждать столкновения вооруженных сил. Все руководящие круги Германии это понимают и уже продолжительное время готовятся к борьбе».

Это было слабым утешением, но правительство Пятса послушалось немцев и не стало, по примеру Финляндии, объявлять войну СССР. В Таллине решили согласиться на подписание договора с Москвой. Советско-эстонский пакт о взаимопомощи был подписан 28 сентября 1939 года...

В правительстве Латвии также были озадачены неожиданным «предательством» со стороны Германии. На заседании кабинета министров

1 октября 1939 года «Вождь Нации», президент государства и президент совета министров Латвии Карлис Ульманис в срочном порядке поднял вопрос о необходимости послать делегата для переговоров в Москву. Было решено направить в Москву министра иностранных дел Латвии Вильгельма Мунтерса, уполномочив его «всеми возможными средствами защищать интересы латышского народа и государства».

2 октября 1939 года Мунтерс прилетел в Москву. В московском аэропорту, помимо представителей советского руководства, его встретили послы Эстонии и Литвы в СССР. Эстония к тому времени уже подписала пакт с Советским Союзом, Литва — находилась в состоянии раздумий.

Вечером того же дня Мунтерс встретился со Сталиным и Молотовым. Те четко определили свои цели: обеспечить интересы безопасности Советского Союза на балтийском побережье. Взамен Сталин пообещал, что «если мы достигнем соглашения, то для торгово-экономических дел имеются очень хорошие предпосылки».

Мунтерс доложил правительству Латвии об условиях, предлагаемых СССР, и о ходе переговоров. Вечером 3 октября правительство Латвии во главе с Ульманисом собралось на чрезвычайное заседание. Присутствовавший на заседании правительства посол Латвии в СССР Коциньш позднее признался советскому послу в Риге Зотову, что «правительство детально обсуждало переговоры, причем особое внимание уделяли словам, репликам и выступлению тов. Сталина... Кабинет тепло принял результаты переговоров». Заслушав присланный Мунтерсом отчет, кабинет министров поручил латвийскому представителю подписать договор о взаимопомощи с СССР, предварительно постаравшись, «если только возможно, добиться наивыгоднейших условий».

В конце концов после трудных переговоров текст документа был согласован, и 5 октября СССР и Латвия подписали Пакт о взаимопомощи. Об обстановке, в которой происходили переговоры, сохранились следующие свидетельства. «...Разговор шел спокойно, без угроз» (запись министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса о переговорах в Москве 2 октября 1939 года). «...Пакт, как это обычно свойственно пактам Советского Союза, отличается своей ясностью и определенностью и обязательством соблюдения интересов второй стороны, являясь действительно взаимным» (Из речи К. Ульманиса от 15 октября 1939 года).

В переговорах с Литвой главным козырем Москвы стало возвращение ей Вильнюса и Виленской области, которые в сентябре 1939 года, в связи с крахом польского государства, были заняты частями Красной армии.

На следующий день после подписания советско-литовского пакта о взаимопомощи 10 октября 1941 года в Каунасе было всенародное ликование по поводу возвращения Виленского края. Вот что сообщал временный поверенный в делах СССР в Литве Ф.Ф. Молочков в своем письме от 14 октября 1939 года заведующему отделом прибалтийских стран НКВД СССР А.П. Васюкову о событиях 11 октября в Каунасе:

«11.10.39 г. С утра весь город украсился государственными флагами. На улицах царило исключительное возбуждение: люди целовались, поздравляли друг друга, обменивались мнениями и т.п. Бросалось в глаза, что главной причиной возбуждения среди уличной массы была передача Литве Вильно и Виленского края. В 11 часов дня работа учреждений, промышленных и торговых предприятий была прекращена. Рабочие и служащие были призваны демонстрировать перед Военным музеем и домом Президента... После речи Сметоны неожиданно для всех выступил журналист Палецкис¹. Он заявил, что действительным виновником торжеств является СССР, а не отдельные литовские учреждения и лица, которые ничего не сделали и сделать в отношении Вильно не могли, что напрасно имя СССР игнорируется. Затем потребовал отставки правительства, как он заявил, насилия и бесправия. Получилось замешательство. Президент при последних словах ушел с балкона. Затем колонны демонстрантов по Лайсвес-аллее стали расходиться по домам. Однако для того чтобы эти колонны не прошли мимо здания Полпредства (находится в конце этой улицы), полиция стала направлять поток людей в боковые улицы. Все же у здания Полпредства с криками "ура" и лозунгами по адресу Советского Союза были демонстрации: большой колонной студенты, затем группа актеров драмы Гостеатра и две огромные демонстрации рабочих... Вечером у здания Каунасской тюрьмы собралась толпа в 300 чел., главным образом рабочих и трудовой интеллигенции. Состоялся митинг с требованием амнистии, реформ и отставки правительства. Вызванные наряды полиции и засада митинг разогнали, сильно избив и перестреляв многих участников...»

Как видно из этого письма, среди населения Литвы были довольно сильны просоветские настроения. Еще более выразительно

¹ Палецкис, Юстас Игнович (1899—1980), советский государственный и партийный деятель, писатель, Герой Социализма, в 1940—1967 гг. был председателем Президиума Верховного совета Литовской ССР, в 1941—1966 гг. — заместителем председателя Президиума Верховного совета СССР, в 1966—1970 гг. — председателем Совета Национальностей ВС СССР, кандидат в члены ЦК КПСС в 1952—1971 гг.

это описывается в бюллетене департамента государственной безопасности Литвы от 16 октября 1939 года за подписью его начальника, Аугустиса Повилайтиса:

«События этих дней показали, что среди наших рабочих коммунистическая агитация находит себе неплохую почву. Влиянию коммунистов поддается немало и тех рабочих, которые раньше с коммунистической деятельностью ничего общего не имели. Один из более заметных коммунистических деятелей, говоря о теперешнем настроении рабочих, проговорился, что сейчас рабочие так настроены, что сами рвутся на демонстрации. Дескать, если бы только Коммунистическая партия имела лучше организованную сеть агитаторов, что ежедневно могла бы проводить по несколько демонстраций. Следует отметить, что такая оценка не слишком преувеличена. Для разжигания забастовки имеются достаточно веские основания, ибо в настоящее время экономическое положение рабочих значительно ухудшилось: повышены цены, не отпускают в кредит, сужается производство, сокращается число рабочих дней, а нормы оплаты остались прежними. Забастовке, начатой с экономических требований, позже будет придан политический характер: будет выдвинуто требование освободить политических заключенных, избрать демократический сейм, создать демократическое правительство и т.п.»

И, надо сказать, дальнейшие события в Литве, произошедшие летом 1940 года, подтвердили прогноз Повилайтиса...

По условиям договоров, Советский Союз обязывался оказывать помощь Литве, Латвии и Эстонии в случае нападения или угрозы нападения на них со стороны «любой европейской великой державы». «Для обеспечения взятых на себя обязательств» Советскому Союзу предоставлялось право разместить свои войска и создать ряд военно-морских и военно-воздушных баз на этой территории. Прибалтийские страны, со своей стороны, обязывались оказывать помощь Советскому Союзу (в том числе и военную) в случае нападения любой европейской державы на СССР через их территории или со стороны Балтийского моря. Стороны обязывались не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных друг против друга. При этом правительство СССР безвозмездно передавало Литве город Вильнюс и Виленскую область, захваченные у нее Польшей в 1920 году и занятые советскими войсками в сентябре 1939 года.

Все три договора не содержали в себе никаких положений, которые ставили бы под угрозу существовавшие в то время в республиках Прибалтики правительства и государственный строй. По ус-

ловиям договоров, советским войскам было запрещено вмешиваться во внутренние дела этих стран. В качестве примера приведем текст Советско-латвийского пакта о взаимопомощи (с незначительными сокращениями):

«Пакт о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвийской Республикой от 5 октября 1939 г.

Президиум Верховного Совета СССР, с одной стороны, и Президент Латвийской Республики, с другой стороны, в целях развития установленных мирным договором от 11 августа 1920 года дружественных отношений, основанных на признании независимой государственности и невмешательства во внутренние дела другой,

признавая, что мирный договор от 11 августа 1920 года и договор о ненападении и мирном разрешении конфликтов от 5 февраля 1932 года по-прежнему являются прочной основой их взаимных отношений и обязательств;

убежденные, что интересам обеих Договаривающихся Сторон соответствует определение точных условий обеспечения взаимной безопасности,

признали необходимым заключить между собой нижеследующий пакт о взаимопомощи...

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае возникновения прямого нападения или угрозы нападения со стороны любой великой европейской державы по отношению морских границ Договаривающихся Сторон в Балтийском море или сухопутных их границ через территорию Эстонской или Литовской Республик, а равно и указанных в статье III баз.

Статья II

Советский Союз обязуется оказывать латвийской армии помощь на льготных условиях вооружением и прочими военными материалами.

Статья III

Латвийская Республика, в целях обеспечения безопасности СССР и укрепления своей собственной независимости, предоставляет Союзу право иметь в городах Лиепая (Либава) и Вентспилс (Виндава) базы военно-морского флота и несколько аэродромов для авиации, на правах аренды по сходной цене. Точные места для баз и аэродромов отводятся, и их границы определяются по взаимному соглашению.

В целях охраны Ирбенского пролива Советскому Союзу предоставляется право, на тех же условиях, соорудить базу береговой артиллерии на побережье между Вентспилс и Питрагс.

В целях охраны морских баз, аэродромов и базы береговой артиллерии Советский Союз имеет право держать в участках, отведенных под базы и аэродромы, за свой счет строго ограниченное количество советских наземных и воздушных вооруженных сил, максимальная численность которых определяется особым соглашением.

Статья IV

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон.

Статья V

Проведение в жизнь настоящего пакта ни в какой мере не должно затрагивать суверенных прав Договаривающихся Сторон, в частности, их государственного устройства, экономической и социальной системы и военных мероприятий (курсив наш. — М.К.).

Участки, отводимые под базы и аэродромы (ст. III) остаются территорией Латвийской Республики.

Статья VI

Настоящий пакт вступает в силу с обменом актов о ратификации. Обмен актов будет произведен в городе Риге в течение шести дней со дня подписания настоящего пакта.

Срок действия настоящего пакта десять лет, причем, если одна из Договаривающихся Сторон не признает необходимым денонсировать настоящий пакт за год до истечения срока, последний автоматически продолжает свое действие на следующие десять лет.

В удостоверение чего поименованные выше уполномоченные подписали настоящий пакт и приложили к нему свои печати.

Учинено в г. Москве в двух оригиналах, на русском и латышском языках, 5 октября 1939 года.

В. Молотов, В. Мунтерс».

К пакту был приложен конфиденциальный протокол следующего содержания.

«Конфиденциальный протокол

I. Условлено, что в целях предупреждения и пресечения попыток втянуть Договаривающиеся Стороны в происходящую ныне в Европе войну, СССР имеет право, на время этой войны, держать на отведенных под аэродромы и базы участках (ст.3 Пакта) отдельными гарнизонами в общей сложности до двадцати пяти тысяч человек наземных и воздушных вооруженных сил.

II. Обусловленная в ст.1 Пакта помощь оказывается по изъявленному желанию другой стороны, причем с обоюдного согласия сторона, обязанная к оказанию помощи, может, в случае войны другой стороны с третьей державой, остаться нейтральной.

III. Для наблюдения за проведением в жизнь настоящего Пакта и разрешения возникающих при этом вопросов образуется Смешанная Комиссия на паритетных началах, которая выработает правила своего делопроизводства. В случае возникновения разногласий при определении мест и границ баз и аэродромов и вообще в работе Смешанной Паритетной Комиссии спорные вопросы разрешаются дипломатическим путем или непосредственными переговорами между Правительствами.

IV. Настоящий конфиденциальный протокол является приложением к Пакту о взаимопомощи между СССР и Латвией, заключенному 5 октября 1939 г.

Москва, 5 октября 1939 г.

В. Молотов, В. Мунтерс».

По общему мнению иностранных наблюдателей, под «любой великой европейской державой» подразумевалась Германия. Например, посланник США в Эстонии и Латвии Дж. К. Уайли в своем сообщении в Вашингтон от 3 октября 1939 года писал: «Эстонско-советские договоры, с точки зрения зарубежного наблюдателя, представляются политическим парадоксом. Достоверная информация подтверждает впечатление того, что Германия далеко не в восторге от подобного нового появления Советского Союза в Прибалтике. Действительно, текст пакта о взаимопомощи может показаться направленным в первую очередь против Германии. Не нужно сложных вычислений, чтобы точно определить единственного «возможного агрессора» в лице Рейха. В то время как заключался советско-эстонский договор, Риббентроп вел в Москве переговоры с целью создать впечатление о тесном политическом и экономическом сотрудничестве Советского Союза и Германского рейха. Но истина может заключаться в том, что советская политика останется неизменной. Сохранится и далее осторожность Советов, в первую очередь, по отношению к Центральной и Западной Европе, включая, несомненно, и Германию».

«Как сообщила мне высокопоставленная особа из министерства иностранных дел Эстонии, — пишет далее Уайли, — тревоги Советов, связанные в основном с Рейхом, основаны на опасении, что шаг к всеобщему миру будет сделан за счет Советского Союза, или что западные демократии потерпят поражение. Мой информатор уверен, что в последнем случае Советский Союз предусматривает следующую возможность: Германия, повернув с запада, начнет пробиваться на восток. Он сообщил, что советская превентивная тактика в Польше... подтверждает этот тезис, поскольку очевидно, что советская политика не только не соответствует основным положениям политики Германии, но даже препятствует ее продвижению в Центральной Европе на юго-восток».

В советском руководстве также не отрицали того, что улучшение отношений с Германией — явление временное, а договоры со странами Прибалтики должны служить именно защите от возможной германской агрессии. В ответ на ироничную реплику эстонского посланника Августа Рэя по этому поводу во время переговоров в Москве 24—25 сентября 1939 года нарком иностранных дел В.М. Молотов прямо признал это. «Договор с Германией имеет определенный срок действия, — сказал он. — Так что ни мы, ни Германия не сложили оружия».

Правительства республик Прибалтики были вынуждены согласиться на заключение подобных договоров с Советским Союзом. Справедливости ради следует сказать, что договоры о взаимопомощи служили не столько защите стран Прибалтики от возможного нападения со стороны Германии, сколько защите СССР от германской агрессии, которая могла развернуться с «прибалтийского плацдарма». Договоры давали СССР возможность контроля за внешней политикой Эстонии, Латвии и Литвы, которая до сих пор развивалась в прогерманском духе и представляла опасность для СССР.

Как показали дальнейшие события, правительства республик Прибалтики не видели угрозы для существующего капиталистического строя со стороны Германии, а ради его сохранения они готовы были пожертвовать даже своим суверенитетом. Договоры о взаимопомощи с Советским Союзом, напротив, давали гарантию их суверенитета при условии их соблюдения, но само соседство с коммунистической державой заставляло правящие круги Прибалтики опасаться распространения советской пропаганды и, как следствия, крушения существующего строя.

Правительство Советского Союза хорошо понимало эти опасения и поэтому приняло меры (порой даже чересчур жесткие), чтобы не допустить коммунистической революции в странах Прибалтики. Об этих мерах советской стороны, в частности, сообщал в Рим итальянский посол в Эстонии В. Чикконарди 11 ноября 1939 года: «В настоящий момент Советский Союз не заинтересован в ускорении хода событий в Прибалтике... Когда во время прибытия русских войск в Эстонию представители местных коммунистов направились в советское полпредство, чтобы передать послание Сталину, то полпредство само попросило эстонскую полицию вмешаться и арестовать их. Утверждается, что московское правительство сообщило эстонскому правительству о своем намерении не только не одобрять ни одного движения местных коммунистов, но и оставить за эстонским правительством полную свободу противодействия этому и даже подавления, с использованием в случае необходимости крайних мер».

Все эти жесткие меры предпринимались сталинским руководством с единственной целью — успокоить правительства прибалтийских республик и, таким образом, обеспечить честное соблюдение договора с их стороны.

Чтобы воспрепятствовать выступлениям коммунистов в Прибалтике, нарком иностранных дел Молотов даже направил телеграмму полпреду СССР в Эстонии К.Н. Никитину 23 октября 1939 года, в которой предостерег последнего от любых попыток распространения советской идеологии в Эстонии. «Нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским Пактом взаимопомощи Вы не поняли, — писал Молотов. — Из Ваших последних шифровок... видно, что Вас ветром понесло по линии настроений “советизации” Эстонии, что в корне противоречит нашей политике. Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этих настроений насчет «советизации» Эстонии или даже простое непотивление этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам. Вы таким неправильным поведением сбиваете с толку и эстонцев, вроде Пийпа, который думает, видимо, что ему теперь необходимо говорить просоветские речи 7 Ноября. Вы должны заботиться только о том, чтобы наши люди, и в том числе наши военные в Эстонии, в точности и добросовестно выполняли Пакт взаимопомощи и принцип невмешательства в дела Эстонии, и обеспечить такое же отношение к пакту со стороны Эстонии. Во всем остальном, и в частности 7 Ноября, Вы не должны выходить за обычные рамки работы полпредства. Главное, о чем Вы должны помнить, — это не допускать никакого вмешательства в дела Эстонии».

В ожидании новой войны

Несмотря на доверительные жесты Молотова, правящие круги республик Прибалтики все же опасались, что с заключением договоров коммунисты могут прийти к власти. Так, например, президент Эстонии Пятс в эти дни заявлял о своих опасениях, что «заключение договора вызовет подъем коммунистического движения, против которого тяжело бороться. Но выбора нет», — констатировал он.

Опасаясь распространения «красной заразы», правительства Эстонии, Латвии и Литвы запрещали местному населению под угрозой наказания разговоров с солдатами Красной армии. Гражданам этих стран запрещалось так или иначе выражать симпатии к СССР, читать советские газеты и слушать радиопередачи из СССР. Гарни-

зоны Красной армии были окружены местными воинскими частями, а местные власти саботировали снабжение и бытовое обслуживание советских гарнизонов.

Государственные деятели Эстонии, Латвии и Литвы неустанно повторяли о своей приверженности заключенным договорам. По-видимому, заверения немцев о том, что пакты с Советским Союзом — явление временное, оказали решающее влияние на позицию их на переговорах в Москве. Правящие круги республик Прибалтики смирились с этими договорами только под влиянием немцев, надеясь на «большую войну», в результате которой Советский Союз будет разгромлен и кто-нибудь — Германия, Англия или другая великая держава — помогут им восстановить утраченные позиции...

Тем временем в Прибалтике полным ходом шла подготовка к войне — войне Германии против СССР, в которой им будет уготовано место союзников рейха.

Наиболее агрессивно настроенной оставалась Эстония, которая еще в 1930-е годы прилагала все возможные усилия для создания антисоветско-прогерманской коалиции с участием республик Прибалтики, Финляндии и Польши.

Даже после заключения Пакта о взаимопомощи с СССР правительство Эстонии и командование эстонской армии вопреки условиям пакта продолжали контакты с германской разведкой.

Как следует из сохранившегося доклада Лайдонера президенту Эстонии Пятсу, осенью 1939 года шеф абвера адмирал Канарис еще раз приезжал в Таллин, под чужим именем. Его встреча с Лайднером и Пятсом проходила в условиях секретности, поскольку к тому времени Германия была вынуждена признать Прибалтику сферой влияния Советского Союза. Главной темой беседы были заключенные между Германией и СССР договоры и германско-эстонские отношения.

Аналогичные контакты с Германией продолжала поддерживать и Латвия. После ввода на ее территорию частей РККА и создания советских военных баз в Лиепае и Вентспилсе, германская и японская разведки также не прекращали своей деятельности здесь. Они лично посещали места дислокации советских гарнизонов, часто проезжали на автомобилях через эти районы и производили фотосъемку. Командование латвийской армии оказывало им в этом негласную поддержку. Начальник департамента государственной безопасности Латвии Фридрихсон распорядился регулярно поставлять ему информацию о советских гарнизонах на территории страны, данные о численности гарнизонов, вооружении, характере и количе-

стве грузов, перевозившихся туда из СССР. Латвийская разведка осуществляла постоянное наблюдение за советскими офицерами.

Латвийская политическая полиция приняла целый ряд мер, чтобы ограничить контакты местных жителей с советскими военнослужащими. С этой целью министр внутренних дел Латвии Вейденекс распорядился, чтобы в поездах на линиях Лиепая — Рига и Вентспилс — Рига специально курсировали сотрудники политической полиции. Они должны были устанавливать личности всех латвийских граждан, вступающих в разговоры с красноармейцами, чтобы в дальнейшем привлечь первых к административной ответственности «за нарушение порядка и спокойствия». В январе 1940 года в Риге, Лиепаяе, Даугавпилсе, Елгаве и Вентспилсе были проведены аресты многих просоветски настроенных граждан, в том числе и коммунистов, а в мае — июне в Латвии и Эстонии развернулась антисоветская кампания в прессе.

Не отставало и правительство Литвы. 4 декабря 1939 года департамент политической полиции Литвы направил уездному начальнику полиции Каунаса секретный циркуляр, в котором, в частности, требовал «следить и сообщать о всей жизни советской армии». Участились случаи похищения советских военнослужащих из гарнизонов, расположенных на территории Литвы; таким образом спецслужбы Литвы пытались силой получить от них секретную информацию.

Одновременно предпринимались активные меры по организации военной коалиции против СССР. Еще в 1934 году в Женеве был заключен военный союз Латвии и Эстонии, известный как «Балтийская Антанта», а в начале декабря 1934 года командования эстонской и латвийской армий провели первые совместные учения штабов в Валге (Латвия), на которых детально разбирались планы военных действий против СССР. В мае — июне 1938 года командования вооруженных сил Эстонии и Латвии вновь провели полевые учения на уровне штабов. Предполагаемый противник был все тот же. Осенью 1939 года, после вынужденного заключения договоров о взаимопомощи с СССР, военные контакты прибалтийских стран активизировались с новой силой. Особую активность проявляло правительство Эстонии и командование эстонской армии, которые уже давно стремились вовлечь в «Балтийскую Антанту» также Литву, Финляндию и Польшу. Эстонский главнокомандующий генерал Лайдонер уже видел себя во главе объединенных вооруженных сил «Балтийской Антанты» и зондировал мнение на этот счет своих союзников. О его далеко идущих планах военный министр Латвии Я. Балодис специально докладывал латвийскому президенту Ульманису.

«Я лично, — сообщал впоследствии Лайдонер, — как главнокомандующий эстонской армией, говоря откровенно, исходил из того, что пятеро всегда сильнее одного. Поэтому я считал, что военный союз, направленный против СССР, должен состоять из Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши и Литвы. Интересы антисоветской политики требовали, чтобы наши государства из года в год сообща усиливали свои вооруженные силы». Во время своей поездки в Финляндию в январе 1939 года Лайдонер в одном из публичных выступлений прямо призвал к объединению военно-политических усилий Эстонии и Финляндии. В июне того же года в Эстонию с визитом прибыл министр иностранных дел Польши Юзеф Бек, и Лайдонер вел с ним переговоры на ту же тему.

Но склонить к участию в одной коалиции двух давних противников — Польшу и Литву — было не так-то просто. Территориальный спор этих двух стран из-за Вильнюса и Виленской области сделал невозможным этот союз. К тому же как Польша, так и Литва — обе рассчитывали на помощь Германии в разрешении этого спора. Гитлеровская Германия в разное время общалась с Польшей и Литвой, а Литве — возвращение захваченной поляками Виленской области. Так, весной 1933 года, с первых же дней нахождения у власти, Гитлер выдвигал идею «территориального обмена» — возвращения Германии Польшей Данцигского коридора взамен на присоединение к Польше всей Литвы. С другой стороны, накануне заключения германо-литовских договоров от 20 мая 1939 года (о товарообмене, о платежах, пограничном сообщении и сооружении литовского водного порта в Мемеле) литовский посол в Берлине Шкирпа зондировал почву в МИД Германии по вопросу о возвращении Литве Виленской области. Судя по тому, что переговоры между Литвой и Германией прошли успешно, а также по тому, что Германия в секретном протоколе к договору с Советским Союзом от 28 сентября 1939 года признала права Литвы на Виленскую область, Литва получила такое обещание со стороны Германии.

После того как Польское государство перестало существовать, задача вовлечения Литвы в «Балтийскую Антанту» значительно упростилась. Министр иностранных дел Эстонии Сельтер лишь констатировал 26 сентября 1939 года: «Мы пытались разъяснить Польшу, что она не в состоянии сопротивляться Германии. Нас посчитали предателями». Как видно, Сельтер полагал, что Польша первой допустила ошибку и спровоцировала войну с Германией!

В декабре 1939 года в Таллине в обстановке строжайшей секретности прошла конференция министров иностранных дел при-

балтийских государств. Одновременно с ним состоялось совещание главнокомандующих и начальников отделов снабжения эстонской, латвийской и литовской армий. Главнокомандующий латвийской армии генерал Беркис провел переговоры с высшими чинами генштаба эстонской армии и произвел смотр артиллерийских частей, военного училища, арсенала и других объектов. Месяцем позже, в январе 1940 года, начальник генерального штаба эстонской армии Яаксон (сменивший к тому времени генерала Рээка) встретился с военным министром Латвии Балодисом, чтобы обсудить вопросы координации оборонных усилий. В феврале был создан специальный печатный орган «Балтийской Антанты» — «The Baltic Review», издававшийся на английском, немецком и французском языках. А еще месяц спустя, в марте, в Риге прошла новая конференция министров иностранных дел, на которую прибыли также представители Литвы — министр иностранных дел Урбшис и главнокомандующий литовской армией генерал Раштикис. В ходе нее фактически оформился военный союз Эстонии, Латвии и Литвы против СССР. Впоследствии командующий литовской армии генерал Стасис Раштикис признавал, что в 1940 году генеральные штабы армий прибалтийских государств разрабатывали оперативные планы на случай совместных военных действий против Советского Союза.

В эстонских правительственных кругах выдвигалась идея объединения не только армий, но и самих прибалтийских государств в одну «прибалтийскую державу». 15 апреля 1940 года председатель торгово-промышленной палаты Эстонии Иоаким Пухк выступил с речью, в которой заявил: «Жизнь показывает, что установление контактов лишь посредством конференций и проявления инициативы по отдельным вопросам никогда не приведут к цели. Объединение в едином государстве устранил препятствия в экономической деятельности и раздробленность в производстве... Какой эффект это даст в обеспечении нашей безопасности, само по себе понятно каждому».

Однако было очевидно, что даже в случае заключения союза трех прибалтийских государств против СССР их армии едва ли смогли бы долго противостоять Красной армии, хотя поражение Советского Союза в Финской войне и внушало какие-то надежды. Командования и правительства Эстонии, Латвии и Литвы это прекрасно осознавали, поэтому по-прежнему уповали на помощь Германии и на «большую войну».

Литовский диктатор Антанас Сметона дважды — в ноябре 1939 и в конце февраля 1940 года — направлял в Берлин директора департамента госбезопасности МВД Литвы Аугустуса Повилайти-

са с секретной миссией. Последний должен был добиться соглашения Германии установить протекторат над Литвой или взять ее под свою защиту (как в годы Первой мировой войны). Правительство рейха обещало сделать это осенью 1940 года, после завершения военных операций на Западе. И действительно, еще 25 октября 1939 года (то есть до того, как Гитлер решил «уступить» Литву Сталину), Верховное командование вермахта приняло директиву № 4, в которой речь шла о том, чтобы «держат в Восточной Пруссии наготове силы, достаточные для того, чтобы быстро захватить Литву, даже в случае ее вооруженного сопротивления». Так что договор о взаимопомощи с СССР в какой-то мере даже спас суверенитет Литвы, хотя и ненадолго... Но, очевидно, суверенитет заботил литовское правительство Сметоны гораздо меньше, чем сохранение собственной власти.

Тогда же, в ноябре 1939 года, с аналогичной просьбой об установлении германского протектората в Берлин ездил эмиссар эстонского правительства. В мае 1940 года в Эстонии с «ответным» визитом побывал высокопоставленный офицер абвера д-р Клее. Очевидно, целью его поездки было удостовериться, насколько эстонские вооруженные силы готовы к возможной войне против СССР в союзе с Германией. Через барона Андрея Юкскуля у правительства Эстонии была срочно затребована виза для д-ра Клее, имевшего «важное поручение от генерала Кейтеля, главнокомандующего германской армией, об установлении связи с германским правительством». Виза была выдана немедленно, и Клее вскоре прибыл в Таллин.

«Клее дал понять, — свидетельствовал впоследствии начальник политической полиции Эстонии Сооман, — что поскольку он послан генералом Кейтелем, то мы должны устроить ему встречу с Юримаа, министром внутренних дел...»

Встреча состоялась в тот же день.

По словам Соомана, «Клее заявил, что Германия скоро начнет войну с Советским Союзом, о чем Гитлер неоднократно заявляет в партийных и военных кругах».

Правительствам прибалтийских стран была дана рекомендация готовиться к скорой войне...

Последняя попытка установить в Эстонии германский протекторат была предпринята Пятсом в июне 1940 года. На этот раз в Берлин с этой просьбой был послан не кто иной, как доктор Хялмар Мяз, один из бывших лидеров партии «вапсов» и будущий глава Эстонского самоуправления в период немецко-фашистской оккупации. Уже будучи главой эстонских коллаборационистов, Мяз при-

знал как-то в одном из своих выступлений, в газете «Linna Teataja» 21 октября 1941 года: «26 июня прошлого года меня вызвал к себе Константин Пяте и сделал предложение поехать в Германию и просить у правительства германского государства помощи, чтобы спасти то, что еще возможно. Но было уже поздно, и поэтому я не смог ничего сделать».

Этим планам помешали события июня 1940 года...

Советский ультиматум

По советским данным, решающим шагом в подготовке к будущей войне на стороне Германии против Советского Союза должна была стать так называемая «Прибалтийская конференция». Предполагалось провести серию совещаний между представителями Эстонии, Латвии и Литвы и заключить новое соглашение в духе «Балтийской Антанты». Конференция открылась 15 июня 1940 года в Таллине под видом «Балтийской недели».

На следующий день после ее открытия правительство СССР вручило представителям Эстонии, Латвии и Литвы ноты протеста. Оно потребовало формирования новых правительств, способных честно выполнять условия пакта о взаимопомощи с СССР, а также ввода на территорию Прибалтики дополнительных контингентов РККА. Одновременно Москва предоставила «карт бланш» прибалтийским коммунистам и просоветски настроенным силам, которые Молотов до последнего времени старался сдерживать.

В Вильнюсе, Каунасе, Шауляе еще накануне прошли демонстрации протеста против режима Антанаса Сметоны, в которых приняли участие несколько тысяч человек. Сметона и многие члены правительства в тот же день предпочли бежать за границу. На следующий день в Литве вновь прошли митинги и манифестации с требованиями сформировать народное демократическое правительство. Оно было сформировано 17 июня; по предложению ЦК Компартии Литвы его возглавил известный антифашистский деятель Ю. Палецкис.

Иной была реакция латвийского правительства Ульманиса, которое 17 июня ввело в стране военное положение. В Риге в тот же день прошла антиправительственная демонстрация, которая была жестоко подавлена полицией с помощью оружия. В помощь полицейским были вызваны части латвийской армии и айзсарги. Вечером того же дня Ульманис пришел к выводу о необходимости пойти на уступки, изменив состав правительства. Но это не

спасло положение. 20 июня вместо него было сформировано про- советское правительство во главе с профессором А. М. Кирхенш- тейном. 20 и 21 июня по улицам Риги прошли демонстрации, в которых приняли участие около 70 тысяч человек, в поддержку нового правительства и с требованием освободить из тюрем по- литических заключенных, брошенных туда в период правления Ульманиса, что и было сделано в тот же день. Тогда же прошли митинги и манифестации в Лиепае, Резекне, Даугавпилсе и других городах.

Эстонское правительство также получило советскую ноту 16 июня 1940 года, а на следующий день на территорию страны всту- пили советские войска. Тем временем еще в апреле 1940 года в Тал- лине прошла подпольная конференция эстонской Компартии, на которой было принято решение о подготовке к выступлению про- тив существующего строя. Для руководства выступлением был со- здан партийный центр во главе с И. Лауристином. В июне 1940 года на многих предприятиях Эстонии состоялись собрания рабочих, а 21 июня в Таллине, Тарту, Нарве, Кохтла-Ярве, Кививьели и других городах прошли демонстрации с требованием создания демократи- ческого правительства. В Таллине в 9 часов утра началась всеобщая стачка. Демонстранты направились к дворцу КадрIORг-Паласт, где находилась резиденция президента Пятса, и передали ему свои тре- бования. Пятс отказался их удовлетворить. Однако в это же самое время демонстранты захватили Батарейную тюрьму, освободили по- литических заключенных, а затем заняли резиденцию правитель- ства — дворец Тоомпеа. Полиция не решилась помешать им. Пра- вительство Улуотса было вынуждено подать в отставку. В тот же день было сформировано новое правительство во главе с известным об- щественным деятелем И. Варесом.

14—15 июля 1940 года в республиках Прибалтики одновременно прошли выборы в высшие законодательные органы власти (в Го- сударственную думу Эстонии и в сеймы Латвии и Литвы) на основе всеобщего тайного голосования. В Эстонии для участия в выборах по инициативе Компартии был создан «Союз трудового народа Эс- тонии», который в итоге набрал 92,8 % голосов избирателей (всего в выборах приняли участие 84 % избирателей). В Латвии в ходе выбо- ров победу одержал «Блок трудового народа Латвии» — его канди- даты получили 97,6 % голосов избирателей. Националисты пыта- лись выдвинуть свой список кандидатов от имени «демократичес- ких латышских избирателей», но, как выяснилось, за этой акцией стояла лишь группировка во главе с генералом Балодисом, бывшим военным министром Латвии.

Правительство новой Литвы возглавил Креве-Мицкявичюс, одновременно исполнявший обязанности министра иностранных дел. Еще до войны он был самым популярным писателем в Литве, книги которого были изданы в десяти томах и переведены на многие языки. О нем говорили: «Если бы у нас был кандидат в Нобелевские лауреаты по литературе, то им был бы он». «Новые министры были известными людьми, — пишет американская писательница Анна Стронг, посетившая Литву в эти дни, — некоторые из них занимали правительственные должности еще в дни “демократии” до Сметоны, другие были видными писателями». Министр сельского хозяйства Мицкис, имевший два высших образования — юридическое и сельскохозяйственное — был известен своими работами в области сельского хозяйства. Многие, как первый председатель Госплана Литвы Гловацкас, провели много лет в тюрьмах при диктатуре Сметоны «за подрыв основ государства». Председателем Президиума Верховного совета Латвийской ССР ((иначе говоря, спикером парламента) стал известный литовский журналист и писатель Юстас Палекис.

В Эстонии главой нового правительства стал Йоханнес Лаурис-тин, историк и писатель, чьи книги публиковались под псевдонимом «И. Мадарик», а председателем Президиума Верховного совета Эстонской ССР был избран другой представитель эстонской творческой интеллигенции — поэт-антифашист Йоханнес Варес (его литературный псевдоним был «Барбарус»).

21—22 июля 1940 года на сессиях вновь избранных парламентов Эстонии, Латвии и Литвы депутаты приняли решения об установлении в республиках советской власти и обратились с просьбами к Верховному Совету СССР о включении их в состав Советского Союза. На очередной своей сессии Верховный совет принял Эстонию, Латвию и Литву в состав СССР в качестве равноправных союзных республик.

Миф о «советской оккупации»

В созданной в Прибалтике в последние годы официальной историографии одним из расхожих клише стало утверждение о «советской оккупации» Литвы, Латвии и Эстонии.

Одним из его аргументов является утверждение о том, что пакты о взаимопомощи с Советским Союзом были навязаны республикам Прибалтики с целью их советизации и последующей оккупации.

Вопрос о давлении на республики Прибалтики со стороны Советского Союза, конечно, спорный. Открытого давления не было. Единственный аргумент, который смогли отыскать поборники этой версии, — это сделанная до начала советско-латвийских переговоров запись германского посланника в Москве Г. Хильгера о том, что, по словам Риббентропа, Сталин якобы сказал ему, что если Латвия не согласится на заключение пакта по эстонскому варианту, то Советская армия в кратчайшее время «расправится» с Латвией¹. Но ни в протоколах заседаний кабинета министров Латвии, ни в записях Мунтерса о переговорах в Москве, ни в одном другом документе, исходившем непосредственно от советской и латвийской сторон, подобных свидетельств о давлении на Латвию нет.

«На самом деле, — как считает глава комитета по международным делам Госдумы РФ Константин Косачев, — у тогдашних прибалтийских народов не было выбора — сохранить независимость или ее потерять. У них был выбор потерять эту независимость в пользу Советского Союза или потерять ее в пользу Германии».

Именно поэтому и не было ни давления, ни угроз. Неизбежность выбора между гитлеровской Германией и Советским Союзом была очевидна... И, по-видимому, республики Прибалтики действительно потеряли бы свою независимость в водовороте новой мировой войны — либо в пользу Германии, либо в пользу Советского Союза.

Возможно, что безукоснительное соблюдение договоров с Советским Союзом и гарантировало бы им независимость в обмен на союзнические отношения с СССР. Но руководители прибалтийских республик были сами не против потери независимости — но только не в пользу Советского Союза. Альянс с СССР, разумеется, грозил внутренними переменами, даже несмотря на предпринимавшиеся советским правительством меры по недопущению «советизации» Прибалтики.

Поэтому правящая верхушка прибалтийских республик предпочитала сделать выбор в пользу гитлеровской Германии — причем, как свидетельствуют приведенные выше факты, еще задолго до заключения договоров 1939 года о размещении войск. Ради сохранения власти и собственности правящие круги охотно предпочли бы договоры, например о протекторате с гитлеровской Германией.

На заключение договоров с СССР правительства республик Прибалтики пошли неохотно, но без давления со стороны Москвы, тем

¹ Этот аргумент приводится во вступительной статье к сборнику: *Latvijas okupacija un aneksija: 1939 — 1940. Dokumenti un materiāli*. Rīga, 1995.

более что с подачи немцев считали их временным неудобством. Ведь представители гитлеровской Германии по неофициальным каналам заверили прибалтийские правительства, что все эти договоры с СССР — ненадолго, что скоро будет «большая война», которая все расставит по местам...

Таким образом, советские войска появились в Латвии на основании договора между Латвией и СССР от 5 октября 1939 года, то есть задолго до июня 1940 года. Почему же латвийские националисты считают датой «советской оккупации» именно 17 июня 1940 года, а не 5 октября 1939 года? Ведь и в июне 1940-го дополнительные части РККА появились на территории Латвии не просто так, и даже не на основании ноты советского правительства от 16 июня 1940 года, а именно на основании пакта о взаимопомощи от 5 октября 1939 года с тем, чтобы обеспечить выполнение этого пакта латвийской стороной? Логичного ответа на этот вопрос у националистов нет. Именно поэтому в официальных документах и декларациях начала 1990-х годов пакты о взаимопомощи старались не упоминать вообще. О них не упоминается, кстати, ни в Декларации о независимости Латвии от 4 мая 1990 года, ни в Декларации об оккупации, принятой в августе 1996 года.

«Причины такой скромности, думаю, понятны всем... — замечает историк С. Михайлов. — Договор, заключенный с соблюдением всех юридических норм, причем формально — по инициативе самой Латвии, и по инициативе самой же Латвии зарегистрированный в Лиге Наций, трудно каким-то образом пристегнуть к материалам пухлого пропагандистского дела под кодовым названием “преступная оккупация независимой Латвии коварными сталинскими опричниками”. Посему лучше не упоминать его вообще».

В связи с этим следует коснуться самого понятия «оккупация».

В международном праве «оккупация» означает «временное занятие территории противника» войсками оккупирующей державы, как правило, в ходе военных действий. Но Советский Союз ни формально, ни фактически не находился в состоянии войны со странами Балтии. Напротив, Советская Россия оказывала той же Литве существенную дипломатическую и военную поддержку в деле присоединения Клайпеды в 1923 году и дважды (в 1920 и в 1939 годах) передавала ей отнятый у Польши Вильнюс, причем в последний раз — именно благодаря пакту Молотова — Риббентропа...

Латвию, Литву и Эстонию в 1940 году не оккупировали, а присоединили к Советскому Союзу при активном содействии местных компартий и поддержке значительной части населения. С точки зре-

ния международного права это называется аннексией. Причем формально произошло это даже не по инициативе Кремля, а по просьбе сеймов Латвии, Литвы и Эстонии. С юридической точки зрения все было сделано безукоризненно. В конце войны, после того, как большая часть Прибалтики была освобождена советскими войсками, факт присоединения республик Прибалтики к СССР был подтвержден союзниками по антигитлеровской коалиции, то есть Англией и США, что было зафиксировано на Ялтинской конференции собственноручными подписями Сталина, Рузвельта и Черчилля. «Неурушимость существующих границ в Европе» зафиксирована и в заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) от 1 августа 1975 года, который был подписан представителями 35 государств. Только Соединенные Штаты Америки подписали этот документ с оговоркой насчет прибалтийских стран, хотя это противоречило Ялтинским соглашениям.

Но прибалтийские политики и официальные «историописцы» с некоторых пор избегают термина «аннексия», а предпочитают совершенно необоснованный в данном случае термин «оккупация». Почему?

Об «оккупации» стали говорить тогда, когда прибалтийские националисты открыли, что согласно международному праву присоединенная территория через 50 лет аннексии становится частью страны-«захватчика». Если к 1940 году прибавить 50 лет, то получится, что к 1991 году, когда Эстония, Латвия и Литва стали официально независимыми, прошел 51 год, и юридически республики Прибалтики были неотъемлемой частью Советского Союза. Именно поэтому многие переключились на термин «оккупация», которая, по международному праву, продолжается до тех пор, пока войска оккупанта не покинут захваченную территорию. Именно поэтому, к примеру, в современной Эстонии считают, что Вторая мировая война закончилась с выводом советских (российских) воинских частей 31 августа 1994 года.

Вторым излюбленным аргументом тех, кто в последние полтора десятилетия заново переписывает историю республик Прибалтики, является утверждение о том, что результаты выборов в парламенты Литвы, Латвии и Эстонии в июне 1940 года были фальсифицированы.

Вопрос о законности или незаконности выборов июля 1940 года в республиках Прибалтики и их вхождения в состав СССР действительно является спорным. Итоги голосования в республиках Прибалтики при выборах новых законодательных органов в самом деле наводят на мысль о фальсификации. Но с юридической точки зре-

ния данное утверждение является не более чем предположением, так как документальные подтверждения фальсификации выборов в июле 1940 года отсутствуют. Безусловно, присутствие советских войск в Литве в период проведения выборов могло оказать косвенное воздействие на волеизъявление избирателей, но данный факт не мог способствовать фальсификации самих выборов. К тому же нельзя отрицать и того, что в Прибалтике было значительное число тех, кто был недоволен существующим строем и приветствовал присоединение к Советскому Союзу. Об этом говорит хотя бы количество эстонцев, латышей и литовцев, которые в последующие годы с началом Великой Отечественной войны сражались на стороне СССР. Эти цифры есть в любой справочной литературе.

Современный историк из Эстонии Пезтер Варес в своей книге дает такую оценку событиям 1940 года: «Новое правительство Эстонии было навязано эстонскому народу. Формирование правительства произошло в обход предусмотренной эстонским законодательством процедуры переговоров... Уличные демонстрации, начиная с 21 июня, были организованы под руководством сотрудников НКВД и при участии советских военнослужащих... Созданию просоветского законодательного органа была придана видимость законности, однако условия объявления, подготовки и проведения выборов в Государственную думу Эстонии 14—15 июля являлись нарушением действовавшего Основного закона и закона о выборах Эстонии и циничным посягательством на демократические основы выборов, так, были втрое сокращены сроки избирательной кампании, отменена судебная правозащита, с помощью подлога, шантажа и угроз устранены неудобные кандидаты, избирательные участки патрулировали военнослужащие советской армии, избирательные инструкции были нарушены и итоги выборов фальсифицированы. Таким образом, решение об изменении государственного строя, принятое пришедшими в Думу представителями Союза трудового народа Эстонии 21 июля 1940 г., не входило в их полномочия и противоречило принципу свободного волеизъявления всего народа Эстонии. С точки зрения законодательства Эстонской республики и международного права, результаты любой деятельности противоправно сформированной Государственной думы, в том числе и изменение государственного строя и присоединение Эстонии к Советскому Союзу, несостоятельны сами по себе».

Но разве сами же правительства Эстонии, Латвии и Литвы не нарушали все принципы демократии и избирательного права в своих странах: лишая права голоса целые социальные слои населения,

отклоняя избирательные списки от профсоюзов, левых партий и прочих оппозиционных движений, устраняя или запугивая неугодных общественных деятелей, запрещая целые организации, фальсифицируя результаты выборов? Разве не являлись их действия, говоря теми же словами, «циничным посягательством на демократические основы выборов»? И разве правительства Пятса, Ульманиса и Сметоны не были диктаторскими режимами, пришедшими к власти в результате военных переворотов? Наконец, само законодательство этих республик предполагало вполне открытое нарушение демократических прав населения. Примером тому может служить Конституция Эстонии 1920 года, ограничивавшая свободу слова, печати, собраний, участия в организациях, свободу совести, избирательное право целых групп населения, а также права национальных меньшинств. И все это называлось «демократией»!

Но если понимать демократию формально, как это делает Пётр Варес, то есть как набор определенных государственных институтов и демагогически провозглашенных прав, которые, по сути, никто не гарантирует, тогда следует признать, что вхождение республик Прибалтики также формально не нарушало международно-правовых норм. Ибо если с формальной точки зрения режимы Пятса, Ульманиса и Сметоны можно назвать «демократическими республиками» (да и то с огромной натяжкой!), то выборы, проведенные в республиках Прибалтики в июле 1940 года, с формальной стороны, опять же, были проведены почти безупречно. Принятое новыми законодательными органами решение о вхождении в состав СССР являлось добровольным и, следовательно, с формальной точки зрения было тем более законным.

Несколько слов о национализме и интернационализме

История знает множество примеров, когда захват чужих территорий и целых государств осуществлялся без учета воли народа и даже без подобных формальностей — просто по праву сильного. Такие факты оккупации или просто агрессии можно наблюдать и по сей день, причем западные «защитники прав человека» не протестовали, когда в роли агрессора выступало их собственное правительство или их союзники, а в роли жертвы — «тоталитарное» государство. За примерами далеко ходить не приходится. Это события последних десятилетий — Вьетнам, Палестина, Ливан, Гренада, Панама, Югославия, Афганистан, Ирак...

И это не удивительно. Большинство «демократических», «цивилизованных» стран по-прежнему владеет колониями и прочими зависимыми территориями, которые формально получили суверенитет, но фактически находятся в полной экономической зависимости от бывших метрополий. Среди этих «цивилизованных» и «демократических» государств, построивших свое относительное благосостояние на эксплуатации колоний и экономически зависимых стран, по сей день в ходу такие термины, как «сфера жизненных интересов», «разграничение сфер влияния» и т.п.

Зато термин «право наций на самоопределение», впервые выдвинутый большевиками, в их политическом лексиконе прижился сравнительно недавно — когда обладание колониями с политической и экономической стороны стало невыгодным, и на смену колониальной (политической) зависимости пришла неоколониальная (экономическая) зависимость. Тем более что последняя формально не ущемляет право наций на самоопределение...

Таким образом, заключив в 1939 году пакт о разграничении «сфер интересов» с Германией, Сталин просто-напросто позаимствовал методы у «западных демократий» и у того же Гитлера (кстати, между последними гораздо больше общего, чем, например, между гитлеровской Германией и Советской Россией). Как говорится, «вор у вора дубинку украл»... Именно поэтому любая критика действий Советского Союза в отношении Прибалтики в 1940 году с точки зрения принципов «западной демократии» разбивается в щепки, так как противоречит сама себе. (Особенно это касается трудов бывших агентов абвера в Прибалтике Бориса Мейснера и Георга фон Рауха, которые после войны занялись изучением «советской оккупации» Прибалтики.)

Разве не противоречие, к примеру, защищать «демократическое» правительство Чемберлена, пожертвовавшее правами граждан Чехословакии в 1938 году (не говоря уже о праве на самоопределение британских колоний), или режимы Пятса, Ульманиса или Сметоны, нарушавшие права как национальных меньшинств, так и своих собственных народов, и в то же время осуждать как «недемократические» выборы в республиках Прибалтики в июле 1940 года?

Присоединение республик Прибалтики к Советскому Союзу можно признать фактическим нарушением права наций на самоопределение лишь с точки зрения принципов интернационализма, которые были сформулированы еще Лениным. «...Необходимо отличать, — подчеркивал он, — национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой

нации и национализм нации маленькой... Поэтому интернационализм с стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически... Ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности... Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости, чем недосолить...» «При таких условиях очень естественно, — пишет он далее, — что “свобода выхода из союза”, которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкою, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих (интернационалистов на деле, а не на словах. — М.К.) будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке. ...Тут встает уже важный принципиальный вопрос: как понимать интернационализм?»

Эти слова Ленин адресовал когда-то именно Сталину, и даже в 1940 или в 1945 году они могли бы служить предостережением в вопросе отношений с Прибалтикой. Следует признать, что не только в 1920-м, но и в 1940-х годах под лозунгами интернационализма сталинское руководство часто проводило великодержавную политику, хотя и не ради экономической эксплуатации других народов, как Гитлер или пресловутые английская и французская «демократии», а прежде всего ради обеспечения безопасности собственной страны. Если западные политики создавали «санитарный кордон» вокруг СССР, опасаясь не столько военной агрессии, сколько «коммунистической заразы», то в Советском Союзе были не меньше заинтересованы в создании такого кордона, опасаясь новой вооруженной интервенции.

Оправданием действий Советского Союза могут служить интересы его безопасности накануне мировой войны. И это признают даже на Западе. Известный английский историк и специалист по международным отношениям Арнольд Тойнби еще в 1934 году отмечал, что в будущей войне Прибалтика будет либо отдушиной в блокаде Советского Союза, либо — что более вероятно — воротами для вторжения на территорию СССР, если прибалтийские страны

будут захвачены нападающей державой. В роли последней, как предполагал Тойнби, скорее всего, выступит Германия. Его мнение подтверждает и израильский историк Г. Городецкий. «Оккупация балтийских государств, — пишет он, — удлинила общую границу с Германией и теоретически усложнила ее защиту. Однако эта акция покончила с проблемами, проистекавшими из исчезновения буферной зоны, которая ранее отвечала потребностям обороны Советского Союза. Стратегическое положение России явно улучшилось за счет того, что не был создан «балтийский плацдарм», который мог бы служить базой для нападения на Ленинград или Минск, как это имело место во время гражданской войны. ...Разумеется, оккупация Прибалтики может и должна быть осуждена по моральным соображениям, но она была вызвана угрозой, нависшей над Советским Союзом».

Даже Уинстон Черчилль признавал, что присоединение Прибалтики было вынужденной мерой. «В пользу Советов нужно сказать, — пишет он, — что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В умах русских каленым железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, еще не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время Первой мировой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высшей степени реалистичной».

И наконец следует привести слова некоторых государственных деятелей прибалтийских государств — бывшего министра иностранных дел Литвы Юозаса Урбшиса и бывшего статс-секретаря МИД Латвии Артура Стегманиса. Через много лет после окончания войны известный советский историк Лев Безыменский задал им один и тот же вопрос: «Как Вы считаете, в случае отсутствия пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом, Гитлер напал бы на прибалтийские республики?»

«Да, пожалуй, они двинулись бы на нас, — признал Урбшис. — Или, может быть, решили бы немного подождать, сделать паузу и захватить наши республики, когда пошли бы на Советский Союз. Но если учесть, что тогда немцы находились в состоянии полного опьянения своими успехами, можно полагать, что они не стали бы дожидаться...»

Бывший латвийский дипломат Артур Стегманис ответил на тот же вопрос еще более категорично: «У меня нет никакого сомнения, что Гитлер немедленно захватил бы все прибалтийские республики. Могут возразить, что существовал пакт между Германией и Латвией, между Германией и Эстонией о ненападении. Но разве для Гитлера пакты что-либо значили?»

Говорят, история не знает сослагательного наклонения. Но с другой стороны, на ошибках прошлого учатся для того, чтобы не совершать их в будущем. Если бы прибалтийские республики согласились на участие в «Восточном пакте», если бы их правительства не действовали по указке германских спецслужб и не нарушили договоры о взаимопомощи с Советским Союзом, — то, возможно, не было бы ни пакта Молотова — Риббентропа, ни ввода войск на территорию республик Прибалтики, ни их включения в состав СССР в 1940 году.

ГЛАВА 3

ЧЬЯ ОККУПАЦИЯ СТРАШНЕЕ?

«Советская оккупация»

Первая «советская оккупация» Прибалтики в 1940 году началась с установления стипендий малоимущим студентам и учащимся старших классов, отмены платы за обучение (до этого, например, в Эстонии не училось более 40 процентов детей, а в еще менее развитой Литве было более 300 тысяч неграмотных, то есть 23,3 %, не считая тех, кто едва умел кое-как нацарапать свою фамилию).

В Литве до советской власти правительство не заботилось об образовании — считалось, что интеллигенции и так слишком много. Чем больше образованных людей — тем больше потенциальных бунтовщиков, поэтому образование было исключительно платным, по принципу: кому есть чем платить — тому есть что терять. В 1939 году в Литве существовало всего 3 частных средние школы для взрослых с 333 учащимися, а при советской власти было создано 12 средних школ для взрослых с 3653 учащимися. Кроме того, уже в первом полугодии 1940 года было создано еще 136 начальных школ, в которых училось около 20 тысяч человек. Образование стало общедоступным.

В январе 1941 года в Литве впервые в истории была создана Академия наук Литовской ССР, о чем раньше ученые Литвы могли только мечтать. В течение одного года советской власти в Литве было открыто 133 новые библиотеки, 76 детских садов, 7 театров и множество других культурных учреждений.

Число промышленных предприятий в течение 1940—1941 годов увеличилось в 2,1 раза, 55 800 безработных были обеспечены работой.

На основании декларации Народного сейма осенью 1940 года в Литве была проведена земельная реформа (прежняя власть все собиралась провести нечто подобное уже около 20 лет). Земельные владения церкви были конфискованы, а хозяйства помещиков и кулаков — урезаны до 30 гектаров. Это, кстати, было не так уж и мало. Площадь более 30 га было невозможно обрабатывать без наемного труда. Видимо, именно поэтому советская власть остановилась именно на этой цифре. До 1940 года, вследствие двух реформ, 1922 и 1929 годов, помещикам было разрешено владеть угодьями до 150 гектаров. Таких было менее 10 %, но они владели примерно одной третью всей земли, в то время как более 66 % крестьян имели наделы от 5 до 30 га, 25 % крестьян — менее 5 га, которые не позволяли прокормить семью, а некоторые и вообще не имели своей земли и были вынуждены работать батраками (они составляли около 25 % населения).

В государственный фонд было изъято 607 700 гектаров земли. В результате 75 623 крестьянина, раньше не имевших своей земли, получили от государства около 400 тысяч гектаров. Новоселам выделяли по 20 миллионов литов для постройки жилья и обзаведения скотом, не считая лесоматериалов и прочего. Около 20 тысяч мелких крестьянских хозяйств получили в собственность коров. И это не говоря уже о том, что советская власть освободила их от целого ряда налогов и ранее наложенных штрафов.

«Трактор был редкостью в буржуазной Литве, — вспоминал первый председатель Верховного совета Литвы Юстас Палецкис. — Всего около 500 тракторов имелось лишь в некоторых крупных хозяйствах. Теперь же для механизации сельского хозяйства крестьянству были организованы 42 машинно-тракторные станции, которые из братских республик получили первые тысячи тракторов, и 262 машинно-конных прокатных пункта. Впервые создавались курсы трактористов, этой новой для Литвы профессии».

Американская писательница Анна Луиза Стронг, побывавшая в Литве в июне 1940 года, рассказывает в своей книге «Новый путь Литвы» о своем разговоре с одной крестьянкой, которая везла клубнику на продажу в Каунас:

«Богачи нас пугали Красной армией, — сказала та. — Они говорили, что Красная армия отнимет у нас землю и продукты. Но она не берет у нас продукты даже тогда, когда мы сами ей предлагаем. У нее, наверное, много своих, может быть, больше, чем у нас».

«Это, — по словам Анны Стронг, — произвело на нее сильное впечатление: она стала верить в Советскую страну, “солдаты которой хорошо обеспечены”».

Кто пострадал от земельной реформы в Литве? Прежде всего старые помещики — граф Тышкевич, граф Нарышкин, граф Пшездецкий, князь Радвила, князь Васильчиков (последний давно уже жил в Германии и только получал дивиденды со своего имения в Литве), а также новые — семейства президента Литвы Антанаса Сметоны, Карвялиса, Норкайтиса, Тубялиса, Гудавичюса, Плехавичюса (того самого, который в 1944 году при немцах стал командиром «Литовского территориального корпуса»). Имени Плехавичюса в Букончяе было, как и другие, разделено среди батраков и малоземельных крестьян. В их числе был и крестьянин Бута, четырех родственников которого Плехавичюс потом расстрелял в отместку.

Одним из немногих крупных землевладельцев, кто остался в стране, был граф Зубов, чьи предки получили имение в Литве еще при Екатерине II. «Он один из немногих прогрессивных людей среди дворянства, — рассказал американке Анне Стронг министр сельского хозяйства советской Литвы Мицкис. — Даже во время революции 1905 года он был на стороне крестьянства. Он теперь потеряет свою землю, но он способный земледелец и может работать как агроном. Никто ему зла не желает».

В Латвии была проведена национализация промышленности, открыты ранее бездействовавшие предприятия, объявленные банкротами при прежней власти, полностью ликвидирована безработица. В результате уже к концу 1940 года валовой выпуск промышленной продукции вырос по сравнению с прошлым, 1939 годом на 21 %.

Здесь также была проведена аграрная реформа, в результате которой были аннулированы старые долги крестьян на сумму свыше 350 млн рублей (в переводе на советскую валюту), 52 тысячи безземельных крестьян получили в бессрочную аренду от государства 525 000 гектаров земли, а еще 23 тысячи малоземельных крестьян — прирезку в 75 000 гектаров. 25 000 гектаров земли, экспроприированной у помещиков, было отведено под создание совхозов. С целью повышения эффективности сельского хозяйства в республике к началу 1941 года было создано 50 МТС и 502 машинно-конных прокатных пункта.

В Эстонии, несмотря на более высокий уровень модернизации, ситуация в хозяйстве была не намного лучше, чем в Литве или в Латвии. «Я родился в 1924 году и хорошо помню, что из себя представляла Эстония тех лет, — рассказал Уно Лахт, известный в СССР поэт-сатирик, а ныне член правления Эстонского Союза против неона-

цизма и межнациональной розни. — Мало кто из официальных историков говорит, что не было ни бесплатного среднего, ни высшего образования, число батраков и бедных в фактически рабском услужении достигало больше половины населения, процветал туберкулез и другие болезни из-за платной медицины. Эстонцы бежали из Эстонии куда глаза глядят. Всего этого вы не прочтете в современных учебниках по истории».

«Советизация» Эстонии началась с введения всеобщего бесплатного образования и введения стипендий студентам вузов и техникумов. Количество учащихся только в средних школах возросло с 13,5 тысячи (в 1939/40 учебном году) до 18,1 тысячи человек в 1940/41 учебном году.

Другим, как сейчас говорят, «приоритетным направлением» была земельная реформа. Около 53 тысяч безземельных и малоземельных крестьян получили свыше 340 тысяч гектаров земли, в результате чего было создано более 26 новых крестьянских хозяйств. Свыше 24 тысяч малоземельных крестьянских хозяйств получили прирезки земли — еще около 210 тысяч гектаров. Многим были выделены долгосрочные кредиты на хозяйственное строительство, покупку инвентаря и скота. В течение первого года «советской оккупации» эстонское крестьянство получило от правительства СССР помощь в размере примерно 230 млн рублей.

Большинство крупных промышленных предприятий Эстонии за годы диктатуры Пятса были либо разорены, либо работали в неполную мощность. Советская власть начала восстановление промышленности. Было создано много новых отраслей промышленности, а старые предприятия значительно расширились. В течение года на восстановление и расширение фабрик, организацию МТС, строительство школ, домов культуры и т.д. советским правительством было выделено Эстонской ССР 184 миллиона рублей.

За первый же год «советской оккупации» выпуск промышленной продукции вырос на 63 %, число промышленных рабочих возросло на 38 тысяч человек, так что в некоторых отраслях даже ощущался недостаток рабочей силы. Была ликвидирована безработица, квартплата снизилась, зарплаты увеличились примерно на 40—45 %, а позже были подняты на уровень, существовавший в других республиках СССР. Женщины в плане оплаты труда были уравнианы в правах с мужчинами. Расходы на здравоохранение выросли на 436 %, на социально-культурные мероприятия — на 560 %. Впервые жители Эстонии узнали, что такое государственные пенсии и бесплатная медицина.

Вторая гражданская война в Прибалтике

Документы свидетельствуют, что еще с осени 1940 года германские спецслужбы тщательно планировали и организовывали выступления местных подпольных движений в Прибалтике, которые предполагалось приурочить к началу вторжения гитлеровской Германии в СССР. Нацистская агентура сообщала о том, что для начала восстания в республиках Прибалтики все уже создано и что «подпольные движения трудно удержать от преждевременных акций».

В Прибалтике готовилась вторая гражданская война. Причем готовилась при активном участии спецслужб Третьего рейха, а начало ее предполагалось приурочить к началу германского вторжения в Советский Союз...

После событий июня 1940 года многие члены профашистских и националистических организаций в Латвии, Литве и Эстонии ушли в подполье, начали создавать небольшие отряды по 5—10 человек, а в лесных массивах и отдаленных хуторах оборудовали бункера с продуктами и оружием (в основном в это время использовалось охотничьи ружья, обрезы либо винтовки, оставшиеся от времен Гражданской войны). «Озлобленные» на советскую власть проводили «аресты и грабежи русских активистов», сжигали постройки, распространяли слухи о зверствах «красных» и о скорой помощи немцев, убивали советских работников.

Особенно этот процесс усилился в конце 1940 — начале 1941 года при непосредственном участии органов разведки и пропаганды рейха. В неофициальных беседах с бывшими политическими лидерами прибалтийских республик немцы неоднократно подчеркивали, что приветствуют создание «Великой Латвии» и «Великой Эстонии», хотя на официальном уровне это отрицалось. Именно в это время на территории Латвии, Литвы и Эстонии начинают активно действовать подпольные националистические группы. В докладах отделов и управлений НКВД и НКГБ отмечалось, что немецкое влияние среди прибалтийского населения очень велико, а абвер забрасывает специальные диверсионные группы для подрывной деятельности в Прибалтийских республиках с участием националистов.

В Литве отряды националистических повстанцев начали тайно создаваться вскоре после установления советской власти в Литве. Некоторые из них вели подпольную работу на территории Литвы еще с июня 1940 года — в их числе так называемый «**Шаулистский батальон смерти**» и «**Комитет спасения Литвы**», созданные

при помощи германской разведки из бывших членов полувосстановленной молодежной организации «**Яунои Лиетува**» («**Молодая Литва**»), хотя ряд руководящих деятелей этих организаций и был арестован органами НКВД в 1940—1941 годах. Правда, если бы не помощь германских спецслужб, возможно, их существование оказалось бы недолгим.

Деятельностью многих из этих группировок руководил «**Фронт литовских активистов**» (ФЛА), базировавшийся в Германии и претендовавший на роль «правительства Литвы в изгнании». После установления советской власти в Литве многие литовские националистические деятели нашли убежище в Берлине. Именно там при поддержке германских спецслужб 17 ноября 1940 года был создан «Фронт литовских активистов», который возглавил бывший посол Литвы в Берлине полковник Казис Шкирпа. Кроме Шкирпы в состав руководства ФЛА вошли некоторые представители довоенной либерально-буржуазной Партии ляудининков (инженер Гальванаскас, адвокат Скипитис, представители духовенства Карвялис, Мацейна, ксендз Ила), а также представители довоенной Партии таутининков (бывший заместитель министра финансов Данта, адвокат Дирмейкис, журналист Валюкенас, майор Пирагюс, майор Пуоджюс, инженер Брунюс и др.). «Фронт литовских активистов» провозгласил создание «правительства Литвы в эмиграции» во главе с К. Шкирпой еще до начала войны. Немецкие официальные лица оказывали ему поддержку и даже делали вид, будто признают его, однако формально ни в одном документе это не оговаривалось. Немцы использовали контакты ФЛА с националистическим подпольем в Литве для заброски агентуры и создания там своей «пятой колонны», но при этом не желали связывать себя какими-то обещаниями, особенно относительно независимости Литвы.

Накануне войны НКГБ Литовской ССР располагал обширной и достоверной информацией о тесных связях литовских националистов с командованием вермахта и со спецслужбами фашистской Германии. В частности, органами госбезопасности Литовской ССР была перехвачена листовка литовского информационного бюро в Берлине от 19 марта 1941 года, в которой население Литвы призывалось к подготовке вооруженного восстания против советской власти. Восстание предполагалось приурочить к моменту нападения Германии на СССР, о котором литовских граждан должны были своевременно проинформировать.

«Час освобождения Литвы уже близок, — говорилось в этой листовке. — Когда начнется поход с Запада, Вы в этот же момент будете информированы... В это время в городах, местечках и деревнях

порабощенной Литвы должны возникнуть местные восстания, точнее говоря, взятие власти в свои руки. Сразу надо арестовать местных коммунистов и других предателей Литвы, чтобы они не избежали расплаты за свои действия (предатели будут только тогда помилованы, когда они сумеют доказать, что они ликвидировали хотя бы по одному еврею)... Там, где вы еще не подготовлены, организуйтесь маленькими тайными группами. Когда начнутся военные действия, в тылу будут выброшены парашютисты. Немедленно установите с ними связь и помогайте им... Через деревни и города будет маршировать немецкая армия. В ее рядах будет много знакомых вам соплеменников. Встречайте всех одинаково мило и сердечно, оказывайте им нужную помощь... Уже сейчас «информируйте» евреев, что их судьба ясна, поэтому пусть сегодня же убираются из Литвы. В решительный момент берите их имущество в свои руки, чтобы ничего не пропало»¹.

Содержание листовки говорит само за себя о том, кто и откуда направлял действия литовских националистов и готовил их к предстоящим расправам с евреями, коммунистами и другими «предателями Литвы».

Созданием вооруженных отрядов руководил «Фронт литовских активистов» (ФЛА), о чем также стало известно Советским органам госбезопасности. Так, 14 июня 1941 года чекисты Литвы изыскали секретную инструкцию ФЛА для боевых отрядов, в которой говорилось, что сигналом к восстанию станет переход немецкими войсками границы Литовской ССР. Далее в инструкции перед членами организации ставились конкретные задачи по «освобождению» Литвы, в частности — разоружать по всей стране красную милицию и «агентов ГПУ», арестовывать их и ликвидировать; арестовывать всех комиссаров, политруков и прочих, на кого опирается советский режим; уничтожить центр и отделения компартии, арестовать всех активных членов компартии и ее подразделений. Предусматривались и конкретные диверсионно-террористические акции войск Красной армии.

Отряды литовских националистов, как и предписывалось в немецкой листовке, заявили о себе в тот же день, когда стало известно о нападении Германии на Советский Союз. От 35 000 до 36 000 человек действовали под контролем «Фронта литовских активистов»,

¹ Немецкая листовка с обращением к населению Литвы (март 1941 г.). ЦА ФСБ России. Цит. по: Ямпольский В.П. (публ.). «За что боролись?» Как немецкая власть обидела «Фронт литовских активистов» // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 47—52.

который посылал в Литву своих эмиссаров из Берлина. Еще от 90 000 до 100 000 вооруженных литовских националистов действовали в разрозненных отрядах, которые не контролировались ФЛА (одним из наиболее крупных командовал бывший журналист Йонас Климайтис). К ним присоединились бывшие члены полувоенных националистических организаций «Шаулю Саюнга» («Стрелки») и «Неолиетува» («Новая Литва»), а также сотни уголовников, освобожденных из тюрем бандами националистов.

Многие из этих отрядов были сформированы при непосредственном участии немецкой разведки. Управление «Абвер-П», занимавшееся диверсиями и саботажем, накануне войны против Советского Союза сколотило свои «особые отряды» для действий в Северной Прибалтике. Один из таких отрядов, одетый в советскую форму, имел задание захватить железнодорожный туннель и мосты близ Вильнюса. Всего до мая 1941 года органами НКВД было обезврежено на территории Литвы 75 агентурных групп абвера и СД. Потери литовских националистов в боях с Красной армией в первые дни войны составили, по их собственным данным, от 4000¹ до 5000 человек.

В Латвии накануне войны также резко активизировали свою деятельность подпольные вооруженные группировки местных националистов.

Еще в марте 1941 года в Риге советскими органами госбезопасности была вскрыта и ликвидирована резидентура германской разведки в Латвии и связанная с ней антисоветская организация латышских буржуазных националистов «Тевияс саргс», ставившая своей задачей «объединение всех националистически настроенных латышей и подготовку вооруженного восстания». В результате стали известны некоторые подробности о деятельности резидентуры и организации «Тевияс саргс».

Группировка «Тевияс саргс» («Стражи отечества») была создана еще осенью 1940 года по инициативе студента Латвийского государственного университета, сына крупного домовладельца Клавиньша по кличке «Ванагс» («Ястреб»). Руководство организации состояло из трех отделов. Военный отдел во главе с лейтенантом

¹ Меморандум «Фронта литовских активистов» «Великому вождю Германского рейха Гитлеру и главнокомандующему сухопутными войсками Браухичу» от 15 сентября 1941 года. ЦА ФСБ России. Цит. по: Ямпольский В.П. (публ.). «За что боролись?» Как немецкая власть обидела «Фронт литовских активистов» // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 47—52.

Сала, служившим в Латышском территориальном корпусе Красной армии, занимался сбором разведанных об РККА для немецких спецслужб и подготовкой вооруженного восстания (по их же заданию), сбором оружия и созданием подпольных повстанческих групп. Отдел агитации во главе с Залитисом, сотрудником Латвийского телеграфного агентства, нелегально издавал и распространял антисоветскую газету «Зинётайс» («Вестник») (вышло 6 номеров этой газеты), а также выпустил брошюру с речами гитлеровских идеологов о послевоенном устройстве мира. Наконец, отдел внешних сношений во главе со старшим лейтенантом довоенной латвийской армии Витиньшем поддерживал связь с гитлеровской разведкой и ее филиалом в Риге, замаскированным под «крышей» УТАГ (Организации по ликвидации имущества немецких репатриантов). Группировка «Тевияс Саргс» объединила подпольные ячейки в более чем 16 населенных пунктах Латвии (в том числе в Абренском / Пыталовском уезде, впоследствии отошедшем к Псковской области). Основной целью «Стражей отечества» была подготовка к свержению советской власти. Для этого в ряде городов были созданы повстанческие отряды.

Немецкий резидент в Латвии Ханс Шинке, бывший владелец фирмы в Риге, представитель немецких машиностроительных трестов, направлявший ее деятельность, так писал о ней в одном из донесений в свой разведцентр: «Эта организация имеет кроме военного и политическое руководство, насколько это возможно. Организация имеет отделения по всей стране, и ее члены комплектуются из офицеров и бывших айзсаргов. Образ мыслей этих людей — примерно латвийский национал-социализм... Это течение всецело отдает себя в руки Германии». Шинке проинформировал руководство «Тевияс Саргс» о том, что Германия планирует нападение на СССР, и именно в это время группировка должна была начать вооруженное восстание.

В мае 1941 года в Латвии, при активном участии немцев, была создана антисоветская организация «Латвияс саргс» («Стражи Латвии»), включавшая в себя латышских националистов, «кулацкие и белогвардейские элементы». В 1940—1941 годах боевики «Латвияс Саргс» устраивали террористические акты против советского актива, поджоги, налеты на кооперативы и сельсоветы, убивали руководителей и сочувствующих советской власти, учителей, комсомольцев и членов ВКП(б), похищали имущество, угоняли скот, проводили диверсии, выпускали листовки с призывами к борьбе с советским строем, распространяли «анонимные письма террористически-повстанческого содержания».

Другая группировка латышских националистов, «Военная организация освобождения Латвии» («Кола»), которую возглавляли Гульбис, Мелупс и Ильин, была создана примерно в то же время, что и «Тевияс Саргс», и так же сотрудничала с германской разведкой. В подчинении Рижского центра «Колы» находилось несколько бригад в Даугавпилсе, Тукумсе, Добеле, Елгаве и Салдусе.

Группировка «Латышский национальный легион» (ЛНЛ), возглавлявшаяся Таманисом, имела в своем подчинении 15 подпольных повстанческих групп по 9—10 человек в разных городах и уездах. Они были сформированы в основном из бывших офицеров и чиновников полиции, айзсаргов, яунсаргов (членов молодежного крыла организации «Айзсарги») и членов местной фашистской партии «Перконкруст» («Громовой крест»), созданной еще в начале 1930-х годов и прославившейся еврейскими погромами в Риге и других городах Латвии.

Группировка «Латвийское народное объединение» (ЛНО) во главе с бывшим секретарем министра общественных дел Латвии Цеймурсом была создана в августе 1940 года и действовала в основном в Риге. Она поддерживала постоянную связь с немецким резидентом Кронбергом, бывшим сотрудником министерства просвещения Латвии при Ульманисе, позднее перебравшимся в Германию.

В Эстонии, как и в Литве и Латвии, к лету 1941 года заявили о себе несколько националистических вооруженных группировок. Среди них были как мелкие отряды — к примеру, «рота Талпака» или «батальон Хирвелаана» (называвшиеся по именам своих командиров — бывших офицеров эстонской армии), так и довольно крупные — во главе с майором Фридрихом (Францем) Кургом, полковниками Антсом-Хейно Кургом и Виктором Кёрном. Большинство этих группировок эстонских «лесных братьев» состояло из бывших офицеров Эстонской армии и членов полувоенной организации «Омакайтсе», которая представляла собой аналог латышских «айзсаргов» или литовского «Союза стрелков» («Шаулю саюнга»).

Один из этих полевых командиров, бывший полковник эстонской армии Антс-Хейно Кург, являлся давним агентом филиала абвера в Финляндии — «Бюро Целлариуса». Накануне нападения на Советский Союз Целлариус при содействии финской разведки начало активно готовить диверсионные группы из эстонцев, проживавших в Финляндии, для заброски в тыл Красной армии, захвата стратегически важных пунктов и организации националистических повстанческих отрядов в Эстонии. Из числа эстонских националистов в этой работе участвовали Антс-Хейно Кург, Макс Хоффман, Аксель Кристиан, Ральф Хорн и другие.

Диверсионная группа полковника Антса-Хейно Курга получила кодовое наименование «Эрна». В нее вошли 14 человек, закончивших разведшколу в местечке Секс (Финляндия), включая радиостов с двумя радиостанциями, и 70 бывших военнослужащих эстонской армии. 7 июля 1941 года первые 40 человек (28 нижних чинов и 3 офицера) во главе с самим Кургом отплыли с побережья Финляндии на трех катерах и благополучно достигли берегов Эстонии в районе села Кабернээме Харьюского уезда (окрестности Таллина). Они должны были организовать шпионско-диверсионную деятельность на шоссейных и железных дорогах в тылу Красной армии. Позднее к группе присоединилось около 30 местных эстонских националистов.

Оставшийся в Финляндии личный состав группы «Эрна» был пополнен новыми людьми, разбит на подгруппы и заброшен в Эстонию вскоре после высадки «авангарда». Группа «Эрна-А» была выброшена с самолета в районе Вирусского уезда (район г. Раквере) с задачей вести наблюдение за передвижениями Красной армии. Группа «Эрна-В» была выброшена в тот же день в районе волости Равила Харьюского уезда с задачей вести наблюдение за передвижениями частей советской 8-й армии и за работой железнодорожной магистрали Тапа — Таллин. Группа «Эрна-С» была выброшена 21 июля в районе Таллина, получив задание наблюдать за работой на оборонительных рубежах Красной армии вокруг Таллина. Все четыре группы были также снабжены радиостанциями для связи с центром. Впоследствии к ним присоединились и участники местных националистических вооруженных формирований. Личный состав группы «Эрна» был одет в униформу финской армии, но вместо финской кокарды носил на кепи металлическую эмблему в виде пронзенной кинжалом буквы «Е». Совершая убийства советских активистов и офицеров РККА, диверсанты из группы «Эрна» в качестве своей «визитной карточки» вырезали на телах жертв букву «Е» и оставляли на месте преступления окровавленный финский нож.

Помимо группы «Эрна», в конце июня 1941 года из Германии была заброшена самолетом в Эстонию (на территорию волостей Миссо и Руусмяэ Вирусского уезда) шпионская группа капитана Курта фон Глазенаппа. Глазенапп, прибалтийский немец, бывший владелец мызы Рогози в Эстонии, незадолго до начала войны выехал из Эстонии в Германию. Одной из его задач было организовать деятельность националистического подполья в Вируском уезде и установить связь с вооруженными отрядами эстонских националистов на территории Тартуского уезда. По требованию Глазенаппа немцы организовали выброску оружие и боеприпасов для них.

Группировка майора Фридриха Курга действовала в окрестностях Тарту. Майор Фридрих (Франц) Кург не ограничился организацией повстанческих вооруженных отрядов, а с начала войны приступил к созданию своей администрации в уездах Эстонии, назначив сельского старшину Тартуского уезда и бургомистра города Тарту. Известно, что Ф. Кург поддерживал связь с Юрием Улуотсом, последним премьер-министром независимой Эстонии и главным «претендентом на трон», который прибыл в Тарту несколько позже и, по некоторым сведениям, одобрил все эти меры. Позднее майор Фридрих Кург стал командиром отрядов «Омакайтсе» города Тарту и Тартуской провинции. Именно ему принадлежит приказ о создании Тартуского концлагеря и о назначении его первым комендантом капитана Юхана Юристе. (До сих пор неизвестно, была ли эта мера также одобрена Улуотсом.) 14 июля 1941 года Кург назначил также руководителей повстанческих отрядов в провинциях Тарту, Выру и Валга. Но его претензии простирались дальше — стать верховным главой гражданской и военной власти во всей Южной Эстонии, поэтому 17 июля 1941 года майор Кург «назначил» своего конкурента, полковника Виктора Кёрна, руководителем повстанческих отрядов в провинциях Вильянди и Пярну — причем без ведома последнего! Узнай Кёрн об этом, вероятно, он был бы возмущен — ведь он был старше майора Курга по званию!

Германские военные власти, видимо, признавали «полномочия» самозваного правителя Южной Эстонии майора Курга. По крайней мере, так утверждалось в повседневных приказах Курга, публиковавшихся в газете «Postimees», которая начала печататься с 13 июля 1941 года. Все эти факты приводят к мысли, что Фридрих Кург, подобно своему однофамильцу, так же сотрудничал с германской разведкой.

Группировка полковника Виктора Кёрна действовала в районе Пярну. В. Кёрн, так же как и его конкурент Ф. Кург, параллельно с формированием вооруженных отрядов пытался восстановить довоенную административную структуру Эстонии. Есть основания подозревать о связях с германской разведкой и полковника Кёрна. Известно, что в первых числах июля 1941 года немцы выбросили диверсионно-разведывательную группу в волость Тали Пярнуского уезда, которые сразу же установили связь с местным националистическим подпольем (как раз в этом районе действовала группировка полковника Кёрна). По радиции в центр была отправлена просьба переправить оружие для эстонских националистов в волости Тали. В скором времени немцы с самолета сбросили им 27 винтовок, 2 легких пулемета, 2 снайперские винтовки и 7000 патронов. После зах-

вата немецкими войсками волости Тали националисты направили своих представителей в ближайший немецкий штаб в Ригу и получили еще 160 винтовок.

Все эти отряды занимались сбором развединформации для немецкой разведки и подготовкой вооруженного восстания, приуроченного к началу германского вторжения в Советский Союз, для чего поддерживали постоянный контакт с резидентами абвера.

Руководство НКГБ СССР подчеркивало, что с начала 1941 года «наблюдается значительный рост убийств и бандпроявлений...», при этом «большинство террористических актов остается нераскрытыми». Бандитские группы были вооружены автоматами, винтовками, револьверами, пистолетами, гранатами и сигнальными ракетами, у многих были радиоаппараты Морзе, коды, шифры и средства для тайнописи, чтобы координировать свои действия и поддерживать постоянную связь с немецкими спецслужбами. Некоторые имели отличительные знаки — нарукавные повязки и знамена. Члены бандформирований должны были вести активную борьбу с советским государством, а в период военных действий между СССР и Германией они должны были «арестовывать всех комиссаров и других активных коммунистов; занимать центры компартии, но не уничтожать архив, освободить политзаключенных, заставить евреев покинуть страну... занять учреждения, предприятия, почты, телеграфы и крупные склады товаров... обрывать телефонные, телеграфные, электрические провода... уничтожать железные дороги... арестовывать и разоружать красноармейские отряды, милицию, агентов ГПУ, создавать панику».

Так что еще не известно, каким кровопролитием могла обернуться гражданская война в Прибалтике, не будь пресловутых «советских репрессий». Но кровопролитие удалось хотя бы частично предотвратить.

Понимая опасность подобных действий со стороны националистов, особенно ввиду обострения ситуации на советско-германской границе, НКГБ ряда республик еще в мае 1941 года направили докладные записки в Наркомат госбезопасности в Москве с предложением о высылении некоторых категорий граждан в глубинные районы СССР.

Так, в докладной записке Литовского НКГБ от 12 мая 1941 года говорилось:

«За последние месяцы в республике значительно растет активная враждебная деятельность. Этому способствует непосредственная близость границы и подрывная деятельность германских разведывательных органов.

За февраль — март — апрель 1941 года органами НКГБ в Литве арестовано 262 человека.

Следственным путем установлено, что повстанческие ячейки в уездах республики создаются немцами через так называемый «Литовский комитет», откуда непосредственно исходит руководство, директивы, материальная помощь и снабжение оружием. *В распространяемых листовках намечаются даты восстания, приуроченные к военным действиям между Германией и СССР (Курсив наш. — М.К.).*

В силу этого считали бы необходимым приступить к аресту и принудительному выселению из Литовской ССР наиболее активных категорий лиц:

Государственный буржуазный аппарат:

— чиновники государственной безопасности и криминальной полиции;

— командный состав полиции;

— административный персонал тюрем;

— работники судов и прокуратуры, проявившие себя в борьбе с революционным движением;

— офицеры 2-го отдела Генштаба Литовской армии;

— видные государственные чиновники;

— уездные начальники и коменданты.

Контрреволюционные партии:

— троцкисты;

— активные эсеры;

— активные меньшевики;

— провокаторы охранки.

(По данным литовской охранки, этих категорий числится 963 человека.)

Литовская националистическая контрреволюция:

(считаем необходимым подвергнуть аресту только руководящий состав наиболее реакционных фашиствующих партий и организаций)

— таутининков;

— яунои-лиетува (молодые таутининки);

— вольдемаристы (фашистская организация германской ориентации — всех);

— руководящий состав «Шаулю Саюнга» (от командиров взводов и выше).

(По статистическим данным бывшей литовской буржуазной прессы, руководящего состава насчитывается более 10 тысяч человек.)

Фабриканты и купцы Литвы:

- фабриканты, годовой доход коих свыше 150 тыс. лит;
- крупные домовладельцы, недвижимость коих оценивалась в более 200 тыс. лит;
- купцы, годовой оборот коих свыше 150 тыс. лит;
- банкиры, акционеры, биржевики.

(По данным бывшего Министерства финансов Литвы, по таким категориям числится 1094 человека.)

Русские белоэмигрантские формирования:

- Российский фашистский союз;
- Российский общевойсковой союз;
- младоросы;
- все офицеры белых армий, контрразведок и карательных органов.

(По учетам литовской охранки, по этим категориям числится 387 человек).

Лица, подозрительные по шпионажу.

Уголовный и бандитский элемент — более 1 тысячи человек.

Проститутки и притоносодержатели — более 500 человек».

На основании этой докладной записки 16 мая 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР издали постановление «о выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии», на основании которого депортации подлежали:

«...1) *активные члены контрреволюционных организаций и члены их семей* (курсив наш);

2) бывшие жандармы, охранники, руководящий состав полиции, тюрем и рядовые полицейские и тюремщики *при наличии компроматериалов* (курсив наш);

3) бывшие крупные помещики, торговцы (с годовым оборотом свыше 150 тыс. лат); бывшие фабриканты (с годовым оборотом свыше 200 тыс. лат) и крупные чиновники бывших буржуазных правительств, вместе с членами их семей;

4) бывшие офицеры, *в отношении которых имеются компроматериалы* (курсив наш) (в том числе и те, которые служили в территориальных корпусах Красной армии);

5) члены семей участников контрреволюционных организаций, осужденных к высшей мере наказания, а также скрывающихся и перешедших на нелегальное положение;

6) лица, прибывшие по репатриации из Германии, а также усхавшие из Латвии в Германию при наличии в отношении их компроматериалов;

7) бежавшие из бывшей Польши, отказавшиеся принять советское гражданство;

8) уголовный элемент, продолжающий заниматься преступной деятельностью;

9) проститутки, зарегистрированные в полиции, занимающиеся прежней деятельностью»¹.

Таким образом, все меры, предусмотренные в постановлении, были вполне логичными: нейтрализовать активных деятелей террористических группировок и всех тех, кто мог оказывать им содействие, а также подозревался в связях с германскими спецслужбами.

Однако сама операция откладывалась в течение месяца и была осуществлена лишь 14—15 июня 1941 года, когда стало ясно, что война с Германией начнется в самое ближайшее время (точная дата нападения была известна руководству органов госбезопасности задолго до этого срока, хотя не все в руководстве Советского Союза верили этим данным).

В результате операции, проведенной 14 июня 1941 года, в Литве были арестованы и высланы за пределы Литовской ССР:

1. Активные члены контрреволюционных националистических и белогвардейских организаций и члены их семей: арестовано — 1877, выселено — 4277.

2. Бывшие охранники, жандармы, руководящий состав полицейских и тюремщиков, а также рядовые полицейские и тюремщики, на которых имели компроматериалы, и члены их семей: арестовано 617, выселено — 1266.

3. Бывшие крупные помещики, фабриканты и чиновники государственного аппарата и члены их семей: арестовано — 1122, выселено — 2560.

4. Бывшие офицеры литовской и белой армий, на которых имели компроматериалы, и члены их семей: арестовано — 104, выселено — 176.

5. Члены семей участников контрреволюционных организаций, которые были осуждены к ВМН: арестовано — 27, выселено — 64.

6. Лица, прибывшие из Германии в порядке репатриации, а также немцы, записавшиеся на репатриацию в Германию и не усхавшие по различным причинам, в отношении которых имели компроматериалы: арестовано — 66, выселено — 99.

¹ Директива о выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии // Молодая гвардия. 1993. № 4. С. 214.

7. Беженцы из буржуазной Польши: арестовано — 337, выселено — 1330.

8. Военнослужащие армейских территориальных корпусов: арестовано — 285.

9. Проститутки, зарегистрированные бывшими полицейскими органами Литвы, которые продолжали заниматься проституцией: выселено — 395.

10. Уголовный элемент: арестовано — 1229.

Таким образом, всего по Литве в ночь с 14 на 15 июня 1941 года было арестовано 5664 человека, выселено — 10 187. Итого репрессировано — 15 851 человек.

В Латвии в ту же ночь на 14 июня 1941 года было арестовано 4550 человек, а еще 9119 человек было депортировано из республики. В списке тех, кто подлежал депортации, были включены бывшие охранники тюрем, жандармы, чиновники полиции, а также 281 проститутка и 543 уголовника-рецидивиста. Основную массу депортированных вывозили в Красноярский край.

Из Эстонии в течение 14—16 июня 1941 года было арестовано 3178 и выселено 5978 человек, всего же подверглось репрессиям от 9156 человек¹ до 11 000 человек.

В ходе этих жестоких, но вынужденных мероприятий руководство НКГБ тщательно следило за тем, чтобы исполнители не превысили своих полномочий. 15 июня 1941 года НКГБ СССР, в частности, отмечал: «... Имеются также сведения о том, что в ряде мест у выселяемых отбираются бытовые ценности (часы, портсигары, кольца и пр.). Напоминаем, что изъятию подлежит только оружие, валюта, золото и серебро в слитках и контрреволюционная литература...». В том же указании НКГБ СССР потребовал: «...профильгровывать весь состав заключенных и в случае выявления лиц, арестованных неправильно, также поставить перед НКГБ СССР вопрос об их освобождении из заключения и возвращении из высылки их семей...»

В итоге за 3 дня с 14 по 17 июня 1941 года, по данным НКГБ СССР от 17 июня 1941 года, «по Литве: арестовано 5664 человека, выселено 10 187 человек, всего репрессировано 15 851 человек. По

¹ Докладная записка НКГБ СССР № 2288/М в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР об итогах операции по изъятию антисоветского, уголовного и социально опасного элемента в Литве, Латвии и Эстонии. 17 июня 1941 г. Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб-к документов. Том I «Накануне». Кн. 2 (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М., 1995. С. 247.

Латвии: арестовано 5625 человек, выселено 9546 человек, всего репрессировано 15 171 человек. По Эстонии: арестовано 3178 человек, выселено 5978 человек, всего репрессировано 9156 человек».

Всего по всем трем республикам Прибалтики было арестовано 14 467 чел., выселено 25 711 чел., таким образом, всего репрессировано — 40 178 чел. Аресты были проведены также и во всех территориальных корпусах Красной армии, сформированных в 1940 году из частей и подразделений армий Прибалтийских государств. К 22 июня 1941 года было арестовано 933 офицера, в том числе в Латвийском территориальном корпусе — 424, в Литовском — 285, в Эстонском — 224 человек. Но большая часть офицеров этих армий после проверок была включена в кадры Красной армии и продолжала службу в ее рядах¹.

Таковы цифры, приводимые в рассекреченных советских документах. Гражданская война в Прибалтике была предотвращена целой репрессий, так сказать, малой кровью. Многие из будущих коллаборационистов — как, например, бывший премьер-министр Эстонии Юрий Улуотс или его латышский коллега д-р Альфредс Валдманис — к началу войны по неизвестным причинам не были репрессированы, хотя, по идее, их должны были выслать в первую очередь, особенно если бы репрессии действительно были «повальными», как утверждают многие сегодня в Прибалтике.

Но откуда же появились слухи насчет «повальных арестов», о которых говорит бывший легионер Петерис Л.? Их активно распространяла немецкая пропаганда в оккупированной Латвии.

«Когда немцы пришли, — продолжает тот же анонимный каратель из 16-го латышского полицейского батальона, — они сообщили, что только в Литене расстреляно (большевиками) около 220 человек. Немцы охотно демонстрировали черные дела коммунистов. И, насколько я знаю, родственники выкапывали своих, увозили хоронить. А еще Балтэзерс, а чекистские подвалы... В медучилище, где я учился в 41—42 годах, нас возили на экскурсию в чека. В подвалы не пустили, но рассказывали, что там творилось. Вход был с угла. Потом вошли мы, проследовали через ряд помещений и очутились в гараже — есть там такой почти квадратный гараж, слегка вытяну-

¹ Докладная записка НКГБ СССР № 2288/М в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР об итогах операции по изъятию антисоветского, уголовного и социально опасного элемента в Литве, Латвии и Эстонии. 17 июня 1941 г. Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб-к документов. Том I «Накануне». Кн. 2 (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М., 1995. С. 247—248.

тый в длину. Выход с гаража прямо во двор — четырехугольный двор. И в точности напротив гаража железные ворота, которые выходят на улицу Стабу (в советские времена улица Фридриха Энгельса). Кажется, нам тогда показали два таких бокса, где велись расстрелы. Вся стена выщерблена пулями, залепана мозгами... Канализацию показали, куда все стекало. Пояснили, что трупы складывали в кузов грузовика и вывозили...»

Профессор Арведс Свабе в своей книге «История Латвии», вышедшей в Стокгольме в 1958 году, идет еще дальше гитлеровцев и утверждает, что «за год советской оккупации русские депортировали и убили 131 500 прибалтов». Очевидно, эти цифры также взяты из немецких документов, что, впрочем, не удивительно, если обратиться к биографии самого профессора Свабе (если читать его фамилию на шведский лад). На немецкий же лад в годы гитлеровской оккупации Латвии его фамилия звучала как «Швальбе».

Справка: Арведс Свабе (1888—1959) — поэт, публицист, прозаик, переводчик, историк и юрист, в 1932—1940 годах являлся профессором Латвийского университета, а в годы оккупации в 1941—1944 годах был начальником «Исторического хранилища». В 1944 году, вместе с отступающими германскими войсками, Свабе-Швальбе бежал в Германию, хотя имел некоторые разногласия с немцами по «еврейскому вопросу»¹. Оттуда в 1949 году он перебрался в Швецию. Именно там и были написаны такие его труды, как уже названная «История Латвии», а также два издания «Латвийской энциклопедии» (1950—1955 и 1958).

После войны у профессора Свабе-Швальбе нашлось много последователей, приводивших цифры жертв «советских репрессий» в Прибалтике, прямо скажем, взятые с потолка. Так, в январе 1995 года группа аналитиков из Библиотеки Конгресса США при поддержке министерства обороны составила справочный материал по республикам Прибалтики². По словам авторов этого «труда», в Литве «советское господство принесло радикальные политические и экономические перемены и сталинский террор, кульминацией которого стала депортация более 30.000 человек в ночь с 14 на 14 июня 1941 года. Германия прервала сталинский террор, напав на Советс-

¹ См.: Сводка донесений по СССР № 195 начальника германской полиции безопасности и СД от 24 апреля 1942 года. РГВА. Ф.500к. Оп.1. Д.25. Лл.349, 356—357.

² Сразу заметим, что о советских реформах и капиталовложениях в промышленность и сельское хозяйство республик Прибалтики в этом опусе нет ни слова.

кий Союз 22 июня 1941 года...». Латвия, по их же словам, за год «советской оккупации» «потеряла 35 000 человек в результате казней и депортаций». И только в отношении Эстонии приводится цифра репрессированных, примерно соответствующая действительности — около 10 000 человек (какая скромность!).

Откуда взялись такие цифры? Эстонский коллаборационист Юрий Улуотс в своем обращении к германским властям осенью 1941 года, например, упоминает цифру аж в 100 000 человек, которые якобы были репрессированы советской властью в одной только Эстонии (!). Хотя на самом деле, как поясняет западный историк Зеппо Миллинеми, число вывезенных из Эстонии в июне 1941 года составляло 60 973 человек, из которых лишь около 11 тысяч были действительно депортированы. Остальные — это эвакуированные в СССР государственные, партийные, хозяйственные чиновники, специалисты, инженеры, их семьи, а также те, кто был призван на службу в рядах Красной армии. (Напомним, что по данным НКВД СССР, в Эстонии было арестовано 3178 и выселено 5978 человек, итого было репрессировано в общей сложности 9156 человек.)

Что касается Литвы, то в «Сводке донесений из оккупированных восточных областей № 8 начальника германской полиции безопасности и СД от 19 июня 1942 года» приводится цифра аж в 40 000 человек. «В то время как влияние евреев первоначально было ограничено в основном экономикой, — говорится в той же сводке, — то после оккупации Литвы Советским Союзом в 1940 году они добились также господствующего влияния во всей общественной жизни. Характерно, что в НКВД работали прежде всего евреи. Таким образом, по их инициативе около 40 000 литовцев было сослано в Сибирь»¹. В действительности, по данным НКВД, в Литве в 1941 году было арестовано 5664 человек, выселено 10187 человек, а всего репрессировано 15851 человек.

Примерно так же создавалась фальсификация и в отношении репрессий в Латвии. «Во время еврейско-большевистского террора в общей сложности 33 038 латышей были сосланы, арестованы или убиты», — говорится в донесении о деятельности эйнзатцгруппы «А» за период с 16 октября 1941 по 31 января 1942 года. Приведенная цифра завышена в три раза — довольно-таки скромно. Ведь помимо арестованных и депортированных, из прифронтовой зоны, вклю-

¹ Сводка донесений из оккупированных восточных областей № 8 начальника германской полиции безопасности и СД от 19 июня 1942 года. РГВА. Ф.500к. Оп.1. Д.775. Л. 157, 161, 164.

чавшей Латвию, а также некоторые районы Литвы и Эстонии, в июне 1941 года было эвакуировано 53 тысячи человек, в числе которых были и многие будущие военнослужащие 130-го латышского стрелкового корпуса, сражавшиеся впоследствии против гитлеровцев и их пособников за освобождение своей страны.

Гитлеровцы не скупилась на рассказы о зверствах «жидо-большеви́ков» в Прибалтике. Все эти немецкие фальшивки преследовали двоякую цель: во-первых, разжечь ненависть местного населения к советской власти, во-вторых, натравить их на евреев, которые в ряде немецких документов почти что ассоциировались с советской властью.

Чья оккупация страшнее?

Дополним сухую статистику живыми эмоциональными высказываниями двух людей, оказавшихся в войны по разные стороны баррикад.

Рассказывает бывший солдат 16-го латышского полицейского полка, впоследствии — легионер 19-й латышской дивизии войск СС Петерис Л.:

«...О том, как у нас в 1940 году советская власть устанавливалась, насколько демократически, как теперь говорят. Отец мой столяр, работали мы неподалеку от Валмиеры. Каждый был занят своим делом. Как-то приходит человек из города и сообщает новость — русские идут. Никто этому не верит. Отец мне говорит — сходи посмотри. Я пошел. Русские войска переходят мост через Гаую и направляются по улице Ригас в гору — в сторону Риги. С двух сторон любопытные. Воины латвийской армии, полицейские стоят шпалерами вдоль тротуаров. “Ура” никто не кричит. Зеваки. Смотрят — и все.

...Было часов шесть. На улице показались двое в красных нарукавных повязках с белыми буквами “PD” (латышская аббревиатура, означающая “служба содействия”). Рабочие спрашивают, что это — PD. Оказалось, эти PD обходят все дома, созывая людей на базарную площадь. Явка обязательна, в каждом доме может остаться по одному человеку, желательно из немощных, старых или больных. Отец и не думал спешить, а еще несколько человек, работавших над гипсовыми фигурами, фигурами потолка, вообще не собирались идти. Но во второй раз PD являются — всем идти безоговорочно. Отец сказал — ладно. Отправились мы на базарную площадь. Чуть ли не последними пришли. На площади трибуну воз-

вели, вокруг — масса, словом, вся Валмиера. Мы с краю встали, площадь была окружена красноармейцами, в 15—20 шагах от толпы. Со штыками наперевес, винтовки в людей нацелены. Что там с трибуны вешали — расслышать было трудно, громкоговорителей не имелось. Духовой оркестр грянул “Интернационал”. Все вздымали кулаки. Если кто вскидывает сжатый кулак — пусть его, нам-то какое дело. Подскочил русский солдат и отца штыком по заднице — ну, вскидывай кулак. Тут, конечно, те, кто еще не успел это сделать, спохватились. ...Когда митинг закончился, толпе не дали разойтись и организовали шествие к месту захоронения комсомольцев. Под конвоем с двух сторон все туда и двинулись. Там опять был митинг. И только тогда разрешили разойтись по домам.

Правильно ли поступил Ульманис, приняв ультиматум?

В народе говорили, что неправильно, надо было сопротивляться. Уверенность в этом окрепла, когда последовали повальные аресты. Говорили: в случае сопротивления было бы меньше жертв, чем сейчас. Поэтому надо было сражаться. Пусть и проиграли бы. Сегодня это более чем ясно. Мы потеряли бы людей не больше, чем в результате высылки».

Читая этот анонимный рассказ «гренадера» (точнее — «гренадера войск СС»), невольно приходят на ум два вопроса. Во-первых, почему же все-таки лучше было сопротивляться, если все равно «проиграли бы»? Вот уж после вооруженного сопротивления могли последовать и «повальные аресты» — это наверняка. Очевидно, противники советской власти рассчитывали на гитлеровскую Германию, которая не бросит их на произвол судьбы и придет на помощь в решающий момент... А уж в послевоенных советских репрессиях остается винить только самих же карателей вроде того же Петериса Л. и его хозяев — немцев и латышских коллаборационистов. Если бы не их сотрудничество с гитлеровской Германией, если бы не их преступления, то меньше было бы судебных процессов над карателями, меньше было бы случайных жертв, сначала насильно призванных в легионы СС, а после войны депортированных в лагеря как военнопленные...

Предоставим теперь слово другому очевидцу. Рассказывает Рейнгольд Райбайс, бывший снайпер 123-го полка 43-й гвардейской латышской стрелковой дивизии, один из 33 тысяч якобы «депортированных» из Латвии накануне войны:

«Про довоенное житье-бытье распространяться не буду. Скажу только, что в буржуазной Латвии нашей семье жилось неважно. Не только из-за безработицы. Отец у меня был латышским красным стрелком. Воевал в Гражданскую. Ну, сам понимаешь, какое было к

нему отношение. Я работал то грузчиком, то шофером. Как повезет... После лета 1940 года жизнь стала налаживаться. Пошла повеселее. А тут — война! Мы с отцом, конечно, в стороне не остались. Пошли по общей дороге. Даже про мать родную забыли. Отчего у меня на совести — вечный камень. Расстреляли ее немецкие прихвостни. На третью неделю после нашего ухода».

Так какая же оккупация была более кровавой, немецкая или советская? У одного, будущего легионера, отец получил штыком плашмя по заднице от «советских оккупантов». У другого, будущего солдата Красной армии, нацисты и их латышские пособники расстреляли мать. Ладно, пусть это просто единичные случаи.

Чтобы окончательно выяснить этот вопрос, обратимся снова к цифрам. Итог деятельности гитлеровских эйнзатцкоманд и их помощников из местных полиции и «самоуправления» был поистине ужасным.

В Литве число жертв среди мирного населения в период гитлеровской оккупации составило 370 000 человек, а в общей сложности (включая уничтоженных на территории Литвы военнопленных, иностранных граждан и т.д.) — до 666 000 человек.

В Латвии только по предварительным данным судебно-медицинской экспертизы, обследовавшей 58 мест захоронения, число жертв составило свыше 300 000 человек¹. Всего же за годы оккупации, как показали позднейшие расследования, в Латвии было создано 18 тюрем, 23 концентрационных лагеря и 18 еврейских гетто, в которых уничтожено 330 032 советских военнопленных и 313 798 мирных латышских граждан, включая от 68 до 77 тысяч евреев². Итого — не менее 644 000 человек. На принудительные работы в Германию было угнано 279 615 человек, из которых также многие по-

¹ Бобренов В., Петренко Г. (публ.). После них была только смерть // Армия. 1992. № 6. С. 50. По данным авторов сборника «Великая Отечественная война. 1941—1945» число жертв среди мирного населения в Латвии составило 313 000 человек. См.: Великая Отечественная война. 1941—1945. Кн. 4. М., 1999. С. 13.

² Данные по этому вопросу сильно отличаются. Так, по данным «Энциклопедии Великой Отечественной войны», в Латвии было уничтожено свыше 85 000 евреев (при этом, правда, не уточняется, входят ли в это число евреи, привезенные в Латвию для уничтожения из Европы). (См.: Энциклопедия Великой Отечественной войны. С. 398.) По данным И. Арада число жертв среди еврейского населения Латвии составило 68 000 чел., плюс более 7 тысяч евреев, привезенных из Европы. (См.: Арад И. Катастрофа советского еврейства // Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации. 1941—1944. Иерусалим: Яд Вашем, 1992. С. 12.) По данным И. Альтмана, это число составило 77 000 чел. плюс около 25 000 иностранных евреев. (См.: Альтман И. Альтман И. Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941—1945 гг. М.: Фонд «Ковчег», 2002).

гибли в лагерях и на сооружении укреплений в Восточной Пруссии. В результате население республики сократилось на 400 тысяч человек.

В Эстонии за время немецко-фашистской оккупации количество жертв среди мирного населения составило от 61 300 до 125 000 человек (включая узников эстонских концлагерей, свозившихся в Эстонию со всей Европы).

Систематический террор продолжался в течение всех неполных четырех лет немецко-фашистской оккупации республик Прибалтики. Как свидетельствует бывший верховный шеф СС и полиции в Прибалтике Фридрих Йекельн: «За день по так называемым политическим мотивам нами арестовывалось в Литве, Латвии и Эстонии примерно по 20 человек, в основном — русских». Всего, по признанию самого Йекельна, только в Латвии по «политическим мотивам» за время оккупации было арестовано около 20 000 человек.

Это невозполнимые человеческие жертвы.

Что же касается материального ущерба, то даже тот же Арвед Свабе признает, что «отступая, немцы применяли в прибалтийских государствах “тактику выжженной земли”».

Так, в Литве материальный ущерб от гитлеровской оккупации составил 17 миллиардов рублей в ценах 1941 года. При отступлении оккупанты взорвали и сожгли около 1700 промышленных предприятий, 1148 мостов, 682 школы (в них с 1944 года в основном размещались части литовской, немецкой, латышской и эстонской полиции, согнанные в Литву для борьбы с партизанским движением), а также около 80 000 зданий — 40 % домов в Вильнюсе, 60 % в Клайпеде... В руинах лежали Шяуляй, Расейняй, Вилкавишкис, Скуодас, Шакяй. Был выведен из строя Клайпедский порт, вывезены или уничтожены все транспортные средства.

В Латвии за время немецко-фашистской оккупации были вывезены в Германию оборудование большинства фабрик и заводов и запасы сырья. Было разрушено 5790 зданий промышленных и торговых предприятий, 47000 жилых домов, 183 лечебных учреждения, Рижский порт, 186 железнодорожных вокзалов, 619 больших и средних мостов, расхищен парк железнодорожных вагонов и локомотивов, выведено из строя 62 % всех железнодорожных путей; разрушено 53 электростанции, в результате чего полностью уничтожена энергетическая база республики. К 1944 году из 1107 промышленных предприятий Латвии, действовавших в 1941 году, удалось запустить в ход только около 100. Число трудоспособного населения уменьшилось почти наполовину. Посевные площади в республике

сократились на $\frac{1}{3}$, количество крупного рогатого скота — на 48 %, овец — на 66 %, лошадей — на 32 %. Урожайность полевых культур в 1944 году, по сравнению с 1940 годом, снизилась почти наполовину. Города Елгава, Валмиера, Даугавпилс, Резекне, Болвы и др. были почти полностью превращены в руины. Материальный ущерб от германской оккупации Латвии составил около 20 миллиардов рублей в довоенных ценах.

В городах Эстонии гитлеровцы сожгли и разрушили около 9200 домов. Особенно пострадал пограничный город Нарва, практически стертый с лица земли по приказу командира 4-й панцергренадерской дивизии СС «Недерланд» генерал-лейтенанта Вагнера. Из 3500 домов в Нарве уцелело всего 174, да и те требовали значительного ремонта. В Тарту из 5083 было разрушено 3432 дома, в Таллине — 1885 домов. Материальный ущерб, нанесенный народному хозяйству Эстонии, составил около 16 миллиардов рублей (в довоенных ценах).

Почему, спрашивается, власти Литвы, Латвии и Эстонии не требуют возмещения этих сумм от Германии за гитлеровскую оккупацию? Потому что, входя в состав Советского Союза, они уже получили свою долю от послевоенных репараций.

Но уж раз республики Прибалтики решили отделиться от СССР, а их власти называют действия коллаборационистов «борьбой за независимость», а период с 1945 по 1991 год — «советской оккупацией», так почему бы этим господам не вернуть России все те средства, которые были вложены в экономику республик Прибалтики? Включая и полученную ими часть с германских репараций, хотя она и выглядит мизерной по сравнению с теми суммами, которые вкладывались в экономику Прибалтики правительством СССР в течение 1940—1980-х годов...

А многие современные политики в Прибалтике вполне серьезно пытаются утверждать, что расправляясь с евреями, коммунистами, партизанами в годы немецко-фашистской оккупации, они боролись за независимость своих стран! Например, сегодня бывшие латышские легионеры заявляют, что они присягали «борьбе против коммунизма», а не Гитлеру.

«Присяга, ну, скажем, Германии, ... (была посвящена) борьбе против коммунистов, — заявляет бывший латышский легионер Эдгар Скрея. — Не так Гитлеру, как борьбе против коммунизма. ...Этого никогда не было (чтобы латышские дивизии входили в состав войск СС). СС — это же совершенно другая организация. ...Нам же не было, скажем, этих званий, что были в СС, не было такого. Был гренадерский полк, не было полков СС...»

Что это, старческий маразм или осознанная ложь, заранее оправданная идеологами латвийского национализма? Приведем слова того же профессора Свабе о латышских дивизиях СС: «Эти части не имели ничего общего с германскими полками СС и сражались только на Восточном фронте».

Последняя ремарка — явный реверанс в сторону новых западных союзников: «Дескать, воевали не против вас, носителей демократии, а против жидо-большевиков, восточных варваров, против России!» Хотя ведь должны бы помнить престарелые латышские легионеры, что на самом деле все они носили немецкую форму войск СС, эсэсовские звания и знаки различия. И сражались не только на своих границах и даже не только на Восточном фронте.

Дословный текст присяги, которую приносили латышские и эстонские легионеры, был такой: «Именем Бога я торжественно клянусь в борьбе против большевиков проявлять неограниченное послушание Главнокомандующему германских вооруженных сил Адольфу Гитлеру. И за эту клятву я, как храбрый воин, всегда готов отдать свою жизнь».

Но и на это у современных прибалтийских националистов находят оправдания.

«Ну это же формальность, вы понимаете? — заявляет депутат Латвийского Сейма от правого блока “Отечеству и Свободе / Движение за национальную независимость Латвии” (ТВ/LNNK) Юрис Добелис. — Я считаю, что это формальность. Если бы у меня был настрой биться с красными, это главное для меня. Я так вижу это. Россия и Германия — это две воюющие стороны, и мы должны были выбрать одну. Ну и выбрали».

В таком случае, если следовать логике этих господ и их современных последователей, то почему бы правительству России не потребовать от правительств прибалтийских республик возместить часть ущерба от гитлеровской оккупации, если в преступлениях гитлеровцев участвовали литовские, латышские и эстонские добровольцы? Это было бы вполне логично, раз уж некоторые господа в Прибалтике считают, что Литва, Латвия и Эстония были «оккупированы» Советским Союзом, а с началом германской агрессии вновь обрели «независимость», и прибалтийские легионы СС сражались на стороне Германии на правах «союзных армий»...

Ведь именно полиция, легионеры, директора самоуправлений и прочие коллаборационисты были главными исполнителями и «администраторами» бесчеловечных планов Гитлера. Об этом свидетельствуют не только документы, но даже простое сравнение численности немецкого и местного аппарата в полиции и органах са-

моуправления в Прибалтике в годы оккупации. Ни один из этих «борцов за независимость» не выступил против геноцида евреев, русских, поляков, против физического уничтожения «политически неблагонадежных» или «расово неполноценных», наконец, против угона на принудительные работы в Германию тысяч своих соотечественников. Наоборот, органы самоуправления и местная полиция во многом способствовали этому.

Лучшей характеристикой для деятельности прибалтийских коллаборационистов в годы немецко-фашистской оккупации может служить, пожалуй, признание обергруппенфюрера СС Фридриха Йекельна — человека, возглавлявшего весь карательный аппарат нацистов в Прибалтике:

«Мне приходилось взаимодействовать по многим вопросам, — рассказывал он на судебном процессе в Риге в 1946 году, — и с руководителем латвийского самоуправления генерал-директором Латвии Данкерсом, генерал-советником литовского самоуправления Кубилюнасом, генерал-директором Эстонии доктором Мяэ. Все они, замечу, были большими друзьями немцев. Эти люди руководствовались только немецкими интересами и нисколько не задумывались о судьбе своих народов. Из разговоров с ними я понял, что они хотят уничтожить большевиков не меньше, а может быть, больше, чем мы, немцы. Эти люди считали, что даже если Германия и проиграет войну, то все равно будет очень хорошо, ибо мы ликвидируем всех советских патриотов, всех коммунистов. А без патриотов и коммунистов им гораздо легче будет запродать свои народы другим сильным державам».

ГЛАВА 4

ПРИБАЛТИКА В ПЛАНАХ НАЦИСТОВ

Главным принципом оккупационной политики гитлеровской Германии был принцип «Разделяй и властвуй». Он был уже хорошо знаком самим нацистам по колониальной политике европейских государств, проводившейся еще задолго до появления нацизма. «Восточные пространства станут для нас тем, чем была для Англии Индия», — говорил Адольф Гитлер в одной из своих бесед «в узком кругу» 10 сентября 1941 года. Тем не менее оккупационная политика Третьего рейха была несколько иным явлением, нежели, например, колониальная политика Великобритании в Индии.

Прежде всего, сам национал-социализм был принципиально новым в истории явлением, хотя и имел некоторые общие черты с колониализмом XVIII, XIX и первой половины XX века. «Колонии — весьма сомнительное приобретение, — заявлял Гитлер, имея в виду заморские территории. — На здешней земле мы чувствуем себя гораздо увереннее. Европа — это не географическое понятие. Это проблема кровной близости».

Под «кровной близостью» Гитлер понимал родство между отдельными представителями отдельных европейских наций, сохранивших «германские корни». Имперское ведомство по выяснению родства (при НСДАП), Главное управление СС по делам рас и поселений, рейхскомиссариат по делам укрепления германской нации, в которых работали нацистские «расоведы», выстраивали все народы в своеобразный ресстр, в иерархическом порядке по принципу «чистоты германской крови». Составлялись даже расовые таблицы и система очков для определения чистоты нордической расы.

В результате этих разработок народы Европы образовывали примерно следующую шкалу по принципу «расовой чистоты»:

- 1) немцы, как единственная «арийская раса господ»;
- 2) народы родственной «германской крови», к которым относились норвежцы, шведы, датчане;
- 3) голландцы и фламандцы;
- 4) швейцарцы, валлоны и французы (частично);
- 5) романские народы, славяне (некоторый процент) и т.д.

Нацистские расоведы «вычисляли» не только процент «расово полноценных» людей в рамках каждой нации, но и процент «германской крови» для каждого ее представителя. Например, даже немцы для зачисления в ряды СС, или в случае отсутствия «расового паспорта» (документального подтверждения, что их предки на столько-то поколений назад были чистокровными немцами) были обязаны проходить расовую проверку. Первоначально вступить в ряды СС могли далеко не все немцы, а только с «образцовой чистотой крови». Шведы, норвежцы, датчане — в расовом отношении считались даже чище некоторых немцев, поскольку как скандинавы — потомки викингов — «не успели смешаться с низшими расами» (особенно евреями), в отличие от жителей континента. Рейхскомиссар Норвегии Йозеф Тербовен, к примеру, считал, что легче «объединить воедино норвежцев и немцев, чем баварцев и пруссаков».

Фламандцы и голландцы образовывали чуть более низшую ступень, хотя также относились к «германским народам». По словам одного из секретарей ставки фюрера, Генри Пикера, Гитлер так отзывался о фламандцах: «Фламандцы настроены гораздо более дружелюбно по отношению к немцам и гораздо более самоотверженны, чем сражающиеся на Восточном фронте легионеры из Нидерландов. Несомненно, это объясняется тем, что фламандцы веками испытывали гнет со стороны валлонов, которые всячески притесняли их». Что же касается голландцев, то рейхскомиссар Нидерландов Артур Зейсс-Инкварт в одном из своих выступлений назвал Голландию страной, населенной полностью германскими народами, готовыми к тесному сотрудничеству с Германией.

Романские народы стояли в этой шкале на несколько ступенек ниже. «Швейцарцы будут у нас трактирщиками, не более», — заявлял сам Гитлер, видимо, имея в виду то, что население Швейцарии (даже по языковому признаку) слишком смешанное — помимо немцев там проживают французы, итальянцы и остатки более древних народов, говорящих на ретороманском языке. Примерно к той же категории впоследствии отнесли валлонов и часть французов (население Северной Франции — бретонцев, нормандцев, и др.), признав их «родственными германскими народами» лишь к

концу войны. Вообще, французов, а следовательно, и валлонов (франкоговорящих бельгийцев), Гитлер считал расово неполноценным народом, имевшим слишком большой процент... негритянской крови! Это не помешало тому, что лидер валлонских националистов (Рексистской партии) Леон Дегрелль — чрезвычайно примечательная фигура — стал фаворитом Гитлера, дослужился до генеральского чина в войсках СС, будучи командиром Валлонского легиона СС, а затем — добровольческой дивизии СС «Валлония». Гитлеру даже приписывают слова, сказанные якобы в адрес Дегрелля: «Если бы у меня был сын, я бы хотел, чтобы он был похож на него».

Славяне, по мнению Гитлера, имели столь же большой процент «монгольской крови», как французы — «негритянской». Относительно славян фюрер заявлял, что «невозможно говорить о способности к онемечиванию славян в целом, ибо само понятие “славяне” широко пропагандировалось царской Россией в рамках проводимой ею политики панславизма в качестве общего наименования для совершенно разных народов...» «К примеру, — разглагольствовал далее Гитлер, — глупо и нелепо называть болгар славянами, ибо они по происхождению туркмены. И чехи — никакие не славяне. Чеху достаточно хоть раз не подстричь усы, и по тому, как они будут расти книзу, сразу можно будет распознать выходца из монголоидного племени. У так называемых южных славян сплошь и рядом отчетливо чувствуется примесь динарской крови. Поэтому с расовой точки зрения онемечивание хорватов можно было бы только приветствовать, но это... неприемлемо по политическим мотивам». (Так называемая «динарская раса» занимала 5-е место в 6-балльной шкале рас, более или менее приемлемых для германизации, по мнению германских расоведов.) Ниже славян в расовой шкале стояли лишь евреи.

О том, как именно можно использовать национальные устремления мелких народов в целях германской политики «разделяй и властвуй», подробно говорится в документе под названием «Соображения рейхсфюрера СС Гимmlера об обращении с местным населением восточных областей» (еще от 28 мая 1940 года!). В нем Гимmlер перечисляет целый ряд мелких народов Восточной Европы, на сепаратистских настроениях которых можно сыграть. Это — гораци (этническая группа чехов), кашубы (западнославянская народность, проживающая в Польше, к западу от течения Вислы), лемки (этническая группа западных украинцев), западные пруссы (группа балтийских племен, некогда населявшая южное побережье Балтийского моря, между устьями Немана и Вислы) и т.д.

«...Мы заинтересованы в том, — откровенно признавал Гимлер, — чтобы ни в коем случае не объединить народы восточных областей, а наоборот, дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что же касается отдельных народностей, мы не намерены стремиться к их сплочению... тем более к постепенному привитию им национального сознания и национальной культуры...»

В соответствии со своим местом в шкале «расовой полноценности» каждый народ должен был исполнять определенные функции в «Новой Европе» Гитлера — наемного солдата, надсмотрщика, лакея, чернорабочего и т.д. Это должно было превратить народы Европы в обособленные «касты» на манер тех, что существовали в средневековой Индии. В известном документе, озаглавленном «Замечания и предложения по генеральному плану “Ост”» от 27 апреля 1942 года, говорилось, что «...неприятные для русского населения мероприятия будут проводить, например, не немец, а используемый для этого немецкой администрацией латыш или литовец... Представителям этой прослойки следует прививать чувство и сознание того, что они представляют собой нечто особенное по сравнению с русскими».

Преданность немецким хозяевам должна была стать единственным способом перейти из низшей касты в более высокую. Подобный «прогерманский национализм» намеренно культивировался по двум причинам.

Во-первых, поскольку позволял привлечь на сторону оккупационных властей достаточное число коллаборационистов — взамен на признание их «большой расовой чистоты» по сравнению с другими народами. В таком случае пределом мечтаний каждого народа и каждого человека в отдельности было приблизиться как можно ближе к «расе господ», подняться чуть выше по «расовой шкале». А германские оккупационные власти умели ценить лояльность и послушание, которые всегда могли компенсировать «расовую неполноценность» (примером тому могут служить, например, валлоны и командир Валлонского легиона Леон Дегрелль, или те же эстонцы и латыши).

Во-вторых, эта политика способствовала разделению целых народов на мелкие этнические группы и тем самым уничтожала их национальное самосознание. Так, польский народ можно было разделить на кашубов, лемков, этнических украинцев, этнических немцев, поляков, пригодных для германизации и непригодных. Латышей — разделить на земгальцев, курземцев (курляндцев), латгальцев... И так далее. Причем это дробление происходило по иерархическому признаку, с градацией «по чистоте крови», и каждый дол-

жен был стремиться попасть в более «расово-полноценную группу», тем более, что от этого зависело и социальное положение, и благосостояние, а иногда — само выживание. Характерно, что призывы к населению (о вербовке на работу в Германию, в Имперскую службу трудовой повинности, части СС и местной полиции) обычно адресовались не латышскому, эстонскому, литовскому, белорусскому или любому другому народу, а чаще — земгальцам, латгальцам, лифляндцам, курляндцам (в Латвии), жемайтийцам или, например, русским старообрядцам (в Литве) и т.д.

Спрашивается, какое национальное самосознание или стремление к независимости может быть у кашуба или земгальца? Они могут лишь кичиться друг перед другом своей относительной «расовой чистотой», процентом «германской крови». Их стремление к независимости должно было ограничиваться некоторой автономией в рамках рейха, причем такой сепаратизм был даже выгоден немецким хозяевам — ведь удобнее иметь дело с кучкой марионеточных, но формально независимых государств, чем с одним насильственно порабощенным, но морально сплоченным народом.

У некоторых может возникнуть вопрос: какая связь между проблемой коллаборационизма и национально-освободительного движения, с одной стороны, и бредовыми расовыми теориями нацистов, с другой?

Все разработки гитлеровских расоведов имели практическое применение, а именно: «научно» обосновать переселение, онемечивание или уничтожение того или иного народа. Таким образом, расовая теория во многом определяла будущее народов Европы, а следовательно, и их будущий государственный статус. Останутся ли они единой нацией или будут раздроблены на множество мелких этнических групп, получают ли те или иные народы автономию, формальную независимость, статус протектората или зависимой территории (рейхскомиссариата), будут ли их территории включены в состав рейха, а сами они онемечены, выселены или уничтожены — решение всех этих вопросов оправдывалось с помощью расовой теории.

Иными словами, расовая теория не была самоцелью, она была лишь средством для передела собственности в самой Германии, а впоследствии — для порабощения всей Европы. Как говорил один из боссов Третьего рейха Герман Геринг: «Кто еврей, а кто не еврей, здесь решаю я!» И действительно, в руководстве Третьего рейха было достаточно и евреев, и славян, и «полукровок», и «четвертькровок» — начиная с самого Гитлера, у которого были то ли еврейские, то ли чешские корни.

Относительно «расовой чистоты» населения Прибалтики, а следовательно, и будущего статуса республик Эстонии, Латвии и Литвы в составе рейха существовали разные мнения. Согласно терминологии нацистских расоведов, население Прибалтики относилось к «восточнобалтийскому типу» (3-е место в шкале рас, более или менее пригодных для германизации), обладавшему светлыми волосами и голубыми глазами, но не особенно чистому в расовом отношении и нестойкому морально.

Вместе с тем в большинстве немецких документов отмечалась возможность германизации Прибалтики. Однако это вовсе не означало полной германизации ее населения. Как отмечалось в статье рейхсфюрера СС Гимmlера «Германизировать ли?» от 20 августа 1942 года, германизации подлежало **«не столько население, сколько территория»**. «Наша задача, — говорилось в статье, — не германизация Востока в старом смысле слова, не обучение местного населения немецкому языку и немецким законам. Наша задача — обеспечить, чтобы на Востоке жили только люди действительно немецкой, германской крови...»¹

Меморандум подобного содержания, озаглавленный «Различные предложения и соображения относительно организации оккупации восточных областей», был направлен в германский МИД еще в начале июля 1941 года. Его автор, Вернер Хассельблатт, — известный «защитник прав германских меньшинств» — уроженец Эстонии, немец по национальности. В 1908—1912 годах он изучал право в университете в Тарту; в 1923—1932 годах являлся депутатом парламента Эстонии и председателем германо-шведской фракции; в 1931 году уехал в Германию в качестве юридического советника «Союза в защиту интересов германских национальных групп в Европе».

В меморандуме Хассельблатта говорилось:

«Мы должны в общих чертах определить, какую территорию следует германизировать, то есть заселить немецким населением, и какие народы или группы людей будут намечены для онемечивания, каким областям или народам мы дадим немецкий господский высший класс или немецкий административный аппарат для осуществления власти рейха».

Предложения Хассельблатта во многом совпадали с мнением руководства рейха, о чем свидетельствовал документ под названием «Принципы обращения с латышами». «Прибалтийские земли будут онемечиваться, — говорилось в нем, — из чего следует, что живущие здесь народы частично подлежат ассимиляции, частично выссе-

¹ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3694. Л. 13.

лению». Расхождения касались лишь того, какой именно процент эстонцев, латышей и литовцев подлежит онемечиванию, а какой — выселению, уничтожению или использованию в качестве рабочей силы на прежней территории.

Согласно разработкам Розенберга и руководимого им «Министерства по делам оккупированных восточных территорий», эстонцы годились для онемечивания, поскольку якобы «на 50 % уже были сильно германизированы за счет датской, немецкой и шведской крови». Их можно было даже считать родственным («германским») народом, хотя и с большой натяжкой. Латыши и литовцы, по его мнению, имели значительно меньший процент населения, и поэтому были менее пригодны для ассимиляции. Следовало также учесть, что интеллигенция, особенно латышская, должна быть немедленно после оккупации депортирована в «исконно русские области».

По мнению другого «специалиста» — рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера, «...только ничтожная часть латышей, эстонцев и литовцев является достойной стать германскими гражданами». Согласно показаниям высшего фюрера СС и полиции в Прибалтике Фридриха Йекельна, «Гимmlер хотел в течение ближайших 5 лет уничтожить и выселить большую часть населения Прибалтики и на его место поселить немцев». «Напутствуя меня, — рассказывал Йекельн, — Гимmlер говорил буквально следующее: “Остланд”, то есть Литва, Латвия и Эстония, являются, мол, древними областями поселения немцев... Гимmlер особо подчеркивал свою ненависть к литовцам, считая их низшей расой. О латышах он отзывался несколько мягче, но и к ним высказывал свое пренебрежение...». Он считал возможным онемечивание латышей максимум на 30 %. «Эстонцев Гимmlер также относил к низшей расе, — сообщает далее Йекельн, — особенно проживающих в сторону Балтийского моря. Белорусов Гимmlер называл недочеловеками. А о русских вообще говорил, что это якобы отсталая, некультурная, не способная руководить государством нация».

Основополагающим документом в этом вопросе стал уже упомянутый документ «Замечания и предложения по генеральному плану “Ост” от 27 апреля 1942 года за подписью д-ра Ветцеля (начальника особого реферата по расовой политике в Министерстве по делам оккупированных восточных территорий). Документ был составлен на основе предложений рейхсфюрера СС Гимmlера и его представителя, сотрудника Главного управления имперской безопасности штандартенфюрера СС Элиха. Со стороны Восточного министерства в разработке плана также приняли участие «расоведы» — профессора Абель и Фишер.

Относительно народов Прибалтики в этом документе говорится следующее:

«Независимо от предложенного здесь более или менее добровольного переселения нежелательных в расовом отношении жителей из бывших прибалтийских государств на Восток, следовало бы также допустить возможность их переселения в другие страны. Что касается литовцев, чьи общие расовые данные значительно хуже, чем у эстонцев и латышсй, и среди которых поэтому имеется очень значительное число нежелательных в расовом отношении людей, то следовало бы подумать о предоставлении им пригодной для колонизации территории на Востоке...»

Для белорусов предполагались следующие цифры: 25 % населения подлежали онемечиванию, 75 % — выселению в Сибирь. Для украинцев — выселение в Сибирь около 65 % (отмечалось, что это значительно ниже, чем процент польского населения, подлежащего выселению).

Сохранился еще один любопытный документ — «Принципы обращения с латышами», в котором подробно говорится о будущем населения Латвии, но во многом он, видимо, был применим ко всей Прибалтике в целом. Он представляет собой характерный пример осуществления политики «разделяй и властвуй» (в рамках одного народа). «Поскольку латышский народ на протяжении веков впитал в себя много германской крови, — говорилось в нем, — его расовую субстанцию в целом следует считать ценной (преимущественно нордической). Однако, — говорилось далее, — национальные устремления латышей нужно поворачивать в сторону безобидной культурной деятельности, и в частности, в сферу народного искусства (песни, национальные костюмы, традиционные праздничные обряды...). ...Их политическую самостоятельность с самого начала следует свести к минимуму. Чтобы компенсировать неизбежную политическую бесправность латышей, их нужно хорошо обеспечить экономически... В целом они уже довольны, когда могут хорошо жить и пользоваться маленькими культурными свободами».

Немецкие чиновники делали ставку на следующее:

«Латыши не способны подчинить свою жизнь другим идеалам, кроме интересов своей выгоды... Используя это качество... мы сможем легко манипулировать ими, сталкивать их друг с другом, препятствуя тем самым их единению. При этом, однако, мы не должны заходить так далеко, чтобы они почувствовали, куда мы клоним. Это сразу же побудит их объединиться со своими недругами против нас. Нужно заставить их поверить, что немцы желают им добра. Они при-

выкли видеть в немцах представителей порядка... Такое отношение поможет нам удерживать их в послушании... Безоглядная политика "Разделяй и властвуй" поставит их на место...»

Важную роль в германизации латышей, как и других народов Прибалтики, по мнению нацистов, должна была сыграть «притягательная сила» немецкого народа и стремление латышей (разумеется, расово полноценной и лояльной части латышского народа) влиться в «германскую общность». Пределом мечтаний должно было быть желание стать немцем. «...Через десяток лет, а возможно, и раньше, — говорилось в документе, — онемечивание латышей уже не будет составлять проблему. Немецкий народ, являющийся господствующей в мире нацией, обладает такой притягательной силой, которая требует лишь отбрасывать непригодный человеческий материал».

Хотя данный документ касался одних латышей, прочие сохранившиеся документы свидетельствуют, что в основных чертах он был применим также и к эстонцам, литовцам и некоторым другим народам. Об этом свидетельствуют, например, слова Гитлера на совещании с руководством рейха о целях и задачах войны против Советского Союза (от 16 июля 1941): «...Мы должны поступать таким же образом, как в случае с Норвегией, Данией, Голландией и Бельгией. ...В этих случаях мы ведь ничего не говорили о наших намерениях, и мы впредь также будем умными и не будем этого делать. ...Мы снова будем подчеркивать, что ...были вынуждены занять район, навести в нем порядок и установить безопасность. ...Не должно быть распознано, что эти меры касаются окончательного урегулирования. Все необходимые меры — расстрелы, выселения и т.п. мы, несмотря на это, осуществляем и можем осуществлять».

Относительно будущего статуса Литвы, Латвии и Эстонии в германском руководстве существовали различные мнения. В меморандуме уже упомянутого Хассельблатта, направленном в МИД Германии в начале июля 1941 года, была представлена следующая схема устройства будущей «новой Европы»:

«а) Юридически суверенные, но тесно связанные с нами государства, в отношении которых мы не стремимся к онемечиванию земель или народов: Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Венгрия, Румыния, Болгария.

б) Государства с ограниченной негерманской государственностью: Словакия, Украина, Кавказ (как федеративное государство).

в) Области, где намечается сохранить на длительное время германский общий контроль и германскую администрацию: часть восточных имперских гау, Польша, Белоруссия.

г) Автономные области в составе рейха: Эстония, Латвия — с расширенной на Восток зоной обитания латышей (и эстонцев), Литва в тех же границах.

д) Области, где предполагается надолго сохранить германскую администрацию... Этими областями являются генерал-губернаторство, часть СССР (кроме указанных в пунктах а) — г) территорий). Далее — внесвропейские колонии».

Однако Хассельблатт, видимо, не знал, что судьбу восточных оккупированных территорий будут определять не в МИДе, а в Восточном министерстве Розенберга и в различных ведомствах Гимmlера, иначе бы он адресовал его туда. Тем не менее, за исключением деталей, он не содержал принципиальных отличий от разработок Гимmlера и Розенберга. По словам высшего фюрера СС и полиции в Прибалтике Фридриха Йекельна, в вопросе о будущем прибалтийских республик общим для всех — Гимmlера, Розенберга, Лозе — было стремление к «уничтожению независимости прибалтийских государств».

Согласно записи германского правительственного чиновника Георга Вильгельма Гросскопфа от 4 июня 1941 года, в это время окончательное решение о создании на оккупированных территориях СССР четырех рейхскомиссариатов еще не было принято. Статс-секретарь МИД Штуккарт считал, что следует «предоставить этим государствам некоторую самостоятельность». Рейхсминистр Розенберг намечал включить их в состав рейха. Относительно белорусских областей в документе говорилось, что они «должны быть объединены вместе с балтийскими государствами в один рейхскомиссариат». Высказывалось мнение о создании там «независимого белорусского государства под немецким управлением»(!), причем его граница на востоке должна была быть расширена до Валдайских гор... Также высказывалось мнение, что Западная Украина может образовать «особую административную область», до некоторого времени над всей Украиной предполагалось поставить немецкую администрацию во главе с рейхскомиссаром. Впоследствии, на совещании руководства рейха 16 июля 1941 года, рейхсмаршал Геринг предлагал (имея в виду предполагаемый рейхскомиссариат «Остланд», включавший и Белоруссию) «присоединить к Восточной Пруссии различные части Прибалтики, например белостокские леса». (Рейхсмаршал был заядлым охотником!) В ответ Гитлер заметил, что «вся Прибалтика должна стать областью империи».

Высокопоставленный чиновник Министерства по делам оккупированных восточных территорий Петер Клейст¹ в своих воспомина-

¹ Петер Клейст возглавлял отдел I.1 «Остланд» в Министерстве по делам оккупированных восточных территорий; этот отдел ведал делами немецкой оккупационной администрации в Прибалтике.

ниях, например, пытается представить себя сторонником независимости Литвы, Латвии и Эстонии (правда, не уточняя степень этой «независимости», так как в политике это слово имеет множество оттенков). Однако он ссылается на то, что в министерстве (неофициально его называли «Восточным министерством») у многих были иные планы. Так, уроженец Таллина, Лейббрандт (начальник одного из главных отделов министерства) намечал присоединение к рейху этих территорий, «ранее бывших немецкими». В результате, по утверждению Клейста, он «был вынужден подготовить проект постепенной германизации и аншлюса этих земель», но предупредил, что «любая попытка немедленной германизации... вызовет подъем национальных чувств у литовцев, латышей и эстонцев».

В итоге Розенберг отказался от идеи немедленной германизации и дал разрешение на создание так называемых «Советов доверия» во всех трех прибалтийских республиках. Такие советы предполагалось создать при немецких рейхскомиссарах, генеральных комиссарах и окружных комиссарах из «надежных представителей местного населения». Их функции должны были заключаться в том, чтобы «консультировать германские административные органы по вопросам администрации, культуры и хозяйства, поскольку в этих вопросах заинтересовано местное население». Их состав должен был утверждаться рейхсминистром по делам оккупированных восточных территорий, то есть Розенбергом. Также говорилось, что «для «советов доверенных лиц» необходимо создать условия, которые не давали бы оснований упрекать их в том, что они являются платными германскими представителями». Таким образом, полномочия местного самоуправления на оккупированных территориях были заранее сведены на нет этими жесткими требованиями.

Для формирования подобных «советов доверенных лиц» Розенберг еще 30 мая 1941 года, за 23 дня до начала операции «Барбаросса», просил шефа абвера адмирала Канариса выделить в распоряжение его министерства надежных людей, которых можно использовать для участия в овладении и управлении восточными землями. О будущем государственно-правовом статусе государств Прибалтики после германского «освобождения» немецким должностным лицам было запрещено давать какие-либо обещания. Тогда же Розенберг в беседе с Канарисом высказал мнение, что Прибалтика должна стать немецким протекторатом с перспективой последующей германизации. Однако хотя «советы доверия» в форме местных органов самоуправления по сути были созданы, П. Клейст пишет, что Гитлер воспротивился этому и издал инструкцию, предписывавшую отказаться от их создания и ввести везде чисто немецкую администрацию.

20 июня 1941 года Розенберг в своей речи о политических целях Германии в предстоящей войне против СССР уже вполне определенно говорил о рейхскомиссариате «Прибалтика» в составе четырех генеральных комиссариатов. Генеральные комиссариаты должны в свою очередь подразделяться на округа. Граница рейхскомиссариата должна проходить западнее Ленинграда, южнее Гатчины, вдоль озера Ильмень, затем на юг — вплоть до «границы украинского населения». Розенберг считал, что граница должна быть отодвинута еще дальше на восток «с одной стороны, потому, что в этих областях живут остатки древних народностей эстонцев и латышей, и с другой стороны, это будет разумно, так как мы планируем в Западной Прибалтике провести серьезную германизацию и освежение крови».

Летом и осенью 1941 года, в надежде на дальнейшее скорое продвижение германских войск, планировалось расширить территорию генеральных комиссариатов Эстонии и Латвии до «исторической границы области германского влияния» — линии Ленинград — Новгород — озеро Ильмень — река Ловать. Таким образом, территория Эстонии и Латвии должна была увеличиться почти в два раза. Эти планы были тесно связаны с проектами германизации Прибалтики и так называемой «Ингерманландии» (Псковская и Новгородская области). Рейхсминистр Розенберг, в первые месяцы войны чувствовавший себя творцом истории и склонный к грандиозным планам, предполагал переименовать расширенную таким образом Эстонию в «*Peipusland*», а Латвию — в «*Dünaland*» (правда, переименование не предполагало значительного изменения в их статусе германских колоний). Еще большим фантазером был разве что рейхсфюрер СС Гиммлер, который также мечтал о создании собственного «государства СС» на территории Северо-Западной Франции под названием «Бургундия». Правда, о подобных планах Гиммлера в отношении Прибалтики не известно.

В конечном итоге, границы генеральных комиссариатов Эстонии, Латвии и Литвы соответствовали их бывшим государственным границам, за некоторыми исключениями: Эстония получила город Нарву и его окрестности (они оставались в ведении германской военной администрации), а Литве в начале 1942 года были переданы три уезда, ранее принадлежавшие Белоруссии — Ишмянский, Свиряйский и Эйшишкяйский, площадью около 4000 квадратных километров и с населением около 200 000 человек¹.

Как следует из всех этих откровений, установление «нового порядка в Европе» вовсе не означало объединения всех европейских

¹ РГАСПИ. Ф.69. Оп.1. Д.1010. Л. 3.

государств на борьбу с мифической «большевистской угрозой». «Новая Европа» Гитлера должна была стать ни больше ни меньше, как внутренней колонией Германии — территорией, подлежащей заселению, онемечиванию и, в конечном итоге, включению в состав рейха. Объединение действительно осуществлялось против Советского Союза, так как еще в «Майн Кампф» «восточные территории» были определены в качестве будущего «жизненного пространства» для немцев. Однако это объединение мыслилось вокруг Германии и под ее руководством. Какие-либо национальные элементы в нем имели лишь ограниченное право на существование, однако именно они служили инструментом политики «разделяй и властвуй».

Любопытно отметить, что на совещании руководства рейха 16 июля 1941 года сам Гитлер отвергал идею «войны всей Европы» против Советского Союза. «По словам одной бесстыдной газеты из Виши, — возмущенно заявил Гитлер, — война против СССР является войной Европы... Этим высказыванием газета из Виши, очевидно, хочет добиться того, чтобы пользу из этой войны могли извлекать не только немцы, но и все европейские государства». Фюрер заверил, что об этом не может быть и речи, но одновременно предостерег от того, чтобы опровергать этот лозунг открыто. «Теперь является важным, чтобы мы не раскрывали своих целеустановок перед всем миром... Главное, чтобы мы сами знали, чего хотим», — заключил он.

Таким образом, немецкие оккупационные власти и спецслужбы умело использовали как идеи о национальной независимости разных народов, так и идею «Объединенной Европы» в своих целях. Германский фашизм в принципе не допускал даже идеи национально-освободительной борьбы, но успешно сотрудничал с националистами из разных стран. Именно так рождался миф о борьбе коллаборационистов за независимость под знаменами Третьего рейха.

ГЛАВА 5

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА НАРОДОУБИЙСТВА

22 июня 1941 года войска гитлеровской Германии перешли границу Советского Союза... Вслед за армейскими частями следовали эйнзатцгруппы, которые несли на оккупированные территории нацистский «новый порядок».

Вся Прибалтика и Белоруссия находились в ведении эйнзатцгруппы «А», в состав которой входили зондеркоманды «1а» и «1б» и эйнзатцкоманды «2» и «3». 23 июня 1941 года ее подразделения прибыли в Гумбиннен, в Восточной Пруссии. Оттуда передовой отряд в тот же день отправился в Тильзит, находившийся в непосредственной близости от советской границы. 25 июня 1941 года, вместе с передовыми частями вермахта, авангард эйнзатцгруппы «А» вступил в Каунас.

В начале июля 1941 года оперативный штаб эйнзатцгруппы «А» вошел в Ригу, где вскоре разместилась ее штаб-квартира. Предполагалось, что постоянная штаб-квартира будет размещаться в Ленинграде. С этой целью командование эйнзатцгруппы «А» даже установило контакт со штабом 4-й танковой группы (армии) и входившей в ее состав 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова», которая должна была первой вступить в город. В связи с этим штаб эйнзатцгруппы переехал в Псков, где в первые недели войны также действовали отдельные отряды зондеркоманды «1а» и эйнзатцкоманд «2» и «3». По мере приближения немецких войск к Ленинграду, оперативный штаб эйнзатцгруппы в ноябре 1941 года переместился в Красногвардейск (Гатчину). Но войти в Ленинград им было не суждено, поэтому основной штаб вернулся в Ригу, которая стала своего рода «столицей» рейхскомиссариата «Остланд», созданного гитлеровцами на территории Прибалтики и Белоруссии.

Командиром эйнзатцгруппы «А» был бригадефюрер СС и генерал-майор полиции Франц Шталекер.

Справка: **Франц Вальтер Шталекер** (1900—1942) родился 10 октября 1900 года в Штерненфельсе (Германия) в семье чиновника министерства образования (оберштудиендиректора). В сентябре 1913 года Франц Шталекер был призван в кайзеровскую армию. После Ноябрьской революции в Германии он в 1919—1920 годах состоял членом различных студенческих и добровольческих союзов радикально-националистической направленности, а в 1921 году служил в печально известной «добровольческой бригаде Эрхарда». В 1921 году Шталекер вступил в Национал-социалистическую партию, но после ее запрещения в 1923 году больше не принимал участия в партийной работе. В 1927 году он закончил Тюрингский университет и получил степень доктора права. С 24 декабря 1924 года работал референтом в судебном управлении Рёйтлингена (Тюбинген), с 7 марта 1928 года был начальником управления, с 7 мая 1929 года — работал правительственным советником (регирунгсратом) в городских управлениях Эхингена и Хаулгау. С 1 февраля 1930 года — был заместителем начальника службы в службе трудоустройства (Арбайтсamt) Нагольда, а с 28 августа 1930 года — директором службы трудоустройства. 1 мая 1932 года Шталекер вторично вступил в НСДАП, получив партийный билет № 3 219 015 и в СС (билет № 73 041). После прихода Гитлера к власти, с 29 мая 1933 года Шталекер работал заместителем начальника управления политической полиции земли Вюртемберг. С 23 ноября 1933 года стал старшим правительственным советником (оберрегирунгсратом) в представительстве земли Вюртемберг, а с 14 мая 1934 года — начальником политической полиции Вюртемберга.

11 мая 1937 года этот «палач с университетским дипломом» был назначен начальником полиции безопасности и СД в Бреслау, а с 20 мая 1938 года — инспектором полиции безопасности и СД в XVII и XVIII военных округах в недавно оккупированной Австрии, где впервые прославился как каратель и организатор арестов австрийских коммунистов и социал-демократов. 2 июня 1939 года он стал командующим полицией безопасности и СД в так называемом «протекторате Богемии и Моравии», а с 12 апреля 1940 года переведен на аналогичный пост в Норвегию.

Вместе с Гейдрихом, Мюллером, Эйхманом и другими Шталекер был одним из авторов первых разработок по «окончательному решению» еврейского вопроса.

С 14 ноября 1940 года по июнь 1941 года Шталекер работал в Имперском министерстве иностранных дел в должности министерско-

го советника (министerrat), возглавляя «Особое бюро по делам Индии», хотя сам едва ли понимал что-нибудь в восточных делах. Княжна Васильчикова, русская эмигрантка, работавшая в том же бюро секретаршей, так описывала свою встречу со Шталекером: «Главным начальником у нас был посланник Альтенбург, очень приятный человек, которого все уважали. Но теперь вместо него нечто совсем иное — молодой и агрессивный бригадефюрер СС по фамилии Шталекер, расхаживающий в сапогах, помахивающий хлыстом и сопровождаемый немецкой овчаркой». Чем не карикатура на типичного эсэсовца?

В это же время, 6 февраля 1941 года, Шталекер получил очередное звание бригадефюрера СС и генерал-майора полиции. Его ждал новый высокий пост.

22 июня 1941 года Гейдрих назначил Шталекера командиром эйнзатцгруппы «А», действовавшей в Прибалтике, где она только за период с 22 июня по 15 октября 1941 года уничтожила 118 430 евреев и 3398 коммунистов (всего за время своего существования эйнзатцгруппой было уничтожено более 360 тысяч человек). С ноября 1941 года Шталекер одновременно являлся командующим полиции безопасности и СД в рейхскомиссариате «Остланд». В Главном управлении имперской безопасности (РСХА) многие считали Шталекера возможным конкурентом Гейдриха на посту главы этого ведомства и предполагали, что тот назначил своего противника на пост командующего эйнзатцгруппы как раз для того, чтобы удалить из Берлина. Другие говорят, что Шталекер сам хотел «выдвинуться» на Востоке, чтобы впоследствии занять высокий пост в Берлине.

Однако получить долгожданный «высокий пост» Шталекеру было не суждено. Он был смертельно ранен в марте 1942 года в ходе проведения немцами совместной антипартизанской акции силами немецкой и латышской полиции в районе Красногвардейска (Гатчины), под Ленинградом, где с ноября 1941 года размещался штаб эйнзатцгруппы «А». Палач Прибалтики умер в госпитале от полученных ранений 23 марта 1942 года.

Шталекеру, как командиру эйнзатцгруппы «А», подчинялись командиры зондеркоманд «1а» и «1б» и эйнзатцкоманд «2» и «3». Они же в течение последующих недель стали командирами полиции безопасности и СД в оккупированных республиках Прибалтики и в Белоруссии.

В Литве функции полиции безопасности со 2 июля 1941 года взяла на себя эйнзатцкоманда «3». 2 июля она вступила в Каунас, где разместила свой штаб и сразу же занялась организацией еврейских

погромов, созданием гетто и проведением массовых расстрелов. Одновременно ее командир, штандартенфюрер СС Карл Йегер, был назначен командиром полиции безопасности и СД в Литве.

В Латвии обязанности полиции безопасности и СД взяла на себя эйнзатцкоманда «2», которой командовали Р. Баатц, а затем Э. Штраух и Ф. Ланге. 27 июня 1941 года эйнзатцкоманда «2» вступила в Шяуляй, а в июле того же года достигла Риги, где приступила к организации еврейских погромов и казней, как это было в Литве. 4 ноября 1941 года Баатца сменил оберштурмбанфюрер СС Эдуард Штраух, одновременно ставший командиром полиции безопасности и СД в Латвии. Именно под его началом эйнзатцкоманда уничтожила 10 600 узников Рижского еврейского гетто. По мере продвижения линии фронта, район действий эйнзатцкоманды переместился дальше на восток, под Ленинград. В ноябре 1941 года ее штаб находился в Красногвардейске (Гатчине), но потом вернулся в Ригу (не позднее января 1942 года). В это же время, с 3 декабря 1941 года Штрауха сменил оберштурмбанфюрер СС Франц Ланге.

В Эстонии функции полиции безопасности и СД исполняла зондеркоманда «1а». Она была придана 18-й армии и с 27 июня занималась организацией еврейских погромов и массовых казней в Лиепае и Елгаве (Латвия). В начале июля, вслед за частями вермахта, зондеркоманда вступила в Ригу вместе с оперативным штабом эйнзатцгруппы «А». С 10 июля 1941 года зондеркоманда «1а» приступила к уничтожению евреев, коммунистов и прочих противников «нового порядка» в Эстонии. Тогда же она взяла на себя функции полиции безопасности и СД в Эстонии. Ее командиром и одновременно начальником полиции безопасности и СД в Эстонии являлся штурмбанфюрер СС (позднее штандартенфюрер СС) Мартин Зандбергер. Его штаб-квартира, как и штаб зондеркоманды «1а», находился в Таллине. Позднее, в конце 1943 года, Зандбергера сменил на этом посту Р. Баатц.

В Белоруссии аппарат полиции безопасности и СД составила зондеркоманда «1б», которой командовал сначала Эрлингер, а затем — Э. Штраух. Она проследовала через Каунас (18 июня) и Даугавпилс (8 июля), после чего двинулась в северные районы России и с середины июля действовала в районах Пскова, Острова и Опочки (Псковская область). Впоследствии зондеркоманда «1б» исполняла функции полиции безопасности и СД в Белоруссии, хотя Белоруссия находилась в зоне действий группы армий «Центр», и в первые недели войны здесь действовала эйнзатцкоманда «9» из состава эйнзатцгруппы «В». С 3 декабря 1941 года Эрлингера на посту ко-

мандира зондеркоманды «1b» сменил оберштурмбанфюрер СС Эдурд Штраух, уже успевший «отличиться» в Латвии. Одновременно Штраух стал командиром полиции безопасности и СД в Белоруссии. Зондеркоманда «1b» и ее штаб дислоцировались в Старой Руссе, с сентября 1942 года — в г. Локня (около 60 км от Великих Лук). Штраух занимал этот пост до середины 1943 года, после чего его сменил гауптштурмфюрер СС д-р Герман Хубиг.

Позже, в 1942 году, уже после гибели Шталскера, к ним добавилась зондеркоманда «1с», которая действовала в Северной России с августа по ноябрь 1942 года. Штаб ее дислоцировался в Красногвардейске (Гатчина), командиром являлся штурмбанфюрер СС Курт Грааф.

В первые недели войны отдельные отряды зондеркоманды «1а» и эйнзатцкоманд «2» и «3» также действовали в Псковской области. Мобильные команды зондеркоманд «1а» и «1b» продолжали действовать в прифронтовой зоне в районе Ленинграда и в последующие месяцы, в то время как их основной состав выполнял карательные функции в Эстонии и в Белоруссии соответственно.

Из-за этого в феврале 1943 года немцы были вынуждены предпринять реорганизацию эйнзатцгруппы «А». Теперь она состояла всего из трех эйнзатцкоманд:

Эйнзатцкоманды «1» со штабом в Гатчине под командованием оберштурмбанфюрера СС д-ра Эриха Иссельхорста (она объединяла под общим командованием мобильные отряды зондеркоманд «1а» и «1b»);

Эйнзатцкоманды «2» со штабом в Локне под командованием штурмбанфюрера СС д-ра Манфреда Пехау (впоследствии руководившего работой филиала «Ягдфербанд Скорцени» в Прибалтике).

Эйнзатцкоманды «3» со штабом в Пскове под командованием оберштурмбанфюрера СС Карла Траута.

По численности и составу эйнзатцгруппы и эйнзатцкоманды представляли собой не войсковые соединения, а скорее штабы для будущей полицейской администрации на оккупированных территориях. В их состав входили офицеры войск СС (34%), вермахта (28%), полиции порядка (орпо) (22%), полиции безопасности (зипо) и тайной полиции (гестапо) (9%), криминальной полиции (крипо) (4%) и офицеры службы безопасности (СД) (3%).

Таким образом, эйнзатцкоманды должны были не столько сами проводить карательные операции (для этого они были слишком малочисленными), сколько руководить их проведением. Они образовали костяк разветвленного полицейского аппарата, который в последующие месяцы был создан Гиммлером на оккупированных тер-

риториях. Непосредственное же исполнение карательных операций возлагалось на всевозможные отряды «вспомогательной полиции» и «самообороны», сформировавшиеся под контролем эйнзатцкоманд из местных националистов.

Штатная численность немецкого полицейского аппарата на оккупированных территориях была незначительной — она составляла всего лишь 4428 человек. Правда, на оккупированные территории было введено также некоторое количество немецких полицейских батальонов, которые впоследствии объединили в полки, но их было сравнительно немного — всего 20 батальонов (плюс полицейский полк «Норд»). Поэтому большая часть полиции на оккупированных территориях была сформирована из местных жителей — латышей, эстонцев, литовцев и др.

Местная полиция имела более низкий статус, нежели немецкая, хотя и была включена в структуру немецкой полицейской администрации под названием «Schutzmannschaft der Ordnungspolizei» (это название можно примерно перевести как «охранная служба полиции порядка»). В начале февраля 1942 года «туземная полиция» в рейхскомиссариате «Остланд» насчитывала в своем составе 31 652 человек, а в октябре того же года — 31 800 человек плюс еще 23 758 человек в составе литовских, латышских и эстонских полицейских батальонов, не считая батальонов «самообороны», которые тоже подчинялись немецким органам СС и полиции и выполняли примерно те же функции. Всего за время войны в Прибалтике было сформировано более 140 полицейских батальонов (в подчинении СС и полиции) и как минимум 36 охранных батальонов (в подчинении группы армий «Север»)¹.

Таким образом, численность «туземной полиции» (или «полицаев», как их называли в народе) была более чем в 10 раз больше численности немецкого полицейского аппарата в Прибалтике.

Политика германских властей с первых дней оккупации была такова: очистить «восточные оккупированные территории» от евреев и коммунистов должны сами жители этих территорий. При этом эйнзатцгруппы руководствовались оперативным приказом № 1 шефа полиции безопасности и СД Рейнхарда Гейдриха от 29 июня 1941 года, в котором говорилось:

«Стремлению к самоочищению антикоммунистических или антиеврейских кругов во вновь оккупированных областях не следует

¹ Всего в подчинении группы армий «Север» было сформировано не менее 60 охранных, строительных, ремонтно-технических и прочих батальонов из жителей Прибалтики и Северной России.

чинить никаких препятствий. Напротив, их следует, — конечно, незаметно, — вызывать, усиливать, если необходимо, и направлять по правильному пути, но так, чтобы эти местные «круги самообороны» позднее не могли сослаться на распоряжения или данные им политические гарантии.

Так как такие действия по вполне понятным причинам возможны только в течение первого времени оккупации, ...создания постоянных частей самообороны с центральным руководством пока следует избегать; вместо них целесообразно вызывать, как разъяснено выше, местные погромы¹.

Именно эйнзатцкоманды первоначально занимались формированием вспомогательной полиции на оккупированных территориях из местных жителей, чтобы облегчить себе выполнение карательных функций. (Позднее, когда германская полицейская администрация окончательно установилась в Прибалтике, вся ответственность за формирование полицейских отрядов из местных жителей была возложена на командующего полицией порядка в Прибалтике.) Неудивительно, что эйнзатцкоманды поручали всю «грязную работу» местным «полицаям» — благосклонность оккупационных властей надо было заслужить.

«Ввиду увеличения вверенной нам территории, а также большого количества задач, решаемых полицией безопасности, — писал в своем отчете командир эйнзатцгруппы «А» бригадефюрер СС Шталекер, — мы с самого начала стремились к привлечению надежного населения к борьбе против вредителей в собственной стране, в первую очередь против евреев и коммунистов. Кроме управления спонтанными акциями по самоочищению, мы заботились также о вовлечении надежных сил в работу по очистке, с тем, чтобы сделать их постоянными вспомогательными органами полиции безопасности.

...Задачей полиции безопасности является стимулирование стремления населения к самоочищению, придание этому стремлению нужного направления, с тем чтобы как можно быстрее достичь цели чистки. Не менее важным был сбор фактов и доказательств того, что население прибегло к самым жестоким мерам против большевиков и евреев самостоятельно, без указания немецкой стороны».

¹ Оперативный приказ шефа германской полиции безопасности и СД Р. Гейдриха от 29 июня 1941 г. РГВА. Ф.500. Оп.1. Д.25. Л. 17.

ГЛАВА 6

ЛИТВА: КРОВАВАЯ ВАКХАНАЛИЯ ПЕРВЫХ ДНЕЙ ОККУПАЦИИ

«Самоочищение» Литвы

Части вермахта вошли в города Каунас и Вильнюс 24 июня 1941 года, всего через два дня после начала войны, а уже к 27 июня оккупация всей Литвы была завершена. В эти дни казалось, что блицкриг идет по плану.

Вслед за армейскими частями следовали эйнзатцкоманды. В первые дни войны на территории Литвы действовали сразу три эйнзатцкоманды. В Шяуляй 27 июня вошла эйнзатцкоманда «2» под командованием Р. Баатца; в Каунас 2 июля вступила эйнзатцкоманда «3» под командованием штандартенфюрера СС Карла Йегера, а в Вильнюсе с 9 августа действовала эйнзатцкоманда «9» под командованием Фильберта (из состава эйнзатцгруппы «В», действовавшей в тылу немецкой группы армий «Центр»).

Позднее функции полиции безопасности и СД в Литве взяла на себя эйнзатцкоманда «3», командиром которой был Карл Йегер.

Справка: **Карл Йегер**. Закончил торгово-ремесленное училище и консерваторию, после чего был содиректором и совладельцем фабрики музыкальных инструментов, которая в 1931 года обанкротилась. В 1927 года вступил в НСДАП, с 1936 года был кадровым офицером СС. С декабря 1941 года был назначен начальником полиции безопасности и СД в Литве. Летом 1959 года, находясь в камере предварительного заключения, покончил жизнь самоубийством.

Правда, литовские «помощники» успели опередить своих немецких «коллег», захватив власть в ряде городов уже 23—27 июня, сразу

после эвакуации оттуда частей Красной армии. Во многих городах и селах власть взяли в свои руки комитеты «Фронта литовских активистов» (ФЛА) и действовавшие от имени ФЛА вооруженные группировки — «Шаулю Саюнга» («Союз стрелков») и «Яунои Лиетува» («Молодая Литва»). Численность этих группировок, действовавших под контролем ФЛА, составляла от 35 000 до 36 000 человек. Кроме того, еще от 90 000 до 100 000 вооруженных литовских националистов действовали в разрозненных отрядах, которые не контролировались ФЛА, — таких как группировка сторонников бывшего президента А. Вольдемараса «Железнис вилькас» («Железный волк»), «Комитет спасения Литвы», «Неолиетува» («Молодая Литва») или, к примеру, небольшой отряд под началом бывшего журналиста Йонаса Климайтиса.

Под их контролем с 23 по 27 июня 1941 года во многих городах были организованы литовские военные комендатуры, полиция, городские управы, районные и городские комитеты ФЛА.

В Каунасе местный городской комитет ФЛА уже 23 июня 1941 года объявил по радио о создании «Временного правительства Литвы», главой которого стал Амбразявичюс, министром обороны — генерал Раштикис (находившийся в то время в Германии), а министром внутренних дел — Шлепетис. В городе были созданы военная комендатура во главе с полковником Бобялисом, части «самообороны» и полиция.

На следующий день, 24 июня, в Каунас вступили части вермахта. И первым делом литовские повстанцы приступили к еврейским погромам с одобрения литовского военного коменданта Каунаса полковника Бобялиса, который почти ежедневно издавал антисеврейские указы.

26 июня 1941 года банды националистов из группировок «Шаулю Саюнга», «Яунои Лиетува», «Нео Литуания» и других учинили первый массовый погром в пригороде Каунаса — Виллиамполе.

Вооруженные погромщики врывались в квартиры по улицам Панерю, Видурине, Юрбако и Арегалос, где жили евреи, советские активисты, сочувствующие Совстам и те, чьи сыновья служили в Красной армии, и убивали всех, кто попадался им на пути. По-видимому, «черные списки» составлялись заранее.

Раввину Салману Оссовскому отрезали голову пилой, а главе виллиампольской еврейской общины Абрахаму Гродзенскому отрезали язык и выкололи глаза. Детям разбивали головы прикладами винтовок. Людей вырезали целыми семьями в их собственных квартирах, а тех, кто пытался спастись, ловили и убивали на улицах.

Некоторые пытались оказывать сопротивление погромщикам. Так, рабочий Бенсль Файн проломил череп бандиту, ворвавшемуся в его квартиру. Но толпа погромщиков буквально разорвала его на куски, так же как и его жену, а их ребенку оторвали голову и выбросили из окна на улицу, где она лежала еще несколько дней. Рабочий-металлист Аквива Пухерт с каунасской фабрики «Дробе», чью семью убили в собственной квартире в доме № 10 по улице Арегалос, перед смертью из последних сил написал на стене своей кровью слово «Мечь!»

Другой молодой еврей по фамилии Страж, служащий Каунасского банка, бросился на одного из бандитов и выколол ему глаза. Кузнец Йитцик Фридман вышел на улицу с топором, чтобы защитить свой дом. Шмуэль Катц голыми руками отбивался от погромщиков. И таких случаев было множество. Но что эти смелые люди могли сделать против винтовок и пулеметов?

Доктор Елена Буйвидайте-Куторгене так описывала в своем дневнике 26 июня 1941 года первые погромы в Каунасе:

«Немцы позволяют стрелять ночью в завоснанном ими городе! Ясно, что убийцы действовали с дозволения новых хозяев». (Напомним, что в эти дни город контролировали части вермахта, так как зондеркоманда «1b» вошла в Каунас 28 июня, а эйнзатцкоманда «3а» — только 2 июля 1941 года.)

Тела убитых валялись в квартирах, подъездах домов, подвалах, на лестницах, в подворотнях. Некоторые еще сжимали в руках топоры и палки, с помощью которых пытались защитить свои семьи от озверевших бандитов.

...Когда в Каунас 28 июня вошла передовая команда (Vorkommando) зондеркоманды «1b», часть «работы по окончательному решению еврейского вопроса» уже была выполнена местными националистами. Начальник германской полиции безопасности и СД Рейнхард Гейдрих в одном из первых своих оперативных отчетов о положении в СССР так сообщал Гитлеру об этих погромах:

«...28 июня передовая команда (зондеркоманды «1b») вошла в Каунас. Она начала свою деятельность, заняв бывшие здания совета профсоюзов, НКВД и два других здания. В течение ночи в городе происходили перестрелки между литовскими повстанцами, евреями и иррегулярными отрядами. Очень трудно охранять тюрьмы, которые переполнены. В течение последних трех дней литовские партизанские группы убили несколько тысяч евреев».

Осуществлением погромов занимались, прежде всего, два литовских отряда: первый — под руководством журналиста Йонаса Климайтиса (около 600 человек), второй — под руководством врача д-ра Зигониса (около 200 человек).

Но была ли эта акция стихийной, и если нет, то от кого Климайтис и Зигонис получали указания на проведение еврейских погромов? Ведь эйнзатцкоманды к тому времени еще не достигли Каунаса? Ответ на эти вопросы дает отчет командира эйнзатцгруппы «А» бригадефюрера СС Шталекера, датированный примерно 31 октября 1941 года.

«...Еще в начале восточной кампании, — докладывал Шталекер, — активные национальные силы Литвы объединились в так называемые партизанские соединения, чтобы активно участвовать в борьбе против большевизма. По их собственным данным, они потеряли 4000 человек.

В Каунасе образовались четыре крупные партизанские группы, с которыми сразу же была установлена связь. *Общее руководство группами не осуществлялось, но каждая из них старалась действовать в возможно более тесном контакте с вермахтом* (Курсив наш. — М.К.). Поскольку участие партизан в военных действиях было невозможно по политическим мотивам, в короткий срок из надежных элементов недисциплинированных партизанских групп были сформированы вспомогательные части численностью 300 человек, командование которыми было поручено литовскому журналисту Климайтису.

...Задачей полиции безопасности является стимулирование стремления населения к самоочищению, придание этому стремлению нужного направления...

Впервые это удалось сделать в Литве, в Каунасе, с помощью партизан. По указанию немецкой стороны еврейский погром осуществил командир уже упоминавшейся партизанской группы Климайтис, однако для внешнего мира не существует ни одного указания со стороны немцев (Курсив наш. — М.К.)».

Всего в ходе резни 26—28 июня 1941 года только в Виллиамполе было зверски убито более 1000 человек. По немецким же данным, общее количество жертв погромщиков за эти страшные три дня составило не менее 3800 человек.

«В ночь первого погрома, — докладывал в Берлин четыре месяца спустя командир эйнзатцгруппы «А» Шталекер, — литовскими партизанами были уничтожены 1500 евреев, сожжено или разрушено большое количество синагог, сожжен еврейский квартал, в котором находилось 60 домов. В последующие ночи таким же образом были обезврежены 2300 евреев. В других районах Литвы были проведены подобные акции, но в меньшем объеме, которые распространялись и на оставшихся коммунистов».

Погромы в Виллиамполе и в других районах Каунаса продолжались три дня. Тех, кто избежал смерти во время погромов 26—

28 июня, доставляли в VII форт Каунасской крепости, который стал первым на территории Литвы лагерем смерти.

«...Форт VII в Каунасе, — сообщал Гейдрих в очередной сводке событий из СССР от 6 июля 1941 года, — превращен в еврейский концлагерь, состоящий из двух секций: 1) евреи-мужчины, 2) еврейские женщины и дети. В настоящее время в форте содержится около 1500 евреев. Охрану форта несут отряды литовских охранников.

В центральных тюрьмах содержатся также: 1860 евреев, 214 литовцев, 134 русских, 1 латыш, 16 поляков.

Еще один концентрационный лагерь для евреев планируется создать в IX форте Каунаса».

Уже к концу июня 1941 года литовские погромщики согнали в VII форт около 8000 евреев — мужчин, женщин и детей. Их держали в подвальных помещениях без еды и питья; выходить было запрещено даже по нужде. Многие умирали от невыносимых условий, и их трупы оставались лежать рядом с живыми людьми. Мужчины и мальчики постарше были отделены от остальных и помещены в глубоком рву, окружавшем форт, под охраной стражников с пулеметами и автоматами. Буквально каждый день и каждую ночь националисты отбирали группу людей, которых отправляли якобы «на работы». Потом многие слышали звуки выстрелов со стороны близлежащего леса... Подобная же судьба ждала и тех, у кого находили какие-нибудь ценные вещи. Их уводили, отбирали все ценное, а потом расстреливали в лесу.

Но и здесь люди пытались сопротивляться. Так, Аарон Виленчук и Гилель Маринер, чудом пережившие казни и заключение в VII форте, впоследствии рассказали, как некоторые без оружия бросались на охранников. Каунасский доктор Борис Ходос перед расстрелом открыто призвал узников к сопротивлению, а потом, обращаясь к бандитам, крикнул: «Ваш день расплаты скоро придет!» Его расстреляли в упор, но не убили, а бросили умирать в агонии. Позже его подвиг повторили Хаим Хендле и учитель Мойше Гольдман.

Все мужчины, содержащиеся во рву VII форта, были расстреляны к 1 июля 1941 года. Позднее, 4 июля 1941 года, в VII форте было расстреляно 463 еврея (416 мужчин и 47 женщин). Еще 2514 евреев было расстреляно в IV форте Каунаса 6 июля.

Впоследствии основным местом массовых казней стал IV форт Каунаса, где с 6 июля по 29 ноября 1941 года было уничтожено 22 690 человек, в основном евреев из Каунасского гетто.

2 июля в Каунас вступила эйнзатцкоманда «3» под командованием штандартенфюрера СС Йегера, которая с первых же дней по-

пыталась «упорядочить» террор. Немецкая педантичность — как никак, надо всех пересчитать, все задокументировать, сколько людей, где и когда «экзекутировано», сколько среди них евреев, коммунистов, «саботажников» и прочих, скольких еще осталось убить...

Вскоре после вступления в Каунас эйнзатцкоманды «3» большинство отрядов литовских националистов было расформировано. Этот процесс начался еще с 28 июня 1941 года под руководством немецких военных властей, хотя все это время они охотно прибегали к помощи литовских националистов для борьбы с оставшими от своих частей красноармейцами и для расправ с коммунистами и евреями. До конца августа 1941 года большая часть литовских отрядов была разоружена, а остальные образовали всевозможные части «самообороны» и «вспомогательной полиции» под контролем эйнзатцкоманды «3» и вермахта. Некоторые из них, особо «отличившиеся» в ходе расправ над евреями и коммунистами, перешли в непосредственное подчинение эйнзатцкоманды «3». Часть поступила на службу к армейским комендантам и начальникам тыловых районов при немецких армиях и группе армий «Север».

Так, функции «литовской политической полиции» в Каунасе выполнял так называемый «Летучий отряд оберштурмфюрера СС Хамана», сформированный примерно 6—7 июля 1941 года специально для организации погромов и массовых казней. Его возглавил заместитель командира эйнзатцкоманды «3» Йоахим Хаман¹, под началом которого действовало 8—10 сотрудников эйнзатцкоманды «3» и несколько десятков литовских националистов. С 7 по 28 июля 1941 года «летучим отрядом Хамана» было уничтожено в Мариамполе (Мариамполе, ныне г. Капсукас), Вендзиогале, Гиркалиняе, Бабтае, Кедайняе, Паневежисе и VII форте Каунаса 1320 евреев и коммунистов². Только за три неполных месяца (с 7 июля по 2 октября 1941 года) отряд Хамана провел 68 «операций» в разных городах и селах Литвы, в каждом из которых было уничтожено все еврейское население.

Некоторые литовские националисты еще в конце июня 1941 года под руководством эйнзатцкоманды «1b» образовали 5 рот «на службе германской полиции безопасности» (эта надпись красовалась на их нарукавных повязках). Официально они назывались «Литовской

¹ После разгрома нацистской Германии Йоахим Хаман покончил жизнь самоубийством.

² Гитлеровская оккупация в Литве. С. 100, 161; Отчет командира эйнзатцкоманды «3» штандартенфюрера СС Йегера от 1 декабря 1941 г. См.: РГВА. Ф.500. Оп.1. Д.25. Л. 118—127.

службой порядка» (нем.: *Ordnungsdienst*). В начале июля шеф имперской полиции безопасности Рейнхард Гейдрих сообщал Гитлеру в одной из сводок о положении на оккупированных территориях СССР: «...Около 250 человек из числа литовских партизан (националистов. — М.К.) оставлены на службе зондеркоманды («1b») и используются для будущих казней за пределами города». Речь шла о трех ротах «Литовской службы порядка». Две роты из пяти были приданы зондеркоманде «1b» — одна из них несла охранную службу (в том числе охраняла печально знаменитый VII форт в Каунасе), другая выполняла полицейские функции. Оставшиеся три роты были приданы немецкому 11-му резервному полицейскому батальону, незадолго до того прибывшему в Каунас. Впоследствии 11-й полицейский батальон был переведен в Минск, где эти три литовские роты были вскоре расформированы.

Одной из первых в Литве частей «самообороны» стал сформированный в Каунасе 1-й батальон «Охраны национального труда» (лит.: «*Tautos darbo apsauga*», или сокращенно ТДА). Он был создан по приказу литовского коменданта г. Каунаса полковника Бобялиса и не раз отличался особой жестокостью. Командиром 1-го батальона ТДА являлся Андрис Буткунас, а с 25 июня 1941 года — Казис Шимкус; заместителем командира батальона был Антанас Импулявичус. Первоначально он действовал в непосредственном подчинении эйнзатцкоманды «3» и ее командира К. Йегера, а был передан в подчинение немецкого начальника полиции порядка в Литве майора охранной полиции Франца Лехтгалера.

Тогда же в Каунасе было сформировано несколько «Литовских сотен» (нем.: *Litauische Hundertschaften*) под командованием Микельскаса Гарлаускаса, которые также выполняли карательные и полицейские функции. Позднее, в сентябре 1941 года, все сотни были преобразованы в роты и батальоны «самообороны», а в начале 1942 года образовали 13-й литовский полицейский батальон.

...Между тем охота на евреев и сторонников советской власти продолжалась на улицах Каунаса. Уже после 2 июля в Каунасе были схвачены и казнены многие другие представители еврейской общины, а также советские и коммунистические деятели. В их числе были депутат Верховного Совета СССР Будинскене, депутат Верховного Совета Литовской ССР Пранас Зибертас, профсоюзные лидеры Гирш Сеситский, Сендер Айгульский и Ерухим Натанзон, известный литовский поэт Витаутас Монтвила, известные рабочие Йозеф Витц, Щербakov (убитый вместе со своей женой и новорожденным сыном) и многие другие.

Всех, кого задерживали, тут же отправляли «на работы», хотя с этой работы никто не возвращался. Рассказывает парикмахер Пинхос Маркович, один из немногих, кому посчастливилось пережить оккупацию:

«Группа евреев, в которой был и я, была отправлена на работу в подвалы школы по улице Аукштайčiu, дом 54. Все стены этих подвалов были забрызганы кровью. Повсюду на полу валялись человеческие руки, ноги, пальцы, части тела. Мы должны были вымыть стены, убрать и закопать во дворе человеческие останки. Нас «подбадривали» ударами хлыста».

В гараже в доме № 43 на проспекте Витаутаса (в советские времена он назывался проспектом Ленина), в самом центре города, литовские погромщики зверски расправились с группой арестованных евреев, а потом устроили дикую оргию. Людей убивали лопатами, ножами, металлическими прутами... Тела были сложены в кучу. Потом один из бандитов взобрался на груды трупов и стал играть на губной гармошке. Остальные, опьянев от крови и водки, пели и плясали вокруг. Всю эту отвратительную картину снимали на фотоаппарат несколько немецких офицеров, присутствовавших при расправе...

Шеф германской полиции безопасности и СД Рейнхард Гейдрих в очередной оперативной сводке о положении в СССР от 11 июля 1941 года докладывал фюреру:

«...К этому времени в Каунасе ликвидировано в общей сложности 7800 евреев, частично — в ходе погромов, частично — в ходе расстрелов, проводившихся литовскими командами. Все тела убраны. Новые массовые расстрелы больше невозможны. Поэтому я созвал еврейский комитет и заявил, что с этого времени нам нет смысла вмешиваться во внутренние распри между литовцами и евреями. ...Город Виллиамполе намечен для размещения еврейского гетто».

Некоторые литовцы, в том числе доктора Буйдивайте-Куторгене, Стаугайтис, Алекна, Кайрюкштис, писательница Борткявичене и другие, пытались взывать к немецким властям, призывая их прекратить еврейские погромы. Но им было недвусмысленно сказано, чтобы они не вмешивались не в свое дело, а если они сочувствуют евреям, то могут в скором времени разделить их участь. Позже так и случилось со многими из них...

Тем не менее многие литовцы, рискуя своей жизнью, прятали в своих домах и квартирах целые еврейские семьи. Один из них, Йонайтис, проживавший по улице Юратес, 16, в течение недели укрывал в своем доме евреев, сумевших пережить погромы в Виллиамполе. Рабочий Стасис Йовайша с улицы Бенедиктинок (в советское

время — улица Пакалнес) предупреждал всех проходивших мимо евреев о том, что в Виллиамполе идут погромы, а некоторых укрыл в своем доме. Писатель Казис Бинкис превратил свой дом в убежище для евреев, где несколько евреев смогло переждать эту страшную неделю, пока бандиты громили Виллиамполе. Жена коммуниста, заводская работница Броне Липскене помогла спастись двум евреям — отцу и сыну Боруховичам, которых националисты собирались расстрелять перед штаб-квартирой «Шаулю Саюнга». Женщина бросилась на палачей с криком: «Убийцы! Кровавые собаки!» Рискуя своей жизнью, она отвлекла их на себя, а тем временем оба арестанта успели бежать. И таких примеров было множество. Литовцы, русские, поляки помогали евреям спастись от озверевших банд нелюдей...

В Вильнюсе события развивались примерно по тому же сценарию, что и в Каунасе. Вильнюсский городской комитет ФЛА фактически создал второе правительство Литвы во главе с доцентом Стасисом Жакявичусом, который взял на себя функции прежних министерств, и даже по своей структуре делился на отделы и подотделы по административным отраслям.

Одновременно с восстановлением досоветской системы власти городской комитет ФЛА занялся созданием военных и полицейских отрядов. Полиция в Вильнюсе была восстановлена непосредственно после выхода из города Красной армии. Ее начальником был назначен Антанас Ишкаускас.

24 июня 1941 года, когда в Вильнюс вошли части германской армии, они нашли там уже готовый административный аппарат для управления захваченным городом. Но их литовские помощники еще не догадывались о том, что Вильнюс «захвачен», а не «освобожден», и поэтому изо всех сил выслуживались перед оккупантами, организуя не только снабжение немецких войск, но также казни и еврейские погромы. Глава городского комитета ФЛА Стасис Жакявичус и начальник полиции Вильнюса Антанас Ишкаускас, с ведома и одобрения германских военных властей уже 4 июля 1941 года издали свой первый антиеврейский приказ, за которым последовали и другие.

Тогда же с одобрения немецкого военного коменданта города подполковника А. Цаунпфеннига комендантом литовского гарнизона Вильнюса был назначен подполковник Генштаба Антанас Шпокаявичюс, а его начальником штаба — К. Дабулявичюс. 14 июля 1941 года литовский гарнизон Вильнюса был подчинен немецкой комендатуре, а подполковнику Шпокаявичюсу было приказано

сформировать из особо надежных литовцев три батальона «Вильнюсской службы восстановления» (ВСВ) для несения охранной службы в немецком тылу. Позднее, в начале августа, к этим трем батальонам добавился еще один батальон, который сразу же был отправлен в Белоруссию — в Гродно. Каждый солдат этих батальонов должен был подписать клятву: «Обещаю честно служить и трудиться, не противясь приказам немецкой армии и не противореча ее интересам. Знаю, что должен подчиняться немецким военным законам...» Немецкая военная администрация часто прибегала к их помощи, в том числе при организации еврейских погромов, казней бывших советских, коммунистических, профсоюзных лидеров, проведении облав на отставших красноармейцев, снайперов и диверсантов.

31 июля 1941 года Шпокавичюс и Дабулявичюс издали приказ № 1 по Вильнюсскому гарнизону, в котором говорилось:

«Дорогие бойцы ВСВ! Под руководством Адольфа Гитлера доблестные армии Великой Германии разгромили огромное еврейско-большевистское бандитское общество и вновь освободили Литву от неслыханного террора и еврейского рабства. Перед Литвой возникают новые задачи, которые требуют большого понимания этого момента и сил. Нам оказана честь воевать рядом с лучшими в мире немецкими солдатами...»

Первоначально казни и погромы в Вильнюсе проводились под контролем немецких военных командиров, а позднее — под руководством эйнзатцкоманды «9» из состава эйнзатцгруппы «В», передовые отряды которой вступили в город 30 июня, а основные силы и штаб — 9 июля 1941 года. Примерно с 12 августа на смену ей пришла эйнзатцкоманда «3» Карла Йегера, взявшая на себя функции полиции безопасности и СД во всей Литве.

К тому времени «временное правительство» Амбразявичюса было распущено, поэтому Йегер первым делом провел чистку среди местного руководства литовского самоуправления и полиции в Вильнюсе. Функции «литовской политической полиции» в Вильнюсе исполнял «Особый Вильнюсский отряд СД», созданный при эйнзатцкоманде «3» из литовских националистов специально для организации расправ над евреями и политическими противниками.

Позже начальником литовской полиции безопасности в Вильнюсском округе был назначен специально доставленный из Германии Александрас Лилейкис, которого сопровождала целая группа других литовских офицеров. Это была «пятая колонна» третьего рейха в Литве — готовый костяк для управления оккупированной Литвой. Лилейкис являлся начальником литовской полиции безопас-

ности в Вильнюсском округе до 1944 года, сохранив свой пост даже в 1943 году, когда немцы подумывали о роспуске литовской полиции безопасности, которая выполнила свою задачу.

Заместителем Лилейкиса был назначен Казис Гимжаускас, служивший в государственной полиции безопасности Литвы с 1931 года, за что в 1940 году был арестован НКВД. В июле 1941 года «временное литовское правительство» Амбразявичюса назначило его начальником Каунасского отдела дознаний полиции безопасности. Видимо, Гимжаускас заслужил то, что немцы оставили его на высоком посту в литовской полиции безопасности, несмотря на «перетряску» кадров после роспуска «правительства Амбразявичюса». В 1944 году, незадолго до освобождения Литвы частями Красной армии, Лилейкис и Гимжаускас бежали в Германию, откуда в скором времени перебрались в Соединенные Штаты Америки.

Помимо литовской полиции безопасности в Вильнюсе было создано несколько рот и батальонов «самообороны» и «вспомогательной полиции». В общей сложности на службу при эйнзатцкоманде «3» в Вильнюсе в первые дни войны добровольно поступили около 1150 литовцев. Они составили «литовскую службу порядка» Вильнюса во главе с Антанасом Ишкаускасом, которая впоследствии была включена в состав литовской вспомогательной полиции.

После вступления эйнзатцкоманды «3» в Вильнюс с 12 августа по 11 ноября 1941 года там было уничтожено 21 340 человек (включая 21 304 еврея, 21 коммуниста, 6 военнопленных и 9 поляков). Особенно крупная «акция» была проведена 2 сентября 1941 года, после того как местные евреи попытались оказать вооруженное сопротивление и открыли огонь по немецким солдатам. В ходе этой расправы было убито 3700 евреев. Впоследствии массовые расстрелы евреев — узников Виленского гетто происходили 4, 16, 21, 25, 27, 30 октября и 6 ноября 1941 года.

Подобным же образом обстояло дело и в уездных центрах Литвы. Например, в уездном городе Алитус уже 22 июня 1941 года некий бывший капитан довоенной литовской армии Йочис объявил себя комендантом города, назначив своим помощником учителя ремесленного училища Лингиса. Позднее Йочиса сменил на посту коменданта бывший майор генштаба литовской армии Юозас Ивашускас. Начальником полиции был назначен бывший капитан литовских ВВС Красницкас (псевдоним «Аудронис»); сформированный тогда же в г. Алитус отряд «самообороны» возглавил Йонас Борявичус. Одновременно были сформированы батальоны самообороны,

также выполнявшие полицейские функции. Их силами под руководством эйнзатцкоманды «3» 13 августа в Алитусе было расстреляно 719 евреев, с 13 по 31 августа в Алитусе и окрестностях — 233 еврея, а 9 сентября 1941 года — еще 1279 евреев.

Покончив с делами в Каунасе, подразделения эйнзатцкоманды «3» приступили к уничтожению евреев в других уездах Литвы. Уже к 11 июля 1941 года они вовсю «работали» в городах Мариамполь (ныне Мариямполь) и Расейняй, а позднее проводили карательные акции в западных районах Латвии. «Эйнзатцкоманда («3»), действовавшая ... в литовских округах Рокишкис, Зарасай, Перзай (Биржай. — М.К.) и Пренай, — говорилось в оперативной сводке о положении в СССР за 15—30 сентября 1941 года, — довела число казненных до 85 000 человек».

Во многих небольших городах и местечках Литвы евреи были уничтожены практически без участия немцев. Соотношение немецких карателей (в основном офицеров) и литовских националистов, участвовавших в убийстве евреев, в небольших населенных пунктах было 1: 8 и даже 1: 45. В воспоминаниях уцелевших по 220 местечкам Литвы об участии немцев в уничтожении евреев не упоминается вообще. Тотальное истребление еврейских общин в небольших городах и местечках Литвы произошло в ходе всего одной-двух, максимум трех «акций», уже летом или в начале осени 1941 года.

Количество жертв первых дней террора и погромов в Литве не поддается точному исчислению. Так, согласно отчету командира эйнзатцгруппы «А» бригадефюрера СС Шталекера, в ходе первых погромов в Каунасе 26—28 июня 1941 года литовскими националистами было убито примерно 3800 евреев, а по словам командира эйнзатцкоманды «3» штандартенфюрера СС Йегера, «перед началом выполнения задач по обеспечению безопасности во вверенном эйнзатцкоманде № 3 районе там были ликвидированы силами литовских националистических партизан во время погромов и экзекуций 4000 евреев». Однако и первая, и вторая цифры явно не учитывают всех жертв кровавой вакханалии, разыгравшейся в Литве в первые дни войны и оккупации.

Значительную помощь в организации еврейских погромов в Литве сыграло местное духовенство. Римско-католическая церковь в Литве еще с 1920-х годов была одним из главных поставщиков разведкагентуры для германских спецслужб. Этому благоприятствовало и то, что архиепископ Литвы Ю. Сквирецкас был убежденным антисемитом и большим поклонником Гитлера. В советских архивах сохранился его дневник, в котором он пишет:

«...Примечательны мысли “Майн Кампф” в вопросе большевистско-еврейского отравления народов... Все ли эти мысли самого Гитлера и его друзей-сослуживцев, сказать трудно. Но все же они свидетельствуют о том, что Гитлер является не только врагом евреев, но и вообще очень правильно думающим человеком».

Под крылом у Сквирецкаса нашло приют немало агентов немецкой разведки. В их числе был и «ксендз Кипас». Впрочем, настоящее имя этого ксендза было Иоганн Кипп — бывший офицер кайзеровской армии, после войны поселившийся в Литве. Здесь Кипп основал иезуитский орден, в который проташил многих бывших офицеров кайзеровской армии. Сам Кипп стал генералом ордена. Но некоторым высшим чинам литовской полиции безопасности в 1930-е годы было хорошо известно, что Иоганн Кипп «по совместительству» является резидентом германской разведки в Литве.

В начале июля 1941 года, когда немецкие войска уже вошли в Литву, при посредничестве Кипа немцы стали искать контактов с теми из духовных лиц Литвы, кто готов был в полной мере сотрудничать с ними. 1—4 июля 1941 года архиепископ Сквирецкас записал в своем дневнике:

«Епископ Бризгис рассказывал мне о вступлении в связь с представителем, присланным германским правительством в Прибалтику. Как его именовать, я забыл. Может, СД или по-другому. Этому представителю было указано из Берлина вступить в связь со старшим духовенством, и там, возможно, при посредничестве ксендза Кипаса или кого-то из гестапо, назвали имя епископа Бризгиса. Епископу Бризгису было предложено написать воззвание к населению, с тем чтобы убедить его сохранять спокойствие и с доверием продолжать работу, не опасаясь, что его кто-то обидит. Проект этого письма с исправлениями прелата Шаулиса мне оставил епископ Бризгис для просмотра...»

Так выбор нацистов пал на еще молодого в то время епископа Винцентаса Бризгиса из Каунаса. Он оправдал все надежды нацистов, подписав соответствующее воззвание и призвав всех своих прихожан оказывать поддержку немецким властям и ни в коем случае не укрывать у себя лиц еврейской национальности. Этот призыв прозвучал в тот момент, когда еврейские погромы в Каунасе были в самом разгаре. В течение десяти дней было уничтожено более полутора тысяч человек — евреев, коммунистов, советских государственных работников...

В другой раз, когда в августе 1941 года епископ Бризгис встретился с ксендзом из Крокской волости и узнал, что в тамошнем гетто все еще много евреев, он возмутился: «Почему же они до сих пор

не расстреляны? Евреев нечего жалеть, они этого не заслужили». Услужливый ксендз передал слова Бризгиса по назначению, и через пару дней все узники местного гетто были расстреляны.

Роль Бризгиса в организации погромов в Каунасе была отмечена даже в докладе шефа полиции безопасности и СД Литвы Йегера от 16 августа 1941 года. Впоследствии епископ Винцентас Бризгис еще не раз оправдывал надежды нацистов, выступая с воззваниями к прихожанам во время каждой мобилизации — неважно, в «Литовский легион СС» или на принудительные работы на заводах Германии...

Справка: епископ **Винцентас Бризгис**, ближайший помощник архиепископа Литвы Ю. Сквирецкаса, неоднократно выступал с воззваниями к литовским католикам, призывая их на борьбу с безбожным коммунизмом, в том числе во время мобилизации в «Литовский легион СС» в апреле 1943 года (которая, впрочем, провалилась). В своем обращении, озаглавленном «Нам не нужен безбожный большевизм» и опубликованном в газете «Атейтис» № 77 от 1 апреля 1943 года, Бризгис заявлял: «...Хотя мы всегда с болью смотрим на пролитую кровь, на уничтожаемые достижения человеческого труда, мы не можем оставаться в стороне от происходящей сейчас борьбы... И мы — литовцы — вздохнем только тогда, когда безбожный коммунизм не сможет угрожать нам уничтожением. Пока это не случилось, мы всеми силами будем трудиться, бороться и горячо молиться...»

Позднее, во время тотальной мобилизации во вспомогательные службы вермахта и в военную промышленность Германии осенью 1943 — весной 1944 года, епископ Бризгис выступил с пастырским посланием, в котором (по желанию «военного коменданта Литвы» генерал-майора Юста) призвал литовцев «вступать в строительные батальоны вермахта».

После войны епископ Бризгис покинул Литву и в 1951 году обосновался в Соединенных Штатах Америки. Правда, американские юристы еще 27 марта 1947 года обнародовали тот самый доклад шефа полиции безопасности и СД Литвы, где упоминалось имя Бризгиса, но это не помешало его «натурализации». Не вспомнили о нем и после публикации в США книги Чарльза Алена «Нацисты среди нас», в которой не только упоминалось имя Бризгиса, но и цитировался весь документ. В середине 1980-х годов епископ Бризгис все еще проживал в США и регулярно выступал с проповедями в католическом соборе г. Чикаго.

Литовские добровольные помощники нацистов проводили погромы и казни евреев и коммунистов не только на территории Литвы, но и в соседней Белоруссии. Так, одно только подразделение

эйнзатцкоманды «3», дислоцировавшееся в Минске вместе с поступившими к ней на службу литовскими националистами, с 28 сентября по 17 октября 1941 года расстреляло в Белоруссии (Плещеницы, Бишолин, Сцак, Бобер, Узда) 3050 человек (в том числе 3031 еврей и 19 коммунистов).

Позже подразделения эйнзатцкоманды сменили литовские полицейские батальоны. О преступлениях одного из них — 12-го литовского Schuma-батальона — свидетельствует немецкий городской комиссар Слуцка в Белоруссии Карл в своем письме генеральному комиссару Белоруссии Вильгельму Кубе об акции в отношении евреев от 30 октября 1941 года:

«...В 8 часов утра 27 октября 1941 г. из Каунаса (Литва) прибыл старший лейтенант, который представился как адъютант командира 12-го литовского полицейского батальона безопасности¹. Он сообщил, что их батальон получил задание в течение двух дней ликвидировать все еврейское население города. Батальон, состоящий из четырех рот, приступит к исполнению данного приказа немедленно по его прибытии. Я ответил ст. лейтенанту, что должен обсудить этот вопрос с командиром данного батальона лично. Спустя полчаса их командир доложил мне о прибытии их батальона, и мы обменялись мнениями. Я заявил ему, что абсолютно не согласен, то есть не готов к проведению такой акции, не подготовив ее заранее, ибо таким образом невозможно правильно ее осуществить. Евреи находились на работе в разных местах, и не так-то легко было бы их собрать. А во-вторых, при стихийных расстрелах всегда происходят непредусмотренные страшные беспорядки. Этого я и хотел избежать. Данный командир обязан был сообщить мне хотя бы за день до его приезда. Я попросил его отложить начало акции на день, но он категорически мне отказал в этом, мотивируя свой отказ тем, что обязан проводить такие же акции и в других городах, а на Слуцк ему отведено только два дня. В течение этого времени Слуцк должен быть полностью очищен от евреев. Я решительно протестовал, заявив ему, что еврейские акции не должны проводиться самовольно и что большая часть оставшихся евреев в городе — это ремесленники с их семьями, без которых невозможно было бы обойтись, так как они в данное время очень нужны производству. Дальше я указал ему, что среди белорусского населения ремесленников почти нет и останавливаются все жизненно важные производственные предприятия.

¹ 12-м литовским полицейским батальоном (бывший 2-й батальон самообороны) командовал печально известный каратель и военный преступник майор Антанас Импулявичус. — М. К.

...Командир вроде бы не протестовал, и я был уверен, что так они и поступят. Однако спустя несколько часов, мне пришлось констатировать, что они вообще не придерживаются нашего уговора. Где только находили евреев, они задерживали их, сажали на грузовики, увозили за город и расстреливали. Ввиду того, что все специалисты-евреи были ими ликвидированы, предприятия города полностью прекратили работу. Со всех сторон посыпались жалобы. Я тут же решил связаться с командиром данного батальона, но его в городе не оказалось. Он уехал в Барановичи...

Я должен с сожалением признать, что их действия граничили с садизмом. Весь город выглядел ужасающе. С неопишуемой жестокостью литовцы из полицейского батальона выгоняли из домов евреев. По всему городу слышались выстрелы. На некоторых улицах появились горы трупов расстрелянных евреев. Перед убийствами их жестоко избивали чем только могли — палками, резиновыми шлангами, прикладами, не щадя ни женщин, ни даже детей. О еврейской акции не могло больше быть и речи, это было похоже на настоящие акты вандализма. Я со своими сотрудниками все время находился в городе и старался спасти то, что еще можно было спасать. Были случаи, что я с револьвером в руках выгонял этих литовцев с предприятий. Подчиненные мне жандармы выполняли мои распоряжения, но они должны были поступать очень осторожно, ибо улицы города простреливались.

В расстрелах за городом я не участвовал и о происходящем там ничего не могу написать. Однако следует отметить, что спустя довольно много времени после акции из закопанных ям все еще выползали раненые.

Многие белорусы, которые доверялись нам, после этой еврейской акции очень встревожены. Они настолько напуганы, что не смеют в открытую выражать свои мысли, однако уже раздаются голоса, что этот день не принес Германии чести и он не будет забыт.

Думаю, что после этой акции мы потеряли доверие граждан к нам, которое мы с большим трудом приобрели. Пройдет много времени, пока мы его восстановим.

Заканчивая, я должен отметить, что во время акции солдаты данного полицейского батальона грабили не только евреев. Много домов белорусов были ими ограблены. Они забирали все, что только могло пригодиться: обувь, кожу, ткани, золото и другие ценности. По рассказам солдат вермахта, они буквально вместе с кожей стаскивали кольца с пальцев своих жертв. Даже склад, в котором хранилось имущество гражданских учреждений, тоже был ограблен. В казармах, куда их распределили, были проломлены и высажены рамы окон и дверей, которые они использовали для вечерних костров.

Во вторник я получил обещание от адъютанта командира, что в городе их полицейские больше не появятся, однако назавтра же моими людьми были задержаны двое из них при осуществлении грабежа.

Ночью со вторника на среду данный батальон оставил город. Они уехали по направлению к Барановичам. Жители Слуцка были очень обрадованы этой вестью.

Это все, что могу сообщить. Вскоре приеду в Минск для обсуждения описываемого мной происшествия. Надеюсь в ближайшее время вернуть в городе спокойствие и наладить хозяйство.

Прошу выполнить только одно мое желание: в дальнейшем огрaдить меня от этого полицейского батальона».

Литовская полиция и батальоны «самообороны»

О том, как развивалось сотрудничество литовских националистов с немецкими эйнзатцкомандами в первые месяцы оккупации, рассказывает в своем отчете от 31 октября 1941 года командир эйнзатцгруппы «А» бригадефюрер СС Шталекер:

«...В первые же дни были образованы литовская полиция безопасности и криминальная полиция. Начальником полиции был назначен Денаускас, имеющий высокий полицейский чин, а в полицию были набраны вначале 40 бывших литовских полицейских, большинство из которых было выпущено из тюрем.

Сходным образом была образована литовская полиция в Вильнюсе и Шяуляе.

...С самого начала было ясно, что только путем погромов покончить с евреями не удастся, поэтому эйнзатцкоманды проводили всеобъемлющие экзекуции в городах и селах. Им были приданы литовские партизанские группы и латышская вспомогательная полиция».

До июня 1940 года полиция Литвы состояла из трех основных категорий или департаментов — «полиции порядка» (или так называемой «внешней полиции»), «криминальной полиции» и «политической полиции».

Сразу же после вступления немецких войск на территорию Литвы в последних числах июня 1941 года во многих городах литовская полиция была восстановлена. Командир эйнзатцкоманды «3» Карл Йегер не стал распускать ее, а просто подчинил себе. В результате в течение ближайших нескольких месяцев литовская полиция была вписана в структуру немецкого полицейского аппарата на оккупированных территориях.

В Каунасе под контролем Эйнзатцкоманды «3» были образованы штабы «Литовской политической полиции» и «Литовской криминальной полиции» с филиалами в Вильнюсе и Шяуляе. (По немецкой терминологии, политическая и криминальная полиция вместе образовывали «полицию безопасности».)

Литовское отделение полиции безопасности (на примере Вильнюсского округа) включало в себя следующие отделы:

- охранный отдел (охрана внутренних тюрем и зданий полиции);
- общий отдел (хозяйственно-финансовые функции);
- информационный отдел (проверка принимаемых в учреждения лиц на лояльность Третьему рейху, сбор агентурной информации, составление картотеки лиц, враждебно настроенных к фашистской Германии, сведения о политических настроениях масс);
- отдел по делам коммунистов (выявление подпольных антифашистских организаций и евреев, аресты, обыски, допросы арестованных, вербовка агентов и руководство агентурной сетью);
- отдел по делам поляков (выявление нелегальных польских антифашистских организаций, аресты, обыски, допросы, вербовка агентов, руководство агентурной сетью);
- отдел по делам национальных меньшинств (агентурная работа среди русских, белорусов, поляков и выявление недовольных оккупационным режимом);
- отдел внешнего наблюдения (наружная слежка).

Официально перед литовской полицией безопасности ставились такие задачи, как 1) уничтожение евреев; 2) уничтожение партизанского и подпольного антифашистского движения; 3) всемерное содействие военно-политическим и полицейским организациям Третьего рейха в уничтожении военнопленных и местного населения в Литве.

Начальником литовской политической полиции был назначен Денаускас, ранее занимавший высокий пост в полиции Литвы до 1940 года. Для ее укомплектования были набраны 40 бывших полицейских, многие из которых были недавно выпущены из тюрем, куда их посадили при советской власти. Впоследствии число литовских полицейских еще более увеличилось. По всей видимости, к ним присоединились и бывшие служащие «особого Вильнюсского отряда СД», «летучего отряда Хаманна» и рот «литовской службы порядка» Антанса Ишкаускаса, находившихся в подчинении Йегера. В феврале 1942 года немцы мобилизовали также бывших служащих пограничной полиции довоенной Литвы. Из них были сформированы части по охране литовско-белорусской границы.

Осенью 1941 и зимой 1941/1942 года немцы сформировали 14 литовских батальонов «вспомогательной службы полиции поряд-

ка» (нем.: *Schutzmannschaft der Ordnungspolizei*), более известных как **Schuma-батальоны**. Позже, примерно к маю 1943 года, все они были переименованы просто в «литовские полицейские батальоны». Сначала многие из них действовали под началом эйнзатцкоманды «3» штандартенфюрера СС Йегера, но уже осенью 1941 года все батальоны перешли в подчинение командира немецкого 11-го резервного полицейского батальона, майора Франца Лехтгалера. Примерно тогда же Лехтгалер был назначен начальником полиции порядка (орпо) в Литве. Формально литовскую полицию возглавлял подполковник А. Шпюкявичус, кадровый офицер литовской армии, назначенный «инспектором литовской полиции порядка». Но его власть была лишь номинальной, а его главной задачей было поддержание связи с германской полицейской администрацией.

Согласно списку от 1 октября 1942 года, командир полиции порядка в Литве полковник жандармерии Хахтель имел в то время в своем распоряжении 456 немецких и 16 674 литовских полицейских (в том числе 8757 литовцев на службе в полицейских участках и штабах, 7917 — в составе литовских Schuma-батальонов).

Всего за время войны на территории Литвы было сформировано примерно 38 полицейских батальонов. Многие из них в разное время участвовали в карательных операциях за пределами Литвы. Так, не менее пяти литовских батальонов (3-й, 12-й, 15-й, 254-й и 255-й) действовало в Белоруссии, четыре — на Украине (4-й, 7-й, 8-й, 11-й), три (5-й, 13-й и 256-й) — в Псковской и Ленинградской областях, один (252-й) — в Польше. 7-й литовский батальон под командованием капитана Йонаса Семашки в 1942 году нес службу на Украине, охраняя от партизан немецкие коммуникации, а в начале 1943 года попал в окружение под Сталинградом вместе с частями 6-й армии Паулюса.

По некоторым данным, один литовский батальон даже действовал в Италии, а еще один — в Югославии. Три батальона — 5-й, 13-й и 256-й — после блокады Ленинграда несли службу в Латвии и закончили войну вместе с окруженной «Курляндской группировкой». По некоторым данным, некоторые литовские батальоны даже участвовали в последних боях в Чехословакии в мае 1945 года в составе групп армий «Остмарк» под командованием фельдмаршала Шёрнера.

Командование групп армий «Север» также сформировало один литовский охранный батальон (нем.: *Sicherungs-Abteilung*)¹, один

¹ Впоследствии он был передан в подчинение полиции и переименован в 5-й литовский Schuma-батальон. См.: Tessin G. Die Stabe und Truppeneinheiten der Ordnungspolizei. S.57, 101.

строительный батальон и так называемый «литовский транспортный корпус». Еще пять литовских строительных батальонов находилось в подчинении командующего вермахта в «Остланде».

В первые дни немецкой оккупации в Литве также начали активно формироваться батальоны «самообороны», которые представляли собой вспомогательную полицейскую силу. До войны, во времена диктатуры Антанаса Сметоны, такой полувоенной полицейской силой в стране являлся «Союз стрелков» («Шаулю Саюнга»), не раз оказывавший помощь полиции в проведении арестов и при разгоне демонстраций. «Союз стрелков» к 1940 году насчитывал до 30 тысяч членов и подчинялся министерству обороны. Начальник «Союза стрелков» полковник Саладжюс, арестованный после установления советской власти, даже входил в состав Генерального штаба вооруженных сил Литвы.

Но в начале войны под руководством комитетов ФЛА из бывших военных, служащих полиции, членов «Шаулю Саюнга», «Яунои Лиетува», «Саванорю Саюнга», «Нео Литуания» и других организаций были сформированы новые военизированные формирования — батальоны «Охраны национального труда» («Таудас дарбо апсауга», или, сокращенно, батальоны ТДА). Немцы в первые дни называли их по-разному — «литовскими сотнями» (нем.: *Litauische Hundertschaften*) или «службой порядка» (нем.: *Ordnungsdienst*), но позднее, примерно в сентябре 1941 года, все эти части стали официально называться батальонами «самообороны» (нем.: *Selbstschutz-Battailleone*). (Впрочем, это название использовалось в основном немцами.)

Батальоны «самообороны» были созданы в Вильнюсе, Каунасе, Шауляе, Алитусе, Паневежисе и других городах из местных жителей, бывших солдат и офицеров довоенной литовской армии, полиции, членов «Союза стрелков» и других националистических организаций. Каждый батальон самообороны состоял из 500—600 человек, организация и вооружение были легкопехотные (за исключением 1-го кавалерийского батальона). Обычно батальон включал в себя также небольшой германский штаб связи, состоявший из одного капитана и шести унтер-офицеров германской полиции. Всего было сформировано 24 батальона самообороны (включая один кавалерийский), общей численностью 250 офицеров и 13 000 солдат.

В начале 1942 года большая часть батальонов «самообороны» была передана в подчинение немецкой полиции порядка (орпо), а все руководство литовскими батальонами «самообороны» взял на себя майор германской полиции Франц Лехтгалер (впоследствии — командир полиции порядка в Литве). На их основе в 1942 году было создано несколько литовских Schuma-батальонов. Последние были

лучше вооружены, более боеспособны и предназначены для борьбы с партизанами. Однако батальоны «самообороны» продолжали существовать одновременно с полицейскими батальонами по меньшей мере до конца 1943 года. В батальонах «самообороны» служило около 10 000 человек; в литовских полицейских батальонах — 6000 человек (по данным на 1942 г.).

О структуре и численности литовской полиции в городах и уездах Литвы дает представление документ Литовского ШПД (разведсводка № 15 от 23 ноября 1943 г.) «Оккупационные учреждения в г. Свенцяны»:

«1) Жандармерия Свенцянского уезда, помещается в здании уездного исполкома по Виленской улице — 7 чел.;

2) Полиция (штаб полиции порядка, или внешней полиции), помещается в том же здании, состав — 15—20 чел., все литовцы. Уездный начальник полиции — Неставичюс (начальник отделения литовской полиции порядка Свенцянского уезда, включая жандармерию в сельских районах и городскую полицию).

3) Вспомогательная полиция (полицейские категории «С», не находившиеся на казарменном положении, и собиравшиеся в случае необходимости), помещается по Виленской улице в бывшей поликлинике. Состав полиции (по видимому — только штаб) — 30 литовцев и 3 немца. Начальник полиции — Скобутенас.

4) Городская полиция (порядка г. Свенцяны), помещается в Райзагсе. Состав — 50—60 чел., все литовцы. Начальник — Малинаускас.

5) Уголовная полиция (криминальная полиция), помещается в здании НКВД по Виленской улице. Состав — 3 чел., все литовцы. Начальник — Мачюлевичюс.

6) Полиция безопасности (политическая полиция). Состав — 2 чел., начальник и секретарь. Начальник — Пуронис.

Примечание: все начальники полиции литовцы, присланы из западных районов Литвы.

7) Зондерфюрер (уездный начальник по сельскому хозяйству) (ландвиртшафтсфюрер, единственный представитель немецкой гражданской администрации на уровне уезда).

8) Начальник уезда (староста) — Кукутис и 6 служащих — литовцев, работают в уездном управлении, здание не охраняется.

9) Арбайтсамт (немецкое бюро по вербовке рабочей силы), помещается по улице Пилсудского. Начальник — Циммермахер, 2 немки-сотрудницы.

10) Почта и телеграф — начальник немец, служащие — 2 немца и 8 литовцев. Здание охраняется только ночью одним полицейским.

(...) 19) Противопожарная охрана — улица Пилсудского. Пожарники из местного населения в количестве 15—20 чел., литовцы и поляки. Пожарное депо охраняется одним пожарным с винтовкой.

(...) 26) Охрана города — по центральным улицам города патрулируют 4—6 полицейских, вооруженных винтовками. Днем — полицейские посты».

Как известно, Литва была и остается достаточно многонациональной республикой. Помимо литовцев здесь издавна проживали также украинцы, белорусы, русские (в том числе бежавшие из России старообрядцы), евреи, поляки, — особенно в южных и западных приграничных районах. Нацисты, верные своей политике «разделяй и властвуй», умело учитывали «интересы» национальных меньшинств, — ведь выигрывали от этого только сами же немецко-фашистские оккупанты. Так, помимо литовской полиции, в оккупированной Литве появлялись польская полиция, еврейская и другие.

«Польская вспомогательная полиция» была специально набрана в районах с преобладающим польским населением летом 1941 года. Правда, как отмечалось в немецком документе (донесение командующего эйнзатцгруппы «А» Ф. Шталкера от 31 октября 1941 г.), «из-за непреодолимой вражды между поляками и литовцами литовские служащие могут производить аресты только под немецкой охраной». Из-за этого польская вспомогательная полиция была вскоре распущена.

В еврейских гетто германские власти в первое время создавали свои особые органы самоуправления — «Юденраты» («Еврейские советы») и свою полицию, которая называлась «Еврейской службой порядка» и имела даже свой собственный следственный аппарат. И те и другие действовали в тесном контакте с немецкой и «местной» полицией безопасности (последняя, как правило, осуществляла охрану гетто). Они помогали оккупантам проводить перепись жителей гетто, запугивать еврейское население, организовывать принудительные работы и ограбление же своих собственных товарищей по несчастью. Разумеется, немцы опасались выдавать оружие еврейской полиции: им полагались только дубинки, а вместо униформы — отличительные нарукавные повязки. Один раввин по фамилии Кагане, возглавлявший духовную коллегию в «юденрате» львовского гетто, был вынужден признать в своем дневнике: «С глубокой болью в сердце, с несказанным позором приходится рассказывать о деятельности еврейского отдела порядка... Он фильтровал людей, выискивая жертвы для немецких властей... Полиция была органом общины, но получала все директивы

и указания от гестапо... Ради своего спасения она выдавала других людей и вела на убой своих собственных братьев... Она никогда не подводила гестапо».

Напомним, что такие гетто существовали не только на Украине и в Белоруссии, но и в Прибалтике. Крупнейшие находились в Вильнюсе (два — по 29 и 15 тысяч человек) и в Каунасе (30 тысяч человек). Еще два гетто существовали в Латвии — в Риге и Даугавпилсе.

В пограничных с Белоруссией районах нацисты сформировали несколько белорусских полицейских батальонов. К русским старообрядцам использовался особый подход — здесь немцы играли как на антисемитских лозунгах, так и на религиозных чувствах верующих, изображая оккупацию в своей пропаганде как «освобождение от жидовско-большевистского ярма» и т.д. Верные национальному принципу, немецкие чиновники не пытались заставить их служить бок о бок с литовцами в полицейских батальонах. Старообрядцев вербовали в особом порядке — в «Русскую освободительную армию» генерала Власова.

Коллаборационизм, как ни странно это покажется на первый взгляд, оказывался многонациональным явлением. Однако «многонациональный» не значит «интернациональный», поскольку невозможно представить себе, к примеру, литовского полицая, воюющего за общее дело вместе с польским полицаем, еврейским «охранником» или немецким эсэсовцем. Каждый из них лишь занимал определенную нишу в нацистской расовой шкале, становился звеном в цепи преступлений нацизма...

Еврейские гетто в Литве

С установлением немецкой гражданской администрации на оккупированной территории Литвы штатдкомиссаром города Каунаса стал оберфюрер СС Крамер. Его приказ № 1 гласил:

«1. Еврейскому населению запрещается ходить по городским мостовым. Евреи должны ходить по правой стороне мостовой, и только один за другим.

2. Евреям запрещается появляться в местах отдыха и пользоваться общественными скамейками.

3. Еврейскому населению запрещается пользоваться общественным транспортом. Везде в общественном транспорте должны быть размещены таблички со словами: "Евреи не допускаются!"

4. Те, кто нарушит эти распоряжения, будут наказываться смертной казнью!»

Приказ № 2 штадткомиссара Каунаса обязывал всех евреев, независимо от пола и возраста, носить на одежде (на груди и на спине) «звезду Давида» диаметром 8—10 сантиметров. Кроме того, им разрешалось выходить из дома только в определенное время дня. Им запрещалось продавать, обменивать или еще как-либо распоряжаться своей собственностью, а также проживать вместе с неевреями.

Каунасское (Ковенское) гетто было создано 10 июля 1941 года. В этот день оккупационные власти Каунаса издали указ, согласно которому всем каунасским евреям приказывалось в 4-недельный срок, считая с 15 августа, покинуть город и направиться в указанные им кварталы в пригороде Каунаса — печально известном Виллиамполе. (Слово «гетто» в то время еще не использовалось нацистами.) Гитлеровцы поступили элементарно просто: несколько городских кварталов Виллиамполе были огорожены по периметру колючей проволокой. Это и стало называться впоследствии Каунасским гетто.

Шеф германской полиции безопасности и СД Гейдрих сообщал Гитлеру в очередной сводке о событиях в СССР (от 11 июля 1941 г.): «...Город Виллиамполе намечен в качестве места для гетто.

Переселение должно пройти в течение 4 недель. В тюрьмах еще раз проводятся проверки. Некоторые евреи по особым соображениям арестовываются и расстреливаются. Это составит минимальное количество казней — всего от 50 до 100 человек. Чтобы не допустить возвращения евреев в Каунас, было достигнуто соглашение с высшим фюрером СС и полиции, что орпо (полиция порядка. — М.К.) создаст кордон вокруг Каунаса, чтобы не позволить ни одному еврею войти в город. В случае необходимости по евреям будут стрелять. Все инстанции вермахта проинформированы об этих директивах».

Срок в четыре недели истекал 12 августа, и немцам казалось, что переселение проходит слишком медленно. Действительно, погромы на какое-то время прекратились, и многие еврейские семьи не торопились переселяться в гетто, надеясь, что со дня на день положение может измениться, советские войска вернутся в Литву... Чтобы поторопить колеблющихся, немецкие власти 7 августа провели в Каунасе массовую облаву на евреев. Всех арестованных загоняли в грузовики и вывозили в неизвестном направлении. Больше о них никто не слышал. Такая же судьба постигла несколько сотен евреев, находившихся в центральной каунасской тюрьме, которых время от времени посылали на работы в доках. Всего в этот «черный четверг» бесследно исчезло 1400 человек.

С помощью таких мер запугивания немцам удалось загнать еврейское население Каунаса в «гетто». Если раньше в этих кварталах Виллиамполе проживало около 4 тысяч человек, то теперь здесь разместили около 33 000 человек. Такова была первоначальная численность узников Каунасского гетто¹.

Для контроля за размещением людей, распределением продуктов и поддержания внутреннего порядка в гетто был создан «Еврейский комитет» (нем.: *Judenrat*), который после официального создания гетто был переименован в «Совет старейшин еврейского гетто» (для краткости его называли просто «советом старейшин» или «еврейским советом»). Надеясь получить «теплое место», в члены совета пробились в основном бывшие владельцы магазинов, фабриканты, духовенство и члены различных еврейских националистических партий.

Главой «Совета старейшин» стал 70-летний каунасский доктор Хона Элкес. Он был исключением среди большинства членов совета. Это был человек исключительной честности и смелости. Хотя д-р Элкес и не был напрямую связан с подпольщиками, он не резко выступал в защиту узников во время проводившихся немцами «акций», в том числе и накануне «ликвидации» гетто. Главной ошибкой Элкеса было то, что он надеялся избежать жертв, послушно исполняя приказы немцев.

Позже еврейская администрация гетто выросла: кроме «Совета старейшин» появились «еврейская полиция», «еврейская служба труда», «бюро размещения», «суд гетто» и др.

Инспектором «еврейской полиции» был назначен Мойше Левин, который тесно сотрудничал с коммунистическим подпольем в гетто, за что позднее и поплатился жизнью. Коммунистическое подполье Каунасского гетто старалось внедрить как можно больше своих людей в гетто — особенно в полицию и в «службу труда», которая распределяла наряды на работу. Так, при помощи Мойше Левина в числе полицейских и управляющих много подпольщиков — Наим-Давид Ратнер, Юдль Зупович, Айзик Гринберг, Айзик Сребницкий, Гириш Левин, Итцик Шатер и другие. Они помогали переправлять в гетто оружие, боеприпасы, медикаменты, продукты, а также поддерживать связь с подпольем в самом Каунасе. Однако такие люди, как д-р Элкес и Мойше Левин, были скорее исключением из правила.

¹ Gelpertus D. Kovno Ghetto Diary. P. 21—27. По данным «Энциклопедии Великой Отечественной войны», в Каунасском гетто первоначально находилось примерно 30 000 человек. См.: Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. С. 206.

В основном в администрацию гетто шли беспринципные карьеристы, готовые принести в жертву сколько угодно своих соотечественников ради собственного благополучия. Они образовывали что-то вроде мафии внутри гетто, обеспечивая своих протекже самой легкой или выгодной работой, одеждой и продуктами питания. Одним из таких «крестных отцов» был Авраам Голуб, секретарь «Совета старейшин». Он и его приближенные разворовывали и без того скудные продовольственные пайки и даже в гетто вели красивую жизнь — лучшая еда, выпивка, женщины, никакой работы...

Большой властью в гетто пользовался также некий Беня Липцер. Его карьера началась тогда, когда он работал электриком в Каунасском гестапо. Он стал главным осведомителем и агентом гестапо внутри гетто. Как «представителю СД» Липцеру разрешалось даже подписывать некоторые приказы по гетто и контролировать работу «Совета старейшин», так как гестапо не доверяло им. Потом с разрешения немцев Липцер даже открыл в гетто свой офис, где каждое воскресенье принимал жалобы на еврейскую администрацию.

Но действительным и полновластным хозяином Каунасского гетто был гауптштурмфюрер СС Фриц Йордан — «комиссар по еврейским вопросам» при германском городском комиссариате Каунаса¹.

Йордан был злым коротышкой, разорившимся лавочником из маленького немецкого городка Айткуни близ литовской границы (в советские времена — поселок Чернышевский в Нестеровском районе Калининградской области). Ненависть этого психопата к евреям носила просто патологический характер — видимо, не мог простить, что «еврейские ростовщики» обошли его в бизнесе.

Йордан прибыл в гетто на машине. Распахнув дверь ударом ноги, он ворвался в здание «Юденрата» и без лишних слов приказал всем «очистить помещение». Его первые слова, обращенные к членам «Совета старейшин», были такими: «Вы не имеете права обращаться ко мне. Вы обязаны только слушать и исполнять мои приказы!»

Впоследствии только престарелому доктору Элкесу, главе «Совета старейшин», было позволено стоять позади Йордана, да и то при условии, что тот будет молчать и не делать лишних движений. Если Йордану что-то не нравилось, он устраивал истерики, орал, топал ногами, стучал кулаком по столу — в общем, вел себя хуже, чем любой прусский унтер-офицер в казарме.

¹ «Комиссарами по еврейским вопросам» назывались представители подотдела IV В 4, занимавшегося «еврейским вопросом» в рамках IV управления (гестапо) в Главном управлении имперской безопасности. Руководителем этого подотдела был Адольф Эйхман.

Став хозяином судеб 33 тысяч узников гетто, Йордан почувствовал себя маленьким царьком, чьи приказы должны выполняться беспрекословно. А приказы были такие:

«В течение трех недель вы должны сдать все деньги, все золото, серебро и другие ценности. Вам разрешается оставить только по 10 марок для ваших семей!»

«Евреям запрещается пользоваться электроприборами, музыкальными инструментами, швейными машинами, велосипедами, фотоаппаратами!»

«В течение двух часов срочно доставьте в мой офис две большие пальмы и два персидских ковра!»

«Лошади, коровы, козы, а также куры, голуби и попугаи должны быть сданы немцам!»

И подобные приказы Йордан отдавал постоянно. То он требовал сдать всю скотину, то все ценности, всю одежду из шерсти, меха и кожи, всю мебель и утварь или все предметы искусства...

Самым тяжким преступлением в гетто считалось хранение оружия. Не только финские ножи, но даже бутафорские шпаги и кинжалы считались оружием. Тому, у кого находили подобные вещи, грозила смертная казнь, и не только ему, но и всей его семье или даже всему «блоку» (то есть дому).

16 августа 1941 года немцы провели в гетто первую «акцию» (так они называли массовые расстрелы узников). Она была направлена в первую очередь против еврейской интеллигенции. В этот день Йордан через своего литовского советника Каминскаса передал «Совету старейшин» приказ отобрать 500 человек из числа интеллигенции «для легкой профессиональной работы в городе», якобы чтобы привести в порядок старые архивы. К тому времени наряды на работу стали нормой, поэтому приказ не вызвал никаких подозрений. Было набрано 534 человека¹. В их числе были директор Литовской государственной оперы Роберт Стендер, известный кинорежиссер Марек Мартенс, снявший несколько фильмов о евреях в Польше, инженеры Мордехай Клейн и Даниель Гольдберг, экономисты Лион Беляцкий и Шмуэль Блох, артист А. Каплан, журналист Макс Вольфович, спортсмен Н. Блат, директор каунасской мебельной фабрики Шимон Циммерман и другие.

¹ В сводном отчете Йегера о деятельности эйнзатцкоманды «3» от 1 декабря 1941 года приводится цифра в 711 человек (представителей еврейской интеллигенции). Согласно отчету, это было сделано «в качестве репрессии за акты саботажа». См.: Отчет командира эйнзатцкоманды «3» штандартенфюрера СС Йегера от 1 декабря 1941 г. РГВА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 25. Л. 118—127.

Всех их вывезли из гетто под сильной охраной, и никто из них уже не вернулся. Только впоследствии выяснилось, что всех их расстреляли 18 августа в IV форте Каунасской крепости, который стал еще одним местом массовых казней, наряду с VII и IX фортами. Всего в этот день в IV форте погибло 1812 человек.

26 сентября 1941 года была проведена вторая «акция». Более тысячи человек — мужчин, женщин, детей — были выведены из гетто в IX форт Каунасской крепости, где их расстреляли. Всего в этот день было казнено 1608 человек. Как говорилось в отчете Йегера, это якобы были «больные с подозрением на заразные заболевания».

Еще в июле 1941 года нацисты планировали создать в IX форте еще один концлагерь, вдобавок к VII форту, который уже «исчерпал свой ресурс», так как его рвы были переполнены трупами казненных. Окружавшие IX форт рвы — 120—150 метров в длину, 3 метра шириной и 2 метра глубиной — стали удобным местом захоронения трупов тысяч невинных жертв.

С осени 1941 года для проведения массовых казней стал все чаще использоваться IV каунасский форт. 4 октября 1941 года там было уничтожено 1845 человек (в том числе 712 женщин и 618 детей) в качестве «карательной акции», после того как на территории гетто стреляли в немецкого полицейского. 29 октября того же года была проведена еще одна «акция по очистке гетто от лишних евреев», в результате которой было убито 9200 человек (включая 2920 женщин и 4273 ребенка).

С ноября 1941 года IX и IV форты стали местом массовых казней евреев, доставлявшихся в Литву со всей Европы. 25 ноября 1941 года в IV форте было расстреляно 2934 еврея из Берлина, Мюнхена и Франкфурта-на-Майне. 29 ноября — 2000 евреев из Вены и Бреслау (Вроцлава).

В IX форт в начале декабря 1941 года было доставлено около 5000 евреев из Германии, Австрии и Чехословакии. Всего же только в IX форте в течение декабря 1941 года было уничтожено 10 000 иностранных граждан, в основном евреев. Позже, в 1942—1944 годах в IX форте было расстреляно и похоронено несколько тысяч евреев из других европейских государств, в частности Франции, Бельгии и Нидерландов. Последними жертвами IX форта стали около 1000 человек из пересыльного лагеря Дранси (Франция), которые были привезены для уничтожения в Каунас летом 1944 года, незадолго до прихода Советской армии. Узники Каунасского гетто окрестили IX форт «фортом смерти», а сами гестаповцы даже в документах без стыда называли его «Каунасской фабрикой уничтожения».

К 1 декабря 1941 года, согласно отчету командира эйнзатцкоманды «3» Карла Йегера, к тому времени назначенного одновременно командиром полиции безопасности и СД в Литве, в Каунасском гетто оставалось в живых около 15 000 человек.

В последующее время численность узников гетто постоянно уменьшалась, даже несмотря на прибытие новых партий заключенных из других районов Литвы, а также из Германии, Австрии, Польши, Бельгии, Нидерландов и Франции. В отличие от Минска или Риги, здесь иностранных евреев привозили не в гетто, где они имели хоть какой-то шанс выжить, а сразу к месту уничтожения.

После разгрома под Сталинградом в головах многих нацистских главарей зародились сомнения в победе над Советским Союзом. Некоторые стали задумываться о возможном поражении Третьего рейха, и вместе с этой мыслью неизбежно приходил вопрос: «А что будет со мной лично?»

Подобным же вопросом, видимо, еще с лета 1942 года задавался и рейхсфюрер СС Гиммлер. Его самого, как и его подручных, в этом случае действительно не ждало ничего хорошего. Видимо, находясь в таком душевном состоянии, Гиммлер и отдал приказ об уничтожении всех следов массовых казней нацистов на оккупированных территориях, а заодно и об уничтожении еще оставшихся в живых свидетелей — узников гетто.

В июле 1942 года, через несколько дней после посещения концлагеря Освенцим, Гиммлер вызвал к себе штандартенфюрера СС Пауля Блобеля, работавшего в то время в подотделе гестапо «по делам евреев» под началом Эйхмана. Блобелю было поручено возглавить особый штаб «1005», который будет заниматься поиском и уничтожением мест массовых захоронений на территории Польши и республик Советского Союза. В то время Блобель как раз занимался экспериментами по уничтожению захоронений в концлагерях Кульмхоф (Хелмно) и Аушвиц (Освенцим), где по заданию Эйхмана испытывал печи и костомолки производства ганноверской фирмы «Шривер АГ».

В ноябре 1943 года «стервятник» Блобель добрался до Литвы и приступил к уничтожению массовых захоронений в окрестностях Каунаса.

С первых дней ноября 1943 года над IX фортом почти ежедневно были видны пламя и клубы дыма. Там сжигали тела казненных в последние два года узников Каунасского гетто, и это уже не было ни для кого тайной. Среди документов, переданных партизанам бежавшими узниками гетто, сохранилось следующее свидетельство:

«Акт. Ковно, 26 декабря 1943 г.

Мы, нижеподписавшиеся, узники 9-го форта Ковно, бежав из заключения ночью 26 декабря этого года, в том числе Весельницкий И.Л. (Василенко И.Л.), Дискант А. (Виленский), Файтельсон А., Гельбтрук М., Пиловник А., Гемпель Б., Эйдельсон С., Манейский А., составили следующий акт:

1. В период с 1941 и 1942 гг. территория форта использовалась германским командованием для проведения массовых расстрелов.

2. Чтобы скрыть этот факт, германское командование в лице руководства ковенского гестапо организовало раскопки рвов, где были захоронены тела, и сожжение останков.

3. Для выполнения этой работы гестапо в конце октября — начале ноября этого года доставило 72 человека из 9-го форта, в числе которых были: 34 военнопленных, 14 партизан, 3 русских, 4 женщины, 17 евреев из гетто.

4. Чтобы скрыть характер работы от местного населения или других людей, работа была четко организована; в радиусе 2 километров были развешаны объявления, запрещающие приближаться к этой зоне под страхом смерти. Место работы, занимавшее 2—3 гектара, было обнесено оградой. Людям, работавшим там, было запрещено покидать территорию форта (свидетельством тому может служить то, что один еврей, слегший с приступом аппендицита, был застрелен 5 ноября, а 7 военнопленных, престарелые и инвалиды, были расстреляны 13 ноября); таким образом, на работах осталось 64 человека.

5. В ходе работы, то есть с ноября по 25 декабря этого года (день побега) были раскопаны 6,5 рвов длиной 100—120 метров, шириной 3 метра и глубиной 1,5 метра; из них было извлечено 12 000 тел мужчин, женщин и детей. Их тела были сложены в штабеля по 300 тел в каждом и сожжены. Остатки (угли и кости) были превращены в пыль и смешаны с землей, чтобы скрыть все следы.

6. Чтобы не допустить бегства людей во время работы, их скрывали попарно. Рядом была наблюдательная вышка с пулеметом наверху, охранники были вооружены автоматами и пистолетами.

7. Среди 12 000 сожженных тел было 5000 евреев из Вены, Франкфурта-на-Майне, Дюссельдорфа, Гамбурга и других германских городов, небольшое количество евреев-военнопленных — 120—150 человек, часть из которых были расстреляны, а часть — отравлены, и около 7000 евреев из Ковно. Германские евреи были расстреляны и захоронены в одежде, остальные были раздеты перед убийством.

8. Положение тел во рвах говорит о том, что людей предварительно разбили на группы, заставили лечь в ров, где их затем рас-

стреляли, в результате чего многие были похоронены заживо, иногда — живыми, иногда — ранеными. Об этом свидетельствует тот факт, что многие найденные тела не имели пулевых ран.

9. В день бегства оставалось нераскопанными еще 7,5 рвов. Руководители гестапо надеялись закончить работу к 1 февраля 1944 года.

10. Судя по тому, что в первых 6,5 рвах было обнаружено 12 000 тел, в то время как 7,5 рва остались нетронутыми, мы можем заключить, что в 9-м форте захоронено 25—30 тысяч жертв германских зверств в отношении гражданского населения. Цифра в 25—30 тысяч жертв упоминалась также и в разговоре между гестаповцами, наблюдавшими за работой».

После освобождения Каунаса Государственная Чрезвычайная комиссия по расследованию преступлений немецко-фашистских оккупантов пришла к заключению, что в IX форте Каунаса было уничтожено более 70 000 человек, но согласно более поздним данным, число казненных и захороненных в одном только IX форте могло составлять до 80 000 человек! Для сравнения: в VII форте было убито в общей сложности около 35 000, а в IV форте — 8000 человек.

Вильнюсское (Виленское) гетто официально было создано 6 сентября 1941 года, фактически же существовало еще с начала июля. Первоначально в нем содержалось около 38 000 человек. Первоначально оно состояло из двух гетто — одно находилось в самом городе, другое — в окрестностях Вильнюса. В первом было сконцентрировано 29 000 человек, включая особо ценных специалистов и трудоспособное население с семьями. Во втором гетто содержалось нетрудоспособное население — около 15 000 человек. Итого — 44 000 человек. Это были все, кто уцелел после первых погромов в Вильнюсе, где моменту вступления в город немецких войск оставалось 60 000 евреев.

Одновременно с уничтожением узников оккупационные власти проводили целенаправленный грабеж еврейского населения. Созданный еще 4 июля 1941 года Юденрат Вильнюса в составе 10 человек был обязан не только отбирать людей для принудительных работ и уничтожения, но и регулярно предоставлять сведения о численности узников и имеющихся у них ценностях. Так, 6 августа членам Юденрата было приказано собрать среди узников 2 миллиона рублей. Было собрано и передано немецким властям около 1,5 миллиона рублей, 16,5 кг золота и 189 часов. В отчете об уничтожении евреев Вильнюса говорилось, что у 500 жителей гетто было изъято

460 тысяч рублей и много ценностей. После того как члены Юденрата «проштрафилась» перед немцами еще раз, не сумев вовремя организовать доставку 10 тысяч человек, 2 сентября 1941 года несколько членов Юденрата также были расстреляны.

В середине октября 1941 года второе гетто, где содержались нетрудоспособные, было ликвидировано, а все его узники расстреляны в Понерея. Таким образом, к декабрю 1941 года в Вильнюсе оставалось одно гетто, в котором было заключено от 15 000 до 20 000 человек.

После этого наступило некоторое затишье. В течение 1942 и первой половины 1943 года в Вильнюсе не проводилось акций по уничтожению еврейского населения. Жизнь на какое-то время нормализовалась.

В гетто были созданы многочисленные мастерские, первоначально обслуживавшие нужды узников. В феврале 1943 года в гетто функционировали 28 мастерских (16 в легкой промышленности и сфере обслуживания и 12 механических). Большинство заказов поступало от оккупационных властей. Несмотря на полный запрет для евреев на получение какого-либо образования, в гетто уже в первые дни оккупации была создана школа, в которую записались 2700 детей в возрасте от 5 до 14 лет. Многие из них погибли во время массовых казней еврейского населения в июле — августе 1941 года. Осенью 1941 года в Вильнюсском гетто работали два начальных класса и несколько классов средней школы. С января по декабрь 1942 года число учителей увеличилось с 23 до 72, учеников — с 390 до 1405. Занятия в школе велись на идиш. «Совет старейшин» гетто уделял большое внимание медицинской помощи населению и санитарному состоянию гетто. Больше всего сотрудников Юденрата работало в отделе здравоохранения — 360 человек. В санитарной службе работали врачи, были открыты две гигиенические станции, где людям бесплатно выдавали мыло. Уже в июле 1941 года в гетто была открыта больница на 160 мест. Через год число коек возросло до 237. В больнице работали 26 врачей.

В середине июля 1942 года новым главой «Совета старейшин» (Юденрата) Вильнюсского гетто был назначен Якоб Генс, который предпочитал тактику несопротивления. Он рассуждал так: лучше принести в жертву одного члена семьи, чем оказать неповиновение или даже открытое сопротивление немцам и обречь на смерть всех. Еще в начале 1942 года, когда Генс составлял списки узников, подлежащих ликвидации, он придерживался следующего правила: из двух детей в каждой семье жертвовать одним, чтобы сохранить второго. Он же дал свое согласие на участие еврейской полиции Виль-

нюсского гетто в уничтожении Ошмянского гетто. «Я взял на себя всю ответственность, и мне не страшно, — говорил тогда Генс. — Страшно будет, когда я буду вспоминать».

Одновременно Генс пытался убедить оккупационные власти в целесообразности использования еврейской рабочей силы, надеясь тем самым сохранить жизни других узников. Жителям гетто он внушал, что «пока работает производство в гетто и команды за его пределами, мы можем надеяться, что мы очень нужны и незаменимы». По его распоряжению в гетто был повешен плакат «Еврейская женщина, помни, — работа спасает жизнь».

Начальником еврейской полиции Вильнюсского гетто был некий Беслер, формально подчинявшийся Генсу как главе Юденрата. Именно он руководил отрядом еврейской полиции из Вильнюсского гетто, который участвовал в уничтожении еврейского гетто в Ошмянах (Белоруссия).

Главным местом массовых казней узников Вильнюсского гетто был так называемый «спецлагерь Понеряй», созданный вскоре после оккупации Вильнюса, в июле 1941 года, в одном из его пригородов — Понеряе (Понары, Поныри). В период с осени 1941 года по июль 1944 года немецко-фашистские палачи и их сообщники расстреляли и сожгли в лагере Понеряй не менее 100 000 советских граждан.

Персонал лагеря составляли служащие латышской полиции. Охрану лагеря несли три литовских полицейских батальона, дислоцировавшихся в Вильнюсе¹, в том числе 1-й литовский полицейский батальон под командованием капитана Амброжунаса. Этот батальон был сформирован в Каунасе — первоначально как 1-й батальон «самообороны» (ТДА), в июле 1942 года был преобразован в 1-й литовский Schuma-батальон. В июле 1942 года дислоцировался в Вильнюсе; в марте и июне 1943 года действовал в подчинении командира полиции порядка в Литве. Участвовал в массовых казнях в спецлагере Понеряй близ Вильнюса. В конце октября 1944 года был эвакуирован с территории Литвы вместе с отступавшими немецкими частями, затем разоружен и расформирован. Большая часть личного состава была передана во вспомогательные службы ВВС.

¹ В 1941 году в Вильнюсе были сформированы 1-й, 3-й, 4-й, 6-й и 15-й литовские полицейские батальоны, три из которых весной и летом 1942 года были переброшены в Белоруссию и на Украину (3-й — в Минск, 4-й — на Украину, 15-й — в Барановичи). Кроме того, в 1942 году в Вильнюсе несли службу 7-й и 8-й литовские полицейские батальоны, сформированные в Каунасе.

Один из бывших унтер-офицеров этого батальона, С.Л. Укринас, на суде в январе 1945 года дал следующие показания:

«В апреле 1943 года в течение одного дня в специальном лагере Понеряй было уничтожено 2 эшелона советских граждан, в которых находилось около 5000 человек. Организатором уничтожения являлось гестапо. Расстрелом советских граждан руководил немец — сотрудник гестапо, фамилию которого я не знаю».

Другой арестованный, И.П. Ожялис-Козловский, показал:

«В массовом уничтожении советских граждан я принимал участие в апреле 1943 года. С 7 часов утра и до 5 часов дня было уничтожено два эшелона советских граждан в количестве около 5000 человек. Убийство советских граждан проводилось следующим образом. Эшелон разгружался повагонно, и люди из каждого вагона в отдельности конвоировались к месту уничтожения. В лагере советских граждан подводили к яме глубиной 4—5 метров и диаметром в 18—20 метров, вырытой конусообразно, и предлагали им раздеться. Мужчины, женщины и дети всех возрастов раздевались и оставались совершенно обнаженными, после чего им приказывали лечь на землю. Затем 4 немца и я располагались на краю ямы с правой стороны от лежавших советских граждан, а оставшиеся около них немцы и другие литовцы подымали по 7—10 человек и приказывали бежать в яму. В тот момент, когда они забегали в яму, мы открывали по ним стрельбу из автоматов и винтовок и стреляли до тех пор, пока не уничтожали всех. Такая кровавая оргия продолжалась до полного уничтожения 5000 советских граждан. Ям к началу этой операции в специальном лагере Понеряй было заготовлено много, и около каждой из них делалось то же самое и одновременно».

Впоследствии, 20—29 января 1945 года, в Вильнюсе прошел один из первых судебных процессов над литовскими пособниками нацистов. Выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР рассмотрела дела нескольких бывших охранников спецлагеря Понеряй. Подсудимыми были И.П. Ожялис-Козловский, И.П. Аугустас, И.Я. Мачис, С.Л. Укринас, М.И. Боготкявичус, П.И. Вантулхонис, И.К. Двилгштис, В.А. Манлейка, Б.Т. Болтутис, И.П. Наркевичус, В.Ю. Жемайтис и Ю.Ю. Свирскис. Они добровольно поступили на службу в карательный батальон, дали присягу служить фюреру и немецким оккупационным властям и вести беспощадную борьбу с большевиками. Все подсудимые были приговорены к высшей мере наказания, за исключением двоих: В.Ю. Жемайтис был приговорен к 20 годам лишения свободы, а Ю.Ю. Свирскис — к 15 годам.

«Сегодня я могу констатировать, — писал в своем отчете от 1 декабря 1941 года командир эйнзатцкоманды «3» штандартенфюрер СС Йегер, — что цель в решении еврейского вопроса для Литвы эйнзатцкомандой № 3 достигнута. В Литве больше нет евреев, кроме евреев-рабочих, включая их семьи.

Это составляет: в Шяуляе около 4500;

в Каунасе около 15 000;

в Вильно около 15 000.

Этих евреев-рабочих я хотел также ликвидировать вместе с их семьями, однако резкое недовольство и вмешательство гражданской администрации (рейхскомиссара) и вермахта не позволило мне это сделать. Эти инстанции наложили запрет на акцию: евреи и их семьи не должны быть расстреляны!

Задача полного освобождения Литвы от евреев может быть достигнута путем создания мобильной команды специально отобранных людей под руководством оберштурмфюрера СС Хаманна, который полностью осознает мои цели, поддерживает их и умеет обеспечивать взаимодействие с литовскими партизанами и компетентными штатскими службами.

Проведение подобных акций в первую очередь является вопросом организации. Решение систематически очищать от евреев округ за округом потребовало основательной подготовки каждой отдельной акции и изучения обстановки в каждом из них. Евреев нужно было собрать в одном или нескольких местах. Соответственно их числу нужно было найти место для могил и выкопать их. Путь следования от сборных пунктов до могил составлял 4—5 км. Евреев доставляли партиями по 500 человек на расстояние 2 км и более к месту проведения экзекуции.

С какими трудностями приходилось сталкиваться при проведении акций и насколько нервной была эта работа, показывает произвольно выбранный пример: В Рокишкисе к месту ликвидации нужно было транспортировать 3208 человек на расстояние 4,5 км. Чтобы справиться с этой работой за 24 часа, из 80 имевшихся в нашем распоряжении литовских партизан более 60 человек пришлось занять при транспортировке и, частично, — в оцеплении. Оставшиеся, которых приходилось все время сменять, вместе с моими людьми выполняли работу.

Грузовики для транспортировки удастся достать очень редко. Время от времени случаются попытки к бегству, которые пресекаются моими людьми, с опасностью для собственной жизни. Так, например, 3 человека из подразделения, действующего в Мариамполе, расстреляли на лесной дороге 38 евреев и коммунистических фун-

кционсров, попытавшихся бежать, и никому не удалось уйти. Путь туда и обратно при проведении некоторых акций составлял 160—200 км. Только за счет умелого распределения времени удалось проводить за одну неделю до 5 акций и при этом еще справляться с работой, которая ждала в Каунасе, чтобы в делах не происходило какого-либо застоя.

Акции в самом Каунасе, где достаточно в определенной степени обученных литовских партизан, можно рассматривать почти как показательные стрельбы, в отличие от невероятных трудностей, с которыми мы часто сталкивались вне города.

Руководство и весь личный состав вверенной мне эйнзатцкоманды в Каунасе принимали активное участие в крупномасштабных акциях в городе. От участия в них вследствие болезни был освобожден всего один служащий криминальной полиции.

Я полагаю, что для эйнзатцкоманды № 3 акции против евреев в основном завершены. Еще оставшиеся в живых евреи и еврейки необходимы в качестве рабочей силы, и я полагаю, что по окончании зимы эта рабочая сила будет активно использоваться и далее. Я считаю, что надо немедленно начинать стерилизацию еврейских мужчин, чтобы предотвратить размножение евреев. Если все же какая-либо еврейка забеременеет, то она подлежит ликвидации».

Количество убитых в Литве с 7 июля по 1 декабря 1941 года, приводимое в отчете Йегера, — 133 346 евреев и коммунистов, — не включает в себя жертвы первых погромов (от 3800 в отчете Шталекера¹ до 5000 в отчете Йегера), а также о деятельности других эйнзатцкоманд, действовавших на территории Литвы. В отчет не попали также сведения о десятках тысяч людей, уничтоженных в Литве другими подразделениями СС и полиции — эйнзатцкомандой «2» и зондеркомандой «1b», вермахтом и местными жителями.

В отчете командира эйнзатцгруппы «А» от 31 октября 1941 года приводится цифра в 71 105 человек (евреев), однако в приложенной к отчету сводной таблице указана цифра в 80 311 человек (плюс 860 коммунистов, итого — 81 171 человек)². Причем в эту последнюю цифру не вошли евреи, уничтоженные в Литве и Латвии во время погромов — 5500; евреи, коммунисты и партизаны, ликвидированные на бывшей советской территории (всего по Прибалтике — 2000;

¹ Имеется в виду отчет командира эйнзатцгруппы «А» от 31 октября 1941 г.

² По районам: Каунас и Каунасский округ 31 914 евреев и 30 коммунистов; Шяуляй и Шяуляйский округ — 41 382 еврея и 763 коммуниста; Вильнюс и Вильнюсский округ — 7015 евреев и 17 коммунистов.

коммунисты и евреи, ликвидированные полицией и СД при патрулировании границы — 5505, душевнобольные — 748.

В отчете о деятельности эйнзатцгруппы «А» с 16 октября 1941 года по 31 января 1942 года говорится, что за отчетный период в одной только Литве был уничтожен 136 421 еврей, включая 3800 человек, убитых в ходе погромов в Каунасе, и 1200 — уничтоженных литовскими «партизанами» в небольших населенных пунктах Литвы. Кроме того, в эту цифру не вошли 5502 еврея, уничтоженных литовскими патрулями на границе с Восточной Пруссией, и 5500 уничтоженных при погромах в Литве и Латвии, а также 1064 коммуниста, 56 партизан, 653 душевнобольных и 78 прочих). Итого по Литве — как минимум 143 774 человека.

Уничтожение евреев Литвы продолжалось и в декабре 1941 — январе 1942 года, хотя и в значительно меньших масштабах. В телеграмме начальника полиции безопасности и СД Каунаса от 9 февраля 1942 года, отосланной в штаб эйнзатцгруппы «А» в Ригу, сообщалось, что только эйнзатцкоманда «3» уничтожила до 1 февраля 1942 года 138 272 человека (в том числе 136 421 еврей, включая 55 556 женщин и 34 464 ребенка).

Но некоторые историки считают, что даже эти цифры являются неполными, и полагают, что до декабря 1941 года в Литве было уничтожено не менее 175 000 евреев. К концу января 1942 года число жертв холокоста в Литве могло достичь примерно 180 000—185 000 человек (в том числе погибших от невыносимых условий существования в гетто и концлагерях). Это составляет не менее 80 % всех жертв на территории Литвы. Остальные 20 % — это литовцы, русские, поляки и представители других национальностей, расстрелянные как коммунисты, партизаны, саботажники и т.п.

Концлагеря в оккупированной Литве

В период гитлеровской оккупации в Литве было создано до десяти концлагерей, а включая их филиалы (так называемые «рабочие» или «специальные» лагеря), — не менее нескольких десятков. В основном они создавались на месте бывших еврейских гетто — в Вильнюсе и его окрестностях, Каунасе, Шяуляе, Понерея, Свенцянах и др., а также близ мест массовых казней — в IV, VII и IX фортах Каунаса.

В крупнейших еврейских гетто Литвы — Каунасском, Вильнюсском и Шяуляйском — к началу 1942 года еще оставалось в общей сложности от 34 500 (согласно немецким документам) до

39 000 евреев¹. В том числе в Каунасском гетто находилось от 15 до 17 тысяч человек, в Вильнюсском — от 15 до 20 тысяч, в Шяуляйском к тому времени осталось примерно 4000 человек. В еврейском гетто г. Свенцяны (Швенчёнис) оставалось около 500 человек. К тому же, еще несколько сотен евреев-специалистов оставались в живых в гетто Вильнюсского края.

Несколько тысяч из оставшихся в живых погибли от голода и болезней в гетто или были убиты с весны 1942 года до середины осени 1943 года (за этот период массовых акций уничтожения не проводилось). В 1942 году были также ликвидированы евреи-специалисты и члены их семей в небольших гетто Вильнюсского края. Несколько позднее были уничтожены евреи Свенцянского гетто. Все нетрудоспособные, а также старики и дети были уничтожены в Вильнюсе, Каунасе и Шяуляе осенью 1943 года, когда был осуществлен приказ Гимmlера о ликвидации гетто. Таким образом, с февраля 1942 до зимы 1943 года в Литве погибло и было уничтожено около 25 000 евреев.

Вильнюсское гетто было официально «ликвидировано» одним из первых — в июле — августе 1943 года. Но первая массовая «акция» по уничтожению узников Вильнюсского гетто была предпринята уже в апреле 1943 года. Это означало начало массового и планомерного уничтожения его узников...

Глава вильнюсского Юденрата Якоб Генс жестоко поплатился за свое доверие немцам. В апреле 1943 года немецкие власти заявили, что население Вильнюсского гетто будет переведено в более обширное Каунасское гетто. Перед отправлением первого эшелона машинист по секрету сообщил узникам, что на самом деле поезд идет не в Каунас, а в Понары — Понеряй. Но когда об этом сказали Генсу, он отказался верить, что поезд идет не в Каунас. Ценой самоуверенности Генса стали 5000 человек, ехавших в этом эшелоне. Их убили в концлагере Понеряй.

В Вильнюсском гетто тоже была своя «Объединенная партизанская организация» (сокр. ФПО от «Фарейникте партизанер организацие») во главе с Исааком Виттенбергом, И. Глазманом и А. Ковнером. Она была создана еще в октябре 1941 года, а в конце января 1942 года установила постоянный контакт с подпольщиками и парти-

¹ Порат Д. Катастрофа в Литве — специфические аспекты. С.22. Некоторые историки полагают, что число скрывавшихся людей в гетто составляло не меньшую цифру, однако серьезных документальных подтверждений этой версии не обнаружено. Альтман И. Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941—1945 гг. С. 234—242.

занами за пределами гетто. В составе организации насчитывалось несколько сотен человек. В январе появилась листовка подпольщиков, написанная А. Ковнером, в которой был первый призыв к евреям в оккупированной Европе к восстанию: «Нас не поведут, как овец, на бойню! Еврейская молодежь, не дай сбить себя со своего пути. Сомневающимся! Избавьтесь от сомнений! Ваши дети, ваши мужья, ваши жены погибли. Понары — это не лагерь. Их всех убили там».

В 1942—1943 годах вооруженные босые группы из Вильнюсского гетто отправлялись в леса, где создавали партизанские отряды. Первым таким отрядом был отряд «Некомэ» («Мечь»), состоявший полностью из узников Вильнюсского гетто (более двухсот человек) под командованием И. Глазмана. Отряд базировался в районе озера Свислочь. Позднее отряд был расформирован, его бойцы вошли в отряды партизанской бригады Маркова, в частности в отряд «Вильнюс». В Рудницкой Пуше (Касла Руда — в 40 км от Вильнюса) было создано четыре еврейских партизанских отряда, где подавляющее большинство составляли бойцы из Вильнюсского гетто. Два из них — отряд «Борьба» под командованием М. Баселеницкого и отряд «Смерть фашизму!» вошли в состав литовских партизанских соединений. Отряды «За победу!» (командир С. Каплинский) и «Мститель» (командир А. Ковнер) оставались еврейскими. В 1944 году они вместе с частями Советской армии приняли участие в боях за освобождение Вильнюса.

После «апрельской акции» молодежь начала особенно активно создавать отряды самообороны, запасаться оружием и готовить вооруженное восстание. Правда, здесь, в отличие от Каунасского гетто, помощи от «Совета старейшин» и администрации ждать было нечего. Напротив, Генс еще надеялся, предотвратив восстание и сдав гестапо его организаторов, сохранить жизни остальных узников. Бежав из гетто в партизанский отряд, молодой человек фактически обрекал свою семью на смерть, так как Генс старался любыми средствами пресечь подобные попытки — лишь бы «не раздражать» немцев. Так, по указанию Генса гестапо арестовало и расстреляло Исхака Виттенберга, лидера подпольной организации Вильнюсского гетто.

Преступление и одновременно трагедия Генса состояли в том, что он, как и большинство других членов администрации, жил несбыточной надеждой, что ему удастся сохранить больше человеческих жизней, если он будет послушно исполнять приказы немцев и сотрудничать с ними во всех вопросах. Вряд ли он знал о печально знаменитом сегодня «Ванзейском совещании», на котором руково-

дители СС, полиции. СД и других ведомств нацистской Германии сформулировали принципы так называемого «окончательного решения еврейского вопроса» — то есть планомерного уничтожения всех европейских евреев.

21 июля 1943 года рейхсфюрер СС Гиммлер издал приказ о ликвидации всех еврейских гетто. По планам нацистских палачей, это должно было стать следующим (хотя и не последним) шагом к «окончательному решению еврейского вопроса на Востоке» после погромов 1941 года. В июле — октябре 1943 года большинство узников были вывезены в концентрационные лагеря на территории Эстонии, где часть из них из них погибли от невыносимых условий труда, часть была уничтожена, а часть — вывезены на территорию Германии после того, как накануне вступления советских войск в Эстонию в сентябре 1944 года Гиммлер приказал ликвидировать все концлагеря. Но и здесь вильнюсские подпольщики продолжали свою борьбу. Группа членов ФПО из Вильнюса во главе с Л. Одескиным и Я. Бергольским смогла установить контакты с эстонскими партизанами. Подпольщики достали оружие, и когда 10 июля 1944 года части СС окружили лагерь, смогли оказать вооруженное сопротивление. Около 100 заключенным удалось вырваться из лагеря.

Теперь даже Якобу Генсу стало ясно, что оставшихся 20 тысяч узников Вильнюсского гетто ждет та же судьба — смерть. Поняв, что немцы действительно готовят уничтожение гетто, Генс приказал открыть ворота, чтобы дать оставшимся узникам возможность бежать. Шеф еврейской полиции Беслер сразу же донес на него в гестапо. Генс, узнав о доносе, решил сам отдать себя в руки немцев. Он остался верен своему принципу — брать всю ответственность на себя. 15 сентября 1943 года, попрощавшись со своим братом Соломоном у ворот гетто, Генс отправился в гестапо. Начальник городского гестапо г. Вильнюса лично расстрелял его в тот же день за пособничество подпольщикам.

Тем временем в июле 1943 года на месте Вильнюсское гетто было официально создано два концлагеря — «Кайлис» и ГКП. Уже в первые дни после начала ликвидации гетто еврейские «группы самообороны» оказали вооруженное сопротивление нацистам и их литовским помощникам. Из оставшихся к началу 1942 года 15 000—20 000 узников Вильнюсского гетто выжить удалось только нескольким сотням человек, в основном тем, кто сумел бежать в леса к партизанам. Последние из них были освобождены частями Красной армии, вступившими в Вильнюс 13 июля 1944 года. Их оставалось около 600 человек (по данным на январь 1945 г.), включая и тех, кто воевал в партизанских отрядах.

Осенью 1943 года **Каунасское** и **Шяуляйское гетто** также были преобразованы в концлагеря. Для Шяуляйского гетто, где оставалось около 4 тысяч человек, это означало практически немедленное уничтожение. Но более крупное Каунасское гетто, в котором находилось несколько десятков тысяч человек, просуществовало еще несколько месяцев.

О ликвидации **Каунасского гетто** немцы объявили 1 октября 1943 года. Официально оно было превращено в «**Ковенский центральный концентрационный лагерь**». Одновременно территория бывшего гетто была расширена: в его состав вошли небольшие «рабочие лагеря» в пригородах Каунаса (Алексотас и Шанчай) и в небольших городках, как Кедайнай, Кайшиадорис, Раудондварис, Палемонас, Бабтай, Айерелис и Паневежис, которые являлись филиалами «Ковенского концлагеря». Мужчин и женщин разделили и держали теперь в разных секциях лагеря. Узники бывшего Каунасского гетто все еще продолжали носить гражданскую одежду, хотя и с отличительными «звездами Давида», но заключенных «рабочих лагерей» уже переодели в полосатые лагерные рубы.

Инспектором всех концлагерей в Литве был назначен оберштурмбанфюрер СС Гёке — «эксперт по концлагерям», получавший указания непосредственно из Генеральной инспекции концлагерей в Ораниенбурге. До своего прибытия в Каунас Гёке был командантом различных концлагерей и гетто в Нидерландах, Бельгии, Польше.

Свой резиденцию и штаб-квартиру Гёке разместил в специально огороженном и охраняемом районе Каунасского гетто. Отсюда он управлял остальными концлагерями в Литве. Его ближайшие помощники — оберштурмфюрер Ринк, унтершарфюреры Пильгрэм и Фивигер, Ауэр и другие — на месте «знакомились с ситуацией» в Каунасском гетто.

В Каунас был направлен новый «комиссар по еврейским вопросам». Садиста и психопата Йордана еще в 1942 году сменил на этом посту Эрнст Штитц. Но в 1943 году на его место прибыл из Вильнюса другой «эксперт» в «окончательном решении еврейского вопроса» — Китель. До того Китель был заместителем «комиссара по еврейским вопросам» в гестапо г. Вильнюса и руководил «ликвидацией» Виленского гетто весной и летом 1943 года.

26 октября 1943 года немцы схватили более 3000 узников Каунасского концлагеря и вывезли в неизвестном направлении. Позже стало известно, что их отправили для уничтожения в концлагеря на территории Эстонии — Клоога, Вайвара и др. В гетто оставалось еще примерно 18 000 человек...

После этой «акции» немецкая администрация неожиданно сменила гнев на милость. Гёке приказал увеличить продовольственные пайки и обещал в скором времени создать общественные кухни, профессиональные школы для молодежи и ясли для детей, чьи матери заняты на работе. Даже утонченный садист Китель неожиданно — «в знак доброй воли» — разрешил вернуть нескольких еврейских детей, схваченных во время очередной облавы в гетто, в «детский дом» при еврейской больнице.

Но все это уже не могло никого обмануть. Готовилось уничтожение гетто, и большинство людей понимали это.

Началось массовое бегство узников — в основном молодежи — в леса, к партизанам. Так, только 31 октября 1943 года из бывшего Каунасского гетто бежало около сотни человек. Чтобы помешать этому, немцы постоянно патрулировали дороги, устраивали блок-посты и засады. По этой причине большинство из прорвавшихся 31 октября погибли в бою с немцами на дороге Каунас — Мариамполь (Мариамполе, ныне — г. Капсукас). Тем не менее в последующие дни подпольщикам удалось переправить к партизанам в Рудницкий лес восемь вооруженных групп, которые добрались до цели без потерь. Возможность бежать к партизанам больше не была тайной для узников гетто. Многие молодые люди отращивали усы и приобретали короткие куртки, чтобы больше походить на местных жителей. Это стало своего рода символикой партизан в гетто.

Исчезновение сотен человек не могло пройти незамеченным. Новый «комиссар по еврейским вопросам» Китель подозревал, что в каждом гетто есть свое коммунистическое подполье. Поэтому он задействовал своего агента, некоего Файна, чтобы выйти на руководителей подполья.

Файн, имевший связи в администрации гетто, бессовестно торговал на черном рынке продовольствием из пайков для заключенных. Во время одной из таких сделок он был арестован в городе и доставлен в каунасское гестапо, где его завербовали в качестве осведомителя. Но скоро о роли Файна стало известно подпольщикам. Китель вызывал его к себе почти каждый раз, когда посещал гетто. Один из подпольщиков, Йудль Зупович, служивший в еврейской полиции, слышал, как Китель выспрашивал у Файна, кто из евреев прячет в гетто золото, оружие или другие запрещенные вещи. Однажды Файн пробрался в грузовик, на котором очередная группа узников собиралась бежать к партизанам, но спрыгнул, когда машина двинулась с места. Он пытался узнать, кто именно намерен бежать и куда, но и его тоже узнали. В один прекрасный день подпольщики заманили Файна в один из тайных бункеров,

где его ждал суд. Он был приговорен к смерти и казнен здесь же. Уже после казни в кармане у Фана нашли клочок бумаги с телефонным номером Кителя.

Узнав о пропаже своего самого доверенного осведомителя, Китель был в ярости. Он потребовал у начальника еврейской полиции гетто, Мойше Левина, выяснить, что случилось с Файном. Естественно, поиски ничего не дали, так как Левин сам был подпольщиком.

Тогда нацисты перешли к репрессиям...

27 марта 1944 года, когда рабочие бригады покинули периметр гетто, к воротам подкатили несколько грузовиков с эсэсовцами. Одновременно была усилена литовская охрана гетто. По улицам гетто курсировал грузовик с громкоговорителем: людям было объявлено, что они не должны покидать домов под угрозой смерти.

Еврейской полиции было приказано собраться для «учебных стрельб» под охраной эсэсовцев-автоматчиков.

«Хватит! — заявил им Китель. — Вам больше не удастся обманывать немцев!»

Всем еврейским полицейским было приказано грузиться в автобусы. Когда полицейский Левнер отказался выполнить приказ, его застрелили на месте. Три автобуса с еврейскими полицейскими под охраной эсэсовцев двинулись в направлении IX форта. Тех, кто пытался выпрыгнуть на ходу, расстреливали из пулеметов.

Агент СД Липцер (в то время он еще пользовался некоторым доверием у подпольщиков) также был арестован вместе с остальными и доставлен в IX форт. Вернувшись оттуда, он рассказал, будто некоторые полицейские не выдержали допросов и выдали немцам имена руководителей подполья. Но позже оказалось, что предателем был сам Липцер: он сдал всех, кого знал.

Китель тщетно добивался от начальника еврейской полиции Мойше Левина, чтобы тот сказал ему, кто убил «его Файна». Разъяренный упорным молчанием Левина, Китель сам застрелил его, а тело приказал сжечь. Затем, обращаясь к оставшимся полицейским инспекторам, он произнес:

«Теперь вы ответите на мои вопросы: кто состоит в террористической группе гетто, где они прячут оружие, где их секретные бункера, кто скрывает золото и деньги в гетто, и кто убил моего Файна? Тот, кто откажется отвечать, будет гореть так же, как и Левин!»

В течение трех суток Китель запугивал и пытал полицейских, надеясь получить от них ответы на свои вопросы. Но он так и не получил их. Тридцать шесть полицейских, включая все руководство еврейской полиции, были расстреляны. Допросы членов «Совета старейшин» гетто в IX форте тоже не дали ничего.

Тем временем, пока остальные узники остались беззащитными, в гетто началась массовая облава, вошедшая в историю как «детская акция». Гестаповцы обыскивали дом за домом, взламывая погреба, обыскивая каждый подозрительный угол. (Китель был уверен, что во многих домах есть тайные убежища.) Схваченных людей — в основном стариков, детей, больных и инвалидов — выводили из гетто и сажали в грузовики. Некоторые женщины пытались спрятаться и спрятать своих детей, но на них развернулась настоящая охота. Чтобы заглушить крики несчастных, немцы весь день гнали по громкоговорителям браваурные марши и танцевальную музыку.

«Ну что, все котята здесь?» — спросил Китель. («Котятами» на гестаповском жаргоне называли еврейских «детей»).

Облава продолжалась до вечера. В результате было схвачено около 900 детей, стариков, больных и инвалидов. Их погрузили в машины и вывезли куда-то на запад. Как стало известно позднее, местом назначения был концлагерь Аушвиц — Освенцим, где всех их ждали газовая камера и крематорий.

Но немцев эта цифра не устраивала. На следующий день облава продолжилась. Китель в сопровождении своих подручных — унтершарфюрерров Пильгрема, Фивигера, Ауэра и других — лично обыскивал дом за домом. Подвалы забрасывали гранатами, поскольку Китель считал, что в каждом доме с подвалом есть «партизанский бункер». Но на это раз им удалось схватить всего около 200 человек. Всех их отправили в IX каунасский форт.

Вместо прежней еврейской полиции в Каунасском концлагере была создана «Служба закона и порядка». Ее возглавил не кто иной, как агент СД Бенья Липцер. Его заместителем стал бывший полицейский и отпетый хулиган Т. Арнштам, а ближайшими помощниками — Бенцион Жямайтис и Вульф Виленчук. (После войны Арнштам предстал перед советским судом и был наказан по заслугам. Жямайтис поплатился за свои преступления еще раньше — однажды толпа заключенных просто растерзала его.)

Большая часть администрации бывшего гетто также была заменена на «проверенных» гестапо людей. «Совет старейшин гетто» был упразднен, а вместо него остался один лишь «староста лагеря».

Для «укрепления дисциплины» гестапо прислало в Каунасский концлагерь несколько десятков немецких «капо», то есть надсмотрщиков, которые набирались исключительно из немецких уголовников из концлагерей на территории рейха. Территория гетто уменьшилась, а каждый дом теперь назывался «блоком» и носил свой номер. Как это было принято в концлагерях, в каждом «блоке» был свой «старший по блоку». Каждое утро проводились переклички, и

если хотя бы одного человека не хватало, расстреливали весь «блок», включая и «старшего по блоку». За малейшее нарушение лагерных правил отправляли в лагерную тюрьму, а затем в черном автобусе в IX форт...

Тогда же, весной 1944 года, началась отправка тысяч заключенных концлагеря на принудительные работы в Германию. Тысячи людей отправлялись в так называемые «рабочие» или «еврейские лагеря» в окрестностях Каунаса. Новая «администрация» сдавала людей в гестапо за малейшие симпатии к подпольщикам.

В начале лета 1944 года немцы провели перепись тех узников, кто еще оставался в «центральном лагере». Их оказалось всего около 7000 человек.

К началу июля 1944 года части Красной армии вплотную подошли к границам Литвы. Немцы опасались восстания в бывшем Каунасском гетто, и поэтому утроили охрану. Было принято решение об окончательной ликвидации «Каунасского центрального концлагеря». В город были переброшены несколько подразделений немецких СС, венгерская бригада войск СС, персонал венского отделения СД и рижской полиции. Комендант всех концлагерей в Литве оберштурмбанфюрер Гёке вызвал к себе бывшего главу «Совета старейшин» Элкса и объявил ему:

«Мы хотим избавить евреев от опасности оказаться в прифронтовой зоне... Каунасские евреи будут размещены в хорошо организованных лагерях в Германии, в стране высокой цивилизации и культуры. Это будут даже не лагеря, это — образцовые лагеря... Поэтому вы должны убедить евреев не прятаться, а собраться в назначенном месте для эвакуации. Мы желаем добра всем евреям...»

Началась новая облава. Всех, кто сопротивлялся отправке в Германию, расстреливали на месте. Все места, где могли скрываться евреи, — подвалы, погреба, чердаки, — как и в прошлый раз, забрасывали гранатами, дома — обливали бензином и поджигали.

Все схваченные в ходе этой последней «акции» узники лагеря были разбиты на колонны и отправлены на Запад. Правда, число их оказалось меньше, чем при последней переписи, и Гёке приказал продолжить облавы.

Тем временем Китель был занят поисками своего самого верного осведомителя, Бени Липцера. Еще задолго до того Китель полшутя-полусерьезно пообещал ему: «Вы мой очень хороший друг, Липцер. Именно поэтому я окажу вам особую честь — я расстреляю вас лично...»

Кителю повезло. Он нашел Липцера, прятавшегося в одном из подвалов, и исполнил свое обещание...

Ликвидация лагеря и его филиалов продолжалась целую неделю. Последний эшелон с евреями отправился из Каунаса 13 июля 1944 года, остальных казнили на месте. Гестаповцам и литовским полицаям удалось обнаружить лишь небольшое количество стариков, инвалидов и детей, которые были расстреляны на территории бывшего кладбища Каунасского гетто. Больные были сожжены вместе с лагерьной больницей.

Всего в ходе ликвидации Каунасского лагеря было убито около 4000 человек. Остальные были вывезены в концлагеря на территории Германии: мужчины — в Дахау, женщины — в Штутхоф. Впоследствии Штутхоф¹ в мае 1945 года был освобожден Красной армией, а Дахау — войсками союзников.

Несколько сотен сумели спастись: их так не нашли. Еще от 140 до 300 человек из «рабочего лагеря» Эйерелис бежали по пути на Каунасский вокзал и присоединились к партизанам в лесу Каслу Руда, уговорив бежать с собой и нескольких охранников из бригады «Русской освободительной армии» Власова. Последних уцелевших освободили части Красной армии, вошедшие в Каунас 1 августа 1944 года.

¹ Концлагерь Штутхоф был создан в сентябре 1939 года в дельте реки Висла, на территории оккупированной Польши. Его первыми узниками стали 6 тысяч поляков из Поморья. Позднее в лагерь стали доставлять евреев, французов, немцев, бельгийцев и узников других национальностей. За все время существования лагеря через него прошли 120 тысяч заключенных из 19 стран Европы. Из них 85 тысяч нашли там свою смерть. 25 января 1945 года, в связи с приближением советских войск, гитлеровцы начали эвакуацию лагеря и его филиалов на Запад. 15 тысяч заключенных погибли в ходе пешего перехода, остальные были освобождены по дороге частями Красной армии в марте 1945 года. В последние дни апреля 1945 года немцы погрузили последних 7 или 8 тысяч заключенных концлагеря Штутхоф на лайнер «Кап Аркона» и небольшой пароход «Тильбек» и вывезли в Германию. Они встали на якорь под белым флагом в Нейштадтской бухте, рядом с другим бывшим лайнером «Дейчланд», переоборудованным в плавучий госпиталь для немецких солдат. Здесь они стали жертвой британской авиации. Все три корабля были подожжены фугасными бомбами и затонули. Англичане обвиняли немцев, что это они убили узников, находившихся на борту. Немцы винили английских летчиков, якобы знавших, что на борту находятся заключенные. Но бросается в глаза следующее: на огромном плавучем госпитале «Дейчланд», на которомплыли только немцы, к моменту налета уже не было ни одной живой души. На «Кап Арконе» — 6 или 7 тысяч заключенных. На «Тильбеке» — одна тысяча заключенных. О немецкой команде или других пассажирах на обоих последних кораблях нигде не упоминается. По всей видимости, заключенные были заперты на нижней палубе и брошены на произвол судьбы. Спаслись лишь те, кому удалось разбить иллюминаторы и броситься в море. См.: Шойфлер Х. Разгром вермахта между Вислой и Одером // Шойфлер Х., Тике В. Марш на Берлин / Пер. с нем. и научная редакция М.Ю. Крысина. М.: Эксмо, 2005.

К моменту оккупации в Литве, по разным оценкам, находилось от 225 до 265 тысяч евреев, включая 13—15 тысяч беженцев из Польши¹. Именно в Литве погибло наибольшее количество евреев в странах Балтии. Ее территория была полностью оккупирована германскими войсками уже в первую неделю войны, поэтому число беженцев из Литвы было крайне невелико. Под властью оккупантов оказалось не менее 220—225 тысяч евреев.

С зимы 1943/44 года и вплоть до лета 1944 года, в период ликвидации последних концлагерей в Литве, число уничтоженных литовских евреев составило более 10 000 человек. Лишь около 8—9 тысяч человек пережили оккупацию. Из них 2—3 тысячи были освобождены Красной армией, скрывались с помощью местных жителей или сражались в партизанских отрядах. Остальные уцелели, пройдя концентрационные и трудовые лагеря.

По признанию высшего фюрера СС и полиции в Прибалтике обергруппенфюрера СС Йекельна, в Литве было уничтожено 100—200 тысяч евреев. Число очень приблизительное. «Палач Прибалтики» не утруждал себя точными цифрами, тем более что все они сохранились в немецких документах. Но если верить современным, более точным данным, в годы немецко-фашистской оккупации в Литве погибло не менее 215 000—220 000 евреев. Это примерно 95—96 % от довоенного количества евреев, проживавших в Литве — самый большой процент не только по всем трем республикам Прибалтики, но и по другим республикам СССР и странам Европы! Здесь было уничтожено $\frac{4}{5}$ всех евреев Прибалтики...

Всего же за годы оккупации в Литве было уничтожено около 700 000 человек, в том числе свыше 370 000 жителей Литвы, 229 000 советских военнопленных и около 100 000 человек из других республик СССР и оккупированных государств Европы. Только в течение первого периода насильственной мобилизации в Литве на работу в промышленности рейха было вывезено более 36 000 человек; общая же цифра угнанных в Германию на принудительные работы мирных жителей составила, по самым минимальным подсчетам, около 70 000 человек. Таков был итог деятельности немецко-фашистских оккупантов и их пособников в Литве...

¹ Порат Д. Катастрофа в Литве — специфические аспекты. С. 21. По немецким данным, в Литве в 1935 году проживало 93 479 евреев. См.: Отчет о деятельности эйнзатцгруппы «А» за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г. РГВА. Ф.500. Оп.4. Д.92. Л. 56—64.

ГЛАВА 7

ЛАТВИЯ: «ЗДЕСЬ ЛЮДЕЙ
КАЗНИЛИ ЗА ТО,
ЧТО ОНИ БЫЛИ НЕВИНОВНЫ...»

Нацистский террор в Латвии

26 июня 1941 года части немецкой 8-й танковой дивизии группы армий «Север» вошли в Даугавпилс, а еще три дня спустя, 29 июня, немецкие войска заняли Екабпилс (Якобштадт), Ливны (Ливенгоф) и южную часть Риги. Вслед за армейскими частями следовали эйнзатцкоманды.

На территории Латвии в течение лета 1941 года действовали четыре эйнзатц- и зондеркоманды из состава эйнзатцгруппы «А» — зондеркоманда «1а», зондеркоманда «1b», эйнзатцкоманда «3» и эйнзатцкоманда «2».

Зондеркоманда «1а» проследовала через Лиспаю, Елгаву и Ригу, после чего действовала в Эстонии и в Псковской и Ленинградской областях.

Зондеркоманда «1b», пройдя через Литву и Белоруссию, вступила в Даугавпилс 8 июля 1941 года, но через пять дней продолжила путь на восток. Она действовала в Псковской, Новгородской и Ленинградской областях, а затем вернулась в Минск, взяв на себя функции полиции безопасности в Белоруссии.

Эйнзатцкоманда «3» с первых дней войны действовала в Литве. в частности в Каунасе и соседних округах, а затем взяла на себя обязанности полиции безопасности в Литве. Однако район ее деятельности не ограничивался Литвой, так как ее передовые отряды занимались организацией еврейских погромов и массовых казней также

в Белоруссии и Латвии. Так, с 13 июля по 23 августа 1941 года одно из ее подразделений «работало» в Даугавпилсе (сменив зондеркоманду «1b»).

Эйнзатцкоманда «2», пройдя путь от литовского Шяуляя через Ригу до Гатчины в Ленинградской области, зимой 1941/1942 года вновь вернулась в Ригу, где взяла на себя обязанности полиции безопасности во всей Латвии¹. Ее первым командиром был Р. Баатц, которого с 4 ноября 1941 года сменил оберштурмбанфюрер СС д-р Эдуард Штраух, позже назначенный одновременно командиром полиции безопасности и СД в Латвии.

Справка: **Эдуард Штраух** родился 17 августа 1906 года в г. Эссен (Германия), имел высшее образование и степень доктора права. Вступил в НСДАП 1 октября 1931 года (билет № 623 392), а 1 декабря 1931 года — в СС (билет № 19 312). В 1934 году Штраух был переведен на службу в СД.

С 4 ноября по 2 декабря 1941 года Штраух в звании оберштурмбанфюрера СД командовал эйнзатцкомандой «2», действовавшей на территории Латвии, которая уничтожила в Риге 10 600 евреев.

С 3 декабря 1941 года он был назначен командиром зондеркоманды «1b», которая в 1941—1943 годах действовала в Белоруссии (Штраух руководил ею вплоть до июня 1943 г.). Одновременно с февраля 1942 по июль 1943 г. он являлся командиром полиции безопасности СД и в Белоруссии. Находясь на этом посту, 27 марта 1942 года Штраух сообщал в Берлин, что за время пребывания в Минске подчиненные ему части уничтожили около 15.000 евреев и цыган. В середине 1943 года Штраух был переведен на службу в СД в Бельгию, а затем в Дортмунд (Германия). Уже в конце войны он был назначен фюрером СС и полиции безопасности в Валлонии (Бельгия).

После войны Штраух предстал в качестве подсудимого перед военным трибуналом США по делу «Об эйнзатцгруппах СД», проходившем в Нюрнберге в 1947—1948 годах. Был признан виновным в массовых расстрелах евреев на территории СССР и 10 апреля 1948 года приговорен к смертной казни, которая позднее была заменена пожизненным тюремным заключением. После этого он был передан бельгийским властям и 30 октября 1948 года приговорен бельгийским судом к смертной казни, которая впоследствии была заменена пожизненным заключением. Умер 9 сентября 1955 года в тюрьме в Бельгии.

¹ В феврале 1943 года все эйнзатцкоманды были реорганизованы и переброшены в северные районы России, для борьбы с партизанами в прифронтовой полосе. Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P. 16—17.

С начала декабря 1941 года Штраух был назначен командиром зондеркоманды «1b», действовавшей в Белоруссии, поэтому в Латвии с декабря 1941 года его сменил оберштурмбанфюрер СД д-р Франц Ланге, назначенный командиром эйнзатцкоманды «2» и начальником полиции безопасности и СД в Латвии.

Справка: **Франц Рудольф Эрвин Ланге** родился 18 апреля 1910 года в г. Вайсвассер (близ Лигница) в семье строительного инспектора имперских железных дорог. В 1934 году окончил университет, получив степень доктора права. С 1933 года он работал в государственной тайной полиции (гестапо) в г. Галле, когда еще гестапо не находилось под юрисдикцией СС. С ноября 1933 года Ланге вступил в Штурмовые отряды (СА), 1 мая 1937 года — в НСДАП (билет № 4 922 869), 30 сентября 1937 года — в СС (билет № 290 308). В 1938 году он был переведен в отделение гестапо в Вене; с 1939 года работал в качестве правительственного советника (регирунгсрата) в гестапо г. Штутгарт. В 1940 году Ланге возглавлял отделения гестапо в Веймаре и Эрфурте. С сентября 1940 года был сотрудником берлинского гестапо.

В июне 1941 года Ланге в звании оберштурмбанфюрера СС был назначен начальником отдела гестапо эйнзатцгруппы «А», а с 3 декабря 1941 года стал командиром эйнзатцкоманды «2», сменив на этом посту оберштурмбанфюрера Штрауха. Одновременно Ланге занял пост командира полиции безопасности (зипо) и СД в Латвии. В декабре 1941 года он организовал массовые расстрелы евреев в Риге и Лиепае и лично отдал приказ об уничтожении деревни Аудрины в Даугавпилсском уезде. 20 января 1942 года Ланге — теперь уже признанный «практик» в еврейском вопросе — принял участие в печально известной Ванзейской конференции, на которой обсуждались меры по «окончательному решению еврейского вопроса». В 1944 году Ланге возглавил полицию безопасности и СД в г. Позен (ныне Познань) в оккупированной Польше, а несколько месяцев спустя получил звание штандартенфюрера СС (1 января 1945 г.). Погиб в феврале 1945 года при обороне Познани.

Политика германских властей с первых дней оккупации была такова: очистить «восточные оккупированные территории» от евреев и коммунистов должны сами жители этих территорий. Поэтому практические задачи эйнзатцгруппы «А», как следовало из отчета ее командира от 31 октября 1941 года, включали в себя агитацию местного населения за «сотрудничество с вермахтом, подстрекательство местного населения к еврейским погромам, массовое уничтожение евреев и коммунистов (с указанием цифровых данных), планомерное истребление душевнобольных, мероприятия по устрашению партизан и др.»

Не удивительно, что эйнзатцкоманды поручали всю «грязную работу» — погромы и расстрелы коммунистов и евреев — местным «полицаям»: если они хотят сотрудничать с немцами и в будущем, то это надо сначала заслужить. В числе организационных мероприятий, поставленных перед эйнзатцгруппой «А», на одном из первых мест было «формирование вспомогательной полиции и защитных команд» из местного населения, на которые предполагалось возложить основную работу по уничтожению евреев, коммунистов и прочих «врагов рейха». «Ввиду увеличения вверенной нам территории, а также большого количества задач, решаемых полицией безопасности, — докладывал Шталекер, — мы с самого начала стремились к привлечению надежного населения к борьбе против вредителей в собственной стране, в первую очередь, против евреев и коммунистов. Кроме управления спонтанными акциями по самоочищению, мы заботились также о вовлечении надежных сил в работу по очистке, с тем чтобы сделать их постоянными вспомогательными органами полиции безопасности».

Почти дословно этот же тезис — с приказом «незаметно содействовать» еврейским погромам — был повторен в циркуляре Гейдриха от 2 июля 1941 года, который был разослан всем высшим функционерам СС и полиции, прикомандированным к группам армий для управления новыми восточными территориями.

Формированием полицейских батальонов и отрядов для проведения погромов руководили будущие командиры «Латышского легиона СС» — полковники Вальдемар Вейсс, Александр Пленснерс, Виктор-Бернхард Арайс, Арвед Оше, Карлис Лобе, Крэйшманис, Крипенс, Петерсонс и др.

Сразу после вступления на территорию Латвии передовых отрядов немецкой группы армий «Север» некоторые латышские полевые командиры попытались восстановить существовавшую до 1940 года систему полицейской власти. Кое-кто из них сам себя назначал префектом полиции в окружных и уездных центрах, другие были назначены немцами.

В Ригу и Рижский округ, вскоре после захвата города частями вермахта 29 июня, вступили зондеркоманда «1а» и эйнзатцкоманда «2». Первой руководил штурмбанфюрер СД Мартин Зандбергер, будущий командир полиции безопасности и СД в Эстонии, второй — оберштурмбанфюрер СС Эдуард Штраух, впоследствии занимавший аналогичный пост в Латвии и в Белоруссии. Под их руководством в Риге в начале июля 1941 года из отрядов латышских националистов были организованы первые несколько рот «Латышской вспомогательной полиции» (нем.: *Lettische Hilfspolizei*) в коли-

честве 400 человек. «Латышским комендантом Риги» был назначен подполковник Вальдемар Вейсс, один из будущих командиров «Латышского легиона СС».

Справка: **Вальдемар Вейсс (Veiss)**, бывший подполковник Латвийской армии, военный атташе в Эстонии. В первые месяцы немецко-фашистской оккупации Вейсс стал латышским военным комендантом Риги, создателем «Латышской вспомогательной полиции» Риги и одним из организаторов еврейских погромов и политических «чисток» в Латвии, за что получил от немцев звание полковника полиции. С апреля 1943 года — легион-штандартенфюрер (позднее — штандартенфюрер войск СС (Waffen-Standartenführer)), командир 1-го полка Латышского легиона СС (позднее — 39-го добровольческого полка СС (латышского № 1) в составе 2-й (латышской) добровольческой бригады СС. Позже Вейсс получил звание оберфюрера войск СС и служил инфантерифюрером 2-й латышской бригады СС (с 1944 г. — 19-й гренадерской дивизии войск СС). Кавалер Германского Золотого Креста (1944) и Рыцарского Креста Железного Креста (апрель 1944 г., посмертно). Погиб в бою 17 апреля 1944 года. 39-й полк после гибели Вейсса и преобразования бригады в 19-ю дивизию СС был переименован в 43-й гренадерский полк войск СС «Вальдемар Вейсс».

Кроме того, в городе была образована специальная «Организация по проведению очистительных акций» (Organisation für Ausführung der Säuberungsaktion) во главе с А. Брантсом, а также две команды для проведения погромов (одной из этих «команд безопасности» руководил Виктор-Бернхард Арайс — будущий шеф Латышской полиции безопасности). Вспомогательная полиция в количестве 400 человек обеспечивала охрану города, и даже понесла потери — 4 человека, очищая город от отставших красноармейцев, снайперов и т.д.

Префектом полиции Риги был назначен Р. Штиглиц, бывший заместитель шефа политической полиции Латвии Фридрихсона в период ульманисовской диктатуры (1934—1940)¹. Одним из его ближайших помощников стал Арвед Оше, бывший начальник административного отдела организации «айзсаргов» в период диктатуры

¹ Майданов А.Г. Рассудит Клио // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 37. Любопытно, что в 1930-е гг. Штиглиц сотрудничал с британской разведкой, а после войны его якобы видели в Бразилии, где скрывался и другой латышский военный преступник — Герберт Цукуре (см.: Воякина Н., Макаров В. Палач Риги Герберт Цукуре (17 марта 2006 г.) // Сайт «Агентство федеральных расследований» (<http://www.flb.ru/info/36665.html>).

Ульманиса, впоследствии — один из организаторов полицейских батальонов в Латвии, после войны нашедший убежище в Стокгольме. Другим подручным Штиглица стал Виктор-Бернхард Арайс, возглавлявший в первые дни оккупации латышскую политическую полицию в Риге под началом «латышского военного коменданта Вейсса». Именно Штиглиц, Вейсс, Оше и Арайс стали создателями и руководителями латышской вспомогательной полиции, исполнявшей с первых дней оккупации всю грязную работу по поручению нацистских властей.

Справка: **Виктор Бернхард Арайс (Arajs)** (1910—1988), родился в г. Баддона в семье кузнеца. Закончил гимназию в Елгаве, прошел службу в Латышской армии, демобилизовался в звании капрала. После этого окончил юридический факультет Рижского университета. Служил в полиции в звании лейтенанта. С 1934 года — член фашистской партии «Перконкруст». После присоединения Латвии к СССР получил диплом юриста и одновременно создал подпольную антисоветскую организацию. В первые же дни фашистской оккупации Риги Арайс организовал захват здания префектуры полиции Риги, а затем создал из бывших «айзсаргов», «перконкрустовцев» и полицейских «команду безопасности», которая осуществляла погромы и расстрелы евреев, коммунистов и прочих «инакомыслящих». В 1942 году так называемая «команда Арайса» стала костяком для создания Латышской полиции безопасности, которую возглавил тот же Арайс, получивший в 1942 году звание штурмбанфюрера. Арайс и его подчиненные принимали участие в массовых расстрелах, в том числе в концлагере Саласпилс. В 1944 году вместе с отступавшими частями вермахта Арайс бежал в Германию, а затем перебрался в США. В 1950 году натурализовался в Соединенных Штатах как Виктор Зейбот, взяв фамилию жены. В 1975 году по требованию властей ФРГ был депортирован в Западную Германию, где в 1980 году был приговорен судом к пожизненному заключению. Умер в тюрьме г. Кассау в 1988 году.

Формирование «команды Арайса» началось еще 5 июля 1941 года, когда руководитель латышской фашистской организации «Перконкруст» Густавс Цельминыш призвал латышей вступить в добровольную «команду безопасности», которой руководил Виктор Арайс (в то время Арайс возглавлял всю рижскую полицию). В состав «команды Арайса» вошло около 1000 человек, преимущественно члены организации «Перконкруст» — студенты и старшеклассники, а также офицеры бывшей латышской армии.

В течение лета и осени 1941 года «команда безопасности Арайса» расстреляла в Бикерниекском лесу около 10 тысяч человек, как ла-

тышей, так и свреев, коммунистов, прочих «инакомыслящих» и просто душевнобольных, которые, согласно расовой теории нацистов, также подлежали уничтожению. При расстрелах присутствовал и начальник оперативного отдела Латышской политической полиции (ЛПО) Тейдеманис. А заместитель начальника оперативного отдела ЛПО Эдгар Лайпениекс любил лично принимать участие в казнях политзаключенных Центральной Рижской тюрьмы, хотя это не входило в его прямые обязанности.

Справка: Эдгар Лайпениекс (Laipeņieks). В начале 1930-х годов Лайпениекс был довольно известным спортсменом, тренировался в спортивном обществе «Объединение государственного знамени», бежал на средние и длинные дистанции и порой занимал призовые места. (Однажды, когда Лайпениекс занял второе место в одном из забегов, министр Альфред Берзиньш даже пригласил его к себе на трибуну.) Потом поступил в Латвийский (Рижский) университет на юридический факультет. При этом продолжал заниматься спортом — перешел в общество «Университетский спорт»; одновременно подрабатывал, давая уроки физического воспитания в одной из рижских школ на ул. Лавизес. В 1936 году Лайпениекс впервые решил попробовать свои силы в журналистике, печатал статьи в спортивной газете «Спорта пасауле». В июле 1936 года участвовал в Олимпиаде в Берлине.

Примерно с осени 1941 года Лайпениекс работал сотрудником латышской политической полиции, созданной под началом немецкой эйнзатцкоманды «2», а впоследствии стал заместителем начальника оперативного подотдела Латышской политической полиции Тейдеманиса (с 1943 года подотдел был преобразован в оперативный отдел Латышской полиции безопасности). Лайпениекс вел допросы заключенных в Рижской тюрьме, как правило, с применением пыток, иногда лично участвовал в казнях. Он был опознан после войны несколькими свидетелями по сохранившейся фотографии, где он запечатлен вместе с пятерыми другими палачами во время одной из казней.

В начале 1944 года, еще при оккупации, Лайпениекс решил обзавестись собственным «делом». Он открыл хлебопекарню рядом с ж/д станцией Зелитаны (Ошкалны), где работало двое пекарей и несколько подсобных рабочих. Заодно купил дом в Риге на улице Индрану, 8; сам он поселился в 5-комнатной квартире № 7, вместе с женой Тамарой и сыновьями Бруно и Эриком, а остальные сдавал внаем. По словам его домохозяйки Э. Рудаки, Лайпениекс не оставлял свои занятия спортом и каждое утро занимался бегом на соседнем кладбище. Но когда немецкие войска стали отступать из Латвии, эта идиллия нарушилась, и Лайпениекс вместе с семьей бежал в Германию.

После войны Лайпениекс исчез на несколько лет, но затем вдруг объявился в Соединенных Штатах Америки. Он поселился под собственным именем в Солейна-Бич, близ Сан-Диего, и спокойно жил здесь на содержании ЦРУ. Служба иммиграции и натурализации сначала пыталась расследовать слухи о его участии в военных преступлениях, но вмешалось ЦРУ, некоторые детали этого дела попали в местную газету Сан-Диего, которая опубликовала заметку о Лайпениексе. «Центральное разведывательное управление, — говорилось в статье, — оплачивало расходы по его (Лайпениекса) поездкам в Японию, на Аляску, в Сан-Франциско и Вашингтон для сбора и распространения определенной информации о Советском Союзе. ЦРУ сообщило, что расследование против него прекращено». В итоге, летом 1976 года, служба иммиграции и натурализации прекратила расследование по делу Лайпениекса ввиду вмешательства ЦРУ и «заслуг» Лайпениекса перед этим ведомством.

В 1943 году «команда Арайса» была преобразована в Латышскую полицию безопасности и начала выезжать в другие города и уезды Латвии, где уничтожила еще около 5 тысяч человек. Так, например, подчиненные Арайса принимали непосредственное участие в карательных операциях в феврале и марте 1943 года в Даугавпилском округе, которыми лично руководил высший фюрер СС и полиции в «Остланде» группенфюрер СС Фридрих Йекельн.

Но деятельность «команды Арайса» не ограничивалась одной Латвией: ее палачи совершили достаточно преступлений также в соседних Псковской области и Белоруссии. В последующие периоды Великой Отечественной войны особый отряд Арайса периодически направлялся для проведения карательных операций в районах городов Великие Луки, Слуцк, Барановичи, Минск, участвовал в уничтожении Минского гетто...

Еще одной из «заслуг» Штиглица, Вейсса, Оше и Арайса была организация по указанию немецких властей «спонтанных» еврейских погромов в Риге, которые проводились силами латышской «вспомогательной полиции». Очевидцы отмечают, что «именно эти банды убийц совершили большинство убийств в небольших городах Латвии, как при поддержке немцев, так и без нее». Одна из самых зверских расправ над рижскими евреями произошла 4 июля 1941 года, когда латышские пособники нацистов сожгли Рижскую синагогу вместе с находившимися там людьми...

Как отмечал в своем отчете командир эйнзатцгруппы «А» бригадефюрер СС Шталекер, организовать чистки и погромы в Латвии было значительно сложнее, чем, например, в Литве. «...В основном, — пояснял Шталекер, — это объяснялось тем, что националь-

ное руководство было угнано Советами. Однако путем оказания влияния на латышскую вспомогательную полицию удалось организовать еврейский погром, во время которого было разрушено несколько синагог и убито 400 евреев».

Прошло чуть более недели с того дня, как немецкие войска вступили в Ригу, и 8 июля 1941 года Штиглиц направил свой первый отчет командиру эйнзатцкоманды «2»: «За сутки арестован 291 коммунист и в 557 кварталах произведены обыски». Кроме того, в ходе всех этих «спонтанных акций по самоочищению», как это называлось на ээсовском жаргоне, только в Риге в первые дни оккупации было убито около 500 евреев. Остальные были согнаны в так называемое «Рижское еврейское гетто», созданное по подобию Каунасского, — несколько оцепленных колючей проволокой кварталов в Московском районе города. Оно просуществовало всего пять месяцев...

Не менее трагическая судьба была уготована оккупантами и их пособниками для советских военнопленных. В июле 1941 года в Риге, в помещениях бывших казарм на улицах Пернавской и Рудольфа, был организован лагерь военнопленных — шталаг 350¹, который просуществовал до освобождения Риги частями Красной армии в октябре 1944 года. Только с декабря 1941 года по май 1942 года от голода, холода, избиений, сыпного тифа и расстрелов в лагере погибло 30 тысяч военнопленных. Оккупанты ежедневно расстреливали военнопленных, которые из-за истощения или болезни не могли отправиться на работу.

В течение всей войны в шталаге 350 и его отделениях оккупанты расстреляли и просто замучили до смерти более 130 тысяч человек. После освобождения Риги Чрезвычайная государственная комиссия, расследовавшая преступления нацистов и их пособников на территории Латвии, обнаружила в Риге и ее окрестностях 12 мест массового захоронения трупов военнопленных. Из них наиболее крупные находились в Саласпилсе, Зиепниеку-Калис, на территории Панцерских казарм и на Новом еврейском кладбище.

Помимо массового уничтожения евреев, цыган, коммунистов и всех инакомыслящих, Латвия в период оккупации стала новым полигоном для испытания нацистской программы «улучшения расы». Клиника Рижского университета стала «центральной на-

¹ Сокращение от немецкого «Stammlager», то есть «основной лагерь», в отличие от пересыльных лагерей, которые назывались «дулаг» (Dulag, сокр. от нем.: Durchgangslager или Durchgangsstrasse).

учным учреждением» Прибалтики по стерилизации (принудительной стерилизации подвергались, например, женщины, состоявшие в «смешанных браках»). В рамках той же программы по «улучшению расы» уничтожению подлежали все душевнобольные, прежде всего — в клиниках Риги, Елгавы и Даугавпила. Согласно отчету командира эйнзатцгруппы «А» бригадефюрера СС Шта-лекера от 31 октября 1941 года, к 15 октября по его приказу в Прибалтике было уничтожено в общей сложности 748 душевнобольных.

В Лиенау, по словам очевидцев, гитлеровцы входили, прикрываясь за щитами орудий, прижимаясь к стенам домов, забрасывая в окна ручные гранаты. В качестве проводника выступал Густав Целминьш, имевший звание зондерфюрера¹ после окончания Кёнигсбергской спецшколы абвера и являвшийся лидером антисемитской партии «Перконкруст», начавшей сотрудничать с абвером и СД еще в 1930-е годы.

Здесь также прошли еврейские погромы, а оставшихся в живых евреев согнали в Лиенауское гетто. Позднее, в декабре 1941 года, гетто было ликвидировано. В течение трех дней — с 14 по 16 декабря — в Лиспае было уничтожено 2749 евреев и 23 коммуниста (последних схватили в эти дни, так как остальные коммунисты были уничтожены намного раньше, и расстреляли заодно с евреями). Одним из страшных свидетельств этих казней стали фотографии, сделанные начальником Лиенауского филиала полиции безопасности и СД гауптшарфюрером Карлом Штротом. После этих казней в бывшем Лиенауском гетто, которое теперь именовалось концлагерем, осталось всего 295 заключенных. Часть узников в начале 1942 года была переведена в концлагерь в Салдусе (нем.: Фрауэнбург).

В Вентспилсе расправами над коммунистами и евреями руководил латышский подполковник Карлис Лобе.

Справка: **Карлис Лобе** — в годы Гражданской войны в России был адъютантом Льва Троцкого на переговорах в Брест-Литовске, позднее командовал батальоном в Сибирской армии Колчака. В армии независимой Латвии имел звание подполковника. С самого

¹ Зондерфюрерами называли офицеров службы снабжения и обеспечения, а также военных специалистов (в том числе некоторых квалифицированных врачей, переводчиков и др.). Строевых чинов зондерфюреры не имели: для них существовала особая система званий: цугфюрер (командир взвода), компанифюрер (командир роты), абтайлунгфюрер (командир батальона). В первые месяцы войны звания зондерфюреров присваивались также некоторым иностранцам и командному составу «восточных батальонов» (русских, украинских, белорусских, прибалтийских).

начала немецко-фашистской оккупации в 1941 году был организатором уничтожения евреев в Вентспилсе, а также в Дриссе и Освесе (Белоруссия). Итог своей деятельности в первые дни оккупации города Карлис Лобе резюмировал исторической фразой: «Вентспилс свободен от евреев». За свои заслуги перед рейхом Карлис Лобе был произведен в легион-штандартенфюреры (позднее — штандартенфюреры войск СС) и награжден Германским Золотым Крестом (июнь 1944). В разное время Лобе являлся командиром 39-го (1-го) и 40-го (2-го) полков 2-й Латышской добровольческой пехотной бригады СС (будущей 19-й дивизии войск СС), инфантери-фюрером 19-й латышской гренадерской дивизии войск СС (с 17 апреля 1944 г. после гибели В. Вейсса) и командиром 43-го полка 15-й гренадерской дивизии войск СС (июнь 1944). После войны Карлис Лобе нашел убежище в Стокгольме.

В Илукстском уезде **Елгавского (Митавского) округа**, непосредственно примыкающем к Даугавпилскому округу и граничащем с территориями Литвы и Белоруссии, айзсарги из отрядов «самообороны» расстреляли на окраине города Субате около 700 человек, не щадя даже женщин, стариков и детей. В Силинской волости Екабпилского уезда айзсарги и латышские полицейские согнали все еврейское население местечка Боровки в местную синагогу. После нескольких дней зверских издевательств над женщинами, стариками и детьми все 186 человек были расстреляны из пулеметов и винтовок на берегу озера Смилочино. Тех, кто еще подавал признаки жизни, добивали прикладами. Однако это — лишь неполные данные.

В **Даугавпилсе**, так же как и в Риге, 3 июля 1941 года латышские националисты с помощью немцев создали городское самоуправление и «**Службу вспомогательной полиции**» (нем.: **Hilfspolizeidienst, HPD**). Во главе обоих стал бывший капитан латвийской армии Петерсонс. «В службу вспомогательной полиции (СВП), — как говорилось в немецких документах, — вошли бывшие военнослужащие латышской армии и члены бывшей организации самозащиты (айзсаргов)». В течение июля 1941 года на территории Даугавпилского уезда ими было уничтожено около 900 мирных жителей (в основном евреев) в местечке Прейле и в Прейльской волости, а в августе того же года — еще 110 местных жителей в селении Дагла. Как обычно после проведения таких массовых казней, участники расстрела делили между собой имущество убитых, включая ценности и одежду.

Но даже несмотря на этот разгул террора, немецкие власти были не удовлетворены. Особенно неудовлетворительным, по их мнению,

было положение в Даугавпилсе, где «до сих пор было 45 тысяч жителей. 50 % из них — евреи». В сводке событий в СССР № 24 от 16 июля 1941 года шеф полиции безопасности и СД рейха Рейнхард Гейдрих сообщал:

«Латыши, в том числе и находящиеся на руководящих постах, держали себя по отношению к евреям совершенно пассивно и не отваживались против них выступать. ...Получается, что в противоположность литовцам, латыши не занимают активной позиции и лишь нерешительно организуются, чтобы единым фронтом пойти на евреев.

Значительно ослабляет активность латышского населения то обстоятельство, — продолжал Гейдрих, — что за две недели до возникновения войны русские вывезли около 500 латышских семей, которых можно считать относящимися к интеллигенции, в глубь страны».

В эти дни — 8 июля 1941 года — в Даугавпилс вступила **зондеркоманда «1b»** (сю командовал гауптштурмфюрер СС Герман Хубиг). Как говорилось в сводке, она «своими делами вдохнула силу в латышей», и они стали изгонять еврейские семьи из города, а мужчин задерживать. К 7 июля латышские «полицай» под ее руководством арестовали 1125 евреев, 32 коммуниста и 85 русских рабочих. «Задержанных мужчин-евреев сразу же расстреливают и погребают в заранее подготовленных рвах, — говорилось в той же сводке. — Зондеркомандой «1b» в Даугавпилсе до настоящего времени расстреляно 1150 евреев».

Пять дней спустя зондеркоманду «1b» сменила **эйнзатцкоманда «3»**, 13 июля 1941 года в Даугавпилс прибыл персидовой отряд эйнзатцкоманды «3», чьи основные силы под командованием Йегера находились в Литве. 22 августа 1941 года в ходе проверки в городской тюрьме Даугавпилса подручные Йегера расстреляли 21 человека (в том числе 3 русских коммуниста, 1 русского гвардейца, 2 политрука, 5 латышей (один уголовник), 3 поляка, 5 цыган и 2 еврея. Всего же за сорок дней (с 13 июля по 23 августа 1941 г.) в Даугавпилсе ими было расстреляно 9012 евреев и 573 коммуниста (всего 9585 человек).

В те же дни в Даугавпилсе был организован лагерь для советских военнопленных — шталаг 340, первым комендантом которого был Хуго Майер. Среди местных жителей Даугавпилсский лагерь был известен как «лагерь смерти». Методы уничтожения людей здесь были примерно такими же, как в Рижском шталаге 350. За три года оккупации, с 1941 по 1944 год, в Даугавпилсском шталаге было уничтожено более 124 тысяч военнопленных.

Еврейские гетто в Латвии

Тех евреев, кого латышские полицаи не успели уничтожить в первые дни, согнали в гетто. Крупнейшие еврейские гетто в Латвии находились в Риге и Даугавпилсе, более мелкие — в Лиспае, Салдусе, Валмиере и других городах.

«Особое внимание было уделено проведению мероприятий по организации еврейских гетто или по их подготовке, — говорилось в оперативной сводке № 5 о деятельности эйнзатцгрупп на оккупированной территории СССР за период с 15 по 30 сентября 1941 года. — Для этого многократно, в том числе в Риге, были использованы еврейские советы старейшин. В населенных пунктах, где наблюдалась усиленная вражеская пропагандистская деятельность, было расстреляно все еврейское население».

Рижское гетто было создано по подобию Каунасского: нацисты просто оцепили колючей проволокой несколько улиц в Московском районе города. Однако, если Виленскому гетто в Литве предстояло просуществовать до осени 1943-го а фактически — до лета 1944 года, то Рижскому гетто было отведено менее полугода...

23 августа 1941 года оккупационные власти объявили, что все еврейское население должно покинуть свои квартиры и переселиться в указанный район, который стал называться Рижским гетто. Из 40 000 евреев, не успевших эвакуироваться из Риги в первые дни войны, после первых погромов к июлю 1941 года уцелело 32 000. Они и составили население Рижского гетто.

«По словам Гимmlера, — рассказывал позднее на судебном процессе в Риге высший фюрер СС и полиции в Прибалтике Фридрих Йекельн, — работу в Остланде я должен был поставить так, чтобы там был полный покой, для чего должны быть прежде всего уничтожены все до одного евреи. ... Напутствуя меня перед моим отъездом в Остланд, Гимmlер, в частности, подчеркнул, что этот вопрос в основном уже решен. Осталось только в Риге ликвидировать еврейское гетто — сделать это было поручено мне. На тот момент там находилось 20—25 тысяч человек. Помимо местного еврейского населения, сюда помещались и евреи, доставляемые эшелонами, как из Германии, так и из других европейских стран. Все евреи, содержавшиеся в рижском гетто, по моему приказу были расстреляны в течение недели конца ноября 1941 года. Расстрелы производились в двух километрах от города недалеко от шоссе Рига — Двинск (Даугавпилс), по левой его стороне, на опушке небольшого леса, расположенного между шоссе и железной дорогой».

В начале октября 1941 года оккупационные власти опубликовали указ, согласно которому с 15 октября Рижское гетто объявлялось

закрытым, и что с 25 октября всем евреям запрещается покидать гетто. Каждый еврей, задержанный за пределами гетто, подлежал аресту и казни. С этого времени еврейские рабочие команды могли покидать Рижское гетто только под конвоем.

«...Каждый день немцы, как и латыши, забирали еврейских рабочих у ворот гетто и возвращали их назад только ночью. На месте работы евреев охраняли части СС и армии, размещавшие их в конфискованных квартирах по 50 человек в комнате... Продовольственное снабжение в гетто было почти нулевым, — вспоминает бывший узник гетто Альфред Винтер, — и поэтому большинство было вынуждено голодать. Многие рабочие пытались тайно пронести в гетто продукты, возвращаясь с работы. Но это была почти невозможная задача, так как у ворот гетто их обыскивали германские и латышские СС. (Вероятно, имелись в виду подразделения эйнзатцкоманды «2» и латышская полиция, как известно, входившая в состав СС. — М.К.) Положение стало еще хуже, когда охрану взяли на себя части немецкой полиции. Среди них были откровенные отбросы человечества. Некоторые еврейские каменщики были отправлены в Юнгфернхоф, находившийся примерно в 4 милях от Риги, где они должны были строить какие-то бараки и ... Никто в то время еще не знал, какова цель этих работ. (Речь идет о строительстве концлагеря Саласпилс — Кайзервальд, где были впоследствии уничтожены многие узники Рижского гетто. — М.К.)»

29 ноября узникам Рижского гетто объявили, что их переводят в другой лагерь, к новому месту поселения. Незадолго до того, в ноябре 1941 года, администрация гетто выбрала из числа узников наиболее ценных специалистов и поместила их в отдельный лагерь.

«Во второй половине ноября 1941 года немцы объявили, что часть людей будут переведены из гетто, чтобы покончить с перенаселением, — продолжает свой рассказ Винтер. — Лиц, подлежащих переводу, предполагалось собрать в лагере за пределами гетто, а если они будут разлучены со своими семьями, им разрешат видиться раз или два раза в месяц. Некоторые из обитателей гетто поверили немцам и были рады этому, так как в гетто уже ощущались проблемы с вывозом мусора и со здоровьем (узников). Не было названо никакой даты переселения.

Наконец 30 ноября 1941 года началось переселение людей из гетто. В этот день рабочие, как обычно, покинули гетто, но у ворот они увидели лишь нескольких немцев и служащих латышских СС и (еврейской) полиции гетто. Зато перед воротами стояло несколько городских автобусов. Когда же они вернулись в гетто, почти половины населения гетто уже не было и часть гетто пустовала. Раздели-

тельной линией была улица Лудзас. Возвратившихся рабочих разместили в одной из секций опустевшей части гетто. То, что они увидели там, шокировало их. Тут и там валялись тела, а снег во многих местах был покрыт пятнами крови. Дома были разорены, а их стены и валявшаяся вокруг одежда были также залепаны кровью. Им приказали перенести тела на кладбище, и они увидели, что у многих жертв головы разможены как от взрыва. Должно быть, эсэсовцы использовали специальные пули “дум-дум” для убийства этих людей. Немцы заявили, что убиты были только те, кто отказывался переселяться или оказывал сопротивление».

В этот день в гетто происходили следующие события. Всем оставшимся 27 000 узникам гетто было предписано явиться в назначенное место, имея при себе не более 20 кг багажа. Тех, кто сопротивлялся, убивали на месте.

«По словам жителей гетто, — рассказывает А. Винтер, — латышские и немецкие СС, а также немецкая полиция и латышская вспомогательная полиция ходили от дома к дому, выгоняя их жителей на улицу. Тех, кто сопротивлялся или просто не мог быстро двигаться, забивали или расстреливали на месте. Дома в этой части гетто были обысканы от крыши до подвала, и всех, кого находили — сразу же расстреливали. Людей собрали на улице Лудзас и построили в пять колонн. Затем их погнали из гетто в направлении Саласпилса под конвоем хорошо вооруженных латышских эсэсовцев. Тех, кто не мог идти, расстреливали, и их тела усеивали покрытую снегом улицу. Это все, что смогли услышать рабочие... Никто не знал, что случилось с теми, кого вывели из гетто. Большинство думали, что их доставили в Саласпилс, поскольку было известно, что вблизи Саласпилса находился лагерь, использовавшийся латвийской армией для летних сборов. Сколько человек погибло внутри гетто в этот день, тоже не известно, но скорее всего, их было около 500 человек».

На самом деле, всех «отсортированных» узников гетто — кого на городских автобусах, кого пешком — отправили не в Саласпилс, а в Румбульский лес, к месту массовой казни. Вместо «нового места поселения», здесь, в Румбульском лесу, их ждала братская могила...

Расстрелы узников Рижского еврейского гетто в Румбульском лесу проходили 30 ноября и 8 декабря 1941 года.

«Еще до переселения людей из гетто (то есть до «акций» 30 ноября и 6 декабря. — М.К.), — по словам А. Винтера, — латышские рабочие огородили колючей проволокой одну сторону улицы Лудзас. Таким образом, меньшая часть гетто была отгорожена от остальной. Эта часть гетто была освобождена от своих обитателей и позднее была известна как “Латвийское мужское гетто”. После так на-

зываемой акции 30 ноября 1941 года в этой секции были собраны все мужчины, вернувшиеся с работы. ...Группы людей отправляли неизвестно куда, и это называлось "акцией". В ходе этой акции из гетто были отправлены куда-то от 13 до 15 тысяч мужчин, женщин и детей. Никто не знал, куда их забирали, и никто не подозревал, что они убиты. Сама мысль о том, что подобное может случиться в таких масштабах, казалась невозможной. И это несмотря на то, что мы знали о том, что несколько тысяч евреев были убиты латышами в июле и августе 1941 года».

«После "большой акции" 30 ноября 1941 года жизнь в гетто вернулась в нормальное русло, — вспоминает А. Винтер. — ... Большинство людей еще не знало, что делать, пока не наступило утро 6 декабря 1941 года. (Очевидно, автор имеет в виду 8 декабря. — М.К.) Когда рассвело, эсэсовцы врывались в двери и заставляли жителей покинуть свои дома. Тех, кто сопротивлялся, расстреливали на месте. Эсэсовцы пытались построить людей в колонны и вывести из гетто. Это было повторением того, что случилось неделей раньше. Но неделю назад люди шли как ягнята, а теперь они сопротивлялись, то и дело происходили стычки, слушалась стрельба. ...Жестокость немцев и латышских СС и полиции не знала пределов. ...Были арестованы все, даже те, кто служил немцам. Еврейские старейшины, так же как и еврейская полиция (которую до сих пор не трогали), были схвачены, все гетто было очищено. Затем их погнали в сторону Двинска. Но на самом деле они шли в Румбульский лес, где их всех расстреляли.

Колонны людей сопровождала пара конных упряжек, которые должны были подбирать тела убитых и их вещи. Во второй половине дня, когда еврейские рабочие вернулись в "малое гетто", их заставили убирать трупы, лежавшие вокруг на территории бывшего "большого гетто". Здесь они увидели всю бесчеловечность латышей и немцев. На территории гетто было убито примерно 900 мужчин, женщин и детей, которые пытались сопротивляться или не могли двигаться достаточно быстро. Это было намного хуже, чем первая акция — 30 ноября 1941 года. ...На этот раз из гетто было выведено от 12 до 14 тысяч евреев, и лишь 3—4 тысячи узников остались в живых».

Вот рассказы еще нескольких очевидцев этих событий — чудом оставшихся в живых узников Рижского гетто. Вспоминает житель Риги Михаил Кор, которому в 1941 году было 13 лет:

«Тогда, в декабре — в середине декабря 1941 года — они снова ворвались (в гетто), крича и стреляя, с собаками и громкоговорящими. С этого дня у меня появился с грах перед собаками, и я едва

ли смогу преодолеть его, так как я все еще вижу этих огромных псов в ночных кошмарах. Они сказали, что все женщины, дети и престарелые должны переселиться в другое место, а взрослые работоспособные люди должны перейти в другую часть гетто. И мы знали, что ... это был не пикник в парке, это было "окончательное решение".

Непосредственное руководство «акциями» 30 ноября и 8 декабря 1941 года, со слов самого Йекельна, осуществлял начальник полиции безопасности и СД в Латвии оберштурмбанфюрер СС д-р Ланге. Исполнителями были немецкие и латышские части полиции и СД, в том числе «команда безопасности Арайса», а также члены латышских военизированных организаций «Перконкруст» и «Айзсарги».

В числе организаторов и исполнителей акции свидетели из числа бывших узников Рижского гетто называют обергруппенфюрера СС Ф. Йекельна, незадолго до того назначенного высшим фюрером СС и полиции в «Остланде», командира эйнзатцгруппы «А» и начальника полиции безопасности и СД в «Остланде» Ф. Шталекера, начальника полиции безопасности и СД в Латвии Ф. Р. Ланге, начальника Латышской полиции безопасности и СД майора В. Арайса и его ближайшего помощника Г. Цукурса, префекта латышской полиции города Риги Штиглица, лейтенанта вермахта Данскопа, сотрудника германской полиции порядка г. Риги обервахтмайстера Отто Тухсля, лично расстреливавшего узников гетто в ходе акций 30 ноября и 8 декабря 1941 года и «соперничавшего с латышами» по своей жестокости, а также сотрудников германской полиции и СД Фридриха Янке, Макса Неймана, Эмиля Дидриха и др.

Одним из участников уничтожения Рижского гетто был латыш. оберштурмфюрер Конрад Калейс, который командовал особой расстрельной ротой в «команде Арайса» (Латышской полиции безопасности), на счету которой не менее 30 тысяч человеческих жизней.

Справка: **Конрад Калейс (Kalejs)** (1913—2001) родился 26 июня 1913 года в Риге. В 1935 году, в возрасте 22 лет, он поступил кадетом в Латвийскую армию, а с сентября 1940 года, после вступления Латвии в состав СССР, автоматически был переведен в 24-й латышский территориальный корпус РККА. После нападения Германии на Советский Союз Калейс дезертировал из Красной армии и в первые же дни оккупации вступил в латышскую вспомогательную полицию. Позднее перешел в Латышскую полицию безопасности («команду Арайса»), где командовал особой расстрельной ротой. Участвовал в расстреле жителей деревни Аудрины Резекненского уезда, в 1942 году охранял концлагерь Саласпилс, в 1943—1944 годах участвовал в ка-

рательных операциях в Латвии, Белоруссии и России. В годы оккупации дослужился до звания оберштурмфюрера (обер-лейтенанта) войск СС. (Впоследствии сам Арайс, уже отбывавший наказание в западногерманской тюрьме в г. Кассау, и другие «коллеги» опознали Калейса как одного из палачей из «команды Арайса», одно время являвшегося начальником охраны концлагеря Саласпилс и руководившего несколькими карательными операциями в прифронтовой зоне. Один из его бывших подчиненных, латыш Рудольф Сомс, сообщил органам юстиции, в частности, что Калейс руководил нападением на две русские деревни и «полностью уничтожил их жителей».) Тем не менее после войны Калейс сумел избежать допросов в лагерях военнопленных и в 1950 году беспрепятственно выехать в Австралию, где он получил работу в Бонсгилльском лагере (крупнейшем в Австралии миграционном центре). Здесь Калейсу удалось, пользуясь своим служебным положением, обеспечить переезд в Австралию еще нескольких нацистских военных преступников (согласно расследованию, проведенному Марком Аароном). В 1957 году Калейс получил австралийское гражданство (причем в официальном ходатайстве он написал, что всю войну провел в Австралии в качестве фермера!). Два года спустя, в 1959 году, Калейс перебрался в США, где разбогател и стал миллионером. Но органы юстиции и служба иммиграции США в 1984 году все-таки обнаружили данные о его нацистском прошлом. Однако поскольку Калейс формально являлся гражданином Австралии, власти США не стали заводить на него уголовное дело, а предложили ему в 1988 году покинуть страну. С помощью целого ряда судебных тяжб Калейсу удалось отсрочить свой отъезд на целых 6 лет. И только в 1994 году (из-за неправильно оформленных документов!) он вернулся в Австралию, чтобы оттуда сразу же перебраться в Канаду. В 1997 году, после еще нескольких судебных разбирательств, он был снова депортирован из Канады в Австралию. Но и здесь «охотники за нацистами» сумели выследить его и доказать суду, что Калейс является военным преступником и участником массовых казней в Саласпилсе. И в 1999 году Калейс был вынужден спешно бежать в Великобританию. Через шесть месяцев его следы были снова обнаружены в Лейстершире, в роскошном особняке, служившем чем-то вроде дома престарелых для латышских эмигрантов. Нынешний министр иностранных дел Великобритании Джек Стро, в то время являвшийся министром внутренних дел, официально объявил прессе, что в отношении Калейса начато дело о депортации, и в январе 2000 года Калейс спешно вернулся в Мельбурн. По законам Австралии, его не могли подвергнуть судебному преследованию за лжесвидетельство при оформлении австра-

лийского гражданства. А расформирование в 1992 году органа, занимавшегося расследованием военных преступлений времен Второй мировой войны, позволяло Калейсу не опасаться никаких обвинений в военных преступлениях. Находясь в Австралии, Калейс продолжал отвергать все обвинения международной прессы и органов юстиции других стран. Правда, в своем интервью австралийскому телевидению, данном сразу по возвращении в Мельбурн, Калейс в конце концов признал, что лично знал Арайса и служил в латышской полиции в период немецкой оккупации Латвии. Тут в дело вмешались власти родной Латвии. Латвию давно уже обвиняли в возрождении нацистской идеологии и в том, что с 1991 года в этой стране не предстало перед судом ни одного военного преступника. Поэтому в сентябре 2000 года Генпрокуратура Латвии вынесла Калейсу обвинение в военных преступлениях. Но фактически обвинение было чистой демагогией, тем более что большинство свидетелей преступлений Калейса к тому времени уже были мертвы. Поэтому обвинение ограничилось тем, что вменило в вину Калейсу расстрел 6 (!) узников концлагеря Саласпилс. В мае 2001 года магистрат Мельбурна принял решение об экстрадиции Калейса в Латвию. Но до суда дело опять не дошло. Защитник Калейса заявил, что его подзащитный не может предстать перед судом по состоянию здоровья (рак, старческий маразм, глухота, ослабленное зрение, склероз...). Вместо суда Калейс отправился в одну из клиник Австралии, где и умер 8 ноября 2001 года в возрасте 88 лет. Умер своей смертью, так и избежав вынесения приговора.

Другим участником казней в Румбульском лесу был Карлис Детлавс, известный не столько благодаря своим чинам и званиям при гитлеровцах, сколько благодаря своей патологической жестокости.

Справка: **Карлис Фрицис Детлавс (Detlavs)** родился 27 июня 1911 года в Стамериенской волости Мадонского уезда Латвии в многодетной семье местного столяра. Учился в школе лютеранской общины, между делом получил специальность слесаря, затем поступил в Гулбенскую коммерческую школу, но так и не закончил ее — потянуло к красивой жизни, на которую не всегда хватало отцовских денег. После года учебы Детлавса исключили из школы за неуспеваемость, а также некоторые «неблаговидные» поступки, грозившие уже уголовной ответственностью. Неудавшийся коммерсант поклялся, что отомстит всем своим обидчикам. Но в 1929 году его призвали на военную службу. Через два года Детлавс вернулся в звании капрала, но поехал не домой, а в Ригу, где устроился в рекламной фирме «Декарс» и проживал по адресу улица Ропажу, д. 1, кв. 3. Здесь Детлавс вступил в антисемитскую организацию «Перконкруст»

(в Санаторском районе Риги), участвовал в еврейских погромах, которые «перконкрустовцы» организовали в Риге в 1934—1935 годах. Кроме того, как следует из досье рижской полиции, в 1930-е годы Детлавс занимался распространением нелегальной литературы, участвовал в собрании «Перконкруст» в Бикерниекском лесу около Лепрозория осенью 1934 и в конце марта 1935 года. На основании всех этих данных III уголовное отделение Рижского окружного суда 22 января 1937 года приговорило Детлавса к 6 месяцам тюремного наказания, но позднее он был освобожден условно. В годы войны бывший уголовник Детлавс добровольно вступил во вспомогательную полицию Риги, а затем служил в Латышской полиции безопасности (то есть «команде Арайса»), в той самой расстрельной роте. Там, несмотря на молодость, он заслужил клички «Большой Фрицис», «Старый волк» и «Кровавый Детлавс». Его боялись даже сослуживцы. Детлавс участвовал в массовых расстрелах в Бикерниекском и Румбульском лесах, а также дважды направлялся в роли начальника караула в Саласпилсский концлагерь (к тому времени он уже служил в 15-й латышской дивизии войск СС, где к августу 1944 года имел звание обершарфюрера (обер-фельдфебеля) войск СС). В конце войны Детлавс сбежал в Германию, откуда пересек в США, где проживал по адресу 528, Оркни, г. Балтимор и возглавлял Балтиморское отделение латышской эмигрантской организации «Даугавас Ванаги» («Даугавские ястребы»), о которой подробнее пойдет речь в последней главе. В 1978 году советские и американские органы юстиции проводили расследование по делам К. Детлавса и аудринского палача Б. Майковска. Но расследование закончилось тем, что заместитель директора специальных расследований министерства юстиции США Мартин Мендельсон, уже известный в США как преследователь нацистов, был вынужден подать в отставку, а Федеральный иммиграционный суд г. Балтимор «прекратил слушания по делу о высылке из страны Карлиса Детлавса...».

«...Вскоре, — заключил свой рассказ Йексельн, — я послал Гиммлеру телеграмму, что рижское гетто ликвидировано. Кроме того, при встрече затем доложил Гиммлеру о выполнении его приказа еще и устно. Гиммлер остался доволен как акцией, так и докладом».

К концу года, после «акций» 30 ноября и 8 декабря 1941 года, из 32 тысяч узников Рижского гетто в живых оставалось только 4800 человек. Остальные — как минимум 27 тысяч — были расстреляны в Румбульском лесу. Точное число казненных, впрочем, сегодня установить трудно. «Я думаю, — вспоминает бывший узник Рижского гетто Альфред Винтер, — что в ходе только этих двух акций (30 ноября и 8 декабря 1941 г.) было убито от 28 до 30 тысяч евреев. Точной циф-

ры я не знаю, так как в Рижское гетто прибывали новые узники, выжившие во время резни в других городах и селах, пополняя количество уцелевших». В течение декабря 1941 — января 1942 года к этим жертвам добавилось еще примерно 2300 человек¹. В общей сложности же в Румбульском лесу было уничтожено от 20 или 25 до 38 тысяч человек, в основном — узников Рижского гетто...

«...В процессе обработки уголовных дел, — писал в своем отчете в Берлин командир эйнзатцгруппы «А» Шталекер, — в связи с уклонением евреев от ношения еврейских опознавательных знаков, спекуляцией, кражами, жульничеством, а также для того, чтобы предотвратить опасность распространения эпидемий в гетто в последующее, время экзекуции евреев продолжались. Так, 9 ноября 1941 года в Дюнабурге было казнено 11 034² еврея, в начале декабря 1941 года во время акции, проведенной по приказу высших чинов СС и полиции в Риге, — 27 800 евреев и в середине декабря 1941 года, по желанию рейхскомиссара, в Либау — 2350 евреев. ...В настоящее время в гетто (кроме евреев из рейха) содержится латвийских евреев:

в Риге около 2500,
в Дюнабурге 950,
в Либау 300³.

Все они очень хорошие специалисты и пока необходимы для сохранения экономики».

Тем не менее Рижское гетто, теперь превращенное в концлагерь, продолжало существовать. Хотя его население уменьшилось в несколько раз, в гетто прибывали евреи из других городов и сел Латвии, а также из других оккупированных стран и из Германии. Одной из первых была группа евреев из Литвы, которых временно разместили в «мужской секции» гетто. «Они рассказали ... о массовых

¹ Согласно отчету эйнзатцгруппы «А», из 4800 человек к 31 января 1942 года в Рижском гетто оставалось только 2500 человек. См.: Отчет эйнзатцгруппы «А» о деятельности за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г. РГВА. Ф.500. Оп.4. Д.92. Л. 63—64.

² Путем подсчета цифр можно заключить, что эта цифра была простой опечаткой. На самом деле в Даугавпилсе 9 ноября 1941 года было уничтожено не 11 034, а 1134 человека. См.: Альтман И. Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941—1945 гг. С. 234—242.

³ После казней 14—16 декабря 1941 года в бывшем Лиепайском гетто (теперь — Лиепайском концлагере) осталось всего 295 заключенных. Часть из них в начале 1942 года была переведены в концлагерь в Салдусе (нем.: Фрауэнбург). См.: Обзор по состоянию на 3.1.1942 г., Лислая, 3 января 1942 года. Цит. по: Алов Г.Г. (публ.) Палачи // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 20.

убийствах в Литве, — вспоминает Альфред Винтер. — У многих это заронило сомнения (в утверждениях немцев о переселении), но они все еще не могли поверить в то, что их семьи были убиты».

Позднее, в середине декабря 1941 года, на станцию Шкиротава близ Риги прибыл эшелон с германскими евреями из Дюссельдорфа. После того как в течение суток они мерзли в нетопленных вагонах на станции, 15 декабря их отправили пешком в Рижское гетто.

«Когда они вошли в дома, — вспоминает А. Винтер, — их глаза округлились от того, что они увидели здесь. Но у них не было времени, чтобы осознать все это, так как за ними толпились другие, тоже искавшие убежища. В одной комнате размещалось от 10 до 15 человек; оставшегося пространства хватало только на то, чтобы стоять. ...Наконец они начали понимать, что там, где они находятся, недавно произошло что-то ужасное. Они увидели замерзшую еду на столах, заляпанную кровью одежду в прихожей, детскую коляску с бутылочкой замерзшего молока в снегу на улице, перевернутые вверх дном вещи и разграбленные чуланы».

В конце 1941 — начале 1942 года немцы доставили в обезлюдившее Рижское гетто в от 16 000 до 20 000 евреев из рейха и из других оккупированных стран.

«С декабря 1941 года, — сообщал в связи с этим в очередном отчете командир эйнзатцгруппы «А» Шталекер, — из рейха с короткими промежутками поступают транспорты с евреями. Из них 20 000 были направлены в Ригу и 7000 — в Минск. Первые 10 000 евреев, эвакуированных в Ригу, частично были размещены во временно расширенном сборном пункте для беженцев, а частично — в бараках нового лагеря рядом с Ригой¹. Остальные транспорты вначале были направлены в отдельную часть рижского гетто. Строительство барачного лагеря идет при участии всех евреев и уже продвинулось настолько, что весной все эвакуированные евреи, которые пережили зиму, могут быть собраны в этом лагере».

Почти все они были уничтожены в ближайшие недели. Бригадфюрер СС Шталекер в своем отчете объяснял это так:

«Среди евреев из рейха очень мало трудоспособных. Примерно 70—80 процентов составляют женщины и дети, а также старые, неспособные особи. Количество смертей постоянно возрастает, частично это результат необыкновенно суровой зимы. Успехи немногих годных к использованию евреев из рейха удовлетворительны. Они предпочтительнее русских евреев из-за владения немецким

¹ Речь идет о концентрационном лагере Кайзервальд, впоследствии более известном как Саласпилс. — М.К.

языком, а также из-за относительно большей чистоплотности. Замечательна приспособляемость евреев, с какой они устраивают свою жизнь, применяясь к имеющимся условиям...»

К концу 1943 года почти все латвийские евреи также были уничтожены или умерли от непосильной работы в концлагере Саласпилс. Некоторые были отправлены в другие концлагеря — Аушвиц (Освенцим) в Польше, Штутхоф в Восточной Пруссии и др.

«...Они погрузили нас на корабль, — вспоминает бывший узник Рижского гетто Михаил Кор. — ...Это был торговое судно, не пассажирское, нас уложили на палубу... Я все еще вижу мысленно все это, хотя немецкие солдаты находили это забавным. Мы просили воды — а нас было несколько сотен, уложенных как сардины на палубе, — а они опускали штаны в воды Балтики и потом отряхивали над нами. Они считали это самой забавной шуткой, какую они видели в своей жизни. После этого ужасного путешествия, длившегося пять или шесть дней, нас выгрузили в Штутхофе, в Германии, точнее — в Восточной Пруссии, откуда начался мой так называемый “бег” по концентрационным лагерям».

Даугавпилское (Двинское) гетто было создано в конце июля 1941 года.

К началу войны в Даугавпилсе (по немецким данным) проживало более 20 тысяч евреев. После того как в город вступили передовые отряды зондеркоманды «1b», к 7 июля 1941 года под ее руководством латышские полиция уничтожили 1150 евреев. Эйнзатцкоманда «3» за сорок дней (с 13 июля по 23 августа 1941 г.) уничтожила в Даугавпилсе 9012 евреев и 573 коммуниста (всего 9585 человек). И, наконец, в ходе массовой «акции» 9 ноября 1941 года в Даугавпилском гетто было расстреляно еще 1134 человека. Кроме того, в течение июля и августа на территории Даугавпилского уезда было уничтожено еще как минимум 1100 человек. Таким образом, из двадцати тысяч даугавпилских евреев к декабрю 1941 года оставалось около 8000 человек.

Тем не менее Даугавпилское гетто пополнялось за счет еврейского населения Даугавпилского округа. В конце 1942 года в нем находилось около 30 тысяч человек. Но большинство из них здесь ждала смерть. Согласно отчету Шталекера о деятельности эйнзатцгруппы «А», к февралю 1942 года в Даугавпилском гетто оставалось всего 950 узников.

Всего в Даугавпилсе и Резекне, по словам Фридриха Йекельна, за время войны было уничтожено от 70 до 100 тысяч человек, главным образом евреев. Основными местами расстрелов в Даугавпилсе являлись «Золотая горка», Погулянка и Железнодорожный сад.

где было убито более 15 000 человек. В общей сложности за время оккупации Даугавпилса там было уничтожено 160 000 советских граждан, в том числе 125 000 советских военнопленных и около 35 000 евреев, коммунистов, партизан, «саботажников» и других «враждебных элементов».

Латышская полиция и «айзсарги»

Вооруженные отряды латышских националистов под командованием своих «полевых командиров» начали формироваться еще в дни отступления Красной армии, хотя ядро их было создано еще осенью 1941 года при поддержке германских спецслужб. В некоторых городах они даже предприняли попытки захватить власть собственными силами, не дожидаясь прихода немцев. Часть этих отрядов представляла собой не что иное, как воссозданную довоенную организацию «Айзсаргов» (Aizsargi) — «Гражданской стражи», которая была создана еще в 1919 году партией «Латышский крестьянский союз», возглавлявшейся Ульманисом, а после переворота Ульманиса в 1934 году фактически играла роль Национальной гвардии.

Роты и батальоны «айзсаргов» продолжали существовать и при немецко-фашистской оккупации, хотя в немецких документах их ради единообразия называли ротами и батальонами «самообороны» (нем.: Selbstschutz). (Такое обозначение было принято во всей оккупированной Прибалтике.) Обычно батальон «самообороны» состоял примерно из 500 человек. Их функции были примерно такими же, как и у батальонов латышской вспомогательной полиции (Schuma-батальонов). И те и другие охраняли транспортные коммуникации, военные объекты, концлагеря и гетто, а также выполняли карательные функции.

Латышские полевые командиры, наиболее «отличившиеся» в ходе расправ над евреями и коммунистами, вместе со своими людьми поступили на службу при немецкой эйнзатцгруппе «А». 3 июля 1941 года командование эйнзатцгруппы сформировало из них в Риге первые несколько рот, получившие название «Латышской вспомогательной полиции» (нем.: Lettische Hilfspolizei). На основе всех этих формирований впоследствии предполагалось создать так называемую «латышскую милицию».

В Даугавпилсе, так же как и в Риге, 3 июля 1941 года латыши с помощью немцев создали городское самоуправление и «службу вспомогательной полиции» (нем.: Hilfspolizeidienst), в которой служили пре-

имущественно бывшие военнослужащие латвийской армии и организации «Айзсаргов». Во главе обоих стал бывший капитан латвийской армии Петерсонс.

Таким образом, роты, «сотни», батальоны и отдельные отряды латышских погромщиков послужили ядром для создания «Вспомогательной полиции порядка» (нем.: *Ordnungs-Hilfspolizei*), организованной в несколько батальонов и полицейских участков. В конце 1941 — начале 1942 года, как и в остальных республиках Прибалтики, все эти батальоны были преобразованы в «Охранную службу полиции порядка» (нем.: *Schutzmannschaft der Ordnungspolizei*, сокр.: *Schuma der Orpo*).

Формирование и реорганизация латышской полиции, по словам Фридриха Йекельна, назначенного с ноября 1941 года «высшим фюрером СС и полиции в Остланде», происходили следующим образом:

«При приходе немцев сформированные латвийские батальоны не были взяты, как отдельные единицы, — рассказал Йекельн, — а отданы в распоряжение германских вооруженных сил и распределены по германским воинским частям. Это рассказав мне как-то генерал-полковник Линдеманн¹, но речь шла, очевидно, о небольшом количестве людей.

Добровольцев насчитывалось около 20 000 (человек). К моему приходу формирование таких вспомогательных батальонов усиленно практиковалось, потому что было очень много добровольцев из латышей. Было сформировано 24 таких батальона, в каждом по 600 человек². Формирование батальонов производилось по распоряжению командующего полицией порядка в Остланде генерал-лейтенанта полиции Едике³. Приказ исходил от Гимmlера или генерал-

¹ Георг фон Линдеманн (1884—1963), генерал кавалерии (1 ноября 1940 г.), позднее — генерал-полковник (3 июля 1942 г.), командир 50-го армейского корпуса (1 октября 1940 — 17 января 1942 гг.), затем командующий 18-й армией (17 января 1942 — 1 марта 1944 гг.) и группой армий «Север» (1 марта — 3 июля 1944 г.).

² Командирами латышских добровольческих батальонов, как правило, назначались офицеры старой латвийской армии. Так, например, 21-м латышским батальоном практически до конца войны командовал подполковник Рутулис. Под его руководством в батальоне служили латышские офицеры — подполковник Якобсонс, капитан Лакстигала, гауптман Канс, лейтенант Суска и др. См.: Архив УФСБ по Ленинградской области. Ф. 12. Оп. 2. Д. 14. Л. 253; см. также: Stober H. Die lettischen Divisionen: Im VI. SS-Armee Korps. Osnabruck: Munin-Verlag. 1981. S. 307.

³ Йедике, Георг — генерал-лейтенант полиции порядка, командующий полицией порядка (орпо) в «Остланде» (июнь 1941 — март 1944 гг.).

полковника Далюге¹. Латвийское самоуправление не имело никакого отношения к этому мероприятию, 6 из этих батальонов были отправлены на Украину для охраны русских военнопленных, работавших на постройке и ремонте дорог. 4 батальона направили в Белоруссию. Остальные 14 батальонов проходили военную подготовку в Паплакене (учебный лагерь), Вайнодене², Цагаре (?), Тухермосе (?), Риге, Двинске³ и Валке. Ответственным за подготовку и использование этих батальонов был Едикс».

В начале 1942 года под непосредственным руководством командира полиции порядка (орпо) в Латвии было сформировано 22 латышских Schuma-батальона (с 16-го по 28-й и с 266-го по 274-й). К июню 1943 года началось формирование 11 латышских полицейских батальонов «второй волны» — с 275-го по 285-й; а в конце 1943 — начале 1944 года были образованы 10 батальонов «третьей волны» — с 313-го по 322-й. Примерно в марте 1944 года было сформировано также несколько «латгальских» полицейских батальонов из уроженцев Даугавпилсского округа — всего не менее четырех (325-й, 326-й, 327-й и 328-й).

Сфера действий латышских полицейских батальонов с 1941 по 1944 год была более чем обширной — Белоруссия, Украина, Ленинградская и Псковская области (тыловая зона немецкой 16-й армии), Польша, оборона Данцига в ноябре 1944 года... Так, 17-й, 22-й, 23-й, 25-й, 27-й, 28-й, 268-й, 270-й и 272-й латышские полицейские батальоны действовали на Украине — в городах Днепропетровске, Запорожье, Сталино, Коростень, Овруч, Житомир, Кривой Рог, Луцк, Керчь. 18-й, 24-й, 26-й, 271-й, 274-й батальоны — в Белоруссии, в Минске, Слониме, Бобруйске, Слуцке и др. 22-й и 272-й батальоны — в Варшаве... 16-й, 19-й, 21-й, 24-й и несколько других — проводили карательные акции в тылу немецкой группы армий «Север» на севере России, участвовали в блокаде Ленинграда, грабили и разрушали памятники истории и архитектуры в Гатчине и Петергофе...

Отдельные отряды латышских националистов, особо зарекомендовавших себя во время еврейских погромов, влились в «команду безопасности Арайса». За период с 3 по 16 июля в «службе вспомо-

¹ Далюге, Курт (1897—1947), обергруппенфюрер СС и генерал полиции, шеф германской полиции порядка (орпо) и начальник Главного управления полиции порядка (1936—1942), организационно входившего в состав СС, в 1942—1945 гг. — заместитель и исполняющий обязанности протектора Богемии и Моравии.

² Вайноден (Weinoden) — немецкое название г. Вайнёде.

³ Двинск (немецкое название Dünaburg) — г. Даугавпилс.

гательной полиции» и в «команде Арайса» под руководством зондеркоманды «1b» была «введена строгая дисциплина». В одной из своих сводок, которые регулярно направлялись фюреру, шеф РСХА Гейдрих писал: «Они выполняют роль вспомогательной полиции при оперативной команде и несут службу в уже созданных 6 полицейских участках. Некоторым из них поручены задачи борьбы с уголовными преступлениями, обеспечение безопасности...»

Официально «команда безопасности Арайса» с конца 1941 года называлась «Латышской политической полицией», а с весны 1943 года была переименована в «Латышскую полицию безопасности» в составе криминальной и политической полиции.

Латышская полиция безопасности (зипо) — в отличие от «латышской полиции порядка» (сокр.: Schuma der Орпо) — состояла из штабов и участков, а ее структура была параллельна немецкой полиции безопасности и СД в Латвии. Полицейских батальонов в латышской зипо не было¹.

Латышской полицией безопасности до осени 1944 года руководил штурмбанфюрер Виктор-Бернхард Арайс, почему ее и продолжали называть «командой Арайса», как в первые месяцы войны. Арайс и его «команда» подчинялись немецкому командиру полиции безопасности и СД и начальникам филиалов СД — в Даугавпилсе, Валмиере, Елгаве и Лиепае. Латышская полиция безопасности состояла из 2 отделов: **Латышского политического отдела (сокр.: ЛПО; нем.: Lettische Politische Abteilung)** и **Латышского криминального отдела (сокр.: ЛКО; нем.: Lettische Kriminalabteilung)**, размещавшихся в Риге, сначала на бульваре Аспазияс, а с января 1942 года — в здании на углу бульвара Райниса и ул. Реймерса, по соседству со штабом немецкого командира зипо и СД в Латвии.

Латышский политический отдел, начальником которого с 1941 года был Тейдеманис, состоял из 4 подотделов:

- 1) агентурный (занимавшийся выявлением «нежелательных элементов» негласным путем, на основе доносов);
- 2) оперативный (занимавшийся проведением арестов и первичных допросов, перед тем как передать арестованных в следственный подотдел);

¹ Упомянувшиеся в некоторых немецких документах батальоны «Охранной службы полиции безопасности» (нем.: Schutzmannschaft der Sicherheitspolizei) в действительности являлись обычными Schuma-батальонами, которые командир орпо в Латвии мог временно передать в подчинение командиру зипо и СД для выполнения особых задач. См.: Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich. Vol. 4. P. 8.

3) следственный;

4) подотдел надзора (занимавшийся наблюдением за «подозрительными» гражданами).

Помимо четырех перечисленных подотделов, при Латышском политическом отделе (ЛПО) имелись «охранное подразделение», «хозяйственное подразделение» и картотека. Латышский политический отдел имел филиалы на местах — в Либаве (Лиепаве) и Дюнабурге (Даугавпилсе), подчиненные соответственно немецким начальникам филиалов СД «Либава» и «Дюнабург». Латышский криминальный отдел также имел филиал в Либаве, при начальнике немецкого филиала СД «Либава» (о других филиалах информации нет).

«Команда Арайса» помимо своих основных обязанностей занималась организацией массовых убийств узников Рижского и других еврейских гетто и концлагерей, а с осени 1942 года — также карательными операциями против партизан, причем не только на территории Латвии, но и в некоторых соседних областях России, в Белоруссии и в Польше.

Так, например, отряд Латышской полиции безопасности под командованием Скамбергса занимался уничтожением узников Минского еврейского гетто, используя для этой цели «газзагены» — «душегубки». Зверства «арайсовцев» в Минске под руководством офицеров латышской СД Скамбергса и Турка были настолько вопиющими, что даже немцы были вынуждены отозвать последнего (Турка) из Минска.

В 1944—1945 годах, когда большая часть Прибалтики была освобождена Красной армией, из бывших служащих латышской СД создавались «истребительные команды» (нем.: *Jagdkommandos*) для борьбы с партизанами в Курляндии, хотя одновременно они продолжали заниматься арестами и расстрелами, охраной и переправкой в Германию заключенных концлагерей и тюрем на территории Латвии. В это же время часть служащих Латышской полиции безопасности и СД была привлечена штабом «Ягдфербанда Скорцени» для организации диверсионно-террористических групп в тылу Красной армии и создания пронацистского «сопротивления» в Прибалтике.

К этому следует добавить, что штатная численность немецкого полицейского аппарата в оккупированной Латвии была незначительной — на 10 октября 1942 года она составляла лишь 1000 человек (всего в Прибалтике и Белоруссии — 4428 человек). Это, собственно, и был весь личный состав эйнзатцкоманды «2», действовавшей на территории Латвии (плюс 987 человек из аппарата Шталекера,

командующего зипо и СД во всей Прибалтике, чей штаб тоже находился в Риге). Между тем в штате генеральной дирекции внутренних дел Латышского самоуправления к середине октября 1941 года насчитывалось 8212 полицейских, в том числе в Риге и окрестностях — 3000. Еще 217 человек состояло в латышской политической полиции.

И даже к концу 1943 года численность немецких полицейских сил и гражданской администрации (не считая частей вермахта) в Латвии в общей сложности не превышала 15 тысяч человек. Численность же латышской «вспомогательной полиции» составляла 18 000 человек. К 1 сентября 1943 года их было уже 36 тысяч человек (не считая частей Латышского легиона СС, Латышского авиационного легиона, нацистских молодежных организаций и чиновников самоуправления), тогда как численность немецкого аппарата практически не увеличилась. Таким образом, численность местной «туземной полиции» (или «полицаяв», как их звали в народе) была примерно в 10 раз (а в последующие годы — в 20 и более раз) больше численности немецкого полицейского аппарата.

Террор продолжается: Аудрины

Еще одним из длинного списка преступлений нацистов и их латышских пособников стало уничтожение деревни Аудрины в Резекненском уезде Даугавпилсского округа.

18 декабря 1941 года в деревне Аудрины произошла случайная перестрелка между двумя полицияями и шестью партизанами, скрывавшимися в деревне, в результате которой погибли по одному человеку с каждой из сторон. Через некоторое время в деревню прибыл отряд 2-го участка резекненской полиции, которым руководил Болеслав Майковскис. Наутро они попытались прочесать Масевский лес, но потеряли еще трех человек, а партизанам вновь удалось скрыться. Майковскис был в ярости. Связавшись по телефону с начальником резекненской полиции Альбергом Эйхелисом и с немецким окружным комиссаром Даугавпилса, он получил санкцию на расстрел всех жителей деревни Аудрины. Расправа была отложена до нового года, пока в Резекненской тюрьме пытали тех, кто подозревался в связях с партизанами, надеясь выбить из них правду. 1 января 1942 года отряд резекненской полиции во главе с Майковскисом и Эйхелисом вновь вернулся в Аудрины. Все 44 крестьянских двора были сожжены, а имущество — разграблено. Наутро жителей деревни под конвоем вывели на Анчупанские холмы, где в течение

2 и 3 января расстреляли всех 140 человек, в том числе более 50 детей. Казню непосредственно руководили Эйхелис, Майковскис и Пунтулис (начальник 4-го участка Резекненской полиции). Еще 30 арестованных ранее аудринцев, находившихся в Резекненской тюрьме, были расстреляны 4 января на базарной площади города Резекне. Расстрел производила специальная группа полицейских под командованием Пунтулиса.

Непосредственными руководителями этих казней были командир полиции безопасности и СД в Латвии оберштурмбанфюрер СС Франц Ланге и начальник Даугавпилсского филиала зипо и СД оберштурмфюрер СС Гюнтер Табберт¹, а также их подручные — начальник латышской вспомогательной полиции Резекненского уезда Даугавпилсского округа Альберт Эйхелис и начальник 2-го участка полиции Резекненского уезда Болеслав Майковскис.

Справка:

Эйхелис, Альберт Янович, выходец из зажиточной семьи, в школе был скаутским лидером, затем — окончил военное училище. В 1936 году вступил в организацию «айзсаргов», где служил полковым адъютантом. С приходом фашистов был назначен начальником участка особых поручений Рижской префектуры полиции, а с августа 1941 года — начальником полиции Резекненского уезда Даугавпилсского округа. После войны Эйхелис нашел убежище в ФРГ.

Майковскис, Болеслав Язепович до войны был командиром роты в полку айзсаргов, с началом немецко-фашистской оккупации вместе с другими айзсаргами организовывал еврейские погромы в Даугавпилсском округе по указаниям зондеркоманды «1b». С 27 июля 1941 до лета 1944 года являлся начальником 2-го участка полиции Резекненского уезда Даугавпилсского округа. В декабре 1942 года фюрер СС и полиции Латвии Шрёдер присвоил Майковскису звание капитана полиции, а 17 декабря 1943 года сам Йекельн наградил его Крестом «За военные заслуги» 2-й степени. В конце войны Майковскис бежал в Германию, а затем обосновался в США, в Нью-Йорке, где проживал на Грант-авеню, 232. Здесь Майковскис стал вице-президентом «Латышской американской ассоциа-

¹ Гюнтер Табберт в 1944 году сумел успешно бежать из Латвии, прихватив с собой огромное количество награбленного добра. В то время, когда проходил судебный процесс по делу Эйхелиса и других (октябрь 1965 г.), Табберт спокойно проживал в Дюссельдорфе, ФРГ. Тем не менее суд вынес частное определение о преступлениях Табберта, но привлечь его к ответственности так и не удалось. См.: Нацистских преступников — к ответу! С. 114.

ции» (в русском переводе также известна как «Объединение латышей в Америке»), членом комитета «Свобода Латвии» и «Ассамблеи поработанных народов Европы», действовавших под эгидой ЦРУ.

Среди палачей рангом помельче были Харальд Пунтулис — командир взвода айзсаргов, затем — начальник 4-го участка полиции Резекненского уезда (умер в Канаде в 1983 г.), его помощник Дроздовскис, начальник Резекненской тюрьмы Краминьш, надзиратель Резекненской (а с 1943 г. — Абренской) тюрьмы Петерис Вайчук, полицейские Язеп Басанкович и Янис Красовскис. Суд по делу этих шести военных преступников продолжался с 11 по 30 октября 1965 года в Риге, в здании Дворца культуры завода ВЭФ. Судом Латвийской ССР 30 октября 1965 года всем им были вынесены обвинения в измене Родине и преступлениях против человечности. Эйхелис, Майковскис, Пунтулис, Басанкович, Красовскис и Вайчук были приговорены к смертной казни (первые трое — заочно). 9 июля 1965 года МИД СССР направил ноты посольствам США, Канады и ФРГ о выдаче военных преступников Майковскиса, Эйхелиса и Пунтулиса, в которых даже точно указывалось их место жительства, но это требование советского МИДа было отклонено.

Из документа «Обзор деятельности полиции Резекненского уезда» от 20 июня 1942 года следует, что всего за год оккупации в этом уезде было расстреляно 126 евреев, 108 цыган, 41 большевик; арестовано и заключено в тюрьму 553 партизана (впоследствии их также расстреляли). Всего же на совести Эйхелиса и его подчиненных — Майковскиса, Пунтулиса и других — жизни 15 199 человек, включая 2045 детей. Именно столько было расстреляно ими в Резекненском уезде за три года оккупации, не считая еще 5089 человек, которые были угнаны в рабство в Германию.

31 октября 1941 года Шталекер отправил в Берлин шефу германской полиции и СД Гейдриху отчет о деятельности эйнзатцгруппы «А». До 15 октября 1941 года под руководством эйнзатцгруппы в одной только Латвии было казнено 31 868 человек, в том числе 30 025 евреев и 1843 коммуниста, а всего в Прибалтике и в Белоруссии — 121 817 человек. Еще около 5500 евреев, как говорилось в отчете, было убито в результате погромов в Латвии и Литве местными националистами без специального указания со стороны эйнзатцгруппы. Таков был кровавый итог деятельности латышских коллаборационистов, истребивших за три с половиной месяца несколько тысяч человек под руководством палачей с университетским образованием типа Йекельна, Шталекера, Штрауха, Ланге и им подобных.

Саласпилс: Освенцим на Латвийской земле

Лагерь смерти Саласпилс, созданный на территории Латвии, стал одной из страшных страниц в истории XX века наряду с Освенцимом, Дахау и Бухенвальдом. Лагерь Саласпилс (в переводе с латышского «Дворец мороза») был построен в октябре 1941 года близ одноименного поселка и железнодорожной станции, в 18 километрах от Риги, неподалеку от шоссе Рига — Даугавпилс и всего в нескольких километрах от того места, где казнили узников Рижского гетто.

Бывший узник Саласпилса Каулиньш позднее рассказывал на предварительном следствии по делу Йекельна в Риге: «В лагере совершались ужасные злодеяния над заключенными: применялись пытки, избивание резиновыми палками, расстрелы, умерщвление детей, изъятие детей от матерей, травля и истязания содержавшихся в лагерях заключенных путем напуска собак, насильное выкачивание крови у заключенных, отбор из среды заключенных молодых девушек и насильственная их отправка в дома терпимости, умерщвление газами в бараках взрослого населения».

«В Саласпилсский концлагерь, — показал на суде сам Йекельн, — прибывало по два-три эшелона с евреями каждую неделю. По мере поступления эти партии ликвидировались. Так непрерывно продолжалось с декабря 1941 года по середину 1942 года. В каждом эшелоне насчитывалось не менее тысячи человек. Я предполагаю, что всего нами было расстреляно до 87 тысяч евреев, прибывших в Саласпилсский лагерь из других стран».

Первыми узниками Саласпилса были граждане Германии, Австрии, Чехословакии, Польши и других оккупированных стран, в основном евреи и антифашисты. С мая 1942 года в лагерь стали доставлять также заключенных из Рижской центральной тюрьмы, латышских антифашистов из других тюрем и лагерей, советских военнопленных, а с 1943 года также цыган. «В середине 1943 года, — рассказал Йекельн, — Кальтенбруннер (шеф Имперской службы безопасности — РСХА) приказал всем органам СД и гестапо, как на территории Германии, так и в оккупированных нами странах, запретить любое свободное передвижение цыган. Их следовало вылавливать и уничтожать. Я выполнил этот приказ... Все цыгане были собраны нами в Саласпилсский концентрационный лагерь и там расстреляны».

В качестве бесплатной рабочей силы заключенные были вынуждены работать на Саласпилсском торфяном заводе, который немецкие власти вернули бывшему владельцу, М. Залитису. Тот, разумеется, исправно доносил коменданту лагеря обо всех малейших про-

ступках заключенных. Детей в концлагере держали отдельно от родителей. Некоторых из них передавали «для трудового использования» хозяевам хуторов, нуждавшимся в бесплатной батрацкой силе. Аукционы по продаже рабочей силы проводились в рижском Свято-Троице-Сергиевом православном женском монастыре. Затем заключался договор между социальным департаментом генерального директората внутренних дел Латвии и «хозяином», получавшим детей-батраков. Стоимость одного ребенка-батрака составляла от 9 до 15 оккупационных марок.

Детей-заключенных врачи концлагеря использовали для медицинских опытов, а также для получения донорской крови. Она отсылалась в Ригу, а оттуда — в военные госпитали для выздоравливающих офицеров СС. «Нас часто вызывали к врачу, — вспоминала 10-летняя узница Саласпилса Наталья Лемешонок. — Все руки были в уколах. Мы все болели. Кружилась голова. Каждый день кто-нибудь из мальчиков или девочек умирал». Всего в Саласпилском концлагере такой процедуре было подвергнуто 12 тысяч детей, у которых для нужд немецких госпиталей было взято более 3500 литров крови. Большинство из них умирало от истощения. Подобные же вещи творились и в других лагерях и тюрьмах на территории Латвии — в Риге, Даугавпилсе, Резекне, Елгаве. В результате в латышских тюрьмах и лагерях было уничтожено 6700 советских детей, а всего на территории Латвии — около 40 тысяч детей.

Непригодные для работы или «медицинских» целей уничтожались или на территории лагеря, или в соседних лесных массивах. Так, в январе 1941 года в Румбульском лесу латышские полиция из охраны лагеря расстреляли три партии детей по 200 человек в каждой. В Дрейлинском лесу на Лубанском шоссе в августе 1944 года, незадолго до эвакуации концлагеря, было уничтожено 10 тысяч человек (в основном также детей). Подобные же казни проводились в Бикерниекском лесу. Иногда для уничтожения людей использовались автофургоны-«газвагены» — как, например, поступили с эшеленом с детьми на станции Шкиротава (Сортировочная) в январе 1942 года.

Сюда же, в Саласпилс, иногда доставляли для расстрела советских военнопленных из шталага 350 в Риге и других лагерей. В частности, около Саласпилса обнаружено одно из самых массовых в Латвии захоронений убитых военнопленных. Из-за совершенно нечеловеческих условий, в которых их везли к месту казни, примерно половина заключенных погибала уже в дороге. «Осенью 1941 года, — рассказала свидетельница А. В. Таукулис, — на станцию Саласпилс прибыл эшелон с советскими военнопленными в составе 50—60 вагонов. Когда открыли вагоны, на далеком расстоянии разнесся трупный запах. Половина

людей были мертвы; многие были при смерти. Люди, которые могли вылезти из вагонов, бросились к воде, но охрана открыла по ним огонь и расстреляла несколько десятков человек».

Администрацию лагеря составляли в основном немцы. Первым комендантом концлагеря был обершарфюрер СС Рихард Никкель, непосредственно подписывавший приговоры о казнях — для экономии времени он ставил на них только первую букву слова «смерть». Сменивший его позднее оберштурмфюрер СС Курт Краузе — прибалтийский немец, свободно говоривший по-латышски и по-русски, — отличался звериной жестокостью. Краузе погиб 7 декабря 1944 года в ходе карательной операции в Курляндских лесах против взбунтовавшегося «Усмаского батальона» из «армии Курелиса». Его труп был опознан одним из солдат батальона, бывшим легионером из Валмиеры, оказавшемся в Саласпилсе за дезертирство. Начальником хозяйственной части был роттенфюрер СС Текемер, бывший мясник, получивший прозвище «Стукас», так как все время ходил с тяжелой дубинкой и практически каждый день забивал ею до смерти одного из заключенных. Остальной немецкий персонал лагеря составляли начальник транспортного отдела Хеер, начальник канцелярии Бергер и начальник медицинской части, проводивший бесчеловечные опыты над узниками, доктор Майзнер.

Охрана Саласпилса, вахтенная служба пулеметной башни в центре лагеря и команды, непосредственно проводившие казни, состояли из солдат и офицеров Латышской полиции и Латышского легиона СС. В их числе можно назвать такие имена, как Оскар Берзиньш — начальник службы порядка лагеря, Арнольд Труцис — штатный палач, охранники, непосредственно участвовавшие в казнях — обершарфюрер Дзенис, Альберт Видуш (по прозвищу «Черный Мадонес»), Лаурис, Асупе, Пелнис и другие. Курировали проведение казней «чиновники по особым поручениям» из центрального штаба Латышской политической полиции — Артур Кандлер (по прозвищу «Кангар» — «предатель») и Улдрикис Селис, бывший надзиратель 8-го участка полиции Риги.

Расстрелы евреев, доставленных в концлагерь Саласпилс из Германии, Австрии и других оккупированных стран Западной Европы, в 1942 году проводила так называемая «команда безопасности Арайса». точнее, ее особая расстрельная рота, которой командовал оберштурмфюрер Конрад Калейс.

В казнях в Саласпилсе лично участвовал также еще один из офицеров «команды Арайса» — Герберт Цукурс. Впоследствии бывший майор Латвийской армии Михаил Мирон, лично знавший Цукурса до войны, рассказал:

«...Я родился в Риге (Латвия) в 1908 году. Я служил в военно-морской авиации моей страны по призыву 1930 года. Герберт Цукурс был одним из наших офицеров, и поэтому я его знаю очень хорошо. В последних числах ноября 1941 года, во время оккупации Латвии нацистами, я проживал в районе, предназначенном для евреев. Тогда я узнал, что Цукурс служил во вспомогательной полиции, которая сотрудничала с немцами. Однажды вечером, когда я вместе с моей группой по работе вошел в гетто, я увидел его сидящим на лошади. Он был в летной форме с пистолетом в руке и стрелял по евреям, которые были согнаны вместе».

«...Арайс и один из его ближайших помощников, бывший капитан латвийской армии Цукурс, — говорилось в Справке МГБ Латвийской ССР от 11 октября 1946 года, — развивали у сотрудников команды звериные инстинкты: часто хватали младенцев арестованных советских граждан и на виду у всех у себя на груди разрывали их». По словам некоторых очевидцев, Цукурс при этом кричал: «Дайте мне напиться крови!»

Справка: **Герберт Янович Цукурс (Cukurs)** родился в Лиепаяе в 1900 году. В 1921 году был призван в армию и в сентябре того же года командирован в авиационное училище, которое окончил в декабре 1922 года, получив звание лейтенанта. Затем служил в Латвийских ВВС; в ноябре 1924 года демобилизовался, но в январе 1925 года был повторно призван на службу. В 1927 году уволен из армии «до особого распоряжения», в 1934 году — вновь призван на службу в авиационный полк с присвоением звания капитана. В 1937—1939 годах учился на Механическом факультете Рижского университета. В 1930-е годы Цукурс был одним из наиболее известных в Латвии летчиков, совершил несколько впечатляющих перелетов из Латвии в Японию и в Гамбию. Он был героем и кумиром того времени, его даже называли «латвийским Чкаловым».

В начале гитлеровской оккупации Латвии Цукурс вступил в латышскую вспомогательную полицию, но вскоре перешел в «команду Арайса» (впоследствии преобразованную в Латышскую полицию безопасности). Там Цукурс первоначально был начальником гаража и оружейного склада, но уже в том же году стал одним из ближайших помощников Арайса, а позднее получил звание гауптштурмфюрера СД. В июле — августе 1941 года Цукурс был одним из организаторов Рижского еврейского гетто, а впоследствии лично принимал участие в расстрелах узников Рижского гетто в Бикерникском лесу, в самом Рижском гетто и в концлагере Саласпилс. За свои «подвиги» он был прозван «палачом евреев».

В мае — августе 1942 года Цукурс руководил карательными операциями против партизан в районе станции Насва Великолуцкой области РСФСР, затем в качестве командира одного из латышских полицейских батальонов в 1943—1944 годах принимал участие в нескольких антипартизанских операциях на территории Белоруссии. За время операций батальоном Цукурса было сожжено 15 деревень и расстреляно 40 советских партизан.

В конце войны Цукурс тесно сотрудничал со спецслужбами Третьего рейха, пытавшимися организовать «националистическое движение сопротивления» на освобожденных территориях Прибалтики. В частности, Цукурс выполнял ряд заданий для абвера в рамках операции «Цеппелин»: в 1944—1945 годах он в качестве пилота помогал забрасывать в тыл Красной армии немецких агентов и диверсантов.

После войны Цукурс как военный преступник был объявлен МГБ СССР во всесоюзный розыск. Но ему удалось бежать. В 1945—1946 годах он предположительно скрывался в Швеции. (Напрасно советское правительство решило вместо нескольких тысяч латышских и эстонских коллаборационистов¹ затребовать от правительства Швеции выдачи 2600 интернированных немецких солдат!)

Затем Цукурс нашел убежище в Бразилии. Известно, что одно время он проживал в г. Сан-Пауло, Ривьера, по адресу улица Инерлагос, дом 5. В Бразилии Цукурс основал свой небольшой бизнес на деньги, награбленные у своих жертв в годы оккупации Латвии. Он организовывал для туристов прогулки на гидросамолете по девственным лесам Амазонки. (По некоторым данным, это предприятие использовалось также для переправки нацистских преступников в глубь страны.)

Конфедерации еврейских общин Рио-де-Жанейро удалось выследить Цукурса, после чего она обратилась к бразильскому министерству юстиции с требованием предать Цукурса суду как военного преступника. Это требование было поддержано всеми демократическими организациями Бразилии. Правительство СССР, который в то время не имел дипломатических отношений с Бразилией, через посольство Польши в Бразилии также направило бразильскому правительству ноту с просьбой о выдаче Цукурса. Но бразильские власти оставили без ответа все требования о депортации военного преступника.

¹ В Швецию бежало около 30 000 латышей и эстонцев, включая как бывших коллаборационистов, так и их семьи. См.: Svabe, Arveds. The Story of Latvia — A Historical Survey. Stockholm: The Latvian National Foundation, [1958]; Шойфлер Х. Разгром вермахта между Вислой и Одером // Шойфлер Х., Тике В. Марш на Берлин. М.: Эксмо, 2005. С. 138.

Цукурс, однако, не чувствовал себя в безопасности. В 1960 году израильские спецслужбы похитили из Аргентины другого нацистского военного преступника — Адольфа Эйхмана, некогда возглавлявшего в гестапо отдел IVB4, занимавшийся «окончательным решением еврейского вопроса». Это не могло не взволновать Цукурса и многих ему подобных нацистов, нашедших убежище в странах Латинской Америки, США, Англии, Канаде, Австралии, Германии, средиземноморских, скандинавских и даже арабских странах. Поэтому Цукурс попросил власти Бразилии выделить ему охрану. Все обвинения в свой адрес он отверг как «инспирированные» коммунистами и Советским Союзом. Просьба Цукурса была удовлетворена — ему предоставили в распоряжение двух полицейских.

Это вызвало новый скандал в прессе. Бразильские, советские, американские, израильские газеты осенью 1960 года опубликовали множество статей и материалов о преступлениях Цукурса, включая и новые свидетельские показания. Под давлением общественного мнения президент Бразилии был вынужден в одном из интервью заявить, что Цукурсу будет отказано в предоставлении бразильского гражданства. Но этим дело и ограничилось.

В конце февраля 1965 года труп Цукурса был обнаружен в парке Карраско близ Монтевидео, в Уругвае. Обстоятельства его убийства остались невыясненными. Так, в сообщении ТАСС от 11 марта 1965 года сообщалось, что «смерть Цукурса наступила примерно 23 февраля в результате ударов металлическим предметом и выстрелов из пистолета. ... Уругвайская полиция считает, что в убийстве Цукурса замешаны пять человек, один из которых якобы является израильским дипломатом, и что всем этим лицам удалось выехать из Уругвая». Уругвайская газета «Плата» писала о существовавших «в одной иностранной державе» планах похищения, суда и наказания Цукурса, и что этой страной могут быть либо СССР, либо Израиль.

Одним из наиболее отличившихся палачей был уже упоминавшийся выше Карлис Детлавс, участник расстрелов в Бикерникском и Румбульском лесах осенью 1941 года, состоявший в особой расстрельной роте «команды Арайса», непосредственно осуществлявшей казни. Есть свидетельства, что Карлис Детлавс дважды направлялся в Саласпилский концлагерь в качестве начальника караула.

Позже «арайсовцев» сменили солдаты 4-го батальона Латышского легиона СС, который нес охрану лагеря с июля по октябрь 1943 года. (Этот батальон был сформирован в начале 1943 года на базе 24-го латышского полицейского батальона, к тому времени успевшего принять участие в нескольких карательных операциях в Ленинградской области и в Белоруссии. В марте 1943 года 24-й бата-

льон вернулся в Ригу «на отдых» и с июня 1943 года в документах не упоминался.) Командиром 1-й роты батальона, следившей за погрузкой и отправкой эшелонов, командовал оберштурмфюрер Карлис Александр Озолс.

Стривка: Карлис Озолс (1912 г.р.), уроженец г. Рига, бывший студент юридического факультета. До войны Озолс был известным шахматистом международного уровня, участвовавшим во многих чемпионатах по всей Европе. Предположительно, вступил в латышскую вспомогательную полицию, участвовал в массовых казнях в Рижском гетто и в Биркиниекском лесу и в Лиепае летом и осенью 1941 года, а затем (или еще до того) поступил на службу в «команду Арайса».

В марте 1942 года Озолс в числе других 120 латышских полицейских был направлен в Фюрстенбергскую школу СД, находившуюся в Германии вблизи женского концлагеря Равенсбрюк. По словам другого курсанта этой школы, Яниса Приедитиса, «целью школы было обучать людей не предупреждению и расследованию преступлений, а их организации в широком масштабе... Она имела две цели. Первая состояла в том, чтобы подготовить людей к массовым убийствам. Вторая — обучить их беспощадным антипартизанским действиям...» К тому же, по свидетельству Приедитиса, всех курсантов Фюрстенбергской школы СД объединяла одна общая черта: все они активно участвовали в первых массовых казнях евреев, цыган и коммунистов с лета 1941 года. Просто так в эту школу не направляли никого.

После окончания Фюрстенбергской школы СД Карлис Озолс в звании лейтенанта (унтерштурмфюрера СД) командовал 5-й ротой особого отряда СД Арайса, руководил уничтожением Минского гетто и несколькими карательными операциями против партизан¹ (в том числе в Белоруссии — в Минске и Узде). Был командиром роты 24-го латышского батальона, впоследствии преобразованного в 4-й батальон Латышского легиона СС, а еще некоторое время спустя — в 1-й батальон 39-го гренадерского полка войск СС (латышского № 1) 2-й Латышской бригады СС. В начале 1944 года Озолс получил звание старшего лейтенанта (обештурмфюрера СД). Вскоре, в начале 1944 года, 39-й полк был переименован в 42-й полк (в связи с преобразованием Латышской бригады СС и 19-ю латышскую гренадер-

¹ Протокол допроса обвиняемого Круминьша Индрикса Мартыновича (латышского легионера, выпускника школы СД) от 9.08.1945 г. Архив УФСБ по Саратовской области. Д.10-ц/1005. Л. 476—487; Протокол допроса обвиняемого Круминьша Индрикса Мартыновича (латышского легионера, выпускника школы СД) от 18.08.1945 г. Архив УФСБ по Саратовской области. Д.10-ц/1005. Л. 488—497.

скую дивизию войск СС), а Карлис Озолс в звании гауптштурмфюрера войск СС стал командиром этого батальона. С октября 1944 года Карлис Озолс служил в 15-й латышской дивизии войск СС, находившейся в то время в Софен-Валде. Бывший сослуживец Озолса, И. М. Круминьш, так описал его приметы на допросе в НКВД: «лет 34, высокого роста, худощавый, лицо продолговатое, брюнет».

После войны Карлис Озолс нашел убежище в Австралии, где жил в Мельбурне и возглавлял местное отделение организации бывших латышских легионеров СС «Даугавас Ванаги», насчитывавшей в свои лучшие времена 1200 человек. Впервые ему пришлось давать показания для западногерманского суда по делу Виктора Арайса в октябре 1979 года, но тогда Озолс категорически заявил, что ничего не знал о преступлениях «команды Арайса», в которой сам же служил. Тем не менее к концу 1980-х годов было собрано достаточно доказательств участия Озолса в военных преступлениях (многие из них собрал Марк Ааронс, лично побывавший в 1987 году в СССР, чтобы взять показания других бывших легионеров, которые вместе с Озолсом учились в Фюрстенбергской школе СД и служили под его началом). На этом основании специальный отдел расследований при правительстве Австралии во главе с Бобом Гринвудом, отдел по расследованию военных преступлений во главе с Грэхэмом Блюиттом, директор Бюро публичных расследований Майкл Розенес и председатель Мельбурнского Корблевского Совета Питер Фэрис рекомендовали правительству Австралии начать судебный процесс против Карлиса Озолса. Однако в 1992 году генеральный прокурор Австралии Майкл Даффи, несмотря на все эти рекомендации, прекратил следствие по делу Карлиса Озолса. Правительство Китинга поддержало решение прокурора. В заключение всего дела 30 июля 1992 года весь отдел специальных расследований (включая и подотдел по расследованию военных преступлений) был закрыт решением правительства Австралии «за ненадобностью».

Еще одной ротой этого батальона, охранявшей концлагерь, командовал оберштурмфюрер Бруно Тоне, получивший это «теплое место» после того, как обморозил ноги во время одной из карательных операций в прифронтовой зоне. Позднее Тоне работал в штабе Генеральной инспекции Латышских войск СС, а затем в особом «истребительном отряде» Отто Скорцени (Ягдфербанд Скорцени).

По словам Йекельна, рейхсфюрер СС Гиммлер как-то сказал ему, что «расстрелы очень нехорошо действуют на людей, которые занимаются ими. Лучшим способом ликвидации являются, мол, газовые машины, изготовленные по его приказанию. С применением таких машин якобы отпадают всякие неудобства, связанные с расстрела-

ми». Чтобы сберечь нервы палачей, в Саласпиле было доставлено 30 новеньких «газзагенов», которые Йекельну очень расхваливал начальник полиции безопасности и СД Латвии д-р Ланге. Впрочем, скоро выяснилось, что использование этих передвижных газовых камер негигиенично, так как людей в них сильно тошнит перед смертью, и поэтому Ланге приказал вновь вернуться к практике расстрелов...

«До меня, конечно, доходили слухи о применении к арестованным ... садистских приемов обращения, — оправдывался впоследствии на суде бывший высший фюрер СС и полиции в Прибалтике Йекельн. — Однако я не могу вспомнить что-либо конкретное, так как по данному вопросу мне никто ничего не докладывал. Я виноват лишь в том, что не проявлял интереса к тому, чтобы садистские методы были исключены из практики. О способах мучений будущих жертв тоже ничего сказать не могу. Но должен признать, что из общего количества арестованных мы очень многих, кого не в состоянии были привлечь работать на себя, расстреливали. Обычно сотрудники гестапо высылали предварительно в центр списки лиц, подлежащих расстрелу, и краткие характеристики на них. Из Берлина в ответ, как правило, незамедлительно приходили телеграммы, санкционировавшие расстрелы намеченных нами людей».

...Еще летом 1942 года, предвидя возможность поражения Германии в этой войне и ответственности за совершенные преступления, рейхсфюрер СС Гиммлер приказал штандартенфюреру СС Блобелю возглавить особый штаб «1005» и заняться поиском и уничтожением массовых захоронений жертв нацистского террора в Польше, Прибалтике, Белоруссии, на Украине и в России.

Работы было много, и до Риги Блобель добрался только к январю 1944 года...

«В январе 1944 года, — рассказал впоследствии на суде высший фюрер СС и полиции в “Остланде” обергруппенфюрер СС Йекельн, — ко мне в Ригу приехал из Берлина сотрудник гестапо Плобель¹, с сообщением, что лично от Гиммлера получил совершенно секретный приказ о сожжении всех трупов расстрелянных нами за это время на тер-

¹ Имеется в виду Блобель, Пауль, штандартенфюрер, позднее — оберфюрер СС; сотрудник отдела IV В 4 «по делам евреев» в составе РСХА; в 1941—1942 гг. — командир эйзатцкоманды «4а» в составе эйзатцгруппы «С»; в 1942—1944 гг. — начальник рабочего штаба «1005», занимавшегося поиском и уничтожением мест массовых захоронений на Востоке. В 1948 году Блобель предстал перед II американским военным трибуналом в Нюрнберге по так называемому делу об эйзатцгруппах (март — апрель 1948 г.), 10 апреля 1948 года приговорен к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение только через 3 года — 8 июня 1951 года в Ландсбергской тюрьме в Баварии.

ритории “Остланда” людей. Я указал Плобелю места расстрелов и поинтересовался у него, каким образом он намеревается замести следы наших преступлений. Плобель ответил, что рассчитывает на помощь подчиненных мне органов СД и гестапо, а о результатах своей работы доложит. Плобель сообщил, что с помощью выделенных ему людей намеревается раскапывать могилы, затем складывать трупы вперемешку с дровами в большие штабеля и, облив бензином, сжигать их, пока не останется ни малейших признаков происшедшего.

Миссия Плобеля была настолько секретной, что даже выданная ему команда была зашифрована номером 1089. Эта команда использовалась для раскопки могил опять же евреев, содержащихся в Саласпилеском и других расположенных поблизости лагерях. После окончания раскопок евреи, участвовавшие в этом, тоже расстреливались и сжигались вместе с остальными трупами. Без письменного разрешения Плобеля, замечу, ни один, даже высший чин СС и СД не имел права появляться в местах сжигания трупов».

В октябре 1944 года, чтобы замести следы совершенных здесь преступлений, концлагерь Саласпилс был уничтожен, а его персонал — как немцы, так и латышские полицейские, — эвакуирован. Всего в концлагере Саласпилс за три года его существования было уничтожено более 100 тысяч человек.

Впоследствии, после войны, на том месте, где находился лагерь смерти Саласпилс, был создан мемориал. В центре его находится обелиск с надписью: «Здесь людей казнили за то, что они были невиновны... Здесь людей казнили за то, что каждый из них был человеком и любил родину».

Саласпилс — уменьшенная копия Освенцима — был не единственным концлагерем на территории Латвии. Всего за время оккупации на территории Латвии было создано в общей сложности 18 тюрем, 23 концентрационных лагеря и 18 гетто. Местами массовых расстрелов являлись ближайшие леса и лагеря под Ригой, где было уничтожено более 150 000 человек: в Бикерниекском лесу — более 46 000 чел., в Румбульском лесу — 38 000 чел., в Дрейлинском лесу — 13 000 чел., в концлагере Саласпилс — 57 000 чел. (видимо, не считая евреев из оккупированных стран Европы), в Рижском еврейском гетто — 35 000 чел.¹ В Даугавпилсе и Резекне, по словам Фрид-

¹ История Латвийской ССР. С. 506. Если сложить эти цифры, то совокупная численность жертв получается даже больше 150 тысяч — 189 000 человек. Возможно, цифра в 150 тысяч человек не включает в себя евреев, доставленных в Саласпилс из других государств, и советских военнопленных.

риха Йекельна, было уничтожено от 70 до 100 тысяч человек, главным образом евреев. Основными местами расстрелов в Даугавпилсе являлись «Золотая горка», Погулянка и Железнодорожный сад, где было убито более 15 000 человек.

Итог деятельности гитлеровских эйнзатцкоманд и их помощников из латышской полиции и «самоуправления» был поистине ужасающим. Только по предварительным данным судебно-медицинской экспертизы, обследовавшей 58 мест захоронения на территории Латвии, число жертв составило свыше 300 000 человек. На принудительные работы в Германию из Латвии было угнано 279 615 человек, из которых также многие погибли в лагерях и на сооружениях укреплений в Восточной Пруссии.

Всего за годы немецко-фашистской оккупации, как показали позднейшие расследования, в Латвии было уничтожено примерно 644 тысячи человек, в том числе 330 032 советских военнопленных и 313 798 мирных латышских граждан, включая от 77 до 85 тысяч евреев (в их числе евреи, которые доставлялись в лагерь уничтожения Саласпилс из всех оккупированных стран Европы). По данным историка И.Альтмана, к началу 1942 года в Латвии было уничтожено 52—54 тысяч евреев (35 тысяч в Риге, 14—16 тысяч — в Даугавпилсе и более 7 тысяч в Лиепаве), плюс — 25 тысяч евреев из других стран, уничтоженных в концлагере Саласпилс. В последующие годы были расстреляны оставшиеся более 3 тысяч латвийских евреев. Итого — от 77 до 82 тысяч человек. По данным другого исследователя, И. Арада, число уничтоженных в Латвии евреев составило более 75 тысяч человек (в том числе около 7 тысяч — привезенных из других стран). Таким образом, только за первые шесть месяцев оккупации Латвии нацисты и их пособники уничтожили 95 000 местных евреев, то есть 90 % от довоенной численности всей еврейской общины Латвии¹.

Всего же только по предварительным данным судебно-медицинской экспертизы, обследовавшей 58 мест захоронения на территории республики, число жертв немецко-фашистских оккупантов и коллаборационистов составило свыше 300 000 чел. Всего же за годы оккупации было уничтожено 313 798 мирных граждан, 330 032 советских военнопленных и около 85 000 евреев. На принудительные работы в Германию угнано 279 615 человек, из которых большая часть погибла.

¹ 1941: Mass Murder // The Holocaust Chronicle (<http://www.holocaustchronicle.org/index.html>). Эта цифра нуждается в уточнении, в Латвии, по немецким данным, на 1935 год проживало 93 479 евреев (4,79 % населения Латвии). См.: Отчет эйнзатцгруппы «А» о деятельности за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г. РГВА. Ф.500. Оп.4. Д.92. Л. 56—64.

ГЛАВА 8

ЭСТОНИЯ: ОБРАЗЕЦ «ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ» ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА

«Эстония уже полностью очищена от евреев»

В Эстонии, материковая часть которой была оккупирована к 5 сентября, более половины немногочисленного еврейского населения успело эвакуироваться. Но зондеркоманда «1а» появилась здесь уже 10 июля 1941 года.

Эта зондеркоманда уже успела «отличиться» в Латвии, с 27 июня 1941 года организуя еврейские погромы и «экзекуции» в Лиспас, Елгаве и Риге (Латвия). С 10 июля 1941 года она взяла на себя функции полиции безопасности и СД в Эстонии. Ее командиром и одновременно начальником полиции безопасности и СД в Эстонии являлся штурмбанфюрер СС (позднее штандартенфюрер СС) Мартин Зандбергер. (Позднее, в конце 1943 года, его сменил на этом посту Р. Баатц). После войны Зандбергер предстал в качестве подсудимого перед военным трибуналом США по делу «Об эйнзатцгруппах СД», проходившем в Нюрнберге в 1947—1948 годах.

С организацией еврейских погромов в Эстонии возникли проблемы, — как объясняли это сами немецкие командиры, — потому что здесь евреи составляли очень небольшой процент населения. Как сообщалось в оперативной сводке № 6 о деятельности эйнзатцгрупп за период с 1 по 31 октября 1941 года: «В 1940 году в Эстонии, почти исключительно в Ревеле (Таллине), Дорпате (Тарту), Нарве и Пернау (Пярну), проживало около 4500 евреев. В сельской местности евреев было мало. После занятия Остланда немецкими войска-

ми там еще оставалось примерно 2000 евреев. Большая их часть покинула эту местность, отправившись на восток вместе с органами советской власти и Красной армией¹.

Видимо, чинам СД и полиции пришлось потратить много времени, чтобы объяснить эстонцам, кто же такие евреи и почему они так опасны для них и для рейха. В начале ноября 1941 года командир эйнзатцгруппы «А» бригадефюрер СС Шталекер был вынужден констатировать в своем очередном отчете:

«...Ввиду того что в Эстонии проживает относительно небольшое число евреев, организация погромов там оказалась невозможной. Эстонские силы самообороны убили лишь особо ненавистных коммунистов, в основном же они ограничивались арестами».

Но тут зондеркоманда «Ia» развернула активную «разъяснительную работу». Помогли и военные власти. Созданный с санкции вермахта «Эстонский комитет самообороны» под руководством зондеркоманды провел аресты эстонских евреев.

«...Спонтанным выступлений против еврейства с завершающими их погромами со стороны населения, направленных против оставшихся евреев, не отмечалось, так как не были даны надлежащие разъяснения и указания, — констатировалось в оперативной сводке № 6 о деятельности эйнзатцгруп. — Однако образовавшийся по приходе вермахта комитет эстонской самообороны сразу начал свою деятельность с крупномасштабной акции по аресту всех евреев. Этой акцией руководила эйнзатцгруппа полиции безопасности и СД.

В качестве предпринятых мер необходимо отметить следующие:

1. Арест всех евреев мужского пола старше 16 лет.
2. Арест всех работоспособных евреев, проживающих в Ревеле и его окрестностях, в возрасте от 16 до 60 лет, которые были использованы для работы на торфяниках.
3. Изолированное размещение всех евреев, проживающих в Дорпате и его окрестностях, в синагоге в Дорпате.
4. Арест работоспособных евреев и евреек в Пернау и его окрестностях.
5. Учет всех евреев по возрасту, полу и работоспособности с целью их последующего размещения в подготавливаемом для этого лагере.

¹ Оперативная сводка № 6 о деятельности эйнзатцгруп полиции безопасности и СД на оккупированной территории СССР за период с 1 по 31 октября 1941 года. РГВА. Ф.500к. Оп.1. Д.25. Л. 83—103. Та же цифра еврейского населения Эстонии указывается в «Отчете эйнзатцгруппы «А» о деятельности за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г.». См.: РГВА. Ф.500к. Оп.4. Д.92. Л. 56—64, 183.

Все мужчины-евреи старше 16 лет, за исключением врачей и еврейских старшин, были казнены. Частично эти мероприятия еще продолжают. После завершения акции в регионе Остланда должно остаться только 500 евреек и еврейских детей.

Кроме того, эйнзатцгруппой полиции безопасности и СД предписано немедленное осуществление следующих мероприятий:

1. Снабжение всех оставшихся евреев опознавательными знаками.
2. Запрещение евреям заниматься общественной деятельностью и занимать общественные посты.
3. Запрещение евреям пользоваться тротуарами и общественным транспортом, а также посещать театры, кино и кафе.
4. Запрет евреям на посещение школ.
5. Конфискация всего еврейского имущества».

Несколько ранее в отчете эйнзатцгруппы «А» от 15 октября 1941 года говорилось, что в Эстонии «...осталось около 2000 человек (это были как раз, кто не успел эвакуироваться. — М.К.), только в Таллине — около 1000 евреев. Арест всех евреев мужского пола в возрасте старше 16 лет почти закончен. Все они были уничтожены эстонскими силами самообороны под руководством зондеркоманды 1а. Исключение было сделано только для врачей и членов юденрата, которые были отобраны зондеркомандой».

Вскоре было покончено и с ними. Всего до конца января 1942 года оккупанты и их пособники уничтожили примерно тысячу эстонских евреев, преимущественно в Таллине и Тарту. Часть эстонских евреев была вывезена в Псков и там расстреляна.

И в донесении от 31 января 1942 года командир эйнзатцгруппы «А» Шталекер с гордостью доложил в Берлин: «Эстония уже полностью очищена от евреев».

Эстония стала первой и единственной республикой СССР, в которой к началу 1942 года были уничтожены все местные евреи, не успевшие эвакуироваться. Именно здесь впервые в Европе состоялось «окончательное решение» еврейского вопроса. Впрочем, позднее — в 1943—1944 годах — в созданные на территории Эстонии концлагеря было ввезено в общей сложности еще несколько тысяч евреев из Литвы, Латвии, Польши для использования на тяжелых физических работах. Большинство из них погибло или было уничтожено.

«Омакайтсе» — ополчение или каратели?

В Эстонии до июня 1940 года существовала своя полувоенная массовая организация «Кайтселиит» («Союз защиты»; эст.: «Eesti Kaitseliit»), представлявшая собой подобие французской Националь-

ной гвардии. Она была создана правительством Эстонии еще в 1918 году, а с 1934 года являлась военизированной опорой эстонской правящей партии «Изамаалиит». Фактически отряды «Кайтселиит» продолжали тайно существовать и после июня 1940 года, так как после роспуска этой организации многие ее руководители ушли в подполье, договорившись между собой не сдавать оружие и поддерживать связь друг с другом. Организация «Кайтселиит» была воссоздана в первые же дни немецкой оккупации. Этот процесс шел постепенно, по мере продвижения линии фронта. Раньше всех отряды «Кайтселиит» были организованы в провинции Пярну (3 июля 1941 г.), позднее всех — на острове Сааремаа.

После взятия Тарту отряды «Кайтселиит» под началом эстонских «полевых командиров» приняли участие в торжественном параде 29 июля 1941 года вместе с немецкими войсками. По такому случаю лидер действовавшего в районе Тарту отряда «Кайтселиит» майор Кург выступил с речью, в которой выразил благодарность «великому фюреру Германии Адольфу Гитлеру» как спасителю Европы от большевизма и эстонским солдатам, маршировавшим бок о бок с немцами. В ответной речи немецкий командант города майор Ганс Гозебрух поблагодарил эстонских солдат «Кайтселиит», принявших участие в освобождении своей страны под немецким командованием. Но поскольку свою задачу они выполнили, — заявил Гозебрух, — отряды «Кайтселиит» придется распустить, оружие — сдать немецким властям, а «эстонским солдатам» — разойтись по домам. Разрешалось сохранить оружие лишь 200-м человек, которые должны были выполнять функции **вспомогательной полиции** (нем.: *Hilfspolizei*). «Борец за независимость Эстонии» майор Кург послушно выполнил распоряжение, издав в дополнение к немецкому свой собственный приказ от того же числа, объявлявший, что с этого момента все отряды эстонских националистов будут считаться «вспомогательной полицией» под немецким командованием. В каждом городе, селе или деревне надлежало сформировать такой отряд «вспомогательной полиции», численностью не превышающий 1 % от общего числа населения. Все они поступали в подчинение местных немецких начальников полиции.

2 августа 1941 года немецкие власти разрешили восстановить организацию «Кайтселиит» под названием «Омакайтсе» («Корпус самообороны»; эст.: «Omakaitse», сокр.: ОК), или «Selbstschutz» («Самооборона»), как она именовалась в немецких документах. Термин «вспомогательная полиция» был упразднен, но функции остались теми же. Отряды «самообороны» («Омакайтсе») были организованы по территориальному признаку — во всех городах и деревнях Эстонии (в 13-ти сельских районах и одном железнодорожном районе) — как

полувоенные немобильные формирования. Первоначально служба в «Омакайтсе» была бесплатной, позднее начали выплачивать жалованье. Чтобы стать членом «Омакайтсе», кандидату требовалось доказать, что в советское время он не состоял в коммунистической партии и не имеет родственников-евреев. После этого произносилась клятва быть готовым отдать свою жизнь за дело борьбы с большевизмом.

В эстонских СМИ периода оккупации упоминалось также о женских дружинах «Омакайтсе», существовавших в городах — центрах провинций. Так, члены женской дружины города Тарту 15 марта 1943 года посетили раненых солдат в больницах уезда Тартумаа. Газета коллаборационистов с умилением сообщала, что «бойцам были вручены пакеты с печеньем, пирогами и сладостями».

Верховное руководство отрядами «Омакайтсе» формально было поручено бывшему офицеру регулярной эстонской армии полковнику Яану Майде. Впоследствии главой Центрального руководства «Омакайтсе» стал эстонский офицер Синка (занявший этот пост не позднее января 1944 г.). 22 сентября 1941 года, после создания Эстонского самоуправления, в составе директората внутренних дел был образован «Отдел полиции и самообороны» (*Polizei- und Selbstverteidigungsbehörde / Politsei- ja Omakaitsevalitsus*), занимавшийся в том числе вопросами «Омакайтсе»; его первым начальником назначен эстонский подполковник Тилгре.

Согласно немецким источникам, задачей «Омакайтсе» являлись в основном охрана военных и транспортных объектов — мостов, заводов, складов сельскохозяйственной продукции, и лишь иногда — борьба с партизанами. Но в действительности они выполняли практически те же функции, что и полицейские батальоны, занимаясь борьбой с партизанами, проведением казней, уничтожением коммунистов и евреев, охраной концлагерей и т.п.

Всего в 1941 году в ходе 5033 облав, проведенных отрядами «Омакайтсе», было арестовано 26 235 человек, 2657 человек убито в бою и 54 ранено. (Надо заметить, что такое соотношение убитых и раненых «в бою» маловероятно.) В Таллине с 28 по 31 августа 1941 года ими было арестовано ровно 400 человек. Но особенно активно карательные операции проводились в Южной Эстонии — в районе г. Выру, и в Псковской области — в районе г. Печоры. Арестованные направлялись в Центральную тюрьму Таллина, в концлагерь в Ягала и в Калеви-Лийва, где проводились массовые казни. В списках приговоренных к смерти заключенных тюрьмы указывалось, что приговор выносился и приводился в исполнение полевым судом «Омакайтсе».

Печально известный Тартуский концлагерь, где было истреблено более 12 000 человек, был основан в июле 1941 года по приказу

командира «Омакайтсе» города Тарту майора Фридриха (Франца) Курга и находился в ведении «Омакайтсе», как и многие другие концлагеря на территории Эстонии. Весь персонал лагеря составляли члены «Омакайтсе». Об этом свидетельствуют как официальные документы Эстонского самоуправления и оккупационных властей, так и материалы судебного процесса по делу Эрвина Вика, Юхана Юристе и Карла Линнаса, проходившего в 1962 году в Тарту.

Сохранилось письмо майора Ф. Курга, в котором тот, уходя в отставку, подводит итог деятельности Тартуской организации «Омакайтсе»:

«Сегодня, 01 ноября 1941 года, я ухожу с должности общего руководителя "Омакайтсе" Тарту. При расставании перед глазами моими проходят возникновение и деятельность "Омакайтсе" по сие время... "Омакайтсе" участвовала в бесчисленных облавах и боях, о чем свидетельствуют примерно 12 200 взятых в плен, 4812 убитых большевиков и потери в собственных рядах — 136 убитых и 249 раненых. Здесь не представляется возможным отметить все проделанное "Омакайтсе" более чем за 4 месяца, все пережитое. Пусть это сделает история.

Благодарю всех своих ближайших помощников по руководству: капитана Таммемяги Р., майора Васка А.¹, капитана Эдора Ю., капитана Пиирсалу Р., прапорщика Рейнталу О., г-на Лепика², капитана Юристе Ю.³, прапорщика Линнаса К. ...»

¹ Майор Август Вакс 29 августа 1941 года сформировал в Тарту из членов «Кайтсслиит»/«Омакайтсе» первую эстонскую часть в составе вермахта — 181-й эстонский охранный батальон (Estnische Sicherungs-Abteilung 181). Батальон майора Васка находился в подчинении командира тылового района немецкой 18-й армии и, подобно эстонской полиции и «Омакайтсе», выполнял карательные и охранные функции. Всего в тыловой зоне 18-й армии было сформировано 6 эстонских охранных батальонов. См.: Isberg A. Zu den Bedingungen des Befreiens... S. 37—38; Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich. Vol. 4. P. 137.

² Роланд Лепик, бывший комиссар полиции в довоенной Эстонии, с 1 сентября 1941 года по распоряжению О. Ангелуса был назначен шефом политической полиции в префектуре Таллина, а с 27 сентября 1941 года — шефом политической полиции всей Эстонии. Позднее он был казнен самими же немцами, как говорилось в официальной формулировке, «за превышение полномочий». См.: Isberg A. Zu den Bedingungen des Befreiens... S. 51—52.

³ Капитан Юхан Юристе в июле 1941 года по приказу майора Ф. Курга был назначен первым комендантом Тартуского концлагеря (занимал эту должность до октября 1941 года, когда его сменил молодой прапорщик Карл Линнас). 20 января 1962 года Юристе был приговорен к смертной казни Коллегией по уголовным делам Верховного суда Эстонской ССР (вместе с Э. Виксом и К. Линнасом, хотя последних двоих судили заочно). См.: Isberg A. Zu den Bedingungen des Befreiens... S. 30, 34; Нацистских преступников — к ответу! С. 83, 89. Молчанов В. К. Возмездие должно свершиться. С. 92—99.

О том, что отряды «Омакайтсе» служили прежде всего карательным органом, говорит и то, что в 1942 году они были официально переданы в подчинение полиции (до того они действовали параллельно с эстонской полицией, но не подчинялись ей). Согласно распоряжению директората внутренних дел Эстонского самоуправления от 5 августа 1942 года провинциальные руководители «Омакайтсе» были подчинены префектам полиции, автоматически став их заместителями (вице-префектами). На следующий день глава директората внутренних дел Оскар Ангелус назначил новых префектов полиции и начальников «Омакайтсе» (одновременно вице-префектов) в каждой провинции.

Кроме того, отряды «Омакайтсе» служили постоянным источником пополнения для эстонских полицейских батальонов, а впоследствии — для частей Эстонского легиона СС.

С началом массовой мобилизации в Эстонский легион руководство СС и полиции попыталось добиться передачи «Омакайтсе» в ведение СС. 29 октября 1943 года генеральный комиссар Литцман сообщил Оскару Ангелусу о том, что намерен передать «Омакайтсе» из ведения директората внутренних дел в непосредственное подчинение генерального комиссариата. Причиной этого он назвал «раскол», якобы возникший между руководством «Омакайтсе» и войск СС. Но вскоре оказалось, что план исходил вовсе не от Литцмана, а от главы Эстонского самоуправления д-ра Мяэ, который намеревался напрямую подчинить «Омакайтсе» Эстонскому самоуправлению, то есть себе лично. Ведь именно с него эсэсовские руководители — Йекельн, Крюгер, Мёллер — требовали все новых призывников. А они как раз нуждались в дополнительных 37 000 человек (численность членов «Омакайтсе») для пополнения Эстонского легиона СС.

По воспоминаниям Ангелуса, 11 ноября 1943 года он попытался убедить Литцмана в том, что подчинение «Омакайтсе» лично д-ру Мяэ будет означать лишь замаскированную передачу этой организации в ведение СС. Ангелус даже заявил о своей отставке в знак протеста. Литцман отставку не принял, но предоставил ему отпуск с 22 ноября 1943 до 22 января 1944 года. Так как достойного преемника не нашлось, Ангелус исполнял свои обязанности до июля 1944 года, а затем ушел в бессрочный отпуск.

Отряды «Омакайтсе» в итоге по-прежнему остались в подчинении директората внутренних дел, так как на этом настояли Литцман, немецкая военная администрация и, конечно же, Ангелус. Однако к тому времени уже ни армейское командование, ни Литцман, ни тем более Ангелус не могли реально повлиять на представителей

Гимmlера. Еще в начале 1943 года начальник эстонской полиции безопасности и СД Зандбергер заявлял, что «Омакайтсе» принадлежит к СС, и что руководству СС удалось распространить свое влияние на эту организацию, в частности, за счет призыва младших призывных возрастов из «Омакайтсе» в ряды войск СС. А к 1944 году уже практически весь руководящий состав «Омакайтсе» (как, впрочем, и эстонской полиции) имел эсэсовские звания и носил эсэсовскую форму.

«Эстонское гестапо»

Эстонские «полевые командиры», такие как Виктор Кёрн и Фридрих Кург, начали вновь создавать полицию в Эстонии еще до установления немецкой администрации. В каждом из округов и провинций Эстонии были назначены эстонские префекты полиции, однако центрального органа для руководства полицией, разумеется, не было, как не было и правительства, поскольку претенденты никак не могли поделить власть между собой. Поэтому руководящие функции взяла на себя немецкая эйнзатцкоманда «1а».

На первый взгляд может показаться, что действия «полевых командиров» никак не были согласованы с немецким командованием. «Борцы за независимость» просто делали то, что считали нужным и логичным. Многие из них, как, например, Оскар Ангелус, после войны представляли свои действия почти что бунтом против оккупантов. Дескать, немцы не только пришли на готовенькое, но и не позволили провозгласить независимость, разоружили большую часть националистических отрядов, а остальные подчинили себе...

Но, назло Ангелусу и прочим, сохранились документы. Согласно годовому отчету немецкой полиции безопасности в Эстонии за период с июля 1941 по 30 июня 1942 года, одной из задач эйнзатцкоманды «1а» с первых же дней оккупации было восстановление довоенной эстонской полиции с целью «проведения арестов всех коммунистических элементов»¹. Эта тактика уничтожения политических противников руками местных националистов, как уже говорилось, применялась немецкими эйнзатцкомандами на всей территории Прибалтики.

«Реставрированная» эстонская полиция обходилась без собственного центрального руководства до 5 декабря 1941 года, когда

¹ Годовой отчет начальника полиции безопасности Эстонии М. Зандбергера за период с июля 1941 г. по 30 июня 1942 г. ГАРФ. Ф.7021. Оп.97. Д.881. Л. 8.

военную администрацию сменила гражданская в лице генерально-го комиссара Эстонии Литцмана. Все это время деятельность эстонской полиции полностью подчинялась приказам командира эйнзатцкоманды «Ia», штурмбанфюрера СД д-ра Мартина Зандбергера, который позднее был назначен также командиром полиции безопасности и СД в Эстонии. Деятельностью эстонской полиции на местах руководили немецкие командиры «главных филиалов», «филиалов» и «разведкоманд» СД, подчиненные Зандбергеру. Эстонские префекты полиции играли при них роль исполнителей рутинной «черновой работы».

После учреждения генерального комиссариата эстонская полиция была официально передана в подчинение директората внутренних дел Эстонского самоуправления, возглавляемого Оскаром Ангелусом. Неофициально она числилась в ведении директората внутренних дел еще с 22 сентября 1941 года, когда в его составе был образован «Отдел полиции и самообороны» во главе с эстонским подполковником Тилгре. Правда, как следует из многочисленных документов, реальное руководство эстонской полицией по-прежнему находилось в руках шефа СД и зипо в Эстонии Зандбергера.

Оскар Ангелус, бывший директором внутренних дел, вспоминал после войны, что к моменту создания Эстонского самоуправления полицейский аппарат уже был полностью сформирован. В каждой провинции стоял свой префект полиции из эстонцев. Ангелусу оставалось лишь назначить начальников отделов полиции на местах.

Организация **Эстонской полиции** сначала была такой же, как до 1940 года. Ее центральное руководство состояло из трех департаментов:

- **политической полиции** (эст.: Poliitiline Politsei; нем.: Estn. Politische Polizei);
- **криминальной полиции** (нем.: Estn. Kriminalpolizei, сокр.: Kripo);
- **внешней полиции** (то же, что «полиция порядка»; нем.: Aussenpolizei).

Ее органами на местах являлись префектуры полиции, существовавшие во всех округах и провинциях. Центральным координационным органом (с 22 сентября по 5 декабря 1941 г.) являлся отдел полиции и самообороны (Pol. Abteilung) в директорате внутренних дел, ведавший также делами «Омакайтсе». Каждая префектура полиции состояла из трех отделов: отдела политической, отдела криминальной и отдела внешней полиции. Первые два отдела в немецких источниках часто называли «полицией безопасности» (зипо), так как в самом рейхе политическая и криминальная полиция уже дав-

но были объединены в рамках Главного управления имперской безопасности. Официально этот термин был введен несколько позже, после реорганизации в 1942 году. Под «внешней полицией» или «полицией порядка» подразумевались служащие эстонской «Охранной службы полиции порядка» (*Schuma*), как правило, несшие службу в участках полиции, штабах, префектурах.

Начальником политической полиции Эстонии с 27 сентября 1941 года по распоряжению Ангелуса был назначен Роланд Лепик, бывший комиссар полиции в довоенной Эстонии, с 1 сентября 1941 года занимавший пост начальника политической полиции в префектуре Таллина. Позднее Лепик был казнен самими же немецкими властями — как говорили, за превышение своих полномочий.

Для объединения политической и криминальной полиции «с целью единообразия и большей эффективности», командир зипо и СД Зандбергер в ноябре 1941 года издал распоряжение об учреждении в составе директората внутренних дел постов «инспектора эстонской политической полиции» (*Inspekteur der estnischen Politischen Polizei*) и «инспектора эстонской криминальной полиции» (*Inspekteur der estnischen Kriminalpolizei*). Инспектором политической полиции с 8 декабря 1941 года, вместо Роланда Лепика был назначен Айн-Эрвин Мере.

В феврале 1942 года отделы политической полиции были выведены из состава префектур полиции на местах и преобразованы в «филиалы Эстонской политической полиции» (*Aussenstellen der estn. Politische Polizei*). В связи с этим должность «инспектора эстонской политической полиции» была переименована в должность «начальника эстонской политической полиции» (*Leiter der estn. Politische Polizei*).

Главной задачей директората внутренних дел и эстонской политической полиции являлось расследование огромного количества доносов против бывших деятелей компартии, органов советской власти и тех, кто до июня 1941 года так или иначе был связан с ними. В большинстве своем эти доносы были устными и анонимными. Однако некоторые по наивности направляли жалобы и на деятельность немецкой администрации и их эстонских пособников, в частности, на действия отрядов «Омакайтсе», расстреливавших людей без суда и следствия. Кстати говоря, четкого разграничения полномочий между эстонской полицией и «Омакайтсе» не существовало, по крайней мере в начальный период оккупации. Полиция участвовала в этих зверствах ничуть не меньше, чем отряды «Омакайтсе». Ангелус утверждал, будто с помощью немецкой военной администрации и гестапо ему удалось положить ко-

нец казням. В действительности же казни продолжались в течение всей оккупации, и даже с еще большей систематичностью, хотя, возможно, их число и уменьшилось после уничтожения основной массы советских государственных и партийных деятелей. Основанием для расследования служило любое позитивное высказывание о прежнем советском строе.

Для обучения офицеров и чиновников полиции 4 января 1942 года в Таллине была открыта школа эстонской полиции безопасности. На торжественном мероприятии по этому случаю от имени генерального комиссара и фюрера СС и полиции Эстонии выступил штурмбанфюрер СД д-р Мартин Зандбергер. Первыми слушателями школы стали руководители политических отделов всех префектур полиции на территории всего генерального комиссариата, которые должны были пройти обучение с 4 по 11 января 1942 года. Цель обучения состояла в «профессиональной и политической ориентации, а также в том, чтобы создать возможность личного взаимного знакомства». Несколько групп эстонских служащих зипо в том же году были направлены для обучения и стажировки в Берлин в Главное управление имперской безопасности (РСХА), на командные курсы в Шарлоттенбурге и в школу полиции безопасности в Фюрстенберге. Немецкие власти также любили устраивать совместные вечеринки, праздничные, спортивные и тому подобные мероприятия с участием служащих немецкой и эстонской зипо¹. Все это делалось для того, чтобы привить своим эстонским «коллегам» «национал-социалистский дух», как это практиковались в войсках СС и в Имперской службе трудовой повинности.

Коренная реорганизация всей немецкой и эстонской полиции безопасности в Эстонии была предпринята 1 мая 1942 года, с целью разграничения полномочий между ними. Теперь ее структура выглядела следующим образом:

- Группа А (Сектор А): немецкая полиция безопасности (зипо) в узком смысле слова. Ее начальником являлся постоянный заместитель командира эйнзатцкоманды «Ia» и командира зипо и СД в Эстонии, штурмбанфюрер СС д-р Ульман (позднее его сменил штурмбанфюрер Гейсслер);

- Группа В (Сектор В): эстонская полиция безопасности (зипо); начальником ее был назначен бывший руководитель политической полиции Эстонии, майор, а при немецко-фашистской оккупации — оберштурмбанфюрер СС Айн Мере.

¹ Годовой отчет начальника полиции безопасности Эстонии М. Зандбергера за период с июля 1941 г. по 30 июня 1942 г. ГАРФ. Ф.7021. Оп.97. Д.881. Л. 8–9.

Тогда же были объединены под общим руководством эстонская криминальная полиция (крипо) и эстонская политическая полиция, образовав так называемую «эстонскую полицию безопасности» (зипо). Шефом зипо и СД в Эстонии в широком смысле (то есть немецкой и эстонской вместе) по-прежнему оставался оберштурмбанфюрер СД Мартин Зандбергер. Начальники групп — немец Ульман и эстонец Айн Мере, таким образом, являлись его подчиненными.

В обоих секторах полиции безопасности и СД служило примерно 2600 человек, в том числе 2500 в эстонском и всего около 100 — в немецком. Оба сектора, в свою очередь, делились на отделы и подотделы. Отделы имели такие же функции, как в Главном управлении имперской безопасности (РСХА).

Например, IV отдел представлял собой не что иное, как эстонское гестапо, и занимался контрразведкой и преследованием противников нацизма. Он состоял из немецкого и эстонского подотделов, зашифрованных соответственно как «IVA» и «IVB». Первый, немецкий, возглавлял штурмбанфюрер СС Зейлер (до него, в октябре 1942 года — оберштурмфюрер Бергман); второй, эстонский, — гауптштурмфюрер Юлиус Еннок (позднее его сменил оберштурмфюрер Эрвин Викс¹), а его заместителем был Эвальд Миксон, бывший охранник диктатора Пятса.

Аналогичную структуру имели и другие отделы: III-й отдел (внутренняя служба СД) занимался разведкой внутри Эстонии; V-й отдел (криминальная полиция, или крипо) вел особо важные уголовные дела; наконец, VI-й отдел (внешняя служба СД) занимался разведкой за пределами Эстонии и рейха. Что касается отделов I, II, VII, то они имелись только в Главном управлении имперской безопасности (РСХА) в Берлине и не имели региональной структуры.

Сеть филиалов полиции безопасности составляли так называемые «главные штабы». Немецкие обозначались буквой «А» (нем.: Hauptausstellen A), а дублировавшие их эстонские — латинской буквой «В». Так, немецким «главным штабам «А» в Тарту, Нарве и Пярну соответствовали эстонские «главные штабы «В» в этих же городах. И те и другие делились на отделы IIIA, IVA, VA, VIA (немецкие) или IIIB, IVB, VB и VIB (эстонские) — все так же по образцу РСХА². Напри-

¹ Эрвин Викс, бывший комиссар полиции Эстонии до 1940 года. В апреле 1942 года Викс был назначен начальником политического отдела Таллин-Харьюмааской префектуры полиции (то есть префектуры Таллинского сельского района), а в октябре того же года он уже был начальником отдела IVB (гестапо) Эстонской полиции безопасности и СД.

² Годовой отчет начальника полиции безопасности Эстонии М. Зандбергера за период с июля 1941 г. по 30 июня 1942 г. ГАРФ. Ф.7021. Оп.97. Д.881. Л. 11.

мер, начальником эстонской зипо (главного штаба «В») в Пярну являлся эстонец, оберштурмфюрер Хайнрих Висапуу, в Тарту — Аксель Луйтсалу, а в Вильянди — П. Саар. Кроме того, каждый начальник эстонского «главного штаба» имел в своем подчинении еще несколько филиалов, каждый из которых включал в себя рефераты политической и криминальной полиции. Связь между немецкими и эстонскими штабами осуществлялась на всех уровнях.

Следует упомянуть подробнее о некоторых лицах, стоявших во главе эстонской полиции безопасности. Среди них, помимо Роланда Лепика и Эрвина Вика, следует назвать Айна Мере.

Справка: **Айн-Эрвин Йоханович Мере (Мартсон)** в июле 1941 года, будучи военным служащим Красной армии, перешел на сторону немцев и вступил в организацию «Омакайтсе», где имел звание майора и занимал руководящие посты. В конце 1941 года Мере перешел на службу в созданную при оккупационном режиме «эстонскую полицию» и 8 декабря 1941 года был назначен начальником политической полиции всей Эстонии. В этом качестве Мере руководил так называемыми комиссиями по проектированию наказаний, которые выносили смертные приговоры и отправляли людей в концлагеря и тюрьмы. Весной 1943 года, после реорганизации эстонской полиции, Айн Мере стал начальником Эстонской полиции безопасности (официально она называлась также «группой «В» полиции безопасности и СД в Эстонии) и получил звание оберштурмбанфюрера СД.

Айн Мере был одним из инициаторов создания концлагеря Ягала (в 30 километрах от Таллина), где часто бывал лично и участвовал в отборе заключенных для «экзекуций» и в массовых казнях на холмах Калеви-Лийва.

В конце войны Айн Мере бежал в Германию, а впоследствии нашел убежище в Англии. 11 марта 1961 года Верховный суд Эстонской ССР в ходе судебного процесса в Таллине приговорил бывшего начальника эстонской полиции безопасности и СД Айна Мере, бывшего заместителя коменданта концлагеря Ягала Ральфа Герретса и бывшего охранника того же лагеря Яна Вика к смертной казни. «Мере был организатором и непосредственным исполнителем всех преступлений, совершенных полицией безопасности и СД», — говорилось в заключении суда. Однако правительство Великобритании отказалось выдать Мере советским органам юстиции.

Вскоре после реорганизации эстонской полиции безопасности в соответствии с немецкой структурой, по распоряжению Зандбергера и на основании инструкции тогдашнего командира зипо и СД в «Остланде» Хайнца Йоста, 5 мая 1942 года эстонская полиция безо-

пасности была выведена из подчинения директората внутренних дел и передана в подчинение штабу командира зипо и СД Эстонии в плане кадров, финансирования и служебных обязанностей.

Зандбергер позаботился о том, чтобы это выглядело как передача полицейских функций самим эстонцам. «...Ради... сохранения доверия населения к эстонской зипо, — писал он в своем годовом отчете в Берлин, — ее вывод из подчинения Эстонского самоуправления... был представлен так, будто она является отныне самостоятельным органом и подчиняется непосредственно 1-му ландесдиректору д-ру Мяэ».

Но в действительности как до, так и после реорганизации «эстонское гестапо» продолжало выполнять исключительно приказы Зандбергера и соответствующих немецких начальников.

Лагеря смерти в Эстонии

Территория Эстонии была использована как место для концлагерей трудоспособных узников, доставлявшихся сюда из гетто Литвы, Латвии, Польши и ряда других государств. Большинство из этих лагерей существовали недолго. И это не удивительно, так как в большинстве своем это были лагеря смерти, предназначенные именно для уничтожения людей...

Согласно ежемесячным отчетам главного врача концлагерей оберштурмфюрера СС фон Бодмана, на 1 февраля 1944 года в Эстонии было более 20 концлагерей. Крупнейшими из них были Тартуский и Нарвский лагеря, а также концлагеря Ягала, Клоога, Вайвара, Кивиыли, Эреда-Асундус. В числе прочих мест заключения и убийства людей следует упомянуть также концлагеря в городах Пярну, Харку, Авасаарс, Ярваканди, Васте, Ракверс и Муру, тюрьмы в г. Таллин, Тарту, Нарва, Пярну, Выру, Печоры, Хаапсалу, Валга, Курессааре, Харку и др. Местами массовых казней были также Таллинская центральная тюрьма, Таллинское лесное кладбище, холмы Калеви-Лийва и др.

Лагеря Клоога, Вайвара, Кивиыли и Эреда-Асундус, в которых в феврале 1944 года содержалось более 6000 заключенных, находились в ведении германской полуголодной строительной организации «Тодт», хотя охранниками и администраторами лагерей служили эссовцы.

Концлагерь Клоога был создан в сентябре 1943 года в дачном местечке Клоога-Аэдлинн специально для организации «Тодт». Заключенными лагеря были не только мужчины, но и женщины, и дети; фамилий и имен у них не было, их называли только по номерам.

Всех без исключения заключенных, включая и детей, принуждали работать по 12—15 часов в сутки. За невыполнение норм их лишали пищи, подвергали публичным поркам, привязывали к столбу на 2—3 часа, особенно в зимние морозы, избивали или расстреливали. Трупы убитых немцы сжигали на кострах, а несгоревшие кости размельчали и вместе с пеплом разбрасывали по полям. По немецким данным, смертность в лагере доходила до 10 % в месяц.

19 сентября 1944 года, в связи с эвакуацией немецких войск из Эстонии, нацисты приступили к ликвидации лагеря. Согласно немецким документам, на 26 июня 1944 года в лагере находилось 2330 мужчин и женщин от 13 до 70 лет — евреев, литовцев, эстонцев, русских и поляков. «Унтершарфюрер Шварце и начальник канцелярии гауптшарфюрер Макс Дольман, — как рассказывали очевидцы, — отобрали из заключенных 300 человек и заставили их носить дрова на лесную поляну, других 700 человек заставили устраивать костры. Когда костры были готовы, немецкие палачи приступили к массовому расстрелу заключенных. В первую очередь были расстреляны подносчики дров и строители костров, а затем и остальные. Расстрел происходил так: на подготовленную площадку костра немцы из полицейских команд СД силой оружия заставляли заключенных ложиться вниз лицом и расстреливали их из автоматов и пистолетов. Расстрелянных сжигали на кострах».

В числе главных виновников преступлений в концлагере Клоога специальной комиссией были названы комендант лагеря унтершарфюрер Верле, делопроизводитель лагеря унтершарфюрер Шварце, начальник канцелярии гауптшарфюрер Дольман, начальник санчасти унтершарфюрер Вильке, завхоз обершарфюрер Гельвик, гауптшарфюрер Курт Шахе, обершарфюреры Фрузирт и Вильгельм Бар, а также еще по меньшей мере 50 человек из зипо и СД, участвовавших в охране, конвоировании и расстрелах заключенных.

Концлагерь Кивиыли фактически представлял собой целых три лагеря, созданных на сланцевых разработках в рабочем поселке Кивиыли уезда Вирумаа. В этих лагерях содержалось до 9000 заключенных. Все они использовались на работах по добыче сланца. Здесь, так же как и в Клооге, за невыполнение плана арестантов лишали пищи на 5—6 дней, избивали резиновыми шлангами, бросали в колодцы шахт, наполненные водой, расстреливали за малейшую провинность. Одновременно эти лагеря служили местом массовых казней. Одна из свидетельниц рассказала: «Мой муж, Вихула Юган, в течение 15 лет работал шахтером на сланцах Кивиыли. КД только к нам пришли немцы, его арестовали, а 27 августа 1941 года расстреляли. С ним вместе были расстреляны еще 70 шахтеров...»

Концлагерь Эреда-Асундаус тоже представлял собой комплекс из нескольких лагерей. «В апреле 1944 года меня в числе 150 человек заключили в лагерь Эреда, — рассказал впоследствии бывший узник М.С. Гордон. — Начальником лагеря тогда был немец Шнибель. Этот лагерь был разбит на две части. В одной из них находились здоровые, а во второй — больные, смертность в лагере доходила до 20—30 человек в сутки. Больным медпомощи не оказывали. Немец санитар Глингер избивал до смерти больных тростью».

Тартуский концлагерь был одним из крупнейших на территории Эстонии. Он был создан вскоре после того, как 25 июля 1941 года немецкие войска форсировали реку Эмайыги и вошли в Тарту. Сначала лагерь размещался сначала на выставочном поле, откуда в октябре 1941 года был переведен в бывшие Купериановские казармы на улице Костани в Тарту. Немецким военным комендантом лагеря был Фриц Гессен. Охрану и персонал лагеря составляли чины эстонских частей «самообороны» — «Омакайтсе». Эстонским комендантом лагеря с октября 1941 года являлся бывший прапорщик «Омакайтсе» Карл Линнас, который принимал самое активное и непосредственное участие в уничтожении узников лагеря.

Справка: Линнас, Карл Аугустович-Юлиусович, родился 6 августа 1919 года в Тарту, где проживал с родителями по улице Эмайыз, д. 8, кв. 7. Учился в Трефнерской гимназии «на отлично», проявляя особые способности к математике. В свободное время занимался конным спортом, иногда участвовал в велосипедных гонках. В общем — чудо, а не ребенок... В 15 лет отец послал Карла посмотреть, как живут люди в соседних Латвии и Финляндии. Три года спустя, окончив гимназию, Карл Линнас поступил на математическое отделение естественно-математического факультета Тартуского университета. Там стал членом студенческой корпорации «Вирония». Но через год неожиданно бросил университет и пошел служить в армию. Там он учился в военной школе, получил звание прапорщика, затем служил в пулеметной роте. С 4 октября 1940 года, когда Эстония уже вошла в состав СССР, Линнас снова вернулся в Тартуский университет и продолжил учебу на математическом отделении. Иногда подрабатывал на жизнь в других местах, например в Тартуском выставочном бюро, где делал чертежи для предстоящих выставок.

В конце июля 1941 года, когда в Тарту вошли первые части вермахта, Карл Линнас сразу же записался в «Омакайтсе» и через короткое время получил должность дежурного офицера Тартуского концлагеря. В октябре 1941 года, когда лагерь переехал с выставочного поля в бывшие Купериановские казармы на улице Костани,

прапорщик Линнас был назначен комендантом концлагеря, несмотря на свой возраст — всего 22 года — и на невысокое звание. По свидетельствам очевидцев, причина была в том, что Линнас пользовался особым доверием немцев. Он был дисциплинирован, аккуратен, ненавидел советскую власть, любил говорить по-немецки, всегда отдавал честь немецким офицерам и даже нижним чинам. К тому же он был частым гостем в доме военного коменданта Тарту. Вечерами Линнас вместе с немецким комендантом Тартуского лагеря Фрицем Гессеном вывозили с лагерного склада домой одежду по лучше и другие вещи арестованных.

По свидетельствам бывших заключенных и свидетелей из числа охранников лагеря, Карл Линнас обычно сам принимал окончательное решение по вопросам о казнях заключенных. К тому же он лично принимал участие в допросах и расстрелах заключенных (по словам очевидцев, без него не обходился ни один расстрел). Рассказывали, что Линнас обычно стоял на краю рва, где расстреливали людей, и стрелял в тех, кто еще подавал признаки жизни. «Линнас был как будто рожден для такой повторной стрельбы, так как чувствовал в этом особое удовлетворение», — рассказывал один из свидетелей. Сказывалась любовь Линнаса к математической точности и педантичности во всем. Хотя, как рассказал другой свидетель, А.А. Яска, учившийся вместе с Линнасом в Трефнерской гимназии, «уже тогда (в школьные годы) у него проявлялись какие-то зверские наклонности, грубость по отношению к соученикам».

В марте 1942 года Линнас был переведен из Тартуского концлагеря на другую должность в эстонской полиции, затем служил в 20-й эстонской гренадерской дивизии войск СС. В 1944 году, с отступлением вермахта из Эстонии, он бежал в Германию, затем скрывался в Европе, а позднее нашел убежище в США и в 1960 году получил американское гражданство. С тех пор он проживал в Нью-Йорке по адресу Голдсмит-авеню, 21, Гринлаун, Лонг-Айленд. По некоторым данным, во времена «холодной войны» Линнас работал на ЦРУ, и именно этим объяснялось нежелание американских властей выдать его Советскому Союзу.

В 1961 году органы юстиции Советского Союза направили правительству Соединенных Штатов Америки запрос о выдаче Карла Линнаса для суда над ним. Но в просьбе было отказано. 20 января 1962 года Коллегия по уголовным делам Верховного суда Эстонской ССР в открытом судебном заседании в г. Тарту все же рассмотрела уголовное дело в отношении бывших главарей Тартуского концлагеря — Карла Линнаса, Эрвина Вика и Юхана Юристе. Все трое были признаны виновными в военных преступлениях и приговорены к выс-

шей мере наказания — смертной казни. Но заслуженное наказание понес лишь один — Юхан Юристе. Двоим другим приговор был вынесен заочно, так как Карл Линнас к тому времени проживал в Нью-Йорке, а Эрвин Викс — в Сиднее. В общей сложности, органы юстиции СССР трижды обращались с нотами к правительству США с просьбой выдать военного преступника Карла Линнаса — в 1961, 1962 и 1981 годах. На все три просьбы был получен отказ. В последний раз, когда американские юристы Мендельсон и Белоте побывали в СССР и смогли ознакомиться с документами по делу Линнаса, американская юстиция была вынуждена признать очевидные факты. Несколько месяцев спустя Линнас был лишен американского гражданства, но и после этого почему-то продолжал жить в США.

Допросами заключенных и решением вопросов о том, кого расстрелять, а кого оставить в живых, в Тартуском концлагере занимался «специальный отдел», хотя обычно окончательное решение принимал комендант лагеря Карл Линнас. Расстрелы проводились на так называемой «Линии Ялака» у противотанкового рва. Туда заключенных доставляли на одном и том же красном автобусе, который воспринимался узниками как предвестник смерти. Осенью 1941 года казни заключенных Тартуского концлагеря проводились ежедневно. Зимой же, из-за холодов, по приказу коменданта Карла Линнаса расстрелы стали проводиться только по вторникам и пятницам. Большинство «экзекуций» проводилось силами «Омакайт-се» и эстонской полиции, в основном у деревни Лемматси, где в 1941—1942 годах было расстреляно около 12 000 советских граждан. За время существования Тартуского концлагеря в нем было уничтожено более 12 000 человек.

Нарвский концлагерь, как и лагеря в Кивиыли и Эреде, фактически состоял из семи лагерей — для мирных граждан и для военнопленных. Для размещения заключенных немцы приспособили здание эстонской начальной школы, корпуса льнопрядильной фабрики, русский клуб и так называемые «Красные амбары». Только в одном лагере для военнопленных, размещенном в «Красных амбарах», постоянно содержалось 15—20 тысяч человек. Расстрелы заключенных проводились систематически; трупы, а иногда и живых людей нацисты сжигали в топках печей в котельной льнопрядильной фабрики или зарывали в землю за деревней Поповка и в траншеях за «Красными амбарами».

По данным Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников, в Нарве за три года гитлеровцы уничтожили около 30 000 мирных граждан и военнопленных.

Пярнуский концлагерь был создан летом 1941 года и находился в ведении «Омакайтсе»; комендантом лагеря был И. Тыннисмяе. По данным на 15 сентября 1941 года, в лагере содержалось 695 человек, в том числе 578 эстонцев (520 мужчин и 58 женщин), 87 евреев и 30 цыган.

Концлагерь Ягала был организован в августе — сентябре 1941 года в 30 километрах от Таллинна. Одним из главных инициаторов его создания был начальник эстонской политической полиции майор Айн Мере. Он же назначил комендантом лагеря Александра Лаака, а его помощником — Ральфа Герретса.

Рядом с этим лагерем находилась незаселенная холмистая местность — Калеви-Лийва, которая была избрана в качестве места для проведения массовых казней.

Также вблизи лагеря Ягала находилась железнодорожная станция Разику, куда с сентября 1942 года начали прибывать эшелоны с евреями. Первый эшелон прибыл 5 сентября 1942 года, доставив на станцию около 1500 чехословацких евреев. Мере при помощи Лаака и Герретса лично следил за отбором узников — кого следует отправить в лагерь, а кого — сразу же уничтожить. Более 1000 из них — в основном старики, дети и больные — были расстреляны на холмах Калеви-Лийва, в 5 километрах от деревни Кабернеме в волости Куусалу уезда Харьюмаа. Местным жителям в 1942 году объявили, что в районе этих холмов проводятся оборонительные работы и появление граждан в этом районе категорически воспрещается. Расстрелянных хоронили в специально вырытых ямах. При казнях лично присутствовали А. Мере и комендант лагеря А. Лаак.

В середине сентября 1942 года на станцию Разику прибыл второй эшелон с евреями из Германии (всего около 1500 человек). Мере, Лаак и Герретс снова отобрали более 1000 человек, включая стариков, женщин и грудных детей, которых в тот же день доставили на автобусах в район Калеви-Лийва и там расстреляли. Оставшиеся арестанты отправлялись в концлагерь Ягала. Здесь часть из них погибла от нечеловеческих условий труда, а остальные были расстреляны по распоряжению Мере небольшими партиями в течение осени 1942 и зимы 1942/43 года. Всего на холмах Калеви-Лийва было убито около 6000 человек. Чтобы скрыть следы своих преступлений, с начала 1944 года гитлеровцы начали выкапывать и сжигать трупы расстрелянных, а несгоревшие кости размельчать и зарывать в землю вместе с пеплом или разбрасывать по полям. В результате этих «акций» к январю 1943 года в лагере осталось лишь небольшое количество узников.

В марте 1943 года персоналом лагеря Ягала на холмах Калеви-Лийва было расстреляно 50 цыган, в том числе около 25 детей от

трех до пяти лет. Позднее было расстреляно также 60 цыганских детей более старшего возраста. В казнях лично участвовали начальник эстонской полиции безопасности Айн Мере, комендант лагеря Александр Лаак и его заместитель Ральф Герретс.

«В 1942—1943 годах, — говорилось в заключении Верховного суда Эстонской ССР, — Мере неоднократно посещал лагерь “Ягала” и при участии (коменданта лагеря) Лаака устраивал оргии с пьянствами, во время которых применялось насилие по отношению к узникам, которые потом расстреливались в Калеви-Лийва. Одежда, вещи и ценности расстрелянных граждан забирались работниками полиции безопасности и СД и персоналом лагеря “Ягала”. Лучшие вещи и ценности Мере брал себе...»

Справка: **Ральф Хельмарович Герретс**, проживавший в Эстонии к моменту начала немецко-фашистской оккупации, в 1941 году вступил в организацию «Омакайтсе», где занимал один из руководящих постов в Ляянемааском уезде. Летом 1942 года поступил на службу в Эстонскую полицию безопасности и по приказу оберштурмбанфюрера Мере был назначен помощником коменданта лагеря смерти Ягала. В августе 1942 года Герретс вместе с комендантом лагеря Лааком выезжал в Ригу «на стажировку», где оба присутствовали и лично участвовали в массовых расстрелах. По возвращении в Эстонию Герретс и Лаак «успешно» применили «рижский опыт» в лагере Ягала. Оба в 1942—1943 годах неоднократно участвовали в массовых казнях заключенных на холмах Калеви-Лийва. Позднее, после ликвидации лагеря Ягала, с сентября 1943 по сентябрь 1944 года Герретс работал в Таллинской центральной тюрьме.

11 марта 1961 года Верховный суд Эстонской ССР в ходе судебного процесса в Таллинне приговорил бывшего заместителя коменданта концлагеря Ягала Ральфа Герретса (вместе с двумя другими подсудимыми — А. Мере и Я. Вииком) к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение.

Еще одним из палачей, проводивших казни на холмах Калеви-Лийва, был Ян Виик. Он был простым охранником, и только соучастие в этих преступлениях поставило его наравне с его бывшими начальниками.

Справка: **Ян Янович Виик**, уклонившись от мобилизации в Красную армию, в октябре 1941 года добровольно поступил в германскую армию, где служил в пограничной части на западном побережье Эстонии. (Имеется в виду эстонский «Пограничный полк» (нем.: Grenzverteidigungs-Regiment), сформированный осенью 1941 года по инициативе эстонского полковника Маазинга и находившийся в подчинении немецкого контр-адмирала Бухарди. Полк был расфор-

мирован в 1942 году из-за споров германского ВМФ с руководством СС о подчинении этого полка.) Во время службы в Пограничном полку Виик участвовал в облавах на отставших солдат РККА на острове Найсаар.

В сентябре 1942 года Ян Виик добровольно перешел на службу в Эстонскую полицию безопасности и с 3 сентября 1942 года по апрель 1943 года служил охранником в лагере смерти Ягала. Виик охранял зону лагеря, во время массовых расстрелов на холмах Калеви-Лийва стоял в охране и несколько раз сам участвовал в расстрелах, а также в грабеже имущества убитых людей. Так, в марте 1943 года Виик участвовал в расстреле 50 цыган.

После службы в лагере Ягала Виик служил в охране здания Эстонской полиции безопасности и СД, а также входил в состав карательного отряда, действовавшего в Ленинградской области, и сопровождал узников из лагеря Вазалемма-Мурру в Таллинскую тюрьму.

11 марта 1961 года Верховный суд Эстонской ССР в ходе судебного процесса в Таллине приговорил бывшего охранника концлагеря Ягала Яна Виика (вместе с двумя другими подсудимыми — А. Мере и Р. Герретсом) к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение.

В лагерях одного только уезда Вирумаа в Эстонии (в Куремаа, Вивиконна, Ауквере, Йыхви, Кохтла-Ярве, Кукресе, Перм, Гольфильдс, Эреда-Асундус, Сонда, Азери и Кунда) нацисты и эстонские полицаи уничтожили около 8000 советских граждан. В уезде Харьюмаа (сельский округ Таллина), согласно отчету политического отдела уездной префектуры полиции, только к 21 мая 1943 года было арестовано 5810 человек, из которых 2134 были расстреляны. Всего на территории Эстонии было истреблено около 125 тысяч мирных граждан и военнопленных.

В числе лиц, виновных в военных преступлениях на территории Эстонии, Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников назвала имена генералов и фельдмаршалов фон Лееба, фон Кюхлера, В. Моделя, Г. Линдемана, Фриснера и Ф. Шёрнера (в разное время командовавших немецкой группой армий «Север»), генерала пехоты Грассера (командира армейской группы «Нарва»), обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Штайнера (командира III германского танкового корпуса СС), группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС Вагнера (командира 4-й панцергренадерской бригады СС «Недерланд»), бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС Й. Циглера (командира 11-й панцергренадер-

ской дивизии СС «Нордланд»), а также генерального комиссара Эстонии К.С. Литцмана, начальника главного отдела «Политика» в ГК «Эстония» группенфюрера Астера, штаткомиссара г. Таллина штандартенфюрера В. фон Ментцеля, начальника главного отдела «Экономика» в ГК «Эстония» штандартенфюрера принца цу Гогенлоэ, гебитскомиссара Таллинского сельского округа штандартенфюрера СС А. Беккинга, штаткомиссара г. Печоры штандартенфюрера СС Л. Бомбе, оберштурмбанфюрера СД д-ра М. Зандбергера (командира полиции безопасности и СД в Эстонии), штурмбанфюрера СД Гейсслера (его заместителя), гебитскомиссара Тартуского округа К. Меенена, начальника управления концлагерей в Эстонии гауптштурмфюрера СС Бреннанса, руководителя работами лагерей в Эстонии гауптштурмфюрера СС Шварце, главного врача лагерей в Эстонии д-ра Ф. фон Бодмана, коменданта концлагеря Клоога унтершарфюрера СС Верле, главу Эстонского самоуправления д-ра Хялмара Мяэ и других.

Карательные операции в Псковской, Новгородской и Ленинградской областях

Части «Омакайтсе» выполняли карательные задачи не только на территории Эстонии, но и за ее пределами. Немцы предполагали включить в состав генерального округа «Эстония» часть территорий Псковской, Новгородской и Ленинградской областей — в частности, города Псков, Новгород, Оредеж, Луга, Сланцы, вплоть до Ленинграда. Эстонское самоуправление сразу же загорелось идеей создания «Великой Эстонии», и немцы не стремились разубеждать их. Каждому эстонцу, добровольно вступившему в полицейский батальон, был обещан после службы большой надел земли на оккупированной территории.

Разумеется, это подхлестывало энтузиазм эстонских националистов, хотя в действительности расширение территории генерального комиссариата еще не означало расширения территории Эстонии как таковой. Руководство рейха просто не допускало мысли о независимости каких бы то ни было оккупированных земель на Востоке. Да и земли эти, как явствует из предвоенных планов рейха, подлежали германизации. Эстонцам и латышам просто предоставили быть хозяевами этих земель на время, чтобы изгнать оттуда русских. Затем большинство из эстонских поселенцев (если бы дело дошло до того, что каждый эстонский полицай получил бы земли на севере России!) были бы переселены еще дальше на Восток, и лишь

некоторая часть из них была бы германизирована. То есть они перестали бы быть эстонцами, а просто обязаны были стать стопроцентными немцами.

Территории на северо-западе России — да, независимая Эстония — нет. В Третьем рейхе просто не могло быть такого понятия.

Эстонские (как впрочем, и латышские и даже литовские) полицаи вполне справлялись с этой задачей. Равных им по жестокости не было.

Например, как следует из сообщения УНКВД по Ленинградской области, «в сентябре 1941 года в Кингисеппском районе (Ленинградской области) действовал специальный карательный отряд численностью до 2 тысяч человек эстонцев-«кайтселиитчиков», прибывших из Нарвы».

Даже немцы порой ужасались зверствам местных полицаяв. Приведем выдержку из «Сводки донесений из СССР № 18» от 10 апреля 1942 года:

«...Несколько литовских, латышских и эстонских сотен¹, направленных в район вдоль шоссе Локня — Троице-Хлавицы командованием 39-го армейского корпуса, работают вполне удовлетворительно, хотя приходится констатировать, что в ходе их акций было расстреляно много лиц, которые могли бы дать ценные показания. Так, во время одной из карательных экспедиций, предпринятой литовской сотней 2 февраля против деревни Чертеш (Черпесса (?). — М.К.) в 10 км юго-восточнее Юхново, было расстреляно 23 партизана, в том числе 5 человек, которые хотели дать показания о шпионской сети в районе Локни.

Также отмечалось, что совместные действия сотен, сформированных из представителей различных национальностей, приводят к противоречиям и к ослаблению их боеспособности ввиду запланированных операций, так как при этом вновь возникают зависть и традиционные ссоры между балтийскими народами...»

Сохранились и другие свидетельства очевидцев.

«...Сразу после начала немецкой оккупации Прибалтики среди местного населения немцы стали распространять листовки с призывом вступать в ряды немецкой армии, — рассказывает ветеран КГБ Михаил Пушняков, около двадцати лет по долгу службы занимавшийся розыском военных преступников. — Обещалось, что за это

¹ Имются в виду роты «вспомогательной полиции», сформированные в ведении армейского тылового командования, но выполнявшие фактически полицейские функции. В 1943—1944 гг. все они были объединены в батальоны и были переданы в подчинение СС и полиции «Остланда». — М.К.

каждому, кто прослужит три месяца на оккупированной территории России, будет выделено три гектара земли. Было обещано создать "Великую Эстонию", которая включала бы в себя территории почти всей нынешней Псковской, Ленинградской и Новгородской областей. Уже летом 1941 года начался поток добровольцев. Для их обучения в городе Тарту был организован учебный пункт на базе 41-го эстонского полицейского батальона. После трехмесячного обучения добровольцы направлялись на объекты, расположенные на территории Псковской и Ленинградской областей. Были такие, которые для того чтобы вступить в немецкую армию, даже приписывали себе года. Некоторые из этих преступников на момент совершения преступлений не были еще совершеннолетними, что в дальнейшем спасло их от расстрела по приговору советского суда.

Первым, в конце осени 1941 года, в Псков прибыл 37-й эстонский полицейский батальон. Им командовал майор Кург¹. Располагался он в здании Иркутских казарм, что на Октябрьском проспекте. Батальон состоял из пяти рот. Первая рота выполняла задачи по охране железной дороги Псков — Гдов, вторая рота охраняла дорогу от Пскова до Полоцка, третья рота охраняла железную дорогу от Пскова до Луги, четвертая рота охраняла дорогу от Пскова до Порхова, пятая рота охраняла Псковский аэродром. Впоследствии на территории Псковской области действовало несколько эстонских полицейских батальонов. Всего на территории Эстонии было сформировано 15 полицейских батальонов, с 30-го по 45-й². Эти эстонские полицейские подразделения входили в состав 205-й охранной

¹ 37-й эстонский полицейский батальон (номер полевой почты 45 380) был сформирован в Тарту на основе Schuma-батальона «Тарту» (Schuma Abt. Dorpat) как «фронтальной батальон» из членов тартуской организации «Омакайтсе». Состоял из пяти рот и насчитывал в общей сложности более 700 человек. Командиром батальона стал майор Ф. Кург, командир «Омакайтсе» г. Тарту и Тартуского округа. С середины марта 1942 года участвовал в антипартизанских операциях в прифронтовой зоне в составе «Боевой группы «Йскельн». В июле 1942 года был придан 207-й охранной дивизии вермахта для охраны военных объектов и борьбы с партизанами. В феврале 1943 года батальон возвратился в Таллин. С февраля 1943 года находился в подчинении командира полиции порядка Эстонии. В апреле 1944 года был передан под непосредственный контроль вермахта. В июле 1944 года вошел в состав 2-го эстонского полицейского полка в качестве I батальона. В августе 1944 года, когда 2-й эстонский полицейский полк был расформирован, его батальоны получили старые номера и продолжили службу отдельно друг от друга. 37-й эстонский полицейский батальон был брошен на оборону г. Тарту. В октябре 1944-го прибыл в учебный лагерь Нейхаммер в Силезии. Участвовал в обороне Данцига. В ноябре 1944 года расформирован, его личный состав вошел в 20-ю эстонскую дивизию войск СС.

² В действительности с 29-го по 45-й включительно. — М.К.

дивизии тыла, которой командовал генерал-майор Гофман. Штаб дивизии находился в г. Тарту. Помимо железных, шоссейных дорог и мостов, в ее задачи входила охрана предприятий сельхозназначения, в основном льнозаводов, которые потом партизаны все сожгли. Создавались сельхозкомендатуры, и при них, из числа эстонцев, формировались так называемые ягдкоманды. Эти ягдкоманды, часто при поддержке кадровых немецких воинских частей, вели борьбу с партизанами и уничтожали мирное население.

Сразу после освобождения от немецких войск в каждом районе создавались чрезвычайные комиссии, в которые входили профессора, представители КГБ, МВД, общественность, советские и партийные органы. Они опрашивали жителей, даже делали эксгумации массовых захоронений. И все эти злодеяния приписывали немцам. И все валили на командующего 18-й немецкой армией. Понятно, что все они были одеты в немецкую форму, разговаривали на иностранном языке, поэтому большинство жителей сел и деревень считало их немцами. А зверствовали-то в основном эстонцы.

Надо сказать, что потерь среди эстонских коллаборационистов было очень мало. Патрулируя железные и шоссейные дороги, они всегда окружали себя мирными жителями из соседних деревень. Поэтому партизаны в них не стреляли. Единственные крупные потери у них были возле деревни Лунева Гора. Наша диверсионная группа под командованием Ковалева забросала гранатами машину с эстонскими карателями, ехавшими на выселение жителей в Германию. Основные карательные действия проводились эстонцами в то время, когда началось строительство линии "Пантера". На протяжении оборонительной линии создавалась "мертвая зона". Всех жителей деревень, находящихся в непосредственной близости от укреплений, сгоняли в Моглинский лагерь, а оттуда увозили в Германию или Эстонию, а стариков и детей, которые не могли передвигаться, сжигали вместе с домами. Очень много псковичей, насильно угнанных из своих деревень, принудительно работало у эстонцев на хуторах. Эстонскую полицию безопасности (эстонское гестапо) формировала имперская полиция безопасности.

...Немцы занимали должности начальников отделов. А весь оперативный состав и следственный состав состоял из эстонцев. В Пскове полиция безопасности находилась в помещении музея Ленина, по адресу: улица Ленина, 3. На нем висела вывеска: «Эстонская полиция безопасности». И во всех районах, где были отделы, тоже висели вывески «Эстонская полиция безопасности». В подвальных помещениях этого здания находилась внутренняя тюрьма. Решение по делу каждого арестованного выносили три человека: на-

частьник полиции безопасности немец Траут, начальник эстонской полиции безопасности, секретарь госпожа Поская. Людей расстреливали или отправляли в Моглинский лагерь. Расстрелы производила специальная команда расстрельщиков из особой эстонской роты под руководством эстонца по фамилии Сепп. Расстреливали в Ваулиных горах и на станции Березка, рядом с домиком лесника Павлова»¹.

Одним из исполнителей этих казней был Александр Пиигли, командир взвода тяжелых пулеметов в 37-м эстонском полицейском батальоне майора Курга.

Справка: Александр Карлович Пиигли, уроженец Тарту, в июне 1941 года добровольно вступил в организацию «Омакайтсе» Тартуского района, в то время еще действовавшую подпольно под руководством одного из крупнейших полевых командиров майора Ф. Курга. В «Омакайтсе» Пиигли служил в должности командира взвода.

Осенью 1941 года, благодаря личной дружбе с комендантом Тартуского концлагеря Карлом Линнасом, Пиигли устроился в охрану Тартуского концлагеря — командиром взвода охранной команды № 41, где принимал участие в расстрелах бывших советских служащих города Тарту. После того как на основе тартуской организации «Омакайтсе» был сформирован 37-й эстонский Schuma-батальон, Пиигли вступил в его ряды, получил обмундирование офицера германской полиции, оружие и был назначен командиром взвода тяжелых пулеметов. В апреле 1942 года взвод под командованием Пиигли был направлен в город Гдов Псковской области, в распоряжение немецкой полевой комендатуры № 611 для несения караульной и патрульной службы, а в мае 1942 года переведен в поселок Полна Гдовского района в распоряжение Полновской немецкой комендатуры, где принимал участие в карательных операциях.

После войны Александр Пиигли продолжал проживать в Эстонии. Он сменил имя и фамилию, но это не спасло его от наказания. В 1971 году он был арестован и предстал перед судом как военный преступник. Судебная коллегия по уголовным делам Псковского областного суда приговорила его к смертной казни.

В приговоре судебной коллегии по уголовным делам Псковской области в отношении Александра Пиигли говорится:

¹ Пушняков М. Участие эстонских коллаборационистов в оккупации Псковской области: как это было // Электронное информационное агентство REGNUM, 17 марта 2005 (<http://www.regnum.ru/news/422839.html>).

«Пиигли и его подчиненные проводили аресты мирного населения, осуществляли охрану арестованных советских граждан, выезжали на операции против партизан, совершали массовые расстрелы советских граждан. В поселке Полна были устроены места заключения, в которых содержалось большое количество советских граждан из числа коммунистов, комсомольцев, лиц, имевших связи с партизанами, их родственников и иных лиц, арестованных в качестве заложников. Эти граждане группами вывозились из поселка Полна и безжалостно уничтожались карателями. Так, в июне 1942 года Пиигли, Юксаар, Вески, Лумистеи другие в 2—3 км южнее станции Ямм расстреляли пять советских граждан. В июле 1942 года Пиигли, Юксаар, Вески, Лумисте, Танг, Соэр, совместно с другими солдатами взвода, в ответ на диверсию советских партизан на железной дороге вывезли из мест заключения в поселке Полна группу советских граждан в количестве 10 человек и расстреляли их у 70-го километра бывшей железной дороги Псков — Гдов, в районе станции Ямм. Пиигли руководил подчиненными ему карателями, выстраивал перед обреченными для расстрела, подавал команду стрелять, а после залпа из пистолета достреливал тех, которые подавали признаки жизни.

В августе 1942 года Пиигли со своими подчиненными участвовал в расстреле у станции Замогилье десяти советских граждан, содержащихся в Полне в качестве заложников. Эти граждане со связанными руками были вывезены карателями на автомашине до станции Ямм, а затем поездом до станции Замогилье, где в 50-ти метрах от железнодорожной насыпи у деревянного строения они были расстреляны. Пиигли руководил доставкой обреченных к месту расстрела, выстраивал солдат, указывал, кто из них в кого должен стрелять, подавал команду, а потом из пистолета достреливал тех, кто еще не был убит.

Осенью 1942 года Пиигли со своим взводом участвовал в расстреле за связь с партизанами большой группы советских граждан, численностью 25—30 человек. Этих граждан каратели в поселке Полна погрузили на крытые грузовые автомашины, вывезли в лес, разделили на две группы и поочередно расстреляли. У всех граждан для затруднения побега предварительно за спиной были связаны руки. Пиигли руководил расстрелом, а после него лично из пистолета достреливал тех, кто подавал признаки жизни.

В конце 1942 года взвод Пиигли был переведен в город Псков и присоединен к 37-му эстонскому полицейскому батальону. В начале 1943 года они были переведены на территорию Карамышевского района, где несли охранную и патрульную службу и неоднократно

выезжали на карательные операции против советских партизан. С весны 1943 года по февраль 1944 года Пиигли и его взвод в составе 37-го полицейского батальона участвовали в карательных операциях против партизан, в сожжении деревень и расстрелах мирного населения. Пиигли приказывал своим подчиненным поджигать деревни, расстреливать мирных граждан, проводить иные карательные действия. За проявленное усердие в борьбе с партизанами Пиигли был награжден немецким командованием железным крестом второй степени. После изгнания оккупантов из Псковской области Пиигли продолжал службу в немецкой армии, в 20-й эстонской дивизии СС, где командовал сначала взводом, а потом ротой. За доблесть в боях с Красной армией награжден железным крестом первой степени.

На судебном заседании Пиигли полностью признал себя виновным и рассказал об обстоятельствах совершения им преступлений. Впновность Пиигли, кроме его признания, полностью подтверждается имеющимися в деле документами, показаниями потерпевших, свидетелей, и другими доказательствами. Пиигли совершил особо опасное государственное преступление, длительное время руководил карательным подразделением, руководил расстрелом 54—59 советских граждан, лично достреливал раненых, участвовал в карательных операциях против партизан и мирного населения, активно участвовал в боях против частей Советской армии, длительное время скрывался от правосудия под вымышленной фамилией. На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 300, 301, 309, 315 УПК РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам Псковского областного суда приговорила: Пиигли Александра Карловича признать виновным по пункту «а» статьи 64 УК РСФСР и подвергнуть его смертной казни с конфискацией имущества».

По словам представителей правоохранительных органов, проводивших следственные действия по делу Пиигли, в уголовном деле отражены далеко не все преступления самого Пиигли. К тому же 37-й эстонский полицейский батальон был лишь «небольшой частичкой в системе карательных мер, осуществляемой фашистами с участием эстонских карателей в Псковской области». По их мнению, в Эстонии проживало и продолжает жить по сей день еще много военных преступников, которые сумели избежать правосудия.

В Эстонии за время немецко-фашистской оккупации количество жертв среди мирного населения составило от 61 300 до 125 000 человек (включая 64 000 советских военнопленных). Но еще больше от оккупации, и в том числе от действий «эстонских борцов за незави-

симось» вроде тех же Пиигли, Мянела, Курга и других, пострадала соседняя Псковская область. Здесь за годы оккупации было уничтожено 391 607 мирных жителей, более 150 000 человек было угнано в Германию и другие страны. По данным архива администрации Псковской области, в 1941 году, до начала войны и оккупации, на территории Псковской области проживало около 1 миллиона 500 тысяч жителей, а после освобождения, к началу 1945 года, численность населения области составила 500 тысяч человек. Остальные погибли, были эвакуированы или вывезены в Германию. Большая часть населения области погибла в результате действий полицейских и карательных отрядов.

ГЛАВА 9

РЕЙХСКОМИССАРИАТ «ОСТЛАНД»: АНАТОМИЯ ОККУПАЦИИ

Немецко-фашистский оккупационный аппарат в Прибалтике

Для того чтобы внести ясность в структуру немецко-фашистской администрации на территории Прибалтики и избежать путаницы в понятиях, необходимо привести более или менее общую справочную информацию. Эта справочная информация, несмотря на сухость изложения, позволит разобраться, кто и какие полномочия имел в оккупированной Прибалтике и кто определял оккупационную политику в той или иной сфере.

Для начала следует в общих чертах показать, как делили между собой полномочия военная, гражданская и эсэсовско-полицейская администрация и какую роль играли при них местные органы самоуправления и полиция.

Военная администрация

Сразу после вступления вермахта на территорию СССР в тылу наступающих войск начали создаваться комендантуры и особые штабы для управления «тыловой зоной». Тыловая зона делилась продольно на: 1) район боевых действий, 2) тыловой район армий (16-я и 18-я армии), находившийся в ведении соответствующего «командующего тыловым районом армии» (Befehlshaber des rückwärtigen Armeesgebiets) и 3) тыловой район группы армий «Север» под началом «воснного командующего тыловым районом группы армий» (Militärbefehlshaber des rückwärtigen Heeresgebiets).

Тыловой район группы армий «Север» после взятия Таллина в сентябре 1941 года занимал всю территорию Эстонии, кроме города Нарвы и соседних с ним сельских районов (последние находились в тыловом районе 18-й армии). Командующим тыловым районом группы армий «Север» (тыловой район 101) с июня 1941 года являлся генерал пехоты Карл фон Рок, начальником его штаба — подполковник Арно Кригсхайм, а с начала военных действий штабу группы армий был придан представитель Министерства по делам оккупированных восточных территорий Петер Клейст (июнь — ноябрь 1941 г.), одновременно являвшийся в Восточном министерстве начальником Отдела I.2 «Остланд» (Abteilung I.2 Ostland) и сотрудником «Бюро Риббентропа». Позднее, по распоряжению генерал-квартирмейстера ОКХ Вагнера, Клейста на посту представителя министерства при штабе группы армий «Север» сменил гауптман Унтерштаб (с конца ноября 1941 г.). Представителем Восточного министерства при Главном командовании сухопутных войск (ОКХ) был назначен Отто Бройтигам (одновременно являвшийся в министерстве начальником Общего отдела I.1 (Abteilung I.1 Allgemein)).

Формально фон Рок подчинялся командующему группой армий «Север» фон Леебу, но фактически в административных вопросах он пользовался относительной независимостью, по крайней мере в рамках инструкций, данных ему генерал-квартирмейстером ОКХ Адольфом Вагнером. Территориально с 1 июля 1941 года его полномочия распространялись на все районы юго-западной линии Лиепая — Шяуляй — Ионава; с середины июля 1941 года — юго-западнее линии Рижская бухта (между Ригой и Пярну) — Цесис — Валмиера — Резекне — Даугавпилс. Но по мере установления немецкой гражданской администрации в Литве, Латвии и Эстонии область его полномочий соответственно сокращалась. В подчинении фон Рока находилось 5 полевых и 17 гарнизонных комендатур (нем.: Feld- und Ortskommandanturen), 689-й батальон полевой жандармерии, 520-я группа тайной полевой полиции, 32-й главный строительный штаб (эквивалентный штабу бригады), с подчиненными ему 32-м, 35-м, 71-м и 519-м пионерными полками особого назначения.

Патрулирование в тыловом районе группы армий «Север» (тыловой район 101) несли германские охранные дивизии вермахта — 207-я, 281-я и 285-я (по штатам они находились в его подчинении до начала войны, 4 марта 1941 г.). После начала войны к ним добавилась также 388-я полковая учебная дивизия. Им был придан ряд «охранных батальонов», сформированных уже в России и Прибалтике из местных жителей и военнопленных, в том числе 5 эстон-

ких «охранных батальонов». Летом 1942 года все они были переданы в ведение полицейской администрации и переименованы.

В тыловых районах 16-й и 18-й армий действовали еще по меньшей мере 14 «охранных батальонов» (эстонские, латышские, русские, 1 литовский и 1 карело-финский), несшие службу при германских охранных дивизиях. В октябре 1942 года часть их была переименована в «восточные батальоны» (*Ost-Bataillone*), другие переданы под контроль полицейской администрации и одновременно переименованы. Первоначально при 18-й армии действовало 9 таких батальонов: 6 эстонских, 2 русских, 1 карело-финский, 1 русская рота. При 16-й армии было сформировано 6 батальонов — 1 эстонский, 2 латышских, 1 литовский, 2 русских. В 1942—1944 годах все латышские, литовские и эстонские батальоны были переданы в подчинение полиции, а русские «восточные» батальоны в 1943 году были переведены на Западный фронт (главным образом во Францию и в Данию). В подчинении военной администрации также находилось небольшое количество местных рот (*Hundertschaften*) и батальонов (*Abteilungen*) «самообороны»; в тыловых районах группы армий «Север» они назывались «местные вооруженные отряды» (*Einwohnerkampfverbände*). Они служили источником людских резервов для формирования новых охранных батальонов.

Взгляды временной военной администрации на оккупационную политику в Прибалтике во многом отличалась от официального германского курса, который проводили гражданская и полицейская администрации. Согласно заявлению Петера Клейста, генерал фон Рок летом 1941 года называл весь поход на Россию «военным безумием», членов зондеркоманд СС — «головорезами», а Риббентропа — «идиотом». Впрочем, эти взгляды не помешали фон Року впоследствии запятнать себя участием в военных преступлениях. Его начальник штаба, Кригсхайм, в августе 1941 года открыто выражал сомнения в возможности победы Германии над Англией, осуждал массовые казни евреев и считал, что немцам не удастся установить свое господство над восточными народами. За это Кригсхайм был исключен из рядов «Общих СС», а в мае 1942 года вообще уволен из вермахта. По сообщению шефа РСХА Гейдриха, мнение фон Рока и Кригсхайма в большей или меньшей степени разделяли и остальные члены штаба. В соответствии с нацистской терминологией, подобным им представителем старой германской армии называли «ультрасакционерами».

По мере продвижения линии фронта тыловая зона отодвигалась на восток и на территории Литвы, Латвии, а затем и Эстонии постепенно вводилось гражданское управление. Однако военная адми-

нистрация не была полностью упразднена в этих районах — военную власть там представлял командующий вермахта в рейхскомиссариате «Остланд» (Wehrmachtbefehlshaber Ostland), штаб-квартира которого располагалась в Риге. Этот пост был учрежден в июле 1941 года; с самого начала его занимал генерал кавалерии Фридрих Бремер. Первоначально в его подчинении находились 4 оберфельдкомендатуры: № 392 — в Минске (охранный район «Белоруссия»), № 394 — в Риге («Латвия»), № 396 — в Каунасе («Литва»), и еще одна — в Эстонии, сформированная лишь в декабре 1941 года, когда на значительной части эстонской территории было введено немецкое гражданское управление (предположительно № 398). Однако никаких воинских частей в его распоряжении не было до 1943 года. Лишь в июне 1943 года он получил LXI-й резервный корпус в составе 141-й и 151-й учебных дивизий. Позднее, 8 ноября 1943 года, в его подчинение перешел командующий охранными войсками и военный командующий в Белоруссии (Kommandierender General der Sicherungstruppen und Militärbefehlshaber Weissruthenien) со всеми вверенными ему частями — 221-й охранной дивизией, кавалерийским полком «Центр» и венгерским VIII корпусом в составе четырех дивизий. В подчинении командующего силами вермахта в «Остланде» в 1943 году были также сформированы как минимум 4 латышских и 5 литовских строительных батальонов.

Гражданская администрация

Специально для управления оккупированными территориями Советского Союза 17 июля 1941 года указом фюрера было создано Министерство по делам оккупированных восточных территорий, которое возглавил рейхслейтер Альфред Розенберг. Оно являлось в некотором роде аналогом британского Министерства по делам Индии, так как Гитлер был давним поклонником английской колониальной политики в этой стране.

В тот же день указом фюрера от 17 июля 1941 года на захваченных землях Прибалтики и Белоруссии был создан так называемый рейхскомиссариат «Остланд» (или сокращенно РК «Остланд»). Первоначально он включал в себя территории Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии, которые имели статус генеральных комиссариатов (сокр.: ГК «Литва», «Латвия» и «Эстония»). Белоруссия входила в состав рейхскомиссариата фактически до апреля 1943 года (официально — до апреля 1944 года), когда ее решили передать в непосредственное подчинение имперского министерства по делам оккупи-

рованных восточных территорий. Рейхскомиссаром «Остланда» был назначен гаулейтер Хинрих Лозе, подчинявшийся непосредственно Розенбергу.

Справка: **Хинрих Лозе** (1896—1964) родился 2 сентября 1896 года в городе Мюленбарбен близ Штейнбурга в Шлезвиг-Гольштейне. Участвовал в Первой мировой войне, воевал на Западном фронте. В послевоенные годы (1919—1922) служил в банке. Политикой Лозе занялся в начале 1920-х годов, став членом партии «Народный Социальный блок». Но вскоре, в 1923 году, перешел в Национал-социалистскую партию, став одним из первых членов недавно организованного отделения НСДАП у себя на родине, в Шлезвиг-Гольштейне. Впрочем, Лозе покинул партию Гитлера сразу же после ее запрета в том же году, после провала «Пивного путча» в Мюнхене.

Вторично Лозе вступил в Национал-социалистскую партию 13 июня 1925 года (билет № 37 522), хотя Гитлер утвердил его назначение только через месяц. 22 февраля того же года по протекции Грегора Штрассера Лозе был назначен гаулейтером земли Шлезвиг-Гольштейн и занимал этот пост до 8 мая 1945 года.

В те далекие 1920-е годы будущий рейхскомиссар Прибалтики был близок к левому крылу НСДАП, которое возглавлял Грегор Штрассер. Последний пользовался тогда едва ли не большим влиянием в партии, чем сам Гитлер. Попытки Штрассера взять руководство национал-социалистской партией в свои руки привели к созданию 10 сентября 1925 года так называемого «Рабочего содружества северных и северо-западных областей НСДАП». В это «содружество», которое возглавили Грегор Штрассер и его брат Отто, вошли гаулейтеры Роберт Лей, Хайнц Хааке, Франц Пфеффер фон Заломон, Бернхард Руст, Карл Динклагге, Отто Тельшов, Теодор Вален, Лудольф Хаазе, Герман Фобке и наконец сам Хинрих Лозе. Организационная работа и издание официального печатного органа «содружества», газеты «Nationalsozialistische Briefe», были возложены на Йозефа Геббельса, будущего министра пропаганды рейха. Впоследствии общество раскололось и прекратило свое существование. Некоторые, вроде Пфеффера фон Заломона и Отто Штрассера, в дальнейшем вышли из партии и стали заклятыми врагами Гитлера. так как считали себя прежде всего «соци», а не «наци», и отвергали его расистские идеи. Однако большая часть его членов пошла за Гитлером и добились высших постов в Третьем рейхе. После прихода нацистов к власти Геббельс, Руст и Лей стали рейхслейтерами и министрами, остальные — гаулейтерами в своих землях.

Лозе тоже оказался среди тех, кто был щедро вознагражден фюрером за лояльность и измену прежним убеждениям. 20 мая 1928 года

Лозе был избран депутатом ландтага Пруссии, с 3 сентября 1928 по 14 апреля 1929 года являлся комиссаром гау Гамбург, с 15 июля 1932 года — ландесинспектором НСДАП «Север». 12 ноября 1932 года он был избран депутатом рейхстага. В 1934 году Лозе возглавил «Северное общество», в которое входили партийные и государственные деятели северогерманских земель, многие из которых впоследствии заняли ведущие посты в нацистском оккупационном аппарате в Прибалтике (например, Отто Дрекслер, Адриан Теодор фон Рентельн и другие).

В 1933 году Гитлер назначил Лозе обер-президентом (то есть главой земельного правительства) земли Шлезвиг-Гольштейн, гаулейтером которой он являлся одновременно. Как гаулейтер Шлезвиг-Гольштейна, с началом войны (с 22 сентября 1939 г.) был назначен имперским комиссаром по обороне XI военного округа (с 16 ноября 1942 г. — гау Шлезвиг-Гольштейн). Помимо этого, еще в 1933 году, Лозе стал протекторальным советником (регирунгсратом) в правительстве Пруссии, а в феврале 1934 года получил звание группенфюрера СА. Но главной наградой он сам считал свое назначение на пост рейхскомиссара «Остланда»...

17 июля 1941 года Лозе был назначен рейхскомиссаром «Остланда», а 25 июля 1941 года въехал в Каунас (правда, не на белом коне), чтобы вступить во владение прибалтийскими землями. По-видимому, при этом он представлял себя крестоносцем, покорителем варваров-язычников...

Позже, по мере продвижения германских войск, Лозе перенес свою штаб-квартиру в Ригу. В 1941 году, когда Красная армия начала ширококомасштабное наступление в Прибалтике, Лозе был назначен комиссаром по обороне в оперативной зоне группы армий «Север», но вскоре бежал в Германию, а на его место был назначен бывший рейхскомиссар Украины Эрих Кох. Окончание войны Лозе встретил во Фленсбурге, где находился штаб «пресемника фюрера» гросс-адмирала Дёница. Здесь же Лозе сдался в плен британским войскам.

После войны, в январе 1948 года, Лозе предстал перед британским военным трибуналом в Билефельде и в рамках «денацификации» был приговорен к 10 годам тюремного заключения, но в феврале 1951 года был амнистирован по состоянию здоровья и даже в течение какого-то времени получал пенсию от ландтага земли Шлезвиг-Гольштейн. Умер 25 февраля 1964 года в Мюленбарбене.

В каждой из трех оккупированных прибалтийских республик уже 17 июля 1941 года был назначен наместник или «генеральный комиссар», подчиненный рейхскомиссару «Остланда». Однако фактически

оккупационная власть устанавливалась в Прибалтике не одновременно, а в три этапа, по мере продвижения вермахта на восток. Первыми, 25 июля 1941 года, были переданы из ведения военных властей в ведение гражданской администрации районы южнее реки Двина, вся территория Литвы и часть Латвии (Курляндия). 1 сентября 1941 года территория гражданского управления была расширена: теперь уже вся Латвия перешла в ведение гражданской администрации. Лишь после этого аппарат рейхскомиссара «Остланда» смог пересечь в Ригу, где в течение всего последующего времени находилась его резиденция. Наконец, 15 декабря 1941 года в ведение гражданской администрации была передана большая часть Эстонии. Тогда же был назначен генеральный комиссар Эстонии и его аппарат чиновников. Посты генеральных комиссаров занимали:

- в Литве — д-р Адриан фон Рентельн,
- в Латвии — д-р Отто Дрекслер,
- в Эстонии — д-р Карл Сигизмунд Литман,
- в Белоруссии — гаулейтер Вильгельм Кубе.

Генеральные комиссариаты делились на городские и областные (сельские) округа по главе с 19 городскими и областными комиссарами (Stadt- und Gebietskommissare). Гебитскомиссары и штаткомиссары занимали нижнюю ступень в немецкой гражданской администрации. Их задачей было контролировать деятельность местных (коммунальных) органов самоуправления и обеспечивать с их помощью выполнение сельскохозяйственных норм. В области управления сельским хозяйством в немецкой гражданской администрации имелась и еще более низкая ступень — сельхозфюреры (нем.: Landwirtschaftsführer, сокр. La-Führer), получавшие указания от окружных сельхозфюреров (нем. Kreis-Landwirtschaftsführer, сокр. Kreis-La-Führer), которые, в свою очередь, входили в аппарат каждого гебитскомиссара.

В начале сентября 1941 года рейхскомиссар Лозе прибыл со своим штабом в Ригу, где отныне находилась его официальная резиденция. Аппарат сотрудников рейхскомиссара включал в себя личного референта и 4 главных отдела, в свою очередь делившихся на отделы и подотделы. Кроме того, штабу рейхскомиссара «Остланда» были приданы представители министерства иностранных дел и министерств транспорта и почты, не имевшие филиалов на местах. Независимо от гражданской администрации, но в тесном контакте с ней, действовала также «Хозяйственная инспекция «Север» (с резиденцией в Риге), имевшая свои филиалы — «хозяйственные команды». Этот орган был подчинен ведомству Германа Геринга, Имперского уполномоченного по 4-летнему плану.

Гражданская администрация занималась всеми вопросами, касающимися управления захваченными землями, их экономической эксплуатации (совместно с Ведомством имперского уполномоченного по 4-летнему плану, которое действовало самостоятельно), мобилизацией рабочей силы и военных ресурсов (также во взаимодействии с соответствующими военными и полицейскими органами) и т.п. Полицейская администрация формально была подчинена гражданской и должна была осуществлять все карательные мероприятия. Однако по ряду частных вопросов полицейский аппарат действовал самостоятельно, а подчас даже вмешивался в дела гражданской администрации.

Местное самоуправление

С первых же дней германского вторжения в оккупированных республиках Прибалтики образовалось множество политических группировок, рассчитывавших с помощью немцев прийти к власти. В основном это были возрожденные политические партии, существовавшие в республиках Прибалтики до 1940 года.

Однако после того как оккупационный режим прочно установился на этих территориях, нацисты перестали нуждаться в каких-либо доморожденных политических силах, кроме тех, которые были готовы безоговорочно исполнять их волю. В связи с этим 20 сентября 1941 года рейхскомиссар Хинрих Лозе издал приказ, запрещающий на территории Прибалтики все объединения и собрания, а также создание каких-либо политических партий и движений.

Деятельность существующих партий была приостановлена «до соответствующего разрешения» генеральных комиссаров, если те сочтут их достаточно лояльными по отношению к «новому порядку». В сфере пропаганды было решено закрыть большинство редакций газет, сохранив лишь столько, «сколько это необходимо, чтобы избежать пустых сообщений ...которые в политическом смысле не служат делу». Последнее зависело от числа надежных издателей, редакторов, а также от чиновников в германских органах цензуры. Вопрос об издании немецких газет также решался рейхсминистром на основании предложений рейхскомиссаров.

Тем не менее в Литве и Латвии к тому времени уже были созданы местные органы самоуправления (вплоть до «правительств»), которые оказывали значительную помощь оккупантам в уничтожении коммунистов, евреев, окруженных групп красноармейцев и др. Германские военные, полицейские и гражданские власти были вынуж-

дены постоянно прибегать к их помощи, таким образом признавая их *de facto*. Поэтому высокопоставленный чиновник германского министерства по делам оккупированных восточных территорий Петер Клейст в письме от 14 января 1942 года отмечал, что теперь уже было невозможно распустить их.

В своих воспоминаниях Клейст писал следующее: «Я добился... полного одобрения генерала фон Рока. Он добавил, что мы предлагаем для этого (для управления оккупированными территориями Прибалтики. — *М.К.*) всего лишь полудюжиной немецких функционеров и что в этих условиях все равно не остается ничего, кроме как ввести автономную литовскую администрацию»¹. Полномочия этой местной администрации должны были «ограничиваться лишь военной необходимостью». «Однако при этом, — замечает Клейст, — следовало избегать давать ей наименование, напоминающее о суверенитете, а лучше называть ее “местным самоуправлением”». (Любопытно отметить, что тот же Петер Клейст в своих воспоминаниях называет себя сторонником независимости республик Прибалтики!)

13—14 февраля 1942 года в Восточном министерстве состоялась конференция, посвященная вопросам отношений с местными органами самоуправления, на котором присутствовали и представители от рейхскомиссариата «Остланд». По словам Розенберга, к этому времени все областные комиссары единодушно считали необходимым сохранение самоуправления во всех трех генеральных комиссариатах. Таким образом, конференция высказалась за признание местных самоуправлений в рейхскомиссариате *de jure*. На основе ее постановлений 7 марта 1942 года рейхсминистр Розенберг издал «Организационный указ «Остланд», закрепивший статус и функции местных органов самоуправления.

Практическое руководство во всех трех бывших республиках Прибалтики и в Белоруссии по-прежнему осуществляли немецкие генеральные комиссары на основе инструкций рейхскомиссара «Остланда». Генеральный комиссар имел право принимать любые меры административного характера; при этом определенные вопросы (прежде всего экономику) он мог передать в ведение только немецкой администрации. Местному самоуправлению дозволялось лишь заниматься отдельными вопросами военной промышленности, в пределах, установленных ведомством Имперского уполномоченного по 4-летнему плану. Число входивших в состав самоуправления

¹ Встреча П. Клейста и фон Рока происходила в Литве в 1941 г., когда районы Латвии еще находились в зоне боевых действий, а территория Эстонии еще не была оккупирована.

генеральных советников (в Литве) или директоров (в Латвии и Эстонии) определял генеральный комиссар. Он же имел право утверждать конкретных лиц, предложенных на эти посты.

Глава самоуправления назначался генеральным комиссаром после согласования его кандидатуры с рейхскомиссаром. Глава самоуправления имел право: 1) давать указания директорам (советникам) самоуправления, при этом отвечая за деятельность самоуправления в целом перед генеральным комиссаром; 2) после обсуждения с генеральным комиссаром определять сферу деятельности, функции и обязанности директоров (советников); 3) по предложению любого директора (советника) и с одобрения генерального комиссара издавать распоряжения по вопросам, не затрагивающим сферу деятельности рейхскомиссара.

Директора (советники) самоуправления имели право: 1) издавать распоряжения в рамках своей сферы деятельности (также с одобрения генерального комиссара, который имел право отменить любое из этих распоряжений); 2) все назначения чиновников ниже директора (советника) осуществлялись по предложению соответствующего директора (советника), но глава самоуправления и генеральный комиссар имели право отменить любое из этих назначений.

Частично были определены полномочия и функции органов самоуправления на местах (коммунального самоуправления). Структура коммунального самоуправления состояла из трех уровней: 1) уездное самоуправление (в Эстонии — провинциальное самоуправление) во главе с уездным старостой (то же самое, что и «сельский старшина» или «председатель провинциального правительства» в Эстонии); 2) городское самоуправление во главе с городским старостой (бургомистром); 3) волостное самоуправление во главе с волостным старостой.

Система полномочий и контроля всех трех уровней коммунального самоуправления была следующей: 1) Уездные старосты отвечали за административные вопросы (кроме вопросов права). Назначение уездных старост осуществлялось генеральным комиссаром по предложению гебитскомиссара и главы самоуправления. Надзор за деятельностью уездных старост осуществлял директор (советник) по вопросам внутренних дел. 2) Городские и волостные старосты назначались главой самоуправления по предложению директора (советника) по вопросам внутренних дел и с одобрения генерального комиссара. Контроль за деятельностью городских и волостных старост осуществляли уездные старосты, а также гебитскомиссары. За распоряжениями, издаваемыми на всех трех уровнях региональных органов самоуправления, следили окружные комиссары (гебитскомиссары).

Правовые вопросы решались немецким и местным (эстонским, латвийским, литовским) судом. Но последним было запрещено рассматривать дела, связанные с лицами немецкого происхождения, с партизанской и коммунистической деятельностью, саботажем, случаями несоблюдения изданных немецкими властями законов. Все эти дела рассматривал немецкий суд. Деятельность местных судов подчинялась только немецким властям. Так, генеральный комиссар Эстонии мог, например, передать любой приговор эстонского суда на пересмотр немецкому суду.

После обнародования «Организационного указа» от 7 марта 1942 года каждый генеральный комиссар издал соответствующее распоряжение, однако это произошло во всех трех генеральных комиссариатах в разное время и не сразу. В Латвии, например, местное коммунальное самоуправление было официально учреждено распоряжением тамошнего генерального комиссара Отто Дрекслера только 5 июля 1942 года. Таким образом, система самоуправления в Эстонии, Латвии и Литве в некоторых деталях отличалась. В целом же она была общей для всех трех генеральных комиссариатов.

Аппарат СС и полиции

Одновременно с учреждением гражданской администрации 17 июля 1941 года указом от того же числа в оккупированных областях была установлена полицейская администрация. Она имела такую же территориальную структуру, как и гражданская, и была подчинена рейхсфюреру СС и шефу германской полиции Генриху Гиммлеру. В соответствии с этим указом для управления оккупированными территориями Прибалтики и Северной России была учреждена вторая должность «высшего фюрера СС и полиции при рейхскомиссаре Остланда», или сокращенно — ХССПФ «Остланд и Россия-Север» (от нем.: HSSPF Ostland, Hoherer SS- und Polizeiführer Ostland).

В первые месяцы войны должность высшего фюрера СС и полиции «Остланд» и «России-Север» занимал группенфюрер СС Ганс-Адольф Прюцман (с 26 июня по 31 октября 1941 г.). Впоследствии он был переведен на аналогичный пост, став высшим фюрером СС и полиции «Украина». В Прибалтике его сменил группенфюрер СС Фридрих Йекельн, занимавший этот пост с 11 ноября 1941 до декабря 1944 года.

Справка: **Фридрих Йекельн** (1895—1946) родился в г. Хорнберге, в Шваривальде. В годы Первой мировой войны служил в кайзеров-

ской армии, а после капитуляции — в одном из «фрейкоров», занимавшихся подавлением революционных выступлений. Когда с революцией в Германии было покончено, Йекельн остался не у дел, как и многие бывшие солдаты и офицеры. Согласно условиям Версальского договора, армия Германии была сокращена до минимума, и он был уволен в отставку. Ему удалось выгодно жениться на дочери богатого еврейского землевладельца, и в течение какого-то времени Йекельн управлял имением своего тестя, пока в 1924 году не развелся со своей женой-еврейкой. С этого момента будущий «диктатор Прибалтики» остался без определенных занятий и в 1929 году решил вступить в национал-социалистскую партию.

К 1936 году Йекельн дослужился до звания группенфюрера СС (генерал-лейтенанта). С 28 июня 1938 по 11 июля 1940 года являлся «высшим фюрером СС и полиции» в XI военном округе, объединявшем земли Ганновер, Брауншвейг и Анхальт, Липпе и Шаумбург-Липпе и провинцию Саксония. С 12 июля 1940 по 29 июня 1941 года занимал пост «высшего фюрера СС и полиции» в VI военном округе, в который входили земли Вестфалия, Ганновер, Рейнланд, Липпе и Шаумбург-Липпе.

Любопытно, что до своего назначения в Прибалтику 31 октября 1941 года Йекельн являлся высшим фюрером СС и полиции в рейхскомиссариате «Украина», а Прютцман — в «Остланде». Причиной такой перемены мест явился категорический отказ Йекельна работать под началом рейхскомиссара Украины Эриха Коха.

На допросе в Риге в 1946 году, уже после войны, Йекельн рассказал один довольно курьезный эпизод, ставший причиной их взаимной вражды.

«С назначением рейхскомиссаром Украины Эриха Коха, — поведал Йекельн, — я должен был занять пост руководителя СС и полиции. Однако совместно с этим человеком я работать не хотел, ибо в 1937 году на конференции национал-социалистской партии в Нюрнберге у меня произошел с ним конфликт, закончившийся рукоприкладством с моей стороны. Дело было так. После торжественного прохождения войск СС Гитлер пригласил к себе на прием высших руководителей СС и партии. Хорошенько набравшись за ужином, Эрих Кох начал задевать чинов пониже себя рангом, все больше распляясь. Дошло до оскорбительных действий по отношению к ним с его стороны. Чтобы погасить скандал, я силой вывел Коха из зала и втолкнул в машину, надеясь отвезти в отель. Причем выволакивал его, схватив за галстук. Кох, естественно, сопротивлялся, но бесполезно...»

В августе 1944 года, в связи с эвакуацией большей части Прибалтики, Йекельн приказом фюрера был наделен «диктаторскими пол-

ночочиями» для проведения мобилизации «до последнего человека» в оставшихся районах Курляндии. После войны Фридрих Йекельн предстал перед судом в Риге и 3 февраля 1946 года был приговорен к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение на следующий день на территории бывшего Рижского гетто.

В штаб Йекельна как высшего фюрера СС и полиции «Остланда» входили командиры полиции безопасности и СД, полиции порядка и войск СС в «Остланде», а также представители всех прочих ветвей (главных управлений) СС и полиции — административно-хозяйственного управления СС (ВФХА), управления по делам рас и поселений (РусХА) и других.

Первую должность — **командира полиции безопасности и СД** — занимал бригадфюрер СС и генерал-майор полиции д-р Франц Шталекер, одновременно являвшийся командиром действовавшей в Прибалтике **эйнзатцгруппы «А»**. Шталекеру подчинялись командиры **эйнзатцкоманд «2»** и **«3»** и **зондеркоманд «1а», «1б»** и **«1с»**. Они же, как правило, назначались «командирами полиции безопасности и СД» в оккупированных республиках Прибалтики.

Второй пост — **командира полиции порядка** — занимал генерал-лейтенант полиции порядка Георг Йедике, которого в конце войны — с марта 1944 года — сменил генерал-майор полиции порядка Гизекс. Командир полиции порядка непосредственно отвечал за формирование «туземной полиции» из местных жителей — латышей, литовцев и эстонцев, — которая помогала гитлеровцам управлять захваченными территориями, бороться с партизанами и уничтожать всех противников «нового порядка».

Справка: **Георг Йедике** родился в г. Висбаден (Германия) 26 марта 1887 года. Участник 1-й мировой войны; за боевые отличия награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. После увольнения из армии поступил на службу в полицию. Член НСДАП (билет № 346 948) и СС (билет № 323 869). С 1 октября 1936 года являлся инспектором (позже командующим) полиции безопасности (орпо) в Висбадене; с 1 мая 1941 года был командующим орпо в Кёнигсберге. Сразу после начала вторжения в СССР 22 июня 1941 года был назначен командующим орпо в «Остланде» (со штаб-квартирой в Риге), таким образом, в его подчинении оказались все полицейские части рейхскомиссариата «Остланд», включая и «туземную полицию», формирование которой проходило под его непосредственным руководством. Имел звание группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции (12 декабря 1941 г.). В марте 1944 года покинул Ригу и уехал в Германию, где назначения не получил, хотя и был официально причислен к штабу главного участка СС «Остланд»

(SS-Oberabschnitt Ostland). Но поскольку так называемые «Общие отряды СС» в Прибалтике так и не были созданы, его пост оставался чисто формальным и позволял ему оставаться в Германии. Умер в Висбадене 10 марта 1969 года.

Наконец, третью должность — **командира войск СС в Прибалтике** — в течение всей войны занимал группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Вальтер Крюгер. С начала 1943 года, когда оккупационные власти начали массовые принудительные мобилизации в легионы СС, его должность стала даже более важной, чем должность командующего полицией порядка. Впоследствии, в 1944 году, Крюгер командовал VI (латышским) армейским корпусом войск СС, в который, помимо немецких частей, входили две латышские дивизии войск СС.

Кроме того, в каждом из генеральных комиссариатов — Латвии, Литвы, Эстонии и Белоруссии — был назначен свой «фюрер СС и полиции» (нем.: SS- und Polizeiführer, или сокр. SSPF). Они являлись представителями Йскельна на местах. Каждый «фюрер СС и полиции» имел собственный штаб, который по своей структуре был аналогичен штабу Йскельна. Фюрером СС и полиции в Литве стал бригаденфюрер СС Луциан Высоцкий (Визоки), в Латвии — бригадефюрер СС Вальтер Шрёдер, в Эстонии бригадефюрер СС Хинрих Мёллер, в Белоруссии — бригадефюрер СС фон Готтберг.

Низший уровень составляли гарнизонные и окружные фюреры СС и полиции. «Гарнизонные фюреры СС и полиции» (SS- und Polizeistandortsführer; SSPolStOF) являлись региональными начальниками полиции в крупных городах. Этот пост был введен только с 19 ноября 1941 года. Под началом «гарнизонного фюрера СС и полиции» обычно находилась команда немецкой охранной полиции (шупо) (Kommando der Schutzpolizei; KdoSchP) численностью в одну роту¹, или только служебный отдел охранной полиции (Schutzpolizei-Dienstabteilung; SchPDA) численностью в один взвод². «Окружные фюреры СС и полиции» (SS- und Polizeigebietsführer; SSPolGebF) являлись представителями ССПФ в сельских районах (при областных комиссарах). По штатам они имели под своей командой один взвод жандармерии (Gendarmerie-Zug).

Сам Йскельн номинально был подчинен рейхскомиссару «Остланда» Хинриху Лозе, а его региональные представители — «фюре-

¹ Как правило в центрах генеральных комиссариатов, например в Риге, Каунасе и Таллине.

² В городах, являвшихся центрами округов, как, например, Вильнюс, Паневежис, Даугавпилс, Лиепая, Тарту или Пярну.

ры СС и полиции» — соответственно, подчинялись генеральным комиссарам в Литве, Латвии, Эстонии и Белоруссии. Но так как взгляды Гимmlера и Розенберга на «восточную политику» в первые годы оккупации несколько расходились, фюреры СС и полиции предпочитали выполнять только приказы рейхсфюрера СС.

Фактически полицейская администрация была полностью независимой от гражданской. После длительных переговоров Гимmlера и Розенберга наконец был достигнут компромисс: высшие фюреры СС и полиции «непосредственно и лично» по-прежнему оставались подчиненными рейхскомиссару, а региональные фюреры — соответственно генеральным комиссарам. Однако гражданская администрация отныне не имела права вмешиваться в мероприятия, проводимые полицией по приказу Гимmlера.

Особую проблему для оккупационных властей составляла Белоруссия. Объединив Белоруссию вместе с республиками Прибалтики в одну административную единицу, руководство рейха создало себе множество трудностей. Ни гражданская администрация Лозе, ни полицейские власти Йекельна не могли управляться с такой большой территорией. Генеральным комиссаром Белоруссии был назначен гаулейтер Вильгельм Кубе, с самого начала проявлявший особую самостоятельность.

Фюрером СС и полиции Белоруссии являлся бригадефюрер СС Вильгельм фон Готтберг, который также претендовал на большую независимость. С 24 марта 1943 года он был «по совместительству» назначен заместителем высшего фюрера СС и полиции «Россия-Центр» Эриха фон дем Баха (Зелевского). Таким образом, с этого времени фон Готтберг перестал подчиняться Йекельну и перешел в подчинение фон дем Баха, сохранив при этом свой прежний пост в Белоруссии. С этого времени Белоруссия находилась уже вне компетенции Йекельна, перейдя из ведения ХССПФ «Остланд и Россия-Север» в ведение ХССПФ «Россия-Центр». Однако в то же время генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе, представлявший гражданскую администрацию, по-прежнему был подчинен рейхскомиссару Хинриху Лозе, так как Белоруссия все еще входила в состав рейхскомиссариата «Остланд». Таким образом, полицейская администрация в Белоруссии практически полностью перестала зависеть от гражданской. Кубе больше никак не мог повлиять на подчиненного ему Готтберга — ни через Йекельна, ни через Лозе.

22 сентября 1943 года Вильгельм Кубе был убит партизанами в результате покушения, а уже на следующий день Готтберг был назначен на пост генерального комиссара Белоруссии, сохранив при

этом и пост ССПФ «Белоруссия». Отныне фон Готтберг, и без того пользовавшийся неограниченной свободой из-за своего «двойного» подчинения, оказался надделенным почти диктаторскими полномочиями, так как не подчинялся никому. Теперь он совмещал целых три должности, причем как в полицейской, так и в гражданской администрации. К тому же его непосредственный шеф по линии полиции — высший фюрер СС и полиции «Россия-Центр» Эрих фон дем Бах — часто отсутствовал по болезни, и его обязанности также временно ложились на фон Готтберга.

С бюрократической точки зрения, такое положение было недопустимым, поэтому 30 марта 1944 года Гиммлер официально назначил фон Готтберга на должность высшего фюрера СС и полиции «Россия-Центр и Белоруссия» — вместо обергруппенфюрера СС фон дем Баха, который взял длительный отпуск по болезни. Тогда же, с 1 апреля 1944 года, Белоруссии была официально предоставлена автономия. Правда, это означало лишь то, что отныне фон Готтберг в одном лице воплощал всю полицейскую и гражданскую власть на этой территории, формально находясь в непосредственном подчинении Восточного министерства Розенберга и рейхсфюрера СС Гиммлера. Как генерал СС, фон Готтберг предпочитал больше прислушиваться к указаниям последнего. Указания же Розенберга и Восточного министерства, как правило, игнорировались. Рейхскомиссар «Остланда» Лозе теперь вообще не имел никакого права вмешиваться в его дела.

«Туземная полиция»: исполнители грязной работы

Формирование вспомогательной полиции из латышей, литовцев и эстонцев происходило поэтапно. Сначала самопровозглашенные органы власти во главе с местными националистами в Литве, Латвии и Эстонии попытались восстановить полицейскую систему, существовавшую в этих республиках до 1940 года. Позднее большинство «самостийных» отрядов (типа «самообороны», «стражи отечества» и других) было распущено. На базе остальных были сформированы боевые единицы — как правило, батальоны — специально для проведения «антипартизанских» акций и охраны военных, транспортных и иных объектов, а также концлагерей и гетто. Эта реорганизация была проведена на основании указов рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Гиммлера от 25 июля 1941 и от 31 июля 1941 года, в которых шла речь о «создании полицейских соединений из жителей оккупированных восточных тер-

риторий». В этот период они еще не имели единого названия: в Эстонии они назывались «вспомогательной полицией», в Литве — «службой порядка» и т.п.

Аналогичные подразделения, называвшиеся «охранными батальонами», начали формироваться еще при военной администрации. Разница между немецкими названиями тех и других с трудом передается на русском языке. Так, батальоны, сформированные под контролем германской полиции порядка, назывались «**Schutzmannschaft-Bataillone**» (или сокращенно **Schuma-Bataillone**). Батальоны, действовавшие в тыловом районе групп армий, назывались «**Schuma-Abteilungen**»; батальоны, действовавшие в тыловых районах армий, назывались «**Sicherungs-Abteilungen**».

Осенью 1941 года многие должностные лица — не только в местном самоуправлении, но и в германской администрации — поговаривали о создании национальных воинских формирований из жителей прибалтийских республик (правда, немцы и местные националисты по-разному представляли себе их статус). Эту идею поддерживали многие чиновники в Восточном министерстве, а также генеральный комиссар Латвии Дрекслер и шеф Главного управления СС Бергер. Разумеется, немцы представляли себе эти подразделения как вспомогательные части полиции, вермахта и войск СС. По некоторым сведениям, Бергер в то время даже выступал против термина «легион», предлагая вместо него термин «батальоны вспомогательной полиции» (*Hilfspolizei-Bataillone*). Бергер и Розенберг все же сошлись во мнении, что о каких бы то ни было «легионах» не может быть и речи. Наиболее крупные национальные формирования не должны превышать численности батальона. В итоге 15 октября 1941 года Гиммлер дал официальное разрешение на формирование не «легионов», но лишь так называемых «вспомогательных отрядов» (*Schutzmannschaften*) в подчинении германской полиции порядка.

Рейхсфюрер СС издал целую серию указов с целью упорядочения и организации местных полицейских сил в рейхскомиссариатах «Остланд» и «Украина». Указом от 6 ноября 1941 года все носившие униформу полицейские части, сформированные в оккупированных восточных областях из местного населения, были объединены в так называемую «Охранную службу полиции порядка» («**Schutzmannschaft der Ordnungspolizei**»). Для контроля над этими формированиями в 1942 году при штабе командующего полицией порядка в Остланде был специально учрежден пост «инспектора охранной службы» (*Inspekteur der Schutzmannschaft*) со своей системой региональных представителей.

19 ноября 1941 года статус Schuma-батальонов был окончательно закреплён в совместном указе рейхсфюрера СС Гиммлера и рейхсминистра Розенберга о «Подчиненности полицейских служб на оккупированных восточных территориях». Этот указ разграничивал полномочия между гражданской и полицейской администрацией, в том числе и в вопросе формирования полицейских частей из местных жителей. Тем же указом были введены должности окружных фюреров СС и полиции, что сделало полицейский аппарат еще более независимым от гражданской власти. Эта последняя мера вызвала недовольство в Восточном министерстве и в рейхскомиссариате «Остланд». Розенберг и Лозе в своих указах объявили новую должность незаконной. Но Гиммлер аннулировал оба указа, и, таким образом, существование постов окружных фюреров СС и полиции осталось в силе.

На основании указа шефа полиции порядка рейха Курта Далюге, с 1 сентября 1942 года вся немецкая полиция порядка и ее вспомогательные отряды (включая отряды Schuma), перешли в ведение судебной системы СС и полиции. Отныне они были полностью подчинены германским властям и вписаны в германскую оккупационную структуру. Мобилизация в Schuma-батальоны теперь стала проводиться более планомерно, хотя и оставалась добровольной. (Примером агитации добровольцев для службы в «туземной полиции» может служить призыв Йекельна к латышам вступить в местную полицию, опубликованный в «Вестнике распоряжений» от 12 февраля 1942 г.) Весь личный состав «Охранной службы полиции порядка» (Schuma) отныне делился на 4 категории:

1) Полицейские, несшие службу в штабах и участках местной полиции в городах и сельских районах; в городах они назывались участками «Охранной полиции» (Schutzpolizei), а в сельских районах — участками «Жандармерии» (Gendarmerie). «Полицай» этой категории (они назывались полицейскими группы «А») несли свою службу самостоятельно под общим контролем «командиров охранной службы» — в городах, и «командиров жандармерии» — в сельских районах. Из них состоял личный состав полицейских участков, тюрем, штабов, инстанций — одним словом, весь полицейский чиновничий аппарат. Организация и структура полицейских участков были такими же, что и в довоенной полиции Литвы, Латвии и Эстонии. Кроме полиции порядка (ее также называли «внешней полицией»), в эту структуру входила местная криминальная полиция и политическая полиция со своими районными отделениями. Они также были восстановлены в своей довоенной форме, но с самого начала находились в подчинении немецких командиров полиции безопасности и СД.

2) Полицейские, несшие службу в «сплоченных подразделениях» (то есть в так называемых Schuma-батальонах). Они составляли категорию «Б» и несли службу в полицейских батальонах и полках, находясь постоянно на казарменном положении, и, в сущности, ничем не отличались от воинских частей (кроме боевой выучки и вооружения). Именно они чаще всего использовались для антипартизанских карательных операций, казней и т.п. «Сплоченные подразделения» представляли собой отделения (Gruppen), взводы (Zuge) и роты (Kompanien), объединенные в батальоны (Schutzmannschaft-Bataillone, Schuma-Bataillone). Батальонам были приданы также технические и специальные формирования. В зонах гражданского управления (рейхскомиссариатах) Schuma-батальоны были подчинены местному командующему полицией порядка, ССПФ или ХССПФ.

3) Пожарная служба (Feuerschutzmannschaft). К этой категории относились все имевшиеся местные пожарные службы, без различия формы организации — добровольные, профессиональные и заводские. Для руководства этими подразделениями штабу командующего орпо «Рига» был придан сотрудник, «ответственный за пожаротушение».

4) Полицейские в составе «вспомогательной охранной службы» (Hilfsschutzmannschaft). Эта 4-я категория (полицейские категории «С») — формировалась при особой необходимости по требованию органов вермахта (например, рабочие команды, команды для охраны военнопленных, для борьбы с партизанами в окрестных районах и т.п.). Они имели оружие, униформу (как правило — переделанную из черных мундиров немецких «Общих отрядов СС»), но находились не на казарменном положении, а проживали в своих домах.

По штатам каждый Schuma-батальон состоял из штаба батальона (5 чел.) и 4 рот (в каждой по 3 стрелковых и 1 пулеметному взводу). Численность каждой роты составляла 124 чел., общая численность батальона — 501 чел. (Ранее, в 1942 г., в батальонах было только по 3 стрелковых роты, пулеметной не было; общая численность батальона составляла 460 чел.) Однако действительная численность могла быть больше или меньше штатной. Иногда она достигала 700 чел., в этом случае из избыточного личного состава формировался новый батальон. Различали несколько типов Schuma-батальонов:

1) фронтовые Schuma-батальоны (Schutzmannschaft-Front-Bataillone, Schuma-F-Btl.);

2) патрульные Schuma-батальоны (Schutzmannschaft-Wach-Bataillone, Schuma-W-Btl.);

3) резервные Schuma-батальоны (Schutzmannschaft-Reserve-Bataillone, Schuma-R-Btl.) — они объединяли весь «избыточный»

личный состав и носили номера фронтовых и патрульных Schuma-батальонов, занимаясь их комплектованием;

4) саперные и строительные Schuma-батальоны (Schuma-Pionier- und Bau-Bataillone), которых было сравнительно немного.

Согласно указу рейхсфюрера СС от 30 мая 1942 года, с 1 июня 1942 года для соединений «Охранной службы» на оккупированных территориях СССР вводилась особая система воинских званий. Но литовскую, латышскую и эстонскую «Охранную службу» это не затронуло, так как здесь уже существовала система званий, как в германской полиции. Назначение офицеров из числа литовцев, латышей и эстонцев и присвоение очередных офицерских званий осуществлял командующий орпо «Рига». В литовских, латышских и эстонских Schuma-батальонах, в отличие от украинских и белорусских, имелся только один немецкий офицер-наблюдатель, но присвоение офицерских званий производилось лишь по его рекомендации. Срок службы в подразделениях Schuma согласно письменному обязательству, составлял 6 месяцев, хотя, как правило, он продлевался.

Впоследствии, указом от 9 декабря 1943 года, все Schuma-батальоны в Эстонии были переименованы в «эстонские полицейские батальоны». Примерно в то же время, или даже раньше, произошло переименование латышских и литовских Schuma-батальонов в зависимости от их «национальной принадлежности». Согласно сохранившимся документам, еще с мая 1943 года они назывались «литовскими» и «латышскими полицейскими батальонами». 11 апреля 1944 года директивой шефа германской полиции порядка (орпо) Курта Далюге вся местная полиция в Остланде была переименована из «охранной службы» (Schuma) соответственно в «Эстонскую», «Латышскую» и «Литовскую полицию». Правда, функции и статус «полицаяев» от этого не изменились. Они продолжали выполнять за оккупантов или под их руководством всю грязную работу, связанную с карательными акциями.

ГЛАВА 10 РАБОТОРГОВЦЫ XX ВЕКА

Колонизация Прибалтики

Вскоре после оккупации немцы начали планомерную колонизацию Прибалтики, то есть заселение некоторых ее районов немецкими поселенцами, как это предусматривалось еще довоенными планами Третьего рейха.

4 февраля 1942 года в «Восточном министерстве» состоялось совещание, на котором обсуждались принципиальные вопросы германизации Прибалтики. Председательствовал на совещании д-р Петер Клейст, начальник отдела I.1 «Остланд» в Министерстве по делам оккупированных восточных территорий. Кроме него, от «Восточного министерства» присутствовали д-р Кинкелин, профессор фон Менде, руководитель рабочей группы Вейтнауер, старший правительственный советник Лабс и ассессор Шютте. От СС в совещании участвовали оберштурмбанфюрер Гуммич из Главного управления имперской безопасности (заместитель штандартенфюрера СС Элиха, занимавшегося вопросами германизации Востока в РСХА), д-р Ветцель и партайгеноссе Гиргензон, а также штандартенфюрер СС профессор Б.К. Шульц из Главного управления по делам расы и поселений, начальник отдела Шуберт из штаба Имперского комиссара по укреплению германской расы, д-р Тейх из Института по изучению приграничной и зарубежной обстановки и профессор Ойген Фишер из Института антропологии имени кайзера Вильгельма.

После вступительной речи д-ра Клейста, обрисовавшего общие проблемы германизации Прибалтики, выступил профессор Шульц,

который заявил о «необходимости проводить различие между теми частями населения Остланда, которые с расовой точки зрения пригодны для онемечивания, и теми, кого нужно отвергать».

«Из его (Шульца) высказываний следовало, — записал в протоколе д-р Ветцель, — что он явно склоняется к мнению, что большая часть населения не годится для онемечивания. Он выступил за то, чтобы нежелательные в расовом отношении части населения были эвакуированы на Восток, тогда как расово присмлемые прошли бы онемечивание в коренной части рейха или же, возможно, в Остланде».

Затем выступил д-р Шуберт, который «в еще более резкой форме высказал эту же мысль, заявив, что нежелательные лица должны быть высланы в Западную Сибирь. ...Он исходил из того, что проверка поляков выявила всего 3 % ценных в расовом отношении и поэтому пригодных для онемечивания людей».

Но в ответ д-р Шульц возразил, что эти данные были неправильными. «Полученные до сих пор результаты обследования, которое охватывали только сельское население, — сказал он, — дали 5 %. В отношении же городского населения, в котором доля расово полноценных должна быть значительно выше, до сих пор расового обследования вообще не проводилось». «Шуберт не может не знать этих данных!» — заявил Шульц.

Шуберт возразил, что все равно «у прибалтийских народов число расово полноценных также невелико», и поэтому «заселение немцами территории (Прибалтики) не выглядит невозможным». Что же касается «расово неполноценных элементов», то Шуберт предложил либо принудительно высылать их в Сибирь, либо использовать на работах в рейхе, либо «растворить расово нежелательные части населения (Прибалтики)» путем повышения их материального уровня и одновременного снижения их рождаемости.

Профессор Фишер и представитель РусХА Шуберт выступили против идеи растворения. Шуберт заявил, что «фюрер уже отдал приказ об их эвакуации (т.е. “расово неполноценного” населения Прибалтики)», а партайгеноссе Гииргензон из РСХА «долго распространялся о том, что ... уже при царском режиме у эстонцев, латышей и других народов наметилась тенденция к переселению в глубинные русские районы, если им там будут предоставляться надежные рабочие места».

Продолжая свою мысль, Гииргензон заявил, что, как показала практика, «с помощью русских кадров невозможно создать территориальную администрацию. Поэтому с учетом недостаточности в любом отношении немецких сил придется действовать с привлече-

нием представителей других народов». Он предложил внедрить в оккупированные русские районы «расово нежелательных представителей прибалтийских народов в качестве среднего сословия. Этим людям нужно будет установить хорошую для их положения зарплату». «Русификации вряд ли можно ожидать», — заключил он.

Шульц и Шуберт поддержали его, согласившись, что у них появились «большие сомнения относительно принудительной эвакуации людей из этих стран в Сибирь», и что лучше «попытаться побудить их к добровольному переселению».

«Немцы должны играть роль спартанцев, — сказал Шульц, — средняя прослойка из латышей, эстонцев и др. — роль перноков, а русские — занимать положение илотов».

«К концу совещания, — записал в заключение протокола эсэсовский “расовед” д-р Ветцель, — для всех стало как бы то ни было ясным, что поселение немцев может происходить лишь таким образом, что сначала должны быть заселены близлежащие территории Вартского округа и т.п., и что в том, что касается Остланда, необходимо сперва провести точную проверку расового состава населения, которая должна быть изображена не как расовый отбор, а замаскирована как гигиеническое обследование или нечто в этом роде, чтобы не вызывать беспокойства среди населения. Участникам совещания было также ясно, что все вопросы переселения на территорию Остланда представляют собой задачи, к решению которых нельзя приступить немедленно».

В соответствии с итогами совещания, колонизацию Прибалтики было решено начать с Литвы как наиболее «близлежащей территории». В том же году в Каунасе для проведения колонизации был создан специальный орган — «Поселенческий штаб» (*Aussiedlungsstab*), который занимался выселением местных жителей с их хуторов и поселением немецких колонистов. Колонизация была начата с приграничных районов Литвы и города Каунаса. До осени 1942 года в Литву прибыло 16 300 немецких поселенцев, а к 11 ноября 1943 года там находилось уже 5650 семей немецких колонистов, которым были отданы лучшие земли. Десятки тысяч крестьянских семей, получивших землю при советской власти, оказались на положении батраков у немецких колонистов.

Германская оккупация ставила под вопрос само существование народов Прибалтики. Осуществление этих планов было приостановлено только в 1943 году, когда обстановка на Восточном фронте резко ухудшилась. «Литовский народ должен исчезнуть, как капля воды на раскаленном камне! Наша задача — онемечить Восток», — писала эсэсовская газета «*Das Schwarze Korps*».

1943 год: «Тотальная война»

К концу 1942 года ситуация на Восточном фронте и на оккупированных территориях изменилась. Последовавшее вскоре поражение немецких войск под Сталинградом со всей очевидностью показало руководителям рейха, что война принимает неблагоприятный для них характер. Одновременно этот разгром произвел громадный пропагандистский эффект, вызвав рост движения Сопротивления, как в оккупированных и союзных рейху странах, так и в самой Германии. В руководстве рейха стали все более задумываться о том, как бороться с этим движением, а также откуда взять новые контингенты призывников для фронта, поскольку недостаток людских резервов уже начинал ощущаться. С другой стороны, неудачи рейха на Восточном фронте создавали удобный момент для коллаборационистов, чтобы потребовать расширения своих полномочий и предоставления автономии или ограниченной независимости.

Впервые о необходимости изменений в «восточной политике» и об уже допущенных здесь ошибках стали задумываться в Восточном министерстве. основополагающим документом, в котором говорилось об «ошибках» нацистской оккупационной политики, стал меморандум Отто Бройтигама от 25 октября 1942 года. Его автор сформулировал три главные цели Германии в войне против Советского Союза: 1) уничтожение большевизма; 2) разгром великорусской империи; 3) приобретение колониальных земель с целью организации германских поселений и экономической эксплуатации.

Первой ошибкой оккупационной политики Бройтигам считал то, что немецкие власти «не сделали никаких обещаний» относительно политического будущего народов Востока. Вторая ошибка, по его мнению, состояла в том, что не был решен вопрос о возвращении национализированной при советской власти частной собственности. Германские власти обещали вернуть частную собственность прежним владельцам, но до сих пор не сделали этого, хотя о необходимости такого шага не раз говорили генеральные комиссары в Литве, Латвии и Эстонии. Петер Клейст в своих мемуарах также отмечал, что рейхскомиссариат Остланд, генеральные и окружные комиссариаты фактически стали единственными собственниками всего, введя свою монополию и завышенные в несколько раз цены. «Каждая бутылка водки, — пишет Клейст, — стала носить этикетку с надписью “Монополия германского рейхскомиссариата Остланд”. каждый завод имел на своих воротах немецкий герб, каждое крупное общественное здание носило вывеску “Комиссариат Остланд” или “Генеральный комиссариат Литва”, или “Окружной ко-

мисариат Везенберг» (Ракверс. — М.К.). Все это, по его словам, «отрицательно воздействовало не только на умы, но и на всю экономику страны, которая оказывалась парализованной».

И первое и второе было необходимо для того, чтобы привлечь к активному сотрудничеству с немцами местных политиков, отстраненных от власти и собственности после присоединения республик Прибалтики к Советскому Союзу. Заручившись же их поддержкой, можно было рассчитывать, что те как-нибудь да найдут общий язык со своими народами.

Кроме того, Бройтигам выступил против открытых разговоров о предстоящей германизации прибалтийских территорий и заселении их немецкими колонистами. До сих пор эта цель слишком выпячивалась на первый план, тогда как следовало бы вообще воздержаться от упоминания ее в печати и в устных выступлениях. При этом сам Бройтигам (благо, его меморандум был сугубо конфиденциальным) признавал, что Германия действительно стремится к «приобретению колониальных земель с целью организации поселений и экономической эксплуатации». «Даже ограниченные люди, — пишет далее этот расист, — со свойственным для восточных народов инстинктом скоро поняли, что для Германии лозунг «освобождения от большевизма» является лишь предлогом для порабления...» Фактически, Бройтигам не сказал этим ничего принципиально нового. Он всего лишь повторил предостережение, сделанное самим Гитлером на известном совещании 16 июля 1941 года. Поэтому меморандум Бройтигама не означал какого-то коренного перелома в оккупационной политике. Он лишь указывал на допущенные вопреки всем предупреждениям ошибки. Примерно то же самое было сформулировано в немецкой статье, опубликованной в 1943 году под названием «Стратегический поворот? Гибкая стратегия!».

Одним из примеров неосторожного «выпячивания на первый план» колонизаторских целей Германии в Прибалтике может служить меморандум Перси Фокродта от 1 июня 1943 года. Его автор являлся предводителем объединения ветеранов бывших балтийских отрядов самообороны и Балтийского полка (сформированных из немцев в Прибалтике в 1918—1919 гг. добровольческих отрядов). В меморандуме содержался призыв предоставить для заселения германским солдатам Восточного фронта прибалтийские земли — «три старых орденских страны, Курляндию, Лифляндию и Эстляндию, а кроме того, Литву, Латгалию и, возможно, другие земли в направлении на восток через Псков примерно до Новгорода. Сюда же должны войти части Белоруссии...» Это же право должно было быть предоставлено, по его мнению, некоторым «эстонским, латышским и

литовским добровольцам Восточного фронта на нынешней войне, а также эстонским и латышским добровольцам, которые воевали против большевизма в 1918—1919 гг.». Все остальное население Прибалтики он предлагал выселить в соседние районы (и то лишь в случае их политической благонадежности), а «неблагонадежных» — «в дальние районы России». Их имущество предлагалось «отобрать и передать фронтовикам».

Меморандум Фокродта несколько запоздал. К тому времени, благодаря усилиям Бройтигама и Клейста, в Восточном министерстве и руководстве рейха поняли весь вред от разговоров о «германизации земель», да и военное положение становилось все менее благоприятным для этого. Уже 29 июня 1943 года 1-й политический отдел Восточного министерства (возглавляемый Лейббрандтом) направил П. Фокродту письменное требование собрать все разосланные им экземпляры меморандума и «впредь не заниматься политической деятельностью», так как для этого есть соответствующие государственные инстанции.

Таким образом, были намечены два вопроса, по которым немецкие власти готовы были пойти на уступки коллаборационистам — возвращение власти и собственности бывшей правящей элите Литвы, Латвии и Эстонии. Клейст и Бройтигам — оба понимали, что положение Германии пошатнулось и что эти уступки необходимы, чтобы сохранить «капитал» преданных немцам людей на оккупированных территориях. Однако что же побуждало немцев к этому? Как видно из полномочий местного самоуправления в Прибалтике, оно было лишено каких-либо рычагов воздействия на немецкую администрацию, а открытый саботаж мог стоить им жизни. Следовательно, этот «капитал верных людей» немцы не могли потерять — тем ничего другого не оставалось, кроме как продолжать сотрудничество с оккупантами. Тогда зачем же было идти на уступки? Очевидно, что поражения на Восточном фронте заставили немцев требовать от своих пособников больше, чем простой лояльности: **Германии нужны были дополнительные людские ресурсы для фронта и для военной промышленности.** Так постепенно оформлялись условия сделки, заключенной между оккупационными властями и коллаборационистами.

Независимость в обмен на «пушечное мясо»

В среде коллаборационистов одним из первых условия сделки с оккупационными властями сформулировал бывший премьер-министр Эстонии Юрий Улуотс. В меморандуме, который 29 июня

1941 года был передан главнокомандующему группы армий «Север» фельдмаршалу фон Леебу, кучка сторонников Улуотса заявляла от лица всего народа, что эстонцы готовы и дальше бороться «за окончательное освобождение своей страны от господства России». С этой целью выражалась готовность создать эстонские вооруженные силы. Однако для проведения мобилизации, по их мнению, требовалось создать центральное эстонское правительство на основе уже существующих органов самоуправления, путем расширения их полномочий. Таким образом, создание эстонских вооруженных сил под контролем вермахта было поставлено в прямую зависимость от предоставления Эстонии хотя бы относительного суверенитета. Меморандум был вручен офицеру связи германского МИДа при группе армий «Север», который направил его в МИД. Лишь в середине августа 1941 года по неофициальным каналам был получен ответ примерно следующего содержания: На оккупированной территории не может быть никакого правительства и самостоятельных вооруженных сил. Одновременно эстонцам дали понять, что верховное политическое руководство рейха не заинтересовано в предоставлении независимости Прибалтийским республикам, даже самой ограниченной. Не может идти речь и о действительном самоуправлении: допустимо лишь вспомогательное самоуправление под контролем немецкой администрации.

В Латвии автором аналогичного меморандума стал Густавс Целминьш, руководитель латышской националистической организации «Перконкруст», созданной еще в довоенные годы. Еще в декабре 1941 года, во время своего пребывания в Риге, Густавс Целминьш заявлял, что «ему поручено сформировать латышскую добровольческую дивизию. Особенно широко он вел пропаганду в пользу этого добровольческого легиона в кругах бывших латышских офицеров, но не очень в этом преуспел». Однако идею создания латышской дивизии немецкие власти считали в то время преждевременной.

Лишь к концу 1942 года чиновники германской администрации стали задумываться о том, а что же именно они могут дать местным самоуправлениям взамен на контингенты призывников для фронта и рабочую силу. Вернуть частную собственность бывшим предпринимателям? Возвратить власть бывшим политикам и военным, предоставив им статус автономии? Или и то и другое? Восточное министерство начало работу в обоих направлениях.

Предложение расширить полномочия местного самоуправления впервые выдвинул генеральный комиссар Латвии Дрекслер в своем меморандуме от 7 декабря 1942 года, направленном рейхскомисса-

ру Остланда Лозе. В нем предлагалось либо расширить полномочия местного самоуправления (по образцу протектората Богемии и Моравии или Словакии), либо создать «смешанное» самоуправление (по образцу, опять же, протектората Богемии и Моравии), введя в его состав немецких чиновников, так чтобы последние контролировали его работу в некоторых отделах, например, при решении об использовании полицейских батальонов (номинально подчиненных самоуправлению) на сельхозработах и т.п. В качестве примера приводился город Рига, где посты штадtkомиссара (в рамках немецкой администрации) и бургомистра (в рамках Латвийского самоуправления) занимал один и тот же человек — прибалтийский немец Г. Виттрок. Впрочем, первый вариант сам Дрскслер считал трудноосуществимым, так как теперь уже нельзя отобрать полномочия у немецкой администрации и передать их самоуправлению; к тому же условия в протекторате и в рейхскомиссариате «Остланд» были различными.

В имперском министерстве по делам оккупированных восточных территорий также не было единого мнения на этот счет. Начальник отдела IIa «Политика» в министерстве, некий Трампедах, в своем меморандуме от 19 ноября 1942 года заявлял, что существующие в Прибалтике местные органы самоуправления уже воплощают в себе «все недостатки словацкой системы, но без ее преимуществ». Однако поскольку отмена уже принятого «Организационного плана» от 7 марта 1942 года была бы политически невыгодна, то следует «передать некоторые административные функции в ведение немецкой администрации в рамках “Организационного указа”». При этом он указал на необходимость, одновременно с этими мерами, вернуть бывшим владельцам частную собственность и увеличить продовольственные пайки, чтобы создать у населения видимость улучшения жизни. Эту точку зрения поддержал рейхскомиссар Остланда Хинрих Лозе. На совещании 8 декабря 1942 года в Восточном министерстве он заявил даже, что введение самоуправления вообще было ошибкой. В меморандуме, озаглавленном «К настоящему положению управления и экономики в Остланде» (от декабря 1942 г.), Лозе высказал аналогичные взгляды.

На конференции 18 декабря 1942 года с участием представителей Восточного министерства, рейхскомиссариата «Остланд» и вермахта состоялось обсуждение некоторых проектов изменений в оккупационной политике, которые уже давно вынашивались в Восточном министерстве, в его главном отделе «Политика». Помимо прочего, речь шла о создании национальных вооруженных формирований под контролем Верховного командования вермахта (ОКВ).

Это, в свою очередь, требовало хотя бы формального провозглашения независимости Прибалтийских республик, а также скорейшего возвращения частной собственности.

Проект заинтересовал прежде всего руководство вермахта и СС. Эта заинтересованность в предоставлении автономии республикам Прибалтики объяснялась просто: ОКВ и руководство СС нуждались в дополнительных воинских контингентах. Получить их они надеялись из числа населения оккупированных стран, в том числе Литвы, Латвии и Эстонии, взамен на обещание автономии.

Незадолго до конференции, в конце 1942 года, командующий группой армий «Север» фон Кюхлер неоднократно обращался к командующему вермахта в рейхскомиссариате Остланд генералу Бремеру с просьбой о дополнительных контингентах солдат из жителей Прибалтики. Тот счел эти требования обоснованными и направил в декабре 1942 года меморандум шефу ОКВ Кейтелю, сославшись в нем, в частности, на меморандум лидера латвийской организации «Перконкруст» Целминьша, в котором говорилось о возможности создания латышской дивизии.

В то же время проектом предоставления «независимости» республикам Прибалтики заинтересовалось руководство СС во главе с Гиммлером. (Здесь и далее под словом «независимость», как правило, имеется в виду автономия или формальная независимость.) Заинтересованность рейхсфюрера в этом вопросе объяснялась стремлением обеспечить приток добровольцев в легионы СС, вопрос о формировании которых обсуждался уже с мая 1942 года. Еще в начале 1942 года представители оккупированной Латвии (генерал Данкерс и генерал Бангерскис) и Эстонии (глава Эстонского самоуправления д-р Мяэ) были приглашены в Берлин для участия в совещании, на котором обсуждался вопрос о создании войсковых частей из народов Прибалтики. ОКВ одобрило эту идею с условием, что ответственность за проведение этого мероприятия возьмет на себя руководство войск СС. Десятью днями позже начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал А. Йодль изложил это предложение Гитлеру. Тот дал положительный ответ: «Дело стоит того, чтобы попытаться». Вермахт предоставил данные об уже имевшихся добровольцах из латышей и эстонцев. Все офицеры должны были получить те же права и обязанности, какие имели немецкие офицеры. Военное судопроизводство и вероисповедание должны были остаться своими, местными. Одним из результатов этого совещания стало формирование Эстонского легиона СС, официально одобренное Гитлером в августе 1942 года.

Свои взгляды по вопросу предоставления автономии оккупированным республикам Прибалтики руководство СС изложило в про-

екте «государственного договора», который, по-видимому, был разработан в Главном управлении СС к 10 октября 1942 года. Он содержал основные положения будущего государственного устройства Латвии и Эстонии. В ведении немецкой администрации предполагалось сохранить следующие сферы: 1) оборону, включая подготовку и вооружение; 2) внешнюю политику; 3) валюту и планирование экономики; 4) полицию (местная полиция должна была ограничиваться функциями криминальной полиции). В проекте констатировалось, что земельные правительства (Landesregierungen) Латвии и Эстонии должны быть полностью самостоятельны только в вопросах культуры, языка, юстиции и коммунального управления. В качестве высшего исполнительного органа предполагалось создать «нормально избираемые правительства». Высшим политическим координационным органом должен был стать Имперский совет (Reichsrat); политическая система должна быть трехпартийная. Относительно этого документа известно мало; упоминается лишь о трудностях, связанных с его утверждением. Как говорилось, последние состояли «не только в том, чтобы подключить к этому все имперские министерства, добиться согласия со стороны ОКВ и экономических ведомств, но и добиться полного одобрения со стороны местных национальных правительств» (!). Поэтому трудно судить о том, был ли окончательным этот проект, который не понравился даже местным националистам!

В конце 1942 года в ставке Гиммлера в Летцене (Восточная Пруссия) впервые детально обсуждался вопрос о формировании легионов СС в Прибалтике. Специально для этого туда был вызван высший фюрер СС и полиции в «Остланде» Фридрих Йекельн. Речь шла о проведении мобилизаций в Эстонии, Латвии и Литве.

Но в осуществлении всех этих планов была одна трудность. Для проведения широкой мобилизации в рейхскомиссариате Остланд и тем более для предоставления местным коллаборационистам хотя бы формального независимого статуса требовалось согласие Восточного министерства и его шефа Розенберга. Чиновники министерства и рейхскомиссариата всячески противились этому, надеясь отделиться частичным возвращением частной собственности. Лозе и Розенберг считали, что мобилизацию стоит отложить до объявления Закона о реприватизации, надеясь, что коллаборационисты удовольствуются хотя бы этим и не станут просить автономии. Таким образом, в этой сделке «мобилизация в обмен на автономию» Восточное министерство становилось ненужным посредником между заинтересованными сторонами, тормозившим все дело.

25 января 1943 года состоялась встреча Гиммлера и Розенберга в узком кругу, на которой между ними наконец было достигнуто со-

гласие. О том, как были разделены сферы влияния между этими двумя организациями, говорит запись в дневнике Розенберга, сделанная после совещания: «Гиммлер должен представлять государственную сферу, а я — укреплять движение в сфере идеологии». На совещании было также решено, что представитель рейхсфюрера Готлоб Бергер будет переведен в состав Восточного министерства в ранге статс-секретаря (сохранив свой пост шефа Главного управления СС). Это укрепило положение рейхсфюрера СС в Восточном министерстве настолько, что в письме от 9 марта 1943 года Бергер писал Гиммлеру: «Наше будущее на Востоке. Через 1—2 года Восточное министерство будет работать по указаниям рейхсфюрера СС».

С другой стороны, влияние Розенберга в его же собственном министерстве было сведено на нет. Одной из причин этого (а возможно и следствием) стал его конфликт с рейхскомиссаром Украины Эрихом Кохом. Последний фактически перестал зависеть от министерства Розенберга после того, как 19 мая 1942 года Гитлер на встрече с Кохом и Розенбергом встал на защиту Коха и предоставил ему полную свободу действий независимо от министерства. (Кстати, Эрих Кох, отличавшийся на редкость склочным характером, имел немало конфликтов и с руководством СС. Кох, например, предпринял попытку создания вооруженных формирований из украинцев — типа Schutz-батальонов, но под его собственным началом, что привело к стычке с высшим фюрером СС и полиции Украины Прютцманом). К тому же рейхскомиссар Остланда Хинрих Лозе также не проявлял должного послушания; он добивался передачи Остланда в подчинение лично фюреру, а не Восточному министерству Розенберга (подобно рейхскомиссариату Нидерландов во главе с А. Зейс-Инквартом, или рейхскомиссариату Норвегии во главе с Й. Тербоветеном). Он даже рискнул переложить решение некоторых финансовых вопросов на местное самоуправление без согласия Розенберга (в феврале 1942 г.). При этом за разрешением любого спора с Восточным министерством Лозе также предпочитал обращаться непосредственно к фюреру или к рейхсфюреру СС.

О чрезмерных амбициях Хинриха Лозе свидетельствует, в частности, Петер Клейст, который сообщает один довольно любопытный эпизод. «...В специальном поезде Розенберга, — вспоминал Клейст, — после долгой беседы, сопровождавшейся обильным потреблением алкоголя, Лозе поспорил с доктором Мейером, статс-секретарем Восточного министерства. Мейер упрекнул его в проведении корыстолюбивой и пристрастной политики. Разъяренный Лозе поднялся и с высоты своего огромного роста бросил в лицо маленькому доктору Мейеру: “Я тебе заявляю, что здесь никто не ду-

маст о себе и не работает ради своих собственных интересов. Я лично, я работаю не для себя, я работаю ради того, чтобы мой новорожденный сын в один прекрасный день возложил на свою голову наследственную корону Великого Герцога! Вот ради чего я работаю!"»

По мнению Клейста, именно этой цели были подчинены все меры рейхскомиссара Лозе по концентрации всей собственности, промышленных предприятий, земли и т.п. в своих руках, как и его противодействие любым предложениям о возвращении крестьянам земельных участков и другой собственности. Это мнение подтвердил на суде в Риге в 1946 году Фридрих Йекельн. Он рассказал, что Лозе поддерживал точку зрения Гимmlера в отношении Остланда более, чем точку зрения Розенберга; на все высшие должности в рейхскомиссариате Остланд он назначал своих знакомых из прибалтийских немцев (одним из них был бургомистр Риги Гуго Виттрок). «Свободные часы, — сообщил Йекельн, — Лозе отдавал разработке конституции Остланда, в соответствии с которой его должность планировалась наследственной».

Соглашение Гимmlера и Розенберга и назначение Бергера в Восточное министерство означали, что теперь руководство СС — главная заинтересованная сторона, нуждавшаяся в новых людских ресурсах для пополнения своих дивизий, — сможет самостоятельно решать, какую цену назначить за очередной контингент призывников из Прибалтики — автономию или еще что-либо. В результате даже генеральные комиссары вскоре перестали считаться с мнением Розенберга, обращаясь за разрешением всех вопросов непосредственно к рейхсфюреру СС (как, например, поступил генеральный комиссар Эстонии Литман в 1944 году). Позднее влияние Гимmlера на оккупационную политику еще более возросло. С августа 1943 года его представитель Бергер был назначен начальником специально созданного Оперативного штаба «Политика» в Восточном министерстве, а в марте и в сентябре 1943 года Гимmlер лично дважды принял поездку в рейхскомиссариат Остланд для встречи с представителями местных самоуправлений. По словам Петера Клейста, Гимmlер еще с начала 1943 года начал выступать за автономию «прибалтийских государств»: «Рейхсфюрер СС... был первым, кто произнес слово автономия».

Перелом в германской оккупационной политике официально произошел после указа фюрера от 13 января 1943 года о начале «тотальной войны», который дополнила речь Геббельса в берлинском Дворце спорта 18 февраля 1943 года. «Тотальная война» означала прежде всего тотальную мобилизацию всех людских ресурсов в армию и промышленность рейха. В соответствии с этим выдвигались

новые требования к пропаганде, которые были сформулированы в директиве Геббельса от 15 февраля 1943 года, направленной всем рейхслейтерам, гаулейтерам и руководителям областных отделов пропаганды. В этих документах нацисты впервые заявили о необходимости использования не только материальных, но и людских ресурсов «всего европейского континента», в том числе и оккупированных восточных территорий, причем как для экономических, так и для военных и политических нужд рейха. В связи с этим провозглашались новые принципы обращения с «восточными народами»:

1) Внушение представителям восточных народов идеи, что победа Германии в войне в их же интересах.

2) Недопустимость «прямо или косвенно унижать достоинство этих народов...» в публичных речах и статьях. «Представителей восточных народов, надеющихся на свое освобождение с нашей помощью, нельзя называть “бестиями”, “варварами” и после этого ждать от них заинтересованности в германской победе», — говорилось в документе.

3) Недопустимость любых заявлений о будущей колонизации восточных территорий, основании немецких поселений, выселении местных жителей, а также экспроприации земель (что уже было сделано). Лозунг «германизировать землю, а не народ», выдвинутый когда-то Гиммлером, провозглашался «неудачным». Подобные высказывания, по мнению Геббельса, «только предоставили бы советской пропаганде удобный повод для утверждения, что Германия ставит народы Востока на одну ступень с неграми». Это имело бы следствием только усиление духа сопротивления германскому вермахту и рейху, как среди населения, так и в советской армии», — без основания считал Геббельс.

Наконец 18 февраля 1943 года закон о возвращении частной собственности в рейхскомиссариате «Остланд» был подготовлен. Его обнародование предполагалось временно отложить, пока не будут разработаны инструкции к его проведению в жизнь в трех генеральных комиссариатах Прибалтики. Главной целью этого закона было обеспечить приток добровольцев в легионы СС в Литве, Латвии и Эстонии. В Эстонии планировалось значительно увеличить численность уже существующего Эстонского легиона; в Латвии — сформировать латышскую дивизию (15-ю латышскую дивизию СС); в Литве планировалось только впервые приступить к формированию Литовского легиона СС.

Уже на следующий день (19 февраля 1943 г.) высший фюрер СС и полиции в «Остланде» обергруппенфюрер СС Фридрих Йекельн, командующий вермахта в «Остланде» генерал Бремер и генеральный уполномоченный по мобилизации рабочей силы Заукель заключили между

собой соглашение о проведении мобилизации в Прибалтике. Было решено создать совместные призывные комиссии и провести одновременную мобилизацию в легионы СС, вспомогательные службы вермахта и военную промышленность. А еще за три дня до того, 16 февраля 1943 года, Лозе подготовил указ о призыве мужского населения Прибалтики 1919—1924 г.р. (шесть призывных возрастов).

Принудительная мобилизация и создание легионов СС

Мобилизация рабочей силы на оккупированных территориях была одной из главных задач немецкой гражданской администрации, учрежденной после оккупации Прибалтики. Впоследствии немецкие власти стали широко прибегать и к военным мобилизациям — в легионы СС, вспомогательные части вермахта и т.п., которые приобрели особенно широкий размах с 1943 года.

Непосредственной подготовкой к мобилизации рабочей силы (а также и к последующим воинским призывам) стала обязательная регистрация населения на территории всей Прибалтики. 15 августа 1941 года заместитель рейхскомиссара «Остланда», Фрюндт, по поручению Лозе издал 1-е распоряжение о трудовой повинности на территории Остланда. Согласно этому распоряжению, все жители рейхскомиссариата Остланд должны были пройти регистрацию «по требованию соответствующих органов по найму рабочей силы». На основе этого распоряжения в «Остланде» были также введены «Рабочие бюро» (Arbeitsamt). В Литве, например, было учреждено 4 «рабочих бюро» в городах — центрах 4-х округов (гебитов) — в Каунасе, Вильнюсе, Шяуляе и Паневежисе; каждое из них имело свои филиалы во всех уездах. Распоряжение было впервые опубликовано 1 мая 1941 года и вступило в силу 11 июня 1942 года (в Эстонии).

19 декабря 1941 года рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий Розенберг подготовил 2-е распоряжение о трудовой повинности. В нем была объявлена всеобщая трудовая повинность жителей оккупированных восточных территорий в возрасте от 18 до 45 лет. Каждому, кто уклоняется от трудовой повинности, грозило тюремное заключение или каторжные работы. Согласно изданным в дополнение к нему инструкциям рейхскомиссара Лозе, мобилизованные на основе этого распоряжения рабочие могли быть также использованы за пределами рейхскомиссариата «Остланд». Распоряжение было впервые опубликовано 4 марта 1943 года (в Эстонии), послужив основой для проведения «совместной моби-

лизации» в войска СС, вспомогательные службы вермахта и военную промышленность призывников 1919—1924 г.р. По данным уполномоченного по мобилизации рабочей силы Заукеля от 5 февраля 1943 года, в это время в германской военной промышленности уже работало около 30 000 латышей и эстонцев.

24 февраля 1943 года во всем рейхскомиссариате «Остланд» была объявлена мобилизация призывников 1919—1924 г.р. под лозунгом «С Адольфом Гитлером к победе, к оружию, к труду!». Им предлагалось вступать по выбору в легионы СС, вспомогательные службы вермахта или на работу в военную промышленность. За организацию мобилизации отвечал отдел III «Трудовая политика и социальное управление» рейхскомиссариата «Остланд», а за практическое проведение — «мобилизационные штабы», состоявшие из представителей германской полиции, вермахта, «рабочих бюро» и местного самоуправления.

Одновременно начались широкомасштабная мобилизация рабочей силы и угон населения в Германию. 29 марта 1943 года было издано распоряжение о трудовой повинности за подписью Розенберга (с начала войны это было уже третье распоряжение такого рода). В нем провозглашалась трудовая повинность «в условиях тотальной войны» для мужчин от 15 до 65 лет, а также женщин и девушек от 15 до 45 лет. Основанием для освобождения от трудовой повинности могли служить работа в учреждениях, вспомогательных службах и мастерских вермахта, работа в госпиталях или сан священнослужителя. Все остальные должны были в обязательном порядке явиться в «рабочие бюро» и их филиалы.

Явка призывников во всех трех генеральных комиссариатах составила около 85 %. Всего в ходе весенней мобилизации 1943 года было призвано:

в Эстонии: 1) в Эстонский легион СС — около 5300 чел.; 2) во вспомогательные службы вермахта — около 6800 чел.

В Латвии: 1) в Латвийский легион СС — около 17 900 чел.; 2) во вспомогательные службы вермахта — около 13 400 чел.

И только в Литве попытка сформировать Литовский легион СС полностью провалилась.

«План автономии»: по образцу протектората Богемии и Моравии

Тем временем 1 февраля 1943 года генкомиссар Латвии Дрекслер направил рейхскомиссару Лозе второе письмо, в котором оценивал создавшееся положение как критическое и требовал, чтобы

Восточное министерство как можно скорее приняло решение по вопросу автономии. В ответ Лозе предложил три варианта решения так называемого «Остланд-кризиса», которые и изложил в письме Розенбергу от 2 февраля 1943 года. Первым и наилучшим вариантом Лозе считал расширение полномочий самоуправления, однако сразу же добавлял, что он неприемлем, поскольку невозможно отобрать у немецких генеральных комиссариатов закрепленные за ними полномочия. Второй вариант заключался в том, чтобы создать «смешанное» управление — по образцу протектората Богемии и Моравии. (Оба первых варианта практически повторяли предложения Дрекслера.) Последний вариант Лозе считал единственно правильным, раз уж самоуправления вообще были признаны немецкими властями. Аппарат генерального комиссара должен был сохраниться лишь в качестве наблюдательного органа. Деятельность уездных органов самоуправления предполагалось передать под контроль гебитскомиссаров. В результате такого решения, считал Лозе, немецкое влияние в Прибалтике не только не уменьшится, а, наоборот, усилится. Правда, при этом Лозе пояснял, что предложенная им модель приемлема лишь для Латвии и Эстонии, но не для «непослушной» Литвы.

На основании этих предложений в Восточном министерстве в начале 1943 года была разработана серия инструкций и рекомендаций для соответствующего указа фюрера. Все эти документы получили название «План автономии». Они предполагали следующие изменения:

1) Подчинить генеральный комиссариат «Белоруссия» не рейхскомиссару Остланда, а непосредственно Имперскому министерству по делам оккупированных восточных территорий (официально это было сделано 1 апреля 1944 г.).

2) Представлять интересы германского рейха в трех Прибалтийских государствах будет не рейхскомиссар, а «рейхсрезидент» (Reichsresident), а в каждом из этих государств — «ландсрезиденты» (Landesresidenten) вместо генеральных комиссаров. От германского аппарата чиновников на территории Прибалтийских государств на уровне гебитскомиссаров предполагалось отказаться. Правда, в одной из следующих разработок гебитскомиссары должны были сохранить свои посты в качестве «окружных инспекторов» (Gebietsinspektoren); их задача — информировать «ландсрезидентов» обо всех событиях в округах. При этом оговаривалось также, что «в случае опасности окружные инспектора имеют право самостоятельно издавать распоряжения в своем округе или проводить самостоятельные меры». Это прямо указывало на иллюзорный характер автономии.

3) Каждое из трех Прибалтийских государств будет иметь свое «земельное правительство» (*Landesregierung*), состоящее из «земельных министров» (*Landesminister*). Их внешняя политика, оборона, таможня, транспорт и почта должны находиться в непосредственном ведении рейха. Официально все три Прибалтийские республики будут иметь статус «государств под протекторатом рейха». Каждая страна должна была иметь право на свой флаг герб и печать (в последующих разработках эта статья отсутствовала).

8 февраля 1943 года Розенберг лично представил Гитлеру разработанный в Восточном министерстве «План автономии». Проект изменения государственно-правового статуса Прибалтийских государств обсуждался в тесной связи с вопросом формирования национальных легионов. Гитлер высказал свое согласие с предполагаемой реприватизацией и увеличением продовольственных рацийонов до того уровня, который существовал в Германии. Но по поводу «Плана автономии» фюрер не сказал ничего определенного, не отклонив этот проект, но и не одобрив. Поэтому в течение всего февраля 1943 года «План автономии» дорабатывался в отделах Восточного министерства, в надежде, что после доработки фюрер одобрит его. В конце марта 1943 года Розенберг узнал из третьих рук — от шефа рейхсканцелярии Ламмерса, сославшегося на официальную запись Бормана(!), — что фюрер склонен отложить решение вопроса о предоставлении автономии до окончания войны. По просьбе Розенберга Ламмерс уточнил у Гитлера этот вопрос. Гитлер подтвердил запись Бормана и отказался подписывать какие-либо призывы к «восточным народам».

После отклонения Гитлером «Плана автономии» в Восточном министерстве стали искать другие пути решения «Остланд-кризиса». 12 марта 1943 года Георг Лейббрандт (начальник Главного отдела I «Политика» Восточного министерства) встретился в Берлине с Трампедахом и поручил ему подготовить предложения относительно дальнейших политических и экономических мер в рейхскомиссариате. 15 марта 1943 года Трампедах подготовил документ, состоящий из следующих пунктов: 1) генеральный комиссариат Белоруссия должен быть выведен из состава рейхскомиссариата Остланд и передан в прямое подчинение Восточному министерству. 2) В генеральных комиссариатах Латвия и Эстония следует установить тот же уровень цен, зарплаты и прочего снабжения, как в Германии. 3) Необходимо заявление рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий о гарантии эстонцам и латышам (исключая латгальцев), что они не будут выселены со своих земель, а, напротив, будут в большинстве своем включены в состав немецкого народа «без насильственной ас-

симиляции их нации, культуры, языка и веры». 4) В Латвии необходимо заменить некоторых генеральных директоров (особенно Данкерса и Валдманиса), так как они не поддержали весеннюю мобилизацию 1943 года 5) Необходимо обновить административную структуру в соответствии с принципами «смешанного» управления (в рамках «Организационного указа» от 7 марта 1942 г.), так, чтобы политически надежные латыши и эстонцы вошли в состав генерального комиссариата. Деятельность Восточного министерства должна ограничиться разработкой основополагающих политических и политико-экономических директив. Координация их вменяется в обязанность рейхскомиссару. Предполагалось также, что начальники отделов и главных отделов генеральных комиссариатов будут действовать одновременно как генеральные директора самоуправления, но не как подчиненные или служащие. «Чем больше удастся найти надежных местных директоров, тем меньше придется назначать немецких. Необходимым является лишь назначение немца на пост директора по делам экономики, так как это в интересах германской военной экономики», — говорилось в документе.

К тому времени, из-за провала мобилизации в Литовский легион, на успешное сотрудничество с населением Литвы никто не рассчитывал. Поэтому Литва не фигурировала в этом плане вообще. Трампедах в своих установках исходил из доклада рейхскомиссара Лозе Розенбергу от 2 февраля 1943 года, в котором предлагалось сокращение аппарата генеральных комиссаров при сохранении аппарата рейхскомиссара.

В Восточном министерстве этот план снова вызвал противоречивое отношение. Петер Клейст (начальник Отдела I.2 «Остланд» в Восточном министерстве) счел основную идею Трампедах правильной, но возражал против предложенных мер. По его мнению, следовало расширить функции местного самоуправления, а полномочия рейхскомиссара и генеральных комиссаров, наоборот, свести исключительно к политическому контролю.

Вот что рассказывает об этом сам Петер Клейст: «Министр восточных территорий вызвал в феврале 1943 года в Берлин рейхскомиссара Лозе и советника Бурмейстера, его сотрудника, для участия в конференции, в которой я тоже был вызван принять участие. Я составил вместе с Бурмейстером «План автономии», который, по сравнению со всеми предыдущими, шел очень далеко и лишь в деталях отличался от статуса суверенного государства. Лозе пробудился от своих довольно-таки детских снов о «великом герцогстве» и удовлетворился лаконичным заявлением: «Хорошо. Я согласен со всем этим. Но все эти надежды напрасны, если мы не выиграем сначала войну». Розенберг высказал больше подозрительности — он

критиковал, ругался и наконец воскликнул, читая статью относительно национальных флагов в трех странах (которые у них были, впрочем, и которые вывешивались во всех торжественных случаях!): “Национальные флаги! Это же ирландский бунт!” В этот момент я под каким-то предлогом покинул заседание. Бурмейстер выскользнул оттуда вслед за мной, воскликнув “Уйдем из этого сумасшедшего дома!” Таким образом, попытки создать автономию провалились».

Между Восточным министерством и рейхскомиссариатом Остланд снова начались многомесячные и безрезультатные переговоры. Особенно срочным считался вопрос о государственно-правовом статусе Латвии и о преобразовании тамошней немецкой гражданской администрации в «смешанное» управление по образцу протектората Богемии и Моравии. Особую активность в решении этого вопроса проявлял Дрекслер, генеральный комиссар Латвии. Предложенная им модель была следующей:

1) Ввести в состав Латышского самоуправления немецких чиновников — в качестве заместителей при каждом латышском генеральном директоре (кроме директората по вопросам юстиции, где планировалось сохранить разделение функций).

2) В области экономики либо поставить немецкого руководителя Главного отдела III «Экономика» из аппарата генерального комиссариата во главе директората экономики в Латышском самоуправлении, либо назначить нескольких немецких заместителей при латышском гендиректоре по вопросам экономики.

3) В распоряжении генерального комиссариата оставить лишь небольшой штаб, а также сохранить должности немецких гебитско-миссаров в каждом округе.

В Восточном министерстве план Дрекслера был встречен так же прохладно, как и план Трампедаха. По мнению все того же Клейста, при такой системе «смешанного» управления, слишком многое должно было зависеть от личных взаимоотношений. На основе этих планов и «Организационного указа» 1942 года в Главном отделе I «Политика» Восточного министерства был составлен свой проект, предполагавший расширение полномочий местных самоуправлений.

Лозе и Бурмейстер (начальник Главного отдела I «Администрация» в рейхскомиссариате «Остланд») в середине июля 1943 года предприняли поездку в Берлин, чтобы изложить свои планы создания «смешанного» управления в Восточном министерстве. Розенберг не решился одобрить их и рекомендовал обратиться напрямую к фюреру за одобрением. На деле это означало отказ. Тем самым Розенберг продемонстрировал свою полную неспособность разрешить «Остланд-кризис».

Но тем временем рейхсфюрер СС не терял времени даром. В конце сентября 1943 года он предпринял свою вторую поездку в Прибалтику, посетив Ригу и Таллин, для переговоров с представителями Латвийского и Эстонского самоуправлений. В ходе этих переговоров Гиммлер дал несколько обещаний относительно автономии. В Таллине он встретился с первым ландесдиректором Эстонского самоуправления д-ром Хялмаром Мяэ и обсудил вопрос о новой мобилизации в Эстонский легион СС. Мяэ выдвинул условие: «Мобилизация в обмен на автономию». В ответ рейхсфюрер заверил его, что план автономии для Эстонии якобы уже разработан и представлен Гитлеру «Гитлер подпишет Вашу автономию без размышлений», — заявил Гиммлер, дав понять, что обнародование этого плана — всего лишь «вопрос нескольких дней», но взамен фюрер ждет от эстонцев «проявления доброй воли» и введения всеобщей воинской повинности. На вопрос д-ра Мяэ о гарантиях будущей автономии рейхсфюрер СС ответил: «Верьте мне!» Формальностями должен был заняться генеральный комиссар Эстонии Литцман. «В обмен» на провозглашение автономии Гиммлер потребовал мобилизации 8000 человек в Латвии и 6000 в Эстонии в качестве пополнения для легионов СС. По словам его ближайшего сотрудника Готлоба Бергера, Гиммлер смело заверил всех, что фюрер не против автономии Латвии и Эстонии в рамках рейха, которая заслужена храбростью эстонских и латышских добровольцев в войсках СС. В действительности все эти обещания были не более чем блефом.

Крах «Плана автономии»

Известие о поездке Гиммлера в Латвию и Эстонию, а также о раздаваемых им обещаниях автономии взамен на всеобщую мобилизацию в легионы СС дошло до Розенберга 28 сентября 1943 года. Встревоженный министр обратился к шефу имперской канцелярии Ламмерсу с письмом, в котором спрашивал, правда ли то, о чем говорил Гиммлер в Таллине и в Риге. В том же письме Розенберг срочно просил аудиенции у Гитлера, чтобы рейхсфюрер СС не опередил его. «На всякий случай, — сообщил Розенберг Ламмерсу, — я снова направил вопрос (об автономии) на доработку».

11 октября 1943 года в Восточном министерстве впервые в деталях обсуждали вопрос об автономии. Основой для обсуждения стал меморандум Бройтигама от 4 октября 1943 года. Подробные проекты также разработали П. Клейст и профессор фон Менде (начальник Отдела I.5 «Кавказ» в Восточном министерстве).

Проект Бройтигама содержал следующие принципы: 1) Главное — это стратегические интересы рейха, сохранение немецких гарнизонов в Латвии и Эстонии, а также немецкого контроля за транспортом и средствами связи. 2) Генеральные комиссары Эстонии и Латвии должны быть переименованы в «рейхсрезидентов». В их задачи должно входить представление интересов рейха при местных «земельных правительствах». Рейхсрезиденты должны помимо прочего позаботиться о том, чтобы новые конституции Латвии и Эстонии отвечали интересам рейха. Аппарат рейхскомиссара Остланда должен быть распущен. 3) Каждое из государств должно выработать свою конституцию, избрать правительство и парламент. Рейхсрезидент имеет право вмешаться в их деятельность, если она наносит ущерб интересам рейха.

В ответ на эти предложения Розенберг выступил со своими требованиями, которые следовало учесть в плане. По его мнению, немецкая администрация должна сохранить за собой следующие сферы: 1) вопросы обороны и полицейских мероприятий; 2) валютная и таможенная политика; 3) общий контроль над почтой, телеграфом, радио и транспортом; 4) внешняя политика и представительство за границей; 5) сохранение бывшей госсобственности Латвии и Эстонии как «германской собственности» в качестве возмещения убытков, которые нанесла Германии земельная реформа 1920-х годов.

Эти требования тут же натолкнулись на серьезную критику. Начальник Отдела II.1 «Внутреннее управление» Восточного министерства Лабс возразил против последнего пункта, так как у Германии и так будет возможность использовать ресурсы этих стран в своих интересах. Он также возражал против сохранения должностей гебитс-комиссаров, которое не согласуется с планами автономии. Бройтигам вообще считал, что требования Розенберга превращают все планы автономии в бесполезную макулатуру. «Если между полной автономией и полной аннексией есть много промежуточных ступеней, то этот план на 90 % означает аннексию», — заявил он. Таким образом, «План автономии» снова зашел в тупик, так и не будучи представленным Гитлеру.

Рейхскомиссар Лозе узнал об обсуждении «Плана автономии» и о замыслах Гиммлера в отношении Прибалтики 30 октября 1943 года, находясь в Берлине. Лозе тут же понял, что согласно всем этим проектам, его пост может быть в скором будущем упразднен. По этому поводу между ним и Бергером даже возникла перепалка. 31 октября 1943 года Лозе стало известно от Бормана о готовящемся провозглашении автономии, а также о мобилизации еще десяти призывных возрастов в Остланде, проводить которую будут органы СС. Так как

до сих пор он не слышал о планах Розенберга и Гиммлера, то решил, что все эти меры направлены против него лично. Указ фюрера от ноября 1943 года о мобилизации десяти призывных возрастов в Латвии и Эстонии подтвердил его опасения.

В ноябре 1943 года, по примеру Коха, Лозе решил обратиться «за справедливостью» напрямую к фюреру, направив ему свой меморандум от 10 ноября 1943 года (перед тем адресованный Розенбергу). В нем, помимо своего недовольства планами автономии, Лозе возражал против мобилизации десяти призывных возрастов, ссылаясь на то, что мобилизация вызвала падение производства в военной промышленности и предприятиях снабжения вермахта.

Тем временем 16 и 17 ноября 1943 года в ставке фюрера состоялось обсуждение проектов автономии, выдвинутых руководством СС и оформленных окончательно в Восточном министерстве (проект Бройтигама от 4 октября 1943 г.). В совещании приняли участие Розенберг, Гиммлер, Борман, Ламмерс и Лозе. Гитлер снова высказался в том же духе, что он не хочет «в трудное время демонстрировать столь далеко идущую любезность». Правда, он предложил переработать этот проект, оставив возможность так называемой «культурной автономии» после окончания войны. Фюрер распорядился откорректировать «План автономии» и выразил желание обсудить его с министром иностранных дел Риббентропом перед обнародованием. На том же совещании была рассмотрена жалоба рейхскомиссара Лозе в связи с мобилизацией в легионы СС. В итоге было достигнуто соглашение, что контингент призывников из Латвии не превысит 20 000 человек, а из Эстонии — 10 000 человек. Лозе при этом знал, что эти цифры его устраивают и что это не нанесет значительного вреда военной промышленности.

20 ноября 1943 года Ламмерс сообщил в письме Розенбергу, что фюрер обсудил проект с Риббентропом и счел его «в настоящее время не противоречащим интересам рейха», но тем не менее предложил все же отказаться от него. Гитлер порекомендовал Розенбергу обратиться непосредственно в МИД.

С этого момента инициатива перешла к министерству иностранных дел, которое разработало ряд глобальных, но очень неопределенных планов, в том числе проект положений о «Европейской конфедерации».

В составе германского МИДа еще 5 апреля 1943 года был создан так называемый Комитет «Европа». Он занимался разработкой еще более широкого и еще менее конкретного плана для стран Прибалтики, чем «План автономии». 9 сентября 1943 года эта конкурирующая организация издала проект положений о «Европейской конфе-

дерации» и свои установки к нему. Никаких определенных обещаний в отношении стран Прибалтики, кроме пропагандистских лозунгов, в нем не содержалось. Как следует из многочисленных высказываний Гитлера «в узком кругу», сама идея «Объединенной Европы» была чистой воды пропагандой. Германская оккупационная политика умело использовала национальные идеи разных народов, как и идею «Объединенной Европы», в своих целях.

Таким образом, на «Плане автономии» был поставлен крест. Говорить о том, что план Гимmlера Бергера потерпел провал, было бы не совсем верно. Планы Гимmlера и относительно будущего прибалтийских государств были совершенно иными, а обещание автономии было всего лишь средством побудить коллаборационистов к более эффективному сотрудничеству, с целью заполучить как можно больше солдат. Тем не менее Гимmlер продолжал играть на идее предоставления автономии, требуя все новые контингенты призывников из Латвии и Эстонии.

Сделка без посредников: новые мобилизации и новые обещания

Теперь, после того как Восточное министерство Розенберга было фактически отстранено от дел в Прибалтике, а Министерство иностранных дел Риббентропа не вмешивалось в оккупационную политику вообще, полновластным хозяином рейхскомиссариата Остланд стал рейхсфюрер СС Гимmlер. Все ненужные посредники в лице Розенберга, а также рейхскомиссара Лозе фактически больше не могли вмешиваться в мобилизационные мероприятия, проводимые СС.

В октябре 1943 года в Латвии и Эстонии была объявлена новая (осенняя) мобилизация в легионы СС (в Латвии она началась 4 октября 1943 г.). Для ее проведения в аппарате высшего фюрера СС и полиции в Остланде был создан специальный орган — «Инспекция пополнения войск СС «Остланд» (Ersatz-Inspektion Ostland der Waffen-SS), штаб которой находился в Риге. Она имела в своем подчинении два филиала — в Латвии и в Эстонии. В Латвии мобилизацию в Латышский легион СС осуществляла «Команда пополнения войск СС «Латвия», действовавшая при фюрере СС и полиции в Латвии Шрёдере. Во главе ее стоял генерал-инспектор Латышского легиона СС, бывший генерал латвийской армии, легион-группенфюрер Рудольф Бангерскис. В Эстонии мобилизацией в Эстонский легион СС занималась «Команда пополнения войск

СС «Эстония» при фюрере СС и полиции в Эстонии Мёллере 26 октября 1943 года начальником «Команды «Эстония» и генерал-инспектором Эстонского легиона СС был назначен бывший полковник эстонской армии, а ныне — легион-оберфюрер Йоханнес Соодла.

На этот раз мобилизация проводилась исключительно органами СС — «Инспекцией пополнения СС «Остланд» и ее филиалами в Латвии и Эстонии. В декабре 1943 года Гитлер вообще передал все полномочия на проведение мобилизаций в Латвии и Эстонии из ведения вермахта (имевшего 50 призывных участков на территории Латвии) в ведение Гиммлера. Призывники могли также записаться в легионы СС в ближайшем участке полиции. Контингент призывников составляли явившиеся на переосвидетельствование призывники 1919—1924 г.р., а также призывники 1925 г.р. (призыв последних начался в Эстонии 26 октября 1943 г.).

В начале ноября 1943 года было издано распоряжение Гитлера о мобилизации в Латвии и Эстонии десяти призывных возрастов (1915—1924 г.р.). Численность требуемого контингента была определена и согласована с рейхскомиссаром Лозе на совещании 16 ноября 1943 года Эстония должна была набрать 10 000 человек, а Латвия — 20 000 человек. 2-й этап осенней мобилизации 1943 года начался в Латвии в начале декабря 1943 года (призыв Данкерса о мобилизации призывников 1915—1924 г.р. был опубликован еще 17 ноября 1943 г.). В Эстонии призыв начался в январе 1944 года. Результаты 1-го этапа мобилизации (до декабря 1943 г.) составили 3375 человек в Эстонии и 5637 — в Латвии. После 2-го этапа (по данным на 1 февраля 1944 г.) к ним добавились еще 900 человек в Эстонии и не менее 5167 человек в Латвии.

В конце января 1944 года Гиммлер постановил провести в Латвии и Эстонии мобилизацию новых призывных возрастов, направив соответствующий приказ Йекельну. Ответственность за проведение мобилизации была возложена на «Инспекцию пополнения СС «Остланд» и ее филиалы.

28 сентября 1944 года Йекельн созвал на совещание в Ригу всех военных и гражданских руководителей в Остланде, чтобы сообщить им неутешительное известие о предстоящем отступлении немецких войск из Эстонии.

Глава Эстонского самоуправления д-р Мяэ сразу же объявил, что если немецкое командование планирует отступить на линию реки Двины (то есть оставить всю территорию Эстонии), то он готов провести тотальную мобилизацию.

Фридриху Йекельну пришлось несколько охладить этот порыв.

Д-р Мяэ, по его словам, был просто пьян. Вместо тотальной мобилизации Йекельн потребовал от него лишь передачи на фронт всего личного состава эстонских отрядов «самообороны» («Омакайтсе») или мобилизации 7000 эстонцев, чтобы они могли удерживать фронт в ходе отступления. Аналогичные требования были выдвинуты в отношении Латвии (мобилизация 7000 человек). Идею о тотальной мобилизации Йекельн отклонил, однако Мяэ продолжал настаивать, говоря, что, дескать, нельзя мобилизовать определенное число людей, не зная численности призывников того или иного года. Его идею поддержал Литцман.

Йекельн от лица немецких властей заявил, что он готов вооружить только 12 000 эстонцев и 7000 латышей. Представители Эстонского и Латышского самоуправлений Мяэ, Соодла и Бангерскис полагают, что немцы явно опасались создания крупных национальных армий, к тому же под единым национальным руководством. Велика была опасность, что они выйдут из-под контроля или даже перейдут на сторону противника. Однако благодаря вмешательству Литцмана во время специально предпринятой поездки в Берлин, в Эстонии было «разрешено» призвать в ходе весенней мобилизации 1944 года 15 000 человек.

Последняя (тотальная) мобилизация в Латвии и Эстонии началась 1 февраля 1944 года (весенняя мобилизация 1944 г.). Призыву подлежали юноши 1904—1923 г.р., которых затем направляли в основном в легионы СС. Продолжалась она фактически до августа 1944 года, то есть до последних дней немецкого оккупационного режима в Прибалтике.

Несколько слов о «братстве солдат войск СС» и «борьбе Европы против большевизма»

Эстонцы и латыши, служившие в войсках СС, имели несколько иной статус, нежели немецкие солдаты. В войсках СС существовала единая система званий: от ротенфюрера СС до оберстрuppenфюрера СС, соответствовавших званиям от сфрейтора до генерал-полковника. Однако с появлением «национальных» легионов и дивизий СС немцы начали задумываться об их статусе. Ведь первоначально отряды СС и только начинавшие формироваться войска СС должны были составить «расовую элиту германского народа», и не каждый немец мог пройти расовый отбор, чтобы поступить туда. Создание «национальных» частей в СС означало бы, что, например, какой-нибудь русский или латышский офицер СС будет иметь равные права с немец-

ким офицером, а может быть, и командовать немецкими младшими офицерами и солдатами. Однако разве поход против Советского Союза не был начат с целью уничтожения, выселения в Сибирь или порабощения этих русских? Разве не предусматривали планы Третьего рейха германизацию лишь небольшого процента литовцев и латышей и не более половины эстонцев? Или нужно сделать исключение для некоторых «политически благонадежных»? Но как же быть тогда с расовой теорией, от которой нацисты не могли отказаться? Ведь она служила пропагандистским, «научным» фундаментом для всей оккупационной политики, для уничтожения и завоевания целых народов и государств. Таким образом, для немцев было необходимо не только как-то отличать «национальные» части от немецких частей, но и не допустить, чтобы они имели равный статус с ними.

Многие бывшие офицеры и генералы СС (Ф. Штейнер, П. Хауссер, О. Скорцени и др.) пытаются в своих мемуарах представить войска СС как некие интернациональные вооруженные силы «Новой Европы», «правые интербригады» (в противовес интербригадам республиканской Испании), где служили представители практически всех национальностей из всех европейских стран.

Но это было не так: даже после изменения курса германской оккупационной политики в 1943 году со всеми вытекающими отсюда последствиями специально для различия национальной принадлежности и, соответственно, статуса той или иной дивизии, были введены три градации — в соответствии с приказом рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Гиммлера от 22 января 1944 года. В нем идет речь о формировании «негерманских» полков (в составе бригад и дивизий), которые следовало официально именовать полками (бригадами, дивизиями) «войск СС», для отличия от собственно немецких «дивизий СС» и дивизий из родственных «германских» народов (голландцев, датчан, норвежцев, фламандцев и др.) — «добровольческих дивизий СС»; причем помимо названия и номера дивизии в официальных документах следует указывать «национальную принадлежность» каждой дивизии и ее «национальный номер» в скобках, в добавление к порядковому номеру в СС (например: 19-я гренадерская дивизия войск СС — латышская № 2).

Таким образом, 1-ю ступень образовывали «дивизии СС», состоявшие из чистокровных немцев, 2-ю ступень — «добровольческие дивизии СС» из представителей «родственных германских народов». 3-ю ступень составляли «дивизии войск СС», формировавшиеся из всех прочих «неполноценных» народов — русских, латышей, эстонцев, украинцев, белорусов, хорватских мусульман, венгров, итальянцев, индийцев, народов Кавказа и Средней Азии и т.д.

С этой же целью для «войск СС» и «легионов СС» была создана особая система воинских званий, основанная на системе, уже существовавшей в СС. Легионеры получали звания от легион-ротенфюрера до легион-группенфюрера (от ефрейтора до генерал-лейтенанта): солдаты войск СС (нем.: Waffen SS) — от ваффен-ротенфюрера до ваффен-группенфюрера. Это должно было отличать их от «ротенфюрера СС» или «группенфюрера СС» — такие звания носили только в немецких и «германских» добровольческих дивизиях. Соответственно, легионер даже в генеральском звании никак не мог командовать немецкими солдатами, и это хорошо иллюстрирует распределение обязанностей между немецкими и прибалтийскими офицерами в двух латышских и одной эстонской дивизиях войск СС. Немцы занимали посты либо командиров дивизии, либо составляли штаб при немецком командире, либо выполняли роль инструкторов при местных латышских или эстонских командирах более мелких подразделений, не подчиняясь им. Обязательное указание «национальности» той или иной дивизии также служило тому, чтобы легионер одной национальности не был поставлен командиром над легионерами другой. Такое практиковалось только в управлении оккупированными территориями, но не в войсках.

Когда же Германия оказалась в критической ситуации, расовая доктрина была практически забыта. С 1943 года в составе «войск СС» начали формироваться целые дивизии из «неполноценных» народов. В феврале 1944 года начался массовый прием в ряды СС заключенных концлагерей из числа немецких уголовников, до того времени выполнявших роль капо, старших по блокам и т.д. (например, в лагере уничтожения Освенцим). В последние дни войны, например, в 36-ю дивизию войск СС Дирлевангера начали принудительно вербовать из концлагеря Заксенхаузен не только всех немцев, включая и политзаключенных, но даже цыган. Расчет делался на то, что любой солдат антигитлеровской коалиции, тем более Красной армии, будет видеть врага в человеке, одетом в эсэсовскую форму. А тому не останется ничего другого, кроме как защищать свою жизнь. Именно такую участь готовили нацисты для многих своих «товарищей» из национальных легионов СС, мобилизация в которые уже с весны 1943 года проводилась в принудительном порядке.

Какова же была роль коллаборационистов и их местных органов самоуправления во всех проводившихся мобилизациях? Как признают многие историки, как в нашей стране, так и за рубежом, их «борьба за независимость» была скорее показательной. Каждая уступка немецких властей в плане расширения полномочий самоуправ-

ления имела целью выжать из местных республик Прибалтики новые контингенты призывников для легионов СС, вермахта, полиции, для отправки на принудительные работы в рейх (в военную промышленность и пр.). А каждое новое воззвание к народу местных националистов, рядившихся в патриотические одежды, было продиктовано стремлением вернуть себе власть и собственность, отобранные у них в 1940 году советской властью.

Именно поэтому местное самоуправление, состоявшее в основном из бывших политиков, предпринимателей, духовенства, военной и чиновничьей верхушки, послушно выполняло все эти требования (хотя и не получив взамен обещанного!). Существенного влияния на оккупационную политику Латвийское самоуправление не оказывало.

Как справедливо отмечает советская партийная деятельница и историк А. К. Рашкевиц: «Самоуправление не имело никакой самостоятельности. Это была приманка, чтобы под вывеской “самостоятельности” лучше выкачивать налоги и поставки, а позднее производить незаконную мобилизацию и вывоз населения из Латвии».

Это подтвердил в своих показаниях во время судебного процесса в Риге в 1946 году бывший фюрер СС и полиции в Прибалтике Фридрих Йскельн: «Все они... были большими друзьями немцев, — заявил он, говоря о местном самоуправлении в Эстонии, Латвии и Литве. — Эти люди руководствовались только немецкими интересами и нисколько не задумывались о судьбе своих народов...»

Собственный народ служил для прибалтийских коллаборационистов всего лишь разменной монетой в торге с оккупационными властями по поводу возвращения им потерянных в 1940 году власти и собственности...

ГЛАВА 11

ЛИТВА: «НАРОД, НЕ ДОСТОЙНЫЙ НОСИТЬ ОРУЖИЕ»

Месяц и десять дней «самостийной» Литвы

На следующий день после нападения Германии на Советский Союз, едва Каунас был оставлен частями Красной армии, литовские повстанцы взяли власть в городе в свои руки. В тот же день, 23 июня, по каунасскому радио от имени «Фронта литовских активистов» выступил один из его лидеров, Леемас Прапуолянис, который выразил благодарность Гитлеру «за освобождение Литвы» и объявил о создании «Временного правительства Литвы».

Список министров «Временного правительства Литвы», составленный сразу же после германского вторжения¹, возглавлял Казис

¹ Вот полный список министров Временного правительства Литвы, объявленный по литовскому радио 23 июня 1941 года:

1. Шкирпа Казис — премьер-министр,
2. Скипйтис Раполас — министр иностранных дел,
3. Амбразевичюс Йозас — временно исполняющий обязанности премьер-министра (на время отсутствия К. Шкирпы), а также министр просвещения,
4. Рапшикис Стасис — министр обороны,
5. Матулюнис Йонас — министр финансов,
6. Вайнаускас Пранас — министр торговли,
7. Дамушис Адольфас — министр промышленности,
8. Виткус Балис — министр сельского хозяйства,
9. Жемкальнис-Ландсбергис Витаутас — министр коммунального хозяйства,
10. Паюйс Юозас — министр труда,
11. Шляняйтис Йонас — министр внутренних дел,
12. Мацкявичюс Мечисловас — министр юстиции,
13. Новицкис Антанас — министр сообщений,
14. Венцюс Ксаверас — министр здравоохранения,
15. Грулзинскас Владас — управляющий продовольствием.

(См.: Ямпольский В. П. (публ.). «За что боролись?» Как немецкая власть обидела «Фронт литовских активистов» // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 47—52).

Шкирпа, провозглашенный премьер-министром. Министром обороны был назначен бывший генерал литовской армии Стасис Рашикис (оба в тот момент находились в Германии, куда эмигрировали в 1940 г.). Исполняющим обязанности премьер-министра и одновременно министром просвещения «Временного правительства Литвы» стал клерикальный деятель Амбразявичюс, а министром внутренних дел — Шлепетис. Не особенно приметный пост министра коммунального хозяйства в этом правительстве занимал Витаутас Жямкальнис-Ландсбергис, отец будущего лидера «Саюдиса» и президента Литвы Витаутаса Ландсбергиса.

Не дожидаясь, пока остальные члены «кабинета министров» придут в Литву, «временное правительство» Амбразявичюса взяло на себя все руководство. 3 июля 1941 года вышел в свет первый номер газеты Фронта литовских активистов «И лайсве», в которой была опубликована политическая декларация ФЛА. В ней заявлялось, что независимая Литва готова всячески содействовать Германии в построении «Новой Европы».

Тем временем в Вильнюсе фактически образовалось второе правительство Литвы. Городской комитет ФЛА во главе с доцентом Стасисом Жакавичусом, организованный сразу же после эвакуации города Красной армией, взял на себя функции прежних министерств. благо даже по своей структуре он делился на отделы и подотделы по административным отраслям.

Одновременно с «Фронтом литовских активистов» активизировала свою деятельность другая литовская националистическая организация — «Железный волк» (*Geležinis vilkas*), стоявшая в оппозиции по отношению к ФЛА. Она включала в себя сторонников Августина Вальдемараса, возглавлявшего правительство Литвы в 1918—1926 годах — то есть до того, как в 1926 году в результате переворота к власти пришел лидер Партии таутинок Антанас Сметона. Поэтому неудивительно, что лидеры «Железного волка» требовали роспуска ФЛА и создания вместо него новой политической партии.

Группа сторонников Вальдемараса пользовалась несколько большим доверием германских властей, чем Фронт литовских активистов. По донесениям СД, первые были готовы ограничиться в своих требованиях автономией, то есть предоставить Германии право определять как минимум внешнюю политику Литвы.

Но «литовские активисты» полковника Шкирпы все же опередили своих конкурентов, хотя, в сущности, ничего от этого не выиграли...

«Фронт литовских активистов» не был в оппозиции к немецким оккупационным властям, наоборот, его лидеры были настроены бо-

лее чем лояльно к Германии. ФЛА ставил своей целью восстановление независимости Литвы, однако относился «с пониманием» к интересам рейха и не стремился к полному суверенитету. Иначе кто же, кроме немцев, сможет оградить Литву от Советов? За это коллаборационисты были готовы заплатить любую цену. Их вполне устроила бы независимость по образцу Словакии. Однако до поры до времени даже это противоречило планам оккупантов. К тому же немецкое руководство сочло опасным восстановление довоенных органов власти в Литве в первые же недели вторжения и приняло меры к тому, чтобы остановить этот процесс. Началось повсеместное разоружение и роспуск литовских повстанческих формирований и отрядов самообороны.

Многие немецкие службы — «Восточное министерство», МИД, СД, ОКВ, абвер — в качестве главы будущего литовского «совета доверенных лиц» намечали поставить генерала Стасиса Раштикиса, бывшего главнокомандующего литовской армии, который придерживался христианско-демократических взглядов. Шеф германской полиции безопасности и СД Рейнхард Гейдрих в очередной «сводке о положении в СССР» от 4 июля 1941 года докладывал Гитлеру, что «...литовцы меньше доверяют бывшему литовскому послу в Берлине Шкирпе (как уже сообщалось, он находится под домашним арестом в Берлине), чем генералу Раштикису. Последний очень популярен».

27 июня 1941 года генерал Раштикис был доставлен в Каунас вместе со штабом эйнзатцгруппы «А», чтобы сформировать там верный немцам «совет доверия». Однако трудность заключалась в том, что в Каунасе уже существовало самопровозглашенное Временное литовское правительство ФЛА, которое, кстати, назначило Раштикиса министром обороны. Поначалу немцы одобрили участие генерала в этом правительстве, полагая, что «популярный» в Литве Раштикис сможет путем «дворцового переворота» заменить Временное правительство «советом доверия», который возглавит лично. К этому перевороту генерала подталкивали Петер Клейст из Восточного министерства и д-р Грэфе из РСХА¹. Однако «марионетка» вышла из повиновения: Раштикис внезапно отказался выполнять пожелания немцев. В результате превратить Временное правительство в «со-

¹ Грэфе, Хайнц (род. в 1908 г.) — оберштурмбанфюрер СД (1944), старший правительственный советник (оберрегирунгсрат), работал в аппарате Шелленберга в качестве начальника группы VI С Главного управления имперской безопасности (РСХА), которая занималась разведкой на Востоке, в русской и японской сферах влияния.

вешательный орган» при германской администрации — фактически тот же «совет доверия» — так и не удалось.

Хотя германские власти не признали правительство Амбразявичюса, а председателю Фронта литовских активистов Шкирпе даже не разрешили приехать в Литву (он содержался под домашним арестом в Германии), армейские военные комендатуры и командиры эйнзатцкоманд охотно сотрудничали с ним.

Эйнзатцкоманды поручали литовским националистам всю грязную работу — уничтожение евреев в трех основных гетто в Вильнюсе, Каунасе и Шяуляе, поиск и расстрел коммунистов и т.п. Используя местных «полицаев» для большинства карательных операций, немецкие власти не только высвобождали значительные силы германской полиции, но и в случае необходимости могли возложить вину за преступления на оккупированных территориях на органы местного самоуправления, формирования самообороны и местной вспомогательной полиции. Не случайно было издано секретное указание, чтобы казни евреев латышскими отрядами «самообороны» и «полицаями» снимались на киноленту. Этот киноматериал должен был служить доказательством того, что расстрелы производились не немцами, а местными националистами. К тому же последние могли с полной уверенностью чувствовать себя освободителями своей страны от «еврейско-большевистской» власти, расстреливая евреев, русских, поляков, а также своих «расово-неполноценных» и «политически неблагонадежных» соотечественников. Свое место в «расовой шкале» нацистов литовские полицаи должны были заслужить участием в различных карательных операциях в Белоруссии и на Украине. Именно так выращивался агрессивный национализм литовских, латышских и эстонских коллаборационистов, основанный на национальной розни и нацистской шкале расового превосходства.

Впоследствии, когда в Литве активизировалось сопротивление германским властям, туда в свою очередь «для поддержания порядка» были переброшены эстонские, латышские и украинские полицейские батальоны. Немцы разочаровались в литовцах и пришли к выводу, что те являются «политически неблагонадежными» и «морально неустойчивыми». Поэтому в отношении Литвы стала проводиться особая политика, а они сами оказались в расовой шкале ниже эстонцев и латышей. Литовцы очутились в положении тех же евреев, поляков, русских, белорусов, которых сами недавно расстреливали...

Германский МИД через ставку Верховного командования вермахта (ОКВ) объявил, что приветствует сотрудничество немецких войск с активными группами литовцев, латышей и эстонцев, но предостерег от каких бы то ни было политических обещаний. Группы

армий «Север» получила, в частности, распоряжение фюрера никоим образом не принимать во внимание сформированное в Литве правительство. Таким образом, временное правительство Амбразявичюса не было признано, но до поры до времени ему не мешали жить и продолжать свою деятельность.

Амбиции правительства Амбразявичюса в вопросе о независимости (даже несмотря на всю их «скромность»), а также «предательство» генерала Раштикиса сделали невозможным преобразование «Временного правительства Литвы» в «совет доверенных лиц», как это предусматривалось директивами Розенберга. Именно поэтому немцам ничего не оставалось, кроме как распустить возглавляемое ФЛА «Временное правительство Литвы», что и было сделано 5 августа 1941 года. Кабинет Амбразявичюса постигла судьба правительства «самостийной Украины», провозглашенного Степаном Бандерой месяц назад во Львове (30 июня 1941 г.).

В ответ на роспуск Временного правительства члены ФЛА 5 августа направили в германское Восточное министерство меморандум «О правовом положении и фактической ситуации в Литве после окончания большевистской оккупации», а 15 сентября обратились с аналогичным меморандумом к главнокомандующему сухопутными войсками Браухичу и самому «Великому вождю Германского рейха Гитлеру».

«...ФЛА и вся молодежь Литвы считали, — говорилось в меморандуме от 15 сентября 1941 года, — что в борьбе с большевизмом цели литовского и немецкого народов совпадали. ФЛА и молодежь всей Литвы считали, что Германия не будет искать никакой территориальной экспансии за счет Литвы...»

Далее лидеры ФЛА изложили «Вождю Великой Германии Адольфу Гитлеру и его доблестной армии» свои заслуги и жалобы, «надеясь, что кровь молодежи Литвы, пролитая в борьбе с большевизмом, разрешает ему откровенно сказать то, что он не смог бы сделать при других обстоятельствах».

После того как германская армия нашла в Литве «повсюду благожелательные ей литовские органы власти, а не учреждения большевиков», а «части литовской армии, литовские партизаны везде, как смогли, помогали наступающей через Литву немецкой армии», немецкие власти отплатили «временному литовскому правительству» черной неблагодарностью, провозгласив Литву «бывшим независимым государством» и «оккупированной территорией» и установив здесь свое гражданское управление. Руководители ФЛА же считали, что, создав «временное правительство», 23 июня 1941 года они провозгласили независимость Литвы.

Вторая претензия касалась вопросов о возвращении частной собственности и восстановлении, в которых, по мнению лидеров ФЛА, немцы показали себя еще хуже большевиков! «Литовское правительство, начав свою работу, — говорилось в меморандуме, — немедленно приняло все меры к тому, чтобы вернуть законным собственникам частное имущество, изъятое большевистской властью. Городские дома, предприятия, земельные наделы должны были быть возвращены тем, кому все это принадлежало до вторжения в Литву большевиков. Однако немецкие гражданские власти в Литве, остановившие работу литовского правительства, начали уничтожать все то, что было сделано для возвращения национализированного имущества законным собственникам. Имущественные отношения приводятся в такое положение, в каком они были, когда в Литве правили большевики. Мало того, указ генерального комиссара в Каунасе от 20 августа настоящего года об уборке урожая и севе делает имущественные отношения еще более неустойчивыми, чем они были в большевистские времена. Хотя большевистскими актами во время национализации земля и была признана собственностью государства, но каждый, кому она была оставлена, владел ею вечно. Если это и не была собственность, то все равно каждый знал, что владеет землей по праву вечного пользования. Указом генерального комиссара и то вечное пользование, которое признавалось законами большевиков, делается иллюзорным. Каждый собственник земли по этому указу наталкивается на законного управляющего (нем.: *rechtmaessiger Bewirtsschafter*), права которого неизвестны. Кроме того, целый ряд людей, у которых и большевики не считали нужным отнять землю, по этому указу лишаются ее, так как они не утверждают законными хозяевами своей земли. Например, те, которые по какой-либо причине во время большевистской оккупации сами землю не обрабатывали, а давали ее напрокат или пенсионерам для обработки. По указу земли должны лишиться и так называемые нехозяева. Указ, правда, не говорит, кого он считает нехозяевами. Но можно предвидеть, что под нехозяином по указу будет пониматься каждый, кто кроме хозяйства занимается другой работой: такими профессиями, как, например, учитель, профессор или занимающий другие общественные должности. Большевики тоже хотели эту категорию людей лишить земли, но этого не сделали, столкнувшись с большой народной оппозицией, так как лишение земли этой категории хозяев означало не что другое, как выталкивание из деревни в основном самых сильных и образованных хозяев». «...Двигаясь дальше по этой дороге, литовское хозяйство будет абсолютно разрушено, и тем самым нанесен ущерб не только Литве, но и Германии», — говорилось в заключении.

Кроме того, выражалось недовольство по поводу ценовой политики рейха в отношении литовских товаров, развала литовской промышленности, затруднений при возвращении на родину многих литовских собственников и специалистов, бежавших в Германию в 1940 году¹, а также по поводу распоряжения рейхскомиссара «Остланда» Х. Лозе от 15 августа 1941 года об использовании рабочей силы, в котором говорилось: «Для важных и поспешных работ органы наемного труда могут использовать подходящие этим работам силы за соответственную доплату и в другом месте, не на месте их постоянного жительства».

Наконец, еще одной причиной для недовольства была германская политика в области культуры и образования — введение немецкого языка, прекращение выпуска книг и газет на литовском языке, ограничение деятельности учебных заведений, запрет на большинство национальных и государственных праздников и символов и т. п.

Меморандум попал в руки одного из высокопоставленных чиновников германского МИДа, Вернера Хассельблатта (того самого, который в июле 1941 года разрабатывал планы раздела и аннексии территорий Советского Союза). Этот известный «правозащитник немецких меньшинств» ознакомился с документом, но до ответа так и не снизошел. Судя по заметкам, сделанным Хассельблаттом к этому меморандуму, Литва по-прежнему рассматривалась как захваченная территория СССР, а восстановление суверенитета Литвы не относилось к области «жизненных интересов населения». 26 сентября 1941 года немецкая администрация запретила деятельность Фронта литовских активистов, а один из его руководителей и составителей меморандума, Леемас Прапуолянис, был арестован.

Германская оккупационная администрация

8 августа 1941 года рейхскомиссар оккупированной Прибалтики Хинрих Лозе издал воззвание к литовцам², в котором оккупация Литвы германским вермахтом была представлена как освобождение

¹ Немцы вообще не стремились к возвращению в Литву бывших крупных собственников, большинство из которых бежало в 1940 году в Германию, оставив на родине недвижимость и земельные угодья. Возврат этой собственности не входил в планы немецких оккупантов, поэтому германское правительство насильственно удерживало таких лиц в Германии, чтобы те не создавали дополнительных проблем на захваченной литовской территории. См.: Ямпольский В. П. (публ.). «За что боролись?» Как немецкая власть обидела «Фронт литовских активистов» // Восно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 47—52.

² Это воззвание было подписано в Каунасе еще 28 июля 1941 года, вместе с аналогичным возванием к латышам.

Литвы от «мирового врага». О суверенитете или автономии Литвы речи не было вовсе, для представления интересов литовского народа при немецкой администрации могли быть созданы лишь совещательные органы из «доверенных людей», да и то «при необходимости»¹. В этом же воззвании было объявлено о назначении генеральным комиссаром Литвы Адриана Теодора фон Рентельна.

Адриан Теодор фон Рентельн (1897—1946), д-р философии, специалист по политэкономии, официально являлся членом НСДАП с 1928 года. Однако еще в 1925—1926 годах он, как и Хинрих Лозе, Эрих Кох, Вильгельм Кубе и другие будущие заместители оккупированных земель на Востоке, входил в состав так называемого «Рабочего содружества северо- и западногерманских гаулейтеров НСДАП». Это содружество, возглавляемое Грегором Штрассером — главным конкурентом Гитлера в борьбе за власть в партии, а затем и в государстве, — представляло собой левое крыло НСДАП. Но фон Рентельн сумел вовремя отмежеваться от Штрассера и перейти в лагерь Гитлера, который ценил его как одного из специалистов по политэкономии в НСДАП².

В конце 1920-х годов фон Рентельн возглавлял земельную организацию Национал-социалистского союза студентов, в 1929—1932 годах был рейхсфюрером Национал-социалистского союза студентов, с 1932 года возглавил Национал-социалистский боевой союз, входил в состав Большого совета «Северного общества». В 1933 году, когда Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером, фон Рентельн был избран депутатом рейхстага.

С приходом нацистов к власти в Германии фон Рентельн стал также председателем Объединения торговых палат. На этом посту фон Рентельн не забыл о своих «революционных» взглядах и поначалу пытался вмешиваться в дела крупного капитала. Так, в 1933 году он начал кампанию против владельцев крупных универсальных магазинов — в духе давно забытой нацистской верхушкой «Программы из 21 пункта» НСДАП от 1919 года. Но Гитлер пресек эти попытки, своевременно разъяснив фон Рентельну, что этот пункт программы не стоит понимать буквально: он касается только еврейских владельцев универсальных магазинов, а к чистокровным немцам его применять не следовало.

Видимо, фон Рентельн понял намек, так как больше не повторял своей ошибки, и его карьера в сфере управления германской эко-

¹ ГАРФ. Ф.7021. Оп.1. Д.3695. Л. 119—120; Myllyniemi S. Die Neuordnung der baltischen Lander 1941—1944. S. 83.

² См.: Myllyniemi S. Die Neuordnung der baltischen Lander 1941—1944. S. 296.

номикой пошла вверх. В том же 1933 году он стал председателем Германской торгово-промышленной палаты и председателем Высшей дисциплинарной палаты Германского трудового фронта (ДАФ), руководителем Института прикладной экономики и начальником Ремесленного и торгового управления в Имперском руководстве (Рейхслейтунге) НСДАП. Наконец, в 1941 году фон Рентельн был назначен генеральным комиссаром оккупированной Литвы. В 1945 году он пытался бежать к западным союзникам, но был выдан советским властям. За свои преступления в Литве фон Рентельн предстал перед судом, был приговорен к смертной казни и повешен в 1946 году.

Любопытно, что среди руководителей оккупационной администрации оказалось много таких же бывших представителей левого крыла НСДАП — тот же рейхскомиссар «Остланда» Хинрих Лозе, рейхскомиссар Украины Эрих Кох, генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе, генеральный комиссар Эстонии Карл-Сигизмунд Литцман, генеральный комиссар Латвии Отто Дрекслер и другие. Вероятно, Гитлер больше доверял «перебежчикам», которые все «не без греха» и поэтому будут более послушны, чем «старые товарищи по партии». Типичным примером был берлинский гаулейтер и рейхсминистр пропаганды Йозеф Геббельс, который тоже когда-то играл в «революционера» и даже предлагал исключить из партии «мелкого буржуа Гитлера». А может быть, фюрер еще продолжал опасаться некоторых из «бывших оппозиционеров» и поэтому предпочитал усласть их подальше, где эти «бывшие» по локоть измажутся в крови всяких «недочеловеков». В уголовном мире это называется «повязать кровью»...

Едва вступив в должность, фон Рентельн 18 августа 1941 года издал указ, согласно которому вся промышленность и сельское хозяйство Литвы переходили в собственность рейха и германских промышленных концернов. Впрочем, немецкие власти поступали так везде на оккупированных территориях. Свою резиденцию Рентельн разместил в Каунасе. Аппарат генерального комиссариата насчитывал в своем составе около 300 сотрудников и был построен по образцу рейхскомиссариата «Остланд». Он состоял из четырех главных отделов (делившихся, в свою очередь, на несколько отделов и подотделов).

Интересы рейхсфюрера СС должен был представлять фюрер СС и полиции Литвы. На этот пост был назначен бригаденфюрер СС Луциан Высоцкий (Визоки), которого с 1943 года сменил бригадфюрер СС Харм. Пост начальника полиции безопасности (зипо) и СД в Литве занял командир эйнзатцкоманды «3» штандартенфю-

пер СС Карл Йегер. Командиром полиции порядка (орпо) в Литве стал майор полиции Франц Лехтгалер, командир 11-го (немецкого) резервного полицейского батальона, которого к декабрю 1941 года сменил полковник жандармерии д-р Хахтель.

Вот характеристика руководителей германского оккупационного аппарата в Литве, данная высшим фюрером СС и полиции в «Остланде» обергруппенфюрером СС Йекельном на суде в Риге после войны:

«При моем прибытии в Остланд (12 декабря 1941 г. — М.К.) гражданская администрация работала полностью...

Руководителем СС и полиции в Литве был генерал-майор полиции Высоцкий¹. Это был спокойный, рассудительный офицер, который, однако, во всем искал поддержки генерального комиссара. В своих отношениях к литовцам он был сдержан и лоялен. Командиром полиции порядка был полковник жандармерии д-р Хахтель, настоящий чиновник. Работал в своей области он хорошо, организовал полицию порядка по немецкому образцу. К литовцам всегда относился лояльно.

Командиром охранной полиции и СД являлся штандартенфюрер СС Егер², проявлявший во всех своих мероприятиях против литовцев и евреев беспощадную жестокость. Он был в хороших отношениях с д-ром Рентельном, так как оба они одинаково (плохо) отнеслись к литовцам... Все вышеуказанные лица находились в Каунасе».

«Самоубийственное управление»

После роспуска Литовского временного правительства ФЛА во главе с Амбразвичюсом в начале августа 1941 года немецкие власти создали так называемое «Литовское самоуправление» (в немецких документах — «Selbstverwaltung Litauen»). Оно состояло из генеральных советников, которых назначал сам генеральный комиссар Литвы фон Рентельн. Возглавить Литовское самоуправление было поручено представителю группировки Вальдемараса «Железный волк» — генералу Петрасу Кубилюнасу.

¹ Имеется в виду Луциан Визоцки (Wysocky), бригадефюрер СС и генерал-майор полиции, занимавший пост фюрера СС и полиции в Литве (SS- und Polizeiführer Kauen). В связи с провалом мобилизации в Литовский легион СС, с 1943 года его сменил бригадефюрер СС Харм.

² Имеется в виду Карл Йегер, командир действовавшей в Литве эйнзатцкоманды «3» и одновременно командир полиции безопасности и СД в Литве.

Справка: **Петрас Кубилиюнас (Kubiliūnas)**, генерал, в 1920—1930-е годы занимал многие важные посты, в том числе пост начальника Генштаба Литовской армии. Будучи соратником президента А. Вальдемараса (впоследствии возглавившего военизированную националистическую организацию «Железный волк»), после смены власти генерал Кубилиюнас был вынужден выйти в отставку. В 1934 году Кубилиюнас был одним из организаторов прогерманского военного переворота. После оккупации Литвы германскими войсками Кубилиюнас начал активно сотрудничать с оккупационными властями и 22 августа 1941 года был назначен главой Литовского самоуправления (в ранге 1-го генерального советника), хотя его полномочия были окончательно определены только 18 марта 1942 года. После войны в СССР Кубилиюнас был объявлен в розыск как военный преступник.

Кубилиюнас занял пост 1-го генерального советника и советника по внутренним делам. Генеральным советником по вопросам экономики стал клерикальный деятель, профессор Юргутис, генеральным советником по финансовым вопросам — Ионас Матулёнис, по вопросам сельского хозяйства — профессор Виткус, по вопросам просвещения — д-р Пранас Германтас, по вопросам путей сообщения — Казис Германас, по вопросам труда и социальной защиты — д-р Ионас Паукштис.

Последние трое — Пранас Германтас, Казис Германас и Ионас Паукштис — являлись членами полуфашистской партии Таутининков. Единственным представителем соперничавшей с ними буржуазно-либеральной партии Ляудининков («народников») стал профессор М. Мацкявичюс, занявший пост генерального советника по вопросам юстиции. Он же был единственным из членов самоуправления, кто входил прежде в состав Временного правительства Амбразявичюса. Наконец, генеральным советником по вопросам административного контроля, фактически отвечавшим за деятельность отрядов самообороны, стал майор Пуоджюс.

Функции отдельных генеральных советников были следующими. Управление труда и социальной защиты (во главе с Паукштисом) занималось подготовкой планов общественных работ, то есть работ по обслуживанию немецкой военной машины, контролем и распределением рабочей силы, подготовкой распоряжений об отправке на принудительные работы в рейх, на транспорт, и т. п.

Управление сельского хозяйства (во главе с Виткусом) помимо сбора продуктов сельского хозяйства с крестьянских дворов, выполняло чисто полицейские функции. В его составе была создана комиссия по распределению сельхозпродуктов, которую возглавлял

сам генеральный советник по вопросам сельского хозяйства; в нее входили также представители управления финансов и других экономических организаций. Такие комиссии имелись и в уездах (во главе с уездными старостами); в них входили уездный агроном, представитель уездного правления и представители экономических организаций. В волостях такие комиссии возглавлялись волостными старостами. В их задачи входило наблюдение за тем, чтобы крестьяне полностью выполняли планы поставок; для этой цели они имели в своем составе специальных контролеров.

Высший фюрер СС и полиции в «Остланде» обергруппенфюрер СС Йекельн впоследствии дал такую характеристику Литовскому самоуправлению: «...Кубилюнас был настроен прогермански, но мало проявлял себя, так как у него не хватало энергии, инициативы и мужества. Вообще, в самоуправлении не было ни одной более или менее заметной личности».

Видимо, именно поэтому немцы предложили генералу Раштикису, как наиболее заметной политической фигуре в Литве, войти в состав самоуправления в качестве генерального советника по вопросам внутренних дел. Но Раштикис отказался, мотивировав это тем, что его дети и некоторые другие родственники проживают сейчас в Советском Союзе и он опасается репрессий. Немцы не особенно настаивали, так как их доверие к нему уже было подорвано. Об этом свидетельствовало одно то, что вместо Раштикиса, как предполагалось вначале, Литовское самоуправление возглавил генерал Петрас Кубилюнас, бывший начальник генштаба Литовской армии. На местах самоуправления Литвы представляли бургомистры, начальники уездов, начальники местной полиции, волостные старосты и другие чиновники, назначенные немецкой администрацией. Причем не все они были литовцами: к участию в местном самоуправлении привлекались и немецкие колонисты и репатрианты.

Первое заседание Литовского самоуправления состоялось 22 августа 1941 года. Однако самоуправление оказалось не таким послушным, как хотелось бы немцам. Оправдать ожидания немецких властей в полной мере смог один лишь генерал Кубилюнас. Генеральный комиссар фон Рентельн в своих отчетах называл его человеком, готовым «безоговорочно» сотрудничать с немецкими властями.

Уже в 1942 году стал заметен кризис в отношениях Литовского самоуправления с немецкой гражданской администрацией. Многие функционеры местной администрации, солдаты и офицеры литовских полицейских батальонов, а также сами генеральные советники разделяли растущее недовольство действиями оккупационных властей. В связи с растущим недовольством населения летом 1942 года

самоуправление оказалось в тяжелом положении: в народе советников все чаще называли «предателями и прислужниками немцев», а «самоуправление» называли «самоубийственным управлением».

Пытаясь выправить положение, 1-й генеральный советник Кубилюнас в апреле 1942 года направил генеральному комиссару фон Рентельну меморандум, озаглавленный «Принципы литовского управления», в котором предлагалось расширить полномочия самоуправления, оставив немецкой администрации лишь право контроля за его деятельностью. В мае 1942 года в письме Рентельну Кубилюнас снова указал на необходимость упрочить положение самоуправления в Литве. В письме подчеркивалось (возможно, чтобы оправдаться перед немецкими властями), что эти требования вызваны давлением на генеральных советников со стороны литовской интеллигенции. Рентельн согласился лишь с последним утверждением этого письма, а именно, что антинемецкая пропаганда исходит из кругов литовской интеллигенции, и под ее влиянием находятся ведущие лица Литовского самоуправления. Поэтому, как писал Рентельн в одном из своих отчетов в сентябре 1942 года, «единственный человек, тесно сотрудничающий с немецкой администрацией, — такой, как первый генеральный советник Кубилюнас, — должен следить за тем, чтобы пропаганда интеллигенции не сделала его изгоем среди народа — иначе он стал бы не подмогой, а обузой для германской гражданской администрации». К плану расширения местного самоуправления Литвы Рентельн отнесся резко критически и предостерег против любых изменений. По словам высокопоставленного немецкого чиновника Лабса¹, Рентельн не раз заявлял, что литовцы не способны без помощи немцев наладить работу органов самоуправления.

Политика германских властей в Литве несколько изменилась, начиная с конца 1942 года. Все большее число руководителей рейха стало задумываться об отказе от идеи «Великого германского рейха» (конечно, лишь на время и на словах!) и принятии на вооружение идеи «Новой Европы». (Официально все эти изменения в пропаганде произошли в 1943 году.) Стало выгодным представить дело так, будто в Литве и других оккупированных государствах всеми делами управляют «представители народа», а не германской администрации, для того чтобы «переложить на них ответственность за неприятные и непопулярные решения» (слова Геббельса). Поэтому появились предложения о расширении самоуправления Литвы. Но на

¹ Лабс был начальником отдела II.1 «Внутреннее управление» в Министерстве по делам оккупированных восточных территорий.

деле роль генеральных советников по-прежнему была ограничена: они лишь осуществляли связь между администрацией генерального комиссариата Литвы и представителями самоуправления на местах — бургомистрами, начальниками уездов и т.д. Генеральный комиссар фон Рентельн сохранил за собой право назначать и смещать с должности любого чиновника самоуправления, от 1-го генерального советника до волостного старосты. Параллельно с немецким судом в Литве существовал местный литовский суд, но последнему было запрещено решать какие-либо дела, связанные с лицами немецкого происхождения, партизанской и коммунистической деятельностью, саботажем, несоблюдением изданных немецкими властями законов и т.п. Все эти дела находились в компетенции немецкого суда.

Почему не был сформирован Литовский легион СС?

Проект создания Литовского легиона СС был впервые предложен фюрером СС и полиции в Литве Луцианом Высоцким генеральному комиссару фон Рентельну 1 февраля 1943 года. Высоцкий, в свою очередь, получил предложение о формировании легиона от Кублиюнаса, однако оно было связано с целым рядом условий, и прежде всего — с восстановлением независимости Литвы.

Вопрос о формировании аналогичных легионов в Эстонии и в Латвии уже был решен, и вербовка добровольцев уже началась. Однако в Литве это мероприятие закончилось неудачей.

Непосредственной подготовкой к проведению весенней мобилизации 1943 года стало распоряжение рейхскомиссара Лозе от 12 февраля 1943 года о регистрации жителей Литвы, изданное в дополнение к уже существовавшему распоряжению. Согласно этому документу, регистрации подлежали лица с 15 лет, которые были обязаны зарегистрироваться по месту жительства; при изменении места жительства они должны были пройти повторную регистрацию в течение 24 часов.

26 февраля 1943 года, через два дня после начала совместной мобилизации в Остланде, генеральный комиссар фон Рентельн издал воззвание к литовцам с призывом вступать в Литовский легион СС.

Однако неожиданно генеральные советники Литовского самоуправления отказались подписать этот документ. В ответ они передали генеральному комиссару меморандум, в котором говорилось, что мобилизация противоречит международному праву и что сначала нужно восстановить независимость Литвы. Не возражая

против мобилизации в принципе, они предлагали компромиссное решение: создать армию независимой Литвы под командованием своих же литовских офицеров, которая имела бы статус «союзной армии».

В сущности, предложение генеральных советников означало «сделку с предоплатой»: сначала вы нам даёте независимость, потом мы вам — солдат для фронта. Немцев, конечно же, такие условия не устраивали. Руководство рейха вообще не горело желанием отдавать кому бы то ни было «законно» принадлежащие ему земли. «За что же солдаты вермахта проливали кровь, — считали немецкие чиновники, — если нам придется отказаться от их колонизации и вернуть их литовцам?» Именно поэтому немцы в переговорах с коллаборационистами упорно стояли на своем, считая единственно возможным вариантом «сделку без предоплаты» — сначала вы проводите мобилизацию, а уж потом мы даем вам независимость. Однако, как показал опыт Латвии и Эстонии. получив новую партию «пушечного мяса», они и не думали выполнять условия этой сделки...

Не удивительно, что германские власти не одобрили требования Литовского самоуправления и отклонили идею создания «Все-литовской армии». Их целью было создание лишь разрозненных вооруженных формирований, которые бы целиком находились под командованием СС, полиции или вермахта.

Разгневанный Рентельн пригрозил советникам репрессиями, если воззвание не будет подписано. После этой угрозы мнения разделились. Кубилюнас и еще один советник были за то, чтобы подписать воззвание, остальные по-прежнему выступали против. Так как призыв, подписанный всего двумя советниками, публиковать не имело смысла, Кубилюнас принял единственно возможное решение: он подписал его один.

Наконец 3 марта 1943 года воззвание было опубликовано. В нем содержался призыв к литовцам поддержать Германию в борьбе с большевизмом, но о Литовском легионе СС скромно умалчивалось. В этот день в Литве началась совместная мобилизация в войска СС, вермахт и в германскую военную промышленность (призыву подлежали лица 1919—1924 г.р.).

В ходе мобилизации явка составила всего 20 % от общего числа призывников. Фон Рентельн пришел в ярость и потребовал от генеральных советников подписать новое воззвание. Но те снова отказались подписать воззвание, и Кубилюнас был вынужден сделать это один от своего собственного имени. На этот раз в нем содержалось прямое требование вступить в Литовский легион СС.

Проведение набора было возложено на местную литовскую полицию порядка и проводилось согласно спискам, составленным в полицейских явочных пунктах. Более 35 % извещений не было вручено из-за того, что адреса не совпадали. Было ли это намеренным саботажем или следствием неорганизованности, неизвестно. Непосредственная вербовка призывников проводилась «мобилизационными штабами», созданными приказом фон Рентельна из представителей вермахта, полиции, местного самоуправления и биржи труда. При генеральном комиссаре для руководства всей операцией был создан Рабочий комитет, который развернул широкую пропаганду, разрабатывал директивы, почти ежедневно отправлял в «мобилизационные штабы» новые приказы.

Новое воззвание опять не дало результата. Терпение немецкого генерального комиссара лопнуло, и он решил прибегнуть к крайним мерам. 12 марта 1943 года Рентельн поставил в известность рейхскомиссара Лозе, а на следующий день встретился с находившимся в то время в Риге рейхсфюрером СС Гиммлером.

По-видимому, оба разговора получились тяжелыми: ведь в Латвии и Эстонии мобилизация уже шла полным ходом, и никто из членов местного самоуправления не смел «мутить воду»... А в Литве? Сплошное безобразие. Стыдитесь, герр фон Рентельн!

Сразу по возвращении в Каунас, 16 марта, Рентельн распорядился произвести аресты 48-ми представителей литовской интеллигенции. Уже на следующий день в числе прочих были арестованы генеральные советники Германтас, Мацкявичус и Пуоджюс, ректор иезуитской гимназии К. Баукус, вице-советник по вопросам внутренних дел полковник Наракас и многие другие. Обязанности генерального советника по вопросам культуры и просвещения (которые ранее выполнял Германтас) были временно возложены на немецкого профессора Шрайнерта. Все высокопоставленные арестанты были препровождены в концлагерь Штугхоф на территории Германии. Тогда же были закрыты Вильнюсский и Каунасский университеты.

Устрашенные этими мерами генеральные советники, чудом сохранившие свои посты, теперь были готовы подписать все что угодно. 18 марта 1943 года все они дружно поставили свои подписи под новым (уже третьим!) возванием к призывникам. На следующий день, 19 марта, газета «Ukininko patavejas» опубликовала статью без заголовка и автора, в которой говорилось, что «в то время как эстонцы и латыши, исполняя свои обязанности, включились в борьбу с большевизмом», «некоторые слои литовской интеллигенции отрицательно повлияли на проведение мобилизации».

В связи с этим газета доводила до сведения следующее: «Во избежание строгих мер каждое лицо, подлежащее призыву, обязано зарегистрироваться и поступить на работу. В целях охраны здоровья большинства литовского народа от пагубного влияния некоторых слоев политиканствующей интеллигенции и обеспечения дальнейшего выполнения трудовой повинности, рейхскомиссар Остланда приказал осуществить следующие меры:

1) Университет со всеми его отделами закрывается; по делам народного образования литовцев назначается чрезвычайный уполномоченный;

2) Участвовать в реприватизации сумеют лишь те лица, которые сами и их близкие принимают участие в борьбе против большевизма;

3) Лица, уклоняющиеся от трудовой повинности, либо содействующие другим избежать выполнения трудовой повинности, будут подвергнуты строгому наказанию...»

Одновременно были усилены пропагандистские мероприятия, связанные с мобилизацией. Участились всевозможные радиообращения и призывы в прессе. Кубилюнас подписывал одно обращение за другим. Митрополит Литовский и экзарх Латвийский и Эстонский Сергей выступил 14 марта 1943 года с проповедью в Рижском кафедральном соборе, в которой призвал население Прибалтики поддерживать «борьбу Германии против большевизма». Отрывок из проповеди был опубликован в газете литовских коллаборационистов «Ukininko patavejas» от 19 марта 1943 года.

В том же номере той же газеты Центральный старообрядческий совет Литвы обратился с «Воззванием к русским старообрядцам», в котором призывал всех русских старообрядцев, проживающих на территории Литвы, «оказать помощь немецкой армии в уничтожении жидовского коммунизма». Правда, русские старообрядцы должны были проходить службу отдельно от литовцев. По договоренности с органами немецкой военной и гражданской администрации, после медкомиссии их предполагалось направить в отдельные части — в так называемые восточные батальоны, впоследствии вошедшие в состав Русской освободительной армии Власова. «Все мы помним, — говорилось в воззвании Совета старообрядцев, — как жида-коммунисты закрывали христианские церкви, устраивали в них свои антихристианские клубы, кино и другие жидовские организации, стремясь отдать поруганию наши святыни и наши христианские обычаи подавить безбожно. Старообрядец, помни, что предки приносили громадные жертвы, чтобы сохранить свою веру. Настало время и для нас подумать об этом и приложить все усилия для

освобождения наших братьев — русских, живущих под ярмом жидов и коммунистов, которые уничтожили миллионы из них».

Куда уж было гитлеровскому министру Розенбергу с его «Мифом XX века» до такого шедевра антисемитизма и религиозного фашизма!

Апогеем мобилизационной пропаганды стала так называемая «Конференция представителей литовского народа», которая была созвана немецкими властями в Каунасе 5 апреля 1943 года. На ней присутствовало 93 литовских делегата, кандидатуры которых тщательно подбирал сам Кубилюнас. Большинство из них работало в литовском самоуправлении, остальные были представителями духовенства, офицерами довоенной литовской армии или литовских полицейских батальонов.

Конференция приняла три резолюции — причем без всякого обсуждения, так как они были заранее подготовлены под контролем генкомиссара Литвы фон Рентельна. В них содержался призыв литовскому народу активно сотрудничать с германскими властями и другие подобные призывы, опубликованные через несколько дней газетой «Ukininko patavejas» (от 19 апреля 1943 г.). «Делегаты» составили также телеграмму «фюреру германского народа Гитлеру» с выражением своей преданности общему делу. При генеральном советнике Кубилюнасе создан новый орган самоуправления — «Совет представителей литовского народа», в который вошли делегаты конференции. Таким образом, Литовское самоуправление силится создавать видимость своей независимости.

«Совет представителей литовского народа» должен был издать очередное воззвание, поскольку все призывы за подписью одного Кубилюнаса уже не оказывали должного действия на население. Предполагалось, что оно будет иметь большой эффект — как воззвание от лица «представителей народа».

На следующий день после конференции, 6 апреля, генеральный комиссар Рентельн приказал провести переосвидетельствование тех же призывных возрастов (1919—1924 г.р.). На этот раз призыв осуществляли призывные комиссии, сформированные из чиновников самоуправления на основе распоряжения Кубилюнаса (тоже от 6 апреля 1943 г.). Явка в призывные комиссии осуществлялась по извещению уездных старост и бургомистров. Не явившимся на призывные участки грозило жестокое наказание — тюремное заключение или принудительные работы в концлагерях. Унтер-офицеры и ефрейторы до 45 лет и офицеры до 65 лет, ранее состоявшие на действительной службе в литовской армии, должны были пройти регистрацию с 16 по 22 апреля 1943 года. Заодно было объявлено о при-

зыве еще шести новых призывных возрастов (юношей 1914—1918 и 1925 г.р. и девушек 1914—1922 г.р.). Для проведения облав пришлось привлечь моторизованные команды немецкой полиции. Новый фюрер СС и полиции Литвы Харм в тот же день издал соответствующий приказ о приведении их в боевую готовность.

Но воззвание снова не помогло, как не помогли и облавы. Результат этой акции был прямо противоположным тому, чего ожидали немецкие власти. Началось массовое бегство призывников в леса. Не последнюю роль в этом сыграла литовская националистическая оппозиция, преобладавшая в органах самоуправления, в отрядах «самообороны» и в литовской полиции. На призывные участки явилось лишь незначительное число людей, причем это были в основном те, кто из-за работы и по другим причинам не подлежал призыву.

Как следует из письма штатткомиссара Каунаса Крамера от 18 февраля 1944 года, результаты весенней мобилизации 1943 года, проходившей в марте — апреле в городе Каунасе, были неутешительными. На первый призыв было вызвано 2800 человек, из них явились всего 1794 чел. (65%). На переосвидетельствование ожидалась явка около 3000 чел., явилось — 928 чел. (30%). Итого требуемое количество призывников составило 5800 человек, а фактическая явка — только 2722 чел., то есть более чем в два раза меньше требуемого числа. Явка призывников на призывные участки по Литве в целом была примерно такой же.

Генеральный комиссар Литвы фон Рентельн напрасно требовал прислать в Литву дополнительные немецкие полицейские батальоны. Обергруппенфюрер СС фон дем Бах, «уполномоченный по борьбе с партизанами», обещал ему «существенно усилить полицию в Литве», однако это обещание так и не было выполнено. Вместо немецких фон дем Бах смог выделить только украинские, латышские и эстонские батальоны.

Не получив подкрепления и пытаясь оправдаться за провал мобилизации перед Розенбергом и руководством рейха, Рентельн ссылался на всякие «технические» причины, а также на «причины более глубокие», в том числе на «расовые качества» литовцев. По словам Рентельна выходило, что литовцы «реагировали» на объявленную мобилизацию «не так, как можно было бы ожидать», когда взывают к их «чести, чувству общности, свободе, готовности к самопожертвованию». «Литовский народ прежде всего совершенно не воинственный народ», — заключал из этого фон Рентельн. В одном из писем к Лозе (от 31 марта 1943 г.) он высказал свое мнение о литовцах еще более откровенно — им якобы свойственны «недисциплинированность, инертность, трусость и лень».

Бригадфюрер Высоцкий, одобрив идею Литовского самоуправления о создании «Литовского легиона» сам нажил себе большие проблемы. Вплоть до июля 1943 года он продолжал договариваться с Кубилюнасом, но их переговоры не имели успеха.

В конце концов Кубилюнас решил обратиться напрямую к высшему фюреру СС и полиции в «Остланде» обергруппенфюреру Йекельну.

«...Примерно в июле 1943 года Кубилюнас просил меня принять его, — вспоминал позднее сам Йекельн. — Наша встреча вскоре состоялась. Но Кубилюнас и два сопровождавших его господина из состава литовской администрации настаивали на своих политических требованиях. Кубилюнас предлагал:

1. Сформировать две литовские дивизии под командованием литовских офицеров.

2. Право литовского самоуправления участвовать в решении вопроса об использовании этих дивизий.

3. Создание генеральной инспекции литовских вооруженных сил, причем была названа фамилия генерала фон Плехавичуса¹.

4. Издание специального закона Гитлера, по которому Литва была бы объявлена самостоятельным государством и литовское самоуправление получило бы права суверенного правительства».

«Это предложение я отверг как совершенно неосуществимое в данное время, — заявил после войны Йекельн, — и посоветовал Кубилюнасу вновь обсудить весь этот вопрос между собой и отказаться от политических требований. Я также отказался принять меморандум, содержащий политические требования.

Я сообщил Гиммлеру о предложении литовцев, и он заявил, что они сошли с ума. В 1943 году никакие переговоры больше места не имели...»

Лишь намного позже, в последние месяцы войны, верхушка рейха начала всерьез задумываться о независимости некоторых народов оккупированных стран, так как к тому времени эти земли уже были освобождены Красной армией, а значит, обещания можно было раздавать с еще большей легкостью, ведь терять все равно было нечего...

Таким образом, от формирования «Литовского легиона СС» пришлось отказаться. Нацистская пропаганда объявила, что литовцы оказались недостойными оказанной им «чести» сформировать свой ле-

¹ В 1944 году Плехавичус стал фактически командиром «Литовского территориального корпуса» (ЛТК), сформированного вместо Литовского легиона СС. — М.К.

гион СС. Отныне за ними было сохранено лишь «право» поставлять рабочую силу для вермахта и германской военной промышленности.

Но этим дело не ограничилось. Вслед за генеральными советниками полетели головы немецких чиновников. Еще одной мерой стала замена Высоцкого на посту фюрера СС и полиции в Литве бригадфюрером СС и генерал-майором полиции Хармом, ранее отличившимся особой жестокостью на аналогичном посту на Украине. Гиммлер, с которым Рентельн всгребался в Риге, по-видимому, внял его жалобам и уволил своего подчиненного, не справившегося со своими обязанностями. Кто-то же должен ответить за провал мобилизации! А кому отвечать, как не автору неудачной идеи создания Литовского легиона?

Несколько в ином свете видели развитие событий в Литве чиновники Восточного министерства, и в частности Петер Клейст, который в своем меморандуме от 14 мая 1943 года возложил всю вину за провал мобилизации на Рентельна, говоря, что «антинемецкие настроения в Литве с момента введения германской гражданской администрации выросли до пугающих размеров, по сравнению с Эстонией и Латвией».

И действительно, обстановка в Литве значительно отличалась от той, что сложилась в соседних с ней Латвии и Эстонии. В связи с этим уже в начале марта 1943 года Трампедах, вызванный для доклада в Восточное министерство, предложил передать генеральный комиссариат «Литва» из подчинения рейхскомиссариата «Остланд» в подчинение непосредственно имперскому министру по делам оккупированных восточных территорий.

1 апреля 1944 года Литве была предоставлена автономия, правда, совсем не та, которой добивались литовские националисты. Фактически автономию получило не самоуправление, а фон Ренгельн, который теперь не зависел от рейхскомиссариата «Остланд», а подчинялся непосредственно министру по делам оккупированных восточных территорий Альфреду Розенбергу.

«Главный работороговец» Третьего рейха в Литве

Литовцы, не оправдавшие надежд германских властей и оказавшиеся, по словам Рентельна, «невоинственным народом», «недостойным носить оружие», должны были стать отныне рабочей силой для рейха. Подобно населению оккупированных областей РСФСР, Украины и Белоруссии, теперь литовцы подлежали призыву почти исключительно в военную промышленность рейха.

Тотчас же в Литву не замедлил прибыть «главный работорговец» рейха Фриц Заукель, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы. 18 июля 1943 года в Каунасе состоялось совещание Заукеля с фон Рентельном. «Главный работорговец» потребовал провести в Литве широкую мобилизацию для военной промышленности рейха. По его словам, до 7 ноября 1943 года Литва должна была организовать призыв 30 000 человек.

Мобилизация была назначена на 15 августа 1943 года, но в некоторых уездах ее начало пришлось отложить. Легко сказать — мобилизовать 30 тысяч человек на каторжные работы! Если в «Литовский легион СС» еще можно было кого-то заманить с помощью пропаганды, обещаний независимости и различных посулов, то здесь каждому призывнику было ясно, что ничего хорошего в Германии его не ждет. К тому же была опасность, что батальоны литовской полиции и самообороны повернут оружие против оккупантов. Мобилизацию можно было провести лишь силой — это было ясно каждому.

В связи с этим в августе — сентябре 1943 года немцы перебросили большинство литовских полицейских батальонов в окружные центры. В Каунас, где произошли волнения, уже в августе «для умирения восстания» был перебросен литовский батальон самообороны численностью в 309 человек, ранее дислоцировавшийся в селе Кобыльники.

Как и следовало ожидать, в стране резко усилилось сопротивление, как со стороны населения, так и со стороны литовских должностных лиц. Чиновники коммунального самоуправления и литовская полиция помогали призывникам скрываться от мобилизации, или же просто саботировали ее. Они призывали население уходить в леса, но пока воздержаться от вооруженного сопротивления немцам. Литовские власти обещали снабдить население оружием лишь тогда, когда «придет решающий момент». Как стало ясно позднее, при этом подразумевалось предстоящее наступление Красной армии.

О настроениях среди литовских полицейских и членов отрядов «самообороны» красноречиво говорят разведсводки Литовского штаба партизанского движения (ШПД), регулярно отправлявшиеся в Москву.

«Группа партизан, — сообщалось в одной из них, — побывала в десятках деревень днем, и везде партизаны были хорошо приняты. В каждой деревне скрывается 5—6 человек, бежавших ... с оружием в руках. Количество дезертиров все увеличивается, полиция их не трогает. Под видом дезертира с оружием можно ходить по всей Лит-

не. Все население резко высказывается против мобилизации, которую немцы намереваются провести 15 августа сего года. Мужчины и женщины намерены не явиться на призывные пункты, а в случае арестов силой выступить против оккупантов».

Многих полицейских партизанам удавалось привлечь на свою сторону. Например, среди солдат гарнизона литовской полиции в Васевичах образовалась группа полицейских, которые намеревались перейти на сторону партизан и начали с ними переговоры. В другом селе в середине сентября 1943 года представители литовского партизанского отряда «Жальгирис» в течение трех часов вели переговоры с капитаном и лейтенантом одного литовского гарнизона по поводу перехода на сторону партизан. Среди офицерского и унтер-офицерского состава было отмечено колебание, но они так и не решились перейти к партизанам. Солдаты же были настроены более решительно — среди них случаи перехода к партизанам были частым явлением. Несмотря на неудачу переговоров, у партизан тем не менее сохранилось впечатление, что немцы больше не могут опираться на литовские батальоны, за исключением отдельных их командиров. Чуть позже, в декабре 1943 года, партизанам удалось вступить в переписку с частью литовских полицейских в деревне Даргужя (35 км юго-западнее Вильнюса), склонить многих на свою сторону и уговорить передать оружие партизанам. Таким образом, на этот раз переговоры завершились успехом.

Часто пленные полицейские сами просили оставить их в партизанском отряде, чтобы бороться с оккупантами. Со своей стороны, литовские партизаны понимали это, и потому относились к своим пленным соотечественникам не как к врагам, а как к потенциальным союзникам, которым нужно лишь время, чтобы осознать, кто для них друг, а кто — враг. В партизанских отрядах пленные получали питание и необходимое лечение, если были ранены в бою.

В связи с угрозой всеобщего восстания против оккупантов в Литву начали стягиваться дополнительные полицейские силы — эстонские, латышские, украинские и немецкие полицейские батальоны. Они должны были заменить литовских полицейских в сельских районах, где последние, как правило, выступали заодно с местными жителями и помогали своим землякам — партизанам и дезертирам.

Литовские батальоны из сел перебрасывались в крупные города, такие как Вильнюс и Каунас, так как, во-первых, там они не имели связи с местным населением, во-вторых, в городе их легче было разоружить в случае бунта.

Так, в начале августа в двух километрах от деревни Постава в казармах разместились недавно прибывшие в Литву эстонские, ук-

раинские, немецкие полицейские части вместе с некоторым числом литовских полицейских (в общей сложности около 600 чел.). Вокруг казарм возведены укрепления, установлены пулеметы и минометы для обороны от партизан. Впрочем, литовские полицейские, дислоцированные в Поставах, в конце августа — начале сентября были переведены в Каунас, а на их место прислан новый отряд латышской и эстонцев из Вильнюса (около 80 чел.). Впоследствии литовцам было объявлено, что их переводят на границу Литвы для ее охраны. В населенных пунктах Видзя, Шарковщина и других литовские батальоны самообороны и полиции были также на всякий случай «усилены» украинскими и белорусскими полицейскими частями. В Вильнюсе было сосредоточено к тому времени несколько сотен эстонских полицейских, а в Шяуляе к октябрю 1943 года находился смешанный гарнизон из украинцев, немцев и литовцев.

В ряде районных центров — в Видзе, Мелингенах и Ходитинках — в начале сентября литовские власти и полиция попросту разбежались. В этих населенных пунктах произошли столкновения литовской полиции с немцами. По сообщениям подпольной прессы литовских националистов, которые впоследствии подтвердились, в Вильнюсе в ноябре 1943 года одна литовская воинская часть силой освободила несколько тысяч граждан, уводимых в Германию на принудительные работы.

В городе Свирай и уезде оккупанты не решались проводить мобилизацию до тех пор, пока сентябре 1943 года туда не прибыли латышские полицейские части (808 человек). Только после этого немцы осмелились начать ранее отложенную мобилизацию в этом районе. Одновременно с ней была проведена серия облав, а литовские полицейские были временно разоружены. В Тракайском уезде массовые облавы проводились украинскими, латышскими и немецкими полицейскими. В результате для вывоза на работы в Германию было задержано около 300 человек. 22 и 23 сентября 1943 года началась переброска из Вильнюса 6000 эстонских и литовских полицейских в леса Свенцянского уезда (Вильнюсский округ) для борьбы с партизанами.

Эстонские, латышские и прочие полицейские батальоны провели в деревнях и городах Литвы серию арестов как среди простых граждан, так и среди чиновников литовского коммунального самоуправления — волостных старшин и бургомистров. Они прочесывали леса, проводили массовые облавы на скрывающихся от мобилизации, при этом многих задержанных расстреливали на месте. Одновременно с карательными акциями латыши и эстонцы грабили население и угоняли скот.

Привлекая к карательным операциям в Литве полицейские батальоны из Эстонии, Латвии, Украины и Белоруссии, оккупационные власти убивали сразу двух зайцев. С одной стороны, ненадежные литовские полицейские батальоны были заменены другими частями. С другой стороны, претворялся в жизнь один из принципов управления оккупированными территориями, сформулированный рейхсфюрером СС Гиммлером в его «Замечаниях и предложениях» по генеральному плану «Ост»: «...Неприятные для русского (а в данном случае литовского) населения мероприятия будут проводить, например, не немец, а используемый для этого немецкой администрацией латыш или литовец» (в данном случае — эстонец, латыш, украинец). Подобные меры, с одной стороны, служили еще большему усилению межнациональной розни между народами оккупированных территорий, а с другой — гарантировали эффективность оккупационной политики.

Ответственность за проведение мобилизации 30 000 человек для военно-промышленных нужд рейха от имени Литовского самоуправления взял на себя Кубилюнас, заявивший об этом 7 сентября 1943 года на совещании с генеральным комиссаром. Рентельн, со своей стороны, обещал широкую поддержку и оказал ее, но местное самоуправление, по его словам, «безответственно затянуло дело». «С литовской стороны не было недостатка в отговорках, — писал в своем письме от 18 февраля 1943 года гебитскомиисар Каунаса Крамер, — то не хватало на месте полицейских сил, то не на чем было переносить завёрбованных, то не хватало горючего. Как только устранили эти затруднения, тут же возникали новые».

В листовке, изданной 12 сентября 1943 года, гебитскомиисар Вильнюсского округа Вульф объяснял массовые облавы в восточной части Вильнюсского округа тем, что население этих районов оказывало помощь партизанам и саботировало приказы оккупационной администрации. В результате вся рабочая сила в этих районах была угнана на военные работы, а сельское хозяйство было отдано под жесткий контроль немецких властей. В той же листовке Вульф сообщал, что массовые облавы закончены. В Свирайском уезде Вильнюсского округа немцы даже решили на какое-то время перейти от политики кнута к политике пряника и начали раздачу земель крестьянам. Однако, по-видимому, это уже не могло помочь.

В связи с участвовавшими случаями подрывов железных дорог и шоссе, поджогов мостов и т.п., 1-й генеральный советник Кубилюнас 15 сентября 1943 года издал обращение ко всем жителям Литвы. Оно содержало очередную угрозу в адрес жителей тех районов, где

будут совершены акты саботажа и противодействия германским властям. Жители этих районов будут вывезены и направлены на работы, а деревни — сожжены, — говорилось в обращении.

Бегство из литовской полиции к тому времени приняло массовый характер. Один из октябрьских номеров журнала «Полиция», издаваемого немцами на литовском языке, опубликовал сообщение директора департамента литовской полиции Рейвитиса. В нем говорилось, что прошения об увольнении со службы литовских полицейских, направляемые их родственниками, впредь рассматриваться не будут, и что такие прошения должны подавать непосредственно сами полицейские, желающие оставить службу.

В конце сентября 1943 года генеральный комиссар Литвы фон Рентельн с целью подъема «боевого духа» литовцев объявил о создании в Литве «отрядов местной самообороны» с 1 октября 1943 года. Поскольку в Литве уже существовали «батальоны самообороны», речь шла всего лишь об их реорганизации и о создании на месте разоруженных батальонов новых, которые будут более надежными. Тогда же Кубилюнас издал соответствующий приказ о создании вооруженных отрядов самообороны из местного населения по всей Литве «для борьбы с партизанами». В каждой деревне предполагалось сформировать «звено» (взвод); в каждой волости они будут объединены в «отделы» (батальоны). Сформированные в волостях батальоны должны были подчиняться уездным старостам (начальникам уездного сельсовета — сенкюнии). В состав «отрядов местной самообороны» включались и батальоны литовской полиции. В том же распоряжении Кубилюнас приказывал доносить на всех незнакомых лиц, появившихся в окрестностях, и вновь повторял свою угрозу, что жители тех населенных пунктов, где будут совершены диверсионные акты, будут выселены.

В действительности, по донесениям партизан, «отряды местной самообороны» использовались «не столько против партизан, сколько против мирного населения». Например, сформированный немцами в одном из населенных пунктов Тракайского уезда отряд самообороны действовал против мирных жителей в разных местах уезда: в декабре 1943 года только в волости Омущикис отряд расстрелял 12 крестьян.

На совещании окружных глав местного самоуправления 11 ноября 1943 года под председательством Кубилюнаса было установлено, что число завербованных к этому времени рабочих составляет менее 3000 человек (вместо 30 тысяч!). По ходатайству Литовского самоуправления Рентельн согласился на вторичную отсрочку, и местное самоуправление обязалось к 31 января 1944 года набрать тре-

буемые 30 000 человек Тем временем Заукель потребовал от генерального комиссариата Литвы уже не 30 000, а 100 000 рабочих. Однако к намеченному сроку было набрано только 8200 человек.

24 января 1944 года Рентельн заявил, что «поставка данного количества рабочих (100 тысяч человек, которых требовал Заукель) должна быть обеспечена во что бы то ни стало, даже несмотря на угрозу срыва плана работы в генеральном округе». Ответственность за проведение соответствующих мероприятий снова была возложена на местное самоуправление. С согласия генерального комиссара при всех военных комендантах в округах, уездах и населенных пунктах были созданы комиссии из местных представителей по мобилизации рабочей силы. Каждому бургомистру или окружному военному начальнику была указана точная цифра — сколько человек он должен отправить на работы в Германию. По данным партизан, полученным в результате допроса литовского полицая, еще 25 декабря 1943 года немцы планировали отправку из Литвы в Германию 40 000 человек — прежде всего из числа советских активистов и задержанных положительных лиц, в основном из Свендянского уезда Литвы. Всего предполагалось угнать в Германию 100 000 человек, при этом ежемесячно предполагалось отправлять из Литвы в рейх по 15 000 человек. Партизаны сообщали, что немецкие власти и полиция «прежде всего забирают политически неблагонадежных и нелитовцев».

Требование о мобилизации 100 000 литовцев для военной промышленности рейха так и не было выполнено. Для примера, по данным штатткомиссара г. Каунаса Крамса, вновь требуемый контингент для города составил 7000 чел., к ним добавились еще 1400 чел. (20 % прибавки), итого — 8400 чел. В то же время в самом Каунасе нехватка рабочих для местных промышленных нужд составила 7000 чел. В результате немецкие власти Каунаса требовали набрать в ходе мобилизации всего 15 400 чел., при общем числе жителей города в 130 000 чел. Всего за три года оккупации из Литвы было вывезено для работы в промышленности рейха более 36 000 чел.

«Тотальная война» и создание Литовского территориального корпуса

Проводимые немцами мобилизации и карательные акции вызвали в Литве резкое противодействие со стороны населения и даже некоторых должностных лиц. В стране усилилось партизанское движение. Активизировало свою деятельность и националистическое подполье Литвы.

В октябре 1943 года глава самоуправления Литвы Кубилиюнас объявил о создании, помимо «отрядов местной самообороны», «специальной части в количестве 3000 человек для борьбы с партизанским движением». В опубликованном обращении к населению говорилось, что это соединение будет использоваться исключительно для борьбы с партизанами на территории Литвы. По всей видимости, самоуправление пыталось найти компромисс с националистической оппозицией и предлагало создать такое воинское формирование, которое формально казалось бы самостоятельным, не зависящим от немцев. Создание «Литовского территориального корпуса» должно было выглядеть как восстановление литовской армии.

Но все эти меры не могли никого обмануть. Националистическое подполье Литвы не поддержало идею фон Рентельна и Кубилиюнаса и сорвало формирование новых частей «самообороны». На призывные пункты явились единицы. Например, в городе Пренай (в 30 километрах южнее Каунаса), где был назначен сбор отрядов местной самообороны, для прохождения службы пришли всего четыре офицера-литовца. Немцы были чрезвычайно недовольны таким поведением. «Комендант безопасности» Литвы немецкий генерал-майор Юст¹ был вынужден упрекнуть литовских офицеров в том, что они якобы не хотят понять требований настоящего момента.

Тем не менее в ноябре 1943 года некоторые литовские националисты (представители партии Таутининков) в своих подпольных газетах распространили мысль, что они готовы поддержать мобилизацию в Литве, но при условии — если будет провозглашена независимость Литвы. В разведсводке Литовского ШПД отмечалось, что оккупационные власти собираются сыграть на этом. «Циркулируют слухи, что немцы готовят какую-то комбинацию в этом направлении», — сообщил партизанский штаб в Москву.

Из газеты литовских националистов «Неприклаусома Лиегува» («Независимая Литва»), партизанам стало известно, что представители националистов вручили немецкому «коменданту безопасности» Литвы генерал-майору Юсту меморандум, в котором изложены соображения по целому ряду вопросов. Детали этого меморандума узнать не удалось, однако можно было предположить, что его авторы предлагали помочь провести мобилизацию в Литве своими силами в обмен на провозглашение хотя бы частичной независимости Литвы.

¹ Юст, генерал-майор, начальник полевой комендатуры Каунаса. См.: Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. В 3-х томах. Том III (в 2-х книгах). М., 1971. Кн. II. С. 44—45.

Независимо до того, 22—24 ноября 1943 года в Каунасе по инициативе Кубилиюнаса прошло несколько заседаний «Совета представителей литовского народа», созданного в апреле 1943 года при 1-м генеральном советнике. В них приняли участие чиновники генерального комиссариата Литвы, представители литовской общественности и некоторые литовские офицеры. Главным вопросом повестки дня было создание литовской армии. Кубилиюнас заявил, что немцы в этом вопросе держатся «пассивно», но что они согласны обсуждать этот вопрос, если литовцы этого попросят. В ходе заседания была принята резолюция, которая гласила, что литовцы готовы встать на борьбу с большевизмом ради защиты территории Литвы, но для этого необходимо создание литовских национальных вооруженных сил. Литовскими вооруженными силами должны руководить литовцы из числа тех, кто пользуется доверием как немцев, так и литовского населения. Набор в армию будет проводиться путем мобилизации. Были выработаны также технические правила, согласно которым литовская армия должна быть единым соединением, включающим в себя все роды войск и объединяющим в своем составе все уже имеющиеся литовские полицейские батальоны и батальоны «самообороны». Предполагалось, что армия должна будет достигнуть размеров одного корпуса.

Казалось, наконец-то литовская националистическая оппозиция согласна поддержать мобилизацию. Теперь-то уж она должна была пройти успешно, считали оккупационные власти. Но как раз в это время Заукель потребовал новые контингенты рабочей силы из Литвы. Удастся ли совместить набор в «Литовский территориальный корпус» и угон людей в Германию?

25 ноября 1943 года немцы организовали митинги в Каунасе и в Вильнюсе с целью привлечь на свою сторону литовских националистов. На митинге в Каунасе выступили: 1-й генеральный советник Кубилиюнас, уполномоченный профсоюзов Каунасского округа Степонайтис, прибалтийский немец, бывший командир 4-го аргиллерийского полка в армии довоенной Литвы Урбонас и участник боев против Красной армии в 1919 году, инвалид войны Антанас Дабашинкас. Выступление Кубилиюнаса было явно рассчитано на националистическое подполье. Не стесняясь присутствовавших на митинге немцев, он заявил, что США и Англия продали Литву большевикам, и потому у литовцев остается только один выход из создавшегося положения — вместе с германским вермахтом бороться против Красной армии.

На митинге в Вильнюсе главными выступающими были бургомистр города Дабулявичус, председатель профсоюзов Вильнюсско-

го округа Вилайтис и литовский майор Русецкас (один из организаторов призыва добровольцев в немецкую армию). Из их речей явствовало, что немцы готовят новую мобилизацию. Во всех выступлениях было подчеркнуто, что «большевистская опасность приближается к границам Литвы» и что молодежь Литвы должна взяться за оружие для защиты ее границ от Красной армии. Как обычно, в духе подобных речей, была выражена благодарность германской армии и Адольфу Гитлеру за спасение Литвы от большевизма.

Со своей стороны, немцы также развернули свою пропаганду, основной мыслью которой стал лозунг борьбы против Советского Союза и большевиков. Была начата активная кампания по запугиванию населения Литвы тем, что с приходом Красной армии якобы будет учинена расправа над населением. Партизанское командование Литвы с беспокойством отмечало, что такая пропаганда оказывала влияние даже на ту часть населения, которая не оказывала немцам никакой поддержки, в связи с чем в Москву была направлена просьба «противопоставить немецкой пропаганде нашу агитацию». Немцы умели подкрепить свою пропаганду и более убедительными методами. По данным партизан, в конце 1943 года в Тракайском уезде гестапо создало несколько мелких бандитских групп, которые, как сообщалось, «маскируются под видом партизан. Они ходят по деревням ночью и разговаривают между собой на русском языке. Эти бандиты только в Рудишской волости убили более 10 семей мирных граждан».

1 декабря 1943 года оккупационные власти действительно объявили о предоставлении автономии Литве (официально это было оформлено только 1 апреля 1944 г.). Правда, на деле «Самоуправление Литвы» не получило никаких полномочий. Автономия означала лишь переподчинение генерального комиссариата Литвы не рейхскомиссару «Остланда», как прежде, а непосредственно Восточному министерству.

Взамен немцы потребовали создания литовского воинского соединения численностью в 300 000 человек и начали мобилизацию призывников 1913—1926 г.р. Правда, мобилизация почему-то проводилась под общим руководством немецких офицеров полиции, а комиссии из представителей самоуправления по-прежнему играли роль простых исполнителей. По Литве вновь прокатилась волна облава на уклонявшихся от призыва и дезертиров.

Среди литовской националистической оппозиции по-прежнему существовали разные мнения относительно объявленной мобилизации. Поддерживать или не поддерживать ее?

По сообщению подпольной печати Партии ляудининков, некая «группа американских литовцев» предложила частично поддержать

«комбинацию немцев по созданию армии из литовцев». Вскоре после этого, 16 февраля 1944 года, подпольная националистическая организация «Верховный комитет освобождения Литвы» (ВЛИК) через свою печать распространила в Вильнюсе призыв «добиваться восстановления литовской армии любыми путями». Если немцы помогут в этом, почему бы не воспользоваться этим? — читалось между строк. По сути, это означало, что оппозиция готова поддержать меры оккупационных властей перед лицом приближения фронта и Красной армии к территории Литвы. Характерно, что подобная картина наблюдалась также в Латвии и в Эстонии в разгар весенней мобилизации 1944 года, хотя тамошние националисты всегда были лояльны к немцам и ничего подобного литовскому националистическому подполью там не существовало.

Изменение взглядов литовской оппозиции на мобилизацию было связано и с тем, что в феврале 1944 года немецкие власти дали официальное согласие на инициативу Литовского самоуправления о формировании «Литовского территориального корпуса» (сокр.: ЛТК), известного также как «Легион Плехавичюса» по имени его командира, бывшего генерала Литовской армии и одного из крупнейших землевладельцев в Литве, чье имение в 1940 году было разделено среди батраков и малоземельных крестьян. Все командные должности в «Литовском территориальном корпусе» должны были занять литовские офицеры. Чтобы успокоить националистическую общественность, немцы говорили, что корпус предназначается исключительно для обороны границ Литвы, а не рейха.

Со слов Фридриха Йекельна, произошло это так.

«В феврале 1944 года Кубилюнас снова прибыл в Ригу и привез с собой генерала фон Плехавичуса. На этот раз он предлагал сформировать одну литовскую дивизию. Никаких политических требований он не предъявлял. Командиром дивизии должен был стать Плехавичус, так как он являлся в Литве единственной личностью, известной народу. В Литве якобы каждый знает Плехавичюса как ярого врага большевиков, и его обращение с призывом добровольно вступать в литовскую дивизию безусловно будет иметь успех. Они сказали, что настроение в Литве, в связи с неблагоприятным для Германии оборотом войны, очень ухудшилось, и многие рассчитывают на возвращение Красной армии. Сформированная дивизия поэтому должна будет остаться в стране для обороны Литвы.

Плехавичус подтвердил слова Кубилюнаса.

Принимая во внимание собственное тяжелое положение, я не стал отклонять сделанное мне предложение, хотя мне было ясно, что Плехавичус, как шовинист, будет или оказывать сопротивление

Красной армии, или же выступит против германской армии. Я предложил сначала сформировать 10 батальонов с общим количеством в 6000 человек, чтобы убедиться, возможно ли будет создать дивизию, а кроме того, как можно скорее очистить от партизан южные и восточные районы Литвы. Плехавичюс принял это предложение. Я немедленно дал соответствующий приказ генерал-майору полиции Харму, который сменил Высоцкого осенью 1943 года.

Плехавичюс сейчас же приступил к формированию, он выпустил обращение, подписанное Кубилиюнасом и им, с призывом вступать в добровольческую литовскую часть. Уже через несколько дней число добровольцев достигло 15 000 человек. 6000 человек из этих 15 000 были направлены в предоставленные им казармы. В конце марта 1944 года призыв был закончен. Снаряжение, обмундирование и оружие уже были готовы, и можно было начинать военную подготовку. Среди добровольцев на этот раз было очень много сыновей офицеров, богатых крестьян, студентов. В казармах Мариамноля¹ находилось 1000 добровольцев — все они являлись представителями зажиточных слоев населения. Плехавичюс отобрал их для офицерского резерва.

Инициатива создания «Литовского территориального корпуса» как карательного соединения исходила от группы литовских офицеров, которые в начале 1944 года заявили самоуправлению о своей готовности бороться против большевизма и предложили для начала создать подобные антипартизанские части. Рейхскомиссар Лозе одобрил идею использовать эти добровольные формирования в борьбе с партизанами, чтобы дать им набраться боевого опыта (как следует из его письма Борману от 20 июля 1944 г.). Видимо, под «обороной отечества» националисты подразумевали прежде всего борьбу с партизанами.

Германские власти объявили о призыве в ряды «Литовского территориального корпуса» 16 февраля 1944 года — в тот же день, когда ВЛИК опубликовал свой призыв. Нацистская пропаганда представило дело так: «Литовскому народу еще раз дана возможность показать свою готовность сражаться против большевизма».

Но перед началом весенней мобилизации 1944 года в Литве между разными немецкими инстанциями разгорелся спор о том, кому достанутся новые контингенты призывников — то есть «Литовский территориальный корпус».

С одной стороны, рейхсфюрер СС Гиммлер решил выделить группе армий «Север» затребованных ею для строительства укреп-

¹ Мариамноль (Мариямполь) — после войны г. Кансукас, центр Мариампольского (Кансукаского) уезда в Каунасской области.

лений и тому подобных работ 50 тысяч человек из литовцев, чтобы тем самым заменить хорошо обученных немецких солдат на тыловых работах, не требующих особой подготовки, высвободив силы для фронта. С другой стороны, оккупационные власти требовали срочно сформировать карательное соединение для борьбы с растущим партизанским движением на территории Литвы, которое должно было состоять из 10 литовских батальонов (по 1500 человек). 25 февраля 1944 года Бурмейстер¹ в письме Розенбергу предложил вновь предпринять попытку формирования в Литве крупного военного соединения, по возможности, дивизии. Было выдвинуто предложение сформировать ее на основе упомянутых 10 батальонов, если те покажут себя с хорошей стороны в ходе боев с партизанами. 13 марта 1944 года Розенберг одобрил предложенные меры.

Этот спор как нельзя лучше показывает, как немцы относились к идее создания «армии независимой Литвы». Едва мобилизация началась, как они уже начали делить между собой новые контингенты призывников, на словах предназначавшиеся для «Литовского территориального корпуса»!

Проведение мобилизации в эти батальоны было формально возложено на Литовское самоуправление. Вербовка проводилась на добровольной основе. Для контроля над этими батальонами было решено придать каждому батальону одного немецкого офицера связи. Ведущую роль в их формировании играл бывший генерал литовской армии Плехавичюс, ранее принадлежавший к окружению Сметоны и Вальдемараса и являвшийся одним из лидеров Партии таутишинков. В ходе мобилизации он исполнял обязанности офицера связи между фюрером СС и полиции Литвы и Литовским самоуправлением, а позднее официально вошел в состав штаба фюрера СС и полиции Литвы, бригадефюрера СС Харма.

В ходе мобилизации в «Литовский территориальный корпус» было зарегистрировано около 19 000 добровольцев. Но немецкие власти решили, что лишь для литовского корпуса будет достаточно и 5000 человек, а «излишек» в 14 000 человек будет передан в вермахт (в связи с требованием группы армий «Свер» предоставить ей 50 000 человек вспомогательного персонала). Литовское самоуправление было против, считая, что вместо этого следует увеличить численность ЛТК до 9750 человек, сформировав 13 батальонов по 750 человек и один резервный батальон в составе 1500 человек. Немцы согласились на эту меру, но с неохотой. Они обещали снабдить

¹ Бурмейстер — начальник 1-го главного отдела «Администрация» в аппарате рейхскомиссариата «Остланд».

ЛТК обмундированием и вооружением, но лишь тогда, когда германское командование сочтет это необходимым. К марту 1944 года на призыв явилось еще 16 000 чел., но мобилизацию тем не менее продолжали, чтобы иметь возможность для выбора. Преимущество при вступлении в «Литовский территориальный корпус» имели сыновья крестьян, владевших дворами свыше 20 гектаров, как «особо враждебная большевизму» социальная группа.

Формально «Литовский территориальный корпус» должен был иметь независимый статус под общим германским руководством и не относился ни к вермахту, ни к войскам СС или полиции. Тем не менее все обмундирование и снаряжение были предоставлены германской полицией. Согласно сохранившимся фотографиям того времени, униформа ЛТК практически ничем не отличалась от униформы литовских полицейских батальонов. К тому же 13 батальонов, составившие «Литовский территориальный корпус», почему-то получили номера в списке литовских полицейских батальонов — с 263-го по 265-й и с 301-го по 310-й!

Одновременно с формированием 10 батальонов «Литовского территориального корпуса» началась вербовка добровольцев в литовские полицейские батальоны. По данным штаба высшего фюрера СС и полиции в «Остланде» (ХССПФ «Остланд»), на призыв явилось 12 600 человек. Впрочем, предшествовавшая мобилизации пропагандистская акция проводилась таким образом, что призывники едва ли могли с уверенностью сказать, где они будут служить в дальнейшем. Большинство из них думало, что их призывают в мифическую «Вселитовскую армию».

Тем временем генерал Плехавичюс, полномочия которого становились все более широкими, потребовал, чтобы ему разрешили создать свой собственный штаб. Все его действия недвусмысленно указывали на то, что он намерен лично возглавить формирующийся «Литовский территориальный корпус». По данным штаба высшего фюрера СС и полиции в «Остланде», он так и не получил такого разрешения — сформировать свой личный штаб ему не было позволено.

В связи с притязаниями Плехавичюса, немцы решили четко разграничить полномочия между различными инстанциями, чтобы Плехавичюс и ему подобные знали свое место. С 28 февраля по 2 марта 1944 года в Каунасе прошли переговоры с участием генерального комиссара Литвы фон Рентельна, высшего фюрера СС и полиции в «Остланде» Йекельна, 1-го генерального советника Кубилюна и генерала Плехавичюса. Немцы, ободренные успешной мобилизацией в полицейские батальоны, решили пересмотреть свои старые требования.

Обергруппенфюрер Йскельн, несмотря на предостережения Плехавичюса и сомнения Лозе, предложил мобилизовать еще 20 000 человек для службы в Германии в качестве «хелферов ВВС». В итоге литовцам обещали разрешить формирование «Литовского территориального корпуса» лишь в том случае, если те смогут мобилизовать еще 70 000 человек, в том числе 50 000 чел. для нужд тылового обеспечения группы армий «Север» и 20 000 чел. для использования в качестве «хелферов ВВС» в Германии. Однако Плехавичюс и Кубилюнас были заинтересованы в том, чтобы наибольшее число призывников получил «Литовский территориальный корпус», а не вспомогательные части вермахта. В ответ Йскельн заверил их, что решено набрать дополнительно еще 10 000 человек для формирования новых 10 батальонов ЛТК; в итоге «Литовский территориальный корпус» должен будет состоять из 20 батальонов.

Совсем другое говорил Йскельн «в своем кругу». Во время совещания, состоявшегося 13 апреля 1944 года в Риге в штаб-квартире рейхскомиссара «Остланда» и специально посвященного мобилизации в Литве, обергруппенфюрер высказал свое глубокое недоверие к планам Плехавичюса. Во время переговоров с ним в Каунасе Йскельн пришел к убеждению, что тот стремится к созданию своей собственной армии «чтобы иметь возможность проводить свою собственную политику». «Командант безопасности» Литвы генерал Юст высказал мнение, что литовцы готовятся в один прекрасный день повернуть оружие против немцев. После долгого обсуждения было решено набрать 30 тысяч человек путем мобилизации ряда призывных возрастов (1915—1924 г.р.), установив при этом соотношение: каждые 2 тысячи человек будут направляться в рейх для службы в качестве «хелферов ВВС», каждые 1000 будут оставлены в Литве для службы в собственно литовских соединениях (ЛТК). Таким образом, 20 тысяч будут использоваться в качестве «хелферов ВВС», а 10 тысяч будут переданы в «Литовский территориальный корпус». Требование группы армий «Север» предоставить ей 50—56 тысяч человек для тыловой службы к тому времени было снято. Решение о мобилизации в Литве было подкреплено угрозой. Йскельн заявил, что в случае невыполнения данных требований «весь гнев разрушительной мощи Германии литовцы испытают на собственной шкуре — в духе режима генерал-губернаторства» (то есть Польши. — М.К.).

Поверив обещаниям Йскельна, Плехавичюс 28 апреля 1944 года издал воззвание о мобилизации призывников 1915—1924 г.р. Одновременно было объявлено, что все военнообязанные, не явившиеся в течение 24 часов на призывные пункты, предстанут перед литов-

ким военным судом. На следующий день подпольная литовская пресса подвергла этот призыв жесткой критике, в особенности намерение отправить 20 тысяч человек в качестве «хелферов ВВС» в Германию, по слухам — на Западный фронт. «У нас нет никаких интересов на Западе...» — заявляла оппозиция.

Основанием для недовольства послужило и то, что 22 марта 1944 года командующий группой армий «Север» фельдмаршал Вальтер Модель приказал сформировать 15 литовских батальонов для охраны германских аэродромов, а для этого передать набранных призывников в распоряжение вермахта.

Объявленная «тотальная» мобилизация началась 6 мая 1944 года. Благодаря активной пропаганде против этого призыва, которая была развернута в подпольной печати, он завершился неудачей. Поползли слухи, что Литовское самоуправление согласилось передать батальоны ЛТК в распоряжение группы армий «Север» для использования в качестве разрозненных частей. Между тем батальоны «Литовского территориального корпуса» и так с самого начала находились под контролем германской полиции.

9 мая 1944 года, вопреки всем предыдущим обещаниям, «Литовский территориальный корпус» действительно был передан в распоряжение германского армейского командования (правда, как единое соединение). После успехов проведенного обучения батальоны ЛТК были направлены в район Вильнюса для подавления партизанского движения. Там, по словам немцев, они показали себя непригодными для подобных задач «в военном и моральном отношении», так как значительная часть солдат перешла на сторону партизан.

«Подготовка была рассчитана на 6 недель, но Плехавичюс под различными предлогами пытался ее затянуть, — вспоминал впоследствии Фридрих Йекельн. — В середине мая я потребовал пустить батальоны в дело, они были переведены в Виленскую область, в Сморгонь¹, Новую Вилейку и южнее Вильно.

Уже через несколько дней обнаружилось, что у литовцев мало боевого духа, они допускали многочисленные злоупотребления по отношению к ненавистным им полякам. Однако в бою против польских партизанских групп они отступали. Они боялись сблизиться с крупными отрядами советских партизан, находившихся в лесах между Вильно и Молодечно. Батальоны потеряли много оружия, снаряжения и обмундирования, так как партизаны взяли много пленных, которых они отпускали назад полуголыми. Все поведение

¹ На территории Гродненской области Белоруссии, некоторые районы которой были присоединены нацистами к генеральному комиссариату «Литва».

батальонов говорило о том, что их руководство не отвечало требованиям, поставленным перед ним. По поведению генерала Плехавичюса я заключил, что виновником этого является он. Когда же в некоторых батальонах появились признаки разложения, то я приказал немедленно разоружить и расформировать батальоны и арестовать Плехавичюса со всем его штабом».

Недовольство среди командиров и солдат «Литовского территориального корпуса», ожидавших, веривших, что их мобилизуют в «литовскую армию», чуть не привело к бунту. Чтобы предотвратить мятеж, немецкие власти приняли решение арестовать их всех. В результате 83 литовских офицера были расстреляны, а еще 110 человек отправлены в концлагеря. «Из 1000 человек — кандидатов в офицеры, находившихся в Мариамполе, — рассказал после войны Цекельн, — 500 человек были разоружены и также направлены в Германию. Остальные 500 человек Плехавичюс отпустил сам на неделю раньше, так как примерно за неделю до этого я приказал распустить батальоны. В общей сложности около 3000 человек из батальонов и 500 кандидатов в офицеры ушли в леса или разошлись по домам. Вооружение этих батальонов состояло из французских винтовок с 30-ю патронами на каждую. Кроме того, им были выданы в небольшом количестве французские пулеметы».

Предательство «Литовского территориального корпуса» привело к аресту и самого генерала Плехавичюса, а также его штаба. К тому же к середине мая 1944 года гестапо собрало столько косвенного компрометирующего материала против генерала, что это уже само по себе послужило достаточным основанием для его ареста.

Среди собранного компромата можно выделить особо один факт. В начале 1944 года в кругах подпольной организации литовских националистов — «Верховного комитета освобождения Литвы» (сокр.: ВЛИК) стали задумываться о том, чтобы на основе мобилизационных планов довоенной Литвы сформировать шесть литовских дивизий. По поручению ВЛИКа подполковник Казис Амбрасяйус обсуждал этот вопрос со многими литовскими офицерами, из которых двое принадлежали к штабу Плехавичюса. Сам Плехавичюс если даже не участвовал в разработке этих планов, то по крайней мере знал о них.

Очевидно также, что Плехавичюс и националистическое подполье Литвы (ВЛИК и, возможно, другие организации) пытались установить контакты со странами Запада. 21 апреля 1944 года все тот же подполковник Казис Амбрасяйус был арестован гестапо в Таллине, направляясь в Финляндию в качестве курьера ВЛИКа. Там он должен был провести переговоры о поставках оружия из Финляндии в Литву. Арест Амбрасяйуса повлек за собой целую серию новых арестов. Вы-

яснилось, что очень многие чиновники самоуправления в Литве, а также в Латвии и Эстонии тайно поддерживали связь с подпольными организациями националистов. Всего по обвинению в «проанглийских настроениях» было арестовано около 230 человек. Впрочем, по свидетельству подполковника финской армии Р. Ингелиуса, который в сентябре 1943 года являлся офицером связи штаба финской армии в Таллине, из 230 арестованных в апреле 1944 года многие были скоро освобождены. Контакты с Западом в то время уже не особенно пугали немцев, но они еще не были готовы к тому, чтобы предоставить литовцам, латышам или эстонцам статус «союзников» и позволить им действовать независимо от германского командования.

«Приказ (об аресте Плехавичюса), — по словам Йскеельна, — был отдан в конце мая или в начале июня. Плехавичюс и его штаб были арестованы и доставлены в Ригу. Позднее по приказу Геринга Плехавичюс был освобожден. В начале августа он на пароходе выехал в Данциг. Сообщения данцигского СД говорят о том, что он сразу же возобновил свою политическую деятельность и, очевидно, сразу же направился обратно в Литву. Штаб Плехавичюса и начальник его штаба Урбонас в сентябре 1944 года были перевезены в Данциг в полицию. Разоружение батальонов удалось провести только частично. Около половины людей скрылись, не сдав оружия. 3000 человек по приказу Гитлера были направлены во вспомогательные авиачасты в Германию. Они были вполне довольны своей судьбой».

Сразу после ареста Плехавичюса началось разоружение недавно сформированных батальонов ЛТК. Было объявлено о расформировании «Литовского территориального корпуса», а его личный состав был передан в распоряжение ВВС для использования в качестве наземного аэродромного персонала и помощников на батареях ПВО. Значительному числу солдат ЛТК удалось избежать разоружения и отправки в другие части, уйдя в лес к партизанам. В конце мая — начале июня 1944 года 3000 человек из 14 000 были переданы в распоряжение германского вермахта (а точнее — люфтваффе) для использования в качестве «хелферов» ВВС и охраны аэродромов.

Последние надежды коллаборационистов: «Армия обороны отечества»

Летом 1944 года по инициативе двух литовских офицеров — капитанов Ятулиса и Чесны — была предпринята последняя попытка объединить различные литовские вооруженные формирования, которые еще не были расформированы и отступали вместе с частями

вермахта — полицейские и саперные батальоны, батальоны наземного обслуживания и охраны аэродромов. Эта сводная часть получила название «Армия обороны отечества» (лит.: *Tevynes Apsaugos Rinktine*, или сокращенно ТАР); также она была известна как «Жемайтійская армия обороны». Она состояла из двух полков — оба находились под командованием литовских офицеров. Одним из полков командовал полковник Вацлавас Иванаускас-Витенис (Гинтаутас), впоследствии один из руководителей националистического партизанского движения в Литве, в районе Вакару (на северо-западе страны). Командир второго полка, полковник Ионас Жемайтис-Витаутас, впоследствии также стал одним из руководителей литовского националистического повстанческого движения (1949—1953), а затем — председателем президиума так называемого «Движения борцов за свободу Литвы». Общее командование соединением осуществлял немецкий полковник Медер, позднее произведенный в генерал-майоры.

Силы «Армии обороны отечества» занимали оборонительную позицию близ села Пашиле, когда 7 октября 1944 года немецкая оборона была прорвана силами Красной армии. Оба полка ТАР были смяты и понесли большие потери. Уцелевшие отступили вместе с немцами и уже в Восточной Пруссии были преобразованы в «Литовский саперный батальон» (*Lietuvos Statybos Pionierių Batalionai*), состоявший из восьми рот. Он был направлен на строительство укреплений на Балтийском побережье, а позднее был окружен и сдался в плен в составе группы армий «Курляндия». Лишь немногие раненые были эвакуированы по морю и закончили войну в Любеке. Значительная часть солдат ТАР, не желая воевать на чужой территории, покинула свою часть и ушла в леса.

Впоследствии именно они — бывшие солдаты и командиры «Легиона Плехавичюса» и «Жемайтійской армии обороны» — составили основную массу литовского повстанческого движения, которое вело партизанскую войну против советской власти в Литве вплоть до середины 1950-х годов.

13 июля 1944 года советские войска освободили Вильнюс, а 1 августа генеральный комиссар фон Рентельн доложил в Берлин, что «вся гражданская администрация, включая управление генерального комиссара в Каунасе, штабкомиссара города Каунаса и областного комиссара Каунасского района, эвакуированы». На следующий день, 2 августа 1944 года, Каунас был освобожден от немецких войск частями Красной армии.

ГЛАВА 12

ЛАТВИЯ: «СВОИ ПРАВА НА ПРОЖИВАНИЕ В НОВОЙ ЕВРОПЕ МЫ ДОЛЖНЫ ДОКАЗАТЬ...»

Кто лояльнее к «новому порядку»? Националисты борются за власть

С приходом немцев в Латвии выделились две основные политических группировки, особенно стремившихся выслужиться перед немцами.

Одной из них была националистическая профашистская организация «Перконкруст» («Громовой крест»), созданная еще в довоенной Латвии. Ее руководителем являлся Густавс Целминьш. Эта организация еще до войны сотрудничала с абвером и СД, пользуясь их поддержкой «на определенных условиях». Тем не менее нацисты не вполне доверяли «перконкрустовцам». Петер Клейст из Восточного министерства, например, допускал возможность сотрудничества с «Перконкрустом» лишь с некоторыми оговорками. В частности, Клейст не особенно доверял лидеру «Перконкруста» и даже требовал, чтобы Целминьш, прибывший в Ригу еще до установления там немецкой гражданской администрации, был отправлен назад в Германию. Несмотря на свою откровенно профашистскую направленность, «Перконкруст» не был прогерманской организацией, а представлял собой скорее местную, латвийскую, разновидность фашизма. Предлагая сотрудничество германским властям, Целминьш и другие лидеры «Перконкруста» выдвигали требования, которые были не всегда приемлемы для немецкой администрации. В декабре 1941 года Густавс Целминьш во время своего пребывания в Риге «заявлял, что ему поручено

сформировать латышскую добровольческую дивизию, — докладывал шеф РСХА Гейдрих в специальной сводке для фюрера, — Особенно широко он вел пропаганду в пользу этого добровольческого легиона в кругах бывших латышских офицеров, но не очень в этом преуспел».

Вторую политическую группировку представляли сторонники бывшего премьер-министра и президента Латвии Карлиса Ульманиса (1877—1942) из числа бывших офицеров латвийской армии, чиновников, предпринимателей и др. Многим из них удалось сохранить свои посты и в советское время, что позволило им развернуть свою деятельность раньше «перконкрустовцев», с первых же дней оккупации. Группа сторонников Ульманиса политически была довольно разнообразной и неорганизованной. Наиболее влиятельным представителем этой группировки был Альфредс Валдманис (р. 1908), бывший министр финансов Латвии в 1938—1939 годах, а с июня 1941 года занявший пост советника при немецкой хозяйственной инспекции «Остланд» и при командующем тыловым районом группы армий «Север» генерале фон Роке. «Группа Валдманиса» включала в себя в основном бывших членов партии Крестьянский союз, которую возглавлял в свое время бывший премьер-министр Латвии Ульманис. В немецких документах отмечалось, что к прогерманской группировке среди них относятся: Квиссич, бывший президент свободного государства Латвии; Валдманис, бывший министр финансов; Паулюкс и другие. Связь между «группой Валдманиса» и штабом фон Рока осуществлялась через советника по культурно-политическим вопросам при штабе фон Рока, профессора В. Клумберга, прибалтийского немца, бывшего ректора немецкого Института Гердера в Риге. Таким образом, германская военная администрация сделала ставку на группировку сторонников Валдманиса, а не на «Перконкруст» Целминьша.

Бывший латвийский посол в Германии М. Кревиныш еще 23 июня 1941 года предупреждал представителя германского МИДа о том, что события, произошедшие в Литве, могут повториться и в Латвии. Случилось как раз то, о чем он говорил. Здесь, так же как и в Литве, немецким властям пришлось считаться с ситуацией, сложившейся в первые дни оккупации, и соответственно приспособлять ее к своим интересам.

28 июня 1941 года, еще до того, как последние части Красной армии оставили город, вооруженным отрядам латышских националистов удалось захватить радиостанцию в Риге. Тотчас же в эфир было послано сообщение о создании Временного латвийского правительства и провозглашении свободной и независимой Латвии.

Но в действительности временное правительство Латвии было сформировано только 1 июля 1941 года, после того как Рига была занята немецкими войсками.

В этот день состоялось собрание бывших латвийских политических и военных деятелей, представителей церкви, предпринимателей и националистических организаций. В нем приняли участие Альфред Валдманис, Густав Целминьш, полковники Александр Пленснерс, Скайстлаукс и Крейшманис, Шилде, редактор профашистской газеты «Тевия» («Родина») Артур Кродерс, пастор Э. Берге, представитель общества рижских торговцев Янис Скуевичс и другие. Собрание решило направить Гитлеру телеграмму с выражением благодарности «от всего латышского народа за освобождение Латвии», выразив готовность «служить делу строительства Новой Европы». Они также просили фюрера германского рейха об аудиенции в Берлине, так как, согласно тексту принятого постановления, Латвия провозглашалась «независимым государством под протекторатом Германии».

Тогда же было создано целых два органа, претендовавших на роль правительства Латвии: «Центральный организационный комитет освобожденной Латвии» во главе с полковником Крейшманисом и Временный административный совет во главе с бывшим министром транспорта довоенной Латвии Эйнсбергсом. Однако значительной роли они не сыграли. Согласно полученным указаниям, германская военная администрация избегала политических контактов с обоими «правительствами», ограничиваясь контролем их информационно-пропагандистской деятельности и пользуясь их услугами для скорейшего восстановления экономической жизни в стране. В этих условиях создание «Совета доверенных лиц» вместо самопровозглашенного правительства, как того требовали официальные немецкие директивы, представлялось делом почти невозможным.

И все же немецкие власти предприняли попытку создания такого «совета». На пост его главы была предложена кандидатура отставного генерала латвийской армии Оскара Данкерса, бывшего офицера российской царской армии, перед войной уехавшего в Германию как «этнический немец», хотя после возвращения он называл себя латышом. Восточное министерство (тогда еще называвшееся «Службой Розенберга») установило контакт с ним в начале июня 1941 года. Верховное командование вермахта (ОКВ) и абвер делали ставку на бывшего латвийского военного атташе в Германии полковника Александриса Пленснерса и подполковника Деглавса. Они прибыли в Ригу 29 июня 1941 года вместе с передовыми частями группы армий «Свер».

Сложности с выбором нужных людей, способных возглавить «Совет доверенных лиц», были обусловлены прежде всего несогласованностью действий германских властей. Военная администрация откровенно поддерживала Пленснерса, предоставив ему полную свободу действий, после того как тот изложил свой план создания латвийского «совета доверенных лиц» с участием Данкерса, д-ра Сандерса и Деглавса.

Однако правление Пленснерса, по словам Петера Клейста, оказалось «неудачным». Сначала выяснилось, что многие посты в самоуправлении удалось занять сторонникам Валдманиса, то есть политическим конкурентам Пленснерса, даром что 1 июля 1941 года была подписана совместная с ними телеграмма Гитлеру. Затем оказалось, что немецкие спецслужбы недостаточно хорошо проверили политическую благонадежность Деглавса: когда тот понял, что политика германской администрации и подконтрольного ему самоуправления не соответствует его надеждам, то застрелился. Пленснерс вскоре после этого предпочел подать в отставку.

Теперь за власть в оккупированной Латвии снова боролись две группировки: «группа Валдманиса» и «Перконкруст» Целминьша. Данкерс оставался одиночной фигурой, пользовавшейся определенным политическим влиянием, но поддерживал его только немецкое Восточное министерство. Глава военной администрации фон Рок откровенно симпатизировал «группе Валдманиса» и всячески противился назначению Данкерса во главе самоуправления.

После долгих переговоров, 21 августа 1941 года Клейсту удалось убедить фон Рока назначить Данкерса во главе самоуправления (немецкая гражданская администрация в Латвии пока еще не имела полномочий для этого, так как часть территории Латвии все еще являлась тыловой зоной). В функции Данкерса как главы самоуправления входило рассмотрение кадровых вопросов, связанных с назначением на все ведущие посты в коммунальном самоуправлении доверенных людей. Самоуправление во главе с Данкерсом первоначально состояло всего из трех секретарей и было в некотором роде «коалиционным». Эти посты заняли д-р Сандерс, подполковник Фрейманис и один из лидеров «Перконкруста» Андерсон. Назначение последнего, по словам Клейста, имело целью привлечь критиковавших Данкерса «перконкрустовцев» к «серьезной работе». Лишь позднее были назначены генеральные директора Латвийского самоуправления, занимавшиеся определенным кругом вопросов. Оскар Данкерс занял ключевой пост генерального директора по вопросам внутренних дел и кадров.

Альфредс Валдманис также не был обижен. В ноябре 1941 года его назначили генеральным директором по вопросам юстиции. Многие в германской администрации противились назначению последнего. В их числе был Петер Клейст и представители СД, которые считали, что его прежняя деятельность вызывает серьезное недоверие, однако кандидатуру Валдманиса поддержал генеральный комиссар оккупированной Латвии Дрекслер. Благодаря его поддержке Валдманис скоро стал одной из наиболее влиятельных фигур в Латвийском самоуправлении.

Руководство СС, в свою очередь, тоже решило сделать ставку на сторонников Валдманиса, иначе говоря, «прогерманскую группу» в составе Крестьянского союза. Шеф германской полиции безопасности и СД Гейдрих в очередной своей сводке фюреру отмечал: «С назначением Валдманиса генеральным директором ведомства юстиции эта группа получила преимущество. В то же время ее противники заметно отделились от немецких властей. Это такие люди, как бывший председатель правления национального банка Кливс, секретарь Крестьянского союза Друва и его второй секретарь Гранткалис...»

Благодаря такой поддержке Валдманису удалось восстановить свои бывшие позиции. Дело в том, что в первые же дни оккупации, в июле 1941 года латышские националисты восстановили сенат — высшую судебную инстанцию, верховным прокурором которого стал Валдманис. Однако немцы вскоре упразднили этот орган. Теперь же, когда прежний генеральный директор юстиции Цвейникс подал в отставку, Валдманис был назначен на его место и фактически восстановил свои полномочия. В то же время многие посты в коммунальном самоуправлении продолжали занимать все те же люди (отколовшиеся от «группы Валдманиса» представители Крестьянского союза), которые успели «назначить себя» на тот или иной пост еще до прихода немцев. Лишь позднее самоуправление было отчасти очищено от «нежелательных элементов», как того требовали Петер Клейст и СД.

«Перконкруст» и его лидеры были окончательно оттеснены в сторону. Как отмечалось в немецких документах: «Перконкруст по-прежнему только старается помочь в формировании латышской дивизии и может представлять в крайнем случае лишь культурные интересы, (зато) бывшие члены Крестьянского союза стремятся выработать в своих рядах четкую линию поведения...» Идея создания латышской дивизии немецкие власти считали в то время преждевременной. В результате Целминьш разочаровался в немецкой оккупационной политике. В марте 1944 года он был арестован гестапо по обвинению в антинемецкой агитации.

Германская оккупационная администрация в Латвии

8 августа 1941 года в газете латышских националистов «Тевия» было опубликовано воззвание немецкого рейхскомиссара Прибалтики к латышам (которое Хинрих Лозе подписал еще 28 июля 1941 г. в Каунасе) с призывом подчиняться распоряжениям рейхскомиссара и генерального комиссара. 18 августа, на основании распоряжения рейхскомиссара Лозе, в Латвии, как и во всей Прибалтике, была проведена экспроприация всей государственной собственности (промышленных предприятий, земли и т.д.), ставших собственностью германского государства. Государственным языком был объявлен немецкий.

Однако часть территории Латвии в то время все еще оставалась тыловой зоной. Поэтому немецкое гражданское управление было введено в Латвии только несколько дней спустя — 1 сентября 1941 года. Территория Латвии была разделена на пять окружных комиссариатов во главе с окружными комиссарами (гебитскомиссарами) и один городской комиссариат (город Рига) во главе с городским комиссаром (штадткомиссаром).

Генеральный комиссариат «Латвия» возглавил доктор Отто Дрекслер (1895 г.р.), с 1931 года являвшийся бургомистром города Любек и председателем Малого совета «Северного общества».

Фюрером СС и полицией Латвии был назначен бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции Вальтер Шрёдер.

Справка: **Вальтер Шрёдер** родился 26 ноября 1902 года в северогерманском городе Любек. Работал инженером там же; в 1925 году вступил в СА, в 1926 году — в НСДАП (билет № 6288). В 1928—1930 годах являлся ортсгруппенлейтером НСДАП в Любеке и одновременно руководителем пропаганды гау Мекленбург-Любек. В 1929—1933 годах был депутат Любекского ландтага. В 1930—1934 годах являлся крайслейтером НСДАП в том же гау Мекленбург-Любек. В 1932—1936 годах избран членом рейхстага от Мекленбурга. С мая 1933-го по июль 1937 года был сенатором и полицией-президентом Свободного торгового города Любека. В 1934—1937 годах — инспектор гау Мекленбург-Любек. 8 сентября 1936-го переведен из СА в НСКК (Национал-социалистский водительский корпус) в чине штандартенфюрера. С апреля 1937 по май 1945 года являлся полицией-президентом и начальником криминальной полиции Любека. В апреле 1938 года вновь избран депутатом рейхстага. 20 апреля 1938 года переведен из НСКК в СС (билет № 290 797) в чине оберфюрера СС и направлен на службу в Главное управление имперской безопасности (РСХА).

4 августа 1941 года Шрёдер был назначен фюрером СС и полиции в Латвии (со штаб-квартирой в Риге), а 27 сентября 1941 года получил звание бригадефюрера СС и генерал-майора полиции. Под руководством Шрёдера был развязан массовый террор против латышского населения, в том числе с привлечением латышских полицейских батальонов и отрядов самообороны, отличавшихся особой жестокостью. 1 апреля 1944 года Шрёдер был переведен на аналогичный пост фюрера СС и полиции в Эстонию. 19 октября 1944 года, когда большая часть Прибалтики была оставлена немцами, Шрёдер перешел в распоряжение высшего руководителя СС и полиции «Остланд» Фридриха Йскельна: ему было поручено курировать свою бывшую территорию — Латвию. В январе 1945 года Шрёдера перевели в резерв. После войны он был приговорен в Западной Германии к тюремному заключению. Умер в Любеке 2 ноября 1973 года.

В штаб Шрёдера как фюрера СС и полиции Латвии входили командир полиции порядка — штандартенфюрер СС и полковник охранной полиции Макс Кнехт и командир полиции безопасности и СД подполковник полиции и оберштурмбанфюрер СС д-р Эдуард Штраух (с 3 декабря 1941 г. его сменил оберштурмбанфюрер СС д-р Франц Ланге).

Латвийское самоуправление: Данкерс против Валдманиса

В январе 1942 года в Латвии распространился слух о том, что немецкая гражданская администрация вскоре должна быть преобразована в чисто наблюдательный орган. Националисты приободрились и снова начали поговаривать о независимости. В связи с этим немецкие спецслужбы отмечали: «Как в германских служебных инстанциях, так и в латышских учреждениях, говорят о том, что вскоре согласно распоряжению имперского министра по делам захваченных восточных территорий немецкая гражданская администрация превратится всего лишь в орган политического контроля. Собственно управленческие функции будут переданы латышам. Этот слух породил оживленную политическую активность отдельных групп латышей...»

Чтобы раз и навсегда положить конец несбыточным надеждам, руководство рейхскомиссариата было вынуждено обнародовать «Организационный указ» Розенберга об управлении оккупированными территориями. 19 марта 1942 года этот указ, утвердивший «de

жиге» существование, состав и функции Латвийского самоуправления, был опубликован в латвийской прессе. На первых порах это имело обратный эффект и лишь оживило слухи о том, что полномочия самоуправления будут расширены, а немецкой гражданской администрации — ограничены.

На следующий день, 20 марта, генеральные директора Латвийского самоуправления по инициативе Валдманиса направили генеральному комиссару Латвии Дрекслеру прошение о своей отставке. Со своей стороны, Дрекслер также считал нужным провести некоторые перестановки в самоуправлении. Генеральный директор внутренних дел Данкерс, по его мнению, не справлялся со своими обязанностями, «проявлял недостаточно инициативы, не имел собственного мнения и мало разбирался в административных делах». На его место Дрекслер собирался назначить Валдманиса. Поэтому во второй половине дня Дрекслер пригласил к себе всех директоров Латвийского самоуправления чтобы обсудить назревшие кадровые вопросы. В совещании принял участие также шеф полиции безопасности и СД в Латвии д-р Ланге.

В ходе совещания Ланге высказался против назначения Валдманиса на пост генерального директора внутренних дел и даже против его участия в Латвийском самоуправлении вообще. По его словам, политическое влияние Валдманиса и так было слишком велико, так что даже Данкерс был подвержен ему. Точку зрения Ланге поддержал в своем меморандуме Петер Кляйст, однако в защиту Валдманиса выступил рейхскомиссар «Остланда» Лозе, рекомендовавший оставить его на своем посту. Лозе также предложил сократить количество генеральных директоратов, а именно — объединить директорат торговли и директорат промышленности в один директорат по вопросам экономики. В результате число директоров уменьшилось с 9 до 6 человек. Одновременно были проведены некоторые кадровые перестановки в самоуправлении (назначение Мартина Приманиса). Данкерс подписал предложенный ему Дрекслером список генеральных директоров. В письме рейхскомиссару Лозе Дрекслер пояснял, что при выборе кандидатов руководствовался не только их профессиональным опытом и политической благонадежностью, но и степенью их влияния среди латышского народа, чтобы их не считали «платными агентами рейха». Именно поэтому, по его словам, он ввел в состав самоуправления Валдманиса. Министр по делам оккупированных восточных территорий Розенберг принял это решение довольно прохладно и в ответном письме предложил еще раз подумать над назначением Валдманиса, но Лозе и Дрекслер не видели оснований для пересмотра решения.

В то же время сам Розенберг, по словам Петера Клейста, «в обход полученных инструкций назначил ... бургомистром (города Риги) одного из своих дружков — прибалтийских немцев, который с особым ожесточением противился подчинению города местной (латышской) администрации, поскольку он, немец, будет подчинен латышу». Речь шла о Гуго Виттроке, который по протекции самого Розенберга был назначен штатдкомиссаром г. Риги (в структуре немецкой гражданской администрации) и одновременно — бургомистром города (в структуре Латышского самоуправления). Будучи прибалтийским немцем, уроженцем Латвии, он мог претендовать на оба поста. Но Латышскому самоуправлению Виттрок подчиняться отказывался, требуя для города самостоятельного статуса.

Петер Клейст попытался объяснить Розенбергу, что «по политическим соображениям невозможно отделить от маленькой страны ее столицу с многочисленным населением, — это означает грубо растоптать все принципы местного самоуправления, и последствия этого будут плачевными». «Но ведь Рига — немецкий город», — возразил Розенберг. «Рига — город на 100 % латышский с тех пор, как его покинули прибалтийские немцы», — ответил Клейст на это. «На этот раз, — пишет Клейст, — я нашел поддержку в Административном отделе (Восточного министерства), где даже самые послушные чиновники не могли найти способа отделить голову от тела, сохранив жизнеспособным и то и другое».

В конце концов состав Латвийского самоуправления был утвержден 25 марта 1942 года. Генеральным директором по вопросам внутренних дел и кадров стал Оскар Данкерс, фактически исполнявший эти обязанности еще с 21 августа 1941 года. Он же являлся фактическим главой самоуправления, так что даже немцы в своих документах часто называли его «1-м генеральным советником».

Должность генерального директора по вопросам юстиции занял Альфредс Валлманис (с ноября 1941 г. он был вновь утвержден на этой должности по предложению Дрекслера). Генеральным директором по вопросам культуры и образования стал профессор Мартин Приманис (1878 г.р.). До войны он был ректором Рижского университета, в 1940 году переехал в Германию с волной этнических немцев, где получил германское гражданство. Глава оккупационной администрации Латвии Дрекслер называл его человеком «безоговорочно преданным немцам». На должность генерального директора по вопросам экономики был назначен В. Загарс, а на должность генерального директора по вопросам финансов — Янис Скуевичс. Кандидатуры обоих предложил Дрекслер. Наконец, второстепенный пост директора по вопросам транспорта занял Лейманис.

Латвийское самоуправление строилось и функционировало по принципам, зафиксированным в «Организационном плане» от 7 марта 1942 года. Однако в указаниях к исполнению плана, составленных Розенбергом специально для Латвии, имелись некоторые отличия. Во-первых, Латвийское самоуправление, в отличие от Литовского и Эстонского, не имело своего руководителя (в лице 1-го генерального советника или ландесдиректора), хотя фактически его возглавлял генеральный директор внутренних дел Оскар Данкерс, который председательствовал на заседаниях самоуправления. Во-вторых, право назначения и увольнения генеральных директоров Латвийского самоуправления, а также определения числа генеральных директоров и сфер их деятельности, имел рейхсминистр Розенберг, а не генеральный комиссар, как в Литве и Эстонии. Функции генеральных директоров Латвийского самоуправления заключались в том, чтобы согласовывать проводимые ими мероприятия на местах с немецкой администрацией; они имели право излагать свои собственные идеи относительно проводимой политики и были обязаны предоставлять генеральному комиссару подробные отчеты о деятельности самоуправления.

Мобилизация в Латышский легион СС

Рейхсфюрер СС Гиммлер начал задумываться о создании национальных легионов в Прибалтике еще в мае 1942 года, однако тогда он считал эту идею чересчур рискованной. Тем не менее в июне 1942 года высший фюрер СС и полиции в «Остланде» Фридрих Йекельн встретился с офицерами латышских Schuma-батальонов и выступил с речью, в которой заявил, что в скором будущем, возможно, будет проведено формирование Латышского легиона в рамках войск СС. Одновременно он высказал свое личное мнение о том, что после войны можно будет подойти и к вопросу о восстановлении независимости Латвии, разумеется, «в союзе с рейхом». Так впервые прозвучала мысль о формировании национальных легионов СС, причем в непосредственной связи с вопросом о независимости республик Прибалтики. Если коллаборационисты в Латвии (как, впрочем, в Литве и в Эстонии) надеялись получить независимость ценой формирования все новых и новых воинских контингентов для Германии, то руководство вермахта и СС, наоборот, рассчитывало взамен на обещание независимости получить от коллаборационистов помощь в проведении новых мобилизаций.

Рейхсфюрер СС Гиммлер и начальник Главного управления СС Готлоб Бергер не одобрили высказываний Йекельна и поспешили дистанцироваться от этих обещаний. Их недовольство объяснялось тем, что Йекельн открыто высказал то, о чем пока следовало бы молчать. Вопрос о создании легионов СС в Прибалтике как раз рассматривался, но его рассмотрение держалось в строгой тайне. в особенности потому, что он был тесно связан с предоставлением автономии. Гиммлер и Бергер считали, что обещать независимость — это уж чересчур. Но с другой стороны, как заручиться поддержкой коллаборационистов, чтобы привлечь призывников в легион? Только пообещав независимость или хотя бы автономию. Таким образом, рано или поздно в кругах СС должны были заинтересоваться идеей автономии прибалтийских республик, надеясь использовать ее в своих целях. Видимо, в конце концов рейхсфюрер СС решил пойти на обман в вопросе об автономии. И слова Йекельна оказались ему только на руку.

С санкции Гиммлера, фюрер СС и полиции Латвии Вальтер Шрёдер должен был подать идею создания легиона Латышскому самоуправлению. Идея должна исходить от них, а не от немцев, — рассудил рейхсфюрер, — пусть коллаборационисты не думают, что это нужно нам! Но Шрёдер сделал все довольно неуклюже. 3 ноября 1942 года он созвал совещание, на которое была приглашена вся верхушка коллаборационистов — в том числе генеральный директор внутренних дел Данкерс и командиры некоторых латышских полицейских батальонов, полковники Крипенс и Силгайлис и подполковники Вейсс и Осис. Шрёдер предложил им обратиться к Йекельну с просьбой разрешить формирование добровольческого Латышского легиона СС.

Директора Латвийского самоуправления, разумеется, поняли «намеки» и решили, что наступил подходящий момент предъявить свои требования. На следующий же день, 4 ноября, они обратились к Шрёдеру с заявлением. В нем говорилось, что без «некоторых политических и экономических условий» ожидать успеха добровольной мобилизации бессмысленно. Подразумевалось, конечно же, хотя бы частичное восстановление независимости и возвращение крупной частной собственности бывшим владельцам.

Генеральный директор юстиции Валдманис пошел дальше других и направил от своего имени меморандум немецкому генеральному комиссару Дресклеру, озаглавленный «Латвийская проблема». В нем Валдманис рисовал довольно неприглядную картину, которая во многом соответствовала истине. «Любой латыш, — заявлял он, — даже тот, кто никогда не задумывался о политике, задает се-

годня вопрос, что же, собственно, произошло? Действительно ли немцы пришли как освободители, или как завоеватели?»

Но на этом критика и заканчивалась. Ни слова о расстрелах, гетто, концлагерях, казнях военнопленных, угоне латышей на работы в Германию, расистских законах... Выходило, что если бы оккупанты восстановили хотя бы частичную независимость Латвии и возвратили частную собственность, ошибка была бы исправлена. «Бывшие» завоеватели стали бы «освободителями» и лучшими друзьями всех латышей.

Валдманис заключал, что для большинства латышей настоящее положение невыносимо только потому, что их первейшим желанием является восстановление государственности Латвии. Поэтому в качестве взаимоприемлемого решения он предлагал предоставить Латвии относительную независимость по образцу Словакии, в результате чего она должна стать «свободным и независимым государством, участвующим в войне под верховным немецким командованием» в качестве союзника Германии. Взамен Валдманис заверил, что «в течение некоторого гарантийного срока в Латвии будет проводиться подготовительная просветительская работа с целью дальнейшего сближения с рейхом».

За восстановление независимости Латвии, по словам Данкерса, Валдманис обещал цену в 200 000 человек! Именно столько своих сограждан он обещал мобилизовать для отправки на Восточный фронт.

Дрекслер, ознакомившись с меморандумом, дал понять Валдманису, что подобное письмо сейчас «в высшей мере нежелательно». Видимо, нацисты все еще надеялись провести мобилизацию в Латышский легион малой ценой, не давая никаких далеко идущих обещаний.

Однако в начале декабря 1942 года все директора Латвийского самоуправления еще раз единодушно заявили, что они присоединяются к предложениям Валдманиса. В меморандуме Латвийского самоуправления на имя Дрекслера было вновь заявлено, что «при определенных условиях» (имелось в виду прежде всего решение вопроса о государственно-правовом статусе Латвии и возвращение частной собственности), самоуправление готово сформировать латвийскую армию в 100 000 человек (!), которая через три месяца будет боеспособна. Итак, цена была назначена, хотя сумма и стала скромнее, чем предлагал Валдманис...

Рейхскомиссар Лозе немного поумерил пыл националистов. 23 декабря 1942 года он дал устный ответ на письмо Латвийского самоуправления, заявив, что оно попросту не сможет мобилизовать

армию в 100 тысяч человек, так как большинство годных к военной службе мужчин уже задействовано в военной промышленности. Что же касается «независимости по образцу Словакии», то эту просьбу он также не может поддержать, поскольку тогда независимости попросят Эстония, Литва, Бельгия и все остальные оккупированные страны. В заключение Лозе считал нужным немного припугнуть директоров. Он обвинил всех латышей в целом в антинемецких настроениях, которые он не намерен терпеть дальше, а в заключение ненавязчиво упомянул, что в Голландии недавно расстреляли 80 видных граждан по обвинению в антинемецкой пропаганде. Латышские гендиректора поняли, что такое может случиться и с ними.

Тем временем эсэсовцы, не теряя лишних слов, дали ход «ходатайству» Латышского самоуправления и начали повсюду готовиться к проведению мобилизации в Латвии. 12 января 1943 года Готлоб Бергер обратился с письмом к Гиммлеру, в котором просил дать официальное разрешение на создание Латышского легиона СС. Бергер обосновывал это тем, что латышские добровольцы, уже прошедшие службу в РАД, хотели бы вступить в войска СС. 24 января Гиммлер вызвал в свою штаб-квартиру Йёкеляна и сообщил ему о том, что фюрер дал добро на формирование такого добровольческого легиона. Одновременно рейхсфюрер высказал пожелание, чтобы в дальнейшем Латышский легион СС был увеличен до размеров дивизии, поставив при этом единственное условие: добровольцы, которых предполагалось набрать из латышских полицейских батальонов, должны подходить для службы в СС по «расовым критериям».

Об этом окончательном решении Латвийскому самоуправлению объявил в конце января 1943 года фюрер СС и полиции Латвии Шрёдер. Руководство СС требовало новых воинских контингентов, а Восточное министерство и рейхскомиссариат «Остланд» должны были поневоле выступать посредниками, выслушивая ответные требования коллаборационистов об автономии и раздавая какие угодно обещания.

Руководство генерального комиссариата Латвии и Латвийского самоуправления 29 января 1943 года провели совместную конференцию. В повестку дня был включен вопрос о статусе Латвийского самоуправления. На конференции выступил профессор Приманис, возглавлявший директорат культуры и образования. Упомянув о недавнем заявлении директоров самоуправления о своей отставке (кстати, уже не первом), он сказал: «Положение генеральных директоров действительно незавидное. Они все больше теряют свое доб-

рое имя в глазах общественности. Необходимо внести ясность в дела Латвийского самоуправления, особенно по вопросу о компетенциях. Например, мы даже не знаем, существует ли латвийский директорат экономики, или уже нет».

Намек был более чем прозрачен: дескать, если немцы не предоставят самоуправлению хотя бы формальный статус независимого правительства, оно может растерять последние остатки доверия в народе. А немцам это не выгодно — кто же будет агитировать народ вступать в легион и призывать его на «борьбу с большевизмом»?

Тем не менее Дрекслер ушел от ответа на поставленный вопрос. Он заявил, что и сам озабочен проблемой статуса Латвийского самоуправления и уже направил свой меморандум по этому вопросу рейхскомиссару Лозе (от 7 декабря 1942 г.).

Вопрос о формировании «Латышского легиона» был также рассмотрен на конференции, так как его нельзя было отделить от вопроса об автономии. Самоуправление согласилось помочь в этом деле, но на определенных условиях. Во-первых, во главе легиона должен стоять латышский командир; во-вторых, подготовка легионеров должна составить как минимум 6 месяцев; в-третьих, легион должен использоваться исключительно для обороны границ Латвии; и, наконец, в-четвертых, легион должен быть подчинен вермахту, а не руководству СС. Дрекслер, который считал возможным обойтись принудительной мобилизацией, без особой охоты спросил у Данкерса, что же тогда следует предпринять, чтобы легион получил как можно больше солдат. Данкерс ответил, что можно, конечно, провести обязательную мобилизацию нескольких призывных возрастов, но, по мнению самоуправления, эта мера будет зависеть от скорейшего провозглашения независимости Латвии. В результате вопрос о призыве в Латышский легион так и остался открытым.

В конце концов генеральные директора на своем очередном совещании 8 февраля 1943 года решили не дожидаться ответа от властей рейха и поддержать мобилизацию призывников 1919—1924 г.р. В связи с этим генеральный директор Приманис заявил: «Лучше мобилизация, чем нынешний порядок». Видимо, Латвийское самоуправление решило согласиться на сделку «без предоплаты» — сначала помочь в проведении мобилизации, как того требовали немцы, а уж потом уповать на благодарность оккупационных властей в вопросе о независимости или хотя бы автономии.

Население Латвии узнало, что оно продано в обмен на свою же «независимость» 10 февраля 1943 года. Именно в этот день по

радио было объявлено о создании Латышского легиона СС. Заблаговременно, еще 5 февраля, была проведена регистрация офицеров и инструкторов. В статьях и радиообращениях подчеркивалось, что термин «Латышский легион» включает в себя все латышские подразделения — находящиеся в ведении полиции, СС, ВВС, ВМФ и сухопутных сил вермахта. (Кстати, в люфтваффе, ВМФ и войсках СС в то время латыши не служили.) По-видимому, такая ремарка нужна была для того, чтобы убедить латышей, будто речь идет не об очередном подразделении в рамках вермахта или войск СС, а об объединении всех латышских солдат в рамках собственной армии.

24 февраля 1943 года во всем рейхскомиссариате «Остланд» началась совместная мобилизация в войска СС, вспомогательные службы вермахта и германскую военную промышленность призывников 1919—1924 г.р. Через два дня мобилизации немцы сочли возможным объявить о формировании 15-й латышской дивизии СС в рамках Латышского легиона¹. Призывникам, зачисленным во вспомогательные службы вермахта, было приказано после прохождения комиссии явиться к месту назначения 29 марта. Зачисленным в легион пока разрешалось на неопределенный срок остаться дома. Помимо призывников 1919—1924 г.р., в легион набирались добровольцы от 17 до 45 лет, ростом не менее 168 см (видимо, это был скрытый «расовый отбор», проводившийся по настоянию Гиммлера). В рамках начатой пропагандистской кампании 28 февраля 1943 года «Вестник распоряжений» опубликовал статью под названием «Основан Латышский легион», в которой было объявлено о наборе в легион призывников и добровольцев. Добровольцы 17—45 лет могли записаться в легион в пункте призыва «Инспекции пополнения войск СС «Остланд» (Рига, ул. Плесскавас, 16), а также во всех учреждениях немецкой полиции и жандармерии и участках латышской полиции. Немцы не собирались ограничиваться одной мобилизацией и уже готовились к призыву других возрастов в ближайшем будущем. С этой целью в апреле 1943 года в Латвии была проведена регистрация призывников 1912—1928 г.р. для последующих мобилизаций.

Латышский легион СС фактически был образован уже в ходе тотальной мобилизации — в составе одной дивизии (ее формирование было завершено к лету 1943 г.) и одной бригады. 15-я латышс-

¹ По некоторым источникам, обязательная мобилизация призывников 1919—1924 г.р. в Латышский легион СС началась чуть раньше — еще 10 февраля 1943 г. См.: РГАСПИ. Ф.69. Оп.1. Д.978. Л.4.

кая добровольческая дивизия СС была официально сформирована 26 февраля 1943 года, практически целиком из новобранцев, призванных в результате мобилизации. С начала 1944 года она была переименована в «15-ю гренадерскую дивизию войск СС (латышскую № 1)». Командиром ее был назначен бригадфюрер СС Ханзен, а инфантери-фюрером — латыш, штандартенфюрер войск СС Артур Силгайлис.

Латышская бригада была сформирована незадолго до начала тотальной мобилизации, 8 февраля 1943 года. Три латышских полицейских батальона (21-й, 19-й и 16-й), еще с 1942 года действовавшие на Восточном фронте в составе 2-й пехотной бригады СС, теперь стали называться соответственно I, II и III батальонами Латышского легиона¹, а сама бригада стала целиком латышской. (Все латышские части, включая легионы «Фландрия», «Нидерланды» и «Норвегия» и немецкие полицейские батальоны, были переданы в другие соединения.)

Было объявлено, что командиром Латышского легиона СС станет бывший генерал-майор латвийской армии Рудольф Бангерскис. Правда, как оказалось впоследствии, это не совсем соответствовало истине, так как он не получил никаких значительных полномочий. И все же в последующие годы Бангерскис стал наиболее заметной фигурой среди латышских коллаборационистов. Именно поэтому о его личности следует рассказать подробнее.

Справка: **Бангерскис (Бангерский), Рудольф Карлович** (1878—1955) родился 21 июля 1878 года в царской России, служил в русской императорской армии, участвовал в русско-японской войне 1904—1905 годов. В 1914 году закончил Николаевскую академию Генштаба и к 1917 году имел звание полковника. В годы гражданской войны Бангерскис примкнул к Белому движению и в 1918—1920 годах занимал командные посты в армии Колчака, которая восстала против советской власти на Дальнем Востоке. Так, в августе — октябре 1918 года Бангерскис неоднократно исполнял обязанности начальника штаба 7-й Уральской дивизии горных стрелков; с сентября 1918 года был командиром 12-й Уральской стрелковой дивизии; в феврале 1919 года был произведен в генерал-майоры; с марта 1919 года командовал VIII Уфимским, а с июля 1919 года —

¹ Stuber H. Die lettischen Divisionen: Im VI.SS-Armee Korps. S.47,50. По другим сведениям, в первоначальный состав Латышского легиона вошел также 4-й батальон, сформированный на базе 24-го латышского полицейского батальона. См.: Thomas N., Abbot P., Chappel M. Partisan Warfare 1941-45. P.16; Myllyniemi S. Die Neuordnung der baltischen Lander 1941-1944. S.230.

VI Уфимским корпусами. С 1 октября 1919 года командовал Уфимской группой, на базе которой 15 марта 1920 года сформировал в Чите 1-й Забайкальский корпус.

В октябре — ноябре 1920 года 1-й Забайкальский корпус Бангерскиса был разгромлен в Манчжурии, и зимой 1920 года Бангерскис вместе с остатками своей дивизии бежал в Китай, где был вынужден сложить оружие. С декабря 1920 года он жил в Харбине, а затем в 1921 году вернулся в Латвию и поступил на службу в Латвийскую армию. На родине его военное прошлое не было забыто. В феврале 1923 года Бангерскис стал командиром 1-й Курземской дивизии, а позднее (с 23 декабря 1924 по 24 декабря 1925 г. и с 18 декабря 1926 по 23 января 1928 г.) занимал пост военного министра Латвии. В 30-е годы Бангерскис продолжал командовать разными дивизиями — 3-й Латгальской (6—31 июля 1928 и 30 сентября 1929—3 августа 1930 г.) и 4-й Земгальской (4 августа 1928 — 30 сентября 1929 г. и с 25 октября 1933 г. до своей отставки). В 1937 году Бангерскис вышел в отставку в звании генерал-майора. После установления советской власти в Латвии отставной генерал перебрался в сельскую местность и решил переквалифицироваться в фермеры (как говорят, чтобы избежать ареста). С приходом немецко-фашистских войск уже немолодой генерал сразу оказался в рядах тех, кто сотрудничал с немцами — с 1941 года и вплоть до своего назначения во главе Латышского легиона СС Бангерскис работал в директорате юстиции Латышского самоуправления.

Карьера Бангерскиса при нацистах резко пошла вверх в 1943 году, когда он был назначен генеральным инспектором Латышского легиона СС (с 1944 г. официально называвшегося «Латышским легионом войск СС»), а также возглавил инспекцию пополнения войск СС «Латвия», одновременно получив звание легион-бригадешюрера (позднее был повышен до группенфюрера войск СС, то есть генерал-лейтенанта). С 20 февраля по 1 июня 1945 года являлся президентом Латвийского национального комитета, базировавшегося в Потсдаме и претендовавшего на статус «правительства Латвии в изгнании». Но 21 июня 1945 года комитет был распущен, а сам Бангерскис был арестован британскими военными властями как активный пособник нацистов. Его содержали в гостинице в Госларе, 2 июля персвели в тюрьму в Брауншвейге, 19 июля — в лагерь военнопленных Зандбостель, а 20 ноября того же года — в специальный лагерь для военнопленных латышей, белорусов и пр. во Фрисланде. Несмотря на все это, 25 декабря 1945 года Бангерскис был освобожден британскими властями, но не был выдан СССР и продолжал проживать в Западной Германии.

Однако 25 февраля 1958 года Бангерскис погиб в результате дорожно-транспортного происшествия. Его сбила машина, водитель которой скрылся с места происшествия. Неизвестно, было ли это запоздалое возмездие случайностью, или же кто-то свел с ним счеты. В 1990-е годы останки Бангерскиса были перевезены в Латвию и перезахоронены на Братском кладбище в Риге у статуи Матери Латвии.

Перезахоронение Бангерскиса встретило в Латвии неоднозначную реакцию. «Это я считаю свинством, — заявил академик Я. Дзинтарс, — потому что Бангерскис, будучи генеральным инспектором Латышского легиона ваффен СС, утверждал смертные приговоры латышским солдатам, которые дезертировали или уклонялись от службы Гитлеру. И вот за это ему такой почет и уважение!» Но такова была (и остается) политика новых латвийских властей...

Начальником оперативного отдела в штабе легиона должен был стать бывший полковник латвийской армии, а ныне — легион-штан-дартенфюрер Артур Силгайлис.

Справка: **Артур Силгайлис**, участник Первой мировой войны и боев против Красной армии в Курляндии и Земгалии. В последующие годы он занимал разные штабные должности в латвийской армии, а к июлю 1940 года являлся начальником штаба 4-й (Земгальской) дивизии. В начале Второй мировой войны Силгайлис служил добровольцем в составе германской армии и участвовал в боях на территории Эстонии и под Ленинградом в 1941 году. Позже Силгайлис занимался вербовкой добровольцев в Латышский легион СС. В конце февраля 1943 года он был назначен начальником оперативного отдела Генеральной инспекции Латышского легиона СС. Впоследствии служил командиром 34-го гренадерского полка войск СС (латышского № 5) в составе 15-й латышской дивизии войск СС и инфантери-фюрером той же 15-й дивизии. Затем был начальником штаба Генеральной инспекции Латышского легиона СС, сменив на этом посту Александра Пленснерса, который был переведен на должность командира 43-го гренадерского добровольческого полка СС (в составе 2-й Латышской бригады СС). После войны Силгайлис проживал в США и в 1996 году отметил свое 90-летие.

Впрочем, оккупанты не торопились выполнять какие бы то ни было обещания. Бангерскис был назначен генерал-инспектором Латышского легиона СС только 30 апреля 1943 года, то есть лишь два месяца спустя, а 3 марта получил звание легион-группенфюрера (нем.: *Legionsgruppenführer*). Обещание немцев, что командиром легиона станет латыш, было выполнено чисто формально. Бангерскис получил всего лишь номинальный пост генерал-инспектора Латышского легиона, а командирами 15-й латышской дивизии СС и 2-й латышской бригады

СС (будущей 19-й дивизии) были назначены немцы. Бангерскис с его «инспекторскими» полномочиями не имел власти над ними; его функции ограничивались изданием всевозможных воззваний.

Генеральная инспекция Латышского добровольческого легиона СС была образована в это же день, 30 апреля 1943 года. Начальником штаба легиона немцы предполагали назначить легион-штан-дартенфюрера Артура Силгайлиса, но Бангерскис настоял на кандидатуре «своего человека» — Александра Пленснерса. Последний имел то же звание, что и Силгайлис, но не пользовался доверием Йекельна, который в конце концов добился его перевода на пост командира 43-го гренадерского добровольческого полка СС (в составе 2-й латышской бригады). После этого начальником штаба стал Артур Силгайлис, давно домогавшийся этого поста (до того он занимал пост командира 34-го гренадерского полка СС в 15-й латышской дивизии СС). Заместителем генерального инспектора был назначен Александр Ласманис.

Обо всех вопросах, не касавшихся пополнения для Латышского легиона, Бангерскис отчитывался непосредственно перед рейхсфюрером Гиммлером, но в вопросах человеческих ресурсов он подчинялся только Йекельну, как высшему фюреру СС и полиции в «Остланде». Штаб-квартира Генеральной инспекции находилась в Риге, однако в связи с приближением линии фронта она постепенно перемещалась на запад. В октябре 1944 года Генеральная инспекция Латышского легиона СС была эвакуирована в Любек, где 2 мая 1945 года весь ее личный состав сдался в плен англичанам.

Всего в ходе весенней мобилизации (проходившей с марта по август 1943 г.), по данным штаба генерал-инспектора Бангерскиса, в Латышский легион СС было зачислено 22 500 чел., во вспомогательные службы вермахта — 12 700 чел., то есть в общей сложности 35 200 человек. Около 6000 человек уклонилось от призыва. К тому времени в различных карательных организациях, находившихся под немецким контролем, включая и полицейские батальоны, на 1 сентября 1943 года числилось всего около 36 000 жителей Латвии (не считая латышей, служивших в вермахте). Численность же немецких полицейских на территории Латвии в конце 1943 года составляла около 15 000 человек¹. За полтора года их число увеличилось в не-

¹ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3694. Л. 92. По другим данным, в ходе этой мобилизации в Латвии было призвано меньшее количество: в Латышский легион СС — около 17 900 человек, а во вспомогательные службы вермахта — около 13 400 человек. См.: Mullyniemi S. Die Neuordnung der baltischen Lander 1941—1944. S. 233. Однако эти данные, возможно, относятся к более ранней стадии мобилизации.

сколько раз. По-видимому, это было связано с мобилизацией и опасениями перед возможным мятежом.

Один американский историк пишет, будто в первые же несколько дней с начала мобилизации было «подано 32 тысячи заявлений от желающих вступить в Латышский легион СС». Это явное заблуждение, если только не намеренная фальсификация. Во-первых, призывники являлись на призывные пункты в обязательном порядке, в противном случае их доставляли под конвоем, но уже не на призывной пункт, а в ближайший концлагерь Саласпилс или в Рижскую тюрьму. Во-вторых, их желания никто не спрашивал и заявления писать не заставлял. К 1943 году зачисление производилось и без заявлений, их подавали только добровольцы, желавшие вступить в латышскую полицию в первые месяцы войны. Если бы он знал, сколько сил пришлось приложить фашистам для того, чтобы загнать 32 тысячи молодых латышей в легион, сколько полицейских частей понадобилось стянуть в Латвию для этого! Тут уж, как говорится, не «закосишь»!

Мобилизация в Латышский легион СС проходила далеко не так гладко, как представляли некоторые немецкие и американские историки. Разведсводки Латвийского штаба партизанского движения в эти дни пестрят сообщениями о стычках между немцами и латышскими легионерами. В конце февраля 1943 года произошла перестрелка в Кокнисе, в результате которой латышские добровольцы (полицейские или легионеры — неизвестно) убили двух немцев. В марте 1943 года сообщалось, что призывники скрываются от мобилизации и на них организуются облавы. Месяцем позже в Риге произошел бой между немцами и легионерами, после чего распространился слух о расформировании Латышского легиона СС. В последних числах апреля произошли перестрелки между немцами и латышскими легионерами в Валмиере и Тукумсе, а в деревне Ключи — рукопашная драка. Недовольство было вызвано главным образом тем, что латышские добровольцы получали меньше немцев, зато их чаще посылали в бой против партизан. И не удивительно. Ведь такое количество немецких полицейских частей было пригнано в Латвию не столько затем, чтобы своими руками воевать с партизанами, сколько чтобы следить за латышскими легионерами, как бы те не отступили, не дезертировали или не перешли на сторону партизан. Оккупанты предпочитали большинство карательных акций проводить чужими руками.

Часть новобранцев была передана в 15-ю дивизию из латышских частей вермахта и ВВС; значительная часть добровольцев прежде проходила службу в латышских полицейских батальонах. Подго-

товка рекрутов должна была осуществляться под руководством инструкторов из латышских полицейских батальонов, не на территории Латвии, но не менее чем за 10 км от линии фронта. В конце марта 1943 года часть рекрутов, набранных непосредственно среди населения и еще не прошедших соответствующей подготовки, была срочно передана в Латышскую бригаду СС, которая в то время вела затяжные бои на фронте и несла тяжелые потери. Некоторым из легионеров-новобранцев удалось дезертировать по дороге на фронт. Так, в апреле 1943 года из Митавы в сторону села Новосокольники, где шли бои, вышел эшелон с легионерами. 15 апреля из этого эшелона в 8 км от Лудзы в сторону Зилупе бежало 15 новобранцев.

Назначенный командиром дивизии бригадфюрер СС Ханзен выразил свое возмущение тем, что его солдат используют как «пушечное мясо». По слухам, за такое своевольное поведение он был вскоре снят со своего поста. Как бы там ни было, в мае 1943 года его сменил на этом посту бригадфюрер СС граф Пюклер-Бургхауз. В последующие месяцы наскоро обученных новобранцев стали все чаще передавать в другие части, в том числе в «Латышский авиационный легион». В сентябре 1943 года бригада получила новую партию рекрутов. Но и на этот раз не обошлось без случаев дезертирства. 23 сентября 1943 года партия легионеров была отправлена на фронт в закрытых вагонах под охраной немецких автоматчиков. 25 сентября, по пути на фронт, на перроне в Пскове, 25 солдат-латышей взломали дверь вагона и бежали. По сообщению перебежчика из 1-го полка СС (в составе 2-й латышской бригады СС), настроения легионеров в бригаде также были плохими, все были обозлены на немцев. По его же словам, отправка на фронт проводилась насильственно, и многие солдаты не хотели воевать против Красной армии.

Ультиматум советников... и снова мобилизация

4 октября 1943 года началась осенняя мобилизация в Латышский легион СС. На этот раз ее проводили исключительно «Инспекция пополнения войск СС «Остланд» и ее латвийский филиал — «Команда пополнения войск СС «Латвия», начальником которой был Рудольф Бангерскис. Призыв проводился без участия местного самоуправления. В октябре 1943 года для переосвидетельствования были вызваны призывники 1919—1924 г.р. (шесть призывных возрастов), а также призывники 1925 г.р., достигшие 18-ти лет.

Генерал Бангерскис 6 октября обратился с радиобращением к латышам, в котором обещал, что скоро Латвии будет предоставлена автономия (Гиммлер действительно дал ему такое обещание во время своей поездки в Ригу в сентябре 1943 г.). Поверив словам рейхсфюрера, Бангерскис заявил в своем обращении: «Фюрер сказал, что народ, в котором обнаружилось столько отличных бойцов, не должен оставаться в тени». Он также сослался на слова рейхсфюрера СС о том, что борьба легионеров открыла дорогу «Латвии к ее месту в Европе».

Правда, не обошлось и без одного инцидента. Йекельн так торопился отправить все население Латвии на войну или на принудительные работы, что 12 октября приказал опубликовать в «Немецкой газете в Остланде» воззвание к латышам вступить в легион от имени Бангерскиса. Впоследствии выяснилось, что сам Бангерскис даже не знал о существовании такого обращения от его имени! По словам Данкерса, 17 октября на заседании Латвийского самоуправления Бангерскис возмутился и направил Йекельну письменный протест. «Эта акция, — жаловался генерал-инспектор, — даже не была согласована со мной». Скандал быстро замяли: Йекельн предложил Бангерскису, чтобы тот взял на себя всю ответственность за проведение мобилизации. Честолюбие старого генерала было удовлетворено, и он согласился, вдобавок даже поблагодарив за оказанное высокое доверие.

В начале ноября 1943 года Гитлер издал распоряжение о мобилизации в легионы СС в Латвии и Эстонии десяти призывных возрастов (1915—1924 г.р.). По-видимому, в Латвии об этом решении было известно заранее, так как уже 11 октября того же года глава самоуправления Данкерс объявил о предстоящей в Латвии мобилизации лиц призывного возраста 1915—1925 г.р. Таким образом, к шести призывным возрастам добавились еще пять, подлежавших призыву. На совещании у фюрера 16 ноября 1943 года для Латвии была установлена цифра в 20 000 человек, которых необходимо было призвать в Латышский легион СС.

Начался 2-й этап осенней мобилизации. Точные сроки его начала не известны. Так, например, в Резекненском уезде мобилизация призывников 1922—1924 г.р. началась уже 1 ноября, а в Валмиерском уезде — 2—4 ноября 1943 года.

9 ноября генеральный комиссар Латвии Дрекслер вызвал к себе Данкерса и ознакомил его с указом фюрера. Данкерс заявил, что самоуправление готово поддержать мобилизацию и даже считает желательным провести ее собственными силами. Но, памятуя о данном ему Гиммлером обещании, он связал ее проведение с некото-

рыми условиями: во-первых, с восстановлением независимости Латвии; во-вторых, с объединение разрозненных латышских частей и их передислокацией на территорию Латвии; и в-третьих, с передачей латышской полиции в ведение самоуправления. В ответном письме от того же числа Дрекслер предоставил Данкерсу всего лишь полномочия на проведение соответствующих мобилизационных мероприятий, но относительно независимости не обмолвился ни словом. Да и не удивительно. «Легко Гиммлеру, — наверное, подумал про себя Дрекслер, — он приехал, наобещал с три короба и уехал. А мне — расхлебывай!»

Для обсуждения создавшейся ситуации Латвийское самоуправление 15 ноября созвало конференцию с участием представителей центральных и местных органов самоуправления. Ввиду приближения Красной армии и необходимости «спасения Латвии» было решено провести мобилизацию, даже если требования Латвийского самоуправления о независимости не будут удовлетворены.

Тем не менее директора решили попытать судьбу и на следующий день выдвинули ультиматум Дрекслеру — а вдруг подействует? В нем были изложены условия, на которых самоуправление было готово поддержать мобилизацию. Во-первых, все призывники должны быть направлены в качестве пополнения в части Латышского легиона СС; во-вторых, латышская полиция порядка должна быть подчинена местному самоуправлению (немские власти в очередной раз обнадежили их в этом); в-третьих, призывникам должно быть гарантировано достаточное время на военную подготовку; в-четвертых, после объявления призыва вербовка местного населения для другой долгосрочной службы (в тыловые службы вермахта и военную промышленность) должна быть прекращена. В противном случае директора грозили уйти в отставку.

Ответ Дрекслера опять был неутешительным, к тому же его получили только 2 февраля 1944 года. Но, несмотря на это, гендиректора так и не решились привести в исполнение свою угрозу — уж очень не хотелось расставаться с выгодной должностью.

Самоуправление уже на следующий день изменило поставленным им же самим условиям. 17 ноября 1943 года «Немецкая газета в Остланде» сообщила, что генерал Данкерс с одобрения Латвийского самоуправления согласился провести мобилизацию призывников 1915—1924 г.р. для службы в Латышском легионе СС. На следующий день Данкерс по случаю дня независимости Латвии обратился к латышам со следующей речью: «Латвийский красно-бело-красный флаг в боях завоевывает свое место под солнцем... Под этим знаменем латышские легионеры идут в бой против большевизма... Мы намерены

честно исполнить свой солдатский долг, твердо веря в свободную Латвию и в сообщество свободных народов... Благодаря нашим усилиям и нашим жертвам Латвия снова станет равноправным членом европейского сообщества народов».

24 ноября в Латвии было объявлено о начале мобилизации призывников 1915—1924 г.р. (это была 2-я волна осенней мобилизации 1943 г.). Результаты осенней мобилизации (октябрь — ноябрь 1943 г.) были следующими: было зарегистрировано 14 809 чел., из них явились на призывные пункты — 11 212 чел., признаны годными — 8492 чел., явились к месту назначения — 5637 чел.

В декабре 1943 года, после того, как в ставке фюрера были определены контингенты призывников, в Латвии началась новая мобилизация (3-я волна). Тогда же Гитлер передал все полномочия на проведение воинских призывов в Латвии и Эстонии рейхсфюреру СС Гиммлеру. Задачи по мобилизации перешли из ведения вермахта (имевшего 50 призывных участков в Латвии) в ведение войск СС. Одновременно призывной возраст был поднят до 37 лет. В ходе этой мобилизации, продолжавшейся до конца января следующего года, в Латвии были призваны призывники 1918, 1922—1924 г.р. По данным партизан, в результате осенней мобилизации 1943 года было призвано в общей сложности около 40 000 человек (но партизаны основывались, очевидно, на немецких данных). Сообщалось также, что в январе 1944 года немцы готовят новую дополнительную мобилизацию призывников 1925 г.р. Сведения о мобилизации новых призывных возрастов оправдались. 20 января 1944 года в газете «Тевия» была опубликована выписка из «Постановления о мобилизации в Латышский легион СС лиц 1917 г.р., которые до 17 июня 1940 г. являлись латвийскими подданными» за подписью генерал-инспектора Латышского легиона СС, группенфюрера войск СС Бангерскиса.

Осенняя мобилизация плавно перешла в весеннюю. В конце января 1944 года рейхсфюрер СС Гиммлер отдал приказ Йекельну о проведении нового призыва под руководством Инспекции пополнения войск СС «Остланд», а в Латвии, соответственно, Команды пополнения войск СС «Латвия». В Латвии он начался в первых числах февраля, на основании распоряжений от 4 и 5 февраля 1944 года о призыве лиц 1906—1914 г.р. В результате этой мобилизации удалось сформировать 6 латышских полков «пограничной стражи» (15 000 чел.) и резервный батальон для 15-й дивизии СС в составе 1500 человек, из которых лишь небольшую часть удалось снабдить винтовками.

По данным рейхскомиссариата «Остланд», в ходе 1-го этапа весенней мобилизации в Латвии до 1 февраля 1944 года было зарегистрировано 20 447 военнообязанных (призывников 1917, 1918, 1922—1924 г.р.), из них явились на призывные пункты 13 802 человек (67,5 %), призвано на военную службу без отсрочки — 5167 человека (23,3 % от числа военнообязанных). По данным генерального комиссариата Латвии (Отдел III Aso) на март 1944 года, направленным в Инспекцию пополнения войск СС «Остланд», результаты мобилизаций в Латышский легион СС призывников 1906—1924 г.р. за период с декабря 1943 по март 1944 года были следующими: из общего числа мужского населения Латвии (826 041 чел.) было зарегистрировано в качестве военнообязанных 173 409 чел. Явка на призывные участки составила 128 866 чел. (44 543 человека уклонились от призыва). Из этого числа уже были призваны в легион 36 284 чел., призваны с отсрочкой — 4331 чел. Таким образом, общая численность легиона на данный момент составляла 40 615 чел., включая призванных без отсрочки и с отсрочкой. В это же число вошли 8582 чел., призванные в легион с февраля 1943 по конец января 1944 года.

Всего к началу 1944 года в различных латышских вооруженных формированиях числилось 40 000 человек: во 2-й латышской бригаде СС — 5000—6000 чел.; в 15-й латышской дивизии СС — 17 000 чел.; в латышском полицейском полку «Рига» — около 3000 чел.; в латышских полицейских батальонах — 14 000 чел.¹

После проведения весенней мобилизации к лету 1944 года численность латышских формирований в целом возросла до 60 000 человек. Так, в начале марта 1944 года было сформировано 6 латышских полков «пограничной стражи» — все четырех батальонного состава, а в 6-м полку имелась еще и противотанковая рота.

2-я латышская бригада СС была преобразована в 19-ю латышскую дивизию СС. Решение об этом было принято еще осенью 1943 года. «В конце ноября 1943 года, — вспоминает немецкий гауптман охранной полиции Буркхардт, — по приказу командира Латышской бригады Шульдта я был направлен в Ригу, где с 1 декабря 1943 года выполнял функции начальника «штаба "Рига"» по формированию 2-й латышской добровольческой бригады СС» (Aufstellungsstab Riga der 2.lett.SS.Freiw.Bde.). В задачи этого шта-

¹ Myllyniemi S. Die Neuordnung der baltischen Lander 1941—1944. S.255. По другим данным, к концу войны в латышских полицейских батальонах числилось 15 000 чел. См.: Haupt W. Heeresgruppe Nord. Bad Nauheim, 1967. S.280.

ба входило: организовать призыв латышей 1915—1921 г.р. и набрать 3000 человек для пополнения бригады, обеспечить их обмундированием и вооружением, и после соответствующей подготовки объединить в маршевые батальоны, с тем чтобы к концу декабря 1943 года они достигли расположения бригады и влились в нее. По свидетельству Буркхардта, формирование дивизии проходило в контакте с «Фронтовым центром войск СС» в Риге (Frontleitstelle der Waffen-SS in Riga) и генерал-инспектором Латышского легиона СС. Явившиеся добровольцы (5000—6000 человек) направлялись либо непосредственно во 2-ю Латышскую бригаду СС, либо в начавшую формироваться в Елгаве 15-ю резервную бригаду СС — подразделение, занимавшееся пополнением 15-й латышской добровольческой дивизии СС. Всего к началу января 1944 года в район Волхова, где дислоцировалась 2-я бригада, было направлено 4 эшелона с 2700 новобранцами. При этом Буркхардт утверждает, что случаев дезертирства не наблюдалось, было лишь некоторое число отправленных в тыл по их просьбе и с одобрения генеральной инспекции.

Численность латышских дивизий на 30 июня 1944 года составляли: 15-я гренадерская дивизия войск СС: 541 офицер, 2322 унтер-офицера, 15 550 нижних чинов, всего 18412 человек¹; 19-я гренадерская дивизия войск СС: 329 офицеров, 1421 унтер-офицер, 8842 нижних чина, всего 10 592 человека². Численность латышских полицейских батальонов составляла на тот же период 42 386 человек; численность латышских полков «пограничной стражи» — 12 118 человек.

Лучшие результаты в ходе мобилизации показал Валмиерский округ, худшие — Даугавпилсский округ (по данным на март 1944 г.). Последний представлял собой не что иное, как Латгалию, поэтому не удивительно, что там были достигнуты наихудшие показатели. Согласно указаниям, которые получил Буркхардт при формировании 19-й дивизии, а также другим идеологическим установкам Розенберга и Гимmlера, латгальцы считались низшей расой, «леттизированными (смешавшимися с латышами) восточноевропейцами», в которых больше русской или польской крови, чем латышской или тем более германской.

¹ Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich. Vol.4. P.183. По другим данным — 11 537 чел. См.: Рассказ гренадера // Родник. 1990. № 3 (39). С. 61.

² Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich. Vol.4. P.183. По другим данным — 9792 чел. См.: Рассказ гренадера // Родник. 1990. № 3 (39). С. 61.

Карательные акции и партизанское движение

...Тотальная мобилизация в Латышский легион СС породила небывалое до сих пор партизанское движение, так как многие призывники, чтобы уклониться от службы в легионе или от угона в Германию, предпочитали бежать в леса. Особенно массовый размах это движение приобрело в юго-восточных районах Латвии, граничащих с Белоруссией и Россией, и прежде всего в Даугавпилском округе.

Характерно, что в ходе мобилизаций 1943—1944 годов Даугавпилский округ показал самые худшие результаты (по данным вплоть до марта 1944 г.). И это не удивительно, если учесть то, что нацистские «расоведы» выделяли латгальцев в отдельную группу «леттизированных восточноевропейцев», то есть «неполноценных» латышей. В действительности, конечно, само различие между «латышами» и «латгальцами» было создано искусственно, что было весьма характерным для германской оккупационной политики, руководившейся принципом «разделяй и властвуй». Как пример, стоит вспомнить «Замечания рейхсфюрера СС по поводу «Генерального плана «Ост» и документы о дискриминационной политике в Польше, в которых нацисты пытались искусственно раздробить единые народы на мелкие национальные группы; той же цели служили и многочисленные таблицы «расовой полноценности» наций, разрабатывавшиеся нацистскими расоведами перед войной.

По воспоминаниям гауптмана охранной полиции Буркхардта, который 1 декабря 1943 года был назначен начальником «Призывного штаба «Рига» при Латышской добровольческой бригаде СС и занимался подготовкой новобранцев для ее пополнения и преобразования в дивизию, ему были даны следующие указания: «...Среди призывников указанных возрастов особое предпочтение следовало отдавать латышам, хорошо зарекомендовавшим себя сотрудничеством с штабом генерал-инспектора (Латышского легиона), латышской и германской полицией и руководящими германскими органами... Особенно пригодными являются бывшие офицеры и унтер-офицеры латвийской армии, а также резерва, латыши с высшим образованием или буржуазного происхождения, сыновья зажиточных крестьян, а также те латыши, чьи антикоммунистические настроения хорошо известны. Латгальцев, в особенности русского и польского происхождения, сельскохозяйственных рабочих (промышленные рабочие в основном не подлежали призыву) и бывших коммунистов я должен был отсеивать».

То, что латгальцев не брали в части войск СС, еще не означало, что немцы вообще не трогали их. Им отводилась примерно такая же роль, как и литовцам или белорусам — поставлять рабочую силу для рейха.

В марте 1944 года некоторые уроженцы Даугавпилсского округа были зачислены в так называемые «латгальские» полицейские батальоны (в основном в принудительном порядке). Всего их было сформировано не менее четырех (325-й, 326-й, 327-й и 328-й).

Но немцы не без оснований считали «латгальские» батальоны ненадежными. Ниже них по своему статусу были только штрафные батальоны, сформированные летом и осенью 1944 года из бывших легионеров, осужденных за «самовольное отсутствие» (дезертирство) и отбывавших наказание в Рижской тюрьме и в концлагере Саласпилс. Всего в штрафбаты к декабрю 1944 года было зачислено около 3000 арестантов, образовавших три батальона.

«Латгальцами», то есть «расово неполноценными» людьми считались и жители Качановского и Пыталовского районов Псковской области, вошедших после войны в состав РСФСР, а в годы оккупации входивших в состав Абренского уезда Даугавпилсского округа Латвии. Местные жители платили нацистам за геноцид той же монетой, уходя в леса к партизанам.

В течение 1942—1944 годов в пограничных районах Псковской области действовало несколько крупных латышских полицейских отрядов, использовавшихся немцами для карательных акций и уничтожения «пособников партизан», а также для усиления межнациональной розни. Например, именно в Абренском (Пыталовском) уезде гитлеровцами были сформированы 273-й и 276-й латышские полицейские батальоны (до 500 человек каждый). Впоследствии, в 1942 году, они вместе с немецкими и другими латышскими полицейскими частями принимали участие в антипартизанских операциях, таких как «Болотная лихорадка» и «Зимнее волшебство», проводившихся в основном в пограничных областях Белоруссии и на юге и юго-западе Псковской области.

Операция «Болотная лихорадка» (нем.: *Sumpffieber*), проводившаяся в сентябре 1942 года под личным руководством группенфюрера СС Фридриха Йекельна, стала одной из первых широкомасштабных антипартизанских операций в Даугавпилсском округе, на границе с Белоруссией и Псковской областью.

«Гиммлер поручил мне лично руководство этой операцией, — заявил Йекельн в своих показаниях на суде в Риге. — Причиной для ее проведения послужила угроза немецким коммуникациям со стороны местных партизан. В операции были задействованы 1-я пехот-

ная бригада СС, до полутора полков танков (из состава 3-го танкового корпуса вермахта), 28-й полицейский полк и подразделения жандармерии. Тогда мы сожгли несколько деревень и с десяток хуторов. Люди, бывшие там, были увезены представителями СД в лагерь вместе с детьми, стариками и старухами. Скот был также угнан. Продукты забраны и употреблены в рамках сдачи гражданскими организациями германской армии. Граждане, которые с оружием в руках боролись против наших оккупационных властей, обычно расстреливались. А те лица, которые содействовали партизанам, отправлялись в лагерь».

Перечисляя те части вермахта и полиции, которые принимали участие в операции «Болотная лихорадка», Йскельн не упомянул о роли латышских полицейских батальонов. Но дегаги сохранились в письменных отчетах, написанных тем же Йскельном в Берлин о результатах операции. «...2—3 сентября 1942 года, — говорилось в заключительном отчете Йскельна об операции «Болотная лихорадка» от 6 ноября 1942 года, — моторизованный патруль жандармерии и рота 15-го латышского полицейского батальона уничтожили в бою 70 бандитов».

Обратившись к спискам полицейских частей, сформированных гитлеровцами на территории оккупированной Прибалтики, можно обнаружить, что «15-го» латышского батальона там нет. Это, несомненно, опечатка. Однако там есть вполне реально существовавший 16-й (Земгальский) латышский полицейский батальон. Это был один из первых батальонов латышской «вспомогательной полиции», сформированный в Риге 4 сентября 1941 года под командованием подполковника Мангулиса (с 22 декабря 1941 г. командиром батальона стал гауптман Коциньш).

В послевоенные годы ветераны этого батальона любили утверждать, что они, дескать, были просто солдатами, которые сражались на фронте и не участвовали ни в каких казнях, расстрелах и т.п. На первый взгляд кажется, что так оно и есть. С 22 октября 1941 года 16-й батальон переброшен на Ленинградский фронт, в распоряжение командира тылового района 584 (немецкой 16-й армии), и в тот же день впервые принял участие в боевых действиях в районе Сольцы (западнее озера Ильмень). С ноября 1941 по август 1943 года он почти постоянно находился в прифронтовой полосе (за исключением коротких промежутков в апреле 1942 и в июне 1943 года, когда батальон возвращался в Ригу «на отдых»). С 8 февраля 1943 года 16-й полицейский батальон официально вошел в состав 2-й (будущей Латышской) пехотной бригады СС и стал называться III батальоном Латышского легиона СС.

Но вот свидетельство «ветерана» этого же 16-го латышского полицейского батальона: «В сентябре 1942 года мы прибыли в район Даугавпилса, на учебные занятия, до марта (1943 г.), когда был сформирован первый полк (Латышского легиона СС)». Однако «учебные занятия» сводились к чисто карательным операциям: будущие легионеры учились жечь и грабить деревни и расстреливать мирных жителей...

Итог операции, согласно все тому же отчету Йскельна от 6 ноября 1942 года, был таков:

«В ходе этих операций были достигнуты следующие успехи:

- а) очищено и разрушено 49 партизанских лагерей, укрепленных точек и опорных пунктов, а также несколько населенных пунктов в заболоченной местности, служивших убежищем для партизан;
- б) убито в бою 389 вооруженных бандитов, осуждено и расстреляно 1274 подозрительных лица, казнено 8350 евреев;
- в) выселено 1217 человек...»

С началом тотальной мобилизации 1943 года оккупационные власти предприняли еще несколько карательных операций в «партизанских районах» Латвии — «Зимнее волшебство» (*Winterzauber*) и «Снежный заяц» (*Schneehase*), которые прошли одна за другой в феврале и в марте 1943 года.

«Целью их, — как заявил Йскельн, — являлась очистка от партизан района, ограниченного городами Великие Луки — Витебск — Даугавпилс — Себеж. Этот район считался партизанской республикой. Все пути, ведущие туда, были разрушены, мосты взорваны. В секторе действий, которым было поручено руководить мне, со стороны Латвии участвовали два батальона армейских войск вермахта и три латышских батальона, выделенных комендантом Даугавпилса (боевая группа Шрёдера). Партизаны в этих боях потеряли свыше ста человек. Остальным удалось уйти. В ходе операции было арестовано свыше тысячи мирных граждан, которые подозревались в помощи партизанам. Часть из них была расстреляна. Другая часть вместе с детьми была отправлена в концлагерь. За время операции «Зимнее волшебство» мы сожгли около 10 населенных пунктов, которые встретились на пути».

Латвийскими националистическими формированиями только летом 1941 года в Качановском и Пыгаловском уездах Псковской области было расстреляно около 1600 человек. Зимой 1942—1943 года латышские полицейские батальоны и «айзсарги» на юге Псковщины и в северной части Белоруссии провели операцию по созданию так называемой «нейтральной зоны» (или «белой полосы») шириной до 40 километров, с целью уничтожения партизан и

«обустройства будущих границ». В этой зоне были уничтожены почти все деревни, а жители — почти 200 тысяч человек — были либо расстреляны, либо угнаны в Германию, либо «выселены в лагерь», в том числе в концлагерь Саласпилс.

Отряды «айзсаргов», воссозданные в первые дни немецко-фашистской оккупации как «батальоны самообороны», выполняли самые разные задачи — от охраны населенных пунктов и дорог до участия в арестах и контрпартизанских операциях. По сути, они выполняли ту же работу, что и полиция, то есть члены латышских полицейских батальонов (до 1943 г. именовавшихся Schuma-батальонами). «Все доводы бывших “айзсаргов” о том, что они были насильно мобилизованы и только охраняли правопорядок в населенных пунктах, не участвуя в карательных акциях, — замечает историк Александр Седунов, — совершенно необоснованны. Все это говорилось ими на следствии ради того, чтобы их действия не были квалифицированы как измена Родине и вооруженная борьба против советской власти (статья 58, часть 1). Однако эти отряды, прежде всего, привлекались для участия в карательных акциях, проводившихся как вблизи их “зоны ответственности”, так и в отдаленных местностях». Все члены националистических формирований были обязаны сообщать немецкому командованию о передвижениях неизвестных лиц, а тем более партизан. Очень часто многие «айзсарги» добровольно участвовали в арестах, обысках, допросах и казнях советских активистов и партизан. Причем особым истязаниям подвергались именно те, кто в 1940 году проявил себя в первой советизации республик Прибалтики. Латышские «айзсарги», как и эстонские отряды «Омакайтс», выезжали на «акции» против партизан и подполья вместе с подразделениями СС и немецкими частями. Иногда подобные операции локального характера продолжались в течение нескольких недель.

Между тем с целью борьбы с партизанами в юго-восточных районах Латвии уже 4 февраля 1943 года приказом высшего фюрера СС и полиции в «Остланде» обергруппенфюрера СС Йекельна были сформированы две боевые группы для борьбы с партизанами, действовавшими на границе Латвии и Белоруссии.

Боевая группа Шрёдера (под командованием бригаденфюрера СС и генерал-майора полиции Вальтера Шрёдера, фюрера СС и полиции в Латвии) в составе трех латышских батальонов включала в себя оперативный штаб, 273-й, 280-й и 281-й латышские полицейские батальоны, одну украинскую роту и одну литовскую роту.

Боевая группа Кнехта, носившая кодовое название «Берга» (под командованием полковника охранной полиции и штандартенфю-

рера СС Макса Кнехта, командира полиции порядка в Латвии) насчитывала в своем составе 4 латышских батальона, всего около 2500 человек, в том числе оперативный штаб, 10-й взвод моторизованной жандармерии, 217-ю зенитно-артиллерийскую батарею (под командованием Хатье), взвод связи (под командованием Левинского), 276-й, 277-й, 278-й и 279-й латышские полицейские батальоны. Позже, в конце марта 1943 года, боевая группа Кнехта была переформирована, в результате чего в ее состав, помимо оперативного штаба, вошли 275-й латышский полицейский батальон (в составе одной роты), приданный боевой группе для особых поручений, 276-й, 265-й, 266-й и 279-й латышские полицейские батальоны, полицейский полк «Норд» (сформированный из прибалтийских немцев специально для выполнения карательных операций в Прибалтике) и «группа особо ценных евреев» (предположительно, отряд еврейской полиции из одного из гетто).

Вслед за полицейскими батальонами следовали команды немецкой и латышской полиции безопасности и СД. Это была печально известная «команда Арайса», к тому времени уже преобразованная в Латышскую полицию безопасности и СД, во главе с штурмбанфюрером Виктором-Бернхардом Арайсом.

«В интересах защиты границы бывшей Латвии от нападений партизан с сопредельной белорусской территории, — говорилось в отчете о проведенной операции, — генерал Йекельн, высший фюрер СС и полиции “Остланда”, в период с начала февраля по середину апреля 1943 года предпринял военную операцию с целью создания нейтральной зоны шириной 40 км. Эта полоса земли без жителей и населенных пунктов должна была лишить партизан их опорных пунктов. Операцией руководил лично Йекельн».

«Оперативное пространство лежало между Дриссой на юге, Зилупе и Смольнаталь на севере, — говорилось далее в отчете. — Около года назад немецкие комендатуры из-за опасности партизанских нападений оставили эту территорию. Полосы шириной 5 км вдоль железной дороги оставались под контролем вермахта. Отступая, комендатуры предоставили жителям-мужчинам право выбора: либо уйти вместе с немецкими войсками, либо остаться. Многие ушли и чаще всего несли затем охранную службу».

Операция разворачивалась следующим образом: войдя в деревню (вначале никакого сопротивления не оказывалось), солдаты расстреливали всех, кого можно было подозревать в принадлежности к партизанам. Такowymi считаются практически все жители-мужчины в возрасте от 16 до 50 лет. Обосновывалось это тем, что они в свое время не ушли из этих мест, когда уходили комендатуры. Вслед

за регулярными войсками появлялись части СД, которые действовали примерно так: всех подозрительных среди тех, кто остался, расстреливали. Стариков и инвалидов, которым был не по силам долгий пеший марш — расстреливали. Остальные — в основном женщины с детьми — направлялись пешком к месту так называемого второго шлюзования. Тех, у кого в пути отказывали силы, расстреливали. Из сборных лагерей людей направляли в другие лагеря, например, в Саласпилс под Ригой, где женщин отделяли от детей и направляли на работу в Германию. Дети в возрасте от грудного до 16 лет распределялись среди латышского населения.

Деревни в большинстве случаев еще до прибытия хозяйственных команд с целью сбора оставшихся ценностей подвергались разграблению и сожжению. ... В ходе продолжающейся операции сопротивление все возрастало. В отдельных случаях разыгрывались настоящие сражения, в ходе которых пускали в ход и артиллерию. Причем партизанам почти всегда удавалось после окончания сражения скрыться, захватив с собой не только раненых, но и убитых. На завершающей стадии операции все чаще бывало, что жители заранее покидали свои деревни и русские их поджигали. Всего было уничтожено несколько сот деревень, среди них и такие, где насчитывались тысячи жителей».

По окончании операции, как отмечалось в отчете, «...латышские члены охранных отрядов возвратились домой с богатой добычей и теперь похваляются своими «славными делами»».

Правда, боевые успехи были мало впечатляющими. В отчете о результатах второй части операции за время с 25 февраля по 5 марта 1943 года приводились следующие результаты: «убитых в бою бандитов — 1», «подвергнутых особой обработке (то есть казненных) — 633», сожжены 31 деревня, несколько отдельных хуторов и кирпичный завод, захвачено около 1650 кг зерна (это было то, что «полицаи» не смогли разграбить и унести с собой). В графе «захваченное оружие, боеприпасы и другое вооружение» значился «один противогаз». Тем не менее в ходе одной только операции «Зимнес волшебство» каратели уничтожили 2558 мирных жителей Латвии и советских партизан, а еще 3951 человека угнали на каторжные работы в Германию¹.

¹ Молчанов В.К. Возмездие должно свершиться. С. 34—35. По другим данным, количество жертв среди мирного населения составило до 15 000 человек (Седунов А. Прибалтийские каратели в Псковской области // Электронное информационное агентство REGNUM (<http://www.regnum.ru/news/462135.html>)).

В 1941—1943 годах латышские полицейские батальоны и члены «команды Арайса» неоднократно участвовали в карательных операциях на территории Белоруссии. Так, например, летом 1942 года немецкая полиция безопасности передала охрану г. Слоним 18-му латышскому полицейскому батальону. Его командир Рубенис буквально в тот же день отдал приказ об уничтожении гетто (2000 чел.¹).

Следом за полицейскими батальонами шли подразделения «команды Арайса», которые участвовали в уничтожении Минского еврейского гетто, а также еврейского населения гг. Слуцк, Барановичи и Великие Луки на территории Белоруссии и Псковской области. Рассказывает бывший сотрудник Латышской полиции безопасности (бывшей «команды Арайса») Индрикс Круминьш, один из 120 латышских полицейских, которые в марте — июле 1942 года проходили обучение в Фюрстенбергской школе СД, а затем служили в 5-й роте особого отряда Арайса под командованием обер-лейтенанта Карлиса Озолса²:

«По окончании (Фюрстенбергской) школы документов на руки не выдавалось. 10 июля 1942 года со всеми окончившими Фюрстенбергскую школу СД в количестве 120 человек я прибыл в г. Ригу в штаб Арайса, размещавшийся в то время по улиц Кришьяна Барона, 99. Здесь мне было выдано удостоверение о том, что я состою на службе в отряде СД. Удостоверение было подписано начальником СД Латвии — доктором Ланге. После 10 дней отпуска часть окончивших школу СД была направлена на работу в отделения СД, а из

¹ Всего в Слониме было уничтожено 8000 евреев. См.: Донесение генерального комиссара Белоруссии В. Кубе рейхскомиссару «Остланда» о борьбе с партизанами и евреями от 31 июля 1942 г. ГАРФ. Ф.7021. Оп.148. Д.215. Л. 16—18.

² В числе этих 120 человек были также обештурмфюрер Карлис Озолс, рядовой Янис Приедитис (бывший столяр, футболист, участник уничтожения Минского гетто, впоследствии служил в 32-м полку 15-й латышской дивизии войск СС, затем предположительно был командиром 1-й роты 15-го фузилерного батальона 15-й латышской дивизии войск СС в звании гауптштурмфюрера, оборонявшей Берлин в апреле 1945 года), офицеры Стурманс, Лулзенекс, унтер-офицеры Янис Риндис (прибл. 1913—1914 г.р.), Петерс Лавриновичс (прибл. 1917 г.р.), Георгс Линде (прибл. 1917 г.р.), Петерс Пауренетис (прибл. 1918 г.р.), Линартс Круминьш, Альфредс Круминьш, Петерс Смукулис, Витолс, Тамс, Реизниекс, рядовые Индрикс Круминьш (1918 г.р.), Паулис Рудзитис (1921 г.р.), Арнольд Зуйка (1922 г.р.), Рейнис Либиетис (1923 г.р.), Альберт Дрейерс, Артур Зельдис, Индрикс Кантис, Николайс Круна, Карлис Лаурис, Рейнис Ливетс, Виллис и Харалд Лея, Элгар Маркс, Антонс Узуленс, Виталийс Пляотканс, Виллис Рунка, Петерс Эглитс, Анбергс, Васильев, Волянс, Дарзиньш, Земелис, Каностс, Лукашевичс, Мартинсонс, Поикас, Эзергайлис и др.

оставшихся была сформирована 5-я рота. Я также был зачислен в эту роту, которой командовал лейтенант Озолс Карлис и 20 июля 1942 года выехал в город Минск для участия в карательных экспедициях против партизан на территории Белоруссии.

Вопрос: Расскажите о карательной деятельности, проводимой вашим отрядом.

Ответ: 24 июля 1942 года мы прибыли в город Минск и первые два дня принимали лагерь, расположенный в 20 км от Минска, в котором содержалось еврейское население, привезенное из Германии, Австрии, Чехословакии, Румынии и других стран. Примерно 26—27 июля 1942 года я принимал участие в истреблении граждан, содержавшихся в Минском гетто.

Вопрос: Расскажите об этом подробно.

Ответ: 26 или 27 июля 1942 года в 4 часа утра мы на автомашинах приехали в минское гетто, расположенное в черте города. Помимо нашей роты, возглавляемой лейтенантом Озолсом, туда же прибыла рота СД лейтенанта Скамбергса и человек 50 немцев — сотрудников СД. Территория гетто была разделена на две части, каждая из которых была ограждена колючей проволокой. Посередине проходила дорога. Мы прибыли в одну из частей гетто площадью примерно 4 кв. км. Часть людей была расставлена для охраны гетто, а другая часть начала выгонять из домов все население, в том числе женщин, детей и стариков на базарную площадь, там же, внутри гетто.

Сгоняемых партиями людей мы вталкивали в газовые автомобили-душегубки, число которых было примерно пять. Я лично участвовал в выдворении людей из домов, а также вталкивал евреев в душегубки. Газовые автомобили беспрерывно уходили после погрузки в лес и возвращались обратно за новыми партиями.

Внутри гетто творилась ужасная картина, евреев стреляли ради забавы, грабили. Был случай, когда группа немцев привязали одного еврея на спину гранату, затем сами отбежали, а еврея разорвало.

Расстрелянных бросали также в душегубки.

В этот день операция производилась до захода солнца, и было умерщвлено приблизительно 10 тысяч советских граждан.

Умерщвленных увозили километров за 20 от Минска в лес, где закапывали в заранее заготовленные ямы размером 2 метра глубины, 4 ширины и около 30 метров длины.

На второй день эта операция повторилась. Причем к 12 часам дня в этой части гетто почти все евреи были умерщвлены и увезены, оставлены были лишь специалисты и их семьи. После этого мы перешли во вторую часть гетто, расположенную здесь же, через дорогу, и начали делать то же, что и накануне.

В этот день в душегубках было умерщвлено тоже около 10 тысяч человек. Во второй день я, так же как и в первый день, принимал участие в выгоне людей из помещений и помогал загонять их в газовые автомобили.

К вечеру операция была приостановлена, причем в этой части гетто еще оставалось около $\frac{2}{3}$ населения.

Вопрос: Куда увозили умерщвленных?

Ответ: Умерщвленных в душегубках советских граждан отвозили в лес километров за 20—30 от Минска. Я лично был в этом месте после этой операции через день-два. Тогда я в группе карателей около 30 человек возил заключенных из Минской тюрьмы для рытья ям. К этому времени, по моим подсчетам, там было уже около 20 зарытых ям с умерщвленными и расстрелянными. Заключенные, которых я охранял, вырыли в этот день еще 4 больших ямы, которые были предназначены для умерщвляемых.

Вопрос: Производились ли грабежи во время карательных операций в гетто города Минска и какое участие в них принимали Вы?

Ответ: Да, грабежи производились во время выселения населения из квартир. Я лично брал себе часы, золотые кольца, золотые деньги, которые впоследствии продавал, а деньги вместе с товарищами пропивал.

Вопрос: Расскажите о других подобных операциях.

Ответ: Помимо случая, о котором я указал выше, мне известно еще о четырех операциях, в которых я принимал непосредственное участие, когда производилось умерщвление советских граждан с помощью душегубок.

В начале августа 1942 года на окраине города Минска в районе бывших красноармейских летних казарм неизвестным был убит один немецкий офицер. По указанию начальника СД Белоруссии (фамилию его не помню) часть роты лейтенанта Озолса и сотрудники СД — немцы выехали в этот район и оцепили квартал. Было задержано около 500 человек, их увозили в тюрьму, где раздели, а затем погрузили в душегубки и умерщвленных увозили в заранее заготовленные в лесу ямы. В тюрьму их завозили для того, чтобы скрыть умерщвление в душегубках. Я лично в этот раз участвовал в аресте и посадке в автомашины задержанных при отправке их в тюрьму.

О том, что их умерщвляли в душегубках, мне впоследствии рассказывали сотрудники СД, которые конвоировали арестованных в тюрьму, фамилии этих сотрудников не помню.

Второй раз, в конце августа 1942 года, также в порядке мести за убийство немецкого офицера, я участвовал в аресте тысячи жителей города Минска, примерно в районе трамвайного депо. Умерщвле-

ние производилось таким же путем, как и в первый раз, т.е. арестованных увозили в тюрьму, где раздевали, загоняли в душегубки и трупы отвозили в лес.

В конце сентября 1942 года я в числе 30 карателей во главе с немецким капитаном, фамилию его не помню, из района Барановичи, где мы проводили карательную операцию против партизан, был отозван в город Минск, где мы, в течение 3-х дней отдыхали. В промежутке этого времени мы человек 20, с представителем комендатуры выехали в Минск в гетто, где, по поступившему донесению, в одном из домов хранилось оружие. В подвале мы обнаружили 2 или 3 русских винтовки. В доме, которому принадлежал этот подвал, находилась или больница, или какой-то детский дом, потому что там было много детей. Всех жителей этого дома, прятавшихся в подвалах, в количестве 25 человек, в том числе и детей, мы посадили в душегубку, где все они были отравлены газом. Умерщвленных в душегубке отвезли в лес.

23 июля 1943 года я возвратился из г. Риги из отпуска в Минск и вскоре с группой карателей человек в 30, из которых я помню — Михельсонс, Зельдис, Дубровскис, во главе с немецким старшим сержантом выехали в деревню, название ее не знаю, где, по поступившим данным, скрываются партизаны. Ехали мы, не помню, на одной или двух грузовых автомашинах, причем шли также одна легковая автомашина с шофером Озолиньшем и одна душегубка.

По приезду в деревню, которая расположена примерно в 50—60 км от Минска, мы сделали облаву, причем партизан не нашли. Мы спросили старосту, где партизаны. Он заявил, что они ему не докладывают куда, уходят. Тогда был арестован сам староста деревни, и по указке подкупного агента, фамилию его не знаю, мы арестовали 6 партизанских семей, всех загнали в душегубку. В это время из дома вышла беременная женщина, которая была накануне родов и просила помощи. Под предлогом отвезти ее в больницу женщину также посадили в душегубку.

Все эти советские граждане таким же способом были отравлены газом. После этого мы поехали в лес и в имеющуюся там яму закопали умерщвленных.

О других случаях умерщвления советских граждан при помощи газовых автомобилей мне неизвестно, так как я сам больше участия в подобных операциях не принимал¹.

¹ Протокол допроса обвиняемого Круминьша Индрикса Маргынвича (латышского легионера, выпускника школы СД) от 9.08.1945 г. Архив УФСБ по Саратовской области. Д.10-п/1005. Л. 476—487.

Карательные рейды в Белоруссию продолжались как минимум до весны 1944 года. По данным Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников, «голько за февраль и март 1944 года каратели из латышской дивизии СС уничтожили в одной лишь Витебской области 138 деревень, расстреляли и повесили 17 тысяч человек и угнали в рабство в Германию еще 13 тысяч...»

Одновременно с призывом в Латышский легион СС и ростом движения Сопротивления в Латвии начались принудительные мобилизации населения на работы в Германию.

Первые мобилизации рабочей силы оккупанты пытались проводить в Латвии более или менее добровольно, надеясь на свою пропаганду, развернутую при помощи местного самоуправления. Так, 19 марта 1942 года газета «Даугавас Вестнисис» («Даугавский вестник») поместила на своих страницах статью под заголовком «Думайте о том, что вы являетесь мужчинами Латгалии», которая содержала призыв к жителям Латгалии добровольно наниматься на работу в Германию. В той же статье содержался пропагандистский рассказ о группе латгальцев, которые были «торжественно препровождены в Великую Германию».

Но добровольные мобилизации не давали значительных результатов (хотя в Латвии и Эстонии они проходили намного успешнее, чем, например, в Литве или Белоруссии). Поэтому 3 ноября 1942 года рейхсфюрер СС Гиммлер приказал «брать в плен все излишнее и трудоспособное население в районах действия банд (то есть партизанских отрядов), оккупируемых и прочесываемых нами. Оно должно быть направлено в Германию в качестве рабочих».

Позднее, с лета 1943 года, мобилизации на работу в Германию стали принудительными.

«...Поначалу, в 1941 году, — вспоминал Йекельн, — рабочая сила для этой цели вербовалась на территории “Остланда” на добровольной основе. ... Так было до лета 1943 года, когда в Ригу прилетел Заукель, который собрал всех немецких военных и гражданских руководителей, комиссаров, в том числе руководителей местных «самоуправлений» и сделал для них доклад, нарисовав мрачную картину хозяйственного положения Германии. Заукель заявил, что Гитлер поручил ему мобилизовать в оккупированных странах один миллион рабочих рук в принудительном порядке, так как в Германии уже нет практически ни одного свободного человека».

«... Как обычно проходили насильственные мобилизации рабочей силы в Прибалтике? — рассказывает далее Йекельн. — На каж-

дый регион — Латвию, Литву, Эстонию — Берлином время от времени спускались разнарядки. В их реализации мне оказывали активную помощь местные органы полиции.

...Нашли способ, кого угонять в Германию и из Латвии. Бангерскис и Данкерс обратились с просьбой к Гимmlеру разрешить им угонять только тех лиц, которые находились в прифронтовой полосе и могли быть освобождены в скором времени Красной армией. Разрешение было получено...»

Прежде всего это касалось, опять же, жителей Даугавпилсского округа, так как именно здесь партизанское движение приобрело особый размах. На юго-востоке Латвии, в районе г. Россоны, возникла так называемая «Россонская партизанская республика», с которой каратели безуспешно пытались покончить в последние месяцы оккупации юго-восточной Латвии.

Осенью 1943 года в Россонско-Освейском районе (Себеж — Пустошка — Невель — Полоцк — Дрисса — Освея) силами немецких полицейских частей и 11 латышских полицейских батальонов была проведена операция «Генрих» (Heinrich), в ходе которой было уничтожено до 7 тысяч человек и было сожжено 12 деревень. Так, в 1943 году в районе Идрицы, Себежа и Невеля карательные акции осуществлял 1-й латышский полицейский полк «Рига», общей численностью до 2300 человек. За «храбрость, проявленную в боях с большевиками», националисты получили право носить специальные отличительные ленты на левом рукаве с надписью на немецком языке «Lett. Freiw. Pol. Regt. Riga» («Латышский добровольческий полицейский полк СС «Рига»). В 1944 году, вслед за полком «Рига», 2-й и 3-й латышские полицейские полки также вошли в специальную «оперативную группу Йскельна», действовавшую против псковских партизан и Красной армии на бывшей советско-латвийской границе.

Даже солдаты и офицеры Русской освободительной армии генерала Власова (РОА) писали о кровавых деяниях латышей в Белоруссии и на Псковщине: «Когда немецкие части... ушли, им на смену пришли части латвийского СС. И сразу же начался страшный беспричинный террор. Жители были вынуждены по ночам разбегаться по лесам и скрываться в них, как дикие звери... латышские эсэсовцы говорили, показывая на сотни трупов: "Мы их убили, чтобы уничтожить как можно больше русских"... Пережившие это страшное время крестьяне Псковщины рассказывали, что немцы перед своим уходом предупреждали их о том, что следует спасаться и уходить из деревень, поскольку "скоро придут эстонцы или латыши и сожгут всех"».

Не менее жуткий рассказ приводится в донесении офицера по особым поручениям тыла РОА поручика В. Балтиньша, латыша по национальности, представителю РОА в Риге полковнику В. Позднякову от 26 мая 1944 года:

«В середине декабря 1943 года по делам службы пришлось мне быть в Белоруссии... Деревни занимали немецкие части и вполне терпимо относились к населению, но когда им на смену пришли латышские части СС, сразу начался беспричинный страшный террор... Вокруг этих деревень лежало много трупов женщин и стариков. От жителей я выяснил, что этими бесчинствами занимались латышские СС. 23 апреля 1944 г. пришлось мне быть в д. Морочково. Вся она была сожжена. В погребах жили эсэсовцы... Я спросил у одного из них, почему вокруг деревни лежат трупы убитых женщин, стариков и детей, сотни трупов непогребенных... Ответ был таков: «Мы их убили, чтобы уничтожить как можно больше русских». После этого сержант подвел меня к сгоревшей хате. Там лежало несколько обгорелых полузасыпанных тел. «А этих, — сказал он, — мы сжигали живьем»... В начале мая в районе д. Кобыльники в одной из ложбин мы видели около трех тысяч тел расстрелянных крестьян, преимущественно женщин и детей. Уцелевшие жители рассказывали, что расстрелами занимались «люди, понимавшие по-русски, носившие черепа на фуражках и красно-бело-красные флажки на левом рукаве» — латышские СС».

В данном случае речь идет о преступлениях 1-го латышского добровольческого полка «Рига», которым командовал латышский полковник Роберт Осис, сменивший на этом посту полковника Мейя.

Латышский полицейский добровольческий полк «Рига» был сформирован приказом от 27 июля 1943 года¹. I батальон полка «Рига» был сформирован на основе 276-го или 277-го латышского полицейского батальона; II батальон — на основе 277-го или 278-го латышского полицейского батальона; III батальон — на основе 278-го или 312-го латышского полицейского батальона; IV батальон — на основе 312-го, 276-го или 281-го латышского полицейского батальона. В сентябре 1943 года полк был переименован в 1-й латышский полицейский полк СС «Рига»².

¹ Tessin G. Die Stäbe und Truppeneinheiten der Ordnungspolizei. S.59; Munoz A.J. Vol.1. The Baltic Schutzmannschaft. P.35. По другим данным, он был сформирован 1 августа 1943 года. См.: Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich. Vol.4. P.172; Thomas N., Abbot P., Chappel M. Partisan Warfare 1941-45. P.16.

² Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol.1. The Baltic Schutzmannschaft. P.35. По другим данным, переименование произошло в мае 1944 г. См.: Littlejohn D. Vol.4. P.172; Thomas N., Abbot P., Chappel M. Partisan Warfare 1941-45. P.16.

20 сентября 1943 года полк «Рига» был отправлен «для борьбы с партизанами» в район Онса и Браслав (Вигтебская область Белоруссии, вблизи белорусско-латвийской границы). Именно там и происходили страшные события, описываемые поручиком РОА Балтиньшем. По завершении карательной операции, в конце октября 1943 года, полк форсированным маршем был отправлен в Литву, где был погружен на поезд и перебросен в Идрицу (в 50 км северо-западнее Невеля), где опять же занимался борьбой с партизанами в прифронтовой полосе, а в ноябре 1943 года был вынужден принять участие в боевых действиях на фронте в 10 км между озерами Нечердо и Ясное (в 45 км западнее г. Невель).

Между прочим отметим, что с начала 1944 года личный состав полка был переобмундирован в ээсовскую униформу (раньше солдаты и офицеры полка «Рига» носили форму германской полиции порядка). В апреле 1944 года полк «Рига» снова участвовал в антипартизанских операциях. В мае 1944 года его направили в район Вильнюса для борьбы с партизанами (численность партизанских сил в этом районе оценивалась приблизительно в 2 бригады). В июле 1944 года вместе с 2-м латышским полицейским полком образовал «Боевую группу «Осис» (в составе «Боевой группы СС «Йскельн»), названную так по имени командира полка «Рига» Роберта Осиса. В октябре — ноябре 1944 года полк участвовал в обороне Данцига и там же в ноябре — декабре 1944 года был расформирован. Его личный состав был направлен на пополнение 15-й латышской дивизии войск СС.

Добавим к этому, что сфера деятельности латышских полицейских отрядов не ограничивалась собственно Латвией, а также Белоруссией и Псковской, Новгородской и Ленинградской областями. Многие из них отправлялись «в командировку» на Украину, где также выполняли карательные функции. На Украине каратели 22-го Даугавпилсского латышского полицейского батальона безжалостно действовали в районах Житомира и Луцка. 23-й Гауйский латышский полицейский батальон действовал в районах Днепропетровска и Керчи, 25-й Абавский латышский полицейский батальон — в районах Коростеня и Овруча, а 28-й Бартский латышский полицейский батальон — в районе Кривого Рога.

Цель антипартизанских операций на юго-востоке Латвии и в приграничных районах Белоруссии и Псковской области была двоякой. Во-первых, покончить с партизанскими отрядами, угрожавшими как проводимым оккупантами мероприятиям, так и военным коммуникациям вермахта. Во-вторых, захватить как можно больше материальных ценностей и рабочей силы для отправки на принудительные работы в рейх.

По данным Чрезвычайной республиканской комиссии Латвийской ССР по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников, только на территории Латвии было истреблено 313 798 мирных жителей (в том числе 39 835 детей), включая около 100 000 собственно жителей Латвии, и 330 032 советских военнопленных. На принудительные работы в Германию из Латвии и приграничных псковских и белорусских областей было угнано 279 615 человек, что было даже больше, чем в Литве. Из числа вывезенных в Германию большая часть погибла в лагерях и на сооружениях укреплений в Восточной Пруссии. Экономический же ущерб от немецко-фашистской оккупации Латвии составил около 20 млрд рублей в довоенных ценах.

В Белоруссии за годы немецко-фашистской оккупации, в том числе при помощи латышских, литовских и эстонских карателей, было уничтожено более 2 200 000 человек (в том числе свыше 1 400 000 человек гражданского населения и 800 000 военнопленных). В руины превращены 209 городов и районных центров, сожжено около 9200 деревень (1,2 млн зданий), около 3 миллионов человек остались без крова; уничтожено около 10 тысяч промышленных предприятий, тысячи колхозов, десятки совхозов, сотни МТС. Непосредственный материальный ущерб за годы оккупации составил 75 млрд рублей (в ценах 1941 г.).

В Псковской области германскими войсками и латышскими, эстонскими и литовскими «полицаями» были уничтожены практически все промышленные предприятия, коммунальное хозяйство, учреждения культуры и здравоохранения, было расстреляно, повешено и сожжено 391 607 мирных жителей, более 150 000 человек было угнано в Германию и другие страны, а общая сумма экономического ущерба от их деятельности составила 13 млрд 460 млн 182 тысячи 502 рубля (в ценах 1946 года).

Разгром под Новоржевом

Тем временем с февраля 1944 года обе латышские дивизии СС — 15-я и 19-я — действовали в составе VI добровольческого корпуса СС (с 28 марта 1944 г. корпус находился в подчинении 16-й армии группы армий «Север»). Сам корпус был в начале 1944 года переименован в VI армейский корпус войск СС (латышский) (VI. Waffen-Armee Korps der SS (Lettisches)).

В июле 1944 года на VI корпус СС была возложена задача по прикрытию отступающих частей немецкой 16-й армии на Новоржевс-

ком выступе. По свидетельству многих, корпус был фактически брошен на гибель как пушечное мясо. 7 июля, говоря по прямой связи с командующим группой армий «Север» генерал-полковником Фриснером, Гитлер сказал по этому поводу: «Если у латышей прорыв будет делом неприятным, то на правом фланге — смертельным». Некоторые легионеры и сами понимали, что ими, попросту говоря, затыкают брешь в линии фронта. 10 июля в 19.30 вечера началось наступление советской 10-й гвардейской армии на участке фронта, который обороняли латышские дивизии. Легионеры бежали, бросая оружие, многие сдались в плен частям Красной армии. Фронт был прорван за несколько часов. Наутро 11 июля 1944 года штаб группы армий «Север» доложил верховному командованию: «Прорыв противника в полосе 6-го корпуса СС и отказ 15-й латышской дивизии (занять новые позиции) вынуждают использовать 2 батальона 93-й пехотной дивизии, которые уже погружены для перевозки». Вечером того же дня штаб группы армий в своем рапорте в Берлин по поводу отступления латышских дивизий отмечал: «Командование группы армий «Север» не может более рассчитывать на использование этих дивизий в активных операциях». Командующий немецкой 16-й армии заявлял еще более категорично: «Командование корпуса считает обе латышские дивизии непригодными в качестве пехотных формирований». 15 июля был издан приказ командующего группой армий «Север» расформировать обе латышские дивизии, артиллерию, противотанковые и все тяжелые орудия передать 10-му армейскому корпусу.

Даже сами бывшие командиры латышских частей, в частности, капитан К. Аугусткалнс, после войны отмечали, что «наши собственные сравнительно хорошо отдохнувшие и упорядоченные дивизии (численностью около 20 тысяч человек), отступая от Опочки, обе распались в течение нескольких дней». 15-я дивизия фактически перестала существовать всего за одну ночь, а остатки 19-й дивизии, отступившие за реку Айвиесте, удалось собрать только в августе 1944 года. От обеих дивизий осталось лишь три «боевые группы», то есть три батальона. В том же месяце остатки обеих латышских дивизий были отведены в Восточную Пруссию для пополнения и отдыха.

В связи со значительными потерями, понесенными на фронте 15-й и 19-й латышскими дивизиями СС летом 1944 года, в Латвии началась новая мобилизация в Латышский легион СС. Для его пополнения был объявлен призыв лиц 1925—1926 г.р., а лица 1906—1924 г.р., ранее получившие отсрочку, были вызваны на переосвидетельствование. Призывники 1927 и частично 1928 г.р. зачислялись

в части ПВО и наземные части ВВС в качестве «хелферов». Мобилизация проводилась в разных округах и уездах Латвии в разные сроки. Так, в Митавском округе соответствующее распоряжение окружного фюрера СС и полиции подполковника полиции Неймана о призыве лиц 1906—1924 г.р. (на переосвидетельствование) и лиц 1925—1926 г.р. появилось лишь в августе 1944 года. Распоряжение было издано на основании аналогичного приказа генерал-инспектора и начальника Команды пополнения войск СС «Латвия» Бангерскиса. Постепенно, в целях доукомплектования Латышского легиона СС, в него был зачислен личный состав некоторых полицейских батальонов и полков «пограничной стражи».

Бангерскис в письме на имя рейхсфюрера СС Гимmlера от 6 июля 1944 года жаловался на то, что призыв проводится полностью под руководством Инспекции пополнения войск СС «Остланд», его же, как главу команды пополнения войск СС «Латвия», даже не информируют. И действительно, все вопросы, связанные с мобилизацией, теперь единолично решал Йекельн — высший представитель Гимmlера в Прибалтике, все более и более пользовавшийся диктаторскими полномочиями.

В начале июля 1944 года Йекельн объединил последние резервы СС и полиции в Латвии, образовав из них так называемую «Боевую группу СС «Йекельн». 8 июля 1944 года он приказал включить в нее все латышские полки пограничной стражи. Ядро «боевой группы» составили 2-й, 4-й, 5-й и 6-й латышские полки пограничной стражи, все три латышских полицейских полка, два эстонских полицейских батальона и одна немецкая танковая рота. Все эти силы должны были занять заградительную позицию в 12—20 км позади участка II корпуса.

Это были напрасные усилия. Полки «пограничной стражи» состояли в основном из необстрелянных новобранцев, насильно призванных на службу. Некоторые, как, например, 5-й полк, не имели даже боеприпасов. Остальные полки — 2-й, 4-й и 6-й — в большой спешке с 7 по 10 июля были переброшены на участок фронта южнее Даугавпилса. Многие впервые получили в руки оружие только после прибытия на место, причем все это оружие было трофейным, самых разных образцов и калибров, и к нему не всегда имелись патроны. Сразу же было отмечено плохое моральное состояние этих трех полков. Сами командиры оправдывали это работой «большевистской агентуры, развернувшей свою пропагандистскую деятельность прямо в частях». Часто дело доходило до массового дезертирства. Так, например, при выгрузке 4-го полка произошел бунт, при подавлении которого многие офицеры и унтер-офицеры были ране-

ны. По некоторым свидетельствам, зачинщики мятежа впоследствии перешли на сторону Красной армии и сражались в рядах латышских частей по ту сторону фронта.

В это время произошла размолвка между командованием «Боевой группы «Йекельн» и II корпуса по поводу пополнения в лице трех полков пограничной стражи (2-й, 4-й, 6-й), в котором нуждались и те и другие. Йекельн первым покинул поле боя (в прямом и в переносном смысле). 9 июля 1944 года он отбыл в тыл, возложив командование на своего заместителя генерал-майора полиции Гизеке (в связи с этим с 24 июля соединение стало называться «Боевая группа «Гизеке»). Вернувшись в Германию, 27 августа 1944 года Йекельн за свои «подвиги» в Прибалтике в качестве командира «Боевой группы», а также за действия против Красной армии в районе Чудского озера был награжден Рыцарским крестом.

Тем временем в ходе летних боев 1944 года большая часть территории Латвии была освобождена от немецко-фашистских захватчиков советскими войсками. Но на этом оккупация не закончилась. В отличие от Эстонии и Литвы, Латвия продолжала оставаться под немецкой властью вплоть до мая 1945 года. Впереди еще были бои в Курляндии, продолжавшиеся до самой капитуляции фашистской Германии...

ГЛАВА 13

ЭСТОНИЯ: «СПАСИБО ГИТЛЕРУ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ БОЛЬШЕВИЗМА...»

Четыре претендента на власть

В первые месяцы оккупации в Эстонии, как и в Латвии и Литве, началось возрождение довоенных националистических партий. Была вновь создана аграрная партия — «Отечественный Союз» («Изамаалиит»), являвшаяся единственной правящей партией до 1940 года. В нее входили в основном крупные земельные собственники, представители финансового капитала, военные и гражданские чиновники, владевшие лучшими участками земли, в числе которых были последний президент Эстонии Пятс и военный министр генерал Лайдонер. Именно из бывших членов «Изамаалиита», политиков эпохи диктатуры Пятса, которые не были депортированы из страны при советской власти и в момент германского вторжения находились на территории Эстонии, образовалась группа во главе с бывшим председателем Государственного совста и последним премьер-министром Эстонии Юрием Улуотсом, впоследствии известная как «группа Улуотса».

Одновременно была вновь образована и партия «Вапс» («Союз участников освободительной войны»), распущенная при диктатуре Пятса. Она объединяла силы, ориентировавшиеся на гитлеровский рейх, и долгое время финансировалась из Германии, а ее лидеры активно сотрудничали с германской и финской разведками. В числе последних был и будущий глава Эстонского самоуправления доктор Хялмар Мяэ. Были вновь созданы и некоторые другие довоенные партии.

Обе эти политические группировки надеялись прийти к власти, пользуясь представившимся случаем — германским вторжением и оккупацией.

27—28 июля 1941 года по инициативе Улуотса в Тарту состоялась конференция, на которой обсуждалось положение в Эстонии. Собравшиеся в Тарту ведущие деятели «группы Улуотса» — сам Юрий Улуотс, бывший вице-председатель парламента Эстонии Альфред Маурер, заместитель министра иностранных дел Николай Касик, заместитель ректора Тартуского университета Эдгар Кант, профессор Юхан Вазар и другие — подписали меморандум, содержащий обращение к германскому правительству. 29 июля он был передан главнокомандующему группы армий «Север» фельдмаршалу фон Лесбу.

«Меморандум группы Улуотса» был составлен в довольно осторожных выражениях, но и отказываться от независимости, — хотя бы в ограниченной форме, — Улуотс не собирался. Поэтому в нем говорилось, что эстонцы готовы и дальше бороться «за окончательное освобождение своей страны от господства России и за освобождение 100 000 угнанных в Россию эстонцев». (В действительности эта цифра завышена почти в 10 раз!) С этой целью Улуотс выражал готовность воссоздать эстонские вооруженные силы. Однако для проведения мобилизации, — говорилось в меморандуме, — необходимо создать правительство независимой Эстонии.

Таким образом, создание эстонских вооруженных сил было поставлено в прямую зависимость от предоставления Эстонии хотя бы относительного суверенитета. «Если немцы хотят, чтобы эстонцы сражались на их стороне, — рассуждали Улуотс и его сторонники, — нужно создать эстонскую армию, а чтобы создать армию, — нужно восстановить государственность». Будучи официальным заместителем президента Пятса, Улуотс считал себя последним конституционным главой эстонского правительства. Поэтому, в качестве «законного наследника престола», он намеревался восстановить прежний государственный строй в Эстонии путем создания нового правительства по «принципу преемственности». Такое правительство, по его мнению, должно было пользоваться полным доверием эстонского народа и могло бы гарантировать немецким властям любую помощь и сотрудничество.

Ошибка Улуотса состояла в том, что он неверно понимал цели германского вторжения. По мнению германского правительства, к которому он апеллировал, Эстония являлась не освобожденной, а захваченной советской территорией. Офицер связи германского МИДа при группе армий «Север» направил этот меморандум в ми-

нистерство иностранных дел рейха, но официального ответа на него так и не последовало. Лишь в середине августа 1941 года, после того как меморандум был рассмотрен германским МИДом, по неофициальным каналам был получен ответ примерно следующего содержания: «На оккупированной территории не может быть никакого правительства и самостоятельных вооруженных сил». Одновременно эстонцам дали понять, что верховное политическое руководство рейха не заинтересовано в предоставлении независимости Прибалтийским республикам, даже самой ограниченной. Не может идти речь и о действительном самоуправлении: допустимо лишь вспомогательное самоуправление под контролем немецкой администрации.

Два крупнейших эстонских «полевых командира» — майор Фридрих (Франц) Кург, заправлявший в Тартуском уезде, и полковник Виктор Кёрн, чей отряд действовал в окрестностях Пярну, — также не скрывали своих политических амбиций.

Так, майор Ф. Кург, поддерживавший тесные связи с Юрием Улуотсом, начал создавать свою администрацию в уездах Эстонии, назначив сельского старшину Тартуского уезда и бургомистра города Тарту. Сам Улуотс, прибывший в Тарту позже, одобрил эти меры. 14 июля 1941 года Кург назначил также руководителей повстанческих отрядов в провинциях Тарту, Выру и Валга. Но его претензии простирались дальше — стать верховным главой гражданской и военной власти во всей Южной Эстонии, поэтому 17 июля 1941 года майор Кург «назначил» своего конкурента, полковника Виктора Кёрна, руководителем повстанческих отрядов в провинциях Вильянди и Пярну!

Полковник Кёрн также претендовал на то, чтобы стать единственным представителем еще не созданного «Эстонского правительства» и с этой целью также пытался установить контакт с Улуотсом, правда, безуспешно. Столь же безуспешной была его попытка создать свое собственное правительство Эстонии, так как немецкие власти (эйнзатцгруппа «1а», взявшая на себя функции полиции безопасности и СД) не одобрили этого. В юго-западных районах, находившихся под его властью, Кёрн приказал восстановить прежнюю административную систему эпохи правительства Пятса — советы общин. 9 июля 1941 года он назначил в Пярнуской провинции начальника провинциальной полиции и сельских старшин, поручив последним назначить бургомистров и советы общин в тех населенных пунктах, где таковые еще не были созданы. Их деятельность (согласно приказу Кёрна, считавшего себя высшей военной и гражданской властью в Эстонии) должна быть

возобновлена также с 9 июля. Таким образом, немецкие власти были поставлены перед фактом: к их приходу в Эстонии была отчасти восстановлена довоенная административная система из советов общин, сельских старшин, бургомистров (что касается полицейской администрации, то этот вопрос рассматривается ниже). Немецкие власти, как военные, так и гражданские, приняли эту систему без особенных изменений.

Однако вскоре германские оккупационные власти заявили Кёрну, чтобы он и думать не смел ни о создании какого-нибудь правительства, ни о передаче ему гражданской власти. Ему недвусмысленно дали понять, что он должен будет ограничиться ролью руководителя националистического повстанческого движения. При этом немцы ссылались на то, что согласно Женевским соглашениям, вся гражданская власть на оккупированных территориях должна принадлежать германскому вермахту. После гибели полковника Кёрна при загадочных обстоятельствах 19 июля 1941 года немецкий военный комендант предпринял некоторые изменения в распределении власти между полицией, командирами националистических бандформирований и эстонским гражданским управлением. Примечательно, что в Северной Эстонии, где вся власть принадлежала немецкой военной администрации, были приняты точно такие же меры по восстановлению административной системы довоенной Эстонии; только здесь приказы о создании советов общин и назначении бургомистров и сельских старшин исходили от немецких комендантов. Так, например, 24 августа 1941 года приказом генерала фон Рока (командующего тыловым районом группы армий «Север») адвокат Карл Террас был назначен бургомистром Таллина, хотя сам город был взят лишь четырьмя днями позже.

Наряду с «группой Улуотса» в оккупированной Эстонии существовала и вторая политическая группировка, состоявшая в основном из бывших членов партии «вапсов».

Еще в конце мая 1941 года в Хельсинки был создан «**Эстонский освободительный комитет**» во главе с одним из бывших лидеров «вапсов» д-ром Хялмаром Мяз. Его членами являлись д-р Александр Массакас, д-р Харри Рютман, адвокат Карл Гран, Вальтер Котсар, майор Аксель Кристиан. По-видимому, все члены комитета так или иначе являлись агентами абвера — как, например, сам Мяз или Аксель Кристиан, сотрудник «Бюро Целлариуса». Комитет провозглашал своей целью достижение «свободы и независимости эстонского народа при поддержке дружественных государств» и заявлял о готовности взять на себя верховную политическую власть в Эстонии,

пока «не будет восстановлена государственность на основе новой конституции, выработанной во взаимодействии с Германским рейхом».

Несколько слов о главе этого комитета, д-ре Мяэ.

Справка: **Хялмар Мяэ (Мде)** (24 октября 1901 — 10 апреля 1978), д-р, в 1930-е годы был одним из активистов реакционной и прогерманской «Партии вапсов», однако даже после военного переворота Пятса в 1934 году сумел сохранить доверие нового режима. Накануне войны Мяэ стал председателем так называемого «Эстонского освободительного комитета», который контролировался из Берлина, хотя его штаб-квартира размещалась на территории Финляндии. После оккупации Эстонии германскими войсками, в июне 1941 года Мяэ был назначен главой эстонского самоуправления — 1-м ланддесдиректором (одновременно до 1943 года занимая в самоуправлении пост ланддесдиректора юстиции). В 1944 году Эстонское самоуправление было распущено в связи с тем, что большая часть «генерального комиссариата «Эстония» была освобождена советскими войсками. После вступления на территорию Эстонии советских войск Мяэ, как большинство остальных чиновников Эстонского самоуправления, бежал в Германию. После войны Хялмару Мяэ удалось избежать выдачи советским властям и обосноваться на Западе. В эмиграции активно участвовал в работе эстонских националистических организаций.

О своей политической концепции Мяэ проинформировал представителя германского министерства иностранных дел. Его политическая программа предполагала «полгода на (пропагандистскую) подготовку эстонского народа», после чего будет возможна «надежная тесная связь Эстонии с рейхом». Главной идеей идеологической подготовки эстонского народа Мяэ считал воспитание «общеевропейского мировоззрения». Для этого эстонцы должны были принять участие в борьбе за «новую Европу» против большевизма, чтобы почувствовать «общую судьбу с немецкими солдатами». (Впоследствии эти лозунги оказались очень живучими и были заимствованы кругами СС для своей пропаганды.)

Д-р Мяэ отнесся «с пониманием» к германским планам частичной колонизации Прибалтики и создания там немецких поселений. Территориальные претензии Мяэ (за счет некоторых областей РСФСР) были незначительными и, по-видимому, служили лишь созданию видимости борьбы за «национальные» интересы Эстонии. Лидеров довоенных эстонских партий типа Улуотса предполагалось оттеснить на второй план и не допустить к политической деятельности. Разумеется, эта программа произвела благоприятное впечат-

ление на сотрудников германского МИДа. Таким образом, «лицевая» сторона программы Мяэ, предназначенная для эстонского народа, почти не отличалась от программы Улуотса. Однако и самому Мяэ, и немецкому МИДу было ясно, что ее «изнаночная» сторона является безоговорочно прогерманской, даже по сравнению с программой Улуотса, которая, как известно, также была составлена с учетом интересов рейха.

Мяэ и его «штаб» прибыли в Эстонию сравнительно поздно, но это не помогло его конкурентам... Влиятельные люди в германских министерствах и спецслужбах заранее сделали ставку именно на него. Кандидатуру Мяэ поддерживали в Германии Петер Клейст и Отто Бройтигам. Клейст лично ходатайствовал перед Розенбергом, а позднее и в Главном управлении имперской безопасности о назначении Мяэ главой коллаборационистского правительства Эстонии, и в итоге добился их поддержки.

Выбор был сделан...

Германская оккупационная администрация в Эстонии

До установления в Эстонии немецкого гражданского управления вся ее территория находилась под контролем немецкой военной администрации. Вся северная часть Эстонии, как и некоторые районы Псковской и Ленинградской областей, которые предполагалось присоединить к генеральному комиссариату «Эстония», являлись тыловым районом группы армий «Север» и ее 16-й и 18-й армий. На территории Эстонии военную администрацию представлял командующий тыловым районом группы армий «Север» генерал пехоты Карл фон Рок, штаб-квартира которого находилась в городе Выру. После взятия Таллина в сентябре 1941 года тыловой район группы армий «Север» включал в себя почти всю территорию Эстонской республики, за исключением города Нарвы и близлежащих сельских районов. Позднее часть этой территории перешла в ведение немецкой гражданской администрации. При этом, так как Эстония все еще считалась оперативным районом, фон Рок сохранил за собой некоторые полномочия, примерно те же, которыми располагал командующий вермахта в рейхскомиссариате «Остланд» на остальной территории Прибалтики.

Темпы продвижения немецких войск иллюстрируют следующие даты: 11 июля 1941 года был захвачен город Тарту; 8 июля — Псков, который немцы предполагали включить в состав генераль-

ного комиссариата Эстонии. 17 августа 1941 года части немецкой 18-й армии вступили в Нарву, находившуюся на границе Эстонии и Ленинградской области, а 28 августа был взят Таллин. К концу августа уже вся территория Эстонии находилась в руках немцев. Последним, 21 октября 1941 года, был захвачен остров Хийюмаа.

Гражданское управление в Эстонии было введено позже, чем на территории других республик Прибалтики, а именно — 5 декабря 1941 года. Генеральным комиссаром Эстонии был назначен обергруппенфюрер СА, барон Карл Сигизмунд Литцман.

Справка: **Карл Сигизмунд Литцман** родился 1 августа 1893 года в г. Минден (Вестфалия) в семье известного генерала Литцмана, героя Первой мировой войны.

В 1929 году Карл Сигизмунд Литцман вступил в НСДАП и СА и с 1933 года являлся руководителем 3-й обсергруппы СА (эквивалент корпуса) со штаб-квартирой в Штеттине. После прихода нацистов к власти с сентября 1933 года Литцман одновременно служил правительственным советником (регирунгсратом) в земельном правительстве Пруссии. 12 ноября 1933 года избран депутатом рейхстага. Во время «Ночи длинных ножей» 1934 года, когда Гитлер расправился со своими противниками (в том числе из руководства СА), Литцман проявил лояльность к Гитлеру, за что был вознагражден. В 1935 году он стал членом Народной судебной палаты.

В 1941 году Литцман был назначен генеральным комиссаром Эстонии. Под его контролем было организовано местное эстонское самоуправление, начали формироваться части эстонской вспомогательной полиции. При Литцмане на территории Эстонии было создано 25 концлагерей, уничтожено 61 000 мирных жителей (в том числе граждан иностранных государств) и 64 000 советских военнопленных. В конце войны Литцман пропал без вести.

Вскоре после своего назначения Литцман утвердил пять окружных комиссаров (гебитскомиссаров) во главе каждого из пяти округов Эстонии, делившихся в свою очередь каждый на две провинции (Lehen), а также двух городских комиссаров (штадткомиссаров) в городах Таллин и Печоры, образовавших отдельный округ. В задачи гебитс- и штадткомиссаров входил контроль за работой провинциальных органов самоуправления и советов общин. Таким образом, административная структура генерального комиссариата «Эстония» была практически такой же, как и в довоенной Эстонии — комиссариат состоял из пяти округов, каждый из которых включал в себя от одного до трех провинций (уездов) — итого 10 провинций.

Верховную полицейскую власть представлял фюрер СС и полиции в Эстонии, бригадфюрер СС и генерал-майор полиции Хинрих Мёллер. В его штаб входил командир полиции безопасности и СД в Эстонии, совмещавший также пост командира эйнзатцкоманды «1а» — штурмбанфюрер СД (позднее штандартенфюрер СД) д-р Мартин Зандбергер (позднее его сменил Р. Баатц). Это был второй по значимости пост в аппарате немецкой полиции в Эстонии. Третьей по значимости была должность командира полиции порядка в Эстонии.

Доктор Мяэ выходит на сцену: создание эстонского самоуправления

Доктор Хялмар Мяэ вылетел самолетом на родину 25 июня 1941 года в сопровождении свиты из сотрудников СД во главе с оберштурмбанфюрером СД Хайнцем Грэфе (начальником группы VI С в РСХА, отвечавшем за разведку в «русской и японской зонах влияния»). Д-ра Мяэ сопровождали также его доверенное лицо Юхан Либе и представитель «Восточного министерства» Петер Клейст. В том же самолете летели будущие лидеры коллаборационистов Латвии и Литвы. Но им не удалось добраться дальше Тильзита и, так как линия фронта проходила еще в районе Даугавы, Мяэ ничего не оставалось, кроме как вернуться в Берлин.

Только 17 августа 1941 года, после многочисленных трудностей, Мяэ в сопровождении Клейста выехал из Риги и достиг эстонского города Выру, где находилась штаб-квартира генерала фон Рока, командующего тыловым районом группы армий «Север». Оттуда, благодаря поддержке фон Рока, ему удалось перебраться в Тарту и оборудовать свою штаб-квартиру в городском «Гранд-отеле». Двумя днями позже туда прибыло его ближайшее окружение — Альфред Вендт и Оскар Ангелус. Как и сам Мяэ, оба они были ставленниками немецких служб. Кандидатуру Вендта предложил в свое время Петер Клейст, а кандидатуру Ангелуса — сам имперский министр Розенберг.

31 августа военное положение наконец позволило Мяэ окончательно перебраться в Таллин, который был занят немецкими войсками всего три дня назад. Там он впервые встретился с доктором Зандбергером, командиром эйнзатцкоманды «1а», и занялся размещением и организацией будущего самоуправления Эстонии. Так как официальное разрешение на это еще не было получено, основные ведомства самоуправления назывались «Бюро Мяэ», «Бюро

Вендта» и «Бюро Ангелуса». Чуть позже состоялась встреча Мяэ с будущим генеральным комиссаром Эстонии Литцманом, который уже в сентябре 1941 года предпринял неофициальную поездку в Эстонию, к месту своего будущего назначения. На д-ра Мяэ он произвел хорошее впечатление. От его взгляда не укрылось, что Литцман явно стремился как можно быстрее приступить к своим обязанностям и заранее ознакомиться с обстановкой. Но 25 октября 1941 года, по предложению группы армий «Север», ОКХ решило отложить введение гражданского управления в Эстонии до 5 декабря 1941 года.

«Эстонское самоуправление» (эст.: Eesti Omavalitsus) было назначено приказом генерала фон Рока от 15 сентября 1941 года. Мяэ получил пост «1-го ландесдиректора», то есть главы самоуправления. Он имел под своим началом аппарат директоров, построенный по образцу кабинета министров. Первоначально Эстонское самоуправление должно было состоять всего из пяти ландесдиректоров. Директорат по вопросам внутреннего управления возглавил Оскар Ангелус, отвечавший за эстонскую полицию и организацию «Омакайтсе»; директорат экономики и финансов возглавил доктор Альфред Вендт; директорат по социальным вопросам — Отто Леесмент; директор по вопросам сельского хозяйства — Генрих (Ханс) Саар. Пятый директорат, образования и культуры, возглавлял сам доктор Хялмар Мяэ. Позднее, за счет разделения полномочий, к ним прибавились еще два. В мае 1942 года был образован директорат по вопросам техники и транспорта (ранее этими вопросами занимался директорат экономики и финансов), во главе которого стал Арнольд Раадик. Наконец, с января 1943 года был создан директорат юстиции, который возглавил Оскар Эпик (до того вопросами юстиции занимался сам д-р Мяэ).

Позднее, в марте 1942 года, рейхскомиссар Лозе высказал мысль, что местное самоуправление не должно заниматься экономическими вопросами, так как в результате якобы немецкая гражданская администрация и местное самоуправление дублируют друг друга. Начальник главного отдела «Экономика» в рейхскомиссариате «Остланд», Матиссен, еще в январе 1942 года потребовал упразднить в составе Эстонского самоуправления директорат по экономическим вопросам, возглавляемый Вендтом, и учредить вместо него объединенную немецко-эстонскую Экономическую палату во главе с принцем ну Гогенлоэ¹, что и было сделано в конечном счете.

¹ Принц ну Гогенлоэ являлся начальником Главного отдела «Экономика» в генеральном комиссариате «Эстония».

Согласно приказу фон Рока от 15 сентября 1941 года о задачах и полномочиях самоуправления, директора имели право набирать своих сотрудников из числа специалистов, осуществлять свои полномочия от имени командующего и «в соответствии с предшествующими законами и распоряжениями», если они не был отменены или изменены. Как было пояснено позднее в радиообращении Мязэ 20 сентября 1941 года и в распоряжении Ангелуса от 14 октября 1941 года, в данном случае подразумевались прежде всего законы бывшей республики Эстонии, действовавшие до 21 июня 1940 года, а также советские законы, не противоречившие первым. С письменного разрешения фон Рока, ланддиректора в отдельных случаях имели право «издавать распоряжения, имеющие законодательную силу». Заседания самоуправления велись на немецком языке, чтобы постоянно присутствующий на них представитель СД понимал, о чем идет речь. По идее представитель военной администрации также должен был присутствовать на них, но генерала фон Рока настолько мало интересовали эти заседания, что он даже не прислал своего офицера. Протокол заседания вел статс-секретарь Волдемар Тарту. Согласно утверждениям Мязэ, заседания проходили раз в неделю, при необходимости — чаще. Ангелус, напротив, утверждает, что регулярные заседания имели место лишь в первые дни, а потом стали простой формальностью и возобновились лишь с начала 1944 года, когда военное положение стало критическим. Постановления Эстонского самоуправления регулярно публиковались на немецком и эстонском языках в бюллетене «Служебный вестник» (нем.: «Amtlicher Anzeiger» / эст.: «Ametlik Teataja»).

Впоследствии сам Мязэ клялся, что получал указания только от генерала фон Рока (который не считал себя нацистом!) и, боже упаси, не имел никаких дел с эсэсовцами!

Однако это, мягко говоря, не соответствовало истине, так как полномочия самоуправления распространялись и на территорию тылового района 18-й армии, не подчиненного ни фон Року, ни гражданской администрации. Полную власть над всеми этими территориями имел только высший фюрер СС и полиции в «Остланде», обергруппенфюрер СС Йескельн. К тому же власть фон Рока была ограничена, так как большинством экономических вопросов занималось ведомство Уполномоченного по 4-летнему плану Геринга, а вся полицейская администрация находилась в руках Йескельна и других представителей рейхсфюрера СС.

«Правление» доктора Мязэ началось с призыва к эстонскому народу, который был опубликован 6 сентября 1941 года в первом но-

мере газеты «Linna Teataja»¹, еще до официального приказа фон Рока о создании Эстонского самоуправления.

Д-р Мязэ заявил, что «время коммунистического ужаса» закончилось, и что благодаря вмешательству Гитлера народы Европы, и в том числе «нордический эстонский народ», были спасены от гибели. Поэтому предлагалось прекратить все междоусобные разногласия и «под руководством великого фюрера Германии и с Божьей помощью принять участие в строительстве новой Европы». Призыв подписали 46 человек, в основном сельские старшины и бургомистры Южной Эстонии, в том числе и «оппозиционер» Юрий Улуотс.

Через 5 дней после приказа о создании самоуправления, 20 сентября 1941 года, Мязэ выступил с радиообращением к эстонскому народу. На этот раз его речь касалась более практических вопросов, как, например, вопрос о возвращении частной собственности и т.п. Мязэ заверил, что частная собственность на средства производства будет вновь восстановлена, но поскольку военная администрация не имеет полномочий для проведения реприватизации, с этим придется немного подождать. Это заявление как нельзя более красноречиво говорило о том, из какой среды происходила верхушка коллаборационистов и чего они добивались.

Генеральный комиссар Эстонии Литцман, вступивший в должность 5 декабря 1941 года, в своем заявлении от того же числа признал уже существующее Эстонское самоуправление и назначенных ранее бургомистров в Таллине, Тарту, Пярну, Нарве, Раквере, Вильянди и Валге, а также сельских старшин — председателей земельных правительств. Состав Эстонского самоуправления немцы считали чрезвычайно удачным по своему кадровому составу. Оно практически не создавало проблем оккупационным властям, по крайней мере в сравнении с Литвой и Латвией, где не удалось найти достаточно способных и одновременно преданных нацистам «лидеров».

Во многом это объяснялось тем, что и немецкие чиновники, и эстонские националисты были научены неудачным опытом Литвы и Латвии. С одной стороны, националистическая оппозиция Улуотса оказалась значительно более послушной. По-видимому, собы-

¹ Первоначально эта газета выходила под своим старым названием, существовавшим до 1940 года, — «Rüevaleht», но номер от 29 августа 1941 года вышел без разрешения властей, и газета была закрыта. С сентября по декабрь 1941 года она выходила под названием «Linna Teataja». С начала декабря 1941 года она стала называться «Eesti Sõna» и являлась центральным печатным органом Эстонского самоуправления.

тия во Львове, Каунасе и Риге научили их быть «скромнее» в своих притязаниях. С другой стороны, нацисты поняли, что во главе самоуправления лучше поставить не «популярного» политика «из бывших», а «проверенного», которому можно было бы доверять. То, что «проверенный политик» вроде доктора Мязэ практически не известен в стране, не играло большой роли. «Вы меня не знаете, но вы меня еще узнаете», — мог бы сказать сам Мязэ, на манер поручика Дуба у Ярослава Гашека. Эстонии предстояло еще сполна узнать его...

Даже начальник отдела Па в рейхскомисариате «Остланд», Трампедас, подчеркивая свое недоверие к главе Латвийского самоуправления Данкерсу, упоминал, что Мязэ, наоборот, вызывает доверие. Некоторые западные историки считают, что в этом главную роль сыграла личность генерального комиссара Эстонии Карла Литцмана, который уже вскоре после своего назначения на этот пост начал «сомневаться» в правильности проводимой оккупационной политики. Впрочем, это не помешало тому, что с ведома Литцмана в Эстонии за время оккупации было уничтожено свыше 61 000 мирных жителей и 64 000 советских военнопленных. Сомнения Литцмана касались преимущественно вопроса о возвращении частной собственности и о восстановлении независимости Эстонии. Проводя уничтожение эстонского народа, он не мучался сомнениями...

В конце октября 1941 года Мязэ и Ангелус предприняли поездку в Берлин, чтобы ходатайствовать о скорейшей замене военной администрации гражданским управлением. Непосредственная причина этой поездки неизвестна. Вряд ли она была вызвана каким-либо конфликтом с немецкими военными властями, так как между ними и местным самоуправлением существовало полное взаимопонимание... за исключением разве что экономических вопросов.

По-видимому, дело было как раз в экономической политике. Ведь военная администрация, имевшая право проводить необходимые реквизиции провианта, транспортных средств и т.п., в то же время не имела полномочий на возвращение частной собственности бывшим хозяевам — то есть прежде всего себе самим и основному большинству коллаборационистов. Как можно было заключить из выступлений д-ра Мязэ, именно этого добивалось большинство из них — от его собственного окружения до сторонников Улуотса. Возможно также, что руководство Эстонского самоуправления надеялось на изменение государственного статуса Эстонии с установлением немецкой гражданской администрации и предоставление ей автономии. В особенности Мязэ рассчитывал на свою

прежнюю школьную дружбу с рейхсминистром по делам оккупированных восточных территорий Альфредом Розенбергом, с которым когда-то учился в одной гимназии. Но Розенберг даже не изволил принять их.

Автономия в обмен на мобилизацию

К началу 1942 года общая численность различных эстонских частей, полиции и вспомогательного персонала в частях вермахта составляла 7000 человек. Именно тогда возникла идея сформировать «Эстонский легион СС».

О скором создании Эстонского легиона первым обмолвился Фридрих Йекельн, высший фюрер СС и полиции в «Остланде», в одном из своих публичных выступлений в июне 1942 года. Это выступление, за которое Йекельн получил вполне заслуженный выговор от Гимmlера, спровоцировало эстонцев и латышей вновь извлечь на свет божий идею о создании национальных вооруженных сил, которая впервые была высказана еще в меморандуме Улуотса от 28 июля 1941 года.

Некий эстонский полковник Якобсен 14 июля 1942 года направил письмо шефу абвера адмиралу Вильгельму Канарису, с которым он был некогда знаком. В нем говорилось, что на стороне немцев в настоящее время сражаются около 20 000 эстонцев в составе разрозненных частей полиции, вермахта, войск СС¹ и др. Эстонские солдаты плохо вооружены и снабжены, а офицеры занимают не подобающие их рангу посты, как правило — «зондерфюреров»², — жаловался Якобсен. Мораль эстонских частей невысока, что влечет за собой падение дисциплины. Исправить положение может создание эстонской национальной армии во главе со своими командирами, — категорически заявлял автор письма, добавляя в заключение, что эстонцы не хотят служить в войсках СС, а добиваются создания своего собственного национального эстонского легиона. По всей ви-

¹ Под полицейскими эстонскими частями подразумеваются Schuma-батальоны, под частями вермахта — так называемые «охранные батальоны» при 16-й и 18-й армиях и в тыловом районе группы армий «Север». Что же касается эстонцев, служивших в составе войск СС, то в то время их были единицы — в основном в добровольческой дивизии СС «Нордланд».

² Зондерфюрер — военный чиновник в вермахте. Поскольку большинство иностранцев, в особенности представители «низших рас», в первые годы войны не имели права на офицерское звание из-за «ржовской гсории» нацистов, как правило, им присваивали звания «зондерфюреров».

димости, Канарис ознакомил с письмом рейхсфюрера СС, или же эсэсовские спецслужбы сами узнали о его содержании. Так или иначе, возможно, что именно оно подсказало Гиммлеру идею сыграть на лозунгах националистов о «своей эстонской армии» при создании легиона СС.

Идея формирования Эстонского легиона получила одобрение Гитлера уже в начале августа 1942 года. Само предложение о создании такой части исходило от Эстонского самоуправления. В связи с этим Гиммлер просил Бергера передать Розенбергу его глубокое расположение к эстонскому народу и пожелание, чтобы к эстонцам применялось совершенно иное обращение, нежели к другим народам, так как он сам якобы считает эстонцев «лучшим народом в мире» (!).

Это заявление Гиммлера было чистойшей комедией, поскольку в том же 1942 году в споре с Эрихом Ветцелем (референтом по расовым вопросам из Восточного министерства) по вопросу о пригодности эстонцев для германизации рейхсфюрер СС занимал совершенно противоположную позицию. По-видимому, эта лесть была продиктована желанием Гиммлера заполучить в Эстонский легион всех тех эстонцев, у которых с 1 сентября 1942 года должен был закончиться контракт о службе в «охранных» батальонах вермахта¹. Гиммлер высказал мнение, что даже те эстонцы, которые «по расовым критериям» непригодны к службе в Эстонском легионе СС, должны иметь более высокий статус в составе полицейских батальонов, чем представители других национальностей.

В годовщину взятия немецкими войсками Таллина (28 августа 1942 г.), на торжественной церемонии на Площади Свободы, генеральный комиссар Литцман объявил о согласии Гитлера на формирование Эстонского легиона СС. В своей речи Литцман подчеркнул, что будущее Эстонии прямо связано с ее вкладом в борьбу против большевизма. На этой же церемонии выступил глава самоуправления д-р Мяэ, речь которого была традиционной по содержанию. Воздавал хвалу Адольфу Гитлеру за спасение от «коммунистического ужаса», он заявил, что священная обязанность каждого эстонца — принять участие в борьбе против большевизма. В вышедшем на следующий день номере газеты «Eesti Sõna», говорилось, что принадлежать к СС — особая честь для эстонцев.

¹ Имелись в виду 20 000 эстонских добровольцев, зачисленных на службу в германский вермахт 23 августа 1941 г. сроком на один год, из которых были сформированы 5 батальонов в тыловой зоне 18-й армии, 5 эстонских батальонов в тыловой зоне группы армий и 1 эстонский батальон при 16-й армии.

Выдвинутый доктором Мяэ призыв к «участию в борьбе всех европейских народов против большевизма» начал широко использоваться германской пропагандой лишь с начала 1943 года, то есть после провозглашения Германией «тотальной войны» и начала широкомасштабных мобилизаций в иностранные дивизии и легионы СС. Таким образом, в Эстонии этот лозунг был опробован «на практике» раньше, чем в других «восточных оккупированных землях». Основную роль в этом сыграл мастер пропаганды доктор Мяэ.

Несмотря на интенсивную агитацию на радио и в печати, заявлений от добровольцев, желающих вступить в Эстонский легион СС, поступило очень мало. Согласно донесению фюрера СС и полиции Эстонии Мёллера от 13 октября 1942 года, число добровольцев на этот момент составило всего около 500 человек, да и то половина из них была набрана из эстонских полицейских батальонов. Прибегнули к принудительным мерам: в качестве добровольцев в состав Эстонского легиона СС была зачислена часть служащих эстонской полиции безопасности. Для этого всем эстонским префектам полиции был разослан приказ направить в легион часть полицейских. Чтобы восполнить недостаток добровольцев, рейхсфюрер СС Гиммлер распорядился использовать в качестве ядра Эстонского легиона СС личный состав двух эстонских полицейских батальонов; ради этого они были переведены назад в Эстонию, а их сменили два латышских батальона. Высшему фюреру СС и полиции в «Остланде» Йекельну было приказано отобрать из их личного состава «расово пригодных» эстонцев для службы в войсках СС.

Зимой 1942/43 года мероприятия по вербовке в Эстонский легион СС заметно оживились. Из числа влиятельных эстонских деятелей в целях пропаганды было организовано «Общество друзей легиона», члены которого часто выступали с призывами к эстонской молодежи. Но к началу 1943 года в результате всех этих мер удалось набрать всего лишь 1280 человек. 15 % численности Эстонского легиона СС на этот период составляли бывшие солдаты эстонских полицейских батальонов и охранных батальонов вермахта. Из них был сформирован эстонский добровольческий батальон СС «Нарва» (Estn. SS-Freiw. Btl. Narwa). 13 октября 1942 года первая группа новобранцев этого батальона была направлена в училище СС Хайде (Heidclager), находившееся на территории генерал-губернаторства Польши и бывшее до войны учебным лагерем польской кавалерии «Дебица». Часть офицеров была направлена в училище СС Бад-Тельц на курсы повышения квалификации.

Конкурентом Гиммлера выступало армейское командование. Как известно, в тыловом районе группы армий «Север» генералу фон

Року удалось сформировать 5 эстонских батальонов. Еще 6 батальонов были сформированы командованием 18-й армии, а один — командованием 16-й армии (правда, впоследствии все они были переданы в подчинение полиции и СС и переименованных в полицейские батальоны). Планы формирования подобных частей вынашивали и в штабе немецкой 3-й танковой армии, который начал вербовать добровольцев в лагерях военнопленных, в том числе среди эстонцев, дезертировавших из Красной армии в первые дни войны. Таких перебежчиков в немецких лагерях было достаточно, о чем свидетельствуют советские документы, например, доклады о состоянии 180-й стрелковой дивизии 22-го эстонского корпуса Красной армии от 14—16 июля 1941 года, где сообщается о многочисленных случаях перехода командиров и красноармейцев эстонской национальности на сторону немцев.

Командир полиции безопасности и СД в Эстонии Зандбергер был немало обеспокоен этим и в январе 1943 года командировал одного из своих офицеров в Полоцк, в расположенный там пересыльный лагерь военнопленных («дулаг») с целью выбрать 50 человек из 780 перебежавших у Великих Лук эстонцев для использования их в целях пропаганды и непосредственно для формирования Эстонского легиона СС. Однако командование 3-й танковой армии, в тыловой зоне которой находился лагерь, запретило коменданту дулага выдать хотя бы одного эстонца, в особенности для Эстонского легиона, так как само намеревалось сформировать аналогичное соединение.

По этому поводу между штабом 3-й танковой армии и руководством СС возник спор. 30 января 1941 года фюрер СС и полиции в Эстонии Хинрих Мёллер по телефону сообщил об инциденте Йекельну. Тот обещал немедленно связаться с Гиммлером и предъявить протест против намерений 3-й танковой армии. Мёллер также попросил Зандбергера поставить в известность своего шефа, тогдашнего командующего зипо и СД в «Остланде» Пифрадера. Незвестно доподлинно, чем закончился этот спор, однако судя по немецким документам, «эстонский легион» при 3-й танковой армии так и не был создан. Гиммлер все-таки добился своего.

Тотальная мобилизация в Эстонии

Между тем, пока разворачивалась ссора между руководством СС и командованием 3-й танковой армии, в Германии была объявлена тотальная мобилизация.

Эстонское радио сообщило об этом 10 февраля 1943 года, добавив, что положение «тотальной войны» скоро будет объявлено и в Эстонии.

24 февраля 1943 года в Эстонии, как и во всем рейхскомиссариате «Остланд», началась «совместная» мобилизация в войска СС, вспомогательные службы вермахта и в немецкую военную промышленность шести призывных возрастов (1919—1924 г.р.). Формально призывникам давалось право выбора: вступать в легион, в тыловые подразделения вермахта или идти работать в военную промышленность рейха.

В тот же день в Таллине прошло торжественное мероприятие по случаю Дня независимости Эстонии. Помимо руководителей немецкой гражданской администрации и самоуправления, на нем присутствовали также представители эстонской интеллигенции и духовенства, в том числе епископ Кипп и митрополит Александр. К собравшимся обратился с речью генеральный комиссар Литцман. Он сказал, что битва под Сталинградом коснулась не только Германии, но и всей Европы, поэтому эстонцы, чье будущее неразрывно связано с рейхом, должны принять активное участие в «тотальной войне». Задачей эстонских крестьян провозглашалось снабжение немецких войск и управленческого аппарата продовольствием. Чтобы оживить сельское хозяйство, Литцман объявил о том, что 55 (!) крестьян, «примерно выполнявших до сих пор свой долг», получают назад в собственности свои земли. Эта мера была, по-видимому, согласована с Эстонским самоуправлением, так как Мяэ обещал возвращение частной собственности крестьянам еще в своей речи от 21 февраля 1943 года. Но возвращение 55 дворов их прежним владельцам вряд ли могло значительно изменить отношение основной массы эстонцев к «новому порядку»...

Тем не менее этот шаг вызвал недовольство рейхскомиссара Лозе. Он, в свою очередь, также обратился к эстонцам с призывом вступать в Эстонский легион, так как это — их «долг перед Германией и немецкими солдатами, освободившими Эстонию от большевизма по приказу Адольфа Гитлера». А раз это «долг», то его нужно платить. Поэтому ни о каком вознаграждении не может быть и речи — возвращение земли крестьяне могут не ждать! В заключение рейхскомиссар немного смягчился и добавил, что ради этого он готов даже разрешить празднование «Дня независимости Эстонии», правда, объявив его «Днем труда». Со стороны Лозе даже эта подкачка была вынужденным шагом, поскольку сразу после этого заявления он запретил Литцману выступать на этом празднике.

На следующий день после начала мобилизации газета «Eesti Sõna» опубликовала распоряжение имперского министра Розенберга о частичном возвращении частной собственности крестьянам. Эта мера была также напрямую связана с вербовкой в легионы СС: началась пропагандистская кампания. Иначе кто же будет сражаться против «большевизма», если оттолкнуть от себя «обиженных» советской властью зажиточных крестьян — практически единственную социальную группу, на которую оккупанты могли опереться? Правда, в штабе Лозе в Риге поговаривали, что Розенберг вовсе не собирался обнародовать этот указ, и если бы не «несобдуманные слова» Литцмана, он бы так и не был обнародован. Литцман голько зря обладежил эстонских коллаборационистов, и теперь приходилось идти на уступки.

Ни в одной из оккупированных стран пропагандистские мероприятия, связанные с мобилизацией, не были столь искусно организованы. После этого доктор Мяз снискал себе славу непревзойденного мастера пропаганды даже среди немцев. 7 марта 1943 года по инициативе Мяз в газете «Eesti Sõna» был помещен призыв всех директоров самоуправления о вступлении в Эстонский легион. В нем говорилось, что борьба против большевизма достигла своей высшей фазы, когда решается будущее всей Европы, и поэтому долг каждого эстонца сражаться за свою страну и ее существование. Эта же мысль то и дело звучала в передаваемых по радио призывах к эстонской молодежи: «Будущее нашего народа требует, чтобы мы участвовали в этой войне. Не должно быть тех, кто остался дома в ожидании, что война кончится без них, и тогда они решат, как действовать дальше. Поступайте в Эстонский легион для борьбы за эстонский народ!»

«В вербовочные бюро Тарту являются 17-летние юноши и пожилые эстонцы, — патетически заявляла пропаганда самоуправления. — Тут и мужчины в серых немецких мундирах, которые прошли участие в истребительных батальонах, тут и бойцы с железным крестом на груди, главным образом из 36-го батальона... наконец, студенты Тартуского университета». В сообщении от 21 марта 1943 года говорилось, что в Эстонский легион поступили добровольцами большая часть учеников гимназий г. Раквере, а 15 марта 1943 года эстонское радио поспешило сообщить, будто на данный момент Эстонский легион СС уже практически сформирован и готов к отправке на фронт (что в действительности не соответствовало истине).

Бургомистр Таллина Карл Террас также обратился к призывникам по радио 17 марта 1943 года. Он заявил: «Каждый должен

выполнять свой долг. Призывникам, желающим поступить в ряды Эстонского легиона, дается возможность тут же подписать заявление об этом офицеру, занимающемуся вербовкой добровольцев в Эстонский легион. Остальные определяются на работы в порядке трудовой повинности. Нам придется, по мере надобности, приносить такие жертвы. Лица, не выполняющие своих обязанностей по отношению к трудовой повинности или мешающие выполнять ее другим, подлежат привлечению к ответственности со следующим наказанием: тюремное заключение, каторга или трудовой лагерь».

Выступавший вслед за ним капитан Конто, начальник одного из вербовочных пунктов Эстонского легиона, поставил призывников перед выбором: «Проходящие сейчас осмотр призывники имеют возможность зарегистрироваться в Эстонский легион. После зачисления их на трудовую повинность они этой возможности лишаются...»

Ему вторил некий доктор, отвечавший за медосмотр новобранцев. «Большой процент призывников регистрируется в Эстонский легион, — отметил он и тут же припугнул: — Причины неявки на призывной пункт проверяются немедленно».

А вот слова одного из призывников, Артура Томсона, ставшего жертвой пропаганды Мяз и добровольно записавшегося в Эстонский легион. Говоря о том, что побудило его к этому, молодой Томсон наивно заявил: «Во-первых, моей родине грозит большая опасность. Во-вторых, эстонские части получают превосходное современное вооружение. В-третьих, Эстонский легион представляет собой основу эстонских воинских частей». Это мнение молодого эстонца наглядно демонстрировало результаты пропаганды и при этом служило агитацией для других призывников. Доктор Мяз успешно оправдывал свое обещание, данное им Розенбергу, что эстонский народ будет идеологически обработан всего за полгода.

21 марта 1943 года было проведено очередное пропагандистское мероприятие. В «День смерти героев» в Тарту состоялось торжественное возложение венков на могилы немецких и эстонских солдат в долине Доомс. С речами выступили окружной комиссар Меенен, представители командования немецких войск, а также один из командиров «Омакйтсе» эстонский полковник Янсен. Они призывали «за смерть павших героев взяться за оружие для достижения окончательной победы над большевизмом».

Однако несмотря на все усилия, эти меры не вызвали особого энтузиазма среди населения, хотя мобилизация и не была провалом.

на полностью. Многие призывники просто не представляли себе, где они будут служить. Значительная часть публиковавшихся воззваний была составлена таким образом, словно речь шла о создании «национальной эстонской армии», предназначенной исключительно для обороны границ Эстонии. Но уже сам текст клятвы легионера полностью рассеивал это заблуждение. Она звучала так: «Я клянусь перед Богом этой священной клятвой, что в борьбе с большевизмом я буду беспрекословно выполнять приказы Верховного главнокомандующего германского вермахта Адольфа Гитлера и как храбрый солдат буду готов в любое время отдать свою жизнь за эту клятву». Попытки немцев не использовать при присяге эстонский национальный флаг еще больше усилили разочарование.

В результате весенней мобилизации 1943 года численность Эстонского легиона СС увеличилась до 8000 человек. Из этих добровольцев были сформированы три батальона. В качестве «политической» силы они продолжали именоваться «Эстонским легионом СС», в качестве же боевой единицы они образовали 1-й эстонский добровольческий гренадерский полк СС (1.Estnischer SS-Freiwilligen-Grenadier-Regiment).

Тем временем среди легионеров распространился слух, что вопреки обещаниям легион будет отправлен на фронт, куда-то в южные районы России. Опасения отчасти оправдались, так как в марте 1943 года 1-й батальон Эстонского легиона СС был придан для участия в активных боевых действиях 5-й моторизованной добровольческой дивизии СС «Викинг», действовавшей на Восточном фронте. (Одновременно он был переименован в «Эстонский добровольческий батальон СС «Нарва» (Estn.SS-Freiw.Btl. Narwa), а позднее стал называться «Добровольческим панцергренадерским батальоном СС «Нарва».) Таким образом, коллаборационистам все же было чем похвалиться — свой вклад в дело порабощения Европы они внесли, участвуя в боях под Белгородом и на других участках фронта.

В самый разгар мобилизации директор внутренних дел Эстонского самоуправления Оскар Ангелус решил вновь напомнить об устремлениях эстонских националистов и 15 марта 1943 года направил Литцману свой меморандум. В нем он брал на себя смелость заявить от лица всех эстонцев, что их желанием является всеми средствами бороться «вместе с Германией против большевизма». Правда, он отмечал пассивность и разочарование большинства населения. Однако Ангелус считал, что восстановление независимости, которое является «главным желанием эстонцев», могло бы вынудить «скрытые до сих пор силы». Он подчеркнул, что в этом случае стала бы возможной мобилизация 60—70 тысяч человек.

Другой подобный меморандум с предложением о создании собственных эстонских вооруженных сил был направлен в ОКВ 20 апреля 1943 года группой эстонских офицеров через корветтен-капитана Целлариуса, уже известного нам руководящего сотрудника абвера в Финляндии и Эстонии. Его авторы вновь просили разрешить им сформировать вместо Эстонского легиона СС свою, эстонскую армию. Они также настаивали на том, чтобы формирование и обучение эстонских частей проходило в Эстонии, а весь командный состав состоял из эстонских офицеров. Правда, при этом не отрицалось подчинение эстонских вооруженных сил Верховному командованию германского вермахта. Эстонские вооруженные силы должны быть сформированы из тех эстонцев, — говорилось в документе, — кто в настоящий момент уже служит в составе различных германских частей; вооружение и боеприпасы, а также обучение использованию новых видов вооружений предполагалось возложить на германский вермахт. Авторы письма рискнули также высказать некоторые претензии к оккупационной политике, впрочем, довольно скромные. Они были связаны главным образом с использованием эстонских добровольцев (призыва лета и осени 1941 г.) в качестве «пушечного мяса»; с принудительной мобилизацией шести призывных возрастов (1919—1924 г.р.), а также служащих эстонской полиции безопасности; наконец, с неопределенностью обещаний при формировании Эстонского легиона, когда было неясно, идет ли речь о национальной эстонской армии, или об эстонских частях в составе СС. Недовольство вызвало и назначение командиром Эстонского легиона немца, оберштурмбанфюрера СС Франца Аугсбергера.

Справка: Аугсбергер, Франц Ксавер Йозеф Мария родился 10 октября 1905 года в Вене. В 1934 году Аугсбергер примкнул к нацистскому движению в Австрии и вступил в НСДАП (билет № 360 700) и СС (билет № 139 528). 20 апреля 1934 года он получил чин унтершарфюрера (унтер-офицера), а 1 июня 1935 года — первый офицерский чин унтерштурмфюрера (лейтенанта). Служил в войсках СС с первых месяцев их создания. С 12 декабря 1940 года Аугсбергер служил командиром 3-го батальона штандарта СС «Нордланд»; 10 февраля 1941 года был назначен командиром 1-го батальона 7-го моторизованного полка СС в составе 6-й дивизии СС «Норд». Участник боев на советско-германском фронте в Лапландии. 1 декабря 1941 года Аугсбергер был назначен командиром своего полка и в этот же день был награжден финским Крестом Свободы 3-го класса (позже, 30 октября 1943 года, он был удостоен Креста Свободы 2-го класса). 20 октября 1942 года Аугсбергер, имевший в то время звание оберштурм-

банфиюрера СС (подполковника) был назначен командиром Эстонского легиона СС (с октября 1943 г. — Эстонской добровольческой бригады СС, которая в январе 1944 г. была развернута в 20-ю гренадерскую дивизию войск СС (эстонскую №1). В марте — мае 1943 года Аугсбергер командовал 11-й добровольческой моторизованной дивизией СС «Нордланд». Впоследствии, 21 июня 1944 года, он получил чин бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС. 8 марта 1945 года был награжден Рыцарским крестом Железного креста. Аугсбергер погиб в бою 19 марта 1945 года близ Нейштадта в Верхней Силезии.

Меморандум остался без ответа, и это не удивительно. Верховное командование вермахта, или ОКВ, которое возглавлял генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, не определяло оккупационную политику — по крайней мере там, где существовало гражданское управление. А вопрос о предоставлении статуса «союзной армии независимого государства» эстонским частям в вермахте и тем более в войсках СС, являлся политическим. Сначала его нужно было согласовать с руководством СС, с Восточным министерством и с министерством иностранных дел. К тому же шеф ОКВ был не из тех, кто выступал с инициативой, особенно если это как-то противоречило интересам Гитлера. Кейтель предпочитал угадывать желания фюрера, доходя до откровенной лести, за что и получил прозвище «Лакейтель».

К тому времени генеральный комиссар Эстонии Литцман в связи с вялым ходом мобилизации неоднократно обращался в Восточное министерство с письмами, в которых указывал на некоторые ошибки в оккупационной политике в Эстонии и их неблагоприятные последствия, ссылаясь при этом на многочисленные меморандумы, которыми его бомбардировали сторонники Улуотса и некоторые члены окружения Мяэ. Однако скоро Литцман понял, что Восточное министерство просто уже не в силах как-то повлиять на проводимую политику. Тогда во второй половине марта 1943 года он решил обратиться к рейхсфюреру СС Гиммлеру. Литцман переслал ему меморандум Ангелуса, приложенный к его собственному меморандуму (от 31 марта 1943 г.). В последнем предлагалось предоставить независимость Эстонии в любой форме, с последующим заключением союзного договора с Германией. Это предложение поддержал также генерал фон Рок. При случае Литцман просил передать его меморандум самому фюреру.

Гиммлер, ознакомившись с меморандумом, заявил, что Литцман не в своем уме, так как предлагаемые им меры в корне противоречат проводимой фюрером политике в отношении восточных на-

родов. «Эта политика была определена раз и навсегда и не может быть изменена!» — заявлял он еще не раз по этому поводу. Тем не менее рейхсфюрер СС считал нужным лично посетить Таллин в марте 1943 года и сделал несколько туманных обещаний относительно будущей автономии.

Лозе считал себя обойденным, поскольку Литцман обратился напрямую к Гиммлеру в обход своего непосредственного начальника, то есть самого Лозе. Он уже давно с недовольством наблюдал за действиями «тандема» Литцман — Мяз. Особое его недовольство вызывало то, как эстонский глава самоуправления и немецкий генеральный комиссар «спелись» в вопросе о независимости Эстонии и возвращении частной собственности бывшим хозяевам.

3 марта 1943 года рейхскомиссар «Остланда» направил письмо Розенбергу с жалобой на своевольное поведение Литцмана, обвинив его в том, что тот разрешил празднование дня независимости Эстонии вопреки запрету Лозе. К тому же Литцман в тот же день передал в собственность прежним хозяевам первые 30 крестьянских дворов, что вынудило Лозе раньше времени обнародовать указ Розенберга о реприватизации от 18 февраля 1943 года — до того, как были разработаны необходимые инструкции. Он заявил, что своеволие Литцмана отразилось на военной промышленности «Остланда». Это был любимый аргумент Лозе, пригодный на все случаи жизни: промышленность и интересы рейха — это святое. Переведя любой вопрос в плоскость «военно-промышленных интересов рейха», можно было смело рассчитывать на одобрение фюрера.

Литцман направил Розенбергу через месяц ответное письмо (от 5 апреля 1943 г.), в котором, в свою очередь, обвинил Лозе в проведении «уравнительной политики», тогда как само же Восточное министерство требовало к каждому народу искать свой подход. Литцман потребовал прямого подчинения генерального комиссариата Эстонии Восточному министерству, так как Лозе не видит возможности для дальнейшего плодотворного сотрудничества между аппаратом рейхскомиссара «Остланда» и генерального комиссара Эстонии. Литцману в этом вопросе удалось заручиться поддержкой не только командования группы армий «Свер» (прежде всего в лице генерала фон Рока), но и рейхсфюрера СС Гиммлера.

Розенберг, как обычно, сумел избежать прямого ответа на вопрос «кто прав и кто виноват?», оттягивая решение до последнего. В итоге и Лозе, и Литцман остались при своем мнении. Литцман продолжал считать наилучшим решением подчинение генерального комиссариата Эстонии непосредственно Восточному министерству,

или даже командованию группы армий «Север». Когда в январе 1944 года военное положение стало критическим, Литцман предпринял даже попытку передать Эстонию под контроль военной администрации, надеясь таким образом избежать давления как со стороны Лозе, так и со стороны Восточного министерства, однако этот план был обречен на неудачу.

Единственным победителем в этой распряе стал Гиммлер, упрочивший свое влияние в Прибалтике и, в частности, в Эстонии. 30 июня 1943 года он приказал высшему фюреру СС и полиции в Прибалтике Йексельну перевести в ходе следующих мобилизаций всех пригодных к службе в СС эстонцев в ряды Эстонского легиона СС. Соответствующе инструкции, видимо, получил и Бергер¹, который всего через несколько дней — в июле 1943 года — предложил командующему группой армий «Север» Георгу фон Кюхлеру передать всех эстонцев, служивших на данный момент в эстонских батальонах вермахта (эстонские батальоны 658, 659 и 660), в распоряжение Главного управления СС с целью пополнения Эстонского легиона.

Мобилизация в Эстонский легион СС продолжалась до августа 1943 года. Всего в ходе «совместного» призыва с марта по август 1943 года было призвано:

- в Эстонский легион — около 5300 человек;
- в тыловые службы вермахта — около 6800 человек.

Создание 20-й эстонской дивизии войск СС

Между тем, несмотря на временную отправку батальона «Нарва» на Восточный фронт, в мае 1943 года Эстонский легион СС достиг численности двух полков. Из пополнения, полученного в ходе весеннего призыва 1943 года, был сформирован 2-й эстонский полк (впоследствии 46-й). Его командиром был назначен бывший полковник эстонской армии Туллинг. 1-м эстонским полком СС в то время командовал бывший полковник эстонской армии Курш (в июле 1943 г. его сменил полковник Йоханнес Соодла, будущий командир Эстонского легиона СС). Каждый полк имел в своем составе три батальона, вооруженных немецким стрелковым оружием.

¹ Готлоб Бергер — начальник Главного управления СС и офицер связи рейхсфюрера СС при Министерстве по делам оккупированных восточных территорий.

3 августа 1943 года Гиммлер разрешил командиру Эстонского легиона СС Францу Аугсбергеру пополнить батальон «Нарва», понесший большие потери на фронте под Сталинградом, за счет 150-ти «хорошо подготовленных и строжайше отобранных для службы в СС эстонцев». Аугсбергер был чрезвычайно доволен своими солдатами, о чем даже доложил Гитлеру. В своем письме генеральному комиссару Эстонии Литцману Аугсбергер выразил свое восхищение мужеством эстонцев из батальона «Нарва» и просил его сообщить ландесдиректору Мяэ, что эстонцы могут гордиться своей молодежью.

Эти похвалы, а также некоторый успех недавней мобилизации, сыграли свою роль: руководство СС решило преобразовать Эстонский легион СС в бригаду. Она была сформирована 23 октября 1943 года, получив название 3-й эстонской добровольческой бригады СС (3. Estn. SS-Freiw. Brigade), и состояла из двух пехотных полков, группы артиллерии и дополнительных подразделений. Командиром был назначен уже упомянутый Франц Аугсбергер — австриец, имевший в то время весьма скромное звание оберштурмбанфюрера СС (подполковника). Позднее он был произведен в чин бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС. В первое время 3-я эстонская добровольческая бригада СС использовалась исключительно для борьбы с партизанами на территории Эстонии. Позже она была отправлена на Восточный фронт для участия в боевых действиях.

В конце сентября 1943 года Гиммлер вторично посетил Таллин. Там он имел длительную беседу с д-ром Мяэ и пообещал предоставить Эстонии автономию взамен на объявление всеобщей воинской повинности. Было решено, что руководство мобилизацией в Эстонский легион СС возьмет на себя бывший полковник эстонской армии, а в годы оккупации — легион-штандартенфюрер, Йоханнес Соодла. В связи с этим он был назначен главой так называемой «Команды пополнения войск СС «Эстония» (нем.: SS-Ersatzkommando Estland, позднее — Ersatzkommando Estland der Waffen SS). Этот орган должен был подчиняться «Инспекции пополнения СС «Остланд» (SS-Ersatzinspektion Ostland), находившейся в Риге, и Главному управлению СС. Вскоре после этого Соодла получил звание легион-оберфюрера (бригадного генерала), что стало своеобразным авансом. Торжественная церемония его присвоения состоялась 10 октября 1943 года в Кадриорг-Паласте в Таллине, в присутствии высшего фюрера СС и полиции Фридриха Йексельна.

Справка: **Йоханнес Соодла (Soodla)** родился 14 января 1894 года в г. Юрьев (Дерпт, ныне — Тарту). В 1916 году Соодла был призван на военную службу и 19 декабря 1916 года произведен в прапорщи-

ки. В составе русской императорской армии участвовал в последних сражениях Первой мировой войны. 19 мая 1917 года получил звание поручика. 21 августа 1917 года был тяжело ранен на германском фронте и попал в плен. После освобождения (14 августа 1918 г.) вернулся в Эстонию. 25 декабря 1918 года вступил лейтенантом в «Куперьяновский партизанский батальон», где служил командиром 2-й роты, а затем — помощником командира батальона. После того как батальон был развернут в полк, Соодла был назначен командиром батальона. После создания независимой Эстонской республики, 26 февраля 1920 года Соодла был зачислен в эстонскую армию в чине лейтенанта. Участвовал в боях с советскими войсками, кавалер Креста Свободы. Окончил Эстонскую военную школу. В 1927 году переведен в штаб 2-й дивизии, затем назначен начальником штаба Тартуского военного района. 1 октября 1934 года назначен начальником оперативного отдела Генштаба. В 1939 году учился в Военной академии во Франции, но в ноябре 1939 года после начала 2-й мировой войны был вынужден оставить учебу и вернуться на родину. 24 февраля 1940 года был произведен в полковники (к этому времени Соодла являлся начальником эстонской Высшей военной школы). После присоединения Эстонии к СССР был переведен на службу в 22-й эстонский территориальный корпус Красной армии. Однако незадолго до начала войны, летом 1941 года, Соодла эмигрировал в Германию, а после вступления германских войск в Прибалтику вернулся в Эстонию. Активно сотрудничал с нацистами, занимал пост директора железнодорожной администрации в Эстонском самоуправлении.

Соодла был одним из организаторов эстонских частей войск СС. 20 июля 1943 года получил чин легион-штандартенфюрера и назначен командиром 1-го пехотного полка Эстонского легиона войск СС. В конце сентября 1943 года Соодла возглавил «Инспекцию пополнения войск СС «Эстония», вскоре после чего получил звание легион-оберфюрера (10 октября 1943 г.), а позднее — бригадефюрера войск СС (15 сентября 1944 г.).

После окончания войны Соодла сдался англо-американцам и в числе других прибалтийских националистов избежал выдачи советским властям. Ему удалось пересечь во Флориду (США), откуда позже он вернулся в Западную Германию. Умер Соодла 26 мая 1965 года в г. Гослар, ФРГ.

Любопытно, что сам Соодла считал Эстонский легион СС базой для создания будущих войск Эстонии, «которые обязательно будут нужны эстонцам после падения Германии». Разумеется, в присутствии немцев подобные взгляды приходилось держать при себе,

поскольку за такие «пораженческие» разговоры можно было получить «по шапке». Лишь позднее, к лету 1944 года, когда отступление немецко-фашистских войск из Прибалтики стало восприниматься как неизбежность, местные немецкие начальники стали более терпимыми.

Назначение Соодлы, как и другие мероприятия, были лишь предлодией к новой мобилизации. И здесь, несмотря на все кажущиеся противоречия, «либеральный» глава оккупационного аппарата в Эстонии Литцман выступал заодно с Гиммлером. В одном из писем Эстонскому самоуправлению в октябре 1943 года Литцман дипломатично сообщал, что он «не имеет ничего против мобилизации призывных возрастов 1925 и 1926 г.р.», к которой готовил эстонцев рейхсфюрер СС. Впрочем, в этих дипломатических формулировках не было нужды. Все отлично понимали, что слова Литцмана означают скрытый приказ о новой мобилизации. Правда, директора самоуправления возражали против призыва юношей 1926 г.р., и Литцман, в свою очередь, не стал настаивать.

26 октября 1943 года доктор Мяэ опубликовал от своего имени и под личную ответственность Указ о мобилизации призывников 1925 г.р. для воинской службы на основе закона Эстонской республики о всеобщей воинской повинности. Практическое осуществление было поручено на этот раз не «совместным» комиссиям (в составе представителей полиции, вермахта, экономики и самоуправления), а исключительно мобилизационным органам СС.

Тогда же была создана Генеральная инспекция Эстонских войск СС — высший координационный орган для связи «Эстонского легиона» с эсэсовско-полицейской администрацией в «Остланде». Во главе ее 26 октября 1943 года был поставлен Йоханнес Соодла, одновременно возглавлявший «Команду пополнения войск СС «Эстония». Отныне это ведомство от начала и до конца занималось проведением мобилизаций в войска СС в Эстонии.

Уклонявшимся грозило наказание, предусмотренное законами довоенной Эстонской республики. На следующий день Мяэ подписал указ о военных судах в составе квалифицированных юристов, в дополнение к старому закону о всеобщей воинской повинности. Это должно было припугнуть тех, кто вздумает уклониться от призыва.

Действия Мяэ вызвали критику со стороны некоторых директоров. Сам Мяэ был вынужден приложить максимум усилий для того, чтобы убедить своих подчиненных в том, что Гиммлер во время своего пребывания в Таллине в сентябре месяц обещал предоставить Эстонии автономию к ноябрю того же года — через каких-то два месяца!

27 октября 1943 года Мяз собрал всех директоров Эстонского самоуправления, а также бургомистров, глав провинциальных самоуправлений, командиров «Омакайтсе», волостных старост и префектов полиции для обсуждения деталей текущей мобилизации. Действительно ли он сам верил обещаниям рейхсфюрера СС? Ведь такую хитрую лису, как Мяз, обмануть было непросто... Или он намеренно обманывал своих коллег и соотечественников?

Германские власти были не удовлетворены результатами мобилизации. 29 октября 1943 года Бергер сообщал Литцману о том, что Гитлер недоволен цифрами, полученными в результате осеннего призыва в Эстонии и Латвии. После того как и к 10 ноября ничего не изменилось, немцы начали даже подозревать саботаж. Д-р Мяз считал, что раз предыдущие мобилизации в марте — июне и в октябре 1943 года в Эстонии и Латвии дали в общей сложности 48 000 человек, то к 15 ноября 1943 года из них как-нибудь удастся выжать еще 10 500 новобранцев. Рейхскомиссар Лозе, помимо этого, рассчитывал набрать в Эстонии за счет мобилизации призывников 1912—1924 г.р. 45 000 человек дополнительно — для работы в военной промышленности, в сельском хозяйстве рейха и т.д.

В начале ноября 1943 года последовало новое распоряжение Гитлера о мобилизации в Латвии и Эстонии десяти призывных возрастов (1915—1924 г.р.) в легионы СС. На совещании в ставке фюрера 16 ноября 1943 года для Эстонии была установлена цифра в 10 000 человек — именно такое количество призывников надлежало призвать в Эстонский легион СС.

Так начался 2-й этап осенней мобилизации 1943 года, затянувшийся до января следующего года. Газета «Eesti Sona» развернула пропагандистскую кампанию в поддержку очередной мобилизации, посвятив 28 ноября 1943 года целую статью теме «войны за независимость Эстонии» под знаменами рейха. Д-р Мяз приложил все усилия и все свои ораторские способности. 29 октября 1943 года, выступая на собрании в университете Тарту, он назвал мобилизацию продолжением борьбы за независимость, которую Эстония вела с 1919 года. Генерал-инспектор Соодла также выступил с радиообращением 10 ноября 1943 года, повторив слова о «войне за независимость».

В целях «обороны страны» 10 декабря 1943 года Мяз объявил о наборе призывников 1924 г.р. Одновременно в декабре 1943 года Гитлер передал все полномочия на проведение военных мобилизаций в Латвии и Эстонии рейхсфюреру СС Гиммлеру. В январе нового, 1944 года, в ставке фюрера был определен и согласован новый

контингент призывников для Эстонии. Согласно приказу Гитлера, осенняя мобилизация в Эстонии должна была продлиться чуть ли не до весны 1944 года, так как власти оккупированной Эстонии не смогли набрать требуемые 10 тысяч человек. Набор осуществлялся на основе приказа Соодлы от 14 января 1944 года и проходил с 20 по 25 января 1944 года. Для контроля за ходом мобилизации в рейхскомиссариате «Остланд» со 2 по 4 декабря 1944 года побывали группенфюрер СС Юрс¹ и штурмбанфюрер СС Бриль. Они должны были сформировать «Команды пополнения СС» в рейхскомиссариате.

Всего за время осенней мобилизации с 1 октября по 31 декабря 1943 года в Эстонии было зарегистрировано 7 800 человек в качестве военнообязанных (призывники 1925 г.р. и вызванные на переосвидетельствование призывники 1919—1924 г.р.). На призывные пункты явились 5485 человек (70 %); из них 4459 (76 %) были признаны годными, и лишь 3375 человек явились в часть. К концу января 1944 года также были мобилизованы эстонские призывники 1924 г.р. (ранее получившие отсрочку) — они составили пополнение для Эстонского легиона СС в количестве 900 человек.

По данным на 8 января 1944 года, в различных вооруженных формированиях на стороне гитлеровской Германии служило в общей сложности около 14 000 эстонцев. Через месяц, согласно донесению Бергера Гиммлеру от 3 февраля 1944 года, в Эстонии находилось под ружьем уже 28 500 человек.

Но этого было мало. На Восточном фронте гитлеровцам приходилось все хуже — требовались новые воинские контингенты, хотя бы чтобы высвободить немецкие войска, задействованные для охраны тыловых коммуникаций, в антипартизанских операциях и т.п. На фоне всего этого 1 февраля 1944 года оккупационные власти объявили призыв новых 20 призывных возрастов (1904—1923 г.р.). Это была «тотальная» мобилизация. Соответствующий приказ был подписан доктором Мяз в тот же день.

Ради успеха «тотальной» мобилизации Эстонское самоуправление и немецкие власти были вынуждены впервые обратиться за поддержкой к оппозиции — так называемой «группе Улуотса». Впрочем, даже слово «оппозиция» здесь не совсем уместно, так как вся разница между окружением Мяз и сторонниками Улуотса состояла

¹ Юрс, Генрих — группенфюрер СС, член личного штаба начальника Главного управления СС Бергера и начальник управления В1 (занимавшегося вопросами комплектования войск СС) в составе этого Главного управления.

в том, что первые за свое сотрудничество с оккупантами просили немного — чисто формальную независимость в рамках рейха и проведение реприватизации, да к тому же без гарантий и «предоплаты». Последние же, включая Улуотса, «заламывали» слишком высокую цену — независимость и статус союзного государства! В остальном же размолвка между «группой Мяэ» и «группой Улуотса» касалась исключительно вопроса о дележе власти.

Сделка происходила по всем законам рынка. Спрос на «пушечное мясо» и рабочую силу в рейхе рос не по дням, а по часам, по мере того как вермахт терпел поражение за поражением. Есть спрос — есть предложение, но тем выше цена. Когда самоуправление во главе с Мяэ исчерпало все свои возможности, нацисты были вынуждены обратиться к такому «спекулянту» народным доверием, как Юрий Улуотс. ... Чтобы потом обмануть его, так же как обманули своего друга Мяэ. Впрочем, нет — Мяэ был из их же компании и сам участвовал в сговоре. Обманутым оказался весь эстонский народ...

7 февраля 1944 года Юрий Улуотс выступил по радио с обращением к эстонскому народу, призывая к мобилизации. От этого, по его словам, зависело будущее Эстонии. В пропагандистских акциях приняли участие и многие другие политические деятели довоенной Эстонии, оставшиеся не у дел в годы оккупации. В то время как Юрий Улуотс отправился с агитационным турне по Южной Эстонии, его ближайший помощник профессор Эдгар Кант посетил Тарту, а Иохим Пукк — побывал в Северной Эстонии. Для этих поездок было выделено пять автомашин, в том числе личный автомобиль самого Мяэ, который тот пожертвовал ради общего дела.

Немцы мало верили в успех мобилизации, однако вопреки ожиданиям она прошла успешно благодаря поддержке эстонской националистической оппозиции во главе с профессором Улуотсом. Тем не менее настроение среди эстонцев в этот период не было единодушно антисоветским. Так, например, в г. Выру прошла акция против мобилизации, и д-р Мяэ одно время серьезно опасался, как бы движение Сопротивления не перекинулось и в другие районы.

Результаты весенней мобилизации 1944 года таковы: на 21 февраля 1944 года было призвано 32 000 человек; из них 7500 были направлены на формирование трех эстонских «полков пограничной стражи», 12 000 — в Эстонский легион СС, а еще 2000 человек — в различные части СС и полиции. Из оставшихся 10 000 человек было решено сформировать еще два полка пограничной стражи, а 3000 чел. направить на формирование резервного батальона погра-

ничной стражи. Так вместо первоначально запланированных трех появилось целых пять эстонских полков пограничной стражи (под началом эстонских командиров), а позднее — еще один резервный полк пограничной стражи, состоявший из призывников 1904—1918 г.р., набранных в апреле 1944 года¹.

В начале 1944 года рейхсфюрер СС Гиммлер считал возможным начать формирование эстонской дивизии войск СС на базе 3-й эстонской бригады СС, путем ее усиления за счет эстонских полицейских батальонов и эстонских батальонов в составе вермахта. В ходе весенней мобилизации в середине февраля 1944 года был сформирован еще один полк для 3-й эстонской бригады СС, а два уже существующих полка этой бригады были усилены с 3-х до 4-х батальонного состава. Новый полк, получивший наименование 47-го добровольческого гренадерского полка СС, был образован за счет объединения двух эстонских добровольческих батальонов (658-й и 659-й эстонские батальоны в составе вермахта) и передачи их в полном составе в ведение СС. (658-м батальоном командовал бывший кадровый офицер эстонской армии, майор Альфонс Ребане, впоследствии ставший заместителем командира 20-й эстонской дивизии войск СС.) Ради доукомплектования новой дивизии пришлось также расформировать оставшийся 660-й эстонский батальон вермахта, а также некоторые эстонские полицейские батальоны, личный состав которых распределили между разными полками.

7 февраля 1944 года приказом Главного управления СС 3-я эстонская добровольческая бригада СС была переформирована в 20-ю эстонскую добровольческую дивизию СС². Тем же приказом в должности командира дивизии был утвержден штаандартенфюрер СС Франц Аугебергер. (позже его сменил на посту командира дивизии оберфюрер СС Бертольд Маак). Численность 20-й эстонской дивизии СС на момент формирования составляла 11 000 человек. Все-

¹ Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. Vol. I. The Baltic Schutzmannschaft. P.40. По другим данным, на вербовочные пункты явились 36 000 человек, из которых меньшая часть была направлена на доукомплектование уже существующих эстонских частей, а большая часть послужила для формирования 7 эстонских полков пограничной стражи (сильным был «Эстонский полк «Ревель», сформированный в марте 1944 г. и формально не принадлежавший ни к СС, ни к полкам пограничной стражи, ни к «Омакайтсе»). См.: ЦАМО РФ. Ф. 344 (8А). Оп. 5556. Д. 153. Л. 212об; Myllyniemi S. Die Neuordnung der baltischen Lnder 1941-1944. S. 276.

² ЦАМО РФ. Ф. 309 (2 Уд.А.). Оп. 4075. Д. 53. Л. 187. По другим данным, преобразование 3-й эстонской бригады СС в дивизию произошло раньше — 24 января 1944 г. См.: Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich. Vol. 4. P. 141.

го же на 21 марта 1944 года в различных эстонских воинских частях числилось уже от 50 000 до 60 000 человек¹. Несмотря на формирование эстонской дивизии СС, значительное число призывников, годных к воинской службе, остались в казармах или военных училищах, в ожидании приписки к воинским частям. Оружия они так и не получили. В конце концов было решено передать этот «излишек» в резервные части пограничной стражи и войск СС и в отряды «Омакайтсе». В результате этого численность резервных частей достигла 10 000 человек. По некоторым сведениям, дело было не только и не столько в нехватке оружия для новобранцев. В разговоре с командиром 20-й эстонской дивизии СС рейхсфюрер Гиммлер высказывал опасение, что чрезмерное раздувание ее численности может привести к тому, что она выйдет из-под контроля и повернет оружие против немцев.

20-я эстонская гренадерская дивизия войск СС за всю свою историю в основном занималась антипартизанскими операциями и охраной коммуникаций в тылу немецких войск. В 1943—1944 годах она (еще будучи бригадой) действовала в составе «Боевой группы «Йекельн», участвуя в боях против Красной армии в районе г. Невеля. 5 февраля 1944 года дивизию (в составе двух полков — 45-го и 46-го) перевели из района Невеля в район г. Нарва, куда она прибыла 21 февраля. 30 октября 1944 года в составе группы армий «Север» был сформирован III-й («германский») танковый корпус СС, в состав которого вошла и 20-я гренадерская дивизия войск СС (эстонская № 1). Осенью 1944 года дивизия участвовала в сражении при Нарве, на границе РСФСР и Эстонии, которое западные историки окрестили «битвой европейских СС». Но, потерпев поражение, 20-я дивизия была отведена в Силезию вместе с отходящими германскими войсками.

Окончание войны застало 20-ю дивизию СС в Чехословакии. Исполнявший обязанности командира дивизии полковник Альфонс Ребане стремился во что бы то ни стало пробиться в Австрию и сдать британским войскам. Но на территории Чехословакии дивизию взяли в плотное кольцо местные партизаны. После переговоров, в обмен на обещание пропустить эстонцев в Австрию, дивизия была

¹ Myllynicmi S. Die Neuordnung der baltischen Lnder 1941-1944. S. 276. К лету 1944 года с германскими вооруженными силами и полицией так или иначе было связано около 90 000 эстонцев (по данным Х.Туилола, ведавшего военными архивами в период оккупации). См.: Журавлев В.В., Пестов Б.Е., Емельянов Н.М. Кого мы должны помнить? [Об эстонских формированиях, входящих в состав войск гитлеровской Германии] // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 17.

разоружена. Примерно 18 офицеров дивизии отказались сдать личное оружие, за что были расстреляны партизанами. Пользуясь неразберихой, полковнику Ребане вместе со штабом и командирами полков удалось ночью на машинах вырваться из партизанского окружения. Они добрались до Австрии, где и сдались в плен англичанам. Остальной личный состав дивизии — в основном рядовые солдаты и офицеры вплоть до командиров взводов и рот — был передан Красной армии. При транспортировке личного состава 20-й дивизии на территорию Советского Союза более чем 300 офицерам, руки у которых были в крови мирных советских граждан, удалось сбежать и скрыться на территории английской зоны. Остальных солдат и офицеров 20-й дивизии СС отправили в Воркуту.

Так закончился «босовой» путь 20-й эстонской гренадерской дивизии войск СС...

Между тем, ободренный успехом мобилизации, д-р Мяз решил вновь напомнить Гиммлеру о его обещаниях относительно автономии Эстонии. В письме рейхсфюреру СС от 9 февраля 1944 года он намекнул, что провозглашение независимости (в форме автономии) не повредило бы германским интересам. Гарантами союза с Германией стали бы СД, вермахт и сам д-р Мяз лично — в качестве примера он привел Данию. В заключение Мяз заверил рейхсфюрера, что пока еще ни с кем не делился этими соображениями и ждет его, Гиммлера, одобрения. Однако предоставление Эстонии независимости, даже в форме автономии, не входило в планы рейхсфюрера СС.

Вместо этого 27 марта 1944 года в рейхскомиссарите «Остланд» было получено распоряжение из Восточного министерства, в котором обергруппенфюреру СС Йекельну поручалось провести мобилизацию призывников 1926 г. р. (большинству из которых еще не было 18 лет!), чтобы обеспечить пополнение для Эстонского легиона. В апреле 1944 года в Эстонии были мобилизованы все призывники 1904—1918 г.р. Из них было сформировано пять эстонских строительных батальонов, поступивших в распоряжение командования тылового района группы армий «Север», а также упомянутый выше резервный полк пограничной стражи, расквартированный в Вильянди и в Пыльтсамаа (численностью в 5000 человек!). Больше призывать было практически некого...

Это была последняя широкомасштабная мобилизация. После нее, не считая стариков, в Эстонии остались только 16—17-летние мальчишки. Но и их летом 1944 года призывали во вспомогательные части люфтваффе, за считанные дни до эвакуации немецко-фашистских войск. Доктора Мяз к тому времени уже не было в Эстонии...

Последние дни Эстонского самоуправления

После весенней мобилизации 1944 года положение 1-го ландес-директора д-ра Мязэ сильно пошатнулось. Было очевидно, что относительный успех весенней «тотальной» мобилизации был обеспечен главным образом благодаря поддержке оппозиционной «группы Улуотса». В связи с этим, по свидетельству одного из деятелей самоуправления Клесмента, Улуотсу и другому лидеру оппозиции, Йоахиму Пукку, делались предложения возглавить самоуправление вместо д-ра Мязэ. По некоторым данным, Улуотс даже заручился поддержкой в этом нового шефа полиции безопасности и СД в Эстонии — Р. Баатца (преемника Зандбергера). Другие утверждают обратное, говоря, что назначение Улуотса главой самоуправления действительно планировалось некоторыми чиновниками генерального комиссариата Эстонии, но в аппарате рейхскомиссариата «Остланд» Бурмейстер по совету того же Баатца отклонил этот план, под предлогом того, что Улуотс был связан с «враждебными Эстонии кругами за границей».

Вести переговоры с генеральным комиссаром Литцманом на эту тему было доверено Эдгару Канту. Речь шла о сокращении полномочий генерального комиссариата и передаче части их Эстонскому самоуправлению (во главе с новым ландесдиректором); генеральный комиссар должен был сохранить лишь представительные функции. Правда, Литцман отверг все эти предложения, заявив, что Мязэ «не только его сотрудник, но и друг».

Известно, что Литцман в феврале 1944 года предлагал даже, чтобы д-р Мязэ занял его место, так как тот якобы пользуется большим доверием населения. Эстонская националистическая оппозиция, приписывавшая себе главную роль в организации весенней мобилизации 1944 года, попыталась прозондировать почву и выяснить, означают ли эти слова Литцмана готовность передать свои полномочия Эстонскому самоуправлению. Сторонники Улуотса даже подготовили свой список условий дальнейшего сотрудничества с Германией, предполагавший: 1) ограничение полномочий генерального комиссара до роли представителя оккупационной администрации на время войны, включая передачу полномочий отделов генерального комиссариата соответствующим директоратам самоуправления; 2) передачу всех юридических вопросов в ведение эстонской администрации; 3) создание директората сельского хозяйства; 4) восстановление директората по вопросам обороны страны; 5) прекращение вывоза рабочей силы и промышленности из Эстонии; 6) восстановление внутренней администрации в эстонс-

ких учебных заведениях и институтах. Однако уже первые контакты с Литцманом показали, что они ошиблись.

В марте 1944 года эстонская националистическая оппозиция активизировала свою деятельность. Различные оппозиционные круги в Таллине и Тарту (от аграриев до социал-демократов) основали объединенную организацию «Eesti Vabariigi Rahvuskomitee». После основания этого комитета его лидеры начали оживленную переписку с официальными лицами Финляндии и Швеции. Их деятельность не укрылась от немецкой полиции безопасности: именно в связи с этими событиями произошел арест эmissара литовских националистов Амбрасейюса в Таллине в апреле 1944 года.

Надо отметить, что большинство арестованных по этому делу были вскоре выпущены на свободу. Согласно свидетельству Р. Ингелиуса, являвшегося в сентябре 1943 года офицером связи штаба финской армии в Таллине, из 230 арестованных в апреле 1944 года большая часть была вскоре освобождена. Это не удивительно, так как оживление деятельности националистической оппозиции в Прибалтике была на руку оккупантам — это помогло провести им последние мобилизации. Последние могли бы в любой момент расправиться с этой оппозицией, однако не сделали этого, и даже наоборот, зачастую вполне сознательно обращались к ней за поддержкой в проведении «тотальной» мобилизации. Политическая направленность этих оппозиционных движений была уже не так важна, поскольку все они считали своим главным врагом «большевистскую Россию», а не гитлеровскую Германию. Немецкая пропаганда, и в еще большей степени пропаганда доктора Мязэ сделали свое дело, посеяв межнациональную рознь и недоверие к советской власти.

Любопытно, что в начале 1944 года, в разгар весенней мобилизации, в Эстонии неожиданно объявился адмирал Питка, бывший главнокомандующий эстонским флотом, эмигрировавший в 1940 году в Финляндию. Несмотря на свои общеизвестные проанглийские взгляды, Питка развернул в Эстонии активную агитацию, призывая к борьбе с большевизмом любой ценой, потому что, по его словам, единственным врагом Эстонии является Советский Союз. По оценкам офицера связи Восточного министерства при группе армий «Север», гауптмана Унтерштаба, среди части эстонского населения Питка рассматривался как вероятный преемник Мязэ. Еще полгода назад его речи и само появление не вызвали бы энтузиазма у немецких властей. Согласно распоряжению начальника «эстонского гестапо» Эрвина Вика от 10 июля 1943 года, всех «англо-филов» и «пораженцев» надлежало взять под наблюдение. (Правда,

об их аресте в документе ничего не говорилось.) Теперь же немецкие оккупационные власти не чинили никаких препятствий выступлению престарелого адмирала.

25 апреля 1944 года Мяз лично принял у себя адмирала Питку. На последовавшей вслед за тем пресс-конференции Питка объявил, что прибыл в Эстонию для участия в борьбе с большевизмом. За оказанную поддержку немецкие власти даже предоставили ему возможность выступить по радио. С одной стороны, это был реальный конкурент для д-ра Мязэ, но с другой стороны, Мязэ все больше понимал, что оставаться в Эстонии становится слишком рискованно.

Очень скоро, уже весной 1944 года, Хялмар Мязэ покинул Эстонию, приняв приглашение поехать в рейх для выступления с лекциями «о борьбе эстонского народа с коммунизмом» в 1940—1941 годах в ряде городов бывшей Австрии (гау «Верхний Дунай»). После этого, по приглашению имперского уполномоченного в Дании обергруппенфюрера СС Вернера Беста, он намеревался отправиться в Данию с той же целью. В Эстонию д-р Мязэ предпочел больше не возвращаться.

Тем временем Гиммлер вызвал Литцмана в свою полевую штаб-квартиру в Хохвальде. Здесь Литцман ждал приема целых шесть дней, и только 11 сентября рейхсфюрер СС изволил принять его. Разговор был бессмысленным — защищать Эстонию было слишком поздно, однако Гиммлер еще надеялся... на новую мобилизацию!

«Рейхсфюрер предоставил в мое распоряжение специальный самолет, — рассказал потом Литцман личному врачу рейхсфюрера Феликсу Керстену, — и я немедленно лечу в Ревель. Русские уже на окраине города. Гиммлер приказал мне мобилизовать всех, кого можно — мужчин, женщин и детей, — чтобы сдерживать натиск русских, пока не прибудет немецкое подкрепление. Я могу вздохнуть с облегчением: фюрер не бросит Эстонию на произвол судьбы. Кроме того, рейхсфюрер подарил мне автомат новейшей системы — он рассчитан на тысячу патронов. Боюсь, что прибуду поздно... Разумеется, я отправлюсь на фронт и буду сражаться как простой солдат. Эстонцы никогда не смогут сказать, что Литцман был трусом».

Но ни «немецких подкреплений», ни новой мобилизации не было. И Литцман не отправился на фронт как «простой солдат». В отличие от Гиммлера, военные прекрасно понимали, что оборона Эстонии бессмысленна...

По прибытии в Таллин генеральный комиссар Эстонии узнал от тогдашнего командующего группой армий «Север» генерал-пол-

ковника Шёрнера¹, что немецкие гражданские власти, не говоря уже об Эстонском самоуправлении, больше не имеют никаких полномочий. Вся власть переходила к командованию группы армий «Север», а весь немецкий гражданский персонал должен быть эвакуирован в течение 10 дней, считая с 17 сентября 1944 года². 15 сентября Литцман обратился за разъяснениями к Гиммлеру, и тот подтвердил сообщение Шёрнера. Генеральный комиссар Эстонии — теперь уже бывший — успел покинуть Таллин вместе со своим штабом в тот же день.

Два дня спустя — 17 сентября 1944 года — Нарвский участок фронта был прорван. 20 сентября началась эвакуация персонала генерального комиссариата Эстонии и сотрудников Эстонского самоуправления в Германию; причем Гиммлер направил приказ генералу Шёрнеру, обергруппенфюреру Йскельну и фюреру СС и полиции в Эстонии Мёллеру в обязательном порядке эвакуировать семьи всех коллаборационистов. 21 сентября 1944 года Таллинн был освобожден от немецких войск частями Красной армии.

¹ Фердинанд Шёрнер — генерал-полковник, главнокомандующий группой армий «Север» с 24 июля 1944 г.

² Литцман узнал об этом якобы 8 сентября 1944 года (см.: Isberg A. Zu den Bedingungen des Befreiens. S. 139-140), однако в то время он еще находился в Ховвалде, а три дня спустя обсуждал с Гиммлером возможность обороны Эстонии.

ГЛАВА 14

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РЕЙХСКОМИССАРИАТА «ОСТЛАНД»

Курляндский диктатор

9 июля 1944 года Фридрих Йскельн был назначен «комиссаром по обороне Балтийского пространства». Согласно приказу фюрера, ему были предоставлены особые «диктаторские» полномочия для проведения мобилизации «до последнего человека» в Остланде для военной службы и строительства военных объектов. Об этом «фюрерском поручении» Йскельну торжественно сообщил Гиммлер в начале июля 1944 года.

Пользуясь данной ему властью, Йскельн провел мобилизацию последних человеческих ресурсов в Прибалтике. 12 июля 1944 года на оставшейся в немецких руках территории Латвии была проведена последняя мобилизация призывников 1925—1926 г.р. Были вызваны на переосвидетельствование и лица 1906—1924 г.р., ранее получившие отсрочку. Прежде многие из них были признаны непригодными по здоровью в ходе всеобщей мобилизации осенью 1943 года, однако на этот раз были мобилизованы почти все. Большинство было направлено в «Латышский легион» — в 15-ю и 19-ю латышские дивизии СС. В эти же дни в Латвии был объявлен набор призывников 1927 и частично 1928 г.р. которые зачислялись в части ПВО и наземные части ВВС качестве хелфсеров.

В Эстонии проводить мобилизацию было уже практически невозможно, так как все трудоспособное и военнообязанное население оттуда уже было вывезено. К тому же со дня на день должна была начаться эвакуация из Таллина аппарата генерального комиссара и

семей эстонских коллаборационистов. Что же касается Литвы, то там это было не так просто — люди уходили в леса, и оккупантам приходилось идти на всевозможные ухищрения, заигрывая с местными националистами.

Передача всей верховной власти в рейхскомиссариате Йскельну вызвала у многих недовольство и зависть (хотя, трезво рассуждая, завидовать было нечему — дни оккупационного режима в Прибалтике были уже сочтены). 10 июля 1944 года командующий группой армий «Север» генерал-полковник Фриснер¹ предпринял попытку передать большую часть рейхскомиссариата «Остланд» в ведение собственной военной администрации, причем генеральный комиссариат Эстонии — в свое непосредственное подчинение. Но из-за протестов Лозе и Розенберга этот приказ был отменен, а через несколько дней и сам Фриснер был вынужден оставить пост командующего (возможно, не без влияния Гиммлера и Розенберга).

Тем не менее власть гражданской администрации все равно оказывалась сведенной к нулю, к большому неудовольствию рейхскомиссара Лозе. Получивший отныне «диктаторские» полномочия Йскельн потребовал, чтобы Лозе включил в состав аппарата рейхскомиссара «Остланда» представителя от его собственного штаба, который будет заниматься всеми вопросами, связанными с мобилизациями. К тому времени из-за этих самых мобилизаций, проводимых органами СС, отношения между Йскельном и Лозе обострились до крайности, так как рейхскомиссар по-прежнему считал, что мобилизационные штабы СС отбирают рабочую силу у военной промышленности. С командующим вермахта в «Остланде» генералом Бремером Лозе разругался еще в начале 1944 года.

К тому же в это время испортились и отношения между Лозе и Розенбергом. Оба начали строчить кляузы друг на друга в канцелярию фюрера. В одном из таких писем на имя фюрера (от 31 мая 1944 г.) Лозе жаловался, что не может больше оставаться в подчинении Розенберга, так как в Восточном министерстве наблюдается явный «паралич власти». Ответа на письмо не последовало, однако, видимо, с его содержанием ознакомился рейхсфюрер СС Гиммлер, который воспользовался этим, чтобы усилить позиции своего представителя обергруппенфюрера СС Готлоба Бергера в Восточном министерстве. Принцип «разделяй и властвуй» нацистские бонзы применяли не только в отношении поработанных народов, но и в борьбе за власть между собой.

¹ Фриснер, Йоханнес — командующий группой армий «Север» с 3 по 23 июля 1943 г.

Лозе и Розенберг были вынуждены забыть былые распри и общими усилиями принялись добиваться отставки Йекельна, который являлся представителем Гиммлера. Лозе, как гаулейтер, пытался обратиться за помощью по партийной линии к начальнику канцелярии НСДАП Борману. Неудавшийся «великий герцог Балтийский» жаловался, что он обойден, и фактически даже подчинен Йекельну — как можно было так поступить со старым гаулейтером! Это унижает авторитет всей НСДАП и само дело Гитлера! Но ухудшение военного положения сделало его требования бесполезными.

Розенберг, в свою очередь, несколько раз обращался к шефу имперской канцелярии Ламмерсу (Борман и Ламмерс в то время пользовались особым доверием фюрера и постоянно находились в его окружении). При этом, за спиной Лозе, Розенберг советовал Ламмерсу вообще отстранить этого попрошайку Лозе от должности, подчинив весь рейхскомиссариат «Остланд» непосредственно Восточному министерству. Однако эти ходатайства остались безрезультатными. Розенберг мог лишь утешить своего подчиненного Лозе тем, что формально Указ фюрера о гражданской администрации на оккупированных восточных территориях от 17 июля 1941 года пока остается в силе.

Конец рейхскомиссариата «Остланд»

В то время когда среди верхушки рейха шли споры о том, в чье подчинение перейдут остатки рейхскомиссариата «Остланд», германские войска постепенно теряли Прибалтику. 27 июля 1944 года Красная армия освободила Даугавпилс, центр исторической области Латгалии, находившийся на южном фланге немецкой группы армий «Север», а затем расширила прорыв до городов Бауске, Елгава (Митава) и Тукумс. В результате были перерезаны коммуникации группы армий «Север». Это стало началом окружения. Генеральный комиссар Латвии Дрекслер едва успел перебраться из Риги в морской порт Лиенаю всего за несколько дней до этого.

6 августа 1944 года Йекельн узнал от Ламмерса, что фюрер отправил Лозе в отпуск на неограниченный срок «по болезни» (Гитлер часто поступал так в подобных случаях, и обычно это означало отставку). Что же, поделом ему! Фактически лишенный своих полномочий, в августе 1944 года рейхскомиссар Лозе, по словам Йекельна, «позорно бежал из Остланда». Рейхскомиссар и несостоявшийся «великий герцог» покинул Ригу в спешном порядке и уже 12 августа находился в Германии.

Вслед за Лозе настал черед Литцмана. 8 сентября 1944 года новый командующий группой армий «Север» генерал-полковник Фердинанд Шёрнер сообщил ему, что вся немецкая гражданская администрация больше не имеет никаких полномочий и что вся власть переходит к командованию группы армий «Север». Немецкому гражданскому персоналу было отведено всего 10 дней, начиная с 17 сентября 1944 года, чтобы эвакуироваться из Эстонии. Литцман и весь его штаб едва успели покинуть Прибалтику за два дня до названного срока, а буквально в тот же день Нарвский участок фронта был прорван. 20 сентября началась спешная эвакуация остаточного персонала генерального комиссариата Эстонии и сотрудников Эстонского самоуправления в Германию. Буквально на следующий день Таллин был освобожден от немецких войск частями Красной армии, а спустя три недели (13 октября 1944 г.) была освобождена Рига.

За несколько дней до этих событий, в сентябре 1944 года, в Ригу прибыл уже знакомый Йекельну по Украине Эрих Кох, назначенный имперским уполномоченным в Прибалтике. Под его управление была передана средняя часть рейхскомиссариата «Остланд», по сути — все, что еще оставалось от него. Гитлер уполномочил Коха провести использование всех резервов на территории «Остланда», занятой группой армий «Север» (то есть на территории Курляндии). Всей немецкой и местной администрации было приказано исполнять его указания. Он немедленно потребовал принудительной эвакуации всех работоспособных латышей, эстонцев и литовцев в Германию. По мнению Коха, до сих пор в Латвии и Эстонии проводилась совершенно неправильная политика. «Славянам не следует предоставлять участие в управлении, так как они по своей природе ненадежны. На Востоке есть только господа и рабы, причем немец — единственный господин, а славянин — всегда раб», — считал бывший рейхскомиссар Украины. Эти слова он относил и к народам Прибалтики, которых считал в принципе ничем не лучше славян. Местное самоуправление Кох вовсе не желал принимать в расчет — оно и раньше-то не имело никакой власти, а теперь и подавно. Впрочем, Эриху Коху и не пришлось иметь дело с местными органами самоуправления, так как он очень скоро покинул Ригу и с этого времени предпочитал выполнять свои обязанности из отеля в Берлине.

Тем временем, с перенесением военных действий на территорию Латвии, в обеих латышских дивизиях ухудшилась дисциплина и одновременно участились случаи дезертирства. Участник этих событий Освальд Эглитис вспоминал: «Отношение к немцам в ту пору

было далеко не благоприятным, скорее почиталось делом чести ненавидеть немцев, особенно там, где не было настоящего контроля за людьми, покидавшими свои части. Так возникало множество трений между немцами и латышами». Однако немцы были вынуждены теперь быть более покладистыми.

Особенное беспокойство Йекельна, являвшегося теперь фактическим диктатором в «Остланде», в это время вызывали частые случаи дезертирства среди латышских солдат. Как отмечают многие, его рост был связан прежде всего с решением германского командования об эвакуации большинства латышских частей в Германию.

Правительство Латвийской ССР, возобновившее свою деятельность в освобожденном Даугавпилсе, а затем в Риге, командование 2-го Прибалтийского фронта, командующий 130-м латышским стрелковым корпусом РККА генерал-майор Детлав Бранткалн, латвийские партизаны развернули активную агитацию, призывая латышей не позволить угнать себя в Германию. Немцы неустанно повторяли латышским легионерам, что теперь они — солдаты СС, а значит, большевики все равно их всех расстреляют. Курляндские партизаны (среди которых был и Вилис Самсонс, знаменитый командир 1-й латвийской партизанской бригады) пытались убедить их в обратном, говоря: «Обратный путь к народу у вас есть! Не позволяйте угонять себя в Германию!» В результате, дезертирство приобрело массовый характер, особенно по пути через Дундагу (где стояла «депо-бригада», собиравшая отбившихся от своих частей латышских солдат) в порт Вентспилса. По некоторым данным, число дезертиров в лесах составляло в это время около двух тысяч человек.

12 декабря 1944 года «диктатор» Курляндии Фридрих Йекельн вызвал к себе генерал-инспектора Латышского легиона СС Бангерскиса для совещания, в котором участвовали также группенфюрер СС Юнгплаус, штандартенфюрер войск СС Ласманис¹ и обер-лейтенант Хенхель.

Йекельн изложил Бангерскису ситуацию в Курляндии, упомянув особо о положении с дезертирством — о «бандах» латышских и немецких дезертиров, латышских националистов и советских партизан, скрывавшихся в лесах. «...В лесах теперь еще большее число бандитов и от призыва уклоняющихся граждан, — подчеркнул он. — По-

¹ Ласманис, Александр — штандартенфюрер войск СС, заместитель генерал-инспектора Латышского легиона СС (то есть Бангерскиса) и одновременно начальник отдела комплектования генеральной инспекции Латышского легиона СС.

этому я и телеграфно просил Вас явиться сюда, так как Вы единственный, кто здесь в Курземе (Курляндии) еще пользуется авторитетом. Необходимо улучшить политическое настроение в Северном Курземе, также выпустить воззвание, чтобы латыши вышли из лесов, чтобы прекратили лишнее кровопролитие. Вы можете их призвать бороться за свободу и самостоятельность Латвии».

Но Бангерскиса беспокоил вопрос, как в таком случае поступать с дезертирами, которые вроде бы и не относятся к «бандитам», однако бороться «за свободу и самостоятельность Латвии» вместе с немцами не желают.

«Я согласен это делать, — ответил Бангерскис, — только должна быть дана мне возможность самостоятельно действовать и выполнять свои обещания. Мне известно, что среди бандитов имеются и немецкие дезертиры».

«До 1933 года и в Германии были коммунисты, из которых также, поскольку они не переориентировались, составляется контингент дезертиров, — пояснил Йекельн. — В своих рапортах в Берлин о борьбе с бандитами (ни одно) латышское имя не упомянуто. Я сообщал о большевистских бандах. Тех, которые уклонялись от призыва или дезертировали со службы в полиции порядка, можно было бы оставить без наказания. Также и дезертиры 15-й дивизии (войск СС) и остальных отрядов, дезертировавших по той же причине, что не желали ехать в Германию, не подлежали бы наказанию. Дезертиров 19-й дивизии (войск СС) полагалось бы разделить на две группы, причем дезертировавших во время боя предать суду. Эти вопросы Вы решайте самостоятельно. Дезертиров немецкой армии расстреливают».

Доктор Мяз и генерал Бангерскис добиваются создания «правительств в изгнании»

В эти дни, когда в руках немецких властей из всех прибалтийских владений оставалась лишь Курляндия, латвийские коллаборационисты снова завели разговор об автономии. Немцы в это время действительно были вынуждены стать «более покладистыми». Именно на это надеялись националистические подпольные организации, в не меньшей степени, чем коллаборационисты наподобие Бангерскиса. Еще в 1943 году в Латвии был основан «Латвийский центральный совет», в который направили своих представителей ряд подпольных организаций — социал-демократов, Демократического Центра, Крестьянского Союза (партии Ульманиса), Католиков Латгалии

и т.д. Центральный совет поддерживал отношения с границей и издавал газету «Независимая Латвия». Латвийские политики, вошедшие в Центральный совет, связывали свои надежды на реставрацию своей власти в Латвии с западными державами (подобно националистической оппозиции в Литве и Эстонии). Они рассчитывали на повторение событий 1919 года — с помощью западных держав основать свое суверенное буферное государство между Германией и Россией. Теперь, в конце войны, они надеялись на большее понимание со стороны немцев, которым уже нечего было терять — Прибалтика все равно в течение ближайших месяцев была бы оставлена немецкими войсками. Правда, германские власти в лице облеченного «диктаторскими полномочиями» Йекельна предпочитали вести все переговоры об автономии исключительно с генералом Бангерским, генерал-инспектором Латышского легиона СС. Между Йекельном и Бангерским к тому времени установились почти дружеские отношения. Ни Латвийское самоуправление, ни националистическая «оппозиция» в то время уже не играли в Латвии никакой роли и к тому же не пользовались доверием немцев. Да и германская гражданская администрация к этому времени существовала лишь номинально.

Пользуясь моментом, эстонские коллаборационисты тоже решили поднять вопрос об автономии. 27 октября 1944 года бывший эстонский ландесдиректор Хялмар Мяз и генерал-инспектор Эстонского легиона СС Йоханнес Соодла обратились к обергруппенфюреру СС Бергеру (самого Гимmlера им не удалось застать в то время) и напомнили о данном обещании предоставить «независимость Эстонии». (В это время вся Эстония уже была освобождена Красной армией!) Они обосновали свою просьбу тем, что эстонские эвакуированные граждане и воинские формирования, в частности, вывезенная в Германию 20-я эстонская дивизия СС, имеют неопределенный статус. Бергер не обещал ничего конкретного, сказав лишь, что обсудит этот вопрос с Гимmlером и что он лично будто бы одобряет идею независимости Эстонии и Латвии.

5 ноября 1944 года Бергер, пользуясь своим двойным положением начальника Главного управления СС и статс-секретаря в Восточном министерстве, высказал пожелание создать «правительство в изгнании» для латышей и эстонцев, «которые так храбро сражались». Но, по словам Петера Клейста, «Гитлер воспротивился этим планам, и Бергер ограничился предложением о создании «Национальных комитетов»».

На следующий день письмо Хялмара Мяз, адресованное Розенбергу, обсуждалось в Восточном министерстве, где вновь был

поднял вопрос о предоставлении независимости Эстонии и создании «Эстонского правительства в изгнании». В ходе совещания в ведомстве Розенберга пришли к выводу, что создание «правительств в изгнании» для Латвии и Эстонии нецелесообразно, но одобрили идею так называемых «национальных комитетов». Один из чиновников министерства, Турман, высказал идею, что создание таких комитетов облегчило бы мобилизацию прибалтийских беженцев, «остарбайтеров» и т.п. для военной службы в Германии. Местные самоуправления, по его словам, хотя и продолжали формально существовать, однако уже не могли справиться с этой задачей. Статус местных самоуправлений к тому времени действительно был крайне неопределенным. Другой чиновник Восточного министерства, Лабс, считал, что теперь самоуправления должны подчиняться непосредственно Восточному министерству, поскольку рейхскомиссариат «Остланд» и генеральные комиссариаты перестали существовать. Он ссылаясь на то, что по указу Гитлера от 25 апреля 1944 года даже лица без гражданства могли быть мобилизованы для воинской службы. Стало быть, «национальные комитеты» не нужны вовсе. Лабс допускал создание «национальных комитетов» лишь для обсуждения вопросов мобилизации (то есть как некий совещательный орган), но с ограниченной независимостью их под немецким контролем.

В результате Восточное министерство 16 ноября 1944 года официально предложило шефу рейхсканцелярии Ламмерсу создать «национальные комитеты» для Латвии и Эстонии, поскольку, дескать, латышские и эстонские «добровольцы» продолжают сражаться на стороне Германии. К тому же это якобы должно было произвести хорошее впечатление в международном плане на Финляндию и Швецию, которые являлись наиболее горячими сторонниками независимости прибалтийских государств и стали убежищем для многих тамошних националистов, бежавших из Прибалтики в 1940—1941 и в 1944—1945 годах.

В связи с потерей почти всей территории Прибалтики к декабрю 1944 года рейхскомиссариат «Остланд» фактически перестал существовать. Но тем временем в Берлине продолжались оживленные дискуссии о создании «правительств в изгнании» Латвии и Эстонии, или по крайней мере «национальных комитетов».

Во главе «национального комитета Эстонии» предполагалось поставить одного из бывших директоров Эстонского самоуправления Эника. Его кандидатуру предложили Розенбергу Турман и фон Менде. Сам Эник считал Мяэ «полностью изолированным» и неспособным стать «вождем эстонского народа». В итоге 4 ян-

варя 1945 года Розенберг принял отставку д-ра Мяэ как главы самоуправления, которое перестало существовать. В качестве компенсации ему была назначена дотация в размере 100 000 рейхсмарок.

Несмотря на это, 27 января 1945 года в газете «Eesti Sona», выходившей теперь в Германии, появился приказ от имени «главы национального комитета Эстонии д-ра Мяэ» о мобилизации эстонских призывников 1908—1926 г.р., находившихся к этому моменту в Германии. Приказ не был датирован, поэтому так и осталось загадкой, на каком основании Мяэ мог подписать его, ведь на самом деле он не был ни председателем «Национального комитета Эстонии», ни главой самоуправления. По свидетельству одного из его ближайших помощников, Оскара Ангелуса, Мяэ якобы подписал этот приказ 3 января или 12 января 1945 года, во время одной из своих встреч с Бергером. Как видно из многочисленных аналогичных примеров, немецкие власти в то время шли на любую фальсификацию ради проведения новых мобилизаций. Сам же д-р Мяэ позднее заявлял, что последняя мобилизация проводилась исключительно для того, чтобы эстонские солдаты не рассматривались западными державами как добровольцы немецких вооруженных сил, а как солдаты «союзной армии».

«Национальный комитет Латвии» был создан несколькими месяцами позже. Вот что сообщает об этом Петер Клейст: «Латышский генерал Бангерскис... обратился ко мне, попросив открыто высказать мое мнение насчет этого проекта. Вопрос был деликатным. Я мог лишь ответить ему: "Отправляйтесь в верховную ставку близ швейцарской границы" (там находилась ставка фюрера в Оберзальцберге). Однако вместе с тем я дал ему понять — к тому времени я больше года как покинул Восточное министерство и возвратился в МИД — что министерство иностранных дел не будет участвовать в образовании "национальных комитетов". Это означало, что "Национальные комитеты" не будут иметь статус "правительств в изгнании", признанных правительством Германии и официально представленных в германском МИДе». «Бангерскис заключил из этого, — пишет далее Клейст, — что новые организации не смогут добиться международно-правового статуса». После этого разговора Бангерскис имел несколько резких объяснений с Главным управлением СС и его шефом Готлобом Бергером, так как те фактически надули его.

Незадолго до этого разговора, 18 декабря 1944 года, в штабе Йекельна, находившемся в то время в Лиепая, в доме № 16 на улице Плидония, состоялось очередное совещание с участием генерал-ин-

спектора Бангерскиса, преемника Йекельна группенфюрера СС Берендса, латышского полковника Ласманиса и майора Медниса. На совещании рассматривался вопрос о создании «Национального комитета Латвии».

Бангерскис передал Йекельну копию письма, которое он намеревался послать главнокомандующему Северным фронтом. Бангерскис заявлял в письме, что при существующем на данный момент немецком гражданском управлении он не может взять на себя какие-либо другие обязанности, кроме его обязанностей генерал-инспектора (речь шла о том, чтобы Бангерскис возглавил национальный комитет Латвии, что-то вроде нового самоуправления).

Йекельн с пониманием отнесся к письму и изложенным в нем условиям и заверил Бангерскиса, что вскоре Латвии будет предоставлена «народная автономия», после чего Бангерскис сможет возглавить национальный комитет. До тех пор же он не призывает Бангерскиса брать на себя такую ответственность. Говоря об этой «товарищеской просьбе», Йекельн назвал главной задачей Бангерскиса как будущего главы «национального комитета» проведение мобилизации всех резервов для победы в войне. При этом Йекельн призвал его «использовать все свои возможности», так как «независимость будет достигнута наверняка еще раньше, чем начнется последнее могучее контрнаступление». Йекельн обещал также еще раз заявить в Берлине о необходимости автономии для Латвии. До того времени Бангерскису был обещан пост «штатгальтера» (наместника) в Курляндии; за кандидатуру Бангерскиса на этот пост высказались рейхсфюрер СС Гиммлер, начальник Главного управления СС Бергер, командующий войск СС в Остланде и командир VI-го латышского корпуса СС Крюгер, а также будущий преемник Йекельна на посту высшего фюрера СС и полиции в «Остланде» Берендс. Йекельн обещал и свою личную поддержку, заверив, что скоро получит «поручение фюрера» и неограниченные полномочия в «Остланде» (точнее, в том, что от него осталось — в Курляндии). «В этот момент, когда слово за военными, — сказал Йекельн, — отец солдат является также отцом народа... Хотя политически Вы еще не утверждены, Ваше воззвание пойдет в народ. Согласно моей информации, народ радуется Вашему присутствию. Дезертиров в частях больше нет».

Общания, данные им Бангерскису, по-видимому, не особенно волновали Йекельна, так как в скором времени он сдал свои полномочия группенфюреру СС Берендсу и 4 января 1945 года был прикомандирован к группе армий «Верхний Рейн». Командующим этой

группой армий был сам Генрих Гиммлер, который впервые решил испытать свои силы в качестве воссоздателя и собирал вокруг себя штаб из самых верных фюреров СС. Так и не приняв участия в боевых действиях, группа армий «Верхний Рейн» была расформирована, а ее штаб преобразован в штаб группы армий «Висла» на Восточном фронте (опять же во главе с Гиммлером). Здесь Йске́льн и возглавил свою новую «боевую группу» из частей СС, полиции и вермахта, но уже действовавшую за пределами Прибалтики. В феврале 1945 года штаб Йске́льна как высшего фюрера СС и полиции в «Остланде» был преобразован в «Боевую группу СС «Йске́льн» (номер полевой почты 19 216). Ее не следует путать ни с прежней «Боевой группой «Йске́льн», действовавшей в Прибалтике и Северной России в 1942 году и выполнявшей задачи по борьбе с партизанами, ни с «Боевой группой СС «Йске́льн», выполнявшей примерно те же задачи в 1944 году и состоявшей в основном из латышских и эстонских полков пограничной стражи (последняя была расформирована 24 июля 1944 г.).

Только в феврале 1945 года Бергер и Гиммлер осуществили свой план создания латышского «Национального комитета», причем, по словам Петера Клейста, «несмотря на противодействие самих латышей». «Торжественное основание, — пишет Клейст, — должно было состояться в Дрездене по каким-то причинам, которых я уже не помню. Туда прибыли несколько германских официальных лиц и латышей, чтобы стать свидетелями... самых кровавых событий, совершенных во имя Атлантической Хартии — разрушения Дрездена эскадрами англо-американских бомбардировщиков. Латышский национальный комитет все же был учрежден несколько недель спустя в Потсдаме».

Не известно достоверно, удалось ли немцам преодолеть недоверие Бангерскиса к идее «Национальных комитетов» или он был вынужден согласиться на нее за неимением лучшего. Однако идея провозглашения независимости продолжала существовать и после создания «Национальных комитетов» Латвии и Эстонии. Сохранилась радиограмма уполномоченного генерала вермахта в Курляндии, бригадфюрера СС Хинриха Мёллера (бывшего фюрера СС и полиции в Эстонии), адресованная преемнику фюрера гросс-адмиралу Дёницу от... 5 мая 1945 года! Вот ее содержание:

«1. Народ (Латвии) готов сражаться до последнего в общей борьбе против большевизма плечом к плечу с вермахтом.

2. Здесь неизбежно провозглашение самостоятельного латвийского государства. Во внутренних отношениях соблюдение германских интересов гарантировано (...)

Однако к тому времени никакие призывы о формальном предоставлении независимости Латвии и Эстонии уже не могли ничего изменить. 9 мая 1945 года была подписана безоговорочная капитуляция Германии.

Капитуляция в Курляндии

Еще 24 сентября 1944 года южное крыло Ленинградского фронта под командованием Говорова вышло к Валмиере и соединилось с силами 3-го Прибалтийского фронта (под командованием Масленникова). 15 сентября все три Прибалтийских фронта перешли в наступление на Ригу. Позиции немецкой 18-й армии оказались растянутыми от Тарту до Риги. 16-я армия сдерживала советское наступление в районе Бауски до тех пор, пока основные силы 18-й армии не были эвакуированы из Эстонии через Ригу на юго-запад. Окружить немецкие войска в районе Риги также не удалось. В течение какого-то времени немцы удерживали Ригу и узкий коридор в районе Тукумса, оставлявший им единственный путь к отступлению — в Курляндию, а оттуда — в Литву.

Но в начале октября силы Красной армии начали новое наступление на Ригу, одновременно нанеся южнее удар силами 3-го Белорусского фронта — в направлении Таураге и Клайпеды (Литва). 10 октября они вышли к Балтийскому морю в районе Паланги, и одновременно — к границам Восточной Пруссии. В результате немецкая группа армий «Север» оказалась отрезанной. К середине октября, в результате ожесточенных уличных боев, была освобождена и Рига.

Так возник «Курляндский котел». Военные, включая тогдашнего начальника генерального штаба сухопутных войск Гудериана, просили фюрера, чтобы тот отдал приказ группе армий «Север» пробиваться сквозь окружение в Восточную Пруссию. Однако Гитлер заявил, что скоро положение изменится, и тогда «курляндская группировка» будет необходима ему для нанесения флангового удара по наступающим советским войскам.

В Курляндии оказались блокированными 26 немецких дивизий, в том числе две танковые. Из них лишь 10 были эвакуированы по морю в первые месяцы 1945 года для обороны рейха. Когда всякая возможность прорвать окружение отпала, военные вновь предложили эвакуировать по морю остальные силы группы армий «Север» (с января 1945 года она была переименована в группу армий «Курляндия»). Однако Гитлер отказался, заявив, что эти окруженные в Прибалтике части сковывают значительные силы русских.

Советское командование же, напротив, считало более важным развивать наступление в Восточной Пруссии, позволив беспомощной «Курляндской группировке» продержаться до 9 мая 1945 года, когда была подписана безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии. Среди немецких частей, капитулировавших в Курляндии, находилась и 19-я гренадерская дивизия войск СС (латышская № 2), а также множество прочих латышских и литовских частей.

Латышские части, капитулировавшие в Курляндии 9 мая 1945 года	
19-я гренадерская дивизия войск СС (латышская № 2)	
Общая численность дивизии на 20 апреля 1945 года составляла 10 350 чел. (по другим данным — от 8000 до 5200 человек, однако возможно, что эти цифры не учитывают численность «боевой группы Русманиса» и других частей, временно приданных дивизии).	
42-й гренадерский полк (латышский № 1)	
43-й гренадерский полк (латышский № 2)	
44-й гренадерский полк (латышский № 6, бывший 106-й гренадерский полк)	
19-й артиллерийский полк	
19-й танкоистребительный дивизион	
19-й дивизион ПВО (к тому времени переименованный в корпусной дивизион ПВО 105/106)	
19-й фузилерный батальон	
2-я санитарная рота	
дивизионная транспортная колонна	
дивизионная транспортная рота	
дивизионная рота грузовиков	
1-й ездовой эскадрон СС (1.SS-Fahr-Eskadron)	
15-й артиллерийский полк (временно приданный дивизии)	
Временная «боевая группа оберштурмбанфюрера Русманиса», перебросенная в Курляндию из Свинемюнде (Восточная Пруссия) в апреле 1945 г.	от 1200 до 3500 чел.
6 латышских полицейских батальонов, капитулировавших вместе с 19-й дивизией	
271-й латышский полицейский батальон (временно приданный 19-й латышской дивизии СС)	

20-й латышский полицейский батальон (в составе 5 рот)	165 чел.
23-й латышский полицейский батальон	250 чел.
267-й латышский полицейский батальон (в составе 2 рот)	
269-й латышский полицейский батальон (о его численности нет данных)	
319-й латышский полицейский батальон (в составе 3 рот, находился в подчинении 120-го охранного полка при командире тылового района 584 16-й армии)	300 чел.
322-й латышский полицейский батальон	250 чел.
полицейский строительный батальон Клавиньша	467 чел.
полицейский строительный батальон Звайгце	444 чел.
Другие части, капитулировавшие в составе «Курляндской группировки»	
7 латышских строительных батальонов, сформированных при командующем силами вермахта в «Остланде»	1655 чел., по другим данным — около 2500 чел.
672-й латышский пионерный батальон вермахта (в подчинении VI корпуса СС)	около 300 чел.
Части ПВО — 3-я батарея ПВО и «смешанный» 645-й дивизион ПВО (ранее входившие в Латышский авиационный легион)	около 220 чел.
латышские хелферы ПВО и ВВС	около 1000 чел. (по другим данным, 500—560 чел.)
652-я латышская рота снабжения	около 300 чел.
Латышский военно-морской дивизион ПВО	около 250 чел.
49-й и 47-й батальоны снабжения вермахта	в их составе служило около 115 латышей
6-я латышская рота военных корреспондентов СС (в составе штабдарта СС «Курт Эггерс»)	
Служащие Латышской полиции	около 1500 чел.
Латыши, проходивших службу в РАД и в организации «Тодт», и служащие латышской полиции безопасности	около 1000 чел.
Ранние из латышских частей в госпиталях и фронтовых лазаретах	около 1500 чел.

Часть солдат латышских строительных батальонов, стянутых в Курляндию, была незадолго до капитуляции разоружена и отправлена в лагеря для военнопленных (как, например, личный состав IV латышского строительного батальона). По-видимому, так же немцы поступили и с «латгальскими полицейскими батальонами» (283-й, 314-й, 315-й, 325-й, 326-й, 327-й и 328-й), сформированными из «русского населения Латгалии». Они считались ненадежными с самого момента формирования и, скорее всего, были расформированы. Личный состав был направлен либо в лагеря военнопленных, либо в немецкие части, либо вывезен на принудительные работы в Германию.

Вместе с латышскими частями весной 1945 года в составе «Курляндской группировки» находилось несколько литовских батальонов — 13-й литовский полицейский батальон под командованием майора Атанаса Штаркуса-Монте, ранее входивший в состав 3-го литовского добровольческого полка (войск СС), а также 255-й и 256-й литовские полицейские батальоны (незадолго до того пополненные за счет расформированного 5-го литовского строительного батальона). Они были разгромлены или расформированы в апреле 1945 года, и дальнейшая их судьба покрыта мраком.

Мечта о независимости накануне разгрома

В заключение, логично было бы задать вопрос: почему главы бывших самоуправлений и легионов СС в Латвии и Эстонии так упорно добивались независимости в то время, когда сами территории этих республик были потеряны для них, да и дни Третьего рейха были сочтены?

Как следует из заявлений самих прибалтийских националистов, они надеялись на формальный статус «независимых правительств в изгнании», который позволил бы им искать поддержки у западных держав — Англии и Соединенных Штатов Америки. В гитлеровской Германии ни на миг не расставались с мыслью, что антигитлеровская коалиция — вынужденное объединение враждебных друг другу государств. В последние месяцы и дни существования рейха эта идея особенно часто высказывалась самими же немцами. Еще большие надежды связывали с расколом антигитлеровской коалиции лидеры коллаборационистов разных стран и национальностей, сражавшиеся на стороне Германии. В случае если бы правительство рейха признало их самоуправления, комитеты и организации «правительствами в изгнании», а их войска получили бы статус «союзных армий», раскол

антигитлеровской коалиции давал им новые шансы на провозглашение независимости. Примеры подобных планов можно найти, например, в последних высказываниях Власова и его окружения или командира «Русской Национальной армии» белоэмигранта Хольмстон-Смысловского, белорусских националистических лидеров и других.

Это подтверждали и участвовавшие попытки коллаборационистов и оппозиционных националистических кругов в Эстонии, Латвии и Литве установить контакт с нейтральными державами. Так, в Эстонии группа Улуотса поддерживала контакты с эстонскими эмигрантами в Швеции. Прибывший в начале 1944 года в Эстонию адмирал Питка, известный своим пробританскими симпатиями, также мог представлять связующее звено для контакта с Англией через посредство Финляндии, которая в скором времени вышла из войны, став нейтральной страной. Характерно, что глава самоуправления Хялмар Мяэ с начала 1944 года любезно принял поддержку «оппозиционеров» Улуотса и Питки, хотя они и являлись его конкурентами в борьбе за власть. Аналогичные контакты с Финляндией пытались установить лиговские коллаборационисты — ВЛИК и окружение генерала Плехавичюса. Еще в 1940 году они отдавали себе отчет в том, что Англия и Соединенные Штаты были бы рады возможности отторжения республик Эстонии, Латвии и Литвы от Советского Союза под предлогом восстановления их независимости и «законных прав» их правительств в изгнании.

Такому развитию событий помешало два фактора: во-первых, упорное нежелание Гитлера даже в последние свои дни признать независимыми некогда оккупированные, а теперь уже давно потерянные для Германии территории; во-вторых, соотношение сил на международной арене после победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, которое было не в пользу западных союзников. В результате этого заключенные в Ялте и Потсдаме договоренности не предполагали предоставления независимости республикам Прибалтики, поскольку это означало бы в действительности их попадание в сферу влияния Англии и США. Однако Мяэ, Бангерскис, Плехавичюс и другие коллаборационисты едва ли были в курсе этих соглашений.

Возмездие находит не всех...

Рассказ о событиях в Прибалтике в годы немецко-фашистской оккупации был бы не полным, если не сказать хотя бы вкратце о судьбе основных виновников этих событий. Некоторые из них, как, например, Розенберг и Йскелян, получили сполна за свои преступления.

Альфреда Розенберга конец войны застал во Фленсбурге, где в то время находилось последнее правительство Третьего рейха во главе с гросс-адмиралом Карлом Дёницем, которого Гитлер назначил в своем завещании «пресмником фюрера». (Фюрер в Германии мог быть только один, даже после его смерти, и Дёниц на этот титул не тянул.) Фленсбург стал тем последним оплотом, куда в начале мая 1945 года потянулись все нацистские сановники, оставшиеся не у дел в конце войны, однако не хотевшие уходить из политики. Кабинет Дёница осаждали толпы бывших «боссов» рейха, в числе которых были бывший министр иностранных дел Риббентроп, престарелый, но по-прежнему неугомонный фельдмаршал фон Бок, а также другая «закатившаяся» звезда военного искусства вермахта — фельдмаршал фон Манштейн, гаулейтеры Хинрих Лозе, Тельшов, Хильдебрандт и Вегенер. В штабе Дёница обивал пороги даже всемогущий некогда рейхсфюрер СС Гиммлер, которого фюрер в своем завещании лишил всех постов и званий, назначив на его место гаулейтера Ханке.

Большинство из этих просителей Дёниц или его доверенные лица просто «отшивали» как слишком скомпрометировавших себя в годы войны. Таким образом, Гиммлер, Риббентроп и Розенберг во Фленсбурге оказались персонами нон грата. А в скором времени, в довершение всех бед, они узнали о капитуляции Германии.

Розенберг, напившись с горя, умудрился где-то вывихнуть ногу и оказался в госпитале. Здесь-то он и попал в руки союзников, чтобы через несколько месяцев предстать перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге в числе главных немецко-фашистских преступников.

На суде бывший министр по делам оккупированных восточных территорий пытался защищаться, однако весьма неумело. Получив на руки копию обвинительного заключения, возмущенный Розенберг нацарапал на нем: «Я отвергаю обвинение в заговоре. Антисемитское движение было только мерой защиты». Сидя в камере нюрнбергской тюрьмы, идеолог нацизма написал свои мемуары — очевидно, чтобы обелить себя по крайней мере перед историей. Впоследствии они были изданы в Германии и снабжены предисловием, в котором подчеркивалось, что их автор был «великим идеалистом», который «умер, глубоко и искренне веря в национал-социализм». Ничего себе идеализм, стоивший жизни миллионам людей!

Фридриху Йекельну, являвшемуся главой СС и полиции в «Остланде», также не удалось уйти от возмездия. После войны он предстал перед судом — сначала в качестве свидетеля на процессе над

главными немецко-фашистскими военными преступниками в Нюрнберге, а затем и в качестве подсудимого. На суде, проходившем в Риге, Йскельн с поразительным хладнокровием признавался в совершенных на территории Прибалтики массовых убийствах. 3 февраля 1946 года военный трибунал вынес ему смертный приговор, а на следующий день приговор был приведен в исполнение на территории бывшего Рижского еврейского гетто.

Те чиновники оккупационной администрации, кто сумел вовремя сдаться в плен к западным союзникам, отделались значительно легче — иногда, как говорится, просто «легким испугом».

Бывший рейхскомиссар «Остланда» и несостоявшийся «Великий герцог Балтийский» Хинрих Лозе после своего бегства из Прибалтики вернулся к своим обязанностям гаулейтера земли Шлезвиг-Гольштейн. Лишь в январе 1948 года он предстал перед трибуналом, правда, не советским, а британским. Именно поэтому приговор оказался сравнительно мягким — 10 лет тюремного заключения. Читая материалы судебных процессов, проходивших в американской и английской оккупационных зонах Германии, остается только поражаться им. В них детально рассматривается каждое действие подсудимых, вплоть до малейших проступков, но... лишь в рамках Западной и Центральной Европы. Все, что совершалось восточнее Одера, на оккупированных территориях стран Восточной Европы и Советского Союза, в них игнорируется. После этого не удивительно, что подсудимые отделялись столь мягкими приговорами... К тому же западная Фемида очень любила отпускать военных преступников на волю через пару-тройку лет. Так случилось и с бывшим рейхскомиссаром, который был амнистирован в феврале 1951 года. Ландтаг западногерманской земли Шлезвиг-Гольштейн даже пожаловал ему пенсию. Интересно знать, за что? За то, что Лозе стал создателем партийной организации НСДАП в этой земле в 1925 году, а затем в течение последующих двадцати лет являлся ее бессменным гаулейтером? По-видимому, даже боннское правительство решило, что это уже чересчур, так как в скором времени пересмотрело и отменило это решение.

Таков был заслуженный конец нацистских главарей, людей, которые в течение почти четырех лет управляли оккупированной Прибалтикой. Их литовским, латышским и эстонским «коллегам» повезло больше. В их числе оказались эстонские коллаборационисты Хялмар Мязэ и Оскар Ангелус, их латышские собратья — Оскар Данкерс, Артур Силыгайлис (последний бежал после войны в Канаду, где дожил до своего столетнего юбилея, который отметил в 1995 году) и многие другие.

Так, благополучно ушел от расплаты бывший генерал-инспектор «Латышского легиона СС» Рудольф Бангерскис. Однако в 1958 году он погиб в результате дорожно-транспортного происшествия. Его сбила машина, водитель которой скрылся с места происшествия. Неизвестно, было ли это запоздалое возмездие случайностью или же кто-то свел с ним счеты.

Наказание в виде приговора трибунала постигло лишь нескольких «мелких сошек» — рядовых исполнителей казней, но не их организаторов. Но скольким еще удалось скрыться за границей? И кто предоставил им убежище? Это были бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции. К сожалению, во многом по их вине большинство военных преступников из числа коллаборационистов остались безнаказанными. В Советском Союзе их имена называть не любили, возможно, чтобы ненароком не раскрыть масштабов этого явления. На Западе же их приветствовали как «борцов за независимость» своих стран, пострадавших от советской власти.

ГЛАВА 15

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В РЕСПУБЛИКАХ ПРИБАЛТИКИ, (1944—1952)

Тысячи или десятки тысяч?

После отступления немецко-фашистских войск из Прибалтики там продолжали действовать достаточно многочисленные подпольные группы националистов, оказывавших сопротивление в тылу Красной армии. Они совершали диверсии и саботаж, убийства советских и партийных активистов, офицеров и солдат РККА, пытались вовлечь в свою деятельность местное население — отчасти с помощью агитации, а где-то и путем запугивания. Эти группы можно назвать «националистическим сопротивлением», хотя такое понятие вводится впервые. По данным западных историков, численность участников националистического сопротивления после эвакуации немецких войск в Эстонии составила 50 000 человек (так называемые «лесные братья»), в Латвии — около 60 000 человек, а в Литве — 120 000 человек.

Приведенные цифры впечатляют, но можно ли им верить? По всей видимости, они несколько завышены. По данным НКГБ — НКВД СССР с ноября 1944 по 15 февраля 1945 года в ходе ликвидации латвийских, эстонских и литовских националистических бандформирований на территории республик Прибалтики было убито всего лишь 4176 участников этих формирований. При этом в ходе боев погибло 177 сотрудников и военнослужащих НКГБ — НКВД СССР. Правда, «националистическое сопротивление» не ограничивалось ни февралем, ни августом 1945 года. Если в Эстонии и Латвии оно продолжалось примерно до конца 1940-х годов, то в Литве выстрелы не

стихали как минимум до 1952 года. (Согласно недавно рассекреченным материалам из архивов ФСБ, последний отряд латгальских «лесных братьев» в Псковской области был ликвидирован в 1965 году!) Однако даже если в течение 1945 года численность националистических формирований выросла в несколько раз, все равно это будет значительно меньше, чем утверждают западные авторы.

В предвзятости можно подозревать как отечественных, так и западных историков. Однако первые, по крайней мере в последние годы, подтверждают цифры фактами и документами; вторые же, как правило, имеют дело лишь с информацией из вторых рук. Очень возможно, что западные историки поторопились записать в число «повстанцев» также дезертиров и уклонявшихся от призыва в Красную армию. Как можно видеть, численность последних действительно составляла десятки тысяч человек, тогда как численность боевиков исчислялась только тысячами. С тем же успехом можно было бы записать в ряды советских партизан всех дезертиров, скрывавшихся в лесах в годы фашистской оккупации! О некомпетентности некоторых западных «историков» в этом вопросе свидетельствует хотя бы то, что руководящим органом литовского националистического сопротивления некоторые называют «Фронт литовских активистов», который в действительности прекратил свое существование еще в конце 1941 года. Не известно им и то, что «лесными братьями» называли себя не только националистические повстанцы, но и советские партизаны в Литве, Латвии и Эстонии еще со времен революции 1905—1906 годов и первой немецкой оккупации в 1915—1918 годах.

Наконец встает второй вопрос: что такое националистическое сопротивление? Продолжение гражданской войны в Прибалтике (как и коллаборационизм), или национально-освободительное движение (в отличие от коллаборационизма)? Кто были организаторы и участники националистического сопротивления? Были ли это те же самые люди, которые сотрудничали с немецко-фашистскими оккупантами в годы войны, или это была «третья сила», выступавшая как против нацистских оккупантов, так и против советских войск?

Кто создавал националистическое сопротивление?

Документы свидетельствуют, что у истоков националистического сопротивления стояли германские спецслужбы. Значительная часть вооруженных формирований националистов, продолжавших

действовать и после окончания войны, была подготовлена в 1944—1945 годах немецкой военной разведкой. В годы войны руководство разведывательной и диверсионной работой с территории Прибалтики осуществляли «**Абверштелле Осгланд**». Ее важнейшим филиалом являлась «**абвернебенштелле Ревель**» (**Abwehrnebenstelle Reval, ANSt Reval**) и подчиненные ей абверкоманды 102, 104, 304 и 166м (**военно-морская**). Один из сотрудников абвера, лейтенант Вернер Редлих, заместитель начальника абвергруппы 326, впоследствии показал: «Всем действовавшим на советско-германском фронте органам Абвера была присвоена следующая нумерация: разведывательные команды и группы получили нумерацию от 101 и выше; команды и группы экономической разведки — от 150 и выше; диверсионные команды и группы — от 201 и выше; и контрразведывательные — от 301 и выше».

«**Абвернебенштелле Ревель**» (или АНСТ «**Ревель**») размещалась в Таллине и действовала под вывеской «**Бюро по вербовке добровольцев**» или «**Бюро Целлариуса**». С февраля 1944 года «**Абвернебенштелле Ревель**» переехала в город Кохтла-Ярве, откуда в начале сентября 1944 года была эвакуирована в Берлин. В ее распоряжении находились разведывательные и диверсионные школы в г. Валга, в селе Нурси недалеко от Выру, в селе Вихула (в бывшем имении барона Шуберга), в мызе Кумна в 22 километрах от Таллина, в селе Лээтсе в 5 километрах от г. Палдиски, и в селе Кейла-Йоа (все — на территории Эстонии).

В полосе действий группы армий «Север» всей разведывательной, диверсионной и контрразведывательной деятельностью руководили **абверкоманды 104 (разведывательная), 204 (диверсионная) и 304 (контрразведывательная)**; штаб-квартиры всех трех находились в Пскове. Позднее в дополнение к ней, в октябре 1943 года из Киева в Таллин была перебросена **абверкоманда 102 (разведывательная)**, которая стала работать с этого времени в подчинении «**Абвернебенштелле Ревель**». Через некоторое время она перебазировалась оттуда в мызу Кумна, где размещалась до июля 1944 года и где при ней была создана специальная разведшкола.

Особую роль в организации саботажа в тылу наступающих советских войск играла **абверкоманда 204 (диверсионная)**, которая действовала против Ленинградского, а затем Прибалтийского фронта. Ее возглавляли полковник Эшвингер, полковник Мутрайт и майор Реннеке. В ее подчинении находились **абвергруппы 211 и 212**, а позднее к ним добавилась **абвергруппа 210**, которая занималась вербовкой агентуры в лагерях военнопленных в Таллине и Вильянди. Именно они с лета 1944 года, помимо непосредственной организа-

ции диверсионной работы, занялись целенаправленной организацией националистического сопротивления на территории Прибалтики накануне отступления немецких войск.

Подготовка националистического сопротивления спецслужбами рейха: Латвия

На территории Латвии абвергруппа 212, согласно секретной оперативной сводке, приступила к организации групп сопротивления из прибалтийских националистов не позднее августа 1944 года. «Ввиду изменения общего положения, отхода наших войск из района Мадона и южнее Двины, — говорилось в документе, — стала очевидна необходимость подготовки и организации движения сопротивления». Еще в сентябре 1944 года абвергруппа 212 и ее начальник Хассельман при поддержке штаба немецкой 16-й армии подготовили и забросили в тыл Красной армии 8 диверсионных групп из латышей (от 3 до 120 человек), в том числе: группы «Наполеон» из 4 чел. и «Хеннеси» из 3 чел. (19 сентября); группы «Вега» из 3 чел., «Мартель» из 4 чел. и «Курфюрст» из 16 чел. (20 сентября); «Незабудка» из 120 чел. — 22 сентября; «Петер» из 75 чел. — 24 сентября и «Капоне» из 7 чел. — 2 октября. В октябре 1944 года численность агентуры при абвергруппе (в основном из латышей) составляла еще 220 человек. И они тоже дожидались отправки в советский тыл для организации националистических групп сопротивления и совершения новых диверсий!

В том же месяце органам военной контрразведки 2-го Прибалтийского фронта удалось обезвредить еще одну группу диверсантов во главе с немецким офицером Р. Пусселем, оставленную абвергруппой 212 перед отступлением. В результате удалось вскрыть целую резидентуру в Риге (ее руководителем был А.И. Акментыньш) и арестовать 13 вражеских агентов из числа латышских националистов. При их аресте были изъяты списки еще 30 агентов. И это результаты работы всего лишь одной абвергруппы.

Абвергруппа 206 также подготовила и забросила в тыл Красной армии несколько диверсионных групп из латвийских националистов (все они являлись членами организации «айзсаргов»). В сентябре — октябре 1944 года контрразведкой 3-го Прибалтийского фронта было ликвидировано несколько таких групп, в том числе группа О. Айтиньша (4 чел.), оставленная немцами на территории Лыгшновской волости Абренского уезда в сентябре 1944 года, и группа Спрингиса (7 чел.), заброшенная 1 октября 1944 года для совершения диверсий и убийств советских офицеров.

Параллельно с группами фронтовой разведки абвера работу по организации националистического сопротивления в тылу Красной армии проводило VI управление РСХА (внешняя разведка СД) и созданный в его подчинении особый штаб во главе со знаменитым диверсантом Отто Скорцени — так называемый «Ягдфербанд Скорцени». Этот орган был создан в июле 1944 года. Его главной задачей являлась организация диверсий и саботажа на эвакуированных немцами территориях.

«Ягдфербанд Скорцени» в Прибалтике

Организация «Ягдфербанд» сама по себе заслуживает особого рассмотрения. Остановимся лишь на деятельности этого органа на территории Прибалтики.

«Ягдфербанд Скорцени» (буквально: «Истребительный отряд Скорцени») имел в своем подчинении несколько штабов, отвечавших за разные районы Европы, соответственно называвшиеся «Восток», «Запад», «Северо-Запад», «Юг», «Юго-Восток» и «Центр» (Jagdverband Ost, West, Nordwest, Süd, Südost, Mitte). Территории Советского Союза находились в ведении «**истребительного отряда «Восток» («Ягдфербанд Ост»)**, который возглавлял оберштурмфюрер СС Адриан фон Фелькерзам, одновременно являвшийся начальником штаба «Ягдфербанда Скорцени», бывший обер-лейтенант дивизии особого назначения абвера «Бранденбург».

В марте 1944 года, после ареста нескольких высокопоставленных офицеров военной разведки, Гитлер перестал доверять адмиралу Канарису. Абвер как единый орган был передан в подчинение Главного управления имперской безопасности. После неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 года гестапо провело основательную чистку военной разведки. Среди арестованных оказался и сам адмирал Канарис. Начальники трех основных управлений абвера — генералы Лахузен фон Вивремонт, Пикенброк и Бенгивенни — были отправлены на фронт командовать дивизиями. Абвер был фактически обезглавлен и преобразован в «Воснное управление» в составе VI управления РСХА. Бывшее управление «Абвер-II», занимавшееся саботажем и диверсиями, было преобразовано в отдел «Д» Военного управления РСХА во главе с Отто Скорцени. Дивизия «Бранденбург», которую называли «домашним войском адмирала Канариса», стала использоваться как обычная пехотная дивизия на фронте, и многие солдаты и офицеры поспешили перейти из нее в другие спецподразделения (всего около 1800 человек). Импе-

но так поступил и Адриан фон Фелькерзам, явившийся к штурмбанфюреру СС Скорцени с просьбой принять его в свой отдел.

Штаб «Ягдфербанд «Ост» располагался в городе Хоэнзальца в Восточной Пруссии (ныне город Иноврошлав, Польша) и имел в своем составе два отдела — «Балтика» (*Jagdeinsatz Baltikum*) и «Россия» (*Jagdeinsatz Russland insgesamt*). Зоной действия первого была Прибалтика. Согласно показаниям одного из бывших сотрудников этого органа, латыша Бруно Тоне (бывшего солдата 15-й дивизии войск СС), начальником «Ягдайнзатц «Балтикум» являлся штурмбанфюрер СС Манфред Пехау, а оперативным офицером штаба (в немецкой терминологии эта должность называется «Ia») был унтерштурмфюрер СС Шмидт. В состав этого органа входили Латвийский и Эстонский штаб (Литвой он не занимался, хотя она входила в сферу его деятельности). Начальником Латвийского штаба был латыш Альфонс Райтумс, одновременно являвшийся руководителем созданной немцами на оккупированной территории Латвии фашистской партии «Лидумнекс». Начальником Эстонского штаба был эстонец, штандартенфюрер войск СС Пулинг. Штабы комплектовались из профашистски настроенных латышей и эстонцев — из 15-й латышской дивизии войск СС, латышских полицейских и саперных батальонов, из лагерей латышских беженцев в Германии, а также из 20-й эстонской дивизии войск СС и из эстонских полицейских батальонов, эвакуированных в Германию. Но функции этих штабов были ограничены: они занимались лишь подбором агентуры и могли давать рекомендации относительно ее использования. Агентура обучалась диверсионному и стрелковому делу, изучала навыки поведения в тылу противника, а также радиодело (в каждой диверсионной группе, готовившейся к заброске в тыл Красной армии, было по два радиста). Диверсанты носили униформу войск СС, а перед заброской через линию фронта получали форму РККА или гражданскую одежду.

Штабом «Ягдайнзатц балтикум» было сформировано несколько групп «для заброски в тыл советских войск с целью производства диверсионных актов, организации бандгрупп и террористических актов». В их числе были:

— группа обершарфюрера войск СС Башко (18 человек, из них 3 девушки, сформированная из латышей и русских, проживающих в Латвии). Ее задачей были сбор сведений о военных перевозках и проведение ряда диверсионных актов на участке железной дороги Двинск — Режиц, а также террористические акты против работников НКВД и антисоветская агитация среди местных жителей — с целью организации пресловутого националистического сопротивления. Группа имела в своем составе двух радистов.

— группа ротенфюрера войск СС Йонеса Рудынскиса (17 человек, все латыши). Задачей группы являлись диверсионные акты на участке железной дороги Индра — Двинск и контроль за параллельно идущей шоссейной дорогой. Группа имела в своем составе трех радистов.

— Эстонская рота диверсантов, сформированная из эстонской роты войск СС, прибывшей в г. Хоэнзальца в октябре 1944 года (в составе примерно 100 человек, все эстонцы). Главная задача, поставленная перед ротой, заключалась в том, чтобы организовать сопротивление Красной армии на территории Эстонии (ее деятельность должна была ограничиваться треугольником г. Тервете — г. Печоры — Чудское озеро). Командиром роты являлся эстонец, унтерштурмфюрер войск СС Густав Алуперс, ранее служивший в 5-й танковой дивизии СС «Викинг»; командирами двух взводов диверсантов были унтерштурмфюрер войск СС Раадма и обершарфюрер войск СС Пикел (оба эстонцы, ранее служившие в 20-й эстонской дивизии войск СС).

Предполагалось сформировать еще латышскую роту диверсантов, командование которой должен бы принять на себя латыш Bruno Tone, офицер войск СС, ранее служивший в штабе Латышского легиона СС, а затем командовавший ротой в 19-й латышской дивизии СС, которая охраняла концлагерь Саласпилс и участвовала в антипартизанских операциях. Но командование «Ягдайнзатц Балтикум» не успело сделать этого.

И все же одной из самых многообещающих акций «Ягдфербанда Ост» стало создание так называемой «Курляндской группы», более известной под названием «Дикие кошки» или «Лесные кошки».

Охота на «диких кошек»

Организация «Дикие кошки» (лат.: «Межа кати», нем.: Wildkatzen) была сформирована в октябре 1944 года¹ начальником «Ягдайнзатц Балтикум» Манфредом Пехау из латышей, ранее служивших в Латышском легионе СС и полицейских батальонах, а затем прошедших специальную диверсионную подготовку. Она насчитывала в общей сложности 600 человек, командиром был латыш, унтерштурмфюрер войск СС Янкавс. По словам Bruno Tone, бывшего сотруд-

¹ Как следует из докладной записки самого Янкавса на имя рейхсфюрера СС Гимmlера от 12 ноября 1944 года, приказ о формировании группы он получил от самого Skorцени в конце августа 1944 года.

ника «Ягдайнзагц Балтикум», главной задачей «диких кошек» было «организовать партизанское движение в освобожденных Красной армией районах Латвии», а попутно «осуществлять диверсионные акты на важных железнодорожных и военных объектах в слабо охраняемых районах... захватывать власть в свои руки, среди населения проводить антисоветскую агитацию, вовлекать население в группы для активной борьбы против советской власти». Таким образом, «Дикие кошки» должны были стать ядром националистического движения сопротивления в освобожденной Латвии.

Несколько групп «диких кошек» во главе с Янкавсом должны были перейти линию фронта в местечке Граиздутье Талсинского уезда Латвии, а затем сосредоточиться в районе озера Лобес и начать свою подрывную деятельность. В распоряжении группы была радиостанция, с помощью которой можно было поддерживать связь со специальной радиостанцией в Вентспилсе, а та, в свою очередь, поддерживала прямую связь со штабом «Ягдфербанд Ост» в Хоэнзальце.

В первой половине ноября 1944 года Янкавс прибыл в местечко Кабиле Кулдигского уезда в Курляндии, где собрались все руководители групп «диких кошек». Он поставил перед ними задачу «остаться на покидаемой немцами территории и в районах предполагаемых действия против советской армии и советских властей подготовить бункера на 5—6 человек». В конце ноября и в декабре 1944 года руководители групп «диких кошек» получили оружие, боеприпасы и продовольствие со складов «Ягдфербанд Ост» в Кулдиге. Штаб Янкавса разместился на хуторе Дравас Кабилеской волости Кулдигского уезда, а его филиалы — в городах Талси и Стенде (Курляндия).

Агентуру для «диких кошек» вербовали не только «Ягдфербанд» (орган СД), но и группы фронтовой разведки абвера, поскольку с июля 1944 года весь аппарат абвера перешел в подчинение СД. Например, руководитель одной из групп «диких кошек» А.-К.А. Гринховс на допросе в мае 1945 года показал, что был завербован начальником абвергруппы 212 Хассельманом и по его заданию создал из бывших айзсаргов ягдкоманду — специально для «Ягдфербанда СС» — в составе 75 человек, которая была разбита еще на 7 мелких групп. Каждая группа должна была вести диверсионную деятельность после отступления немецких войск в одном из районов Латвии. В конце октября 1944 года команда была окончательно передана абвергруппой 212 в распоряжение Янкавса.

Многие считали «Диких кошек» самостоятельной организацией латвийских националистов, именно в этом и состоял замысел руководителей «Ягдфербанда». Однако даже помимо показаний плен-

ных (Б. Тоне и других), сохранились документы, проливающие свет на подлинный характер этой организации и ее деятельности. Один из таких документов — докладная записка гауптштурмфюрера войск СС Янкавса на имя рейхсфюрера СС Гимmlера от 12 ноября 1944 года. (По-видимому, Янкавс был к тому времени повышен в звании, так как в октябре 1944 года он был всего лишь унтерштурмфюрером!) В докладной записке говорилось:

«В конце августа 1944 г. я получил задание от оберштурмбанфюрера СС Скорцени по созданию и руководству в Латвии движения сопротивления (Курсив наш. — М.К.) Я немедленно изъявил готовность к этому и принял руководство всем движением... Я предложил использовать для этой цели штурмбанфюрера СС д-ра Пехау, который вследствие многолетней работы в России с латышскими подразделениями знает местную обстановку и пользуется большим доверием у латышей¹. Это предложение было принято... Одновременно я в своем штабе выработал политику, в основу которой положил, что мы, латыши, ожидаем и заботимся о том, чтобы отношения обоюдного доверия и впредь не нарушались бы руководством прибалтийских немцев... Мне вполне ясно, и я это всегда выражал во всей своей деятельности, что наши цели могут быть осуществлены в тесной связи Германией... Несмотря на труднейшие обстоятельства, я создал в течение нескольких дней подготовительную почву для движения сопротивления в Курляндии — 64 группы общей численностью 1164 человека. Далее я подобрал для выполнения особых поручений при штабе 160 человек, которые в настоящий момент готовы к использованию по объединению многочисленных групп, оперирующих на оккупированной большевиками территории Латвии, чтобы организовать совместные операции».

В заключение Янкавс ссылается на полную поддержку его действий со стороны высшего фюрера СС и полиции в «Остланде» Йекейна, командующего зипо и СД в «Остланде» Фукса и командира зипо и СД в Латвии Ланге, и просит не допускать к руководству движением сопротивления прибалтийских немцев, чтобы те не оттолкнули от себя латышское население и не дискредитировали идею.

В связи с советским наступлением в Польше (Висло-Одерская операция) штаб «Ягдфербанд Ост» в январе 1945 года был вынужден перебазироваться из Хоэнзальцы в г. Бойшен, близ Познани. За день до взятия советскими частями Хоэнзальцы все документы и

¹ Возможно, Янкавс намеренно принижает роль своего начальника Манфреда Пехау и преувеличивает свою собственную роль в создании организации «Диких кошек».

ценности организации были перевезены в Бойшен. Последним поездом на Познань, за три часа до появления советских танков, из Хоэнзальцы выехало все руководство «Ягдзинзатц Балтикум» вместе с обоими латышскими диверсионными группами и эстонской ротой диверсантов почти в полном составе.

В Хоэнзальце в качестве прикрытия были оставлены две немецкие роты парашютистов из фольксдойче, раньше служивших в дивизии особого назначения «Бранденбург» (по 120 человек каждая), а также рота оберштурмфюрера войск СС Решетникова (180 человек) и рота унтерштурмфюрера войск СС Сухачева (около 100 человек), состоявшие из русских и белорусов из бывшего карательного отряда СС и переданные в распоряжение «Ягдфербанда Ост» в октябре 1944 года. Все четыре роты заняли оборону города, но с появлением советских танков разбежались. Как раз накануне отступления командир «Ягдфербанда Ост» гауптштурмфюрер СС Фёлькерзам вместе со своим штабом приехал в Хоэнзальцу. Когда советские танки вошли в город, руководство «Ягдфербанда» было еще там. По слухам, Фёлькерзам был убит. Больше о нем никто ничего не слышал.

Голова спрута — штаб «Ягдфербанд Ост» — была уничтожена, но его обрубленные шупальца продолжали жить своей жизнью. «Дикие кошки» в Курляндии продолжали свою деятельность. Первоначально немцы не думали, что так называемая «Курляндская группировка» из остатков группы армий «Север» продержится долго. Отряды «диких кошек» готовились именно для того, чтобы остаться в тылу Красной армии после эвакуации немецких войск из Курляндии. Но Курляндская группировка оборонялась до самого конца войны — вплоть до 9 мая 1945 года. В результате отряды «диких кошек» и тому подобные спецподразделения (зачастую даже не имеющие официального статуса воинских частей) оказались не удел. Поэтому Йскельн бросил их на борьбу с советскими партизанами, действовавшими в Курляндском котле. Знаменитый партизанский командир, Герой Советского Союза Вилис Самсонс, так пишет об этом в своих воспоминаниях:

«К концу зимы (1944/1945 гг.) наметилась усиленная активизация всех противопартизанских сил в окрестностях Усмы — Ренды — Кабиле. (Штаб и основные силы «диких кошек» размещались как раз в Кабилеской волости Курляндии.) В деятельности штосгрупп, ягдкоманд¹ и отрядов «лесных кошек» чувствовалась большая со-

¹ Нем.: Stossgruppen, Jagdkommandos — ударные группы и истребительные команды. Под «истребительными командами», очевидно, подразумеваются отряды, сформированные «Ягдфербандом» или абвером — вроде тех же «диких кошек». «Ударными группами», возможно, назывались соединения полиции.

гласованность; их рейды и засады стали планироваться и координироваться намного целенаправленнее. После большой встряски пришли в себя и численно возросли скудрское и граудупское отделения ягдфербанда¹: проявлять активность их заставило предупреждение начальства».

«Утром 7 февраля, — пишет Вилис Самсонс, — отряд “лесных кошек” при поддержке штосгруппы в Кабильском лесу напал на след объединенного отряда Капустина и Дубровина. Разведчики расположились в 11 удобных землянках в двух с половиной километрах к северу от хутора Спрунгули, где группа в 40 человек намеревалась переждать зимние холода. Идя по следу, оставленному подвозчиками продовольствия, гитлеровцы вышли к партизанскому посту на просеке в северной стороне лагеря; пост открыл огонь из пулемета...»

Вскоре пулеметчик был убит и эсэсовцы смогли приблизиться к землянкам партизан. «Капустин приказал всем залечь в цепь навстречу вражеской атаке и выдвинул в помощь еще 2 пулемета, — рассказывает далее Самсонс. — Положение партизан становилось критическим — превосходящие силы противника могли легко окружить их на небольшом холме. Однако сильный встречный огонь заставил “лесных кошек” споткнуться. Через разрывы в цепи разведчиков только двум ягдфербандовцам удалось проникнуть на территорию лагеря, но с ними было быстро покончено». Партизаны одержали победу, но были вынуждены отступить — днем в сторону села Абавы, чтобы запутать следы, а затем в Стендские леса, где им снова пришлось отбиваться от карагелей из латышской полиции.

По свидетельству одного из партизан, заместителя командира отряда К. Витола, каратели — «лесные кошки», одного из которых он лично застрелил на территории лагеря, — были одеты в немецкие пилотки, френчи и брюки, но знаков различия он не разглядел. Бывший сотрудник «Ягдфербанд Ост» Тоне подтвердил в своих показаниях, что до заброски в тыл Красной армии все служащие «Ягдфербанда» носили униформу войск СС, по-видимому, включая и «лесных кошек».

9 мая 1945 года Янкавс собрал своих командиров, чтобы объявить им о капитуляции Германии. Он приказал им направиться в заданные районы и приступить к выполнению заранее намеченных акций.

¹ По всей видимости — сформированные «Ягдфербандом Ост» отряды, базировавшиеся на хуторах Скудра и Граудупе (возможно, даже из числа «диких кошек»).

Всего на момент капитуляции в его распоряжении находилось как минимум 5 групп, которые из Курземе рассеялись по всей Латвии:

— 1-я группа во главе с унтерштурмфюрером СД Карклиньшем (с ним также два радиста) и 2-я группа во главе с бывшим айзсаргом Ладыньшем отправились в Рижский уезд;

— 3-я группа под командой Гибжея и Лиепиньша и 4-я группа под командой Балодиса (с одним радистом) отправились в район Валмиере;

— 5-я группа во главе с Крустом — в Цесисский уезд;

— 6-я группа под командой унтерштурмфюрера СД Г. Коркла — в Екабпилсский уезд.

Сам Янкавс со своим штабом скрылся в лесах Курземе. Примерно в эти же дни, в мае 1945 года, органы военной контрразведки Ленинградского фронта арестовали группу «диких кошек» во главе с Гринховсом (завербованным еще в сентябре 1944 г. абвергруппой 212). В октябре — ноябре 1945 года органы НКГБ Латвии обезвредили еще несколько диверсионно-террористических групп из бывших айзсаргов, подготовленных в 1944—1945 годах спецслужбами рейха. В их числе были группа Г.-А.П. Дановскиса из 11 человек, заброшенная с самолета на освобожденную территорию Рижского уезда, а также оставленные немцами при отступлении группы Дамбитиса и П.Э. Лепиньша, которые должны были всеми средствами сдерживать наступление Красной армии после отхода немецких войск. Все они были когда-то подготовлены, обучены и вооружены уже не раз упоминавшейся абвергруппой 212.

Руководитель «диких кошек» и один из предводителей латвийского националистического подполья Янкавс был обнаружен органами госбезопасности только в 1947 году в лесах Латвии и после вооруженного сопротивления арестован в январе 1947 года. В апреле — июне 1947 года на территории Арлавской волости была ликвидирована последняя группа «диких кошек», которую возглавлял немецкий офицер Фельберг, бывший некогда начальником одного из подразделений «Ягдфербанда». При захвате группы были изъяты оружие, немецкий войсковой радиоприемник, ротор с принадлежностями и документы.

«Армия» генерала Курелиса

Так называемая «группа Курелиса» стала еще одним экспериментом по организации националистического сопротивления в Латвии (в основном в Курляндии, или Курземе). Ее тоже долгое время считали самостоятельной организацией латвийских националистов-повстанцев. В действительности же дело обстояло иначе.

Летом 1944 года печально известная абвергруппа 212, которой командовал полковник Хассельман, действовавшая при немецкой 16-й армии, предприняла попытку сформировать из айзсаргов и полицейсов Рижского уезда вооруженную группу. Главной задачей, поставленной перед ней, было создание «движения сопротивления» в тылу Красной армии и осуществление диверсий. «Однако, — рассказывает далее партизанский командир Вилис Самсонс, — когда фронт приблизился, хозяйские сынки, чиновники и полицейские офицеры (из которых была сформирована группа), вовсе не собирались «складывать голову», а во главе с дряхлеющим генералом Курелисом одним духом оказались в Курземе».

Таким образом, большая часть «группы Курелиса» бежала вместе с отступающими немецкими войсками в Курляндию. Однако несколько отрядов осталось. В конце октября 1944 года военная контрразведка 2-го Прибалтийского фронта арестовала на территории Рижского уезда диверсионно-террористический отряд из шести человек (А.Я. Портнетис, А.Я. Красте, Ю.Г. Узульникс, Я.К. Крастиньш, Э.И. Земитис и И.Ф. Арман), входивший в «группу Курелиса» и оставшийся на освобожденной территории по заданию немцев. По их показаниям были обнаружены три тайника с оружием, боеприпасами, минами и взрывчаткой. При отступлении немцев в район Скривери отряд Портнетиса, а также другой отряд под командованием Вейзетиса, были оставлены в Скриверской волости с заданием взрывать мосты, минировать дороги, выводить из строя телеграфную и телефонную связь, уничтожать советских активистов и офицеров РККА. Личный состав обоих отрядов обучался стреловому и подрывному делу, методам действия для мелких групп и т.п. — очевидно, не без помощи абвергруппы 212.

В ходе предварительного следствия сразу же выяснилось, что еще в начале августа 1944 года немцы начали создавать на территории Латвии диверсионные группы (в основном из числа бывших айзсаргов). Формированием этих групп в Рижском уезде руководил бывший генерал латвийской армии Ян Курелис. К концу сентября 1944 года ему удалось сколотить отряд численностью около 400 человек, который официально именовался «группа генерала Курлиса 5-го полка айзсаргов». В его штаб входили:

- сам генерал Я. Курелис,
- начальник штаба Упелнискс;
- помощник по строевой части Гаудиныш (бывший подполковник латвийской армии);
- помощник по хозяйственной части Грантс;
- сотрудник штаба Дышлерс (сын бывшего профессора Рижского университета).

После отступления в Курляндию, — рассказывает далее Самсонс, — «батальон Курелиса удобно устроился в помещениях бывшей стеклофабрики у Аннахите — в излучине по другую сторону Семского болота — и жил там не зная забот».

30 октября 1944 года «диктатор» Курляндии Фридрих Йекельн вызвал Курелиса к себе в Талсы и высказал неудовольствие деятельностью его группы. Оказалось, что штаб Курелиса зачислял в свой батальон не только латышских полицейских (что было разрешено), но и тех, кто дезертировал из Латышского легиона СС. На будущее ему было строго-настрого наказано активно участвовать в борьбе с «коммунистическими бандами» и в очищении Курземе от дезертиров.

9 ноября 1944 года, приняв к сведению упреки Йекельна, Курелис приказал своему штабу издать приказ, в котором говорилось: «Запрещаю вступать в какие бы то ни было инциденты с немецкими войсками или лицами, состоящими на службе в полицейских подразделениях. Предупреждаю против провокаций, то есть подстрекательства коммунистических агентов, призывающих к применению оружия против немцев, запрещаю прием каких бы то ни было новых лиц».

Но влияние Курелиса в своем собственном штабе катастрофически падало. «Так как штаб Курелиса не справлялся со своими антинародными задачами, гестапо ликвидировало эту организацию, сделав это в своей обычной кровавой манере, — пишет Самсонс. — Ранним утром 14 ноября эсэсовская часть Йекельна окружила Стикли (Аннахите), для острастки выстрелив несколькими минами; в результате были смертельно ранены две офицерские жены и три солдата. Хотя в общем-то можно было спокойно обойтись и без этого фейерверка: Курелис и его штаб даже и не думали сопротивляться хозяину и без единого выстрела передали в руки гестапо все «свое войско»».

Руководство полиции безопасности и СД постаралось найти «виноватых», чтобы не оказаться самому в роли виновного — ведь, как выяснилось впоследствии, они сами же участвовали в создании «группы Курелиса». Поэтому 19 ноября немецкий военный трибунал в Лиепае вынес нескольким офицерам из армии Курелиса недоказанное обвинение в «связи с англосаксами» и приговорил 8 человек к смертной казни. Сам Курелис даже не был арестован. В то же время дальнейшая судьба арестованных «курельцев» складывалась трагически. Из 454 человек около сотни бывших полицейских были сразу отправлены в Коницу для зачисления в 15-ю латышскую дивизию СС, а остальные — в концлагерь Штутхоф. Правда, позднее большая часть арестованных была после соответствующей политической проверки передана в ту же 15-ю дивизию или в латышские строительные батальоны. В концлагере осталось около 50 человек,

которые значились в немецких документах как «коммунисты, политически ненадежные дезертиры из штрафного батальона» и т.п. «Своей патриотической деятельностью, — пишет Вилис Самсонс, — эти обреченные на смерть люди заслужили, чтобы узнать об их печальной судьбе. ...В поисках возможности включиться в активную борьбу против гитлеровцев они по незнанию попали в эту политическую трясиину, но, как видно, их непримиримость по отношению к немцам все же дала известные результаты: между рядовыми курелевцами и немецкими жандармами произошло несколько стычек, популяризировалась необходимость активной борьбы с оккупантами. Выступая против вывоза в Германию и за борьбу с гитлеровцами, они, по сути дела, откликнулись на воззвания советского командования и действовали в соответствии с ними».

Но при аресте штаба Курелиса произошел один инцидент, который впоследствии создал немцам немало проблем. 14 ноября один из батальонов «армии Курелиса» взбунтовался, отказался сложить оружие и оказал вооруженное сопротивление. Этот батальон под командованием лейтенанта Рубениса размещался отдельно от других, в селе Илзики, к северу от станции Усма (именно поэтому его называли также «Усмаским батальоном»). Волдемар Мелиус, один из бывших солдат батальона, впоследствии перешедший в отряд советских партизан «Саркана булта» («Красная стрела»), рассказывал, что в батальоне было много легионеров, которые еще раньше дезертировали из своих частей и из-за этого подвергались наказанию, бывших узников концлагеря Саласпилс и других репрессированных немцами — в основном «рабочих парней». В батальоне Рубениса этот контингент был особенно многочисленным и «неспокойным». Здесь было значительно меньше бывших полицейских и айзсаргов, которые, уклоняясь от призыва на фронт, записывались в «армию Курелиса». Единственным кадровым офицером бывшей латвийской армии был командир батальона, лейтенант Рубенис. О численности батальона есть разные мнения. По словам некоторых, в нем насчитывалось до 450 человек; батальон состоял из трех боевых рот и одной резервной роты, был хорошо вооружен пулеметами, имелись даже один миномет и противотанковое оружие.

«Большинство легионеров, — пишет В. Самсонс, — стояли за схватку с «сине-серыми»¹, если те попытаются задержать и разоружить легионеров». Командир батальона лейтенант Рубенис был вынужден подчиниться этим настроениям.

¹ Немецкая полиция носила униформу синевато-серого цвета, а некоторые части латвийской полиции — устаревшие темно-синие мундиры немецкой полиции эпохи Веймарской республики.

Утром 14 ноября солдаты заняли боевые позиции, а окружившим село Илзики эсэсовцам Рубенис приказал передать, что если те приблизятся, по ним будет открыт огонь. Командир эсэсовской части предпочел завязать переговоры, которые длились в течение всего дня; с обеих сторон были высланы парламентарии, но к соглашению им прийти не удалось.

Ночью батальон прорвал окружение и двинулся в сторону реки Аба-вы (как раз в окрестных лесах действовал партизанский отряд «Саркана булта»). Лейтенант Рубенис с неохотой пошел на это под давлением своих солдат. Его доверенные люди пытались несколько раз вступить в переговоры с представителями Йскельна по пути в Абавские леса.

Тем временем Йскельн готовил новую операцию по окружению мятежного батальона. В батальоне Рубениса ничего об этом не знали и довольно беспечно разбили лагерь на берегу Абавы.

Утром 18 ноября сюда из Ренды на машине под белым флагом прибыли парламентарии Йскельна. Единственной их целью, как выяснилось потом, было отвлечь внимание и выиграть время для окружения батальона. Пока шли переговоры, лесной треугольник в несколько километров между хуторами Перкони и Межзилес и озером Слуйс был окружен со всех сторон. Вскоре после отъезда парламентариев немецкий полицейский батальон СС начал медленно продвигаться со стороны хутора Межзилес на запад, а другая группа карателей переправилась через запруду у межзильской мельницы на лодках, чтобы ворваться в самый центр расположения батальона и разгромить его круговую оборону. Карателям удалось «отколоть» от основных сил резервную роту, а затем подстеречь лейтенанта Рубениса и его адъютанта, когда те направлялись из одной роты в другую, и расстрелять из засады. Адъютант был убит на месте, а командир смертельно ранен. Батальон стал отходить на северо-запад.

Недалеко от хутора Перкони, в лесном квадрате 99/100, латышские солдаты наткнулись на трупы своих разведчиков и женщины, схваченных и расстрелянных эсэсовцами¹. До сих пор лейтенанту

¹ Как пишет Виллис Самсонс, виновники преступления позднее пытались свалить вину за это убийство на «коммунистов». Впоследствии эту версию позаимствовал и один западный историк-эмигрант, находившийся на содержании ЦРУ, Д. Каров, который пытался представить этот расстрел делом рук партизан, утверждая, что «одному из братьев Рубенисов с сотней партизан удалось вырваться из гибзедских лесов (?), где его вскоре расстреляли коммунистические партизаны». Самсонс не случайно указывает на всю нелепость этой версии. Достаточно указать хотя бы на то, что г. Гибзде далеко от того района, где дислоцировалась «армия Курелиса» и где каратели пытались уничтожить батальон Рубениса. — Самсонс В. Дружба народов победила. С. 166.

Рубенису удавалось хоть как-то сдерживать своих подчиненных. Теперь же ненависть к оккупантам вырвалась наружу, и «неуправляемый» батальон устремился вперед, сея смерть среди попадавшихся на пути немецких частей. Одно немецкое подразделение, окопавшееся вдоль дороги Перкони — Абриняс, чтобы блокировать единственный путь к отступлению «мятежного» батальона, было сметено всего за 10 минут!

С наступлением ночи батальон добрался до сторожки лесника в лесу близ села Новадниеки. Оказалось, что здесь, на перекрестке дорог, заняла позицию еще одна немецкая часть, которая также пыталась блокировать мятежников. Внезапным минометным огнем батальон застал немцев врасплох: по словам очевидцев, те ударили в одном нижнем белье. В ту же ночь, как вспоминал Мелиус, «бородатые айзсарги и другие из числа осмотрительных», всего около 90 человек, исчезли из батальона и в дальнейших боях не участвовали. Как раз в эти дни, с 19 по 25 ноября 1944 года, началось третье наступление советских Прибалтийских фронтов. Немцы были вынуждены прекратить карательную акцию и отозвать задействованные в ней части.

«Усмаский батальон» беспрепятственно продвигался дальше, в сторону местечка Злекас, где его солдаты повзводно расположились на окруженных лесами хуторах, установив вокруг пулеметы и посты. Нескольким раз к ним приходили парламентарии из отряда «Саркана булта»¹, беседовали, звали идти в лес и присоединиться к отряду. Но после последних боев большинство легионеров мечтали лишь об отдыхе. «Здесь мы жили еще более беспечно, — рассказывали впоследствии сами мятежные курельцы, — ели хозяйские пироги, пили пиво...» Разведка не велась вообще.

К тому времени, осенью 1944 года, деятельность советских партизан в Курляндии приобрела особенный размах. Если в середине лета того же года там действовали всего два партизанских отряда, то к концу года было уже шесть районов, которые считались находящимися «под угрозой банд». В начале декабря 1944 года штаб окруженной в Курляндии группы армий «Север» с помощью сил полиции предпринял целый ряд крупномасштабных операций в районах действия партизан.

В ночь на 4 декабря немецкие карательные части вновь начали окружение Абовских лесов. В дневнике боевых действий группы армий «Север» 4 декабря 1944 года было записано: «В настоящее вре-

¹ «Саркана булта» (лат.: «Красная стрела») — отдельный латышский партизанский отряд, действовавший в Курземе.

мя происходит операция обергруппенфюрера СС Йекельна, поддержанная штабом 16-й армии, чтобы очистить леса севернее Кулдиги от банд и членов организации Курелиса».

6 декабря, после того, как лес был окружен двойным кольцом войск, началось окружение хуторов, где засели мятежные «курельцы». Те без боя отошли в лес и направились на заранее обусловленное место встречи — на так называемое Польское болото за хутором Вевери. Той же ночью батальон попытался прорвать окружение, но был остановлен сильным огнем противника. Утром 7 декабря штурмовой батальон вермахта, растянув роты цепью, стал прочесывать еще не тронутые лесные квадраты восточнее дороги на Вевери, где засели легионеры. Батальону не оставалось ничего другого, кроме как занять круговую оборону. Решающая схватка произошла у так называемой Веверской горки. Легионеры подпустили первую волну атакующих поближе, на занесенную снегом вырубку, а затем открыли шквальный огонь.

«Несколько офицеров наскочили прямо на стволы нашего взвода, — рассказывал позднее Волдемар Мелиус. — Мы открыли огонь из всего оружия именно в тот момент, когда один из них, в фуражке с высокой тульей, развернул карту и что-то показывал. Наш “костолом” (скорострельный пулемет) буквально изрезал передних фрицев в куски. Оставшиеся в живых поползли прочь. Подбежав, мы насчитали 13 убитых, среди них оказались также майор Хазе¹ и оберштурмфюрер Курт Краузе². Мы забрали у убитых автоматы системы Бергмана и патроны. Детально изучили карту майора с пометками о размещении немецких подразделений. Это помогло нашему взводу следующей ночью без потерь, хотя в это время и светила луна, порваться через Велогскую дамбу. На другой день мы, восемь человек, прихватив с собой миномет, ушли в отряд “Саркана булта”. Позднее подошло еще человек 70—80 наших».

В дневнике боевых действий группы армий «Север» за 9 декабря было отмечено, как ни странно, об успешном завершении карательной акции в Абовских лесах: «Операция обергруппенфюрера СС и полиции Йекельна против банд: со стороны противника убит 161 человек, принадлежащий к бригаде Рубениса (?) и частям “Саркана булта”. наших погибло 18 (человек) ... Следует

¹ В дневнике боевых действий группы армий «Север» погибший офицер вермахта значился как «капитан Хельд».

² Краузе, Курт — оберштурмфюрер СС, прибалтийский немец, бывший командант концлагеря Саласпилс. Его труп был опознан одним из солдат «Усмаского батальона», легионером из Валмиеры, бывшим узником Саласпилса.

считать, что остатки частей Курелиса, сложившие оружие, разгромлены». В действительности, упустив значительную часть солдат из «Усмаского батальона», Йекельн приказал расстрелять жителей окрестных хуторов и пленных легионеров, а затем выдал их за убитых партизан.

Не удивительно, что в записи из штабного журнала боевых действий за 13 декабря 1944 года вновь упоминалось об остатках «банд Курелиса», численность которых почему-то продолжала расти: «В целом в ноябре все еще наблюдается рост деятельности банд. Общая численность банд в зоне действия группы армий, по приблизительному подсчету, составила 400—500 человек (не считая остатки банд Курелиса, численный состав которых достигает 600—800 человек). Группы десантников, заброшенных многократно, шпионят, взрывают железнодорожные пуги и мосты, минируют дороги. Пока еще трудно говорить о всех районах Курземе, занятых бандами. Налеты банд особенно ощущаются в прибрежном районе Павилосты, в районе Вентспилса, в 20 километрах северо-восточнее от Вентспилса, в районе Спаре, Ренды — Кулдиги и в 20 километрах восточнее Кулдиги...» По свидетельству Вилиса Самсонса, численность советских партизан и разведчиков составляла в действительности около 1000—1300 человек, но «курелиеши» (600—800 чел.) в это число не входили, за исключением батальона Рубениса, остатки которого перешли в партизанский отряд «Саркана булта».

На совещании с генерал-инспектором Латышского легиона СС Бангерским 12 декабря 1944 года обергруппенфюрер СС Йекельн в очередной раз поднял вопрос об остатках «армии Курелиса». На карте он показал район, где произошли бои с «бандитами», где последние были окружены, где они прорвались в северном направлении и были вторично окружены. Карту он оставил в распоряжение генерала Бангерскиса. После этого Йекельн напомнил Бангерскису о событиях ноября 1944 года, когда было покончено с группой Курелиса, и отметил, что последствия этого неудачного «эксперимента» дают о себе знать до сих пор. В связи с этим он просил Бангерскиса оказать влияние на латышских националистов.

«Деятельность группы Курелиса оставляет плохое впечатление на психологию местных жителей, — сказал Йекельн. — С Курелисом у меня было совещание, он принял мои условия, и я отдал это распоряжение (передает текст распоряжения генералу Бангерскису), но штаб Курелиса сопротивляется реализации этих распоряжений...» Говоря о «деятельности группы Курелиса», Йекельн, очевидно, имел в виду инцидент с взбунтовавшимся «Усмаским батальоном».

Из слов Йекельна недвусмысленно следует, что Курелис и часть его штаба продолжали действовать по указаниям немецких спецслужб. Об этом свидетельствовал сам генерал Бангерскис, который на том же совещании обратился к Йекельну с вопросом:

«Известно ли Вам, что в Курземе находятся некоторые лица (я могу пятерых таких персонально назвать), которыми выданы удостоверения из немецкой инстанции, что они имеют право вербовать лиц для некоторых секретных заданий, причем они эти удостоверения даже своему начальству не предъявляют? Пока такой порядок существует, замсмлыштелле (сборный пункт) не сможет успешно заниматься, так как Упелниску как будто бы такое удостоверение-полномочие выдано». (Упелник являлся начальником штаба «группы Курелиса».)

«Вы решайте все эти вопросы самостоятельно, — ответил на это Йекельн, — и вербовка таких людей может происходить голько с Вашего ведома. Я говорил с генералом Шёрнером и еще сегодня Вам сообщу, когда генерал Шёрнер Вас сможет принять, чтобы вместе с ним еще обсудить эти вопросы до моего отъезда в Германию».

Случай с батальоном Рубениса, вышедшим из повиновения Йекельну и Курелису, заставлял немцев постоянно опасаться, что и другие латышские националисты могут последовать его примеру. (Немецкое командование не всегда доверяло даже латышским и эстонским солдатам войск СС, так что это было не удивительно!) Подобные опасения высказывал, например, начальник 1-го полицейского участка Вентспилского уезда в своем донесении от 27 декабря 1944 года. «Левонастроенные уклоняются от призыва на военную службу, — писал он, — участвуют в бандах или всячески их поддерживают. Старший полицейский Усмаской волостной полиции сообщает, что люди из группы Курелиса объединились с бандой коммунистов "Саркана булта". Ее деятельность активизировалась, очевидно, из-за доставленного из Москвы руководителя, близости фронта и прочесывания лесов». Он признавал также, что в Усмаской волости по-прежнему продолжают нападать на немецких солдат, взрывать мосты и поджигать склады.

Случай с батальоном Рубениса, вышедшим из повиновения Йекельну и Курелису, заставил немцев опасаться, что и другие латышские националисты могут последовать его примеру. Очевидно, этот случай был не единственным. Отдельные солдаты «группы Курелиса» и целые отряды бывших легионеров либо выходили из подчинения немцам, образуя самостоятельные отряды сопротивления, либо переходили на сторону советских партизан. Но это отнюдь не зас-

луга националистов, в то время тесно сотрудничавших с гитлеровцами. Истинные патриоты Латвии к концу войны начали понимать, кто на чьей стороне...

«Объединение латвийских националистических партизан»

Однако организованные «Ягдфербандом Скорцени» террористические группы уже были направлены в конце войны в различные уезды освобожденной Латвии. Им были передана агентура, передатчики, коды и шифры для связи, разработаны регионы базирования и задачи деятельности. Между группами была налажена связь, и в их действиях в 1944—1945 годах «чувствовалась большая согласованность; их рейды и засады стали планироваться и координироваться намного целенаправленнее». Многие группы забрасывались с самолетов, часть были оставлены в тылу и должны были легализоваться и получить советские документы. Некоторые члены таких групп были выявлены и арестованы только к 1947—1948 годам, а ряд боевиков, подготовленных абвергруппой-212, совершали теракты и диверсии до 1949 года. После совершения терактов они уходили в леса, некоторое время пережидали и вновь проводили диверсии. Как правило, деятельность этих бандформирований проходила вблизи железнодорожных дорог, в населенных пунктах, на проселочных дорогах. Численность этих отрядов, как правило, составляла 10—12 человек, реже — до 20 человек. Они были хорошо вооружены и имели радиосвязь, систему шифров и кодов. После разгрома подобных формирований некоторые их члены сумели скрыться, входили в состав других бандитских групп. Так, например, в октябре 1944 года была ликвидирована банда «Крауя», численностью 12 человек, оставленная фашистами для деятельности в Вилякском и Пыталовском районах, несколько ее членов «сумели сбежать в лес во время перестрелки», впоследствии они вошли в состав различных бандгруппировок.

Деятельность националистических бандформирований в послевоенный период представляла собой серьезную угрозу. В «Записке о бандитизме в западных районах Псковской области» начальника УНКВД по Псковской области Н.А. Алмазова, направленной в Псковский Обком ВКП(б), говорилось о 10 бандах, действовавших на территории области в период с августа 1944 до марта 1946 года. По другим данным, только в период 1945 года Отдел по борьбе с бандитизмом провел около 25 спецопераций против 18 больших и ма-

лых бандгруппировок в Качановском и Пыталовском районах. Только за вторую половину 1945 года в одном Качановском районе Псковской области было зарегистрировано 74 случая бандитизма, в Пыталовском — 124 случая «бандпроявлений», несколько меньше — 52 акта террора и бандитизма — было зарегистрировано в Печорском районе.

В 1944—1945 годах вся территория Латвии была разделена на так называемые районы, во главе которых первоначально назначались представители генерального штаба «Объединения латвийских националистических партизан», а впоследствии их возглавили руководители наиболее крупных банд. Бандформирования были хорошо организованы, имели четкую структуру, снабжены оружием, средствами связи, имели хорошо законспирированную сеть осведомителей. Их действия координировались и направлялись из так называемого «Объединения латвийских националистических партизан», располагавшегося в Риге, и ряда других «центров» и «штабов».

Так, например, территории Качановского и Пыталовского районов, включенных после войны в состав Псковской области РСФСР, вошли в состав подпольного Упмановско-Линовского района, штаб которого находился на хуторе, между деревнями Куправа и Виляки. Начальником района стал некий «Цинитис». В подчинении у него находилось три помощника — по оперативной части, по политической пропаганде, по хозяйственным вопросам. Зачастую несколько командиров бандформирований собирались на совещания для обсуждения последующих шагов. На такие сборища приходили руководители из Риги либо посланцы из других районов. С собой они приносили материалы и «программы борьбы латвийских партизан», в которых говорилось о направлениях деятельности, методах и формах борьбы, содержался инструктаж о необходимой конспирации. Так, например, один из таких эмиссаров по кличке «Бруклей» в августе 1946 года собрал большое совещание, на которое были вызваны руководители банд. Вместе с «Бруклеем» на территорию Вилякского уезда Латвии пришли еще двое представителей «Объединения латвийских националистических партизан» — «Вилкус» и «Спарс». Командиры бандформирований сделали отчет о составе банд, о снабжении продуктами и оружием, о методах и результатах «борьбы с советской властью». «Бруклей» после обсуждения отчетов поставил перед командирами банд ряд практических задач, среди которых были: убийство партийных и советских руководителей, их помощников из среды местного населения; командирам и их помощникам следовало «агитировать местное население», распространяя листов-

ки и воззвания латвийских партизан, «помогать хуторянам уходить в леса» и всячески бороться с советской властью. Программными установками «Объединения латвийских националистических партизан» были помощь «скорейшему приходу англичан и освобождению Латвии», роспуск колхозов, восстановление прав собственности на землю.

После мая 1945 года, и особенно после начала «холодной войны», созданные еще гитлеровцами банды из бывших полицаев, легионеров и айзсаргов вскоре переориентировались на западные державы. Есть сведения, что в конце сороковых годов они даже получали снабжение с самолетов-разведчиков западного блока, незаконно пересекавших границы СССР.

Эстонские «Лесные братья»

В Эстонии немцы столкнулись с не меньшими трудностями при организации националистического сопротивления. Здесь существовали как самостоятельные националистические группы «лесных братьев», так и отряды, специально подготовленные немецкой разведкой. К первым относились в основном бывшие солдаты 2-го эстонского полка «пограничной стражи», окруженного и частично уничтоженного советскими войсками в лесах в районе реки Эмайыги, а также возможно, остатки 6-го эстонского полка «пограничной стражи». Однако здесь националистическое сопротивление оказалось слабее и малочисленнее, чем в других республиках Прибалтики, хотя в его организации точно так же сыграли решающую роль германские спецслужбы.

Организацией националистического сопротивления и заброской агентуры в тыл Красной армии на освобожденной территории Эстонии занимались как непосредственно абвер, так и уже упомянутый «Ягдфербанд Ост».

Военная контрразведка 3-го Прибалтийского фронта начала работу по выявлению немецкой агентуры сразу после освобождения Эстонии. Так, 21 августа 1944 года в районе деревни Уникола при попытке перехода линии фронта на сторону немцев был задержан эстонец Рюккен, ранее заброшенный в тыл советских войск с разведывательно-диверсионным заданием и для связи с вражеской «ягдкомандой» в советском тылу. 25 августа на участке 326-й стрелковой дивизии был задержан эстонец Андерсон, также завербованный и заброшенный немецкой разведкой; при захвате у него изъяли мины и взрывчатку. 13 сентября сдался с повинной эстонец-диверсант По-

ский, бывший член Эстонского легиона СС, снабженный немецкой разведкой большим количеством взрывчатки и засланный через линию фронта в ночь с 12 на 13 сентября.

Органы абвера тоже активно занимались вербовкой агентуры из числа эстонцев и организацией националистического сопротивления в этой республике. Абвергруппа 206, переброшенная в Эстонию в декабре 1943 года, летом следующего года одной из первых приступила к организации националистического сопротивления на территории Эстонии на случай отступления немецких войск. Работу по созданию бандформирований эстонских националистов возглавляли немец капитан Мишслевский и эстонцы — лейтенанты Броя и Рамдор. Аналогичной работой занималась и абвергруппа 211, которая с января 1944 года дислоцировалась в Пярну. Она занималась созданием тайных складов вооружения и боеприпасов на территории Пярнуского уезда и вербовкой агентуры. Кроме того, вербовкой агентов из числа эстонцев занимались две другие абвергруппы — 210 и 212. Абвергруппа 212, например, обучала свою агентуру в различных диверсионных школах на территории Прибалтики, в том числе в диверсионной школе в Вихула, по месту дислокации группы, где одновременно обучалось до 50 диверсантов и 15 радистов. Обучение продолжалось 2—3 месяца, после чего «выпускники» разбивались на группы по 4—8 человек (включавшие обязательно одного радиста). Затем они отправлялись в Таллин, Ригу, Псков, где размещались на конспиративных квартирах, получали задание, фальшивые документы, экипировку, отрабатывали легенду. Заброску в тыл Красной армии агентов, подготовленных всеми четырьмя абвергруппами, осуществляла абверкоманда 204.

В октябре 1944 года военная контрразведка Ленинградского фронта арестовала группу диверсантов-эстонцев из пяти человек во главе с членом «Омакайтсе» и одновременно лейтенантом вермахта А. И. Роотсом. Как показал допрос, все они прошли подготовку в разведшколе в селе Ульброк, а затем были заброшены через линию фронта абверкомандой 204 (диверсионной). Группа должна была действовать вблизи советских коммуникаций, захватывать одиночных бойцов и офицеров, минировать дороги. Тогда же в Вильяндиском уезде Эстонии были арестованы еще пять эстонских диверсантов (Э. Х. Туулсе, Х. Я. Туулсе, Л. Р. Реомар, Ю. И. Ханко, Б. М. Арро), у которых были изъяты три радиостанции, оружие, фальшивые советские документы и банкноты. Они были заброшены в сентябре 1944 года. Впоследствии были взяты еще 14 агентов-диверсантов. Все захваченные оказались из группы Роотса и были заброшены в тыл советских войск абверкомандой 204.

В том же месяце отделом контрразведки 13-й воздушной армии Ленинградского фронта был задержан еще один эстонский диверсант, бывший член «Омакайтсе» Л.О. Колк. Он также прошел подготовку в разведывательно-диверсионной школе Ульброк. При задержании у него были изъяты мины, гранаты и взрывчатка. По показаниям Колка, в разведшколе вместе с ним проходили обучение еще 30 человек, большинство из которых являлись членами «Омакайтсе». В том же месяце в освобожденном Таллине был арестован агент немецкой разведки Л.М. Пренцлау, завербованный в конце 1943 года «Абвернбештелле Ревель» и прошедший подготовку в разведшколе в селе Кейла-Йоа, близ Таллина (при абверкоманде 166м). По его показаниям, одновременно с ним в школе проходили обучение еще 22 эстонца. Одновременно с группой Пренцлау, там готовилась группа из 20-ти эстонцев во главе с обер-юнкером войск СС Лепусом, сыном профессора Тартуского университета. Все разведчики проходили в школе морское дело, стрелковое дело, учились использованию мин, гранат и взрывчатых веществ. В декабре 1944 года отдел контрразведки 64-й гвардейской стрелковой дивизии Ленинградского фронта арестовал агента немецкой разведки А.Э. Мяэсалу, который также был членом «Омакайтсе», закончил Таллинскую разведшколу и был оставлен немцами при отступлении за линии фронта с заданием собирать и передавать по радиации данные о наступающих советских войсках.

В конце 1944 года управлением контрразведки Ленинградского фронта было ликвидировано несколько вооруженных групп эстонских националистов. «Борцы за независимость Эстонии», за которых они себя выдавали, в действительности оказались бывшими членами «Омакайтсе», завербованными немецкой разведкой — так называемой «Службой Конрада» (Dienststelle Konrad). Этой службой были созданы четыре такие группы «сопротивления» в Пярнуском уезде под началом Ю.В. Экбаума. «Служба Конрада» снабдила их большим количеством оружия, боеприпасов, взрывчатки и продовольствия, которые хранились в специально оборудованных тайниках. В круг их задач входило проведение диверсий и организация сопротивления на территории Пярнуского и Вильяндиского уездов (при задержании групп были арестованы также несколько эстонских националистов, завербованных уже на месте, в тылу советских войск).

Помимо этих групп, подготовленных абвером, на территории Эстонии действовала агентура финской разведки. (Как известно, еще до начала войны спецслужбы Германии, Финляндии и Эстонии заключили соглашение о тесном сотрудничестве.) В последние месяцы

оккупации эстонские коллаборационисты Мязэ и националистическая «оппозиция» Улуотса прилагали все усилия, чтобы установить контакт с правительством Финляндии, в том числе и чтобы добиться помощи с ее стороны в организации националистического сопротивления. По-видимому, такая помощь была им оказана. Уже после окончания войны, в феврале 1946 года, МГБ Эстонской ССР арестовал агента финской разведки эстонца Х.А. Кальюранда. В результате следствия выяснилось, что Кальюранд был завербован в ноябре 1943 года финской разведкой и прошел подготовку в разведшколе «Хаук» («Сокол») на острове Секе. В июле 1944 года он был заброшен на освобожденную территорию Эстонии в составе группы Э. Соомера. Сам командир группы был арестован органами НКГБ Эстонской ССР еще в 1945 году и покончил с собой в тюрьме. На территории Эстонии Кальюранду и Соомеру удалось привлечь к организации националистического сопротивления еще четырех эстонцев (все они также были арестованы). Из названных Кальюрандом 13-ти агентов разведки также все были задержаны или убиты при задержании.

Националистическое сопротивление в Литве

Литва была, пожалуй, единственной из республик Прибалтики, где, по крайней мере отчасти, националистическое сопротивление возникло стихийно, без руководства и контроля со стороны немецких спецслужб.

В оккупированной Литве деятели националистической оппозиции еще летом 1942 года создали так называемый **«Верховный литовский комитет»**, в который вошли представители различных политических организаций — от народных социалистов до партии Таутининшков и Фронта литовских активистов. Во главе комитета встал социал-демократ, профессор С. Кайрис. Целью комитета провозглашалась независимость Литвы, а главной тактической задачей — создание подпольной прессы для воздействия на общественное мнение Литвы и передача последних известий о положении в Литве за рубеж.

Несколько позднее литовские католики также создали свою подпольную организацию — **«Национальный совет»**. В ноябре 1943 года он объединился с «Верховным литовским комитетом», образовав **«Верховный комитет освобождения Лигвы»** (то же, что и «Главный комитет освобождения Литвы»), литовская аббревиатура — **ВЛИК**). Его председателем стал опять же профессор С. Кайрис. Членами ко-

митета также являлись П. Шилас, К. Белинис, А. Гинсйтис и др. ВЛИК взял на себя функции временного правительства Литвы в подполье.

Была создана молодежная организация «Атжалинас», издававшая подпольную газету под тем же названием. Своим девизом организация «Атжалинас» провозгласила лозунг «Свобода, честь и существование нации». Ее программа предполагала восстановление суверенитета Литвы, «развитие и создание национального единства литовского народа и осуществление этого единства, развитие культуры и ее распространение». Однако несмотря на всю демагогию, она находилась под контролем партии Таутининков, которая уже скомпрометировала себя сотрудничеством с немецкими оккупационными властями. Существовали и другие организации, значительная часть из которых находилась под контролем ВЛИКа.

Большинство членов ВЛИК считало, что «непобежденная Германия не готова восстановить независимость Литвы», однако поражение Германии на Востоке считалось еще более нежелательным. Такое умозаключение невольно наводило на мысль о необходимости не допустить разгрома немцев и о сотрудничестве с оккупантами. Наиболее благоприятным вариантом считался разгром Германии на Западе, после чего Литва смогла бы получить независимость из рук западных держав. Многие в то время верили и в открытие второго фронта и в то, что Германия сможет сдержать наступление Красной армии на Востоке, пока войска Англии и Соединенных Штатов дойдут до Прибалтики.

Впоследствии, когда советские войска вошли в Вильнюс (13 июня 1944 г.), ВЛИК издал обращение к народу, в котором призвал всех «не оказывать вооруженного сопротивления Красной армии и перейти к пассивному сопротивлению, противиться мобилизации в армию, скрываться до окончания войны...» После освобождения Каунаса от немецких войск (2 августа 1944 г.), ВЛИК издал следующее обращение аналогичного содержания: «...Призываем сохранять спокойствие, избегать любых вооруженных столкновений с частями Красной армии».

Позднее подобной же тактики «пассивного сопротивления» придерживалась и другая подпольная националистическая организация — «Совет освобождения Литвы» (ЛИТ), созданная в конце 1944 года в Каунасе. ЛИТ выдвинул лозунг: «Сохраним свою молодежь для будущего Родины». Впрочем, как стало ясно позже, ВЛИК не исключал возможности вооруженной борьбы против советской власти, однако, по-видимому, просто не успел к ней достаточно под-

готовиться. (Об этом свидетельствовала, в частности, поездка литовского эмиссара Амбрасейюса в Финляндию с целью закупки оружия в апреле 1944 года.)

Часть литовской националистической оппозиции, придерживаясь тактики пассивного сопротивления в отношении немцев, тем не менее отвергала эту тактику в отношении Красной армии и советской власти. Так, по данным партизанской агентуры на 19 октября 1943 года, в Литве уже осенью 1943 года начали нелегально формироваться воинские части по образцу старой литовской армии. Целью этих частей было дождаться благоприятного момента и создать независимое Литовское государство. По слухам, командиром этой подпольной армии стал генерал Раштикис — тот самый, которого немцы первоначально предполагали поставить главой Литовского самоуправления. По некоторым сведениям, в декабре 1943 года Раштикис бежал из Каунаса и с тех пор скрытно руководил «националистическими вооруженными силами» в подполье.

По сообщениям Литовского ШПД, националистическое подпольное движение руководствовалось в своих действиях тем соображением, что немцы уже проиграли войну и восстановление независимой буржуазной Литвы следует ждать только от США и Великобритании. Теперь, с одной стороны, они опасались, что англичане и американцы не поддержат их попытку восстановления независимости, если литовская оппозиция будет помогать немецким властям. С другой стороны, со временем становилось очевидным, что Красная армия освободит Литву от немецких войск раньше, чем англичане и американцы смогут «дойти до Прибалтики». Значит, по соображениям литовских националистов, следовало все же оказать немцам поддержку и не допустить советские войска на территорию Литвы до прихода западных союзников.

Руководство литовской партии Ляудининков даже предприняло в своей подпольной прессе попытку повлиять на позицию Германии в отношении западных держав(!). По данным партизан от 4 декабря 1943 года, подпольная пресса ляудининков распространяла среди литовцев и немецких войск обращение, в котором говорилось, что Германия не может воевать на два фронта. Поэтому следует «свергнуть Гитлера и его партию, руководство армией передать генералу Герингу», после чего Германия должна «бросить все свои силы против Советского Союза, договорившись с Англией и США». Автор сводки предполагал, что подобный призыв мог быть составлен с ведома или по инициативе гестапо. Особых оснований для такого предположения нет, однако очевидно, что немцы к этому времени сравнительно терпимо относились к подобным призывам, видя в них выгоду и для себя.

Именно для того чтобы как-то решить эту дилемму, литовские подпольные националистические организации добивались от немцев согласия на создание национального литовского воинского соединения, которое не относилось бы ни к вермахту, ни к германской полиции, ни к войскам СС. Формально такое соединение выглядело бы независимым от немцев (хотя и действовало бы под оперативным руководством немецкого армейского командования) и, таким образом, могло претендовать на статус «армии независимой Литвы». А этот статус, в свою очередь, сделал бы возможным дальнейшее сотрудничество с западными державами и признание ими независимости Литвы. Такими соединениями стали «Литовский территориальный корпус» (ЛТК, или «Легион Плехавичюса») и «Армия обороны отечества» (или «Жемайтійская армия обороны», о которых говорилось выше и в формировании которых «оппозиционно настроенные» националисты приняли активное участие. Но англо-американцы так и не «дошли» до Прибалтики, а обе «независимые литовские армии» были разгромлены, показав себя неспособными к настоящим боевым действиям на фронте. Это — не девни поджигать...

Тем не менее после разгрома «Легиона Плехавичюса» и «Жемайтійской армии обороны» многие командиры и солдаты этих соединений ушли в леса, создав костяк вооруженного сопротивления в Литве. По свидетельству обергруппенфюрера Йекельна, Плехавичюс сам распустил около 500 человек своей «армии» за неделю до официального приказа Йекельна об их расформировании. В общей же сложности, по словам Йекельна, из всей 14-тысячной армии Плехавичюса «около 3000 человек из батальонов и 500 кандидатов в офицеры ушли в леса или разошлись по домам. Вооружение этих батальонов состояло из французских винтовок с 30-ю патронами на каждую. Кроме того, им были выданы в небольшом количестве французские пулеметы».

Не исключено, что сам генерал Плехавичюс впоследствии присоединился к ним и взял на себя командование остатками своей «армии». Со слов Йекельна, после ареста Плехавичюс был доставлен в Ригу, но вскоре освобожден по приказу Геринга. В начале августа 1944 года он выехал на пароходе в Данциг, где сразу же возобновил политическую деятельность, а потом исчез. Как сообщало данцигское СД, очевидно, из Данцига Плехавичюс направился обратно в Литву. Зная, «как умеет работать гестапо», можно предположить, что немцы просто отпустили его, чтобы он мог возглавить националистическое сопротивление частям Красной армии в Литве. Но Плехавичюс не долго задержался на родине. Во всяком случае, весной

1946 года он уже проживал в Соединенных Штатах Америки, устроившись работать барменом в захудалом пивном баре.

«Я не организовывал движения сопротивления ни в Литве, ни в остальных областях Остланда, — заявил после войны Фридрих Йекельн. — Однако я убежден, что генерал фон Плехавичус намеревался организовать подобное движение. Он был единственным человеком, который пользовался авторитетом и доверием у населения и мог осуществить подобный план. При создании такого движения он мог рассчитывать не только на 3500 человек, а на все 10000 человек, которые откликнулись на его обращение и добровольно пошли в эти части. Вербовочные пункты находились в Каунасе, Вильно, Шавли¹, Паневежисе — при отделениях литовской полиции.

Возможно, что в литовском движении сопротивления принимает участие подполковник Сонкас, который в течение 2 лет был офицером связи при руководителе СС и полиции в Каунасе».

В августе 1944 года в связи с освобождением большей части Литовской ССР частями Красной армии «Верховный комитет освобождения Литвы» (ВЛИК) решил перенести свой центр в Германию и Швецию. Перебравшись в Берлин руководство ВЛИК взяло на себя все руководство националистическим подпольем в Литве и направило туда 25 своих эмиссаров для организации его деятельности. Правда, по некоторым утверждениям, осенью 1944 года представитель ВЛИКа П. Шилас посылал связного к командиру «Кестутиса» полковнику Янкаускасу и якобы просил не начинать вооруженного сопротивления, чтобы избежать напрасных жертв, но его рекомендации не подействовали.

В результате уже осенью 1944 года начались вооруженные столкновения между литовскими националистическими повстанцами и войсками НКВД. В конце 1944 года советские органы госбезопасности арестовали оставшихся в Литве членов ВЛИКа, а в апреле 1945 года — членов ЛИТа, формально провозглашавших себя сторонниками пассивного сопротивления и гражданского неповиновения.

«Кестутис»: литовские «оборотни»

Наиболее крупной и боеспособной организацией литовских националистов являлась подпольная организация «Кестутис». Она избрала тактику активного вооруженного сопротивления в отношении

¹ Имеемся в виду г. Шяуляй, областной центр в Литве.

Красной армии. «Кестутис» являлся глубоко законспирированной организацией, построенной по образцу воинского соединения, и согласно своему временному уставу, ставил своей целью «восстановление независимости Литвы в ее этнических границах, усиление военной мощи литовской нации и борьбу с коммунистическим движением». Руководство «Кестутиса» признавало себя составной частью **Фронта литовских активистов (ФЛА)**, сотрудничавшего на первых порах с немцами, и подчинялось его руководству. Организация имела свой верховный штаб, который включал в себя 5 отделов:

- 1) отдел вооружений,
- 2) отдел организации боевых единиц,
- 3) отдел военных операций,
- 4) разведывательный отдел,
- 5) отдел исполнения дисциплинарных взысканий, жестоко каравший предателей и прочих «отщепенцев».

Каждый отдел, в свою очередь, делился на отделения. Верховному штабу подчинялись уездные и городские штабы; уездным штабам — соответственно, районные штабы и боевые единицы. Городские и уездные штабы строились по образцу верховного штаба, но не имели в своем составе 5-го отдела.

По своей организации и тактике «Кестутис» предвосхищал созданную нацистами в последние месяцы войны организацию «Вервольф» («Оборотень»). Задачи последней, так же как и задачи «Кестутиса», состояли в том, чтобы поднять массовое движение среди населения, готовить и осуществлять террористические акты в отношении частей Красной армии, а также тех, кто будет оказывать помощь последним. Максимальная законспирированность организации, наличие в ней своего «тайного суда» для расправы над изменниками и прочие атрибуты создавали вокруг нее своеобразный ореол загадки и страха. Все это, по мнению организаторов «Кестутиса», а впоследствии и «Вервольфа», должно было еще больше запугать всех, кто решил бы сотрудничать с Красной армией.

Польское националистическое сопротивление в Литве

Отдельно как от литовских националистов, так и от советских партизан действовали польские националисты, создавшие свои собственные подпольные вооруженные группы на территории Литвы. С первыми их разделяла давняя вражда, истоки которой лежали в

литовско-польском противостоянии по поводу Вильнюса и Виленской области. Ко вторым поляки также, как правило, относились враждебно — как из-за роли СССР в разделе Польши, так и из-за давней политической вражды с Советской Россией со времени Гражданской войны. Однако в отличие от литовских, латышских или эстонских националистов поляки были резко враждебно настроены против немцев. До сих пор по крайней мере нет данных, которые бы говорили о том, что поляки поддерживали какие-либо контакты с оккупантами.

Польские националисты в Литве преследовали вполне конкретные цели: после изгнания немецких оккупантов воспользоваться случаем и провозгласить присоединение Виленского края к Польше. Ради этого их вооруженные отряды (из состава «Армии Крайовой») перебрасывались в Литву даже из-под Варшавы.

Осенью 1943 года поляки резко активизировали свою деятельность в Вильнюсе и Виленском уезде — проводили подпольные собрания, избирали своих старшин и старост. Подпольные типографии от лица польского правительства (находившегося в эмиграции в Англии) издавали нелегальные инструкции, бюллетени, листовки, в которых призывали всех поляков в Литве «вооружаться, соблюдать конспирацию и выжидать удобного момента для восстания». Однако в сентябре 1943 года при невыясненных обстоятельствах часть списков польских националистов попала в руки гестапо, которое немедленно арестовало многих из их лидеров.

В эти дни одна из оперативных групп советских партизан в Литве сообщала, что 19 сентября 1943 года при переходе из района озера Нароч в Рудницкую пущу, в районе деревни Гумбы, была вынуждена вступить в перестрелку с отрядом поляков. Эти польские партизаны-националисты численностью около 500 человек прибыли из района Варшавы и незадолго до того вступили в бой с немцами и литовскими полицаями. В сводке Литовского ШПД сообщалось, что «отношения поляков к нашим (советским) партизанам не выяснены. Наши партизаны, приняв все меры предосторожности, ведут разведку с целью выяснить, что из себя представляет отряд поляков».

По сведениям партизан, штаб-квартира руководства польских подпольщиков-националистов находилась в Калварии (село в 7 км к северу от Вильнюса по дороге в Верки). Ячейки этой организации (до 40 человек каждая) имелись в селе Ландорово (западнее Вильнюса) и в г. Эйшишкяй. Обычно их эмиссары по 4—6 раз в месяц ездили в Калварию с донесениями или за инструкциями. Всей организацией руководили бывшие польские офицеры. После того как

гестано арестовало часть руководства польских националистов, они несколько умерили свою активность. «В данное время, — говорилось в одной из сводок Литовского ШПД за октябрь 1943 года, — поляки активно себя не проявляют; они имеют задание накапливать силы для захвата власти (в Вильнюсе и Вилненском крае) при отступлении немцев».

К концу 1943 года польские националисты вновь заметно активизировались, а численность их отрядов сильно увеличилась (по-видимому, было получено новое подкрепление с территории генерал-губернаторства Польши). В случайной перестрелке с ними был убит один из литовских партизан (советских). Однако несмотря на отдельные инциденты, руководство Литовского ШПД попыталось договориться с «польскими легионерами» (как они именуются в сводках). В результате переговоров те согласились оставить решение польско-литовского территориального вопроса на усмотрение советского и польского правительств, а против немцев вести совместные действия. В последующие дни переговоры были продолжены. Тем не менее партизанская агентура доносила, что некая террористическая организация польских националистов «начала в Вильнюсском районе не активное, но систематичное истребление бывшего советского актива».

Таким образом, сотрудничество польских националистов и советских партизан складывалось не просто и не всегда гладко — у них было достаточно разногласий, но у них был и один общий противник.

«Литовская армия свободы»

Помимо ЛИТа, ВЛИКа и «Кестутиса», которые, по крайней мере внешне, не были связаны с немцами, значительную часть литовского националистического подполья составляли группы, специально подготовленные германской разведкой. Некоторые литовские националистические организации, избрав тактику вооруженной борьбы против Красной армии и советской власти, предпочитали непосредственно опираться на помощь немцев.

«Литовская армия свободы» (ЛЛА) была одной из таких групп. Она представляла собой военизированную организацию, созданную в последние месяцы немецкой оккупации. ЛЛА не была связана с подпольным Комитетом освобождения Литвы (ВЛИК) и действовала самостоятельно, не придерживаясь общей тактики ВЛИКа — «пассивного сопротивления». Организация ЛЛА с само-

го своего возникновения сотрудничала с вермахтом и даже направила в 1944 году несколько сотен человек в немецкие школы подготовки разведчиков, диверсантов, радистов. В начале 1945 года эти люди были заброшены в Литву с целью организации саботажа и партизанской борьбы. Правда, они чаще выполняли приказы местного националистического партизанского руководства, чем немецкого командования.

В октябре — ноябре 1944 года органы военной контрразведки 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта уничтожили несколько групп литовских националистов, которые, как выяснилось в результате допросов пленных, были связаны с немцами (как, например, члены ЛЛА Казелюнас и Матузевичус). 17 ноября 1944 года в районе деревни Ибатуны Крокиновской волости Паневежского уезда были обнаружены сброшенные с немецких самолетов три парашюта с грузом (ящик с гранатами, три батареи питания для радиостанций, теплая одежда и т.п.). В результате поиска был задержан «адресат» этой посылки — бандгруппа из пяти человек. По показаниям одного из ее членов, И. Урбалиса, он был завербован абвером и «оставлен на территории, занятой советскими войсками, с задачей организовать группу литовских «партизан» и присоединиться к отряду, действующему в Паневежском уезде и снабженному рацией». Спрашивается, кто снабдил националистических «партизан» рацией и с кем они поддерживали связь с ее помощью?

В декабре 1944 года органы НКГБ Литовской ССР арестовали еще двоих немецких агентов (К. Луткявичус и П. Алекна), которые окончили немецкую разведшколу в г. Кмин-Габен и были выброшены с самолетов на территорию Паневежского уезда с целью создания и объединения действующих там националистических групп. В январе 1945 года на территории Укмергского уезда был задержан агент-парашютист немецкой разведки, литовец В. Калинскас, который был заброшен в советский тыл вместе с группой диверсантов для установления связи с руководителями отрядов ЛЛА Крыштапонисом и Войтялисом и для организации диверсий на железных дорогах. В январе следующего года немецкая разведка забросила на территорию Паневежского уезда еще пять групп парашютистов в составе 32 человек, окончивших разведшколу близ Бромберга в Восточной Пруссии (ныне г. Быдгощ, Польша). Все были снабжены оружием и взрывчаткой, три из пяти групп имели при себе портативные рации. Основной их задачей являлось создание новых формирований литовских националистов и установление связи с уже существующими отрядами для совместных действий. (Часть диверсантов была впоследствии задержана органами НКГБ Литовской ССР.)

Многие из местных руководителей ЛЛА также являлись агентами немецкой разведки, прошедшими подготовку в спецшколах абвера. В январе 1945 года органами НКГБ был арестован секретарь Зарасайского уездного штаба ЛЛА П. П. Улозас. По его показаниям, он служил ранее в немецких частях, а затем окончил разведшколу в селе Прели Каунасского уезда. При отступлении немцев он был направлен германской разведкой в Дусятскую волость Зарасайского уезда для создания диверсионных групп из литовских националистов. В другом случае, при ликвидации Тарагского уездного штаба ЛЛА, был арестован помощник руководителя волостной организации «Литовской армии свободы» Э. К. Лаугалис, который до того окончил разведшколу абвера и был переброшен в Литву. При задержании у него был изъят радиопередатчик, с помощью которого он поддерживал связь с «Абверштелле Кёнигсберге».

В апреле 1945 года органы НКГБ арестовали двоих членов главного штаба ЛЛА, которые на допросе показали, что в 1944 году по соглашению с германской разведкой, руководство ЛЛА выделило из своих отрядов 60 человек для обучения в немецких разведшколах и последующей заброски в тыл советских войск с диверсионно-террористическими заданиями. Один из участников такой группы, А. Кубилюс, задержанный летом 1945 года, показал на следствии, что он с группой боевиков ЛЛА был направлен штабом ЛЛА в немецкую разведшколу в Кёнигсберге. По окончании курса он был сброшен на парашюте на территорию Тельшяйского уезда с заданием разведывательного характера. В своих радиogramмах абверу он сообщал данные о дислокации штабов 3-го Белорусского фронта и о проводимых советской властью мероприятиях в Литве. Кубилюс также участвовал в создании Жемайтйского штаба ЛЛА и вооруженных формирований, для которых немцы в марте 1945 года сбросили с самолета оружие, боеприпасы и советские деньги.

Сопrotивление в Литве после войны

После войны значительную часть литовского националистического подполья с его вооруженными отрядами составили бывшие полицианты, причем, что любопытно, в основном из тех батальонов литовской полиции, которые к началу советского зимнего наступления 13 января 1945 года находились в Курляндии или в Восточной Пруссии. Это наводит на мысль, что они были специально подготовлены немцами для подрывной деятельности в тылу Красной армии.

Одним из командиров литовских боевиков в послевоенные годы являлся бывший капитан литовской армии Антанас Балтусис-Звейюс. Он был членом Фронта Литовских активистов (ФЛА), организованного Казисом Шкирпой в Берлине; впоследствии командовал одной из пяти рот, организованных А. Ишкаускасом в 1941 году при эйнзатцкоманде «3». В годы немецкой оккупации он дослужился до звания подполковника, командовал одним из литовских полицейских батальонов, который в 1944 году вошел в состав одного из трех литовских добровольческих полков. В декабре 1944 года его батальон находился в районе Данцига, в Восточной Пруссии. Когда в январе 1945 года Восточная Пруссия была занята наступающими советскими войсками, Балтусис-Звейюс вместе со своим батальоном сумел пробиться на территорию Литвы. К маю 1945 года он достиг Таурасского района Юго-Западной Литвы, граничившего с Восточной Пруссией. В течение всего лета 1945 года Балтусис-Звейюс был активно занят организацией вооруженных отрядов литовских националистов, а 15 августа 1945 года объявил о создании «**Таурасской повстанческой области**». В 1948 году (и до начала 1949 г.) новым командиром «Таурасской повстанческой области» стал бывший майор литовской армии Грыбинас-Фаустас.

Командиром провозглашенной в мае 1946 года «**Жемайтской повстанческой области**», северо-восточнее Клайпеды, являлся литовский полковник Владас Монтвидас-Жемайтис. Многие из его боевиков ранее служили в 5-м, 13-м и 256-м литовских полицейских батальонах, которые весной 1945 года находились в Курляндском котле.

Командиром «**Диджайско-Каунасской повстанческой области**», включавшей в себя города Вильнюс и Каунас с прилегающими территориями, провозгласил себя майор Ионас Мисюнас-Жалиас Вельниас, бывший командир 257-го литовского полицейского батальона. Его батальон участвовал в обороне Данцига в октябре 1944 года в составе одного из добровольческих полков. Большая часть батальона была уничтожена в декабре 1944 года в Восточной Пруссии, спасся лишь сам командир батальона вместе со своим штабом.

Майор Антанас Штаркус-Монте, бывший командир 13-го литовского полицейского батальона, в начале 1945 года вместе со своим штабом находился в Курляндии. Весной 1945 года ему удалось вместе с частью своих подчиненных пробиться в Литву. В 1945—1947 годах он являлся начальником штаба «**Алгимантасского района**», в Северо-Восточной Литве, а с 1947 года стал его командиром. В 1949 году он был убит в бою с частями НКГБ. Еще один литовский «полевой командир», подполковник Ионас Кимстас-Жальги-

рис, ранее командовавший 3-м литовским добровольческим полком (войск СС), в 1945 году «назначил» себя командиром «**Свиряйского повстанческого района**». Подполковник Юозас Виткус-Казимирайтис, ранее также служивший в полицейских частях, в 1945 году стал командиром «**Пьегуйского повстанческого района**». (Позднее оба были убиты в бою.)

Летом 1946 года состоялось первое крупное совещание командиров литовских националистических отрядов, на котором было решено образовать главный штаб вооруженных сил (литовская аббревиатура — ВГПШ) с центром в Вильнюсе. Он тесно сотрудничал с «**Объединенным демократическим движением сопротивления**» (БДПС), созданным ранее литовской националистической интеллигенцией и претендовавшим на роль руководящего органа всего повстанческого движения в Литве. В 1949 году состоялось последнее совещание БДПС, на котором было решено реорганизовать его в «**Движение борцов за независимость Литвы**» (ЛЛКС). Но эта организация осталась чисто формальным органом литовской эмиграции и ничем себя не проявляла.

Между тем в самой Литве националистические повстанцы продолжали активные действия до 1952 года. Главнокомандующим «**Литовских повстанческих вооруженных сил**» в 1951—1955 годах являлся полковник Адольфас Раманаускас-Ванагас, прежде, в период немецкой оккупации, служивший в полицейских частях и бывший командиром 1-го литовского добровольческого пехотного полка (войск СС). К повстанческому движению литовских националистов присоединились остатки сформированной немцами летом 1944 года «Армии обороны отечества» (ТАР), известной также как «Жемайтская армия обороны», а также, возможно, некоторые солдаты и офицеры «Литовского территориального корпуса» («Легиона Плехавичюса»). Командир первого полка ТАР полковник Ионас Жемайтис-Витаутас в 1949—1953 годах являлся председателем эмигрантского президиума «**Движения борцов за свободу Литвы**» (ЛЛКС), а командир второго полка ТАР — полковник Вацлавас Иванаускас-Витенис (Гинтаутас) — был командиром «**Вакаруского повстанческого района**».

В 1952 году главнокомандующий литовскими повстанческими вооруженными силами полковник Раманаускас издал приказ о прекращении боевых действий. Это стало концом националистического сопротивления в Литве, хотя не все командиры «повстанческих областей и районов» сразу же подчинились этому приказу и сложили оружие.

Связь большинства организаций повстанцев с немецкими оккупантами не вызывает сомнений. Об этом говорит то, что практически все командиры повстанческих отрядов в период оккупации

служили в полицейских частях, причем именно в тех батальонах, которые отступили вместе с немецкими войсками в Курляндию и Восточную Пруссию. Эмблемой литовских боевиков (избранной, например, в отряде Балтусис-Звейюса) оставался нарукавный щиток с литовским желто-зелено-красным триколором и надписью «LIETUVA» — тот же самый, который носили в литовских полицейских батальонах в период оккупации. Практически во всех литовских повстанческих отрядах продолжали носить германское обмундирование (вплоть до маскхалатов), использовать германское вооружение, боеприпасы и снаряжение. Конечно, все это вполне объяснимо, и в то же время говорит о многом.

Тема националистического сопротивления, развернувшегося в республиках Прибалтики в последние месяцы Второй мировой войны и после ее окончания, до сих пор недостаточно изучена. Отчасти это связано с тем, что сама тема до конца 1980-х годов считалась закрытой. Документы, касающиеся этой темы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, архиве ФСБ и других, до сих пор закрыты, в лучшем случае рассекречена лишь их незначительная часть. Именно поэтому трудно делать какие-либо окончательные выводы о причинах и мотивах националистического сопротивления.

И все же известные на сегодняшний день факты позволяют считать, что у коллаборационизма, как и у националистического сопротивления в послевоенные годы, во многом одни и те же причины — борьба местной правящей верхушки за возвращение себе власти и собственности, утраченных при советской власти. Вторая гражданская война в Прибалтике продолжалась и после немецко-фашистской оккупации. Только теперь она апеллировала за помощью не к гитлеровской Германии, а к США и другим странам западного блока. Не получив же таковой поддержки и не дождавшись новой, третьей мировой войны, это сопротивление постепенно сошло на нет. Продолжались лишь отдельные выпады в националистической эмигрантской прессе, выходившей в Америке и Западной Европе, но они не могли ничего изменить...

Во-вторых, практически не известны случаи, когда прибалтийские националисты обращали бы оружие против немецких оккупантов. А ведь немцы угрожали их «суверенитету» не меньше, чем Советский Союз... Почему они не объединили свои усилия с советскими партизанами, хотя бы на время, ради изгнания немецко-фашистских захватчиков? Ведь заключались же договоры о совместных действиях между Литовским штабом партизанского движения и польскими на-

ционалистами, несмотря на взаимную вражду, убийства советского актива, отдельные перестрелки... А ведь у поляков было не меньше поводов для «ненависти к Советам», хотя бы из-за раздела Польши в сентябре 1939 года! Это ли не свидетельство разницы между национально-освободительным движением (пусть имеющим разную социальную окраску) и мнимой «борьбой за независимость», которую вели литовские, латвийские и эстонские коллаборационисты? Ведь практически все руководство националистического сопротивления состояло из бывших коллаборационистов, которые сотрудничали с фашистами и принимали участие в их преступлениях.

Остается один вопрос: как же в таком случае коллаборационистам, впоследствии возглавившим националистическое сопротивление, удалось привлечь на свою сторону значительную часть населения своих стран? Ведь националистическое повстанческое движение в республиках Прибалтики в 1944—1952 годах насчитывало не одну тысячу человек, даже если приводимые в западной литературе цифры и завышены. Разумеется, нельзя объяснять возникновение националистического сопротивления после войны исключительно организующими действиями спецслужб гитлеровской Германии или пропагандой со стороны местных самоуправлений.

Национализм, очевидно, еще долго будет существовать среди небольших наций. И это не удивительно. Слишком велик их страх, что какая-нибудь «великая» нация подомнет их под себя, поработит, подвергнет дискриминации по национальному признаку. А когда этот страх еще и умело подогревается местными политиками или иностранными спецслужбами, ему трудно противостоять. Он становится благодатной почвой для всевозможной националистической и тому подобной агитации.

Именно поэтому лозунги интернационализма, которые так великодушно может принять «великая» нация, не вызывают доверия у малых наций — а вдруг это всего лишь приманка? И наоборот, националистическая пропаганда, в которой подчеркивается необходимость охраны национальной самобытности, суверенитета, языка, культуры, оказывается чрезвычайно популярной среди небольших народов, заставляя объединяться, считать себя одним сообществом и забывать о социальных противоречиях внутри нации.

ГЛАВА 16

ПРИБАЛТИКА И «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

Республики Прибалтики в советское время

«Советская оккупация» 1940—1941 годов оставила республикам Прибалтики новые заводы и предприятия, школы, институты, больницы, театры... Фашистская оккупация за три года разрушила все, что только было можно, превратив в руины целые города и села.

Восстановление разрушенного народного хозяйства Литвы, Латвии и Эстонии и инвестиции в экономику прибалтийских республик начали осуществляться сразу же после изгнания немецко-фашистских оккупантов, еще до окончания войны. Прибалтийские республики получили и свою долю военных трофеев (репараций), завоеванных советским народом в битве с фашизмом. Так, например, в Латвию из Германии и других стран Европы было вывезено 42 принадлежавших ранее немцам промышленных предприятия, включая 8800 единиц современного технического оборудования (станков, агрегатов и проч.), что составило чуть менее одного процента от общего числа предприятий, вывезенных в СССР. Приблизительно такое же количество трофейной техники было направлено в Литву и Эстонию. И это при том, что за годы войны Советское государство понесло колоссальный прямой ущерб, который составил 128 млрд долларов или 679 млрд рублей. По решению Ялтинской и Потсдамской мирных конференций Советскому Союзу (вместе с Польшей) гарантировался возврат по репарациям от Германии лишь в сумме 10 млрд долларов. А ведь часть этого ущерба была причинена прибалтийскими легионерами и бандитами, разрушившими не только в самой Прибалтике, но и в других районах СССР множество сел, деревень, дорог, мостов, промышленных построек и т.д. Фактически советское руководство списало эти долги...

Восстановление городов и промышленности Литвы началось еще в 1944 году, а уже в 1945 году вступило в строй более 80 % действовавших до войны фабрик и заводов. Крестьянам были возвращены земли, выделенные им советской властью в 1940 году и отнятые впоследствии немецкими колонистами и бывшими землевладельцами и помещиками. В 1948 году промышленность Литвы достигла довоенного уровня, а в 1950-м превысила его на 90 %. Восстанавливать народное хозяйство Литвы помогала вся страна — советское правительство выделило для этой цели дотацию в 200 млн рублей. Другие республики Советского Союза поставляли в Литву стройматериалы, машины, станки, оборудование, транспорт, энергопоезда. С целью восстановления разрушенного хозяйства республики было создано специальное Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР под председательством М.А. Сулова, действовавшее в Вильнюсе с ноября 1944 по июль 1946 года.

Правительство СССР продолжало заботиться о развитии промышленности, сельского хозяйства, социальной сферы и инфраструктуры Литвы вплоть до конца 1980-х годов. Так, в середине 1980-х годов здесь была построена 300-километровая автомагистраль, прошедшая почти через всю страну от Вильнюса до Клайпеды. До сих пор шикарный автобан Вильнюс — Клайпеда остается гордостью Литвы, даже по современным европейским меркам. Когда-то здесь были даже аварийные телефоны-автоматы через каждые пять километров, хотя сейчас, в эпоху мобильной связи, их убрали за ненадобностью. «...Это лишь один из многих действующих памятников так называемой “советской оккупации”, — пишет клайпедский публицист В. Нырко. — Вот такой незаживающий “шрам” остался на теле Литвы. ...Между двумя российскими столицами Москвой и Петербургом подобной дороги нет и поныне! Шикарный автобан проложили почему-то не от столицы сверхдержавы, а на далекой балтийской окраине СССР. Литовские политики, которые часто летают здесь на дорогах лимузинах, об этом даже не задумываются. Вместо этого многие из них выступают с сердитыми заявлениями о “русской оккупации”, которая началась якобы именно 9 мая 1945 года. Поэтому отмечать этот праздник им никак нельзя».

Восстановление народного хозяйства Латвии первыми в 1945 году начали части Красной Армии. За счет своих сил и средств они восстановили в Латвии почти все крупнейшие мосты и важнейшие предприятия и электростанции.

Значительную помощь в восстановлении латвийской экономики оказали союзные республики СССР, ввозившие в Латвию большое количество машин, заводского оборудования, жидкого топли-

ва, угля, металлов, промышленного сырья, транспортных средств, продуктов питания и товаров широкого потребления.

Капиталовложения в экономику Латвийской ССР в течение первой послевоенной пятилетки (1946—1950) превысили 2 млрд рублей. В 1945 году, дополнительно к плановым ассигнованиям, советское правительство через Сельскохозяйственный банк СССР выделило 15 млн рублей для помощи сельскохозяйственным кредитным товариществам Латвии и образования их основных капиталов. В 1949 году советское правительство снова оказало помощь сельскому хозяйству Латвии кредитами, удобрениями, сельскохозяйственной техникой, тракторами. Кроме того, в 1951 году почти вдвое выросли ассигнования на нужды образования Латвии (по сравнению с 1941 г.) и составили 459 млн рублей.

Благодаря этим усилиям и финансовым вложениям, в течение 1945—1946 года в Латвии были восстановлены Рижский морской торговый порт, Кегумская ГЭС на Даугаве, Рижская, Даугавпилсская, Слокская, Айвискестская, Цесисская, Елгавская и другие электростанции, Рижский суперфосфатный завод, Рижский вагоноремонтный завод «Вайрогс», Даугавпилсский паровозо-вагоноремонтный завод, Лиепайский завод «Сарканайс металургс», Елгавская льнопрядильная фабрика, Крустпилеский, Лиепайский и Елгавский сахарные заводы, электротехнический завод «ВЭФ» (производивший телефонную и радиоаппаратуру), велосипедный завод «Саркана Звайгзне», цементный завод, стекольные заводы, механизированный хлебозавод, завод автоэлектророботов, кожевенный завод «Югла», кондитерские фабрики «Лайма», «Узвара», «17 июня», текстильные фабрики «Большевичка», «Мерино», «Паризес Комуна» и многие другие.

В течение 1946—1950 годов в Латвии было создано также множество новых промышленных предприятий, в том числе заводы «Автоэлектроробот», «Радиотехника», электромашиностроительный завод, заводы гидро- и автоэлектророботов и другие. Всего за 1946—1950 годы было восстановлено, построено и введено в действие свыше 6 тысяч промышленных предприятий, не считая мелких.

В результате если в декабре 1944 года валовая продукция промышленности Латвии составляла лишь около 15—16 % от довоенного уровня, то в 1946 году — свыше 80 %. К 1947 году промышленность Латвии достигла довоенного уровня, а в некоторых отраслях даже превзошла его. К 1 января 1948 года валовая продукция превысила довоенный уровень в среднем на 15 %, а в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности — в три с лишним раза. В 1950 году объем промышленного производства вырос в 3 раза, а выработка электроэнергии в 2,3 раза по сравнению с 1940 годом.

Уровень жизни латышей также повысился. Общая сумма доходов рабочих, служащих и крестьян в 1950 году возросла по сравнению с 1940 годом на 62 %, к тому же за 1947—1950 годы цены на товары массового потребления трижды снижались. Уже к 1947 году промышленность советской Латвии превзошла довоенный уровень, тогда как многие районы РСФСР еще жили в разрухе. Кстати, до установления Советской власти средняя продолжительность жизни здесь не превышала 58 лет, а детская смертность в 1940 году была одной из самых высоких в Европе — 73 на 1000 новорожденных малышей. К началу семидесятых годов люди стали жить в среднем до 70 лет, а детская смертность сократилась в пять раз.

Подобные же изменения происходили и в экономике Эстонии. Сразу после освобождения Эстонской ССР Москва выделила ей 300 млн рублей на восстановление пострадавшего хозяйства. Еще 260 млн рублей Эстонии направили другие советские республики. Ей же прислали 40 тысяч тонн угля и кокса, 11,5 тысячи тонн металла, 1150 автомобилей. За 50 лет «советской оккупации» валовая продукция в промышленности Эстонии возросла в 55 раз, добыча горючих сланцев — в 13,5 раза, объем капиталовложений — в 30 раз, в сельское хозяйство было вложено 6 млрд рублей, в результате чего урожайность и сборы зерновых увеличились вдвое. Последним советским «злodeйством» было строительство глубоководного Новоталлинского порта стоимостью около 6 млрд долларов...

Член правления Эстонского Союза против неонацизма и межнациональной розни Уно Лахт рассказал, что американские органы разведки однажды подробно проанализировали положение дел в Эстонии того периода. Согласно итоговому докладу, озаглавленному «The Case Study of Estonian SSR» (1980), получалось, что Эстонская ССР — идеальное государство. Документ ставил знак равенства между экономикой и развитием Эстонской ССР и Дании. И это при том, что материал был подготовлен в самый разгар «холодной войны»!

Уровень жизни в республиках Прибалтики 1970—1980-х годах был выше, чем в других советских республиках — о нем, можно сказать, слагали легенды: «Прибалтика живет уже при коммунизме». И одновременно для нас, евразийцев — жителей «средней полосы» или Поволжья — Прибалтика была частью Европы и европейской культуры.

Тем не менее финансовая помощь республикам Прибалтики фактически продолжала оказываться вплоть до конца 1980-х годов. Согласно статистическим данным на 1988 год, прибалтийские республики характеризовались общим превышением ввоза над вывозом продукции в рамках общего сырьевого и товарооборота СССР. Они ввозили минеральное топливо, поскольку были лишены соб-

ственных ресурсов его (за исключением сланцев в Эстонии), готовый прокат, многие виды продукции машиностроения и других отраслей тяжелой индустрии. В вывозе преобладали вагоны для электропоездов, микроавтобусы, радио- и электротехнические изделия.

В то же время по товарам народного потребления (как продовольственным, так и непродовольственным) сальдо было положительным, то есть вывоз превышал ввоз. Вывозились в основном молочные, мясные и рыбные продукты, а также изделия легкой промышленности и мебель. Ввоз складывался из растительного масла, овощей, фруктов и других видов продовольствия, сырья для легкой промышленности.

Обратимся к сухим цифрам экономики. В стоимостном отношении ситуация выглядела следующим образом.

Литва: ввоз: 7,49 млрд руб. (в том числе 6,24 млрд руб. — межреспубликанский обмен отечественной продукцией, 1,25 млрд руб. — импорт); вывоз: 5,96 млрд руб. (в том числе 5,43 млрд руб. — межреспубликанский обмен отечественной продукцией, 0,53 млрд руб. — экспорт).

Латвия: ввоз: 5,6 млрд руб. (в том числе 4,6 млрд руб. — межреспубликанский обмен, 1 млрд руб. — импорт); вывоз: 4,9 млрд руб. (в том числе 4,5 млрд руб. — межреспубликанский обмен, 0,4 млрд руб. — экспорт).

Эстония: ввоз: 3,7 млрд руб. (в том числе 3 млрд руб. — межреспубликанский обмен, 0,7 млрд руб. — импорт); вывоз: 3 млрд руб. (в том числе 2,7 млрд руб. — межреспубликанский обмен, 0,3 млрд руб. — экспорт).

Таким образом, в 1988 году в Литву ввозилось на 0,81 млрд руб. больше, чем вывозилось оттуда в другие республики СССР, а включая экспорт и импорт — на 1,53 млрд руб. В Латвии ввоз превышал вывоз на 0,1 млрд руб (включая экспорт и импорт — на 0,7 млрд руб.), а в Эстонии — на 0,3 млрд руб. (включая экспорт и импорт — на 0,7 млрд руб.).

В таблице это выглядит так (во внутренних ценах в млрд руб. на 1988 год):

	Сальдо положительное +, отрицательное —	В том числе Межреспубликан- ский обмен	Внешнеторго- вый обмен
Литва	-1,5	-0,8	-0,7
Латвия	-0,7	-0,1	-0,6
Эстония	-0,7	-0,3	-0,4

Послевоенные репрессии

Гражданская война в Прибалтике, которую удалось предотвратить в 1941 году буквально в последний момент, все же началась с приходом немецко-фашистских войск. Но если в годы оккупации она носила характер оккупационного террора, то теперь, после окончания войны, превратилась в вялотекущие повстанческие действия отдельных бандгрупп националистов.

Освобождение Прибалтики сопровождалось не только значительными капиталовложениями на восстановление народного хозяйства, но и новыми репрессиями. Теперь, в отличие от 1940 и 1941 годов, советские репрессии были гораздо более масштабными и более «жесткими». И на это были свои причины. В годы оккупации многие граждане прибалтийских республик — добровольно или принудительно — сотрудничали с оккупационными органами. Таким образом, необходимо было, во-первых, отделить «добровольцев» от остальных, насильственно призванных в легионы СС, части вермахта и полиции. Во-вторых, даже среди «добровольных коллаборационистов» надо было отобрать тех, кто участвовал в военных преступлениях, и предать их суду.

Судя по цифрам, приведенным ранее, это была колоссальная работа, и здесь, к сожалению, не могло обойтись без ошибок. Возникло много спорных вопросов, например, кем считать тех, кто был насильно призван в различные немецкие воинские части — военнопленными, изменниками Родины или жертвами оккупации? И как быть с «добровольцами», которые не участвовали в совершении военных преступлений, а служили в органах оккупационной администрации, к примеру, переводчиками, техниками или конюхами и т.п.?

К тому же, помимо всех этих вопросов, наиболее срочной задачей оставалась борьба с националистическим сопротивлением на территории Прибалтики...

Основное бремя борьбы с националистическим подпольем в западных областях Советского Союза, включая Прибалтику, возлагалось на Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ) НКВД СССР, созданное приказом наркома внутренних дел Союза ССР № 001447 от 1 декабря 1944 года¹. 28 января 1947 года вышло секретное постановление Совета Министров СССР, согласно которому вся

¹ В 1950 году ГУББ МВД СССР, УББ МВД союзных республик, ОББ УМВД краев и областей были реорганизованы в Главное управление оперативного розыска МВД СССР (ГУОР) и соответственно в УОР МВД республик и ООР УМВД краев и областей.

дальнейшая борьба с националистическим сопротивлением была отнесена к исключительной компетенции Министерства государственной безопасности (МГБ). После этого в их распоряжение были переданы из МВД большая часть оперативных работников, агентуры, оперативных внутренних войск, а также истребительные батальоны (в Латвии и Литве они назывались «отрядами самообороны»). В 1946 году Главному управлению по борьбе с бандитизмом (ГУББ) была также поручена работа по организации и контролю оперативного обслуживания репатриантов, а в 1949 году — осуществление оперативного розыска преступников, бежавших из мест лишения свободы МВД, спецпоселенцев и выселенных.

Профессор Арведс Свабе, бежавший в 1944 году из Латвии в гитлеровскую Германию, рисует такую картину «советской реокупации» Прибалтики:

«...Около 199 000 прибалтов, из которых половину составляли латыши, включая 15 000 бывших солдат 15-й латышской дивизии (войск СС) и других частей¹, сдавшихся англичанам или американцам, оказались в западной (оккупационной) зоне Германии. Преследуемые германскими и русскими ВМФ и ВВС, несколько тысяч из них нашли свою могилу в водах Балтийского моря, тогда как 30 000 прибалтов бежали в Швецию».

Сразу же отметим, что немцам, в общем-то, было незачем топить суда с беженцами из Прибалтики, даже если те направлялись не в Германию, а в Швецию. У гитлеровских люфтваффе и кригсмарине и без того хватало трудностей с горючим — настолько, что немецкая авиация в последние месяцы войны оказалась практически бесполезной. Более того, немцы по возможности старались спасти «ценные кадры» из числа коллаборационистов. Многие из них после бегства из Курляндии скопились в устье Вислы под Штеттинном (Щецином), ожидая эвакуации в западные районы Германии. Вот что пишет о них бывший обер-лейтенант немецкого 35-го танкового полка Ханс Шойфлер:

«...Несколько в стороне от “простого народа” расположились высокомерные господа из Ревеля и Риги в тяжелых меховых шубах, которые благополучно устроились со своими тяжелыми ящиками и дорожными чемоданами. Они то и дело ссорились со своими бывшими батраками, которые, учитывая изменившуюся социальную структуру, не очень-то повиновались им...»

¹ Здесь, кстати говоря, профессор Свабе в очередной раз опровергает сам себя, вель на первых страницах той же главы он утверждал, будто солдаты Латышского легиона «сражались только на Восточном фронте».

Но вернемся на землю Латвии...

«В реоккупированных прибалтийских странах, — продолжает профессор Свабе, — русские интернировали все гражданское население в так называемые “фильтрационные лагеря”. Там они содержались месяцами, пока их не депортировали, не записывали в Красную армию или не освобождали временно. Русская фильтрация была особенно жестокой в Курляндии¹; все жители старше 12 лет подвергались длительным допросам, а затем все высылались в Сибирь. Из 60 000 жителей одной только Лиепая в Россию было отправлено 70 грузовиков (по 80 латышей в каждом)². Около 50 % латвийских граждан, проживавших в небольшом городке Слока, известном своей бумажной промышленностью, и практически полностью состоявшем из рабочих, были депортированы.

Фильтрационные комиссии в 1944—1945 годах выслали из прибалтийских стран от 400 до 500 тысяч жителей. Согласно неофициальным данным, от 3 до 5 тысяч прибалтов депортировались каждый месяц из каждой из прибалтийских стран.

Эти страны были очищены от своего населения формально легальным путем: с помощью направлений на работу, так как каждое министерство в Москве имело право затребовать рабочую силу от “братских республик” — для строительства дорог, работы на шахтах и стройках — и могло призывать мужчин до 64 лет и женщин до 55 лет.

С той же целью дети “кулаков” в возрасте 14—17 лет набирались для обучения на специальные фабрики и в школы рабочего резерва, а после получения квалификации посылались в Россию. Каждые 100 сельских жителей (в возрасте от 14 до 55 лет) обязаны были выделить для трудовой повинности двух подростков. Согласно плану 1948 года, всего предполагалось мобилизовать на работу в Советском Союзе 1,1 млн. молодых людей».

Депортации из прибалтийских республик в послевоенный период, как уже было сказано выше, в силу объективных обстоятельств действительно были более масштабными, чем в 1940—1941 годах. Репрессивные меры применялись в отношении членов националистического подполья и остатков банд нацистских пособников, изменников родины, бывших карателей, а также вражеских агентов и

¹ Это было связано с тем, что Курляндия, как известно, дольше других районов Латвии находилась под немецко-фашистской оккупацией (до 9 мая 1945 г.), поэтому там гитлеровцы успели создать множество антисоветских террористических группировок. — *М.К.*

² Итого, если подсчитать, получается примерно 5600 человек. — *М.К.*

уголовных элементов. (Заметим, что в отношении перечисленных категорий «особо опасных преступников» смертная казнь не применялась, так как 23 мая 1947 Президиум ВС СССР издал постановление об отмене высшей меры наказания и ее замене заключением в исправительно-трудовой лагерь сроком на 25 лет. И лишь 12 января 1950 года тот же Президиум принял Указ «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам».)

Первыми на основании секретного приказа НКВД СССР от 7 февраля 1945 года № 1—2120 из пограничных районов Прибалтики выселили местных немцев.

Затем наступила очередь литовцев, латышей и эстонцев, сотрудничавших в годы войны с оккупантами или связанных с действующими бандформированиями.

Борьба против националистического подполья осуществлялась методами «кнута и пряника». В отношении членов вооруженного подполья применялись такие меры, как расстрел на месте, публичные казни, аресты и депортацию семей бандитов в Сибирь и другие отдаленные районы СССР, уничтожение или конфискация их недвижимого имущества и т.д. С другой стороны, в отношении тех, кто готов сложить оружие, объявлялась амнистия¹, а те, кто переходил на сторону советской власти, получали существенную моральную и материальную поддержку властей.

Последние крупные очаги сопротивления «лесных братьев» в Литве, где оно было наиболее сильным и организованным, чем в Латвии и Эстонии, были ликвидированы к 1954 году.

А теперь приведем подлинные данные о репрессиях в Прибалтике в послевоенные годы, согласно рассекреченным документам НКГБ СССР. Так, в 1944—1945 годах НКГБ Литовской ССР было репрессировано 6958 человек, НКГБ Латвийской ССР — 7120 человек, НКГБ Эстонской ССР — 6569 человек. В это число вошли участники буржуазно-националистических партий, организаций и групп (2532 литовца, 748 латышей и 519 эстонцев), а также осужденные за сотрудничество с оккупантами, участие в карательных органах, террористическую деятельность и т.п., то есть, проще говоря, военные преступники. Итого в республиках Прибалтики было репрессировано в общей сложности 20 647 человек.

¹ Последняя широкая амнистия в отношении «лесных братьев» (и членов их семей), ранее осужденных и готовых признать советскую власть, была объявлена в 1955 году.

В последующие годы количество депортированных из Прибалтики увеличилось примерно до 140 тысяч человек. Спецпоселенцы из Прибалтики направлялись в Красноярский, Алтайский край, Новосибирскую, Иркутскую, Омскую (здесь было большинство латышей — 19 790 чел.) и Томскую область. В это число вошли как осужденные за особо тяжкие преступления, так и четыре категории депортированных (спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные).

Приведем в этой связи статистические данные переписи, проведенной 9-м Управлением МГБ СССР в 1952/1953 годах, в части, касающейся граждан, высланных из республик Прибалтики в 1945—1949 годах (по состоянию на 1 января 1953 г.):

Национальность	Спецпоселенцы	Сыльнопоселенцы	Ссыльные	Высланные
литовцы	81 158 / 75 024 ¹	1711	187	58
латыши	39 279 / 33 102	2154	369	324
эстонцы	19 520 / 16 070	1013	197	179
Всего	139 957 / 124 196 ²	4878	753	561

Следует добавить, что с 1945 по 1950 год число спецпереселенцев и ссыльных граждан прибалтийских национальностей получило некоторое (хотя и незначительное) увеличение за счет так называемых репатриантов-«западников», возвращенных в СССР из-за рубежа на основе международных соглашений СССР со странами антигитлеровской коалиции. Тем не менее абсолютное большинство беженцев и эмигрантов из Прибалтики не захотели вернуться после войны на родину из-за границы и поэтому рассматривались советским общественным мнением в качестве «предателей» и «преступников», «которые боятся ответственности за совершенные ими во время войны злодеяния».

Заметим, что и само правительство Советского Союза в первые послевоенные месяцы не проявило достаточной настойчивости в

¹ Здесь и далее: первая цифра означает общее число спецпоселенцев, вторая — число взрослых спецпоселенцев (от 17 лет и старше) по состоянию на 1 января 1953 года.

² В момент прибытия на спецпоселение было учтено в целом 142 543 человека, высланных из Прибалтики в 1945—1949 гг. (не считая умерших и бежавших во время транспортировки). Из них в розыске находилось 162 чел., состояли под арестом 1458. За период 1945—1950 гг. в местах спецпоселения высланных из Прибалтики граждан родилось 1592 и умерло 8194 чел.

своим требованием о высылке таких эмигрантов. Так, с января по май 1945 года в Швецию бежало около 30 тысяч латышей и эстонцев, в основном бывших легионеров, полицейских, чиновников оккупационной администрации и членов их семей. В мас, буквально накануне капитуляции, к ним добавились 2600 немецких солдат, которые бежали в Швецию из Курляндии, устья Вислы, Северной Германии и Дании. В мас 1945 года все они были интернированы как военнопленные.

«В ноябре (1945 года), — вспоминает Эрих Штайнбах, бывший обер-ефрейтор немецкого 35-го танкового полка, сумевший бежать на корабле в Швецию с Хельского полуострова (устье Вислы), — участились слухи о том, что правительство Швеции предложило выдать Советам интернированных немецких солдат вместо 30 тысяч латышей и эстонцев».

Очевидно, свою роль здесь сыграло и правительство Швеции, решившее лучше пожертвовать немецкими солдатами, чем прибалтами, так как в течение всей войны скандинавские страны — Швеция и Финляндия — активно поддерживали стремление прибалтийских националистов к независимости, закрывая глаза на их сотрудничество с нацистами. (Об этом свидетельствуют, в частности, материалы финской и шведской прессы, регулярно приводившиеся в сводках донесений германской полиции из оккупированных восточных областей за 1941—1943 гг.¹) В результате 2600 немецких солдат были переданы Советскому Союзу и разбросаны по различным лагерям военнопленных, а 30 тысяч латышских и эстонских коллаборационистов благополучно ушли от возмездия. Многие впоследствии переселились в другие страны и пополнили собой агентуру западных спецслужб и аппарат различных антисоветских радиостанций и неправительственных организаций.

Разумеется, эмигрировавшие вместе с немцами из Прибалтики националисты вроде профессора Арведа Свабе в пропагандистских целях не постеснялись преувеличить размах советских репрессий в Прибалтике. При этом был использован тот же прием, что и в 1941 году, когда советские репрессии 1940—1941 годов были завышены более чем в десять раз. Так, к количеству действительно репрессированных, принудительно высланных и т.п. произвольно добавлялись все те, кто был призван в Красную армию или на работы по восстановлению разрушенного войной хозяйства в различные регионы СССР. Следуя этой логике, почему бы тогда не за-

¹ Эти сводки широко представлены в материалах Российского государственного военного архива (РГВА).

числить в «репрессированные» тех граждан других республик Советского Союза, включая и РСФСР, которые работали на восстановлении разрушенного народного хозяйства прибалтийских республик?

Вот так 140 тысяч спецпоселенцев превратились в 400—500 тысяч репрессированных и более миллиона высланных на принудительные работы...

Да, это совершенная правда, что тысячи молодых литовцев, латышей и эстонцев были насильно мобилизованы в легионы СС и другие части германской армии. И то, что после войны они оказались в лагерях военнопленных, это большая трагедия. Но с другой стороны, они носили форму, знаки различия и символику гитлеровской армии, восвали с оружием в руках или хотя бы формально числились в качестве солдат этой армии, а значит — они и были военнопленными. Более того, с формальной точки зрения их можно было бы поголовно обвинить и в измене родине, так как республики Прибалтики в годы войны входили в состав Советского Союза...

«...Когда же будут возвращены наши латышские пленные, которые были взяты под Лиепаей и отправлены в Россию, — обращались многие родители с просьбами к главе правительства Латвийской ССР Вилису Лацису. — Был тогда увезен в Россию мой сын. Уже прошло шесть месяцев. Никаких сведений нету, жив он или мертв. ...В 1944 году его мобилизовали немцы. Каково ему было расставаться с женой и тремя малыми детками? Что ему было делать, как не пойти, все равно верная смерть. Вы-то знаете, как немцы с такими расправлялись. ...Обращаюсь к вам и партии с нижайшей просьбой, отпустите сыновей по домам, у кого на совести нет грехов. Я знаю, что у моего сына их нету. Кто виноват, пускай получит наказание, но многие не виноваты...»

«Товарищ Вилис Лацис! — говорилось в другом письме. — ...Разве наши дети (легионеры) виноваты, что немец силой их мобилизовал и послал на войну. Теперь война закончилась, так почему сыны Латвии должны томиться в лагерях пленных — как преступники... Почему?»

...Находите виновных и судите, но простой солдат не виноват, если его мобилизуют на войну. Мы ждали Красную армию как освободителей, а теперь видим, что она ничуть не лучше режима гитлеризма.

...Мы, латыши, будем очень ждать помощи от Вас. Освободите до февраля наших детей (легионеров), тогда за это — Вам пламенный привет от всех нас. Вы сможете считать, что заслужили это.

Отдайте наших детей, и мы с радостью пойдем на выборы!¹

Исцелите боль всего латышского народа — освободите легионеров!»

Надо отдать должное Вилису Лацису, тот лично отправил ответ на письмо Х. Скуини, в котором говорилось:

«В связи с Вашим письмом от 10 декабря 1945 года сообщаю, что у Вас нет причины для волнений, так как называемые Вами “арестованные” под арестом не находятся. Они только выполняют свой долг перед Родиной, как это делали в рядах Красной армии все честные советские люди во время Великой Отечественной войны.

К тому же ставится вопрос об их возвращении назад в Латвийскую республику».

Подобных просьб были многие тысячи. И правительство СССР постаралось исполнить их. Большинство легионеров, прежде всего те, кто был насильно мобилизован в 1943—1944 годах, не служил в полицейских батальонах и не участвовал в военных преступлениях, вернулись домой уже в 1946 году. Что же касается остальных военнопленных — полицаяв и легионеров, обвинявшихся по 58-й статье, а также «лесных братьев» и членов их семей, ранее осужденных и готовых признать советскую власть, — то последняя широкая амнистия для них была объявлена в 1955 году.

Иногда, правда, подобная гуманность, грубо говоря, «выходила боком». Так, например, в 1946 году по просьбе правительства Эстонской Советской Социалистической Республики все ранее взятые в плен в результате боевых действий бойцы эстонских подразделений СС, отбывавшие наказание в лагерях Воркуты, были освобождены и направлены на восстановление народного хозяйства Эстонии. Но, как выяснилось позже, многие из них были освобождены незаслуженно, так как вскоре пополнили ряды «лесных братьев». Объяснить этот факт несложно: 20-я эстонская гренадерская дивизия войск СС в значительной степени состояла из бывших полицаяв, в 1943—1944 годах автоматически переведенных в Эстонский легион СС. В отличие от латышской 15-й дивизии СС, новобранцев «по призыву» здесь было не так уж много...

Некоторые советские юристы, занимавшиеся когда-то делами военных преступников, впоследствии признавали, что заслуженное наказание понесли не более 30 % от всех карателей и убийц, проживавших и проживающих ныне на территории Прибалтики.

Так кто же виноват в судьбе этих молодых литовцев, латышей, эстонцев? Виноваты прежде всего те, кто сделал их заложниками своей преступной политики. Это — гендиректора Лиговского, Латыше-

¹ 10 февраля 1946 года в Латвийской ССР, как и во всех республиках Советского Союза, должны были состояться выборы в Верховный Совет СССР.

кого и Эстонского самоуправлений — Кубилюнас, Данкерс, Мяэ, — тысячами продававшие своих соотечественников в легион или в военную промышленность Германии ради собственных корыстных интересов. Это — генералы Плехавичюс, Бангерскис, Соодла и другие, которые подписывали приказы о расстреле дезертиров... Это католический епископ Винцентас Бризгис и православный митрополит Литовский и экзарх Латвийский и Эстонский Сергей, призывавшие к еврейским погромам и к борьбе против большевизма... Если литовцы Климайтис, Импулявичюс, Шимкус, Лилейкис, латыши Арайс, Озолс, Цукурс, Осис, эстонцы Мере, Викс, Кург, Лепик, Линнас были просто палачами, то коллаборационисты рангом повыше были не лучше них, хотя лично никого не вешали и не расстреливали. Ведь именно эти нелюди — типа Кубилюнаса, Данкерса или Мяэ — помогли гитлеровцам в организации их преступлений.

На службе новых хозяев

В Соединенных Штатах Америки еще со времен «холодной войны» господствует несколько иное отношение к итогам Второй мировой войны и к нашему Дню Победы 9 мая 1945 года. Традиционный для нас День Победы в Америке заменяют День поминовения (отмечаемый тоже в мае со времен Гражданской войны в США) и День ветеранов (посвященный участию США в Первой мировой войне и отмечаемый 11 ноября). В эти дни чествуют ветеранов всех войн, которые вела Америка на протяжении своей истории, — как праведных, так и неправедных. Но для 9 мая ни в государственной идеологии США, ни в массовом сознании американцев, воспитанных на этой же пресловутой государственной идеологии, места не нашлось. Историки объясняют это разными факторами:

«Отношение американцев ко Второй мировой войне изначально противоречиво и не сравнимо с отношением, бытующим в Европе и в особенности в России, — считает директор российских программ вашингтонского Центра оборонной информации, д.и.н. Николай Злобин. — Вспомним, как долго США не могли решить для себя вопрос, вступать в войну или нет. Для них она была очередной европейской разборкой... Решающим фактором стало не нападение Гитлера на СССР, а труднейшее положение Великобритании».

«Нас Бог избавил от тех испытаний, которые свалились на вас, — замечает профессор Сент-Луисского университета Джеймс Верч. — Мы за все время войны потеряли 291 557 человек — меньше, чем вы только в одной битве за Сталинград или в сражении на Курской дуге. И в историческом плане практически все серьезные исследователи

в США едины: ваша страна была главным действующим лицом и главной жертвой войны в Европе».

Наконец, фактор второй, и, пожалуй, более весомый: для Америки и ряда других стран Запада итоги войны были далеко не во всем утешительными. Успехи Красной армии способствовали распространению коммунизма в Европе и Азии. Великобритания, одна из союзниц США, потеряла 97 % своих колоний (некоторые из них, впрочем, американцам удалось прибрать к рукам экономическими методами, остальные же перешли в советский лагерь или присоединились к движению неприсоединения). Результатом этого и было начало «холодной войны». Излишне даже уточнять, кто был прежде всего заинтересован в этом...

На заре «холодной войны» в Великобритании, а затем и в Соединенных Штатах велась активная работа по созданию (а точнее — воссозданию) агентуры из числа прибалтийских националистов-эмигрантов, включая и довольно известных военных преступников. В годы «холодной войны» это было не удивительно. Запад не стеснялся использовать в своей борьбе против СССР бывших карателей, ранее сотрудничавших с гитлеровцами. «Пусть военные преступники, зато — антисоветчики!» — именно таким лозунгом руководствовались на Западе в те годы.

А выбор был широк — многие военные преступники, пользуясь начавшейся «холодной войной», в послевоенные годы поменяли хозяев и нашли прибежище в Соединенных Штатах, Великобритании, Канаде, Австралии, странах Южной Америки...

Статистические сведения об эмигрантах из республик Прибалтики (1939—1945 гг.)¹

Страны эмиграции	Латыши	Литовцы	Эстонцы	Все вместе
Германия / Австрия	28 127	11 057	7479	46 663
Великобритания	20 036	20 034	1019	50 089
Австралия	15 017	10 271	4524	29 812
Канада	6039	7679	4583	18 301
США	10 066	7779	4271	22 116
Швеция	3929	407	22 459	26 795
Всего, включая др. страны:	109 214	63 401	58 924	231 539

¹ Приводится по материалам Управления Уполномоченного СМ СССР по делам репарации на 1 января 1952 г.

Правда, вся эта агентура, которой отводилась роль «пятой колонны» в СССР, предпочла в основном остаться за границей, а ее роль ограничивалась в основном пропагандистской деятельностью. Многие из эмигрантов активно работали на западные спецслужбы, сотрудничали в «радиоголосах», несправительственных «правозащитных» и прочих организациях, раструбивших на весь мир миф о «советской оккупации» Прибалтики, которая была чуть ли не более кровавой, чем нацистская.

Фултонская речь Черчилля, знаменовавшая собой начало «холодной войны», резко оживила националистическое сопротивление в Прибалтике, и особенно в Литве. По словам Юстаса Палецкиса, тогдашнего главы Верховного совета Литвы, эта речь «отозвалась новыми потоками горячей крови, которой не жалели бывшие гитлеровские головорезы». «...Им казалось, что их мечты сбываются, что вот-вот десанты англо-американских или еще каких-нибудь войск высадятся в Клайпеде и вновь на чужих штыках, как в 1919 году, буржуазия сможет восстановить свое господство над литовским народом. ...Некоторые бандитские отряды носили имя Гитлера — теперь же появились отряды имени Черчилля».

Даже обосновавшийся после войны в Америке генерал Плехавичюс, некогда собиравшийся в конце 1944 года лично руководить антисоветским сопротивлением в Литве, после Фултонской речи будто бы воскликнул: «Наконец-то британский лев проснулся! Трижды ура Черчиллю! Теперь какю большевикам! Пусть мою бороду выдерут по волоску, если я к Новому году не буду в Литве!»

Но какой-то значимой помощи «националистическому сопротивлению» в странах Прибалтики, которое продолжалось еще чуть ли не до 1960-х годов, эмигрантские организации оказать не смогли.

Вся их «заслуга» фактически состояла в том, что они, как и в последние месяцы войны, еще при нацистах, пытались играть роль «правительств в изгнании» под покровительством США и Великобритании. Доходило до того, что страны Запада часто игнорировали подписанные ими же Ялтинские и Потсдамские соглашения, отказывая советским прибалтийским республикам в официальном признании.

Так, 1 февраля 1944 года Верховный Совет СССР в соответствии с Конституцией 1936 года предоставил 16-ти советским республикам право поддерживать дипломатические отношения с иностранными государствами (фактически этим правом пользовались только Украина, Белоруссия и прибалтийские республики). На основании этого права Украина и Белоруссия стали членами ООН, а министры иностранных дел трех прибалтийских республик в июле

1946 года были посланы на Парижскую мирную конференцию, в которой принимала участие 21 страна. «Но никто, за исключением представителей стран Восточноевропейского блока, не признал их как представителей прибалтийских правительств», как отмечает профессор Свабе.

«Американские спецслужбы немедленно подобрали тех, кто служил гитлеровцам на оккупированной территории СССР и успел унести ноги вместе с отступавшим вермахтом, — пишет советский историк-американист Н.Н. Яковлев. — О том, как сначала УСС, а затем ЦРУ пригревали и использовали матерых палачей и убийц, известно очень мало. По сей день это тайна за семью печатями».

По данным бывшего сотрудника министерства юстиции США Дж. Лофтуса, опубликованным в мае 1982 года, только из числа белорусских националистов, служивших в так называемой бригаде СС «Беларусь»¹, УСС сумело переправить в Соединенные Штаты около 300 человек (не считая их ближайших родственников). Что же касается прибалтийских коллаборационистов, то в течение только 1939—1945 годов из республик Прибалтики бежали в США 10 066 латышей, 7779 литовцев и 4271 эстонец (всего 22 116 человек). В Великобританию бежало около 20 тысяч латышей, в Германию и Австрию — примерно 28 тысяч, в Канаду — около 6 тысяч.

Не менее 15 тысяч латышских коллаборационистов осело в Австралии. В их числе — Карлис Озол, Конрад Калейс и другие. Быв-

¹ Ядром для этой бригады послужил 57-й белорусский полицейский батальон СС «Беларусь», сформированный из отрядов бывшей «белорусской самообороны», белорусских полицейских батальонов и русских военнопленных. В 1944 году батальон был преобразован в бригаду войск СС «Беларусь» под командованием подполковника полиции Зиглинга, а в августе 1944 года — в 30-ю гренадерскую дивизию войск СС (фигурировавшую в разных документах как «русская № 2» или «белорусская № 1») в составе 75-го, 76-го и 77-го гренадерских полков войск СС и 30-го артиллерийского полка войск СС. Тогда же в нее влились, например, 115-й и 118-й белорусские полицейские батальоны, находившиеся в то время во Франции. В декабре 30-я дивизия войск СС была расформирована, а ее части влились в состав 1-й и 2-й пехотных дивизий РОА-КОНР (Русской освободительной армии — Комитета освобождения народов России). В апреле 1945 года дивизия была переброшена в Италию, но участия в боях не принимала в связи с заключенным вскоре перемирием, поэтому вернулась на Западный фронт. См.: Loftus J. The "Belarus" Secret. New York: Knopf, 1982; Неотвратимое возмездие. / 2-е издание. М., 1979. С. 115—120, 184—192; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933 — 1945 / Пер. с нем. И.М. Глаголева, под ред. полк. П.М. Деревянко. Том III. Война на два фронта. М.: Воениздат, 1976; Матуковский И. Изуверы / Нацистских преступников — к ответу! М.: Политиздат, 1983. С. 115—117; Магян В., Чехонин Б. Пешки в грязной игре // Нацистских преступников — к ответу! М.: Политиздат, 1983. С. 118—123.

ций директор расформированного в 1992 году отдела специальных расследований (включая и подотдел по расследованию военных преступлений) Австралии Боб Гринвуд в одном из своих интервью раскрыл секрет, что в годы «холодной войны» многие бывшие нацистские преступники тесно сотрудничали со спецслужбами Великобритании, США и других западных стран, включая и Австралию. Многих из них в послевоенные годы завербовала Австралийская организация безопасности и разведки (Australian Security Intelligence Organisation, ASIO). «ASIO воспользовалось рядом услуг этих коллег, — заявил Гринвуд. — Я обнаружил отдельные материалы, которые убедили меня, что они (спецслужбы) использовали некоторых из них после их прибытия сюда. Но даже после распада Советского Союза и открытия архивов КГБ, где хранились материалы по делу Карлиса Озолса, правительство Австралии так и не признало, что все это время ASIO тесно сотрудничало с этим военным преступником».

Не случайно в начале 1950-х годов Сенат США решил пересмотреть свое отношение к прибалтийским легионам войск СС. Как говорилось в принятой резолюции, они «не способствовали национал-социализму» и «решения Нюрнбергского трибунала к ним не относятся». Это стало основанием для мифа, получившего распространение в 1990-е годы в независимой Латвии, в том числе и среди самих бывших легионеров.

В 1959 году Конгресс США принял резолюцию «О порабощенных народах», текст которой был целиком подготовлен эмигрантом д-ром Л. Е. Добрянским, доцентом Джорджтаунского университета. Даже Дж. Кеннан, убежденный антисоветчик, долгое время работавший в посольстве США в СССР, в своих мемуарах не мог скрыть негодования по этому поводу:

«В нашей стране есть шумные и влиятельные элементы, — пишет он, — которые не только хотят войны с Россией, но имеют ясное представление, ради чего ее нужно вести. Я имею в виду беглецов и иммигрантов, особенно недавних, из нерусских областей Советского Союза и некоторых восточноевропейских стран. Их идея, которой они страстно, а иногда беспощадно придерживаются, проста — Соединенные Штаты должны ради выгоды этих людей воевать с русским народом, дабы сокрушить традиционное Российское государство, а они установят свои режимы на различных «освобожденных» территориях...

...Представление о размерах их политического влияния дает тот факт, что в 1959 году они сумели прогашить в Конгрессе руками своих друзей так называемую резолюцию о «порабощенных

народах"... Резолюция обязывает Соединенные Штаты в рамках, посильных для Конгресса, "освободить" двадцать два "народа", два из которых вообще не существуют, а название одного, по-видимому, изобретено нацистской пропагандистской машиной во время прошлой войны... Невозможно представить худшее, чем хотели заставить нас сделать эти люди, — связать нас политически и в военном отношении не только против советского режима, но также против сильнейшего и самого многочисленного этнического элемента в традиционном Российском государстве. Это было бы безумием таких несслыханных масштабов, что при одной мысли об этом бледнеет как незначительный эпизод даже наша авантюра во Вьетнаме... Я имел кое-какое представление о границах нашей мощи и знал: то, что от нас требовали и ожидали, далеко выходит за эти границы».

Правда, Кеннан в своих мемуарах меняет местами основных действующих лиц. По его словам получается, будто именно иммигранты из числа бывших коллаборационистов манипулировали американским Конгрессом, тогда как на самом деле все обстояло совсем наоборот: американские спецслужбы, конгрессмены, само правительство использовали этих представителей «порабощенных народов» для проведения своей политики. Резолюция «О порабощенных народах» сама по себе не могла втянуть США в войну против Советского Союза (хотя планы ядерных ударов по СССР разрабатывались с конца 1940-х годов). Но упомянутая резолюция имела скорее пропагандистское значение, в том числе и на случай возможной войны, от идеи которой американские политики отказались только к началу 1960-х годов. И даже несмотря на это, она еще сыграла свою роль во время второго витка «холодной войны» в конце 1970-х — начале 1980-х годов, когда главным козырем США стали «права человека» в странах Восточной Европы.

Чтобы придать больше легитимности подобным «правительствам в изгнании», формально не признанным даже на Западе (так как положения Ялтинской и Потсдамской конференций пока еще никто не отменял), всевозможным антисоветским организациям из эмигрантов из республик Советского Союза и Восточной Европы, в Соединенных Штатах Америки и в Канаде был создан ряд организаций, таких как «Ассамблея порабощенных народов Европы», «Антибольшевистский блок наций» (АБН), «Всемирная антикоммунистическая лига» (ВАКЛ) и др.

Это, так сказать, международные антисоветские организации, которые в большинстве своем уже ушли в прошлое вместе с развалом крупнейшей коммунистической державы — Советского Союза.

Но вплоть до настоящего времени за рубежом, в том числе и в Соединенных Штатах Америки, существует немало эмигрантских организаций прибалтийских националистов.

Всего через несколько месяцев после того, как отгремели последние залпы войны, в лагере военнопленных Зедельгем в британской оккупационной зоне в Бельгии 28 декабря 1945 года бывшие солдаты и офицеры «Латышского легиона войск СС» создали свою организацию — «Даугавас Ванаги» («*Daugavas Vanagi*», что в переводе означает «Даугавские ястребы»). Заметим, что на тот момент в различных лагерях военнопленных на территории Западной Германии и западноевропейских стран находилось около 25 000 латышей, воевавших на стороне Гитлера. Из них около 12 000 содержались в одном только лагере Зедельгем.

Своей главной целью организация ставила оказание помощи бывшим солдатам «Латышского легиона» и их семьям. Руководящий состав «Даугавас Ванаги» первоначально составили бывшие легионеры. В 1946 году большинство из них были освобождены и переданы в так называемые «лагеря для перемещенных лиц». Тут «Даугавские ястребы» продолжили свою деятельность по объединению всех латышей, бежавших в конце войны в Германию и другие страны Европы, и по распространению своей идеологии. В дальнейшем организация при поддержке ЦРУ стала ставить перед собой более глобальные цели, такие как «сохранение латвийской нации», «борьба за защиту права латышей на свободу» и «вовлечение в эту борьбу молодого поколения латышей», чем «завоевала ненависть советских оккупантов», а также поддержку латышских студентов за рубежом, их трудоустройство, создание латышских школ, поддержку национальной культуры и спорта и т.п.

Здесь напрашивается параллель с организацией немцев ветеранов СС «ОДЕССА»¹, созданной в конце войны оберштурмбанфюрером СС Отто Скорцени. «Даугавас Ванаги» — как по своему составу, так и по своим целям — была латышским аналогом «ОДЕССЫ», призванным спасти человеческий потенциал СС после войны, помочь им уйти от возмездия и затеряться в новом послевоенном мире, чтобы продолжать проповедовать свою идеологию.

В конце концов, после освобождения из лагерей для перемещенных лиц, «даугавские ястребы» из бывших легионеров разлетелись по новым местам жительства по всему миру — в Англию,

¹ Аббревиатура от нем.: Organisation der ehemaligen SS-Angehörigen (Организация бывших членов СС), сокр. ODESSA.

Западную Европу, США, Канаду, Австралию, Южную Америку и другие части земного шара. И уже 6 января 1950 года в Соединенных Штатах, в самый разгар «холодной войны» и «охоты на ведьм», был основан первый центр «Даугавас Ванаги». За последние 55 лет он значительно разросся и сегодня насчитывает уже 22 центра и 3 секции в различных городах и штатах США. Правда, численность организации (а сегодня она составляет 2552 человека) несколько уменьшилась за это время, так как многие бывшие военные преступники умерли своей смертью в покое и достатке. Поэтому, из-за нехватки «кадров», в последние десятилетия руководящие посты среди «Даугавских ястребов» занимают в основном уже не бывшие легионеры, а латышские иммигранты, выросшие за границей и позже присоединившиеся к этой организации. Сегодня руководящий штаб «Даугавас Ванаги» в США состоит из семи отделов по направлениям деятельности (идеология, связи с общественностью и информация, женщины, культура, молодежь, соцобеспечение, спорт), каждый из которых состоит из 12-ти директоров. Председателем отделения «Даугавас Ванаги» в США с 1980 по 2000 год являлся Андрейс Спраниньш из Миннеаполиса, штат Миннесота. С 2000 года его сменил на этом посту Юрис Аугустс, проживающий в Индианаполисе, штат Индиана.

Благодаря усилиям «Даугавас Ванаги» избежали трибунала и нашли убежище в разных странах мира такие военные преступники, как Карлис Детлавс (возглавлявший ее отделение в г. Балтимор, США), Болеслав Майковскис (США), Герберт Цукурс (Аргентина), Конрад Калейс и Карлис Озолс (Австралия) и многие другие. Так, Карлис Озолс несколько лет был председателем Австралийского отделения «Даугавас Ванаги», которое в свои лучшие времена насчитывало 1200 человек. Между прочим, по мнению вице-президента Исполнительного совета Австралийской еврейской общины Джереми Джонса, в Австралии может скрываться в настоящее время еще около дюжины нацистских преступников.

«Даугавас Ванаги» тесно сотрудничает с другой латышской эмигрантской организацией в Соединенных Штатах Америки — «Американской латвийской ассоциацией» (АЛА) (American Latvian Association, ALA)¹. АЛА была создана 24 февраля 1951 года по инициативе бывшего посла Латвии в Вашингтоне Юлиуса Фельдманиса. Решение о создании такой организации было принято 15 апреля 1950 года на собрании представителей латышских общин в Нью-

¹ В русскоязычной литературе эта организация фигурирует еще как «Объединение латышей в Америке» (ОЛА).

Йорке, Бостоне, Филадельфии, Вашингтоне, Детройте и других городах. На нем были определены программные цели организации и ее структура. После этого активисты организовали несколько митингов (в частности, 24 мая в Филадельфии и 5 августа 1950 г. в Нью-Йорке). На них Юлиус Фельдманис провозгласил главной целью организации «борьбу за свободу Латвии». Благодаря этим стараниям в учредительном съезде 1951 года приняли участие 115 делегатов, всего же организация насчитывала 11 260 членов. Юлиус Фельдманис был избран первым президентом организации, и председателем совета директоров стал Петерис Лейпиньш.

«...Главным приоритетом организации, — заявил на съезде Петерис Лейпиньш, — являются, во-первых, координация работы различных местных организаций, во-вторых, по мере необходимости, выступления от имени всего латвийского сообщества и, наконец, выполнение таких задач, которые не под силу местным общинам».

«Американская латвийская ассоциация» также действует и по сей день, имея представителей во всех крупнейших городах США. Ее последний конгресс прошел в Сен-Пауле, штат Миннесота. Президентом АЛА и председателем комитета директоров (из 10 человек) является Мартинс Думс, вице-президентом — Юрис Мезинскис, секретарем — Фалдис Ронис, казначеем — Янис Граматиныш; другими членами совета директоров являются Инара Янсонс, Маркис Вольдиньш, Сарма Муйжнискс-Лиепиньш, Эрикс Круминьш, Висварис Гига, Вийя Вискне и Арвидс Блоднискс. С ней сотрудничает также ряд других эмигрантских латышских организаций, таких как «Комитет «Свобода Латвии», «Объединение латышских католиков в Америке» и др.

Эстонские националисты, бежавшие после войны в Америку, 19 июля 1952 года создали в Нью-Йорке свою эмигрантскую организацию — «Эстонско-Американский национальный совет» (ЭАНС) (*Estonian American Council, Inc., EANC*). Совет объединяет под своим патронажем несколько эстонских эмигрантских организаций в США и Канаде — «Эстонско-Американский фонд», «Эстонский культурный фонд», «Эстонский Республиканский клуб» и др. — и избирается каждые три года в составе 35 человек. Центральное бюро обычно состоит из 9—10 человек. Эта организация не столь одиозна, как латышская «Даугавас Ванаги», но ее цели примерно были теми же, что и у других прибалтийских эмигрантских организаций: добиваться свободы слова для эстонского народа, бороться за независимость Эстонии и «права человека». Как говорится на официальном сайте этой организации: «Центральная организация эстон-

цев американского происхождения была создана с началом “холодной войны” поскольку Соединенные Штаты Америки были лидером Свободного Мира. Соединенные Штаты никогда не признавали советскую аннексию Эстонии и ее прибалтийских соседей — Латвии и Литвы». Последнее утверждение, конечно, полный бред. США подписали Ялтинские соглашения, определившие послевоенные границы в Европе. И даже если после войны — например, в ходе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1970-е годы, — Соединенные Штаты фактически отказались от своих прежних обязательств, то это являлось грубейшим нарушением международного права.

В настоящее время председателем ЭАНС является Мати Койва, вице-президентами — Марью Ринк-Абель (казначей) и Илмар Вандерер (отвечающий за работу с молодежью и международное сотрудничество). Кроме них, в состав руководящего бюро ЭАНС входят еще 6 человек. После восстановления независимости Эстонии в 1991 году цели и задачи ЭАНС несколько поменялись. Теперь организация ставит своими целями при поддержке США помочь современной Эстонии сохранить суверенитет и стабильность, воссоздать «демократию», «Гражданское общество», «демократический институты» и т.п. Одновременно ЭАНС финансирует ряд образовательных программ, направленных на промывание мозгов молодому поколению эстонцев, и всячески поддерживает в этом США, помогая им привлекать европейскую молодежь в американские колледжи, молодежные лагеря, организации бой- и гёрлскаутов и другие организации и движения, проповедующие «американские ценности».

Представителем литовских националистов в Америке является организация «Литовско-Американское сообщество» (ЛАС) (*Lithuanian American Community, LAC*), образовавшаяся в 1951 году. Помимо поддержки различных программ в области политики, экономики, «прав человека», религии и культуры, ЛАС еще в начале 1950-х годов оказывал политическое покровительство множеству литовских эмигрантских организаций в США — вплоть до тех, кто открыто занимался координацией действий литовских повстанцев.

«Литовско-Американское сообщество» (во главе которого стоят сегодня Регина Нарушис, президент Национального совета директоров, и Вайва Вебра, президент Национального исполнительного комитета) не прекратило своей деятельности и после того, как Литва стала независимой. Изменились лишь цели и задачи организации. С начала 1990-х годов ЛАС поставила перед собой такие задачи, как «развитие демократии и свободной экономики в Литве»,

вхождение Литвы в НАТО, «демилитаризация Калининградской территории», а также информирование правительства, конгресса, правительственных учреждений, СМИ, фондов и заинтересованных частных лиц и организаций США о литовских делах.

В сфере экономики «Совет по экономическим делам ЛАС» занимается сегодня привлечением американских инвестиций в экономику Литвы, развитием бизнеса в Литве, а также развитием деловых контактов между литовскими и американскими компаниями через «Балтийско-Американский предпринимательский фонд» (Baltic American Enterprise Fund).

В религиозной и культурной сферах ЛАС ставит своей целью возрождение национальных традиций, спонсирование различных программ в области образования, культуры и религии, проведение культурных мероприятий и развитие связей между Литвой и США.

В «гуманитарной» сфере до 1990-х годов «Совет по гуманитарным делам ЛАС» занимался преимущественно «правозащитной» деятельностью. После 1991 года под крылом ЛАС было создано еще несколько благотворительных организаций и фондов, таких как, например, «Надежда для детей» или «Помощь сиротам». В их числе и «Литовский фонд борцов за свободу», который занимается оказанием материальной помощи литовским борцам за свободу престарелого возраста, пострадавшим от советской оккупации и преследования».

Сегодня главной неправительственной организацией прибалтийских эмигрантов в Америке является «Объединенный Балтийско-Американский национальный комитет» (ОБАНК) (Joint Baltic-American National Committee, Inc., сокр. JBANC), в который входят организации эстонских, латышских и литовских националистов в Соединенных Штатах, в частности, уже упомянутые «Эстонско-Американский национальный совет», «Американская латвийская ассоциация» и «Литовско-Американский комитет».

Примечательна сама эмблема этой организации — американский флаг «звезды и полосы», только цвет полос повторяет цвет флагов трех прибалтийских республик — Эстонии, Латвии и Литвы (синий, черный и белый; малиновый и белый, и желтый, зеленый и красный, соответственно). Уже сама эта эмблема говорит о многом...

Что же касается деятельности ОБАНК, то она регулярно издает свой бюллетень «JBANC Chronicle» и проводит конференции под названием «Baltic-American Political Activity: A Vision for the Future» («Балтийско-американская политическая деятельность: перспективы на будущее»), последняя из которых, 6-я по счету, проходила 3—5 марта 2005 года в Вашингтоне.

Еще одна подобная организация — «Балтийско-Американская лига свободы» (БАЛС) (Baltic-American Freedom League, BAFL), основанная в Лос-Анжелесе группой иммигрантов из Прибалтики в 1981 году, в самый разгар второго витка «холодной войны», ставила своей целью «поддержку борьбы прибалтийских народов за свою свободу и независимость от советской оккупации». В те годы она занималась лоббированием различных программ по «защите прав человека», борьбе с «религиозными преследованиями», «культурным геноцидом» и «этнической дискриминацией» в Прибалтике.

Как можно видеть на примере ОБАНК, со времен Фултонской речи Черчилля задачи эмигрантских лидеров «порабощенных народов» СССР и Восточной Европы несколько изменились. В духе общей политики Запада, их главным направлением стала уже не просто «борьба с кровавым большевизмом»... На это европейская и американская интеллигенция больше не покупалась, особенно после Вьетнама, — ей нужны были доказательства этой пресловутой «кровавости», а их не было. Поэтому теперь акцент делался на «правах человека». Для этого Запад весьма успешно использовал многие положения «Хельсинкского соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе». Напомним, что с 30 июля по 1 августа 1975 года в Хельсинки прошел 3-й, заключительный, этап Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) с участием 35 государств. Его завершением стало подписание Заключительного акта СБСЕ 1 августа 1975 года. В СССР и странах восточного блока предполагалось, что СБСЕ будет способствовать разрядке напряженности между двумя блоками, закреплению послевоенных границ и, тем самым, ликвидации опасности новых конфликтов. Но в ходе совещания в Хельсинки, как и в ходе последующих встреч в рамках СБСЕ (в Белграде в 1978 и в Мадриде в 1981 гг.), страны Запада сделали особый акцент на положениях о «правах человека», превратив их в ядро всего хельсинкского процесса и фактически главное условие продолжения разрядки. Они выдвинули на первый план повестки дня группу положений Заключительного акта о «Сотрудничестве в гуманитарных и других вопросах», подчеркнув, что для его успешной реализации необходимо «облегчение условий жизни людей» в союстравах. Как говорилось в решении Совета НАТО в Брюсселе от 30 мая 1975 года, «Союзники (по НАТО) сходятся на том, что если уж Советский Союз стремится заключить соглашение о системе безопасности в Европе, он должен заплатить за него. Это должно принять форму твердых и наглядных уступок Западу».

О каких правах человека для «порабощенных народов» Восточной Европы так заботились в Америке, честно и откровенно расска-

зал в своей книге бывший литовский диссидент Валдас Анелаускас, эмигрировавший из СССР как диссидент в 1989 году, ныне — один из 800 тысяч американцев литовского происхождения, интересы которых так самонадеянно пыгается представлять всему миру «Литовско-Американское сообщество»:

«...В 1998 году человечество отметило 50-ю годовщину Всеобщей Декларации Прав Человека. 10 декабря 1948 года Генеральная Ассамблея ООН приняла этот документ экстраординарной важности и тем самым двинулась к объявленной ООН в Хартии о Поощрении Международного Сотрудничества «цели защиты и уважения прав человека и фундаментальных свобод во всем мире». Всеобщая Декларация Прав Человека была первым соглашением в практике международных отношений, перечисляющим основные права и свободы, которыми должны пользоваться все люди. Она провозгласила право каждого на адекватный уровень жизни, достаточный для обеспечения здоровья и благосостояния, включая питание, одежду, жилье и медицинское обслуживание.

Соединенные Штаты наряду с другими странами подписали этот международный документ о правах человека, предусматривающий право на жизнь, работу, пособие по безработице, равные и благоприятные условия труда, социальное обеспечение, медицинское обслуживание, образование и политические права. Когда Соединенные Штаты Америки подписали Хартию Организации Объединенных Наций, постановления этой Хартии предположительно стали высшим законом страны. Американский Верховный Суд постановил, что международное право является «частью нашего закона и должно рассматриваться и регулироваться правосудием соответствующей юрисдикции в связи со всеми зависящими от него вопросам, должным образом представленным на рассмотрение».

...Пропагандистское манипулирование проблемами прав человека всегда было одной из неотъемлемых частей американской внешней политики. Американская пропаганда всегда была очень красноречива при обвинении других наций в нарушениях прав человека, но сами Соединенные Штаты нарушают права человека не меньше, чем другие репрессивные режимы. Отношение этой нации к своей бедноте является явной насмешкой над фундаментальными правами человека.

Живя в Советском Союзе, я открыто защищал права человека. Но надо сказать, что по крайней мере часть моих диссидентских действий в то время направлялась из-за границы, с другой стороны Атлантического океана. Отсюда, из Америки... В результате серьезных размышлений я понял, что очень часто просто был заложником аме-

риканского правительства в его далеко идущих планах в грязной игре холодной войны. Правительство Соединенных Штатов с помощью ЦРУ и других посредников вроде Радио “Свобода” / “Свободная Европа” убеждало нас, что все фундаментальные права человека серьезно нарушались советской системой. Это был род гипноза. В результате мы, горстка советских диссидентов, боролись против того, что иногда только казалось несправедливостью и нарушением наших прав. ЦРУ, без сомнения, было организатором и дирижером многих подобных действий. Они использовали нас в качестве авангарда в психологической войне против Советов.

Я не хочу сказать, что в Советском Союзе совсем не было нарушений прав человека. И, конечно, я не говорю о более раннем сталинском периоде советской истории. Я родился позднее и не застал его. Действительно, как я уже говорил, было много серьезных нарушений политических и гражданских прав граждан, таких как свобода слова или религии. Но всякий раз, когда Соединенные Штаты упоминали права человека в Советском Союзе, это всегда касалось только политических прав. В ходе холодной войны Соединенные Штаты навязывали мнение, что гражданские и политические права были единственными правами человека, и на этом основании громко заявляли об американском превосходстве.

Однако, по моему мнению, право иметь гарантированную работу, обеспечивающую нормальное проживание, право иметь бесплатное медицинское обслуживание в случае болезни, право на бесплатное образование, жилье, социальное обеспечение, гораздо важнее для огромного большинства людей, чем политические или культурные свободы. Большинство серьезно больных, несомненно, предпочло бы сперва обратиться к врачу, а не к священнику.

В современном мире реализация прав и возможностей в социально-экономической сфере определяет качество жизни граждан. Больше того, социально-экономические права формируют основу для всех других прав и свобод граждан. Без экономических и социальных прав гражданские и политические права лишены смысла. Политические права — это только жесты, если у людей нет права на гарантированную работу и, как следствие, на пропитание. Свобода высказать собственное мнение — слабое утешение голодному».

«Как написал уважаемый американский историк Стивен Ф. Коэн (Stephen F. Cohen) в 1989 году: “Понятие “права человека” включает в себя целый диапазон экономических и других проблем благосостояния, в которое Советский Союз в мировом масштабе сделал значительный вклад”. К сожалению, большинство граждан Советско-

го Союза воспринимало гарантированные права на работу, на образование, на медицинское обслуживание как элемент повседневной жизни и не подозревало, что они могут быть отняты.

С другой стороны, я могу засвидетельствовать, что права и свободы значительной части американского населения носят формальный и гипотетический характер. Множество основных социально-экономических элементов нормального человеческого существования совсем не гарантируется в Соединенных Штатах Америки. Право на экономику, которая поддерживала бы основные человеческие потребности, всегда игнорировалось в Соединенных Штатах наряду со всеми социальными правами. Как сказал в 1978 году Карел Васак (Karel Vasak), директор отдела Прав Человека и Мира в ЮНЕСКО: «Право на работу может значить не больше, чем возможность умереть с голоду, если государство не создаст условий для его реализации». Так обстоит дело со всеми основными правами человека в Соединенных Штатах».

...Сегодня на Западе, говоря о современной Прибалтике, редко вспоминают даже о тех политических правах, «этнической дискриминации» и тому подобном, о чем в прежние годы так много говорили радиоголоса «Свобода» и «Свободная Европа». Что уж говорить о социально-экономических правах человека, которых нет и в самих Соединенных Штатах!

После обретения независимости республиками Прибалтики БАЛС и подобные ей организации занимаются лоббированием экономической и военной помощи странам Балтии со стороны США (включая программы FMF¹ и IMET² по финансированию вооруженных сил прибалтийских государств американским Конгрессом в 2005—2006 гг.), добиваются вступления республик Прибалтики в НАТО, а также тесно сотрудничают с «закрытыми балтийскими комитетами» в Сенате и Конгрессе США по вопросам признания «незаконности советской оккупации прибалтийских стран» и т. п. (В частности, скандально известные резолюция Конгресса США № 128,

¹ Программа FMF (Foreign Military Funding) («Иностранное военное финансирование») предполагает дополнительное финансирование армий ряда иностранных государств из бюджета США с целью их реформирования и перевооружения в соответствии со стандартами НАТО. Так, на 2006 год власти США при активной поддержке БАЛС согласились выделить республикам Прибалтики на эти цели 15 млн долларов в рамках «Закона об ассигнованиях на иностранные операции».

² Программа IMET (International Military Education and Training) («Военная подготовка и обучение иностранцев») предполагает обучение офицерских кадров из республик Прибалтики в военных учебных заведениях США.

предложенная Джоном Шимкусом, и резолюция Сената США № 32, предложенная сенатором Гордоном Смитом, были разработаны и приняты при активной поддержке БАЛС.)

«Балтийско-Американская лига свободы, — говорится на официальном сайте БАЛС, — призывает Россию признать и взять ответственность за незаконную и насильственную оккупацию прибалтийских стран. Отказ от документов, подписанных двумя величайшими тиранами последнего века (имеются в виду пакты Гитлера — Сталина 1939 года “О ненападении” и “О дружбе и границе”. — *М.К.*), даст прибалтийским народам уверенность в том, что Россия порвала с экспансионистскими методами своего предшественника (Советского Союза. — *М.К.*) и продемонстрирует, что Россия готова относиться к республикам Прибалтики как к суверенным и независимым странам».

Как видно из приведенных документов, интересы этих организаций (как и правительства США!) незначительно изменились за последние годы, даже с развалом Советского Союза. Все они — «Даугавские ястребы», «Американская Латвийская ассоциация», «Эстонско-Американский национальный совет», «Литовско-Американский комитет», «Балтийско-Американская лига свободы» и другие — продолжают свою деятельность, направленную теперь в основном против современной России.

Соединенные Штаты и Евросоюз не заинтересованы в том, чтобы покончить с возрождением нацизма в республиках Прибалтики и расставить все точки над «і» в оценках Второй мировой войны.

Именно этим объясняется то, что в американских школьных учебниках Вторая мировая война ограничивается в основном действиями западных союзников в Северной Африке, Италии и, конечно же, разгромом Японии на Тихом океане.

«В свои школьные годы, лет эдак сорок назад, — вспоминает писатель и публицист Дэвид Саттер, работающий над книгой об исторической памяти американского и российского народов, — я про роль СССР во Второй мировой войне не знал вообще ничего. В тогдашних учебниках вклад вашей страны в разгром вермахта никак не был отражен. Бегло говорилось что-то про Восточный фронт (это для немцев он был Восточным!), про то, что СССР был нашим союзником, упоминались Сталинградская битва и освобождение Ленинграда. Вот и все...»

С тех пор учебники истории в США не слишком изменились. Сталинградской битве и боям в России в целом в 596-страничном учебнике для старшеклассников уделяется всего один абзац, в то время как гораздо больше места занимают главы об участии в войне ин-

действ. испаноязычных американцев и евреев или об интернировании американцев японского происхождения. Чему же удивляться, если Вторая мировая война для Соединенных Штатов началась с Перл-Харбора и заключалась в основном в войне на Тихом океане против Японии? Да и какое значение имеет для американцев победа Красной армии над гитлеровской Германией, если даже по мнению того же Дэвида Саттера в бывшем СССР уделяется «слишком много внимания Дню Победы, в ущерб другим вещам, например, признанию того, что коммунистический режим был преступным».

Конечно, если отклониться от темы, можно было бы много сказать о преступности «демократического» (именно в кавычках) режима в США, или в Великобритании, или во Франции, которые с 1945 года по настоящее время практически не вылезают из войн в самых разных уголках земного шара, достаточно удаленных от их собственных границ, не говоря уже о подавлении внутренних мятежей в этих странах и в их колониях. (Так, например, о масштабах мятежей в Лос-Анжелесе 1990-х гг. в нашей стране мало кто слышал, разве что некоторые отголоски, да и то благодаря фантастическому фильму «Хищник-II»! Ведь тогдашнему правящему в России режиму было важно подчеркнуть «благополучие» Соединенных Штатов как примера, на который нам предлагалось равняться!) Но это все это — тема для отдельной книги...

Изучая историю по подобным учебникам, не удивительно, что многие в Соединенных Штатах считают Советский Союз «поработителем» Прибалтики...

ГЛАВА 17

ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Перестройка и независимость

К 1987 году, когда Горбачев приказал КГБ освободить всех политзаключенных, их было в Советском Союзе лишь немногим более 300 человек. Все они обвинялись либо по 70-й статье УК СССР (антисоветская агитация и пропаганда), либо по 190-й (клеветнические измышления, направленные на ослабление советской власти). Содержались они в мордовском (женском) и в скальнинском лагерях, а также в Чистопольской тюрьме под Казанью. Наряду с политзаключенными там отбывали срок «валютчики», агенты зарубежных разведок и даже иностранные шпионы.

«Почти половину из них составляли украинские, армянские, грузинские и прибалтийские националисты, — вспоминает полковник Владимир Луценко, бывший в то время начальником спецподразделения 5-го управления КГБ СССР. — Эти действительно представляли угрозу. Не все, конечно, но многие. Потом они возглавили экстремистские националистические организации у себя на родине, взяли в руки оружие и натворили столько бед... А так называемых диссидентов были единицы».

Например, одной из 16-ти заключенных мордовского лагеря была эстонская националистка, госпожа Лагле Парек. После освобождения она стала министром внутренних дел независимой Эстонии, а после скандальной отставки в 1993 году подалась в настоятельница монастыря.

Перестройка в Прибалтике породила противоречивые настроения. С одной стороны, местная интеллигенция была воодушевлена происходившими во всем Союзе переменами и более чем когда-либо

была готова поддерживать партию и правительство. С другой стороны, вместе с критикой «тоталитаризма» и подъемом национального самосознания наметилась опасность национализма и сепаратизма. И освобожденные из заключения прибалтийские националисты, несмотря на свою немногочисленность, помогли радикализировать изначально благие устремления, направив их в русло сепаратизма и разжигания межнациональной розни.

В Литве националистические настроения стали особенно заметны к 1987 году, в самый разгар так называемой «перестройки». 16 февраля 1988 года в Вильнюсе впервые с 1940 года прошла демонстрация, посвященная Дню независимости Литвы. Напомним, что в этот день в 1918 году «Литовская тариба» — с ведома германских оккупационных властей — приняла акт «О независимости Литвы», за которым последовало провозглашение монархии во главе с принцем Вильгельмом фон Урахом графом Вюртембергским. Но в «перестроечном» угаре никто, видимо, и не вспомнил об истории этой даты.

Несколькими месяцами позже, 3 июня 1988 года, на собрании в здании литовской Академии наук (кстати, созданной при советской власти) представители литовской интеллигенции — как коммунисты, так и беспартийные — образовали «инициативную группу» в поддержку горбачевской программы «гласности». Вскоре эта группа стала известна как «Литовское движение возрождения» или «Саюдис» (лит. «Движение»).

«Саюдис» провозгласил своими главными задачами обнародование правды о сталинском режиме, публикацию секретных протоколов к «пактам Молотова — Риббентропа», а также защиту окружающей среды (в частности, прекращение строительства третьего атомного реактора на Игналинской АЭС).

Буквально за несколько дней «Саюдис» превратился в главную оппозиционную силу в республике. Даже представители Литовской компартии скоро стали считать своей обязанностью присутствовать на собраниях и митингах «Саюдиса». Пример подал 24 июня 1988 года Альгирдас Бразаускас, являвшийся в то время секретарем ЦК Компартии Литвы по вопросам промышленности.

В октябре 1988 года Бразаускас был назначен 1-м секретарем ЦК Компартии Литовской ССР. Пользуясь его благосклонностью, «Саюдис» в том же месяце (22—23 октября) провел учредительный съезд в Вильнюсе, окончательно оформившись как политическая партия. Приветственную телеграмму съезду прислал член Президиума ЦК КПСС А. Яковлев, упорно поддерживавший все националистические движения в республиках Прибалтики.

Председателем «Саюдиса» был избран мало кому известный музыковед, доцент Вильнюсской государственной консерватории Витаутас Ландсбергис, преподававший там марксистско-ленинскую эстетику.

Его отцом был тот самый граф В. Ландсбергис-Жямкальнис, профессор архитектуры, который летом 1941 года в течение сорока дней занимал пост министра коммунального хозяйства во временном правительстве «Фронта литовских активистов». И хотя немцы разогнали «правительство» ФЛА уже в начале августа 1941 года, граф Ландсбергис-старший за это время успел накопить небольшой капитал за счет ценностей и имущества казенных евреев. Этого хватило на то, чтобы эмигрировать в Австралию, открыть там свое дело и значительно умножить свое состояние. После провозглашения независимости в 1991 году, в самый разгар так называемой реприватизации, Ландсбергис-старший вернулся в Литву и получил назад свой бывший дом в Кочергине под Каунасом, национализированный советской властью после войны. Новое правительство неизвестно за что присвоило ему звание «заслуженного архитектора Литвы», хотя едва ли он построил хоть что-то на своей родине.

В октябре 1988 года на пост председателя «Саюдиса» были и другие кандидатуры — например, писатель В. Петкявичюс, философ Ю. Юзопайтис и другие. Но сами же власти Литовской ССР упорно проталкивали на председательское кресло Ландсбергиса младшего. В. Петкявичюс впоследствии рассказал, что Ландсбергиса активно поддерживали секретарь Компартии Литвы Л. Шлепетис, председатель КГБ Литовской ССР генерал Э. Эйсмунгас, министр внутренних дел Литвы С. Лисаускас и другие. Они беседовали с каждым из претендентов на пост председателя, убеждая их отказаться в пользу Ландсбергиса. Недовольные этой закулисной игрой, многие члены Совета «Саюдиса» не явились на собрание, посвященное выборам председателя. Из 35 членов пришло только 16. Из этих 16-ти за кандидатуру Ландсбергиса проголосовали только 9 человек. (Любопытно, что сам Ландсбергис тоже отсутствовал, что не помешало его избранию!) Заместителем председателя был избран литератор-переводчик В. Чапайтис. В знак протеста Петкявичюс и некоторые другие покинули собрание, а вскоре были отстранены и от руководства.

Восшествие «Саюдиса» к власти было настолько стремительным, что создавалось впечатление, что его специально проталкивают туда некие силы — начиная с А. Бразаускаса и заканчивая В. Бакатиным и А. Яковлевым. Начали поговаривать, что в Литве наступило двоевластие. На вопрос газеты «Аргументы и факты», почему в Литве

перестройкой руководит «Саюдис», а не компартия, глава республики Бразаускас ответил: «Саюдис выражает интересы народа, в том числе и коммунистов». Складывалось впечатление, что Бразаускас сам жаждет передать власть Ландсбергису, который все больше стремился стать во главе Литвы.

В марте — мае 1989 года, в ходе выборов в Совет народных депутатов СССР, от Компартии Литвы прошли только Альгирдас Бразаускас и Владимирас Березовас (да и то только потому, что «Саюдис» не протестовал против их кандидатур, так как они всячески поддерживали его). Все остальные литовские депутаты были избраны от «Саюдиса». С этого времени Бразаускас выполнял все требования «Саюдиса» и не противился, когда в мае того же года парламент Литвы принял декларацию о суверенитете (что, впрочем, еще не означало независимости) и объявил незаконной «советскую оккупацию Литвы».

В марте 1990 года в Литве прошли выборы в Верховный совет республики. Но даже отделение Компартии Литвы от КПСС (в декабре 1989 г.) не помогло ей одержать победу. Она получила голку 23 депутатских места из 141, остальные достались депутатам от «Саюдиса» и независимым кандидатам. 11 марта 1990 года новый парламент избрал своим председателем президиума Ландсбергиса. Бразаускас был вынужден сложить полномочия. В тот же день парламент Литвы принял Декларацию о независимости.

В ответ правительство СССР начало экономическую блокаду Литвы (дескать, провозгласили суверенитет — вот и получайте!). Президент М. Горбачев и премьер-министр Н. Рыжков выступили с заявлением, в котором говорилось:

«Искусственно и противоправно созданная руководством Литовской ССР проблема положения республики в союзном государстве все более затягивается в тугой узел, приобретает характер политического тупика...

Несмотря на то что со стороны высших органов государственной власти СССР были предприняты конструктивные и взвешенные меры, способные вывести проблему укрепления суверенитета Литовской ССР в конституционное русло, руководство республики принимает все новые законодательные акты и решения, которые противопоставляют Литовскую ССР другим республикам и Советскому Союзу в целом. Так, 5 апреля принят закон «Об удостоверении гражданина Литовской республики», дискриминирующий советских граждан, желающих жить и работать в соответствии с конституционным порядком и законами СССР. Грубейшим нарушением Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» яв-

ляется решение Верховного Совета Литовской ССР о прекращении в республике деятельности по осуществлению весеннего призыва граждан на действительную военную службу. Вопреки постановлению Совета Министров СССР "О мерах по защите собственности КПСС на территории Литовской ССР" республиканские власти предпринимают противозаконные попытки захвата этой собственности.

Подобные действия, перечень которых можно было бы продолжить, не могут быть далее терпимы...

Со стороны других союзных республик правомерно ставится вопрос — почему они должны по-прежнему в ущерб своим нуждам поставлять в Литву продукцию, в то время как ее руководящие органы продолжают антиконституционные действия, пренебрегают законными интересами единого народнохозяйственного комплекса и граждан страны (Курсив наш. — М. К.).

В создавшейся обстановке мы вынуждены сделать следующее предупреждение:

Если в течение двух дней Верховный Совет и Совет Министров Литовской ССР не отменят свои вышеназванные решения, то будут даны указания о прекращении поставок в Литовскую ССР из других союзных республик тех видов продукции, которые реализуются на внешнем рынке на свободно конвертируемую валюту...

Несмотря на этот ультиматум Москвы, в мае того же года парламент Литвы принял Декларацию о независимости. В результате блокада на поставки в Литву некоторых видов продукции продлилась 3 месяца, пока в июне 1990 года Верховный совет Литвы не согласился ввести 6-месячный мораторий на декларацию о независимости. Но всем было ясно, что это лишь временный компромисс.

По инициативе В. Бакатина, возглавлявшего в то время МВД СССР, «добровольцы Саюдиса» получили стрелковое оружие, автотранспорт, помещения из ведомства КГБ, а для их подготовки открыли в Литве военную академию. Из них были сформированы отряды боевиков так называемого Госдепартамента охраны края — что-то вроде аналога МВД или КГБ при правительстве Ландсбергиса. Создав вооруженные отряды «добровольцев», Ландсбергис заявил, что «между Литвой и Советским Союзом — состояние войны».

В Литве к тому времени «двоевластие» было налицо — с одной стороны, националистическое правительство Ландсбергиса, стремившееся к независимости, с другой — ЦК Компартии Литвы, все еще сохранявший в своих руках значительный резерв власти. 22 ноября 1990 года двое секретарей ЦК КПЛ обнародовали по централь-

ному телевидению «приказ 009А Департамента охраны края», который якобы предполагал арест ряда членов Компартии Литвы, создание тайных тюрем, создание спецбригад для обезвреживания инакомыслящих, подкуп Госавтоинспекции, дискриминацию военных и КГБ и другие меры.

Кризис разразился в январе 1991 года. 8 января в Вильнюс прибыли подразделения воздушно-десантных войск (находившиеся в непосредственном подчинении командующего ВДВ СССР), чтобы обеспечить проведение весеннего призыва в ряды Советской армии. В тот же день перед зданием парламента Литвы прошла манифестация рабочих, протестовавших против повышения цен и требовавших отставки правительства. И хотя «саюдисты» пытались объяснить недовольство рабочих «происками КГБ», премьер-министр Литвы Казимира Прунскене была вынуждена объявить об отставке кабинета министров.

Депутаты литовского парламента от «Саюдиса» во главе с Витасом Ландсбергисом тут же поняли, что речь идет не только о проведении весеннего призыва, но и об их власти в республике. Они забаррикадировались в здании парламента. И действительно, вслед за вводом танков в Вильнюс последовал ультиматум Горбачева: правительство Литвы должно отказаться от провозглашенной год назад независимости.

Ландсбергис в панике призвал по телевидению людей защитить его (и парламент тоже). 11 января созданный в эти дни «Конгресс демократических сил» Литвы направил в Верховный Совет республики «Ультиматум трудовых коллективов и демократических сил», в котором высказывалось требование принять требование Москвы и восстановить действие Конституции Литовской ССР и СССР на территории республики. Вечером следующего дня у здания парламента по призыву Ландсбергиса собралось около 30 тысяч человек, которые вытеснили с площади пикетчиков, требовавших отставки «саюдистского» Верховного Совета. Среди этих пикетчиков были и представители рабочих коллективов Вильнюса (от 80 до 100 человек), которые пытались обратиться к Верховному Совету республики с петицией, требовавшей его отставки, но были избиты «саюдистами»¹.

После этого на политической сцене появился «Комитет национального спасения Литвы», который, в свою очередь, обратился к

¹ Комсомольская правда. 30 января 1991. С. 2. Согласно комментарию министра внутренних дел СССР Б. Пуго, «саюдисты» избili металлическими прутьями 76 человек. См.: Комсомольская правда. 15 января 1991. С. 1.

работникам литовского радио и телевидения с предложением о прекращении накаливании обстановки в эфире. Но и это обращение также было отвергнуто. В этой ситуации «Комитет национального спасения» (за которым, как и за «Конгрессом демократических сил», стоял ЦК Компартии Литвы) решил прибегнуть к силовым мерам и занять здание Гостелерадио Литовской ССР, телебашню и телеграф. Для этого КНС обратился «к рабочим дружинам г. Вильнюса», а для защиты последних — к начальнику Вильнюсского гарнизона генерал-майору Усхопчику. Впрочем, как выяснилось позднее, ядро рабочих дружин тоже составили военные — преподаватели местного военного училища и офицеры запаса. Поддержку им оказывало 7-е управление КГБ по борьбе с терроризмом, а автобусы предоставили хозяйственная служба ЦК КПЛ и Института политологии (бывшей Высшей партшколы). В дело были вовлечены и подразделения ВДВ — незадолго до событий 13 января в Вильнюсе побывал бывший командующий ВДВ, заместитель министра обороны СССР Ачалов.

Националисты готовились к штурму парламента, но неожиданно для них войска начала со штурма телецентра, радио и телеграфа. В 1 час 30 минут пополуночи 13 января подразделения Вильнюсского гарнизона, ВДВ и КГБ при поддержке десяти танков окружили здание вильнюсского телецентра и телебашню. Начался штурм здания, которое обороняли боевики «Департамента охраны края». В 2 часа ночи танки начали обстрел здания холостыми снарядами, а еще десять минут спустя десантники захватили телецентр. Как раз незадолго до того журналистка зачитала обращение Ельцина, в котором тот заявлял, что «ситуация в Прибалтике инспирирована не только внутренними проблемами, но и действиями союзного руководства». Последней фразой диктора было «Они уже стучат в дверь», после чего можно было видеть, как десантники ворвались в телестудию. После этого вещание прервалось, а через несколько минут вместо него началась трансляция советского центрального телевидения.

В 2 часа 17 минут прекратилась трансляция литовского радио, а в 2 часа 35 минут войска захватили вильнюсский телеграф. После этого дошла очередь и до парламента: здание Верховного Совета Литвы окружили семь танков, за которыми следовали машины с бойцами «Интерфронта» (рабочими дружинами).

В те минуты, когда уже шел штурм телецентра, Ландсбергису все же удалось обратиться к народу из аварийной телестудии, расположенной прямо в здании парламента. «...Очевидно, скоро лишимся радио и телевидения. Это в нашей ситуации большая потеря, но это

еще не все. Может быть, на этом они и остановятся, может быть, будут захватывать каждый день по какому-нибудь объекту... Будьте сдержанны, спокойны. Знайте, что они не правы. Могут действовать только насильем, а времена насилия не могут длиться вечно». В результате у здания парламента собралось около 20 тысяч человек. Еще 800 человек заняли оборону в самом здании парламента. На площади перед парламентом были сооружены импровизированные заграждения. Видимо, именно поэтому войскам так и не удалось занять парламент в ближайшие часы — танки были скоро заблокированы толпой людей.

Всего в ходе событий 13 января 1991 года в Вильнюсе погибло 13 человек (в их числе был и офицер 7-го управления КГБ Виктор Шатских, убитый боевиками «Департамента охраны края» во время штурма телецентра). Ранено было 144 человека (по официальным данным)¹, хотя некоторые считают, что раненых было значительно больше — до 600 человек, поскольку не все решались обращаться в больницы из страха перед «мстостью Москвы».

Осада литовского парламента продолжалась до тех пор, пока не вмешались Соединенные Штаты и их союзники по НАТО (в те дни они были слишком заняты войной в Персидском заливе). Сенат Конгресса США принял резолюцию с призывом к президенту СССР «воздерживаться от дальнейшего применения силы против демократически избранных правительств Литвы, Латвии и Эстонии». «Такая тактика принуждения, — говорилось в резолюции, — неприемлема в сообществе демократических стран и особенно в то время, когда мир объединен в оппозиции насильственной аннексии другой несобственной страны, Кувейт, его жестоким соседом Ираком». Ну, разумеется, самих Соединенных Штатов этот призыв не касался — их «тактика принуждения» была направлена на благородные цели, пусть даже Ирак находился в другом полушарии земли!

К призыву США присоединились все прозападные силы в Москве — Ельцин, Яковлев, Бакатин, Новодворская, Попов, Станкевич, Гдлян и другие. Недавно избранный председателем Президиума Верховного Совета РСФСР Ельцин осудил действия советского правительства, подчеркнув «недопустимость применения армии против мирных граждан прибалтийских республик». Берите пример с Америки, господа! — заявляли «демократы». Трагическая ирония судь-

¹ Комсомольская правда. 15 января 1991. С. 1; Комсомольская правда. 30 января 1991. С. 2. В более некоторых поздних публикациях упоминаются цифры в 15 погибших и 174 раненых. См.: Schmidt V. Blutiger Sonntag. Wie die Litauer ihre Freiheit ertrugen // Moskauer Deutsche Zeitung. Nr. 1 (176), Januar 2006. S. 8.

бы: бакатинский МВД помог «Саюдису» прийти к власти¹, а МВД во главе с Борисом Пуго попытался исправить эту ошибку 13 января 1991 года.

Причины вильнюсских событий достаточно неоднозначны и тесно переплетены с событиями во всем Советском Союзе эпохи «перестройки». Но даже «Комсомольская правда», к тому времени занимавшая уже откровенно антисоветские позиции, признает, что в числе этих причин были «беспомощная политика литовского парламента, ухитрившегося без всякой государственной мудрости возмутить разум военных, членов компартии, рабочих, русскоязычных граждан своими непростительно односторонними решениями, кадровыми метаниями, “уводом” с политической арены Прунскене и Бразаускаса».

В феврале — марте 1991 года во всех трех республиках Прибалтики прошли референдумы по вопросу о независимости, и большинство населения высказалось за отделение от Советского Союза. Вопрос о независимости Литвы решился сам собой после неудавшегося августовского путча 1991 года в Москве. Теперь ничто не мешало Декларации о независимости вступить в силу. 6 сентября 1991 года Советский Союз признал независимость Литвы. Кстати говоря, через несколько лет после провозглашения независимости в Литве произошла череда скандалов по поводу того, что тот или другой из лидеров «Саюдиса» был агентом КГБ. Первым «попался» В. Чапайтис, правая рука Ландсбергиса и признанный лидер правых, затем настала очередь экс-премьера К. Прунскене, министра Л. Андрикене, академика Я. Минкявичюса и самого Ландсбергиса (в конце концов тот сам признал это в своих мемуарах «Перелом над Балтией»).

Националистическое движение в Латвии возникло на основе нескольких групп, образовавшихся еще в 1976 году, вскоре после подписания в Хельсинки Заключительного акта по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 года. Главной движущей силой этих выступлений, как и в России, была интеллигенция.

Так, одна из националистических групп, появившихся в 1976 году, первоначально ставила своими целями возрождение на-

¹ Рабочие Вильнюса еще 29 ноября 1990 года требовали отставки Бакатина как одного из главных лоббистов сепаратизма. «Может ли быть в составе Президиума совета человек, чья деятельность не представляет деструктивным силам в Прибалтике, а значит, и во всей стране?» — писали рабочие Вильнюсского завода радиоизмерительных приборов. В. Бакатин был снят с поста министра внутренних дел указом президента Горбачева 1 декабря 1990 года. Вместо него начальником МВД был назначен латыш Борис Пуго. См.: Комсомольская правда. 15 января 1991. С. 1.

циональной культуры и народных традиций Латвии. Впоследствии она стала называть себя «Хельсинки-86» и филиалом «Международной хельсинкской федерации по правам человека» (*International Helsinki Federation for Human Rights*), базирующейся в Великобритании.

Другая — «Клуб защиты природы» — сначала выступала за охрану природы, а также восстановление старинных церквей и памятников. Эта, казалось бы, совершенно неполигическая группа в годы перестройки превратилась в радикальное «Латвийское национальное движение за независимость».

Несколько молодых богословов латвийской Евангелической лютеранской церкви организовали группу «Возрождение и Обновление» (*Atdzimsana un Atjaunosana*), которая пыталась использовать свою паству и церковную иерархию в борьбе за независимость. Несмотря на свою немногочисленность, она показала себя одной из самых деятельных группировок. Впоследствии некоторые ее бывшие члены на съезде 8—9 октября 1988 года образовали «Латвийский народный фронт» (ЛНФ) (*Latvijas Tautas Fronte, LTF*).

14 июня 1987 года группа «Хельсинки-86» организовала в Риге первую демонстрацию с требованием независимости, и с этого времени «правозащитники», действовавшие под крылом «Международной хельсинкской федерации по правам человека» не переставали добиваться независимости и отделения Латвии от Советского Союза. В течение того же года по инициативе этой же группы был организован ряд других демонстраций — например, против строительства Даугавской ГЭС. (Один из главных инициаторов этой кампании, журналист Дайнис Иванс, был позднее избран председателем ЛНФ.)

Эти центробежные тенденции вызывали опасения у многих здравомыслящих людей, в том числе и в самих прибалтийских республиках. Но тогдашний секретарь Политбюро ЦК КПСС, отвечавший за идеологию, А. Яковлев во время своего пребывания в Риге в 1988 году назвал такое отношение к первым росткам национализма «аморальным». Некоторых это успокоило. Но национализму в Латвии был дан «зеленый свет»...

В результате к 1989 году «Латвийский народный фронт» стал ведущей оппозиционной силой в республике, насчитывая более 100 тысяч активных членов и имея отделения во всех латвийских городах. Фактически, как и «Саюдис» в Литве, он стал вторым правительством Латвии. 27 июля 1989 года, под давлением ЛНФ, Верховный Совет Латвии принял Декларацию об экономической независимости. Новый парламент Латвии, избранный в марте — апреле

1990 года, уже на две трети состоял из членов ЛНФ. Согласно Конституции Советского Союза, этого числа голосов было достаточно для провозглашения независимости республики. И 4 мая того же года новый парламент принял Декларацию о «демократической и независимой Латвии». Декларация была принята 138 голосами из 201 (только партия «Равноправие», представлявшая русскоязычное население Латвии, бойкотировала это решение). Одновременно были восстановлены некоторые положения Конституции от 15 февраля 1922 года — в том числе о независимости и о создании Сейма вместо Верховного Совета и т.п. В духе новой идеологии, в Латвии началось прославление бывших легионеров и полицаяев, восставших «за независимость» Латвии на стороне Гитлера, сооружение памятников в честь таких «героев».

30 июля 1990 года председатель Совета министров Латвийской ССР Иварс Годманис и министр иностранных дел Янис Юрканс прибыли с частным визитом в Вашингтон, чтобы заручиться поддержкой Дж. Буша (старшего) в своем стремлении к отделению от Советского Союза. Годманис прямо признал в беседе с журналистами, что его политика как главы Латвийской ССР преследует цель «мирного и постепенного перехода к независимой рыночной экономике и политическому суверенитету».

«Мы хотим полностью восстановить нашу независимость», сказал Годманис, правда, уточнив при этом, что «обретение независимости будет постепенным процессом, так как потребует определенного времени».

В связи с этим Годманис и Юрканс выразили пожелание, чтобы США создали свой информационный центр в Риге (видимо, для идеологической обработки латышского народа в духе д-ра Мяэ), оказали экономическую поддержку частному сектору в Латвии (иначе где же тот пресловутый «средний класс», который будет поддерживать прозападную политику?), содействовали американским капиталовложениям в экономику Латвии и помогли в подготовке специалистов по политологии, экономике и международному праву.

Отношения Латвийской ССР с Москвой все более обострялись и достигли кризисной точки к концу 1990 года. 27 ноября 1990 года министр обороны СССР Д. Язов выступил по центральному телевидению с заявлением, в котором, в частности, сказал, что командующим военных округов отдан приказ «решительно противодействовать сооружению памятников и других форм прославления фашистов и их наймитов, ликвидировать уже имеющиеся символы такого рода».

И военные исполнили приказ. 5 декабря 1990 года в четырех поселках Латвии прогремело четыре взрыва, уничтожившие памятники латышским легионерам СС. В ответ в течение 12 дней, с 12 по 24 декабря, националисты устроили ряд терактов — но не столько против памятников, сколько против зданий и людей, находившихся там. Было взорвано восемь бомб, в том числе рядом со зданиями Общественно-политического центра ЦК Компартии Латвии, зданий нескольких райкомов, на территории высшего военного училища, военной комендатуры и республиканского КГБ, а также у памятника Ленину. Еще четыре взрыва прогремели в Риге в ночь с 26 на 27 декабря 1990 года.

Это вызвало ответные действия военных и КГБ. 2 января 1991 года автоматчики внутренних войск МВД СССР по просьбе ЦК Компартии Латвии заняли Дом печати в Риге. 13 января 1991 года произошли уже описанные выше события в Вильнюсе. Это стало детонатором, как для сторонников независимости, так и для ее противников.

На следующий день, 14 января, несколько сотен человек собрались в центре Риги, чтобы защитить правительство «Латвийского народного фронта» от возможных атак ОМОНа. Ромуальдас Разукас, тогдашний председатель фронта, призвал людей строить баррикады. Вскоре в Риге собралась 700-тысячная демонстрация под красно-белыми национальными флагами. Помня опыт Вильнюса, в первую очередь под защиту были взяты телецентр и радиостанция. Вход в здание радиостанции был загорожен колючей проволокой. Перед зданиями парламента и МВД были выставлены посты и возведены баррикады из поваленных деревьев, перевернутых грузовиков и тракторов. На подоконниках здания Верховного совета Латвийской ССР были установлены громкоговорители, по которым транслировались заседания парламента. Депутаты парламента ночевали прямо в здании. Рижский кафедральный собор был на всякий случай приспособлен под лазарет. Националисты заранее готовились к вооруженной борьбе.

И, что удивительно, несколькими днями позже рижский ОМОН действительно предпринял попытку переворота. 20 января группа из 40 военнослужащих Рижского ОМОНа в зеленой камуфлированной форме и черных беретах начали штурм здания МВД Латвии в Риге. В воздух взлетела сигнальная ракета, после чего начался обстрел здания. Охранявшие здание 8 милиционеров открыли ответный огонь. В ходе перестрелки погибло 5 человек, еще несколько было ранено (в том числе один из милиционеров, охранявших здание МВД).

Латышские милиционеры не смогли бы продержаться долго против превосходящих сил омонцев, но тут на помощь националистам неожиданно пришли советские войска. «Почему, мы до сих пор не знаем точно, — рассказал впоследствии один из милиционеров, оборонявших здание МВД, Ренарс Залайс. — Очевидно, Горбачев знал, что иначе могла бы произойти огромная резня».

Так Латвия сохранила свою независимость, которая была официально провозглашена летом 1991 года. События августа 1991 года положили конец всяким надеждам на то, что республики Прибалтики останутся в составе Советского Союза. 21 августа 1991 года Верховный Совет Латвии уже во второй раз принял Декларацию о независимости, и в сентябре того же года правительство разваливающегося Советского Союза признало ее перед лицом ООН.

Эстония была единственной из трех республик Прибалтики, где провозглашение независимости прошло более или менее мирно.

Как и в остальных республиках Советского Союза, не исключая и Россию, зачинателями центробежного процесса здесь стали «правозащитники» и «природозащитники». В 1987 году последние организовали ряд выступлений против проекта строительства промышленного комплекса по добыче и переработке фосфора, который, по их мнению, мог нанести вред окружающей среде. Поскольку само предложение о создании комплекса исходило из Москвы, это стало поводом для того, чтобы перейти к экономическим требованиям: в следующем году четверо эстонских либералов выдвинули план экономической автономии Эстонии. В апреле 1988 года был создан «**Эстонский народный фронт**», ставший главной политической силой сторонников независимости. Смена 1-го секретаря ЦК Компартии Эстонии Карла Вайно в июне того же года дала оппозиции новые возможности. На смену ему пришел его сын Вельяс Вайно.

К концу 1989 года процесс развала Советского Союза стал необратимым. В ответ на попытку Горбачева усилить власть Москвы в союзных республиках, внося изменения в Конституцию СССР, эстонский Верховный Совет 16 ноября 1989 года напомнил о праве республик на самоопределение. Но в отличие от своих коллег из Литвы и Латвии эстонские парламентарии пока еще хранили относительную лояльность: вместо провозглашения независимости они лишь предложили заключить новый союзный договор, который предусматривал бы более широкую автономию для союзных республик.

Сторонники независимости в своей борьбе против Москвы сделали своим козырем «пакт Молотова — Риббентропа», позволив-

ший Советскому Союзу «оккупировать» Прибалтику. В условиях гласности, когда на людей обрушилась лавина разоблачений культуры личности и сталинских репрессий, народ Советского Союза готов был верить всему. В среде интеллигенции, как российской, так и эстонской, латышской или литовской, было модно «разоблачать» КПСС и советский строй, цитировать ту причудливую смесь запоздалой правды и откровенной лжи, которая хлынула со страниц «Огонька», «Литературной газеты», «Комсомольской правды» и других изданий. Поэтому все утверждения о том, что именно «пакт Молотова — Риббентропа» сделал возможной «советскую оккупацию», принимались на веру. Даже когда пресловутые секретные протоколы к советско-германским договорам 1939 года были опубликованы, никто не пытался публично анализировать их содержание в контексте других документов и событий той предвоенной эпохи.

В знак протеста против «советской оккупации» эстонские националисты 23 августа 1989 года — в 50-ю годовщину заключения советско-германского договора о ненападении — призвали поборников независимости объединиться и организовать 600-километровый «живой мост» между тремя прибалтийскими республиками, от Таллина до Вильнюса. По некоторым данным, в этом шоу приняли участие около двух миллионов эстонцев, латышей и литовцев.

Сторонники сохранения Союза ответили на это своими манифестациями, хотя и не такими массовыми. Члены просоветского Международного рабочего движения (Интердвижения) организовали в Таллине и в Северо-Восточной Эстонии ряд митингов протеста против нового избирательного законодательства Эстонии и Закона о языке. Опасаясь более жестких действий со стороны Москвы, Эстонский народный фронт на время приостановил свою деятельность, отменив намеченные на начало сентября 1989 года съезд и музыкальный фестиваль.

Но уже в октябре того же года Эстонский народный фронт в связи с предстоящими выборами в региональные органы власти возобновил свою деятельность, открыто начав кампанию за независимость Эстонии. На политическом горизонте появился более радикальный конкурент — «**Эстонский гражданский комитет**», который еще раньше стал выступать с призывами к восстановлению независимости. Члены Эстонского гражданского комитета заявляли, что Эстония якобы была незаконно оккупирована Советским Союзом, а Эстонская ССР не была признана мировым сообществом, и поэтому бывшая Эстонская республика с юридической точки зрения якобы остается суверенным государством.

В рамках своей кампании за независимость Эстонский гражданский комитет организовал регистрацию «всех граждан довоенной Эстонской республики и их потомков», которая продолжалась целый год. Таким образом, из примерно одного миллиона граждан довоенной Эстонии было зарегистрировано около 700 тысяч. По мнению Эстонского гражданского комитета, только эти граждане должны были пользоваться избирательным правом, чтобы решить судьбу будущей Эстонии. Полтора миллионам эмигрантам советского времени, а также тем, кто не прошел регистрацию, было отказано в праве голоса, а впоследствии предполагалось лишить их и гражданства.

После этого Эстонский гражданский комитет призвал к проведению «независимых» выборов нового парламента и к восстановлению довоенной государственности. Выборы в «оппозиционный» эстонский Конгресс прошли в феврале 1990 года, почти одновременно с референдумом по вопросу о независимости. В марте того же года Конгресс начал свою работу.

В Эстонии сложилось двоявластие, которое продолжалось до августа 1991 года. С одной стороны, продолжал существовать Верховный Совет Эстонии, в котором 40 из 101 места занимали депутаты от умеренного Эстонского народного фронта (еще 27 мест на последних выборах получили депутаты от Эстонской Компартии). Он пользовался большей поддержкой населения, так как настаивал на праве голоса для всех граждан Эстонии, включая полмиллиона эмигрантов советской эпохи и их потомков. С другой стороны, Верховному Совету составлял конкуренцию более радикальный «Конгресс», созданный по инициативе Эстонского гражданского комитета.

Хотя большинство в две трети было довольно шатким, оно позволило Верховному Совету 30 марта 1990 года принять резолюцию о намерении восстановить независимость.

Эстонская декларация о независимости, в отличие от литовской или латвийской, не предполагала полного разрыва с Советским Союзом. Реакция Москвы также была сдержанной: за резолюцией эстонского парламента не последовало ни экономических санкций, ни попыток начать переговоры.

В апреле 1990 года главы правительств Эстонии, Латвии и Литвы подписали соглашение об экономическом сотрудничестве, а в мае того же года на встрече в Таллине договорились о возобновлении действия «Балтийского договора о единстве и сотрудничестве от 1934 года». В июне главы правительств прибалтийских республик встретились с недавно избранным председателем Верховного

Совета РСФСР Б. Ельциным и заручились его поддержкой в борьбе за независимость. Следующая их встреча состоялась 12 января 1991 года в Таллине. Ельцин, сам стремившийся к независимости от Советского Союза, поскольку видел в этом единственную возможность оттеснить в сторону Горбачева, снова обещал прибалтийским республикам свою поддержку. Вместе с председателем эстонского парламента Арнольдом Рюйтемом они подписали двусторонний договор о признании независимости России и Эстонии соответственно. Одновременно республики Прибалтики стали предпринимать попытки проводить свою внешнюю политику.

В ходе референдума, проходившего 3 марта 1991 года, 77,8 % жителей, принявших участие в референдуме, проголосовали за независимость¹. В то время среди сторонников независимости были не только эстонцы, но и русскоязычное население; не менее 30 % представителей национальностей высказались за отделение Эстонии от Советского Союза. В этих условиях 28 марта Горбачев был вынужден начать переговоры с эстонским правительством, которые затянулись до августа 1991 года.

После переворота в Москве в ночь на 19 августа 1991 года в Таллин вошли советские танки. Распространились слухи о том, что командующий Прибалтийским военным округом поддержал ГКЧП и намерен «вернуть» республики Прибалтики в лоно Советского Союза. На следующий день Верховный Совет Эстонии собрался на чрезвычайную сессию и спешно провозгласил полную независимость. На всякий случай были организованы отряды добровольцев, которые взяли под охрану здание парламента. Но опасения не оправдались: никаких силовых мер не последовало, а уже 22 августа стало ясно, что путч в Москве провалился.

Первой страной, признавшей 22 августа независимость Эстонии, была Исландия. 24 августа ее примеру последовало эльцинское правительство России. 2 сентября правительство СССР также было вынуждено признать независимость Эстонии, а 6 сентября ее признали Соединенные Штаты Америки. В Таллине на компромиссной основе был сформирован новый парламент — в составе 30 депутатов бывшего Верховного Совета и 30 депутатов «Конгресса», — который начал свою работу в октябре 1991 года. Независимость состоялась. По меткому замечанию одного из эстонских парламентариев, Хайнла Валка, «переворот в Москве дал нам шанс, сравнимый с 1918 годом».

¹ В референдуме приняло участие 82,9 % жителей Эстонской ССР. См.: *Estonica Web Encyclopedia* (<http://www.estonica.org>).

Прибалтийский фашизм сегодня

Прибалтийские республики, или страны Балтии, как теперь их принято называть, стали членами Евросоюза всего пару лет назад. Еще в конце 2003 года Совет Объединенной Европы принял решение о приеме в члены ЕС десяти новых членов: Эстонии, Латвии, Литвы, а также Мальты, Польши, Словакии, Словении, Чешской Республики, Венгрии и Кипра. 1 мая 2004 года состоялась официальная церемония вступления этих стран в Евросоюз. Как заметил директор Института политических исследований Сергей Марков, республики Прибалтики были приняты в Евросоюз «авансом», чтобы они позже «доросли» до европейских стандартов. При этом правительство России предостерегало европейцев от принятия их в состав ЕС, особенно в связи с нарушениями прав человека в странах Балтии. Но Совет Европы обещал оказать давление на своих новых членов: дескать, когда они «авансом» войдут в Евросоюз, тогда там будет все нормально — как с отношением к истории, так и с уровнем жизни и правами человека.

Между тем и с тем, и с другим, и с третьим в странах Балтии и по сей день есть большие проблемы.

Миф о «борьбе за независимость» против Советов под знаменами Третьего рейха стал господствующей идеологией среди прибалтийских националистов еще во времена перестройки. После получения независимости в 1991 году он, выражаясь языком политологии, стал «государствообразующей идеей». Бывшие полицаи, легионеры и «лесные братья» стали национальными героями, а те, кто освободил республики Прибалтики от фашистов, боролся с бандитизмом в послевоенные годы, помогал заново отстраивать города, восстанавливать разрушенную войной промышленность, превратились в «окупантов».

Так, в Латвии бывшие легионеры ежегодно проводят свои слеты, марши и другие мероприятия, причем в них принимают участие даже высшие государственные лица. Одно из последних таких мероприятий — 7-й слет ветеранов Латышского легиона СС, проходивший в г. Смарда под Ригой в августе 2005 года, — почтили своим вниманием многие представители правящей партии. Сам премьер-министр страны собирался прибыть на этот слет, но так и не смог, поэтому ограничился поздравлениями «ветеранов». Транспорт и караул в лице элитного штабного батальона для этого мероприятия выделило правительство Латвии. Незадолго до того министр обороны Латвии лично вручил награды нескольким бывшим легионерам, а правительство Латвии заявило, что намерено выделить из бюджета

(по графе «членство в НАТО») 600 тысяч долларов на выплату пособий для ветеранов латышских дивизий войск СС, полицейав и «лесных братьев».

15 июня 1998 года Сейм Латвии провозгласил день 16 марта государственным праздником — «Днем латвийских воинов». Специально поясним, что именно в этот день в 1944 году под Волховом была проведена первая совместная операция двух дивизий Латышского легиона СС — 15-й и 19-й, которые впервые встретились на этом участке фронта для участия в блокаде Ленинграда.

С этого времени каждый год 16 марта бывшие легионеры и полицейав, а также представители радикальных партий и молодежных организаций Латвии официально отмечают этот день торжественным маршем и возложением венков к мемориалу в Лестене, где захоронены бывшие легионеры, а также к могиле группенфюрера войск СС Рудольфа Бангерскиса, чьи останки были в 1990-е годы перезахоронены на почетном месте на Братском кладбище в Риге у подножия монумента «Матери Латвии». Кадры подобных процессий можно было видеть на телеэкране уже не один год.

Отношение официальных властей Латвии к подобным датам, как и к трагическим для Латвии годам войны, несколько изменилось лишь в 2000 году, в связи с предстоявшим тогда вступлением Латвии в Европейский Союз. Но, увы, лишь временно и в основном на словах.

Несколько месяцев спустя, 13 января 2000 года, под давлением международной общественности власти Латвии были вынуждены отменить государственный статус этого «праздника». Однако даже официальная пресса страны продолжала именовать бывших легионеров СС и полицейав «национальными героями борьбы за освобождение Латвии от большевизма», а шествия легионеров и членов националистических партий Латвии происходили и в 2000 году, и в последующие годы.

20 января того же года президент Латвии Вайра Викс-Фрейберга выступила с официальным заявлением, в котором осудила нацистских военных преступников, не исключая и своих соотечественников, служивших в Латышском легионе СС, и выразила готовность наказать военных преступников по справедливости.

Но это заявление так и осталось пустыми словами. В начале того же 2000 года генеральная прокуратура Латвии вынесла обвинения двум латышским военным преступникам — девяностолетним Карлису Озолсу и Конраду Калейсу, проживавшим в Австралии, на основании статей 71 и 74 Уголовного кодекса Латвии. Но до суда дело так и не дошло.

Может быть, латвийское правосудие просто сочло бессмысленным судить двух девяностолетних стариков? В какой-то степени это можно было бы понять. Хотя мое личное мнение таково: официальный приговор в отношении этих матерых карателей следовало бы вынести, даже если бы оба они через год-другой умерли своей смертью. Вреда эти двое уже все равно бы не смогли принести, а вот политическое и психологическое значение этих приговоров было бы огромным. По крайней мере, они еще раз напомнили бы кое-кому в Латвии, да и в других странах Европы и Америки, о решениях Нюрнбергского трибунала и лишили бы возможности заново переписать историю...

Но генеральная прокуратура Латвии предпочла вообще не доводить дело до судебного процесса. 11 мая того же года представитель генпрокуратуры Рудите Аболиня заявила, что власти не располагают достаточными доказательствами вины Карлиса Озолса и Конрада Калейса (!). Этому решению прокуратуры предшествовала громкая кампания в СМИ, развязанная радикальной националистической латышской партией «За родину и свободу», которая выступала против суда над ними и против самой идеи наказания латышских военных преступников в целом.

После вступления Латвии в Евросоюз в 2004 году празднование «Дня латвийских воинов» 16 марта возобновилось. 16 марта 2005 года, то есть в год 60-летия победы над фашизмом, в Риге состоялось очередное шествие бывших легионеров. Во главе колонны шли молодые активисты блока «Союз национальных сил» (СНС/NSS) с бело-малиновыми знаменами государственных цветов Латвии. Однако, присмотревшись, можно было заметить, что малиновые полотноща украшает не просто белая полоса, как на государственном флаге, а белая свастика с раздвоенными концами. Именно такая эмблема, введенная гитлеровцами, украшала петлицы солдат 19-й латышской дивизии войск СС¹. Процессию под знаменами со свастикой охраняла латвийская полиция. Видимо, на случай каких-нибудь «провокаций» со стороны антифашистов...

Весьма характерно, что «Союзу национальных сил» власти Латвии официально разрешили провести шествие 16 марта, а ан-

¹ Кстати, некоторые историки военной униформы утверждают, будто латышские легионеры не любили эти эмблемы и якобы стремились заменить их более привычной эмблемой довоенной латвийской армии — с восходящим солнцем и тремя звездами, введенные для 15-й латышской дивизии СС только к концу 1944 года. См.: Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich. Vol. 4. P.185, 190.

тифашистским организациям, организовавшим ответный пикет, — запретили. Одетые в полосатые робы, которые носили когда-то узники лагерей смерти, антифашисты пытались помешать торжеству. Но brave латышские «полицая» разогнали их дубинками. При этом было арестовано более 20 человек (в их числе двое депутатов Рижской городской думы). Кадры, демонстрировавшиеся по телевидению в разных странах, очень напоминали кадры кинохроники — расправы над антифашистами и евреями летом 1941 года...

Все это вызвало нешуточный резонанс среди международной общественности, особенно накануне 60-й годовщины победы над фашизмом. Власти и жители Израиля, например, были возмущены событиями 16 марта 2005 года в Риге, правительство выразило свое глубокое негодование. К протестам России, Израиля и некоторых других стран присоединили свой голос и такие влиятельные международные организации, как «Международный центр имени Симона Визенталя»¹, официально аккредитованный как неправительственная организация при ООН и ЮНЕСКО и занимающийся поиском нацистских военных преступников по всему миру. Но реакции до сих пор никакой... Странный парадокс: тогда как президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга участвует в открытии мемориала памяти жертв Холокоста, легионеры СС маршируют по улицам Латвии!

Подобную же картину можно наблюдать и в Литве. В то время как президент Валдас Адамкус требует предания суду нацистских военных преступников и их литовских пособников (например, в своем выступлении 23 сентября 1999 года в день памяти жертв Вильнюсского гетто или в речи в парламенте 20 апреля 2000 года), литовская юстиция всячески затягивает судебный процесс по делу бывшего начальника литовской полиции безопасности Вильнюсского округа в 1941—1944 годах Александраса Лилейкиса и его помощника Кажюса Гимжаускаса (обаим в 2000 году было по 92 года).

Оба после войны нашли убежище в США и получили американское гражданство, но Центр Симона Визенталя все-таки нашел их и предоставил властям США документы, подтверждающие их вину. Лилейкис был депортирован в Литву 18 июня 1996 года, Гим-

¹ Симон Визенталь был наиболее известным «охотником за нацистами» в период «холодной войны», в то время как многие западные спецслужбы, радиоголоса и неправительственные организации активно сотрудничали с ними ради борьбы против СССР и «экспансии коммунизма».

жаускас выехал сам, не дожидаясь депортации. Но в Литве процесс над ними был отложен в феврале 1999 года из-за состояния здоровья обоих подсудимых. Только после того как литовский сейм 15 февраля 2000 года внес изменения в законодательство, позволив судить лиц, обвиняемых в убийстве, даже в том случае, если их здоровье не позволяет им лично явиться в суд, органы юстиции Литвы в конце апреля того же года решились возобновить расследование их дела.

В ходе судебного процесса в Вильнюсе местные неонацисты пикетировали здание суда, а «национал-интеллектуалы» на страницах литовских газет кричали о том, что «Лилейкиса преследуют евреи, мстящие за потерянное в годы войны имущество».

Между тем в зале суда адвокаты Лилейкиса ссылались на «недостаточную аутентичность свидетельств», а затем попытались ограничить вину Лилейкиса только его участием в геноциде евреев. Геноцид евреев был только частью нацистских преступлений, в которых участвовала литовская полиция безопасности. Но не менее страшными и кровавыми были и уничтожение 350 тысяч советских военнопленных, и карательные акции против польских и белорусских партизан, и уничтожение антифашистского подполья в Вильнюсе.

Тем самым подсудимого пытались спасти от еще двух обвинений — в причастности к нацистским военным преступлениям и преступлениям против человечества, а также в службе на руководящих должностях в преступных структурах Третьего рейха. А литовская полиция безопасности несомненно являлась таковой, так как структурно входила в состав СС и германской полиции, признанных преступными организациями Международным военным трибуналом в Нюрнберге. Слово «литовская» в данном случае не должно вводить в заблуждение, так как к моменту ее создания Литвы как государства уже не было — был только генеральный комиссариат Литва, являвшийся частью «оккупированных восточных территорий». После роспуска «временного правительства» Амбразевичюса исчезли и литовские государственные учреждения, в том числе и воссозданное 24 июня 1941 года МВД Литвы, при котором числился департамент полиции безопасности. К началу августа 1941 года, когда Лилейкис прибыл из Берлина в Литву, этих учреждений уже не было.

Адвокаты Лилейкиса даже попытались представить его и его помощника, Гимжаускаса, «тайными подпольщиками». Так, следователь прокуратуры г-н Старкус не раз намекал, что «Лилейкис и его служба действовали против Армии Крайовой в Вильнюсском крае».

Видимо, власти Литвы готовы были простить Лилейкису расправы не только над евреями, но и над поляками: если первые «предали свою родину» и участвовали в советских репрессиях, то вторые когда-то оттяпали у Литвы Вильнюсский край! К тому же и те и другие в годы войны сражались против «литовских патриотов», служивших Гитлеру...

В итоге следствие сумело доказать лишь то, что Лилейкис вовлечен в убийстве 73 евреев, которые были переданы в руки оккупационных властей литовской полицией Лилейкиса. Для вынесения приговора в принципе было достаточно и этого. Однако летом 2000 года суд приостановил рассмотрение дела из-за ухудшившегося здоровья обвиняемого¹. Чиновники литовской юстиции заявили, что «во время процесса Лилейкис так волновался, что мог умереть». «А что чувствовали женщины и дети, оказавшиеся в свое время по его приказу у края общей могилы?» — справедливо спрашивает в ответ публицист Ю. Виноградов.

Суд над Лилейкисом так и не состоялся. 27 сентября 2000 года 93-летний Александрас Лилейкис действительно умер от инфаркта в Вильнюсской университетской больнице. Прокуратуре Литвы осталось лишь выразить сожаление, что из-за болезни и смерти Александраса Лилейкиса ему не удалось вынести приговор, который имеет важное значение для восстановления исторической справедливости.

Бывшему заместителю Лилейкиса, Казису Гимжаускасу, по возвращении в Литву были предъявлены обвинения по закону «Об ответственности за геноцид жителей Литвы». Гимжаускас подозревался в том, что отдавал приказы об аресте, следствии и заключении под стражу гражданских лиц, в основном евреев, а также о передаче их исполнителям массовых убийств в Литве — эйнзатцкоманде «3». Гимжаускас категорически отрицал свою вину. Себя и бывшего своего шефа Лилейкиса он назвал «патриотами Литвы», утверждая, что они участвовали в антинацистском подполье! По его словам, когда нацисты распустили правительство Амбразявичюса, руководство литовского подполья якобы попросило его остаться на работе в полиции безопасности.

Всего же с 1993 года в Литву вернулись (или были депортированы) шесть литовцев, которые обвиняются в сотрудничестве с наци-

¹ Обвиняемый в геноциде евреев Лилейкис не дождал до суда // РИА-Новости, 27 сентября 2000 г.; Электронное агентство новостей «Ленга.ру», 27 сентября 2000 г. (<http://pdalenta.ru/world/2000/09/27/lileikis/>); Nazi War Crimes Suspect Dies // Associated Press, 27 September 2000.

стами, — Александрас Лилейкис, Казис Гимжаускас, Винцас Валкавицкас, Адольфас Малинавичюс, Алоиз Бальсис и Мамертас Мацюкас.

Винцас Валкавицкас обвиняется в том, что в годы фашистской оккупации Литвы служил в литовской полиции и участвовал в массовом истреблении евреев. Перед окончанием Второй мировой войны Валкавицкас бежал на Запад и с 1950 года жил в США. Однако в 1998 году американские власти обвинили его в пособничестве нацистам. Не дожидаясь официального выдворения, 14 июня 1999 года Валкавицкас сам вернулся в Литву.

Адольфас Малинавичюс в годы Второй мировой войны также служил в литовской полиции безопасности, причем именно в Вильнюсском округе, под началом Лилейкиса. После войны он бежал в США, где «сократил» свою фамилию и стал зваться «Адольфас Миллюс». Он вернулся в Литву в 1996 году.

Бывший литовский полицейский Антанас Гечас, проживавший в Шотландии, решил сам подать в суд на шотландское телевидение, которое в 1992 году в одной из своих программ заявило, что Гечас командовал полицейским батальоном и проводил карательные акции против евреев в Литве и Белорусии. Но дело он проиграл и сам едва не оказался подсудимым, но в конце концов по имевшимся на тот момент уликам прокуратура не стала возбуждать против него уголовного дела. Помимо дела Гечаса, международные правозащитные организации передали литовским властям документы еще на трех подозреваемых в военных преступлениях — Антанаса Гудялиса, проживающего ныне в Аделаиде (Австралия), Антанаса Гяцявичуса, живущего в Эдинбурге (Великобритания), и Казиса Чуринскаса — жителя американского города Краун-Пойнт (штат Индиана). По имеющимся данным, эти трое литовцев в годы Второй мировой войны служили в батальонах полиции, которые активно участвовали в истреблении еврейского населения Литвы. При этом Гудялис и Гяцявичус имели офицерские звания. Между тем правоохранительные органы Литвы пока отказываются от каких-либо действий в отношении этих лиц.

В начале 2000-х годов литовская прокуратура рассматривала 91 уголовное дело против граждан Литвы, которые в годы фашистской оккупации принимали участие в военных преступлениях. Но, скорее всего, немногие из них доживут до суда...

Аналогичную картину можно видеть и в Эстонии. В июне 1999 года власти этой страны под давлением националистических кругов перенесли могилу последнего командира 20-й эстонской дивизии войск СС Альфонса Ребане из Германии в Таллин. На офи-

циальной церемонии перезахоронения присутствовал главнокомандующий Эстонской армии генерал Йоханнес Керт. Несколько месяцев спустя, 8 февраля 2000 года, тогдашний президент Эстонии Леннарт Мери торжественно вручил высшую награду Эстонии — «Крест Орла» — девятнадцати бывшим полицейам и легионерам 20-й эстонской дивизии войск СС. Во многих городах и селах Эстонии еще на закате перестройки открывались памятники бывшим легионерам, в то время как местные националисты оскверняли могилы советских солдат-освободителей...

В августе 2002 года, в очередную годовщину заключения пакта Молотова — Риббентропа, в центре Таллина прошел традиционный митинг, который уже на протяжении 14 лет устраивают местные национал-радикалы и ветераны «борьбы за освобождение Эстонии». Приезд в Эстонию известного охотника за нацистами, д-ра Эфраима Зурова¹, для участников митинга стал поводом, чтобы потребовать извинений перед эстонцами от еврейской общины Эстонии. Участники митинга пригрозили пересмотреть свои доселе дружеские отношения к живущим в Эстонии евреям, так как Зуров обвинил сотни эстонцев в убийствах евреев в годы Второй мировой войны.

В связи с этим стоит пояснить, что д-р Эфраим Зуров приехал в Эстонию, в частности, чтобы передать премьер-министру Марти Лару документы, изобличающие преступную деятельность эстонца Харри Мяннила в годы гитлеровской оккупации. В годы войны Мяннил служил в эстонской полиции, имел эсэсовское звание, а после разгрома Третьего рейха обосновался в Венесуэле. В 1990-е годы, после провозглашения независимости, он стал часто навещать в Эстонию. Являясь очень состоятельным человеком, Мяннил продолжает оказывать поддержку эстонским политическим партиям националистического толка. Кроме того, Мяннил руководит деятельностью Эстонского центра стратегических исследований, членами которого состоят два бывших советника по безопасности администрации США — Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер. Правда,

¹ Д-р Эфраим Зуров — директор израильского отделения Центра Симона Визенталя; в настоящее время он в рамках Центра Визенталя руководит осуществлением программы «Последний шанс», цель которой привлечь к суду последних гитлеровских преступников, кто дожил до XXI века, избежав ответственности и судебного преследования за свои преступления. Операция называется «Последний шанс» именно потому, что тем, на кого объявлена эта охота, уже перевалило за 80, так что это действительно последний шанс предать их суду. И прежде всего эта охота касается бывших лагунских, литовских и эстонских полицейских и легионеров.

последний отказался от своего членства в этом центре в знак протеста, получив документы из Центра Визентала о деятельности Мяннилы в годы войны. Но Харри Мяннил по-прежнему считает себя «борцом за независимость Эстонии» и не боится возвращаться на историческую родину — на место своих преступлений. В последний раз, когда Мяннил приезжал в Эстонию (а было это незадолго до 60-летнего юбилея победы над фашизмом), эстонские политики, в отличие от американца Киссинджера, не стеснялись сидеть с ним за одним столом.

В своей борьбе за независимость от Советского Союза и в поисках поддержки со стороны Запада прибалтийские националисты не нашли ничего лучшего, как апеллировать к событиям 1939—1945 годов, чтобы доказать «всему цивилизованному миру», что они имеют право на суверенитет только потому, что «Советы незаконно оккупировали» их страны.

Миф стал идеологией, идеология — «национальной идеей». Каратели, полиция, легионеры превратились в «борцов за независимость», красноармейцы и партизаны — в «оккупантов». Судить преступников типа Озолса, Калейса, Лилейкиса, Гимжаускаса или Мяннилы значило бы судить миф о «борьбе за независимость», поставить под вопрос саму «национальную идею». И наоборот, преследовать ветеранов советской армии и бывших партизан для нынешних правительств стран Балтии — значит выносить приговор «советским оккупантам»...

Еще одна проблема — с правами человека — является сегодня одной из самых острых в странах Балтии. В этом сходятся как российские, так и местные, прибалтийские политики. В основном эта проблема касается русскоязычного населения Прибалтики, особенно мигрантов советской эпохи.

...В послевоенные годы в заметно обезлюдевшие прибалтийские республики двинулся поток русскоязычных советских граждан, благодаря которым к 1950 году количество занятых на производстве работников фактически удвоилось по сравнению с довоенным временем.

«...Жены тех, кто находился в ссылке или был депортирован в Россию, — как пишет небезызвестный профессор-коллаборационист Арвед Свабе, — были вынуждены разводиться, а затем их заставляли выходить замуж за русских и монголов, которые систематически ввозились (в Прибалтику) в целях колонизации. Эти иностранцы получали латвийские имена и латвийские документы (гражданство), чтобы в случае возможного плебисцита под международным контролем они обеспечили бы необходимое большинство для окончательного решения судьбы прибалтийских государств».

Бред сексуально (или национально) озабоченного маньяка, вполне в духе бесноватого фюрера Адольфа Гитлера...

Да, в Советском Союзе поощрялась внутренняя миграция — это было частью государственной политики по воспитанию интернационализма и искоренению любых признаков межнациональной розни (подобно тому, как это делается в Соединенных Штатах Америки примерно с конца 1970-х гг.). Только за первые три года восстановительных работ в Латвию прибыло из других республик 5 тысяч инженеров, техников, конструкторов и других специалистов. Однако о геноциде наций или о подавлении национальной культуры при этом не могло быть и речи. Где это видано, чтобы представители нацменьшинств сидели в высших органах федеральной исполнительной и законодательной власти, не говоря уже о собственных республиках? В республиках Советского Союза, включая и Прибалтику, в школах как один из основных предметов преподавался родной язык, выходило множество книг и газет на эстонском, латышском и литовском языках.

Согласно данным переписи населения 1989 года, за время советской власти процент коренного населения в Эстонии уменьшился до 61,5 %, а в Латвии — до 52 %. Соответственно, русские как крупнейшее национальное меньшинство в этих странах к началу 1990-х годов составляли 30,3 % в Эстонии и 34 % в Латвии. По мнению эстонских и латвийских властей, это положение объясняется намеренными попытками руководства СССР сократить процент коренного населения за счет внутренней миграции, подавить национальные культуры и самосознание и постепенно «русифицировать» Прибалтику.

Особенно остро проблема нацменьшинств стоит в Латвии, где к 1989 году коренные латыши составляли 52 % населения республики, русские — 34 %, белорусы — 4,5 %, украинцы — 3,4 %, поляки — 2,3 %, литовцы — 1,3 %, немцы, евреи, эстонцы, цыгане и татары — менее одного процента каждая нация. В Латгалии (бывшей Даугавпилсской области), где исконно процент русского населения был самым высоким, к 1989 году процент латышского населения оказался еще ниже — 35,9 % в Даугавпилском, 43,1 % в Краславском, 53,3 % в Резекненском и 53,4 % в Лудзенском районах.

Если обратиться к статистике внутренней миграции за 1961—1989 годы, то число въехавших в Латвию мигрантов лишь незначительно превышало число выехавших (1 668 400 человек против 1 296 500 человек), в результате чего прирост населения за счет миграций составил за эти годы в общей сложности 371 900 человек. К то-

му же доля нелатышского населения Латвии была велика уже в послевоенные годы. (Напомним, что и до войны Латвия была многонациональной республикой. Еще в 1897 году в Латвии проживало 68,3 % латышей, 12 % русских, 7,4 % евреев, 6,2 % немцев, 3,4 % поляков; остальные 2,7 % составляли литовцы, эстонцы, цыгане и другие национальности.)

Но, по мнению новых властей Латвии, такое соотношение латышского и нелатышского населения воспринималось националистами как «угроза стать меньшинством в собственной стране». В 1990 году недавно образованная националистическая организация «Народный фронт Латвии» опубликовала брошюру под заголовком «Латвийская нация и геноцид иммиграции». В результате с начала 1990-х годов все сменявшие друг друга правительства Латвии считают нелатышское население республики большой проблемой для себя. Свои же соотечественники иной национальности представляются для них постоянной угрозой для национальной безопасности страны. Поэтому с начала 1990-х годов власти Латвии начали интенсивную «леттизацию» русскоговорящего населения (прежде всего в Латгалии) с целью его последующей ассимиляции. Русские школы заменялись латышскими, открывались новые издательства, газеты, журналы, радиостанции на латышском языке, активную деятельность развернула в этих районах Римско-католическая церковь.

Значительная часть населения сегодняшней Латвии (свыше 40 %) — это люди русской культуры, которые составляют категорию «неграждан», в отличие от «чистопородных» латышей. Дискриминация почти в духе гитлеровской Германии... Не хватает только ввести для всех еще и «расовые паспорта», подтверждающие принадлежность к германской (а в данном случае — латышской) нации на несколько поколений назад...

Более того, по словам председателя Латвийского общества бывших узников национал-социалистического режима «Память для будущего», бывшей узницы Саласпилсского концлагеря Эльвиры Иляхиной, подобной же дискриминации подвергаются в Латвии даже бывшие узники фашистских концлагерей.

«По закону Латвии о присвоении статуса политически репрессированного лица, — рассказала Эльвира Иляхина, — он присваивается только небольшому количеству людей — гражданам Латвии, которые были вывезены во все виды тюрем, концлагерей, гетто и трудовые лагеря, в места принудительного содержания, или же ввезены на территорию Латвии, в том числе на принудительные работы в трудовые лагеря, — пояснила Иляхина. — К сожалению, это не

относится к другим постоянным жителям Латвии («негражданам», как они именуются в законодательных документах современной Латвии. — М.К.)».

По словам президента Латвии Вайры Вике-Фрейберги, законодательное разделение на «граждан» и «неграждан» было позаимствовано у Германии, где сегодня значительный процент населения составляют «гастарбайтеры» из Турции, причем многие — во втором и даже третьем поколении. Переселенцы советской эпохи, по ее мнению, также являются всего лишь «гастарбайтерами», которые не могут автоматически получить латвийское гражданство.

Восстановление независимости и культа гитлеровских легионеров в Прибалтике не могло не вызвать и новой волны откровенного фашизма и антисемитизма. Так, в начале 2000-х годов в прибалтийской прессе разгорелась дискуссия о роли евреев в «советской оккупации» и «геноциде коренного населения». При этом одни газеты пытаются полностью отрицать роль латышей, эстонцев и литовцев в уничтожении евреев в 1941—1945 годах, другие доходят до оправдания холокоста, так как евреи якобы предали свою родину, помогая Советам в их репрессиях 1940—1941 годов. Этот спор продолжается до сих пор.

В Латвии с подобными и даже еще более жесткими антисемитскими заявлениями выступают газеты «Brīva Latvija» («Свободная Латвия»), «Latvietis Latvija» («Латышская Латвия»), «Vakara Zinas» («Вечерние новости»), «Jauna Avīze» («Новая газета»), «Neatkarīga Rīta Avīze» («The Morning Independent»). В 1997 году по инициативе партии «За отечество и свободу» и издателя газеты «Latvietis Latvija» Леонарда Инкинша в свет вышла книга «Год тренета», которая была впервые опубликована в 1942 году при нацистской оккупации и посвящена советским репрессиям 1940—1941 годов в Латвии и роли в них евреев. Несмотря на все протесты еврейской общины, власти Латвии не запретили книгу, ссылаясь на «свободу слова», хотя генпрокурор страны и было поручено провести ее экспертизу на предмет разжигания межнациональной розни.

С начала 1990-х годов в Латвии развили активную деятельность и многие националистические и антисемитские партии. Вновь возобновила свою деятельность печально известная фашистская организация «Перконкруст». Параллельно с ней действует и организация русских фашистов «Коловрат» — созданный в 1999 году латвийский филиал «Российского национального единства» (РНЕ). Власти никак не препятствуют их деятельности.

В Эстонии проблема с нацменьшинствами тоже ощущается, хотя и не так остро, как в Латвии. Если в 1922 году эстонцы составляли

87,7 % населения республики, то в 1989 году — 61,5 %, в то время как процент русского населения вырос за это время с 8,2 % до 30,3 %. Власти Эстонии, в отличие от их латвийских соседей, пока не собираются выселять около 100 тысяч русскоязычных «неграждан», хотя особенно радикальные политики и заводят речь об этом время от времени. С начала 1990-х годов законодательство Эстонии требует от всех своих граждан обязательного знания эстонского языка, без чего невозможно устроиться на работу, не говоря уже о штрафах за незнание языка для госслужащих (этим занимается специальная языковая инспекция). Требование, в общем-то, правомерное, если бы оно не сопровождалось дискриминацией русского языка и самого русскоязычного населения, а также другими нарушениями прав человека...

Жертвами разжигания межнациональной розни здесь становятся не только русские и русскоязычные граждане, но и, к примеру, евреи, которых в современной Эстонии насчитывается около 3 тысяч человек. По примеру «цивилизованной» и «демократической» Европы, в постсоветское время здесь расцвел пыльным цветом неонацизм. Новые эстонские наци каждый год отмечают день рождения Гитлера (в 1999 году небольшие группы местных и скандинавских неонацистов праздновали 20 апреля в Тарту, а в 2000 году — в Таллине). В Нарве и в Таллине их примеру последовали русские фашисты-баркашовцы из РНЕ.

Только в Литве проблема национальных меньшинств является менее острой. Благодаря высокой рождаемости и большому количеству рабочей силы здесь процент коренного населения (то есть литовцев) сохранился примерно на том же уровне, что и до 1940-х годов и составляет приблизительно 80 %. Но и здесь эта проблема существует и раздувается новыми властями. Так, делегация Совета Европы, посетившая Литву перед Рождеством 1992 года, выразила озабоченность по поводу положения нацменьшинств в этой стране. После 1991 года слова философа А. Мацейкиса стали ведущим принципом, которым руководствовались новые лидеры Литвы от «Саюдиса» в своей национальной политике: «Литовцы — это истинные члены государства. Живущие внутри нации чужестранцы должны быть или включены в культуру нации до полного лишения их национального облика, или выселены в свое государство, или оставлены как гости с правом пользоваться как бы убежищем».

Едва придя к власти, «Саюдис» начал проводить внутри страны политику дискриминации, с тем чтобы устранить от решения любых политических вопросов потенциальную оппозицию из чис-

ла нацменьшинств. Жертвами этой политики стали не только русские или белорусы, но и поляки. Так, «правая рука» Ландсбергиса, уже упоминавшийся выше В. Чапайтис, руководивший парламентской комиссией по правам человека и национальностей, после августа 1991 года инициировал роспуск местных самоуправлений Вильнюсского и Шальчининского районов, где преобладало польское население. Поводом стало обвинение в том, что они поддерживали местных «путчистов». В результате сотни тысяч русских, поляков, литовцев оказались без своей власти, без своих избранных представителей, под прямым правительственным управлением. Власти независимой Литвы отказали в официальном признании Польскому университету в Вильнюсе. Было запрещено богослужение на польском языке в костеле Святого Станислава, построенном два века назад местными поляками на их собственные пожертвования. Польским крестьянам, в отличие от коренных литовцев, было отказано и в реприватизации их земель в Вильнюсской области...

Когда-то карателей из полицейских батальонов сам литовский народ еще в годы войны заклеймил как «жидшауджяй» — «еврееубийца». Но в современной Литве, где живет около 8 тысяч евреев, антисемитизм снова в почете. Так, в 2000 году мэром Каунаса был избран лидер местной ультраправой антисемитской партии «Литовская лига свободы» Витаутас Сустаускас. Лидер другой полуфашистской партии, «Объединенной национал-социалистской лиги» (известной также как «Лига литовских рабочих»), Миндаугас Мурза девять раз пытался зарегистрировать свою организацию в литовском департаменте юстиции, хотя и безуспешно. Что, впрочем, не мешает его «штурмовикам» каждый год 20 апреля праздновать день рождения Гитлера и громить еврейские кладбища.

Сегодня же в Литве открыто выходят книги, прославляющие Гитлера, Третий рейх и его литовских пособников. К примеру, осенью 2005 года в Литве был опубликован роман писательницы Вайдды Марии Кнабикайте «Лунный свет в темном окне», посвященный Адольфу Гитлеру, который, по мнению самой романистки, «до сих пор в искусстве не был изображен как настоящий человек с настоящей душой». Еще типичный пример — книги Арунаса Бубниса «Немецкая оккупация Литвы (1941—1944)» или Петраса Станкераса «Литовская полиция 1941—1944». (Последняя была написана на основе докторской диссертации, защищенной в 2000 году, и издана при поддержке Центра исследования геноцида и народного сопротивления Литвы.) Так, П. Станкерас, описывая в своей

книге расправы литовских полицаяв над евреями и другими «враждебными элементами», после этого с поразительным цинизмом заявляет: «Никому не позволительно называть литовских полицейских немецкими наемниками, эсэсовцами, нацистами и другими прозвищами, ибо они были не предателями родины, а борцами за свободу своей страны. Так давайте называть себя подлинными именами и смело заявим, что мы являемся воинами-ветеранами полицейских батальонов Литвы и 19-й гренадерской дивизии СС¹, бывшими борцами за свободу»¹.

И все это — восхваление фашизма и тех, кто воевал на его стороне, культурный и языковой геноцид «нскоренного» населения, разделение на «граждан» и «неграждан», репрессии в отношении антифашистов, ветеранов, восставших на стороне Красной армии, — происходит прямо перед носом Европейского Сообщества, законы которого, с формальной точки зрения, рассматривают подобные действия как «противоречащие принципам демократии» и «конвенции о правах человека». Но, видимо, для Латвии, как и для остальных республик Прибалтики, европейские парламентарии предпочитают делать исключение.

Наконец, третья проблема — уровень жизни, одна из самых актуальных проблем, если не для правителей прибалтийских республик, то по крайней мере для их народов. И это при том, что во времена пресловутой «советской оккупации» уровень жизни латышей, литовцев и эстонцев был одним из самых высоких в Советском Союзе и даже по западным меркам был выше всякой критики. Даже нынешний президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга в своих интервью зарубежным журналистам признает, что «главным приоритетом ее президентства, которое заканчивается в 2007 году, ... является рост уровня жизни».

Для сравнения приведем некоторые цифры, характеризующие экономику стран Прибалтики сегодня, после 15-ти лет независимости. По величине внутреннего валового продукта (ВВП) на душу населения, согласно данным 1999—2002 годов, республики Прибалтики находятся «позади Европы всей». Если этот пресловутый ВВП представить в процентах, взяв средний индекс ВВП по Евросоюзу за 100 %, то ВВП Люксембурга, например, зашкаливает за 189 %. Германия со своими 103 % составляет «золотую середину», а последние места занимают Эстония (42 %), Польша (39 %), Литва (39 %)

¹ В 19-й гренадерской дивизии войск СС (лагвинской № 2) служили не только латыши, но и некоторое количество литовцев. — *М. К.*

² Stankeras P. Lietuvių policija 1941-1944 metais. Vilnius: LGGRTC, 1998. P.199.

и Латвия (35 %). Так, в 2004 году прирост ВВП Латвии составил 8,5 % — наиболее крупная цифра во всем Евросоюзе, — а в предыдущие годы составлял 7,5 %. Однако уровень жизни остается по-прежнему низким: в том же 2004 году на душу населения приходилось в среднем лишь по 4700 долларов ВВП (то есть включая и сверхдоходы олигархов, верхи госслужащих и др.). По словам бывшего министра иностранных дел Латвии Яниса Юрканса, среднемесячная зарплата в Латвии составляет 100 латов или 150 евро, а пенсия — всего 60 латов.

Добавим к сухой статистике несколько живописных штрихов.

В Риге то и дело проходят манифестации против нищеты, низких зарплат, высокой квартплаты, насильственного выселения людей из их квартир, реприватизации частной собственности (то есть возвращения собственности бывшим хозяевам, владевшим ею до 1940 года, или их потомкам, в числе которых и семья нынешнего президента Латвии Вайры Вике-Фрейберга). Власти же пока ограничиваются угрозами в адрес своих «граждан» и «неграждан» (хорошо еще, что не репрессиями, как во времена Ульманиса!). Так, премьер-министр Латвии Айгар Калвитис в ответ на очередную такую демонстрацию назвал это «нецивилизованными методами борьбы» (!).

Так, 16 августа 2005 года митинговали латвийские полицейские. Они жаловались на задержки зарплаты (долг правительства перед служащими полиции составлял на этот момент 3 млн долларов), а также отсутствие социальных гарантий, плохие условия работы, устаревшую технику. Из-за этого около 800 человек уже покинули службу. 2 октября того же года в Риге прошла еще более массовая демонстрация против нищеты. Ее участники требовали повышения зарплаты госслужащих — от учителей и врачей до чиновников МВД, которые получают менее 140 евро в месяц, тогда как официальный прожиточный минимум составляет 150 евро в месяц. Даже несмотря на вступление в Евросоюз, зарплата большинства людей в Латвии остается ниже прожиточного минимума — ее не хватает даже на то, чтобы оплатить квартплату или учебу в вузе. Да и откуда взяться высокому уровню жизни, если часть предприятий, построенных в Латвии в советские годы, закрыта, разорена и скуплена подешевке европейскими компаниями, а другая приносит прибыль в основном своим хозяевам? Например, заводы «RAF», производившие микроавтобусы для всего Советского Союза, в 1990-е годы были закрыты как «наносящие вред экологии».

Пыгаловский район Псковской области — тот самый, на который претендуют латышские националисты, — стал для латышей, по

выражению обозревателя российского телесканала НТВ, «местным шопингом». Здесь стоят очереди машин с евросоюзовскими номерами. Их хозяева скупают на Псковщине продукты, сигареты и прочую продукцию, которая стоит здесь значительно дешевле, чем в «цивилизованной» и «европеизированной» Латвии. Разумеется, с целью перепродажи своим соотечественникам, которые уже плачут от евросоюзовских цен...

Не лучше дела обстоят и в независимой Эстонии. На эстонско-российской границе выстраиваются очереди автомашин. За бензином... В России литр бензина летом 2005 года стоил 15 рублей 90 копеек, а в Эстонии — на 10 рублей дороже (в пересчете с евро на рубль). Поэтому многие автомобилисты и просто спекулянты закупают в России по 100 литров бензина, чтобы потом перепродать его в родной Эстонии. И это, опять же, в тех самых районах, которые эстонские националисты считают «своей территорией»...

Все три проблемы современных стран Балтии тесно связаны между собой.

Так, межнациональная рознь в странах Балтии в годы перестройки искусственно разжигалась теми, кто слишком торопился получить независимость, а сегодня — теми, кто стремится направить недовольство народа из социального русла в национальное.

Национализм всегда был порождением социальных проблем. Точнее — самым худшим методом их решения. В советские времена мой отец, обездивший в качестве туриста (в то время туризм являлся одним из видов спорта) весь Советский Союз — Памир, Кавказ, Среднюю Азию, Карпаты, Урал, Прибалтику — два дня жил на хуторе у одного эстонского крестьянина. Как гость! Совершенно бесплатно! И так же принимали его в других советских республиках.

Даже в 1992 году верховный комиссар по делам национальных меньшинств при СБСЕ¹ М. ван дер Стул, побывав в трех прибалтийских республиках, отмечал, что среди простых людей там «нет конфликтов, нет враждебности. Люди живут как добрые соседи». Но, видимо, для правящей элиты выгодно разжигание межнациональной розни. Корни этой политики можно проследить еще в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда прибалтийские националисты, желая прийти к власти, пытались исключить из политического процесса всех потенциальных оппонентов и прежде всего «инородцев»

¹ Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе — постоянный международный орган, созданный в 1975 году на основе Хельсинкских соглашений

в лице русскоговорящих и иных меньшинств, даже несмотря на то, что поначалу многие русские жители прибалтийских республик подерживали идею независимости.

Горькое разочарование наступило лишь в 1990-е годы. Причем не только среди русских, поляков, белорусов, евреев и прочих «недочеловеков», «неграждан», «оккупантов» и т.п., но и среди самих латышей, литовцев, эстонцев.

Вспоминает бывший литовский националист Валдас Анелаускас, эмигрировавший из СССР как диссидент в 1989 году, ныне — один из 800 тысяч американцев литовского происхождения, интересы которых так самонадеянно пытается представлять всему миру «Литовско-Американское сообщество»:

«После развала СССР весь мир покатился в пропасть. Я почти 20 лет боролся против советской системы, а теперь всем говорю, что развал СССР — это просто катастрофа для всего человечества. То, что сейчас происходит в России, Литве, да во всем остальном мире, — лучшее подтверждение этому. Двадцать лет тому назад я ни за что не поверил бы, что такое возможно. Я тогда за свободную, независимую Литву боролся, за права человека, за демократию. А теперь формально «независимая» Литва находится в еще большей зависимости, чем когда она была частью СССР...»

«...Хотя Литва теперь свободная страна, и мы могли бы вернуться, ситуация там, к сожалению, изменилась не таким образом, как я рассчитывал, когда боролся за независимость своей страны. Я всегда предполагал, что свободная Литва станет относительно гуманной и демократической страной, похожей на Данию или Голландию. К сожалению, теперь она быстро становится все более и более похожей на Америку, с еще большей склонностью к преступности. Журналистов вроде меня, сомневающихся в полномочиях власти и сующих носы не в свое дело, в сегодняшней Литве просто убивает мафия. Литовцы, угнетенные прежде советской властью, теперь в яковы свободной Литве порабощены преступниками».

«...Как отец написал мне пару лет назад: “Никто никогда так не насмехался над литовским народом, как люди, стоящие сейчас у власти”. Это точка зрения человека, проведшего десять лет в сибирском ГУЛАГе. Для многих литовцев положение дел в сегодняшней Литве даже хуже, чем было в течение почти пятидесятилетнего советского режима. Как и ожидалось, в Литве сейчас новый президент... Американец. Кроме того, делами в Литве управляет целая армия советников, консультантов и им подобных из Америки, представляющих Мировой банк, МВФ, ФБР, ЦРУ — список можно продолжить. Моя родина быстро превращается в маленькую копию Америки».

Сейчас видно, насколько разочаровано большинство людей в бывших советских странах, после того как они действительно испытали “свободный рынок” на собственной шкуре. Большинство тех, кого я знаю лично: мои близкие друзья, родственники и знакомые, живущие в постсоветских странах, включая и мою родную Литву, сегодня признают, что даже советская система по сравнению с нерегулируемым правительством капитализмом американского типа не была такой ужасной.

Согласно последним данным, средняя продолжительность жизни в России значительно снизилась, начиная с падения Советского Союза. Крах СССР и последующее восстановление капитализма уже создали там беспрецедентную демографическую катастрофу. Как сообщается в одной из таких публикаций: “Масштаб и скорость изменения баланса между уровнем смертности и продолжительностью жизни в России не имеют аналогов в современной истории”. А моя родная Литва сейчас лидирует в мире по числу самоубийств.

Безумие дикого и свободного рынка привело к массовому снижению уровня жизни и культурной деградации во всех бывших советских странах. Здравоохранение и образование резко ухудшились. Почти все социальные достижения, добытые тяжким трудом и жертвами нескольких поколений, были уничтожены. ... Социальное неравенство, достигшее очень высокого уровня как в России, так и во всех других постсоветских странах, вызывает противоположные настроения в различных слоях общества. Немногочисленные преступники, накопившие огромные богатства, конечно, довольны перемены. Они хотят сохранить статус-кво, чтобы удержать награбленное. На другом полюсе подавляющее большинство общества. Эти люди прозябают в бедности, духовно опустошены и истощены. С их точки зрения, существующее положение дел является полным социальным распадом, граничащим с концом цивилизации и культуры. В результате достаточно долгой жизни здесь у меня также нет сомнений по поводу американской капиталистической действительности»¹.

Вот и объяснение того, почему в странах Балтии сегодня, как и 15 лет назад, разжигается межнациональная рознь. Пока уровень жизни, мягко говоря, оставляет желать лучшего, необходимо найти врага внутри страны. Так сказать, громоствод для социального недовольства. Если разделить народ на «граждан» и «неграждан», то у правящей элиты останется надежда, что первые — то есть чистопо-

¹ Anclauskas V. Discovering America as it is. USA: Clarity Press, Inc., 1999. P.34.

родные латыши (эстонцы, литовцы) — будут голосовать за правящую партию как своего единственного защитника от «нечистопородных», «инородцев», «неграждан»...

Типичный пример — Латвия, где власти внушают местному населению, что полмиллиона «оккупантов» (то есть мигрантов советской эпохи) «отбивают у них хлеб», и что если все эти «неграждане» покинут страну, то оставшимся «чистопородным» латышам жить сразу же станет лучше и веселее.

А пока «расово чистое» коренное население голосует за националистов, то у последних остается надежда продержаться у власти немного дольше. А там, глядишь, может, и удастся при поддержке Евросоюза и Соединенных Штатов «выбить» из России возмещенные убытков за пресловутую «советскую оккупацию», и уровень жизни наладится. Правда, лишь на какое-то время...

Прибалтийский плацдарм в XXI веке

В какой-то степени прибалтийские националисты сами стали заложниками своей же демагогии по поводу «советской оккупации». Особенно это заметно в военной сфере.

«Во времена СССР, — пишет публицист из Литвы В. Нырко, — на территории Литвы было несколько крупных военно-воздушных баз. Под радостные крики местных патриотов “Оккупанты, убирайтесь домой” сотни самолетов и тысячи танков были выведены в Россию. Между тем в других бывших республиках СССР почти вся боевая техника осталась там и стала основой для создаваемых национальных армий. Узбеки и казахи оказались умнее латышей и литовцев. Молдаване не знали, что делать с доставшимися им истребителями, и обменяли их на вертолеты. Как известно, германскому бундесверу в наследство от ГДР достался авиационный полк МИГ-29. Немцы еще десять лет с удовольствием летали на них, а потом передали полякам, которые будут летать еще лет десять, а то и больше. И литовцы вполне могли бы летать на своих боевых самолетах типа “Миг” или “Су”, но “оккупационный” синдром лишил их этого удовольствия. То есть получается, что сами себя наказали. Но этот урок, увы, не пошел впрок».

«В армиях Литвы, Латвии и Эстонии, — констатирует далее В. Нырко, — нет ни одного танка, ни одного серьезного боевого самолета».

Так ли это? Обратимся к справочным данным. Техническое оснащение вооруженных сил Литвы, например, к началу 2004 года

было таково. Сухопутные войска — 137 бронетранспортеров (22 советских БТР-60, 94 американских М-113А1, 11 американских М42 «Пекбил», 10 МТ-ЛБ), 10 БРДМ-2, 61 120-мм миномет, 273 84-мм безоткатных орудий «Карл Густав», 72 105-мм орудия полевой артиллерии, около 400 РПГ различного калибра. ВВС — шесть вертолетов L-39, два L-410, два Ми-2, десять Ми-8 и Ми-17 плюс шесть транспортных самолетов Ан-2 и три Ан-26. ВМФ — два малых противолодочных корабля пр. 1124М, три патрульных катера, два тральщика пр.331, одно гидрографическое судно плюс — четыре патрульных катера береговой охраны.

Латвия. Сухопутные войска — 3 учебных танка Т-55, 13 БТР М42 «Пекбил», 2 БРДМ-2, 26 100-мм буксируемых орудий К53, 37 минометов 82-мм и 120-мм, 18 40-мм зенитных артиллерийских установок, 12 зенитных пулеметных установок. ВВС — 13 транспортных самолетов Ан-2, один L-410, пять PZL-35, три вертолета Ми-2 и один Ми-8. ВМФ — четыре патрульных катера «Сторм», три тральщика (два пр.89.2 и один «Линдау»), один буксир и один водолазный катер.

Эстония. Сухопутные войска — 7 БРДМ-2, 25 БТР, 19 орудий буксируемой артиллерии, 58 минометов калибра 81-мм и 120-мм, 100 зенитных установок ЗУ-23—2, 439 безоткатных орудий и 13 пусковых установок ПТУР. ВВС — два транспортных самолета Ан-2, один PZL-35, четыре R-44. ВМФ — фрегат «Хвидбьёрнен», два патрульных катера «Рихтниеми», четыре минно-тральных корабля (два «Фрауенлоб» и два пр.331) и одно вспомогательное судно.

Получается, чуть-чуть ошибся автор вышеприведенных строк. Есть-таки у стран Балтии танки. Целых три старых советских учебных танка Т-55! А насчет боевых самолетов — действительно нет. Сегодня технический парк в армиях стран Балтии состоит в основном из того, что «жертвуют» им страны НАТО, а также небольшого количества небоевой техники, которая досталась им в наследство от Советского Союза.

Чтобы как-то восполнить свое техническое отставание от современных мировых стандартов, Латвия и Литва с середины 1990-х годов пополняют свои военно-морские силы в основном за счет устаревших ракетных катеров, снятых с вооружения ВМС Норвегии. В 2001 году они безвозмездно получили от Норвегии шесть таких катеров типа «Сторм», которые вели патрулирование берегов Норвегии в течение 35 лет до 1994—2001 годов. После их модернизации, как заявляли норвежцы, эти катера смогут нести службу еще в течение 10 лет.

Конечно, Норвегия могла бы продать их своим южным соседям, хотя бы по дешевке, чтобы потом на эти средства приобрести

более новое вооружение. Но Соединенные Штаты изъявили желание компенсировать норвежскому министерству обороны 50 % затрат, и сделка состоялась. Как говорится, «на тебе, боже, что нам негоже»...

В вооруженных силах Эстонии — не иначе как с целью поднятия боевого духа солдат — недавно был введен специальный «патриотический камуфляж». Теперь цветные пятна на камуфлированном обмундировании солдат эстонской армии должны по своей форме повторять очертания Эстонии.

С идеей облачить весь личный состав в полевую форму с многократно повторенной контурной картой страны выступил сам командующий Оборонительными силами Эстонии контр-адмирал Тармо Кьютс. Незадолго до того в Эстонии всерьез рассматривались вопросы цветовой гаммы нижнего белья и носков военнослужащих. До изображения контуров родины на солдатском исподнем никто не додумался, но во избежание путаницы в чинах и званиях было решено, что трусы и носки рядовых, сверхсрочников и господ офицеров должны быть разного цвета. Затяжная главнокомандующим реформа обмундирования обойдется налогоплательщикам примерно в 12—13 миллионов крон (750—800 тысяч долларов).

Помощи в реформировании вооруженных сил и приведении их в соответствие со стандартами НАТО, как обычно, ждут от Запада.

«...Теперь формально “независимая” Литва, — пишет литовский эмигрант Валдас Анелаускас, — находится в еще большей зависимости, чем когда она была частью СССР. Теперь она без позволения из Вашингтона и Брюсселя даже чихнуть не может. Когда назначали главнокомандующего литовской армии, сначала должны были получить добро от госдепартамента США и Пентагона. Да что там главнокомандующий, даже президент в Литве — американец! А тамошний департамент госбезопасности уже в открытую к террору готовится...»

Неудивительно, что после вступления стран Балтии в НАТО охрану их воздушных границ несут по очереди ВВС Дании, Голландии и Великобритании. С 1 июля 2005 года в рамках программы коллективной обороны НАТО эти функции взяла на себя Германия. Причем базируются они на бывших советских авиабазах на территории Прибалтики.

Одна из таких баз в Литве расположена близ Шяуляя. «Сменяющимся каждые три месяца летчикам и обслуживающему персоналу, — продолжает свой рассказ В. Нырко, — местные жители

каждый раз устраивают очень “горячий прием” с непременным мордобоем после ресторана. Это списывается на обычное хулиганство. Но, возможно, так проявляется скрытая национальная обида. Ведь для Литвы авиация всегда была предметом национальной гордости. Знаменитые литовские летчики Дарюс и Гиренас совершили в 30-е годы трансатлантический перелет из Америки. Они погибли где-то над Германией, но стали национальными героями. Портреты этих летчиков можно сейчас видеть на литовских денежных купюрах. До войны Военно-воздушные силы республики насчитывали 118 самолетов! Для такой небольшой страны это впечатляющая цифра. В советские времена литовцы блистали в спортивной авиации и были неплохо представлены в Военно-воздушных силах СССР. Не случайно советский военный летчик литовец Римантас Станкявичюс готовился к так и не состоявшемуся пилотируемому полету на новом космическом корабле многоцелевого использования “Буран”».

Но даже несмотря на свое катастрофическое техническое отставание от НАТО, страны Балтии еще могут стать плацдармом для агрессии против России и в XXI веке. Так считает, к примеру, бывший начальник управления международного военного сотрудничества, вице-президент Российской академии геополитических проблем (РАГП) генерал-полковник Леонид Ивашов.

По его словам, НАТО всерьез готовится к силовому захвату Калининградской области, превратившейся в начале 1990-х годов в российский анклав в Европе. По его мнению, подобную военную операцию планируется провести силами германо-датско-польского армейского корпуса «Северо-Восток».

Правда, штатские политологи считают, что эта информация, скорее всего, специально «подброшена» Западом для пропагандистского давления на Россию. К тому же, по их мнению, для отторжения Калининграда никаких военных операций не понадобится — достаточно будет уже отработанной тактики «оранжевых революций». Так, член совета Ассоциации политологов и экспертов-консультантов (АСПЭК) Владимир Горюнов полагает, что в Калининграде фактически созрели условия для «оранжевой революции». «В регионе очень депрессивная экономическая ситуация, — сказал он. — Россия сама не сумела обеспечить беспрепятственный доступ в Калининградскую область и из нее. Население в Калининграде естественным образом предъявляет вполне справедливые претензии центру и ставит проблему самостоятельности. Запад лишь будет играть на дипломатических трудностях и сделает попытку изменить государственный строй».

«В регионе могут спровоцировать социально-экономический кризис, — считает, в свою очередь, депутат Виктор Алкснис, — и под тем предлогом, что, дескать, “это лучше для России и жителей Калининграда”, отдать область».

Действительно, в то, что страны НАТО способны начать вооруженную агрессию против Калининградской области, как-то не особенно верится. К тому же в странах Евросоюза давно уже разрабатываются варианты политического решения «калининградской проблемы». В частности, предлагались такие варианты, как передача Калининградской области Польше и/или Литве, возврат области Германии, воссоздание Восточной Пруссии (на этот раз суверенной), создание на территории области четвертого независимого прибалтийского государства, преобразование ее в Балтийскую немецкую республику с одновременным переселением сюда российских немцев. Один из наиболее перспективных в Евросоюзе считают проект Кильской международной целевой группы экспертов по Калининграду, предусматривающий установление над областью кондоминиума под управлением нескольких государств (например, ЕС, России, Германии, Польши, Литвы, Швеции). Плюс — финансирование за счет ЕС (до 40 млн евро ежегодно).

Но и «силовой вариант» полностью исключать, наверное, не стоит. Иначе, если задуматься, зачем правительство Литвы¹, «Литовско-Американское сообщество» в США и сами страны НАТО так настойчиво добиваются демилитаризации Калининградской области? Особенно если учесть то, что по результатам опросов общественного мнения подавляющее большинство калининградцев в последние годы высказывается за сохранение области в составе России, «оранжевая революция» может и не пройти...

Так, начальник Генштаба Вооруженных сил России генерал армии Юрий Балуевский, признав в своем интервью газете «Известия», что прямой военной угрозы для Калининграда в настоящее время не существует, одновременно заявил о невозможности полной демилитаризации Калининградской области. При этом он подчеркнул, что «наличие сегодня здесь Вооруженных сил России — символ суверенитета территории, зажатой между государствами НАТО». «...Будем говорить честно, — добавил он, — это земля, политая кровью наших отцов и дедов. И за эту землю мы

¹ См., например, заявление правительства Литвы от 13 октября 2005 г. в связи с крушением российского военного самолета над территорией Литвы. Радио России, 13 октября 2005 г.

будем драться и экономически, и политически. А если понадобится, то и военным образом»¹.

Так что страны Балтии и завтра еще могут стать плацдармом если не для военной агрессии, то хотя бы для экономической блокады той же Калининградской области...

Через шесть десятилетий после Победы... (Вместо заключения)

В канун 60-летия победы над фашизмом парламенты Латвии, Литвы и Эстонии, а также Балтийская Ассамблея выступили с требованием новых официальных извинений России за «оккупацию Прибалтики». И, как свидетельствуют заявления президента США Джорджа Буша, премьер-министра Дании Андерса Фюга Расмуссена или комиссара Евросоюза Гюнтера Фергойгена, правительствам стран Балтии удалось заручиться в этом деле поддержкой в Европе и Северной Америке на самом высоком уровне.

Ряд депутатов Европарламента выступил с проектом резолюции, требующей от России признать незаконной «оккупацию Прибалтики».

Их поддержали и их американские коллеги-парламентарии, известные «борцы за свободу и демократию во всем мире».

Конгрессмены Джон Шимкус и Деннис Кусинич, сопредседатели закрытого «Балтийского комитета Конгресса США» (**The Baltic Caucus, U.S. House of Representatives**), 12 апреля 2005 года выдвинули на рассмотрение Конгресса проект резолюции № 128 с требованием, чтобы Россия как правопреемница Советского Союза «выступила с ясным и недвусмысленным заявлением, осуждающим незаконную оккупацию и аннексию Эстонии, Латвии и Литвы с 1940 по 1991 гг.». Через несколько дней к ним присоединились американские сенаторы. 19 мая 2005 года сенаторы Гордон Смит, Ричард Дурбин и Диана Фейнштейн² внесли на рассмот-

¹ Юрий Балувеский исключает возможность полной демилитаризации Калининградской области // Санкт-Петербургский региональный центр ИТАР-ТАСС. Северо-Западный Федеральный округ. 27 августа 2006 (<http://itartass.spb.ru/>).

² Гордон Смит, член Сената США от Республиканской партии (штат Орегон) является сопредседателем «Сенатского закрытого комитета освобождения Балтики» (Senate Baltic Freedom Caucus). Ричард Дурбин, сенатор от Демократической партии (штат Иллинойс) является также сопредседателем этого комитета и одновременно помощником лидера сенатского меньшинства (демократов). Диана Фейнштейн является сенатором от Демократической партии (штат Калифорния).

рение верхней палаты Конгресса США свой проект резолюции сената № 32, содержащий те же требования, что и вышеупомянутая резолюция Конгресса № 128.

Обе резолюции получили поддержку на самом высшем уровне — в Белом доме.

Когда президент США Джордж Буш (младший) 8 мая 2005 года прибыл в Ригу — причем визит был связан с празднованием 60-летней годовщины Победы над фашизмом, — он выступил с такими словами:

«...Когда мы отмечаем победу, одержанную 6 дней назад (далее он поправил свою оговорку) — 6 десятилетий назад, мы чувствуем себя в парадоксальной ситуации. Для большей части Германии поражение принесло свободу. Для большей же части Восточной и Центральной Европы победа принесла железное господство другой империи. День V-E означая конец фашизма, но не конец угнетения. Соглашение в Ялте было продолжением несправедливой традиции Мюнхена и пакта Молотова — Риббентропа. Снова, когда правительства великих держав вели переговоры, свобода малых наций была чем-то, чем можно поступиться. Эта попытка пожертвовать свободой ради стабильности обернулась тем, что континент остался в состоянии раздела и нестабильности. Рабство миллионов людей в Центральной и Восточной Европе следует вспоминать как одну из величайших ошибок истории».

Требование о признании «незаконности советской оккупации» было не случайно поднято снова, так как за ним стоят вполне конкретные материальные и территориальные претензии. Прибалтийские, европейские и американские парламентарии прекрасно осознают это. И вот наглядная иллюстрация.

12 мая 2005 года сейм Латвии принял постановление об осуждении «советского тоталитарного режима в Латвии», предполагающее также требование о денежной компенсации от правительства России — за «оккупацию», депортации и прочее. В частности, председатель комиссии по международным делам латвийского парламента Александр Кирштейнс заявил, что «сумма претензий к России колеблется в пределах от 60 до 100 млрд долларов». Правда, комиссия по выяснению этого ущерба начала свою работу только через три месяца после заявления Кирштейнса и должна была завершить свою работу только в ноябре 2005 года. Ее задачей было подсчитать не только ущерб, нанесенный депортациями послевоенных лет, но и, например, ущерб для экологии Латвии от деятельности автозавода RAF, созданного на общесоюзные средства; ущерб

для «исторического облика Риги» от советских многоэтажек и даже ущерб для культуры Латвии от советской цензуры¹.

Кроме того, Латвия предъявляет России и иные «политические, исторические, территориальные и имущественные претензии». Именно из-за этих территориальных претензий правительство Латвии сорвало подписание российско-латвийского договора о границе, намечавшееся на начало мая 2005 года. Так, территориальные претензии современной Латвии касаются прежде всего Пыталовского района Псковской области (до 1944 года он входил в состав Латвии как Абренская волость, и сегодня латышские власти так и отмечают его на картах) и примерно половины Качановского района Псковской области. Эти территории — полоса пограничных российских земель примерно 50-километровой ширины — составляют 2 % территории Псковской области с населением более 15 тысяч человек. Нетрудно представить себе, что ожидает жителей этих районов в случае присоединения их к Латвии. Статус «неграждан» — этот нон-сенс, существующий в законодательстве Латвии вопреки всякому здравому смыслу, — им будет обеспечен.

Парламент Эстонии в июне 2005 года также выдвинул требование не только о признании «незаконности советской оккупации», но и о материальной компенсации за «советскую оккупацию» — примерно на ту же сумму, которую запросили латыши. Правда, эстонские парламентарии скромно согласились получить ее «натурой» — например, взяв в аренду несколько участков леса в Сибири. 18 мая 2005 года, несмотря на сопротивление крайне националистической оппозиции, Эстония все же подписала договор о демаркации границы с Россией, отказавшись от своих прежних территориальных притязаний на Печерский район Псковской области, включая и сам город Псков (по-эстонски — Пихква), и район к востоку от Нарвы — за речкой Наровой, включая Иван-город в Ленинградской области. Граница прошла по бывшей административной границе РСФСР и Эстонской ССР. Президент Эстонии Арнольд Рюйтель официально заявил, что Эстония не будет претендовать на российские территории, и подверг критике требования оппозиции о пересмотре только что заключенного договора.

Тем не менее эстонские национал-радикалы объявили эстонско-российский договор о границе «предательством коренных интересов государства и народа» и потребовали «осуждения советской

¹ Министр внутренних дел Латвии, которому было предложено возглавить эту комиссию, отказался, сказав, что сейчас не военное и не послевоенное время, поэтому это не его дело. Телеканал ОРТ, «Время», 2 августа 2005 г.

оккупации» в договоре и «восстановления исторической границы». Они ссылаются на Тартуский договор 1920 года, согласно которому Эстония получила часть Печерского района (Псковской области) и территории к востоку от Нарвы (в Ленинградской области), а также на интересы проживающей там малой народности сето, чьи интересы, по мнению оппозиции, «страдают от этого договора»¹. И хотя комиссия по иностранным делам парламента Эстонии отказалась принять предложенную оппозицией поправку к договору об осуждении «советской оккупации Эстонии», эстонский парламент 15 июня в 3-м чтении все же настоял на внесении этой поправки, согласившись ратифицировать договор только на этих условиях. 21 июня Госдума России заявила, что с этими поправками может и не ратифицировать Договор о границе с Эстонией, а МИД РФ 27 июня направил официальную ноту Эстонскому правительству, в которой говорилось, что Россия не берет на себя никакой ответственности за соблюдение заключенного договора в связи с внесенными в него эстонским парламентом поправками об «оккупации Эстонии Советским Союзом».

Что же касается материальных претензий, то в конце концов Эстония пока остановилась на требованиях в 4 млрд долларов за нанесенный Советским Союзом экологический ущерб. А еще ее власти хотели бы получить компенсацию в 75 тысяч долларов за каждого из 180 тысяч потерянных страную граждан, то есть еще 13,5 млрд долларов.

С аналогичными требованиями выступил и сейм независимой Литвы. Литовцы сначала оценили размер компенсации в 278 млрд долларов, но потом все же уменьшили его на порядок, и в итоге сейм принял резолюцию, обязывающую литовское правительство вести с Россией переговоры о выплате компенсаций в 20 млрд долларов.

Разумеется, можно посчитать, сколько средств СССР вложил в экономику, здравоохранение и культуру своих «западных окраин». По самым скромным подсчетам, одна только Латвия получила в наследство от Советского Союза более пятисот крупных промышленных предприятий, чуть ли не половина из которых устойчиво работала на экспорт (как, например, фабрика «Дзинтарс», духи которой составляли конкуренцию французской парфюмерии).

Латыши зачастую говорят, что их бывшая гордость, завод «ВЭФ», существовал задолго до Советов. И это правда. Кустарная мастерс-

¹ В ответ на заявления оппозиции относительно народности сето президент Рюйтель возразил, что «с этим необходимо мириться, так как это только повредит Эстонии». Радио России, 24 мая 2005 г.

кая была основана еще в XIX веке, и перед советизацией это уже было достаточно мощное предприятие с 4 тысячами работников. Но именно в составе СССР «ВЭФ» стал всемирно известным «брендом» — заводом, который в современных ценах оценивался бы в 2,5 млрд долларов, на котором работали 20 000 человек. Именно работали, потому что такого предприятия больше нет (оборудование завода распродали уже к 1999 году, а вскоре после этого четыре производственных корпуса общей площадью 75 000 кв. метров за полтора миллиона долларов купили итальянцы под торговый центр). Очевидно, это одно из главных «достижений» новых властей независимой Латвии, хотя еще в середине 1990-х они получили вместе с коллегами из Литвы и Эстонии щедрую помощь Запада (только от одних США — более 200 млн долларов).

С 1940 по 1980 год в Литве и Эстонии практически с листа возникла мощная энергетика и индустрия — система ГРЭС (Литовская, Эстонская, Прибалтийская), ГЭС (Каунасская) и ТЭЦ, предприятия оборонной, автомобильной, радиоэлектронной, химической, легкой промышленности, современное приборо- и кораблестроение, развитое сельское хозяйство и рыболовный промысел. За данный период в Литве общий объем промышленного производства увеличился в 56 раз, в Эстонии — в 46 раз (!). В республиках были построены сотни тысяч квадратных метров промышленных и жилых зданий.

В советской Прибалтике уровень образования молодежи был традиционно едва ли не самым высоким в СССР. За годы «советской оккупации» в Литве, Латвии и Эстонии были построены не только новые больницы, школы, вузы, научно-исследовательские учреждения (включая и инфраструктуру национальных Академий наук), музеи и театры, но и заводы и фабрики, а также тысячи километров лучших в СССР дорог и сотни мостов. (К примеру, за постсоветские годы в Риге был построен лишь один мостик через канал.) Впрочем, дороги и мосты — это лишь самое малое, что оставил в наследство СССР.

Добавим к этому, что один из авторов проекта резолюции с требованием к России признать «оккупацию» стран Балтии, внесенного на рассмотрение Европарламента, депутат от Эстонии, заместитель председателя Комитета по международным делам Томас Ильвес откровенно заявил, что признание последствий оккупации «сделает бессмысленной защиту меньшинств в странах Балтии» (а таковых людей «без гражданства» ныне в Латвии проживает около 450 000, а в Эстонии — около 100 000 человек!).

В ответ на подобные демарши министр иностранных дел России Сергей Лавров выступил с беспрецедентным по резкости заяв-

лением по вопросам так называемой «оккупации», а президент России В.В. Путин 2 августа 2005 года, находясь с визитом в Финляндии, заявил журналистам, что «Россия считает совершенно недопустимым положение русскоязычных меньшинств в Прибалтике», особенно статус «неграждан», которого нет ни в одной из стран Евросоюза.

И это в то время, когда в странах Евросоюза стало модным выступать за права нацменьшинств, начиная от защиты прав албанского и других меньшинств в Косово и других республиках бывшей Югославии и до предоставления саамскому языку статуса государственного.

Но положение русскоязычного меньшинства в республиках Прибалтики (особенно в Латвии) никого не волнует и, более того, не мешает этим странам соответствовать всем критериям Евросоюза. Именно это сегодня принято называть «политикой двойных стандартов».

Зато вопрос о «советской оккупации» и о материальных и территориальных претензиях к нынешней России ни Евросоюз, ни Соединенные Штаты, ни сами республики Прибалтики пока не собираются снимать с повестки дня.

В связи с этим следует напомнить, что такие извинения были (пожалуй, даже слишком) принесены в целом ряде актов и постановлений Верховного Совета и Съезда депутатов СССР в 1991 году. Сначала, в 1989 году, «советскую оккупацию» Прибалтики осудила комиссия Яковлева, дав тем самым толчок к сепаратизму союзных республик и последующему распаду Советского Союза. 7 марта 1991 года Верховный Совет принял постановление, объявляющее незаконными и преступными репрессии против народов, подвергшихся переселению. В октябре того же года, уже после признания Ельциным независимости республик Прибалтики, внеочередной 5-й Съезд народных депутатов СССР признал секретные протоколы к пакту Молотова — Риббентропа 1939 года недействительными и принес извинение народам Литвы, Латвии и Эстонии. В 1992 году вопрос о преступлениях сталинского режима против народов Прибалтики рассматривался в Конституционном суде РФ по так называемому «делу о КПСС». Извинений было даже слишком много, учитывая то, сколько сделал пресловутый «советский режим» для прибалтийских республик. Какие еще извинения требуются? Как заявил в 2005 году президент России В.В. Путин, они абсолютно излишни.

Зачем же странам Балтии понадобилось снова поднимать вопрос о компенсации за «советскую оккупацию»? Не для того ли, чтобы решить собственные экономические проблемы?

Жизненный уровень в странах Балтии по сравнению с советскими временами и так сильно упал, да и с «саморегулирующейся» капиталистической экономикой — сплошные проблемы. Нищета, коррупция... Так и грабить скоро будет некого! А тут еще срочно надо подтянуть свой «уровень развития» до общеевропейского. Ведь успели же принять их в Евросоюз, хотя бы и авансом!

Между прочим, после вступления стран Балтии в Евросоюз в 2004 году для 15 «старых» членов ЕС встала новая проблема... «Одним из первых приоритетов» Евросоюз провозгласил «как можно более быстро поднять их жизненный уровень до уровня других стран-членов ЕС».

Но, как известно, «страны развитой экономики» не слишком любят заниматься благотворительностью... Законы капитализма не позволяют. Россияне, однажды поверившие обещаниям «новорусских» либералов «Запад нам поможет», уже испытали на себе эту помощь. Возделенные кредиты от Америки и Европы обернулись долговой ямой, из которой теперь пытается выбраться нынешнее правительство.

К тому же у стран Евросоюза, как и у Соединенных Штатов Америки, есть свои экономические проблемы. Военные операции в Ираке и Афганистане поглощают уйму средств из бюджетов стран НАТО и других их союзников. К марту 2005 года эта сумма составляла уже 310 млн долларов. 27 марта 2005 года Конгресс США выделил на «борьбу с терроризмом и продвижение демократии по всему миру» еще 81 млн долларов. 3 февраля 2006 года президент Дж. Буш запросил у Конгресса дополнительно 70 млн долларов на военные действия в Ираке и Афганистане.

Для «борьбы с терроризмом» не хватает не только денежных средств, но и солдат. Уже к 2006 году в Ираке и Афганистане было задействовано примерно две трети личного состава вооруженных сил США и Великобритании. Именно поэтому Соединенные Штаты так стараются переложить бремя «своей войны» на плечи своих союзников по НАТО. Но западноевропейские и латиноамериканские союзники испытывают те же проблемы, что и США, и постепенно выводят свои контингенты из Ирака. К сентябрю 2004 года из Ирака вывели свои контингенты Испания, Португалия, Новая Зеландия, Коста-Рика, Никарагуа, Гондурас. Позднее их примеру последовали Италия и некоторые другие страны.

Но Соединенные Штаты Америки нашли верных союзников в лице «новообращенных» членов НАТО из числа бывших стран Восточного блока. Причем гораздо более верных, чем даже их традиционные союзники по «холодной войне» — такие как Франция, Германия, Италия, Испания или даже Великобритания.

Воинские контингенты стран Балтии сражаются на стороне НАТО там, где требуется отстаивать экономические и политические интересы этой организации. Так, на юго-востоке Ирака, в Аль-Карнахе, в 2003 году действовала литовско-датская батальонная группа, а на юге, в Кербеле, — польско-литовско-латышская батальонная группа. Позже к операции в Ираке присоединилась и Эстония.

В отличие от западноевропейцев, страны Балтии, так же как и Украина, Грузия, Чехия, Польша, Румыния и другие восточноевропейские союзники, исправно несут службу и выводят свои контингенты не собираются. Они охотно принимают любую помощь и от Евросоюза, и от США. Расплачиваются же за нее «пушечным мясом», как платили когда-то Гитлеру.

Однако рост военных расходов заставляет США сокращать экономическую помощь своим восточноевропейским союзникам, в том числе и странам Балтии.

Поэтому, судя по всему, «подтягивать» жизненный уровень стран Балтии до стандартов ЕС депутаты Европарламента и Конгресса США планируют за счет России... На средства, которые и те и другие надеются получить с бывших «оккупантов», то есть с России, как правопреемницы Советского Союза.

Не далее как 25 января 2006 года Совет Европы принял резолюцию, задним числом осуждающую все тоталитарные, в том числе и коммунистические режимы во всем мире. В отличие от школьных учебников, это уже не шутки (К неонацистским решениям в странах Балтии, конечно же это не относится.) Ведь, как подчеркнул глава комитета Госдумы РФ по международным отношениям Константин Косачев, практический смысл резолюции заключается прежде всего в том, что теперь новоявленные члены Евросоюза в лице Латвии, Литвы и Эстонии получают от ЕС юридическое право требовать возмещения убытков от России за «советскую оккупацию», вопрос о которых активно обсуждался в течение всего прошедшего 2005 года.

Так что теперь страны Балтии надеются при поддержке ЕС и США решить свои внутренние проблемы за счет России, требуя с нее возмещения убытков за «советскую оккупацию». И даже если Россия вновь проявит «толерантность» и принесет свои извинения, это только даст новый повод, чтобы предъявить ей «счет» за «оккупацию», которой не было. «Холодная война» продолжается, а прибалтийский фашизм еще жив...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Неопубликованные источники

1) Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 7021 (Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков...).

2) Российский государственный военный архив (РГВА). Фонды 500, 504, 1303, 1358, 1370, 1372, 1447.

3) Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) (с 1999 г. — Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 69 (Центральный Штаб партизанского движения).

4) Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Фонды 54 А, 309 (9 Уд А), 344 (8 А).

Опубликованные источники и литература на иностранных языках

5) *Aarons M.* Sanctuary: Nazi Fugitives in Australia. 1997.

6) *Aarons M.* Fingering the SS // The Australian Review. 1997. (<http://thestas.com/main/>).

7) *Anelauskas V.* Discovering America as it is. USA: Clarity Press, Inc., 1999.

8) The Baltic States: A Reference Book. Tallinn, 1991.

9) *Barkham P.* Konrad Kalejs — Latvian Nazi lieutenant who resisted all efforts to bring him to justice // The Guardian. 12 November 2001.

10) *Bender R.J., Taylor H.P.* Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS (in 5 volumes). Vol.1. San Jose (California): R.J.Bender Publishing, 1969. Vol.2. San Jose (California): R.J.Bender Publishing, 1971.

11) *Birn R.B.* Die Hoheren SS- und Polizeiführer. Himmlers Vertreter im Reich und in den besetzten Gebieten. Dusseldorf 1986.

12) *Bollmus R.* Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem. Stuttgart 1970.

13) *Brautigam O.* Überblick über die besetzten Ostgebiete während des Zweiten Weltkrieges. Tübingen 1954.

14) *Buchheim H.* SS und Polizei im NS-Staat. Dusseldorf, Bonn 1964.

15) *Buchheim H., Broszat M., Jacobsen H.A. Krausnick H.* Anatomie des SS-Staates. München 1967. Bd.1—2.

16) *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Rußland 1941—1945: Eine Studie über Besatzungspolitik. Dusseldorf 1981.

17) Dokumente zur deutschen Geschichte, 1939—1942. Hrsg. von G.Hass, K.Drobisch, A.Wappler, G.Fischer. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften (VEB), 1977.

18) Dokumente zur deutschen Geschichte, 1942—1945. / Hrsg. von O.Groehler, W.Bleyer, u.a. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften (VEB), 1977.

19) The Einsatzgruppen Reports / Ed. by Arad Yitzak, Shmuel Krakowski and Shmuel Spector. New York: Holocaust Library, 1989.

20) Economist Intelligence Unit. Country Report: Baltic Republics: Estonia, Latvia, Lithuania (London). No.1. 1994.

21) Einheit und mehr Vielfalt. Die größte Erweiterung in der Geschichte der Europäischen Union. Luxemburg: Amt für amtliche Veröffentlichung der Europäischen Gemeinschaften, 2003. (Reihe "Europa in Bewegung").

22) Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union 1933—1939. Washington, 1952.

23) *Furster G., Lakowski R. (Hrsg.).* 1945. Das Jahr der endgültigen Niederlage der faschistischen Wehrmacht. Dokumente ausgewählt und eingeleitet von G.Furster und R.Lakowski. Berlin: Militärverlag der DDR (VEB), 1985.

- 24) *Gelpernus D.* Kovno Ghetto Diary / Transl. from Yiddish by Chaim Bargman and Robin O'Neil. Yizkor Book Project, (2001). 214 p. (См. в интернете: <http://www.icwishgen.org/yizkor/kaunas/Kau002.html>). (Оригинальное издание: Гельпернус (Гальперин), Дмитрий. Дневник ковенского гетто. М.: Госиздат, 1948 (на идиш). 214 с.).
- 25) *GroJcurth, Helmuth.* Tagebÿcher eines Abwehroffiziers, 1939—1940. Stuttgart 1970.
- 26) *Gurin-Loov, Eugenia.* Holocaust of Estonian Jews. 1941. Tallinn, 1994.
- 27) *Haupt W.* Heeresgruppe Nord. Bad Nauheim 1967.
- 28) *Hausser, Paul.* Soldaten wie andere auch. Der Weg der Waffen-SS. Osnabÿck: Munin Verlag, 1966.
- 29) *Headland, Ronald.* Messages of Murder: A Study of the Reports of the Einsatzgruppen of the Security Police and the Security Service, 1941—1943. Rutherford: Fairleigh Dickinson University Press, 1992.
- 30) *Herzog R.* Besatzungsverwaltung in den besetzten Ostgebeiten — Abteilung Jugend. Tÿbingen 1960.
- 31) *Hilberg, Raul.* The Destruction of the European Jews / Revised and definitive edition. Vol.1. New York: Holmes & Meier, 1985.
- 32) The Holocaust as Seen by Its Perpetrators and Bystanders / Ed. by Ernst Klee, Willi Dessen and Volker Riess. New York: The Free Press, 1988.
- 33) *Hummel, Karl-Heinz.* Die Personalprobleme der Flakartillerie // Der Freiwillige. 1988. Nr.7/8. S.64—66; Nr.9. S.27—28; Nr.10. S.25—26; Nr.11. S.18, 23; Nr.12. S.26—28.
- 34) Interview with the Latvian president Vike-Freiberga Riga Castle, June 16, 2005 // Cosmopolis, July 2005 (<http://www.cosmopolis.ch/>).
- 35) *Isberg A.* Zu den Bedingungen des Befreiens: Kollaboration und Freiheitsstreben in dem von Deutschland besetzten Estland 1941 bis 1944. Stockholm: Almqvist & Wiksell intern., 1992.
- 36) Jews in Liepaja, Latvia 1941—45. A Memorial Book / Eds. Edward Anders, Juris Dubrovskis. Burlingame: Anders Press, 2001.
- 37) *Kempner, Robert M.W. (Hrsg.).* Der Kampf gegen die Kirche aus unverÿffentlichten Tagebuchern Alfred Rosenbergs // Der Monat. 1949. Nr.10. S.26—38.
- 38) *Kersten F.* The Kersten Memoirs 1940—1945. London, 1956.

39) *Kennan G.* Memoirs 1960—1963. Vols 1—2. Boston, 1972.

40) *Kleist P.* Entre Hitler et Staline. 1939—1945. / Trad. de l'allemand. Paris: Plon, 1953.

41) *Krausnick H., Wilhelm H.H.* Hitlers Einsatzgruppen: Die Truppe des Weltanschauungskrieges, 1938—1942. Durchges.Auflage. Frankfurt-am-Main 1993.

42) Latvijas okupācija un aneksija: 1939—1940. Dokumenti un materiāli. Rīga, 1995.

43) Letzter Lettischer Ritterkreuzträger (Andrejs Freimanis) // Der Freiwillige. 1995. Nr.2. S.25.

44) *Littlejohn, David.* Foreign Legions of the Third Reich (in 4 volumes). Vol.4. San Jose, California: Bender Publishing, 1987.

45) *Littlejohn D.* The Patriotic Traitors: the History of Collaboration in German Occupied Europe, 1940—1945. Garden City, New York: Doubleday, 1972.

46) *Loftus J.* The "Belarus" Secret. New York: Knopf, 1982.

47) *Lumsden R., Hannon P.* The Allgemeine-SS. London: Osprey Publishing (Men-at-Arms series), 1993.

48) *MeiЯner, Boris.* Die Sowjetunion, die Baltischen Staaten und das Völkerrecht. Ktln 1956.

49) *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol.I. The Baltic Schutzmannschaft. New York: Axis Europa, 1996.

50) *Munoz A.J.* Hitler's Eastern Legions. Vol.II. The Osttruppen. New York: Axis Europa, 1997.

51) *Myllyniemi S.* Die Neuordnung der baltischen Länder 1941—1944. Zum Nationalsozialistischen Inhalt der deutschen Besatzungspolitik. Helsinki 1973.

52) *Quarry B., Chappel M.* German Airborn Troops 1939—1945. London: Osprey publishing (Men-at-arms series), 1991.

53) *Pätzold K., Weißbecker M.* Hakenkreuz und Totenkopf. (Die Partei des Verbrechens). Berlin: VEB, 1981.

54) *Rauch, Georg von.* Geschichte der Baltischen Staaten. Stuttgart 1970.

55) *Raun, Toivo V.* Estonia and the Estonians. Stanford, California, 1991.

- 56) *Röhl, Heid.* Waldbrüder // Der Freiwillige. 1995. Nr.4. S.24—25.
- 57) Sachsenhausen. Dokumente, Aussagen, Forschungsergebnisse und Erlebnisberichte über das ehemalige KZ Sachsenhausen. Hrsg. Von der Zentraleitung des Komitees der Antifaschisten und Widerstandskämpfer der DDR. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften (VEB), 1974.
- 58) *Schdufler H., Tiede W.* Das Ende zwischen Weichsel und Elbe 1944/45. Stuttgart: Motorbuch Verlag, 2003.
- 59) *Skorzeny, Otto.* Geheimkommando Skorzeny. Hamburg, 1950.
- 60) *Stang, Knut.* Kollaboration und Massenmord. Die litauische Hilfspolizei des Rollkommando Hamann und die Ermordung der lituanischen Juden. Frankfurt-am-Main 1996.
- 61) *Stankeras P.* Lietuviu policija 1941—1944 metais. Vilnius: LGGRTC, 1998.
- 62) *Steiner, Felix M.* Die Freiwilligen der Waffen-SS. Idee und Opfergang. Gottingen: Plesse Verlag, 1963.
- 63) *Steven A., Amodio P.* Waffen-SS. Paris, 1990.
- 64) *Stober H.* Die lettischen Divisionen: Im VI.SS-Armee Korps. Osnabruck: Munin-Verlag, 1981.
- 65) *Svabe, Arveds.* The Story of Latvia — A Historical Survey. Stockholm: The Latvian National Foundation, (1958).
- 66) *Tessin G.* Die Stabe und Truppeneinheiten der Ordnungspolizei // H.-J. Neufeldt, J.Huck, G.Tessin. Zur Geschichte der Ordnungspolizei 1936—1945. (Schriften des Bundesarchives, 3. Als Manuskript gedruckt). Koblenz 1957.
- 67) *Thomas N., Abbot P., Chappel M.* Partisan Warfare 1941—45. London: Osprey Publishing (Men-at-Arms series), 1983.
- 68) *Toynbee A.J.* Survey of International Affairs 1934. London, 1935.
- 69) Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals Under Control Council Law No.10. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, (s.d.). Vol.IV.
- 70) United States of America, Plaintiff, vis Kazys Ciurinskas, Defendant. No.2: 93 CV97JM. United States District Court, N.D.Indiana, Hammond Division. June 18, 1997. (Сайт The Einsatzgruppen — <http://www.nizkor.org/hweb/orgs/german/einsatzgruppen/esg/index.html>).

71) *Wegner, Bernd*. Hitlers politische Soldaten: Die Waffen-SS, 1933—1945. Studien zu Leitbild und Funktion einer nationalsozialistischen Elite. Paderborn: Schöninghen, 1983.

72) Wörterbuch zur deutschen Militärgeschichte. Bd.1—2. Berlin: Militärverlag der DDR (VEB), 1985.

Опубликованные источники и литература на русском языке

73) *Абсхаген, Карл-Хайнц*. Адмирал Канарис. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

74) *Алов Г.Г.* Палачи (О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории оккупированной Прибалтики. Публикация документов из тайных архивов Германии) // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 23—33; № 12. С. 18—21.

75) *Альтман И.* Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941—1945 гг. Фонд «Ковчег». М., 2002.

76) *Анатомия агрессии. Новые документы о военных целях фашистского германского империализма во второй мировой войне/ Пер. с нем.* М.: Прогресс, 1975.

77) *Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении 2-ой мировой войны/ Пер. с нем.* М.: Прогресс, 1971.

78) *Арад И.* Катастрофа советского еврейства // Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). Иерусалим: Яд Вашем, 1992.

79) *Атамукас С.* Компартия Литвы в борьбе за Советскую власть (1935—1940 гг.). М., 1961.

80) *Барков Л.* В дебрях абвера. Таллинн, 1971.

81) *Барынькин В.М.* Освобождение Прибалтики // Военно-исторический журнал. 1994. № 8. С. 2—8.

82) *Безыменский Л.* Особая папка «Барбаросса». М.: Издательство Агентства печати Новости, 1973.

83) *Берзин К., Саар А.* Операция «Котбус», или «Очищение» Прибалтики от евреев. М., 2001.

84) *Бобреев В., Петренко Г.* (публ.). После них была только смерть (Показания военного деятеля Германии Ф. Йскельна на следствии по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях) // *Армия*. 1992. № 3/4. С. 39—45; № 6. С. 49—56.

85) *Борисов Т.* Об участии латышского легиона СС в военных преступлениях в 1941—1945 гг. и попытках пересмотра в Латвии приговора Нюрнбергского трибунала (Справочная информация. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати) // *Российская газета*. 8 апреля 2005.

86) *Брук С.* (д.г.н., проф., зам.дир. Института этнографии АН СССР). Советский народ // *Наука и жизнь*. 1981. № 4. С. 78—80.

87) *Бугай Н.О.* (публ.). О депортации народов из Прибалтики в 40-е — 50-е годы (Документы) // *Молодая гвардия*. 1993. № 4. С. 213—223.

88) В поединке с абвером. Ленинград, 1974.

89) В Саласпилском лагере смерти. Рига: Латгосиздат, 1964.

90) В сражениях за советскую Латвию. Военно-исторический очерк. Рига: Лиесма, 1975.

91) *Варес, Пеэтер.* На чаше весов: Эстония и Советский Союз. (1940 год и его последствия) / Пер. с эст. Таллин: Евроуниверситет, 1999.

92) *Васильчикова М.* Берлинский дневник 1940—1945. М.: Издательство журнала «Наше наследие», ГФ «Полиграфресурсы», 1994.

93) Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия / Гл. ред. генерал армии, проф. М.М. Козлов. М.: Советская энциклопедия, 1985.

94) *Владимиров В.П.* (публ.). Обрубленные щупальца легионов Скорцени // *Военно-исторический журнал*. 1997. № 2. С. 2—9.

95) *Волков С.В.* Белое движение в России: организационная структура. (Материалы для справочника). Москва, 2000. (Серия «Российская историческая военно-политическая библиотека»).

96) *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. / В 3-х томах. Том 3 (в 2-х книгах). М.: Воениздат, 1971.

- 97) Гитлеровская оккупация в Литве. (Сборник статей). Вильнюс, 1966.
- 98) Горлов С.А. (публ.). «Допустить размещение войск...» (О вводе частей Красной Армии на территории Литвы, Латвии, Эстонии в 1939—1940 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 31—42.
- 99) Горлов С.А. СССР и территориальные проблемы Литвы // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 20—28.
- 100) Городецкий, Габриэль. Миф «Ледокола»: Накануне войны / Пер. с англ. М.: Прогресс — Академия, 1995.
- 101) Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987.
- 102) Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1998.
- 103) Гуркин В.В., Круглов А.И. (публ.). Кровавая расплата агрессора. Потери фашистской Германии и ее союзников на советско-германском фронте превышают 10 миллионов человек // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 29—36.
- 104) Давыдов Д. Что ждало жителей рейхскомиссариата «Остланд»: нацистская программа колонизации Прибалтики // Независимая газета. 21 июня 1994. С. 5.
- 105) Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1—2. М.: Наука, 1973.
- 106) Деларю Ж. История гестапо / Пер. с франц. Смоленск: Русич, 1993.
- 107) Дерябин А., Паласиос-Фернандес Р. Гражданская война в России 1917—1922: Национальные армии. М.: АСТ, 1998.
- 108) Добровольская И.В. Гитлеровский оккупационный режим на территории Советской Литвы // Немцко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). Москва, 1965. С. 75—83.
- 109) Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 г., Договор о дружбе и границе между Германией и Советским Союзом 29 сентября 1939 г., (и секретные и дополнительные протоколы к ним) // Международная жизнь. 1989. № 8, 9.
- 110) Документы внешней политики СССР. Т. XV—XVII. М.: Международные отношения, 1969—1971.

111) *Дризул А.А. (Дризулис А.А.)*. Латвия под игом фашизма. Рига: Латгосиздат, 1960.

112) *Дризулис А.А.* Очерки истории рабочего движения в Латвии (1920—1940 гг.). — М.: Госполитиздат, 1959.

113) *Железнов Р., Столешников А.* Вопросы разоружения и будущее Европы. М., 1978.

114) *Журавлев В.Р.* (публ.). Оборванная память Эстонии. Хроника победных боев // Военно-исторический журнал. 1994. № 8. С. 9—16.

115) *Журавлев В.В., Пестов Б.Е., Емельянова И.М.* Кого мы должны помнить? (Об эстонских формированиях, входящих в состав войск гитлеровской Германии) // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 17—22.

116) Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Хельсинки, 30 июля — 1 августа 1975. М., 1987.

117) *Звонов М.* «По евреям — огонь!». Рига, 1993.

118) *Зегер А.* Гестапо-Мюллер. Карьера кабинетного преступника / Пер. с нем. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

119) *Зимин Н.* Неамериканская мечта // Итоги (еженедельный журнал). № 17 (463), 26 апреля 2005 г. С. 38—42.

120) Инструктивное письмо А. Розенберга. (О нацистской программе колонизации Прибалтики: Письмо главы министерства по делам оккупированных восточных территорий рейхскомиссару «Остланда» Г. Лозе, 1941 г.) // Независимая газета. 21 июня 1994. С. 5.

121) История второй мировой войны. 1939—1945 / В 12-ти томах. Москва: Воениздат, 1973—1982.

122) История Латвийской ССР. (С древнейших времен до 1953 г.). Сокращенный курс / Под ред. К.Я. Страздина. Рига: Издательство АН Латвийской ССР, 1955.

123) История Эстонской ССР. (С древнейших времен до наших дней) / Под ред. Г.И. Наана. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1952.

124) *Карвялис В.А.* Освобождение Литовской ССР от гитлеровской оккупации (1944—1945). Вильнюс: Минтис, 1975.

- 125) *Керстен Ф.* Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача. 1940—1945. М.: Центрполиграф, 2004.
- 126) *Коваль Л.И.* Холокост — взгляд из Латвии // Тень Холокоста. Материалы II международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия», Москва, 4—7 мая 1997 г. М., 1998. С. 77—79.
- 127) *Краус О., Кулка Э.* Фабрика смерти / Пер. с чешского. М.: Госполитиздат, 1960.
- 128) *Кривошеев Е.П., Костин Н.Ф.* Битва за Нарву. Таллин: Ээсти раамат, 1984.
- 129) *Крикунов В.П.* (публ.). Палачи (О подрывной деятельности антисоветских националистических организаций в республиках Прибалтики, 1940—1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 29—38.
- 130) *Кудряшов И.Ю.* Последняя армия республики. Вооруженные силы Литвы накануне оккупации 1940 года // Сержант. 1996. № 1. С. 27—30.
- 131) *Курпнек, Гунар.* Память. Диалоги неубитых солдат. Рига: Авотс, 1984.
- 132) Латвия на грани эпох. Рига: Авотс, 1990. Вып. 2.
- 133) *Ленин В.И.* К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Избранные произведения / В 4-х томах. М.: Политиздат, 1988. Т. 4. С. 448—453.
- 134) *Литвинов М.* Латвийский плацдарм // Независимое военное обозрение. 2001. № 25. С. 7.
- 135) *Майданов А.Г.* Вампиры в фашистской форме // Военно-исторический журнал. 1995. № 2. С. 52—56.
- 136) *Майданов А.Г.* Рассудит Клио // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 32—38.
- 137) *Максимычев И.Ф.* Дипломатия мира против дипломатии войны. Очерк советско-германских отношений в 1933—1939 годах. М.: Международные отношения, 1981.
- 138) *Мартинсон Э.Я.* Фашистский террор в Эстонии (1941—1945 гг.) // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). Москва, 1965. С. 84—94.

139) Материалы к истории Освободительного движения народов России, 1941—1945. London (Ontario, Canada): Издательство Союза борьбы за освобождение народов России, 1970.

140) *Мельников Д. Е., Черная Л.* Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии 1939—1945. М.: Политиздат, 1987.

141) *Молчанов В. К.* Возмездие должно свершиться. Нацистские военные преступники и их покровители. М.: Издательство политической литературы, 1981.

142) *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация / Пер. с нем. М.: Воениздат, 1974.

143) *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945 / Пер. с нем. И. М. Глаголева, под ред. полк. П. М. Деревянко. Том III. Война на два фронта. М.: Воениздат, 1976.

144) Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине 1941—1944 гг. / В 2-х книгах. Киев, 1985.

145) Нацистских преступников — к ответу! М.: Политиздат, 1983.

146) Немецко-фашистская оккупация в Эстонии (1941—1944). Сборник документов и материалов. Таллин, 1963.

147) Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). (Сборник статей). Москва, 1965.

148) Неотвратимое возмездие / 2-е издание. М., 1979.

149) Нюрнбергский процесс над главными немецко-фашистскими военными преступниками. Сборник материалов в 3 томах. Том 2. М.: Юридическая литература, 1965.

150) Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сборник материалов в 7-ми томах. М.: Госюриздат, 1967—1961. Т. 1—7.

151) Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. М.: Юридическая литература, 1987—1998. Т. 1—8.

152) Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб-к документов. Том 1 «Накануне». Кн. 1 (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М., 1995.

153) *Палецкис Ю. И.* В двух мирах. М.: Политиздат, 1974.

154) *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993.

- 155) Планы фашистской империи // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 39—44.
- 156) Пограничные войска СССР. 1945—1950. Сборник материалов и документов. М.: Наука, 1975.
- 157) Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией (август 1939 г. — август 1940 г.). М., 1990.
- 158) *Полторак А.И.* Нюрнбергский эпилог. М.: Восниздат, 1969.
- 159) *Польман, Хартвиг.* Волхов. 900 дней боев за Ленинград. 1941—1944. М.: Захаров, 2000.
- 160) *Порат Д.* Катастрофа в Литве — специфические аспекты // ВЕУМ. 1993. № 2. С. 21—27.
- 161) Поражение германского империализма во второй мировой войне. Статьи и документы. М., 1960.
- 162) *Похлебкин В.В.* Великая война и несостоявшийся мир. 1941—1945—1994. Военный и внешнеполитический справочник. М., 1997.
- 163) Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы, материалы / Под ред. и с предисл. чл.-корр. АН СССР ген.-лейт. П.А. Жилина. М.: Воениздат, 1987.
- 164) Преступные цели — преступные средства. (Сборник документов). 2 изд. Москва, 1968.
- 165) Прибалтика под свастикой. Сборник документов / Под ред. Здановича А.А., Былинина В.К., Крысина М.Ю., Кучкова Г.Э., Ямпольского В.П. Москва: Военная книга — Кучково поле, 2006.
- 166) *Пэри Л.А.* В вихре военных лет. Воспоминания / 2-е изд. Таллин: Ээсти раамат, 1976.
- 167) Рассказ гренадера (Материал подг. Имантс Белогривс. Историческая справка д.и.н. Оярс Ниедре) // Родник. 1990. № 3 (39). С. 60—67.
- 168) *Рашкевиц А.К.* Террор и преступления нацистов в Латвии (1941—1945 гг.) // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). Москва, 1965.
- 169) Регион сотрудничества. Вып. 8. Концепции развития Калининградской области в условиях российско-европейского взаи-

действия на Балтике. Аналитический доклад / Под ред. А. П. Клемешева. Калининград: Издательство КГУ, Балтийский межрегиональный институт общественных наук, 2004.

170) *Риббентроп, Йоахим фон*. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи. Из его наследия, изданного Аннелиз фон Риббентроп / Пер. с нем. М.: Мысль, 1996.

171) *Розанов Г. Л.* Сталин — Гитлер. Документальный очерк советско-германских отношений, 1939—1941 гг. М.: Международные отношения, 1991.

172) *Самсонс В. П.* Дружба народов победила: Совместные действия красных партизан и советских разведчиков в «Курляндском котле» в 1944—1945 гг. / Пер. с лат. Рига: Авотс, 1980.

173) *Самсонс В. П.* К весне: Воспоминания и комментарии документов / Авторизов. перевод с лат. Рига: Лиесма, 1988.

174) *Самсонс В. П.* Сквозь метели: Воспоминания. Документы, комментарии. (О деятельности Отдельного латышского партизанского отряда в годы Великой Отечественной войны). Рига: Лиесма, 1985.

175) *Саснаускас В.* Авангард предателей // Дуэль. №11 (211). 2001. (http://www.duel.ru/200111/? 11_5_2).

176) *Свердлов Ф. Д.* Освобождение советских прибалтийских республик (К 40-летию). М.: Знание, 1984.

177) Секретные документы из особой папки // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 8—11.

178) *Семиряга М. И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юридическая литература, 1991.

179) *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: Роспэн, 2000.

180) *Сергеев Ф.* Тайные операции нацистской разведки (1933—1945). М., 1991.

181) *Сиполс, Вилнис.* За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918—1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1959.

182) *Сиполс В. Я.* Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919—1940 гг. Рига, 1968.

183) Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992.

184) «Совершенно секретно! Только для командования!». М.: Наука, 1967.

185) СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). М., 1971.

186) *Сысоев Ю.* День 22 июня. Его прорабы и архитекторы // Советская Россия. 5 мая 2005.

187) *Тепцов Н.В.* «Зеленая папка» Геринга. Документальное свидетельство об экономической политике завоевателей России. М.: Антрэс / «Проект Лубянка», 2005.

188) *Тике В.* Падение Берлина // Шойфлер Х., Тике В. Марш на Берлин / Пер. с нем. и научная редакция М. Крысина. М.: Эксмо, 2005.

189) *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. Санкт-Петербург: Полигон, 1994. Том 1. 1939—1942; Том 2. 1943—1945.

190) *Толанд Дж.* Адольф Гитлер / Пер. с англ. Москва, Харьков, Калининград, Смоленск, Минск: Интер-Дайджест, 1993. Т. 1—2.

191) *Труска Л.* Война против войны: Еще много лет не смолкали в Литве оружейные выстрелы (Записал Н. Лашкевич) // Родина. 1991. № 6/7. С. 130—133.

192) Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). Иерусалим: Яд Вашем, 1992.

193) *Устинов И.Л.* Крепче стали. Записки ветерана военной контрразведки / Историко-биографические справки и комментарии В.К. Былинина. М.: Русь, 2005.

194) *Фест Й.* Гитлер. Биография / Пер. с нем. Пермь: Алетея, 1993. Т. 1—3.

195) *Хлыстуи В.* «Мы пришли дать вам волю» (Интервью Виктора Хлыстуна с полковником КГБ Владимиром Луценко) // Единая Россия. № 11. 27 октября 2003. С. 1, 10.

196) *Холмогорова Н.* Гитлер умер, а мы еще живы // Спецназ России. Май 2005.

197) *Хрущев А.* (д.г.н., проф. МГУ). Союз умер. Да здравствует союз // Наука и жизнь. 1992. № 4. С. 11—17.

198) *Черчилль У.* Вторая мировая война. (Сокращенное издание). Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

199) *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха / В 2-х томах. М.: Восниздат, 1991. Т. 1—2.

200) *Шнеер А.* Незаконченная глава // СМ-сегодня. Рига, 21 октября 1994. С. 2.

201) *Шойфлер Х.* Разгром вермахта между Вислой и Одером // Шойфлер Х., Тике В. Марш на Берлин. / Пер. с нем. и научная редакция М.Ю. Крысина. М.: Эксмо, 2005.

202) *Шрайман, Шели.* Последняя охота // Еврейский обозреватель. № 21/40. Ноябрь 2002 (http://www.icwuk.org/observer/ю21_40п0601_r.html).

203) *Штарас П.Ф.* Форты смерти в Каунасе // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). Москва, 1965. С. 352—360.

204) *Яковлев Н.Н.* ЦРУ против СССР / 3-е изд., перераб. и дополн. М.: Молодая гвардия, 1983.

205) *Ямпольский В.П.* (публ.). «В Литве больше нет евреев...» // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 19—20.

206) *Ямпольский В.П.* (публ.) В Прибалтике ждали фюрера... И фюрер пришел! // Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 36—43.

207) *Ямпольский В.П.* (публ.) Вместо баварского пива — нуля и голод. (Из спецсообщения УНКВД по Ленинградской области №9744 в областной комитет ВКП(б) и командованию Ленинградского фронта о положении в районах области, занятых немецкими войсками от 5 ноября 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 12—17.

208) *Ямпольский В.П.* (публ.). «За что боролись?» Как немецкая власть обидела «Фронт литовских активистов» // Военно-исторический журнал. 1994. №5. С.47—52.

209) *Ямпольский В.П.* (публ.). «Когда план «Барбаросса» потерпел крах, абвер пытался развязать гражданскую войну в СССР» // Военно-исторический журнал. 1994. № 9. С. 2—7.

Периодика:

- 210) The Baltic Times.
- 211) The Financial Times.
- 212) The Guardian.
- 213) The New York Times.
- 214) Военно-исторический журнал.
- 215) Единая Россия.
- 216) Зарубежное военное обозрение (ежемесячный журнал Генштаба ВС РФ).
- 217) Известия.
- 218) Комсомольская правда.
- 219) Молодая гвардия.
- 220) Независимая газета.
- 221) Независимое военное обозрение.
- 222) Правда.
- 223) Советская Россия.

Ресурсы сети Интернет:

- 224) Aarons M. Fingering the SS // The Australian Review. 1997. (<http://thestas.com/main/>).
- 225) Anti-Semitism Worldwide 1999/2000. Baltic Republics // Anti-Semitism and Racism. The site of Tel-Aviv University, The Stephen Roth Institute. (<http://www.wwww.tau.ac.il/Anti-Semitism/>).
- 226) The American Latvian Association (<http://www.alausa.org/>).
- 227) Baltic American Freedom League (<http://www.bafll.com>).
- 228) The Baltic Caucus U.S. House of Representatives. Senate Passes Russian Apology Resolution. H.Con.Res. 128 Gaining Further Support in House. June 2, 2005 // http://www.house.gov/apps/list/press/1119_shimkus/senate.html.
- 229) Daugadas Vanagi USA (<http://www.daugavasvanagi.org/>).
- 230) Estonia, Latvia, and Lithuania: Country Studies. Data as of January 1995. By Walter R. Iwaskiw a.o. // Federal Research Division of

the Library of Congress under the Country Studies / Area Handbook Program sponsored by the Department of the Army. (<http://lcweb2.loc.gov/frd/cs/>).

231) Estonica Web Encyclopedia (<http://www.estonica.org>).

232) Estosite — Eesti Rahvuskomitee bhendriikides (Estonian American National Council, Inc.) (<http://www.estosite.org/eng/general.htm>).

233) H.Co.Resolution 128 (04/13/05). Congress Calls on Russia to Acknowledge the Illegality of the Occupation and Annexion of the Baltic Nations // <http://bafl.com/actionMaindetails/>.

234) Joint Baltic American National Committee, Inc. (<http://www.ibanc.org/>).

235) Lithuanian American Community, Inc. (<http://www.lithuanian-american.org>).

236) Orders of Battle. A Site by Ravy Rikhie (<http://www.orbat.com>).

237) President Discusses Freedom and Democracy in Latvia The Small Guild Hall, Riga, Latvia, (8 May 2005), 5: 09 PM (Local) // The White House. President George W. Bush (<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005/05/>).

238) Темная сторона Америки (<http://www.uastruth.bv.ru/c3.files/mify.html>).

239) Интернет-газета «Ru-strana». (<http://www.rustrana.ru/>).

240) Электронная еврейская энциклопедия. Ассоциация по исследованию еврейских общин в диаспоре (Society for Research on Jewish Communities). КЕЭ. Том 1 + Доп.2. Кол.667—671, + 279—281 (<http://www.eleven.co.il/article/10920>).

241) Электронное агентство новостей «Лента.ру» (<http://pda.lenta.ru/>).

242) Электронное информационное агентство REGNUM (<http://www.regnum.ru/news/>).

Литературно-художественное издание
Империя. RU

Крысин Михаил Юрьевич

**ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФАШИЗМ.
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*
Верстка *М.Г. Хабибуллоев*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.Д.008287.12.05 от 08.12.2005 г.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 27.11.2006. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Кудряшов». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 18. Тираж 3000 экз. Заказ № 5167.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.